

Институт славяноведения РАН

Роман Николаевич Кривко

**Очерки языка
древних церковнославянских рукописей**

Индрик
Москва
2015

УДК 811.16
ББК 81.41; 81.411.2
К82

Рецензенты:

проф. д-р Роланд Марти
(Университет земли Саар, Германия)

к. ф. н. А. Ф. Литвина
(Институт славяноведения РАН)

к. ф. н. А. Л. Лифшиц
(НИУ ВШЭ)

Кривко Р. Н.

К82 Очерки языка древних церковнославянских рукописей. — М.: Индрик, 2015. — 445 с.

Книга посвящена языку церковнославянских рукописей XI–XIV вв. древнерусского, болгарско-македонского и сербского происхождения. В центре внимания — историческая динамика древнего церковнославянского письменного узуса, диалектные явления в книжных памятниках, региональная изменчивость церковнославянской традиции в Первом Болгарском царстве и на Руси, лексические связи церковнославянского языка с греческим и древнееврейским. Книга предназначена для славистов — филологов и историков и всех, интересующихся историей славянских языков.

ISBN 978-5-91674-379-1

УДК 811.16
ББК 81.41; 81.411.2

ISBN 978-5-91674-379-1

© Р. Н. Кривко, 2015
© Издательство «Индрик»
© И. Н. Ермолаев (дизайн обложки)

Содержание

Предисловие	1
I. Графика и орфография Бычковско-Синайской псалтири	9
1.1. Общие сведения о рукописи	9
1.2. Первый почерк	14
1.2.1. Состав азбуки, датирующие начертания	14
1.2.2. Употребление парных йотированных и нейотированных букв	17
1.2.2.1. Употребление <i>л, ѡ; е, ю</i> по отношению к началу слога	17
1.2.2.2. Буквы <i>а, ѡ; оу, ю</i> после букв шипящих и <i>ц</i>	18
1.2.2.2.1. Буквы <i>а, ѡ</i>	18
1.2.2.2.2. Буквы <i>оу, ю</i>	19
1.2.3. Употребление <i>ѣ</i>	19
1.2.3.1. Рефлексы сочетаний типа <i>*tert</i>	19
1.2.3.2. Рефлекс <i>*ēd</i>	19
1.2.4. Обозначение рефлексов <i>*tj</i> и <i>*kti, *dj, *pj, *bj, *vj, *mj</i>	20
1.2.4.1. Рефлекс <i>*tj</i>	20
1.2.4.2. Рефлекс <i>*dj</i>	20
1.2.4.3. Рефлексы <i>*pj, *bj, *vj, *mj</i>	22
1.2.5. Начальные <i>а, о, оу</i>	23
1.2.6. Варианты <i>ω — о — о;</i> надстрочные знаки	23
1.2.7. Обозначение конца строки и орфография гадательных приписок	24
1.2.8. Редуцированные гласные	27
1.2.8.1. Отсутствие <i>ѡ, ѡ</i> в слабой позиции	27
1.2.8.2. Смещение <i>ѡ — о, ѡ — е</i> в слабой позиции	31
1.2.9. Рефлексы сочетаний <i>*tʔrt, *tʔrt, *tʔlt, *tʔlt</i>	31
1.2.10. Описки	31
1.2.11. Написания <i>о, ѡ</i> вместо <i>оу, ѡ; ѡ, ѡ</i> вместо <i>ѡ, ѡ; ѡ (о) вместо ѡ (ѡ); ѡ (е) вместо ѡ (ѡ)</i>	32
1.2.12. Диалектные особенности	45
1.2.12.1. Написания <i>аки, скърб-</i>	45
1.2.12.2. «Новый <i>ѣ</i> » и вокализация редуцированных на рубеже XI—XII веков	47

1.2.12.2.1.	«Новый њ»	47
1.2.12.2.2.	Вокализация ъ, ь в сочетаниях типа * <i>tъrt</i> , * <i>tъlt</i> в древненовгородских памятниках.....	54
1.2.12.2.3.	Написание <i>стюденъць</i>	63
1.3.	Второй почерк	67
1.3.1.	Состав азбуки, датирующие начертания	67
1.3.1.1.	Буквы <i>ѳ</i> , <i>ѱ</i>	68
1.3.1.2.	Употребление вариантов <i>шт</i> и <i>щ</i>	69
1.3.1.3.	Буква <i>ц</i> и неразличение аффрикат	72
1.3.1.4.	Буквы носовых гласных	73
1.3.2.	Употребление парных йотированных и нейотированных букв	74
1.3.2.1.	Употребление букв <i>а</i> , <i>ѧ</i> ; <i>ѡ</i> , <i>ѣ</i> ; <i>е</i> , <i>ю</i> по отношению к началу слога и обозначение палатальных согласных.....	74
1.3.2.1.1.	Употребление <i>а</i> , <i>ѧ</i>	74
1.3.2.1.2.	Буквы <i>ѡ</i> , <i>ѣ</i>	75
1.3.2.1.3.	Буквы <i>е</i> , <i>ю</i>	75
1.3.2.1.4.	Общие закономерности употребления йотированных букв не после шипящих.....	77
1.3.2.2.	Буквы <i>а</i> , <i>ѧ</i> , <i>а</i> , <i>оу</i> , <i>ю</i> , <i>ѣ</i> , <i>ѡ</i> после букв шипящих и <i>ц</i>	79
1.3.2.2.1.	Буквы <i>а</i> , <i>а</i> , <i>ѧ</i>	79
1.3.2.2.2.	Буквы <i>оу</i> , <i>ю</i> , <i>ѣ</i> , <i>ѡ</i>	79
1.3.2.2.3.	Общие закономерности употребления букв <i>а</i> , <i>ѧ</i> , <i>а</i> , <i>оу</i> , <i>ю</i> , <i>ѣ</i> , <i>ѡ</i> после букв шипящих и <i>ц</i>	80
1.3.3.	Употребление <i>ъ</i>	81
1.3.3.1.	Рефлексы сочетаний типа * <i>tert</i>	81
1.3.3.2.	Употребление приставки <i>при-</i> вместо <i>пръ-</i>	82
1.3.3.3.	Варианты <i>сребр-</i> / <i>сръбр-</i>	82
1.3.3.4.	Буква <i>ъ</i> в окончаниях дат. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений.....	82
1.3.3.5.	Рефлекс * <i>ēd-</i>	83
1.3.3.6.	Исправления <i>ь</i> на <i>ъ</i>	83
1.3.4.	Обозначение рефлексов * <i>tj</i> и * <i>kti</i> (* <i>gti</i>), * <i>dj</i> , * <i>pj</i> , * <i>bj</i> , * <i>vj</i> , * <i>mj</i>	84
1.3.4.1.	Рефлексы * <i>tj</i> и * <i>kti</i> (* <i>gti</i>)	84
1.3.4.2.	Рефлекс * <i>dj</i>	84
1.3.4.3.	Рефлексы * <i>pj</i> , * <i>bj</i> , * <i>vj</i> , * <i>mj</i>	85
1.3.5.	Начальное <i>а</i> , <i>е</i> ; <i>оу</i> , <i>ю</i> , <i>ѣ</i>	85
1.3.6.	Варианты <i>w</i> — <i>o</i> — <i>o</i> ; <i>оу</i> — <i>ŏ</i> — <i>y</i> , <i>и</i> — <i>i</i>	86
1.3.8.	Редуцированные гласные	87
1.3.8.1.	Отсутствие <i>ѡ</i> , <i>ь</i> в слабой позиции	87
1.3.8.2.	Пропуск <i>ѡ</i> , <i>ь</i> в последнем слове строки	89

1.3.8.3. Смещение букв <i>ѡ</i> — <i>о</i> , <i>ѡ</i> — <i>ѡ</i> , <i>ѡ</i> — <i>е</i> , <i>е</i> — <i>ѡ</i> в слабой позиции.....	89
1.3.8.4. Обозначение слабых и неэтимологических <i>ѡ</i> , <i>ѡ</i> с помощью диакритики.....	89
1.3.9. Рефлексы сочетаний <i>*tьrt</i> , <i>*tьrt</i> , <i>*tьlt</i> , <i>*tьlt</i>	90
1.3.10. Диакритика.....	93
1.3.11. Описки.....	97
1.4. Третий почерк.....	99
1.4.1. Состав азбуки, датирующие начертания.....	99
1.4.2. Особенности употребления парных йотированных и нейотированных букв.....	99
1.4.2.1. Употребление <i>ѡ</i> — <i>ѡ</i> , <i>е</i> — <i>ѡ</i> по отношению к началу слога.....	99
1.4.2.2. Употребление <i>а</i> , <i>ѡ</i> , <i>ѡ</i> , <i>оу</i> , <i>ю</i> после букв шипящих и <i>ѡ</i> в сопоставлении с первым и вторым почерками.....	100
1.4.3. Буква <i>ѡ</i> в рефлексах <i>*tert</i> / <i>*telt</i>	102
1.4.4. Обозначение рефлексов <i>*tj</i> , <i>*dj</i>	102
1.4.5. Буквы гласных в начале слога.....	102
1.4.6. Варианты <i>ѡ</i> — <i>о</i> , <i>оу</i> — <i>ѡ</i> — <i>у</i> , <i>и</i> — <i>ѡ</i>	103
1.4.7. Диалектные особенности.....	103
1.4.8. Описки.....	103
1.5. Графика и орфография правленных текстов и маргиналий.....	103
1.5.1. Древнерусская правка.....	103
1.5.2. Сербская и македонская правка.....	105
1.6. Выводы.....	105

II. Обозначение тембровых оппозиций в древнерусской орфографии

одиннадцатого — начала двенадцатого веков.....	108
2.1. Вступительные замечания.....	108
2.2. «Полумягкость» и «вторичное смягчение полумягких».....	109
2.3. Типы согласных в сочетаниях с гласными.....	117
2.4. Отражение на письме трёх типов сочетаний согласных с гласными.....	122
2.5. Кириллическая йотация как средство обозначения палатальности.....	126
2.6. Безйотовая орфография в древней кириллице и смежные явления.....	133
2.7. Выводы.....	137

III. Функции буквы у «ижица» в древних славянских рукописях	141
3.1. История вопроса.....	141
3.2. Типы употребления древнерусской ижицы и фонологическая адаптация грецизмов с <i>υ</i> , <i>ου</i> , <i>ω</i>	156
3.2.1. Ижица в значении <i>i</i>	156
3.2.2. Ижица в соответствии с <i>υ</i> и <i>ου</i>	158
3.2.3. Буква <i>ю</i> в соответствии с <i>υ</i> и смежные явления.....	159
3.2.4. Соответствия <i>υ</i> → <i>ου</i> , <i>ου</i> → <i>υ</i> , <i>ω</i> → <i>υ</i> и <i>υ</i> = <i>ου</i>	162
3.2.5. Ижица в гиперкорректных написаниях.....	169
3.2.6. Ижица как субститут <i>ю</i>	171
3.2.7. Ижица как субститут <i>ъ</i>	172
3.3. Выводы.....	174
IV. К истории русско-церковнославянских адъективных форм на -ου	177
4.1. Данные церковнославянских рукописей.....	177
4.2. Флексия -ου с точки зрения русской исторической диалектологии.....	181
4.3. Флексия -ου и книжное произношение.....	183
4.3. Флексия -ου в старославянских рукописях.....	189
4.4. Рефлексы форм на -ου в современных южнославянских говорах.....	192
4.5. Выводы.....	193
4.6. Экскурс: орфография рукописи в ряду текстологических примет.....	194
4.6.1. Региональные языковые особенности в <i>Учительном евангелии</i> и <i>Сказании церковном</i>	199
4.6.1.1. Основа <i>буд-</i> с презенсным значением.....	199
4.6.1.2. Конструкция <i>въ + вин. п.</i> со значением образа действия.....	201
4.6.1.3. Морфологические особенности.....	203
4.6.1.3.1. Простой и древний сигматический аорист.....	203
4.6.1.3.2. Окончание - <i>те</i> 3 л. дв. ч. аориста.....	204
4.6.1.3.3. Презенсные причастия от перфективных основ.....	204
4.6.1.3.4. Тв. п. мн. ч. на - <i>ѣми</i> существительных *ο-основы.....	205
4.6.1.3.5. Лексические регионализмы: <i>трѣтъ</i> , <i>цѣста</i> , <i>сѣѣгло</i> , <i>етерь</i> 'иной', частица и союз <i>тѣ</i>	205
4.6.2. Ещё раз о протографе <i>Путятиной минеи</i>	207
V. Языковые особенности позднерусского служебника РНБ, Соф. 6	214
5.1. Общие сведения о рукописи.....	214
5.2. Графико-орфографические особенности.....	214

5.3.	Фонетические особенности	217
5.3.1.	Обозначение рефлексов *dj, *tj	217
5.3.2.	Рефлексы сочетаний гласных с плавными	217
5.3.3.	Явления анлаута	217
5.3.4.	Явления, связанные с падением редуцированных	218
5.3.5.	Рефлексы сочетаний редуцированных с плавными	222
5.3.6.	Ассимиляция согласных по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости и упрощение групп согласных	222
5.3.7.	Напряжённые гласные	224
5.3.8.	Непереходное смягчение заднеязычных	225
5.3.9.	Отвердение губных согласных	228
5.4.	Диалектные особенности	228
5.5.	Морфологические особенности	230
5.5.1.	Субстантивное склонение	230
5.5.2.	Двойственное число	232
5.5.3.	Формообразование прилагательных и причастий	233
5.5.4.	Формообразование местоимений	236
5.5.5.	Особенности глагольных форм	236
5.6.	Синтаксические и лексические особенности	239
5.6.1.	Слова и значения, отсутствующие в русских исторических словарях	239
5.6.2.	Редкие слова, значения и употребления	240
5.6.2.	Региональная лексика	241
5.7.	Выводы	243
VI.	К истории русско-церковнославянской литургической терминологии: полиелей	244
6.1.	<i>Полиелей</i> в русской исторической лексикографии и этимологии	244
6.2.	Греческие <i>πολυέλεος</i> и <i>πολυέλαιος</i> и их церковнославянские параллели	246
6.3.	История значений русских <i>полиелеосъ</i> и <i>полиелей</i>	255
6.4.	<i>Полиелей</i> , <i>полиелейный</i> и история колокольного звона	257
6.5.	<i>Полиелей</i> и <i>елей</i>	261
6.6.	Выводы	268
VII.	<i>Сверстница</i> 'супруга' и <i>верста</i> 'пара'	270
7.1.	Словарные данные и древнейшие фиксации	270
7.2.	Этимологические данные	272
7.3.	<i>Верста</i> 'пара' в словарях, диалектах и письменных источниках	272

7.4.	Следы праслав. *vrsta 'пара' в современных славянских языках.....	277
7.5.	Выводы.....	278
VIII.	Нарах legomenon љцѣѣ vs. гривѣна 'ожерелье'	279
8.1.	Значение славянских переводов для реконструкции византийской традиции.....	279
8.2.	Нарах legomenon љцѣѣ в кондаке Иоанну Златоусту и в лексикографии.....	279
8.3.	Славянский перевод византийского кондака Иоанну Златоусту: критика и реконструкция текста.....	282
8.4.	Выводы.....	288
IX.	Тагаш в русской исторической лексикографии и этимологии	289
9.1.	Словарные данные.....	289
9.2.	Тагаш и тогуш.....	290
9.3.	Тагаш в русско-церковнославянской Библии.....	291
9.4.	Тагаш и Масоретская Библия.....	294
9.5.	Выводы.....	296
X.	Старославянское трѣба и его связи	298
10.1.	Русская историческая лексикография как средство описания древнего церковнославянского языка.....	298
10.2.	Трѣба и жрътва как приметы регионального книжного узуса.....	298
10.3.	Старославянские данные на древнерусском фоне.....	299
10.4.	Терминологическое разграничение слов трѣба и жрътва.....	304
10.5.	Выводы.....	306
XI.	Древние славянские служебные минеи как лексикографический источник	307
11.1.	История вопроса.....	307
11.2.	Нарах legomena древнейших церковнославянских служебных миней на август.....	312
11.3.	Выводы.....	346
XII.	Экскурс: к толкованию церковнославянских параллелей в лирике Серебряного века	351
12.1.	Церковнославянский эпитаф Ахматовой.....	351
12.2.	Церковнославянский синтаксис Мандельштама.....	355
12.3.	Молодой левит и его церковнославянские прототипы.....	358

Заключение	361
-------------------------	-----

Сокращения, источники, литература

Сокращённые наименования библиотек и рукописных собраний.....	367
Источники	368
Славянские	368
Издания	368
Рукописи	372
Греческие и иные.....	373
Словари, энциклопедии и справочные издания, базы данных	375
Каталоги рукописных собраний.....	380
Исследования	382

Указатели

Указатель источников, имеющих специальные названия	412
Указатель сокращённых наименований источников, не имеющих специальных названий	418
Указатель шифров рукописей, не имеющих специальных названий и сокращений	420
Указатель слов и форм.....	422
Именной указатель	426

Предисловие

Общая тематика очерков, определивших содержание этого неоднородного исследования, — историческая динамика и региональная вариативность церковнославянского письменного узуса одиннадцатого — четырнадцатого веков в его взаимодействии с диалектными идиомами и иноязычными письменными традициями. Сформировавшееся в современной палеославистике комплексное видение церковнославянского языка обуславливает — или оправдывает — содержание книги.

Природа церковнославянского языка как общеславянского литературного языка эпохи средневековья была впервые осознана в работах А. С. Будиловича (1892 г.) и Н. С. Трубецкого (1927 г.) и благодаря Н. Н. Дурново определила основополагающий четвёртый тезис Пражского лингвистического кружка (1929 г.) (Thèses 1964/1929, 50; Трубецкой 1995/1927, 169 и след.; Толстой 1998, 66 и след.; Пиккио 2003/1967; Пиккио 2003/1995; Keipert 1999; Keipert 2014, 1212–1213, 1222–1226 [литература]). В соответствии с проблематикой истории литературного языка (Успенский 2002, 8: «история литературного языка — это история н о р м ы») значительное внимание в изучении церковнославянских текстов по праву уделяется вопросам кодификации и лингвистической рефлексии (Бобрик 1990 [литература]; Запольская 2003 [литература]).

Литературная норма предполагает наличие образцовых текстов, поэтому, казалось бы, с представлением о древнем церковнославянском языке должно быть связано широкоупотребительное понятие «(древнецерковнославянского, старославянского или древнеболгарского) канона», которое применяется по отношению к церковнославянским рукописям десятого — одиннадцатого веков преимущественно южнославянского происхождения. Эти рукописи иногда называются «классическими», как если бы в славянской древности действительно существовали классические тексты, подобно литературам античности и Нового времени (ср. «Klassisch-AltKirchenslavisch», «die überlieferten Handschriften aus der klassischen Periode» [Schaeken, Birnbaum 1999, 15, 21]; «the „classical“ or „canonical“ texts of OCS» [Lunt 2001, 6]).

Появление понятия «канона» не связано с современным научным видением церковнославянского языка. Оно было подготовлено

поздними младограмматиками, Вацлавом Вондраком (Vondrák 1912, 38–39) и прежде всего Августом Лескином (Leskien 1969; см. Ziffer 2003, 632; Ziffer 2005, 122, п. 5), которые в определении состава образцовых древних церковнославянских рукописей не пользовались понятием литературного языка. А. Лескин видел в языке древнейших «так называемых собственно древнеболгарских рукописей» («der sogen. eigentlich albulgarischen Handschriften» [Leskien 1969, VIII]) самую раннюю фиксацию национального болгарского языка (см. об истории понятия «древнеболгарский язык»: Keipert 2004), один из источников славянской и индоевропейской языковой реконструкции. Термин «древнеболгарский» по отношению к древнейшей южнославянской части церковнославянского корпуса кажется поэтому оправданным только в рамках изучения старославянских рукописей с позиции классической сравнительно-исторической грамматики (Leskien 1969) и структурализма (Lunt 2001) без учёта функциональной, социокультурной природы церковнославянского языка; сравним:

«Es ist hier immerhin zu betonen, daß die Benennung 'Albulgarisch' als genauere sprachgenetische sowie auch staatsgeschichtliche Bestimmung des altkirchenslavischen Schrifttums ebenfalls angebracht sein könnte. Dies gilt dagegen kaum für die Benennung 'Altmakedonisch', da Makedonien im 9. und 10. Jahrhundert nur als Teil des Ersten Bulgarischen Reichs (und später von Byzanz) und nicht als politisch selbstständiges Staatsgebilde aufzufassen ist und die im westlichen Teil dieses Reichs (in der Gegend von Ohrid) gesprochene Mundart nicht wesentlich von der Ostbulgarien (in der Gegend von Preslav) verschieden war» (Schaeken, Birnbaum 1999, 19, см. также стр. 22–24).

Мы исходим из «функционального», а не «генеалогического», понижения церковнославянского языка и разделяем обоснованно критическое отношение к понятию «старославянского канона» (Ziffer 2003, 630–631; Ziffer 2005, 119–122, 125; Ziffer 2008), которое сформировалось благодаря пренебрежению большим количеством текстов, —

«that are certainly not younger than those contained in the „canonical“ codices, but that have had the misfortune of being handed down exclusively in younger testimonies» (Ziffer 2003, 631), —

из-за чего в древнейшей истории церковнославянского языка не учитываются текстологические, лексические и грамматические явления, известные за пределами так называемого «канона» (см. также: Schaeken, Birnbaum 1999, 21–22). Подтверждение этому находится в том числе в одиннадцатом очерке этой книги, в котором описано более ста древних церковнославянских гапаксов, появившихся в гимнаграфии Первого Болгарского царства, но засвидетельствованных в древнерусских и в младших южнославянских рукописях.

Понятие «канона» выглядит уязвимым также на фоне хорошо описанной полимотивированной языковой и текстологической вариативности внутри древнейшего церковнославянского корпуса (Jagić 1913; Diels 1932; Вайан 2002; Ван-Вейк 1957), которая сложилась в ходе взаимодействия ранней моравско-паннонской письменной традиции с южнославянскими диалектными идиомами (сколь бы незначительными ни были различия между ними [Schaeken, Birnbaum 1999, 25]) и в результате восприятия, трансформации и обогащения этой традиции в культурных центрах Первого Болгарского царства.

Диапазон языкового и текстологического варьирования в древних церковнославянских рукописях южно- и восточнославянского происхождения, расширявшийся с течением столетий, делает, на наш взгляд, бессмысленным понятие «канона». Этот термин не упоминается в обобщающей энциклопедической работе, посвящённой истории и содержанию понятий церковнославянского языка, автор которой последовательно придерживается «функциональной» точки зрения на церковнославянскую письменную традицию (Keipert 2014). Для адекватной временной и ареальной стратификации церковнославянских рукописей кажется единственно правильным использование, вслед за Г. Кайпертом, термина «(старославянский) корпус» (см. «Kirchenslavisch als Korpusssprache» [Keipert 2014, 1217–1219; стр. 1217–1218: «das altkirchenslavische Korpus»; 1218: «die mittelkirchenslavischen Korpora»; 1218–1219: «das moderne russische Kirchenslavisch»]; см. также: Marti 2005, 12, 13).

Взаимодействие церковнославянской письменной традиции с диалектными идиомами уже в древнейшую эпоху приводит к появлению «литературных диалектов» (*le dialecte littéraire*, *Schriftddialekt*), редакций, или изводов церковнославянского языка: «моравско-паннонского», на территории распространения современных чешских и словацких говоров и в Паннонии, и «болгарско-македонского» (Schaeken, Birnbaum 1999, 15–18; Keipert 2014, 1231 [литература]), на территории распространения современных болгарского и македонского языков и славянских говоров южной Албании, северной Греции и южной Сербии, в пределах границ Первого Болгарского царства, перешедшего в течение второй половины десятого — начала одиннадцатого века под контроль Византии. В силу малого количества диалектных особенностей, по которым противопоставляются древний восточноболгарский (древневосточноболгарский) и древний западноболгарский (древнезападноболгарский, македонский), а также древний южно-сербский ареалы, выделение «древнезападноболгарского (древнемакедонского)» и «древневосточноболгарского» изводов церковнославянского языка не является общепринятым, хотя в литературе регулярно используются термины «западноболгарский (македонский)»

или «восточноболгарский» по отношению к диалектным особенностям и, соответственно, к происхождению тех или иных древних церковнославянских рукописей (см., напр., Diels 1932; Schaecken, Birnbaum 1999; Вайан 2002). В нашей работе термины «(древне)западноболгарский (македонский)» и «(древне)восточноболгарский» употребляются по отношению к диалектным ареалам, внутри которых развивается древняя церковнославянская традиция, а не к региональным изводам церковнославянского языка. При этом мы принимаем за аксиому тезис о диалектной неоднородности южной части позднепраславянского языкового ареала и полагаем, что эта неоднородность не могла не отразиться в книжной традиции. Поскольку термин «(древне)западноболгарский (македонский)» обозначает говоры, лежащие в том числе за пределами политических границ современных республик Болгарии и Македонии, то в ряде случаев в нашей работе речь идёт о «юго-западной части древнего славянского языкового ареала» или о «юго-западнославянской традиции», во избежание излишне прямых ассоциаций с политической картой современной юго-восточной Европы. Эти выражения используются для описания явлений, относящихся к древнейшему периоду истории церковнославянского языка, но отсутствующих в рукописях старославянского корпуса или наблюдающихся не только в этих рукописях (см. § 1.2.12.2.2, где в том числе рассматриваются явления, указывающие на юго-западнославянское влияние в древнеовгородских служебных минеях рубежа одиннадцатого — двенадцатого веков; об этом влиянии идёт речь также в четвёртом и седьмом очерках). В параграфе § 2.4 (заключительная часть) на основании диалектных признаков выделена группа рукописей старославянского корпуса, наиболее архаичных в отношении лексики, грамматики и текстологии (*Мариинское евангелие*, *Синайская псалтирь* и *Клоцов сборник*), которые на основании историко-фонетических данных могут быть локализованы в северномакедонском или южносербском диалектном ареале (см. о *Мариинском евангелии*: Младеновић 2003). Это позволяет судить не о двух (древнезападноболгарская [македонская] и древневосточноболгарская), а о трёх группах памятников в составе старославянского корпуса, различных в диалектном отношении, при этом «северномакедонская — южносербская» группа, несмотря на диалектные инновации (Младеновић 2003), является, как известно, наиболее древней в отношении грамматики, лексики и текстологии.

Диалектное воздействие на язык церковнославянской письменной традиции предполагает изучение церковнославянских рукописей не только с точки зрения истории их региональных изводов, — этому посвящена бóльшая часть первого и пятого очерков, в которых, в частности, идёт речь о русификации церковнославянского узуса древнерусского периода, — но и с точки зрения славянской исторической

диалектологии и сравнительно-исторической грамматики: в первом очерке этому посвящён § 1.2.12, в котором описаны древнейшие примеры «нового њ» в церковнославянских памятниках рубежа одиннадцатого — двенадцатого веков и самые ранние случаи вокализации редуцированных в сочетании с плавными, отмеченные в церковнославянских рукописях новгородского происхождения. Параллельное решение проблем динамики церковнославянского письменного узуса, исторической грамматики и исторической диалектологии на материале одной рукописи определяет в первом очерке методику относительной датировки раннедревнерусских книжных графико-орфографических систем. Историческая диалектология и историческая грамматика славянских языков является также предметом второго и четвёртого очерков, в седьмом очерке те же проблемы решаются на лексическом материале.

Региональная стратификация церковнославянской письменной традиции — результат не только спонтанного диалектного влияния на книжный узус, но и следствие осознанного творческого воздействия на церковнославянский язык как на «культивируемый язык», *Ausbausprache* (см. об этом понятии: Kloss 1967; Kloss 1987; ср. Fishmann 2008) —

«Ausbau im Sinne einer funktionsorientierten Erweiterung bestehender Ausdrucksmöglichkeiten [...] Dabei geht es um Ausbauaktivitäten, die sich auf weitgehend einheitlicher Grundlage in geographisch getrennten Gebieten vollzogen und offenbar [...] einer Parallelenbildung oder auch „Zweigleisigkeit“ der kirchenslavischen Sprachtradition geführt haben» (Keipert 2014, 1226).

К региональным явлениям церковнославянского языка как «культивируемого языка» (*Ausbausprache*) относится, например, целенаправленная замена текстологически более древних грецизмов общеславянскими лексемами в текстах восточноболгарской Преславской школы или создание «преславской» богословской терминологии (ср. Weiher 1972) и, в целом, «охридско-преславская» дихотомия, а также дихотомия московско-западнорусская (московско-юго-западнорусская) (Keipert 2014, 1226–1227). К явлениям «культивируемого языка» Г. Кайперт, который впервые предложил использовать это понятие для описания языка церковнославянского (Keipert 2014, 1226–1227, раздел «Kirchenslavisch als Ausbausprache»), отнёс также проект Копитара, который в 1827 г. предложил

«unzweifelhaft separatistisch gedachten Ausbauplan gegenüber dem russisch geprägten Neukirchenslavischen [...] in Österreich ein wirklich südslavisches Kirchenslavisch für den Gottesdienst der Orthodoxen Südsaven zu schaffen» (Keipert 2014, 1227).

В нашей работе явления «культивируемого языка» (без употребления этого понятия) рассматриваются в параграфе § 4.6.1 (о древних диалектных, юго-западнославянских, явлениях в языке сочинений Константина Болгарского), а также в седьмом и десятом очерках.

Понятие «культивируемого языка» описывает регионально ограниченное расширение выразительных языковых средств в том числе за счёт элементов диалектного происхождения. Поскольку оно определяется сознательным, а не спонтанным, воздействием на письменный узус, то изучение «культивируемого языка» в исторической перспективе предполагает установление и локализацию очагов этого воздействия и означает переход в область истории текста (текстологии). Явления «культивируемого языка» и спонтанное диалектное варьирование позволяют судить о варьировании нормы или об отступлении от нормы, что, далее, позволяет рассматривать на материале языка древних церковнославянских рукописей историю церковнославянской литературы (Успенский 2002, 8: «история языка литературы — это история отклонений от нормы»). Этим определяется ещё одна сквозная тема данной книги — анализ языковых явлений церковнославянских рукописей с точки зрения истории содержащихся в них текстов. Особое значение здесь имеют церковнославянские рукописи древнерусского извода, на материале которых удаётся реконструировать фрагменты истории церковнославянской литературы Первого Болгарского царства (четвёртый очерк). Особое внимание при этом уделяется юго-западнославянской («древнезападноболгарской [македонской]») традиции (четвёртый, пятый, седьмой и десятый очерки, а также параграфы § 2.5 и § 1.2.12.2.2 [следы древнезападноболгарских — македонских протографов в орфографии служебной минеи на август *Ta*]), прямое языковое влияние которой усматривается в церковнославянском гимнографическом корпусе византийского обряда, а также в примыкающих к этому корпусу текстах, с разной степенью достоверности атрибутируемых Константину Болгарскому — *Учительное евангелие* и *Сказание церковное* (§ 4.6.1). Поскольку в этих сочинениях усматривается юго-западнославянское влияние, то мы вынуждены отказаться от традиционного именованя Константина «Преславским» («преславский» лексический узус, как кажется, отражается в другом его переводе — в *Словах против ариан*, которые здесь не рассматриваются) и, вслед за русской филологической традицией начала двадцатого века (КМЭ 2, 438), называть епископа Константина «Болгарским» — по месту его жизни и деятельности на территории Первого Болгарского царства.

Особый тематический блок образуют очерки, в которых рассматриваются различные аспекты взаимодействия на церковнославянский

язык греческой и древнееврейской языковой традиции. Этому посвящён третий очерк, с историко-фонологической точки зрения продолжающий тему второго очерка, и очерки шестой, восьмой, девятый и одиннадцатый. Завершается книга экскурсом, в котором рассматриваются последствия «функциональной редукции» современного церковнославянского языка для синтаксического и лексического представления церковнославянского текста — цитат, аллюзий, синтаксической и лексической стилизации — в языке русской поэзии первой половины двадцатого века.

* * *

В основу очерков положены исследования 1999–2014 годов, автор которых выражает глубокую признательность коллегам, в разное время высказавшим советы и критические замечания к моим работам: проф., д. ф. н. И. Г. Добродомову, проф., д. ф. н. В. Б. Крысько, д. ф. н. К. А. Максимовичу, д. ф. н. А. А. Пичхадзе, д-ру И. А. Подтергере (Фрайбург-в-Брайсгау), э.-о. проф. д-ру Йоханнесу Райнхарту (Вена), к. ф. н. Г. Я. Романовой, проф., д. ф. н. М. И. Чернышёвой.

Идея содержательно переработать мои тематически близкие работы и объединить их в одном исследовании была поддержана германским Фондом им. Александра фон Гумбольдта, который в 2011–2012 гг. финансировал работу над проектом «Studien zur historischen Lexikographie und der Orthographie der altslavischen schriftlichen Denkmäler» в рамках поддержки учёных — стипендиатов Фонда, вернувшихся из Германии по окончании основного исследовательского проекта (Rückkehrstipendium). Пользуюсь случаем ещё раз выразить благодарность проф. д-ру Вернеру Лефельдту (Гёттинген) за поддержку моих исследований в рамках стипендиальных программ Фонда им. Александра фон Гумбольдта.

Я благодарен проф., д. ф. н. Е. В. Рахилиной, обратившей внимание на результаты этого проекта и настоятельно способствовавшей завершению всей работы, благодаря чему было проведено редактирование книги, её дополнение новой литературой, осуществлена предпечатная подготовка. Книга прошла обсуждение на заседании Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН и учёного совета Института. Благодарю всех, кто принял участие в дискуссиях и поддержал эту работу, прежде всего д. ф. н. В. С. Ефимову и д. ф. н. А. Ф. Журавлёва. К. ф. н. М. А. Бобрик, член-корр. РАН А. А. Гиппиус, д-р А. М. Пентковский, М. И. Чернышёва, А. А. Пичхадзе любезно согласились прочитать завершённую рукопись (полностью или частично) и высказали свои замечания и исправления, за что приношу коллегам искреннюю благодарность.

За библиографические справки и консультации по ряду вопросов благодарю также к. ф. н. М. А. Даниэля, д. филос. н. В. М. Лурье, к. ф. н. М. М. Макарецва и к. ф. н. Н. Б. Пименову.

Особую признательность выражаю рецензентам, прочитавшим весь текст и сделавшим многочисленные исправления: проф. д-ру Роланду Марти, к. ф. н. А. Ф. Литвиной и к. ф. н. А. Л. Лифшицу.

В исследовании использованы результаты проекта «Корпусные исследования границ речевого варьирования: от аграмматизма к норме», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году (руководитель — Е. В. Рахилина), и проекта РГНФ № 13-04-00093 «Лексикологическое исследование и словарное описание лексики русского языка XI–XVII вв.» (руководитель — М. И. Чернышёва).

І. Графика и орфография Бычковско-Синайской псалтири

1.1. Общие сведения о рукописи

Бычковско-Синайская псалтирь (далее: *Псалт.Б.-С.*) (Каталог 1984, 71), одна из древнейших восточнославянских рукописей, содержит Псалтирь с библейскими песнями и относится по этому признаку к типу «Псалтирей с прибавлениями». Памятник сохранился в трёх отрывках. Первый, объёмом восемь листов (РНБ. Q. п. I. 73; далее: *L*), называется «Бычковской псалтирью» (по имени первого известного владельца памятника, академика А. Ф. Бычкова). Два других отрывка, 135 листов и 17 листов, хранятся в собрании славянских рукописей монастыря св. Екатерины на Синае (шифры, соответственно, sin. slav. 6/0¹ и sin. slav. 6/N). *Псалт.Б.-С.* — одна из пяти славянских псалтирей одиннадцатого — начала двенадцатого веков, к которым относятся старославянская глаголическая *Синайская псалтирь* (*Псалт.Син.*) и древнерусские псалтири *Евгениевская* (*Псалт.Евг.*), *Чудовская* (*Псалт.Чуд.*) (Каталог 1984, 71–74, № 29–31), утраченная ныне *Слуцкая*, а также текст Псалтири на новгородских церках первой трети одиннадцатого века (Зализняк, Янин 2001). По объёму сохранившегося текста *Псалт.Б.-С.* превосходит все древнерусские псалтири одиннадцатого — начала двенадцатого веков и является самым полным и самым характерным представителем той древней редакции Псалтири, которую сегодня принято называть «второй редакцией» и локализовать происхождение которой достоверно не удаётся. Эта редакция представлена древнерусскими и среднеболгарскими (XIII в.) рукописями, она была основной редакцией Псалтири в восточнославянской традиции до четырнадцатого века включительно².

Древнейшим представителем первой, самой архаической, редакции славянской Псалтири, возникшей в русле кирилло-мефодиевской

¹ Далее при цитировании данного отрывка шифр не указывается и приводятся только номера листов.

² Карачорова 1984; Карачорова 1989; Карачорова 2003; Карачорова 2012; Коцева, Карачорова, Атанасов 1984; MacRobert 1989, 4–28; MacRobert 1990, 8, 11–15; MacRobert 1991, 405–417; MacRobert 1998, 928–933; MacRobert 2005; MacRobert 2013 (основные работы, отражающие современное состояние вопроса).

традиции, является старославянская глаголическая *Синайская псалтирь* (*Псалт.Син.*), отражающая, среди прочего, отдельные фонетические моравизмы, которые указывают на её древний западнославянский протограф³. На этом древнейшем переводе основаны две редакции Псалтири с толкованиями: Феодорита Кирского (ок. 393 — ок. 466), самым ранним сохранившимся свидетелем которой является восточнославянская *Чудовская псалтирь* (*Псалт.Чуд.*), восходящая к восточноболгарской преславской традиции⁴, и Псевдо-Афанасия Александрийского, или Исихия Иерусалимского († после 451 г.), самым ранним источником которой является древнерусская *Евгениевская псалтирь* (*Псалт.Евг.*), восходящая к древнезападноболгарской (македонской) глаголической традиции⁵. Известные редакции Псалтири соотносятся, таким образом, с основными древними церковнославянскими культурно-языковыми ареалами и этапами распространения церковнославянской письменности в Великой Моравии — Паннонии и в Первом Болгарском царстве (моравско-паннонский регион — западноболгарский [македонский] регион — восточноболгарский преславский регион). Показательно, что орфография древнейших свидетелей западно- и восточноболгарской редакций Псалтири, *Псалт.Евг.* и *Псалт.Чуд.*, выглядит не только архаично, но и содержит, как в случае с *Псалт.Евг.*, прямые следы влияния южнославянского протографа (например, глаголические инициалы, написание типа *ѣко* или форма простого аориста, находившиеся за пределами древнерусского церковнославянского узуса). Редакция Псалтири, представленная *Псалт.Б.-С.*, не может быть уверенно соотнесена ни с одним из упомянутых регионов на основании лексических и текстологических данных, что, однако, не свидетельствует о древнерусском происхождении

³ Schaeken, Birnbaum 1999, 105 («einige Moravopannonismen deuten darauf hin, daß der Originaltext aus der zweiten Heimat des Altkirchenslavischen stammt»); von Arnim 1930, 41 («невъзвества 29₁₁ о сѣвъ-це 34₁₉₋₂₀. Beachte сѣходъксте-и 27₇₋₈ (1. 2). 177. зюпельъ 12₁ (1. 2)»).

⁴ Карачорова 2003, 412, 414–417 (там же, с. 414–417, наиболее полная библиография работ по истории славянской Псалтири по состоянию на 2002 г.); Карачорова 2012.

⁵ Графико-орфографическими архаизмами древнеболгарского происхождения в *Псалт.Евг.* являются, помимо написания *ѣко*, указывающего на глаголическую по происхождению графику без буквы *ѣ*, трёхъюсовая орфография памятника (*ѣ, ѣ, ѣ*), формы с утратой интервокального *ј* (*покааньѣ, своа*), передача греч. θ через *т* (*отиеньска* ‘эфиопского’), нестяжённые формы членных прилагательных (на *-ааго, -оуоуму* с утратой интервокального *ј* и ассимиляцией гласных) и имперфекта (на *-лаше, -лааѣ*), форма простого аориста *прѣидѣ* (3 л. мн. ч.). В *Псалт.Евг.* имеются глаголические инициалы, орнамент которых напоминает орнамент и заставки *Зографского евангелия* (Гринкова 1924; Кривко 2008 [литература]).

этой редакции. Графико-орфографические системы памятника приобретают особую значимость для понимания истории текста «второй редакции» и могут стать позитивным аргументом в дискуссии о её локализации.

Орфография *Псалт.Б.-С.* описана в ряде работ. Наибольшее внимание было уделено «Бычковской псалтири»⁶, причём издан этот небольшой фрагмент трижды⁷. Большая синайская часть, объёмом в 135 лл. и открытая в славянском собрании монастыря св. Екатерины на Синае (Lunt 1976), издана в 1978 г. совместно с петербургским фрагментом (см. *Псалт.Б.-С.* в списке сокращений). Во вступительной статье к изданию на основании анализа почерков рукопись датируется концом одиннадцатого — началом двенадцатого века (*Псалт.Б.-С.*, х), позднее ей был присвоен шифр *sin.slav. 6/0*. В 1975 г. среди новонайденных рукописей монастыря св. Екатерины на Синае была обнаружена третья часть той же псалтири (шифр *sin.slav. 6/N*), 17 листов, и затем издана фототипически. В современной научной литературе рукопись датируется одиннадцатым, концом одиннадцатого — началом двенадцатого века или даже началом двенадцатого века⁸.

Текстологические и орфографические особенности меньшей синайской части рукописи и её наборное издание увидели свет вскоре после фототипической публикации памятника, причём текстологическая часть работы (Тодоров 1990), где доказывалось преславское происхождение «второй редакции» славянской Псалтири, представленной *Псалт.Б.-С.*, была подвергнута критике (MacRobert 2005) и, как кажется, не получила признания⁹. Орфографическим особенностям

⁶ Срезневский 1875; Кузнецова 1967; Тот 1975; Тот 1985, 46–51, 98–103, 163–167 и др.

⁷ Тот 1975 (фототипическое издание в приложении к статье), *Псалт.Б.-С.* (фототипическое издание 1978 г., включающее петербургскую и большую синайскую части), Христова 1991 (наборное издание со словоуказателем).

⁸ Manuscripts 1988, 109–109 (описание синайских частей, датировка рубежом одиннадцатого — двенадцатого веков), 249–281 (фототипическое издание меньшей синайской части); Каталог 1984, 71, № 28 (описание петербургской части, датировка одиннадцатым столетием); Зализняк, Янин 2001, 19 (согласие с датировкой одиннадцатым столетием); Живов 2006, 13 (краткий обзор возможных датировок); Тот 2007 (датировка началом двенадцатого столетия).

⁹ Карачорова 2012, 48 («според А. Бояджиев редакцията на псалтирния текст, засвидетелстван в Бичковския псалтир, също е дело на преславските книжовници [...] За М. Макроберт това мнение е недостатъчно мотивирано»); Zheljazkova, Gancheva 2008, 28 (обзор, не содержащий ясно сформулированных общепринятых позитивных выводов: «А. Тодоров показал, что рукопись хранит следы древнейшей глаголической системы орфографии, и на основе сравнения текста новой части с другими псалтырными текстами выявил различия

всего памятника посвящены несколько публикаций автора этих строк¹⁰, после появления которых увидела свет небольшая статья (Тот 2007), где был частично заново приведён материал и повторены некоторые мои наблюдения и выводы (с варьированием в примерах и в формулировках), однако без ссылок на них и без каких-либо новых данных¹¹.

Три части *Псалт.Б.-С.* содержат в общей сложности 160 лл., на которых представлены (с лакунами) тексты Псалтири и библейских песней. На нижних и верхних полях рукописи находятся сделанные киноварью гадательные приписки — короткие изречения, в том числе предсказания, по которым гадали о своей судьбе. Гадательные приписки *Псалт.Б.-С.* — самые древние в истории славянской письменности, они не находят параллелей среди более поздних аналогичных записей, ранее специально изученных (Сперанский 1899). Гадательные приписки *Псалт.Б.-С.* исследованы и опубликованы (Тодоров 1993).

в лексике, характерные для рукописей преславской редакции богослужебных книг [...] К другим выводам пришла М. Макророберт [...] Признавая отсутствие зависимости двух редакций друг от друга („Феодоритовой“ и редакции *Псалт.Б.-С.* — Р. К.), она указала, что они не могут быть отнесены к одной и той же преславской школе [...] Еще более категорично Р. Н. Кривко утверждает, что вторая редакция псалтири не имеет южнославянского происхождения. По его мнению, графико-орфографические системы *Бычковско-Синайской псалтири* свободны от прямого влияния южнославянских оригиналов и сложились в результате индивидуального осмысления не протографа, а южнославянского и древнерусского узуса в целом»).

¹⁰ Кривко 1996, Кривко 1998₁, 2004₁; ср. Тот 2007.

¹¹ Сравним выводы И. Тота в том виде, в каком они вошли в итоговый обзор: «В последнее время И. Тот подчеркнул, что вопрос о месте возникновения Бычковско-Синайской псалтири следует заменить вопросом о том, на каком диалекте говорили писцы рукописи. Ученый высказал гипотезу, что один из писцов был южнорусским по своему происхождению, а другой говорил на северном диалекте древнерусского языка. Эта гипотеза позволила ему сделать вывод о том, что в том скриптории, где списывалась рукопись, работал наряду с писцами южнорусского происхождения и писец из новгородской области» (Zheljazkova, Gancheva 2008, 28–29). Сравним это с тем, как формулируется один из основных выводов моей статьи: «Разнообразные языковые данные, касающиеся как диалектов основных писцов БСП, так и ее правщиков, не позволяют ответить на вопрос, в каком регионе Древней Руси была написана БСП и как она затем попала на юг славянского мира. Диалектные черты основных писцов, не сводимые к общему ареалу (цоканье и „новый ѣ“), македонская и, возможно, сербская правка относятся практически ко всему ареалу средневековой Slavia Orthodoxa. Поэтому нельзя исключать того, что БСП была создана вообще за пределами Руси, например, в одной из славянских общин Афона, Константинополя, Олимпа вифинского или Синая» (Кривко 2004₁ II, 198).

Части *Псалт.Б.-С.* располагаются в следующей последовательности¹²:

- 1) П с а л т и р ь — *sin.slav. 6/N 1–8*, начиная со слов *врагоу оскоудѣша оруужиѣ въ коньць* (Пс. 9:7) до слов *избавит(?)ль мои* (Пс. 17:3; *sin.slav. 6/N 8 об.*), далее лакуна; *sin.slav. 6/N 9*, со слов *Избави мѧ отъ врагѣ* (Пс. 17:18) до слов *нозѣ мои тако елени* (Пс. 17:34; *sin.slav. 6/N 9 об.*); *L, 1–8 об.*, со слов *и на высокѣиѣхъ поставлѧ мѧ* (Пс. 17:34) до слов *възненавидѣша мѧ* (Пс. 24:19); *sin.slav. 6/0, 1–100 об.*, со слов *свѣхрани илѣю мою* (Пс. 24:20) до слов *сѣси ны гѣ бѣ нашиѣ* (Пс. 105:47), далее лакуна; *sin.slav. 6/0, 101–124 об.*, со слов *желаниѣ грѣшникѣ погѣбнетъ* (Пс. 111:10) до слов *гѣ имѧ твоѣ въ вѣкѣ* (Пс. 134:13; л. 124 об.), далее лакуна; *sin.slav. 6/0, 125–133* со слов *избави мѧ отъ гонѧщихъ мѧ* (Пс. 141:7) до слов *ѡтахъ ноше/ниѣ* (вм.: *поношениѣ* — *ὄνειδος*) *отъ сѣвъ илѣвъ* (Пс. 151:7);
- 2) б и б л е й с к и е п е с н и: *sin.slav. 6/0, 133–133 об.*, с начальных слов первой из них (*лѣъ · мариамъ · сѣсрѣ мѣѣ/сєвѣ · и аароновѣ · ~ Поимѣ гви* [титло не читается] *славнѣ* [так!] *бо прослависѧ* (Исх. 15:1) до слов *въ стѣихъ* [так!] *дивнѣ* [так!] *въ главахъ* (текст наведен поверх угасшего, титло не читается; (Песнь I) Исх. 15:11); *sin.slav. 6/N 10–17 об.*, со слов *творѧи чюдеса ·* (Песнь I; Исх. 15:11) до слов *развѣ / бо тебе много не вѣмѣ* (*οἶδαμεν*) *имѧ твоѣ //* (Песнь V; Ис. 26:13); *sin.slav. 6/0, 134–135 об.*, со слова *нарицаѣмѣ ·* (Песнь V; Ис. 26:13) до слов *лѣжвѣннѣишѣ / паче всеѣхъ землѧ* (Песнь VII; Дан. 3:32). Окончание библейских песней утрачено¹³.

Над *Псалт.Б.-С.* работали три основных писца (Lunt 1976) (далее: *Псалт.Б.-С.¹*, *Псалт.Б.-С.²*, *Псалт.Б.-С.³*). *Псалт.Б.-С.¹* занимает пространство от начала всего сохранившегося текста до шестой строки л. 13 (то есть на промежутке *sin.slav. 6/N 1–9 об.*, *L* (все 8 лл. полностью), *sin.slav. 6/0 1–13*) и от первой строки л. 17 до л. 42 *sin.slav. 6/0*. Первым писцом сделаны и гадательные приписки на нижних и верхних полях листов. *Псалт.Б.-С.²* включает в себя завершение текста Псалтири и библейские песни (*sin.slav. 6/0, 42 об.* – 135 об.; *sin.slav. 6/N 10–17 об.*). *Псалт.Б.-С.³* включает в себя текст Псалтири с 7-й строки *sin.slav. 6/0, 13* до *sin.slav. 6/0, 16 об.* Лист 60 об. *sin.slav. 6/0* был оставлен незаполненным, значительно позднее на нём был повторно написан 151-й псалом. Написанный тремя писцами текст Псалтири прошёл правку, о чём можно судить по вписанным между строками отдельными стихами

¹² См. также: Тодоров 1990, 50 (в работе не указаны начальные слова отрывков).

¹³ В каталоге (Manuscripts 1988, 109–110) указано, что лл. 10–17 *sin.slav. 6/N* восполняют лакуну между лл. 125 об. и 126 *sin.slav. 6/0*. На самом деле на этом фрагменте лакуны нет, а листы лл. 10–17 *sin.slav. 6/N* должны находиться между лл. 133 об. – 134 *sin.slav. 6/0*.

псалмов. Судя по языковым данным, эта правка была сделана одновременно с основным текстом, однако приёмы письма правщика отличны от тех, которыми пользовались основные писцы.

Первоначально написанный текст рано начал выцветать, поэтому он во многих местах либо наведён, либо поверх него написан новый. Поновление текста делалось древнерусскими (XII в.) и, как считается, сербскими (XIII в.) книжниками, которые оставили также различные по содержанию маргиналии (Lunt 1976).

Текст Псалтири, содержащийся в рукописи, представляет собой единую редакцию этой библейской книги, следовательно, различие в приёмах письма всех писцов и правщиков памятника не обусловлено текстологической традицией либо влиянием протографов, а является отражением индивидуальных навыков древнерусских и южнославянских книжников. Манера письма всех трёх основных писцов и первого правщика, вписавшего между строк пропущенные стихи, сходна: начертания букв наклонные, их высота меняется не только на листе, но даже в строке, письмо беглое. С характером почерка согласуется и предельно скромное художественное оформление *Псалт.Б.-С.*: рукопись украшена киноварными инициалами старовизантийского стиля, выполненными, возможно, самими писцами. Листы на внешних углах и в центре у сгибов сильно загрязнены от длительного (и интенсивного?) использования и местами проклеены кусочками листков из какой-то средневековой греческой рукописи.

Далее описаны графика и орфография всех писцов *Псалт.Б.-С.*, включая правщиков основного текста.

1.2. Первый почерк

1.2.1. Состав азбуки, датирующие начертания

Буквы, используемые в *Псалт.Б.-С.*¹, следующие:

а б в г д е ж з и і (і) к л м н о [широкое очное] п р с т о у њ ф х ѿ ц ч ш щ ѣ њ ѣ
ѣ ю (ю) ѡ ѣ ѡ ѡ (ѡ) Ѱ ѳ у (у).

Палеографической приметой рукописи являются начертания омеги ω и «ять» ѣ . Буква ω использована девять раз, причем четырежды в начале строки: Ѡ блистаниа sin.slav. 6/N 4 об. И Ѡ ненавиждущихъ 9; Аще Ѡпльзчьтъся (на м.л. плькѣ) 2; И Ѡтъ (въсьхъ скѣрбии) 9. Четыре раза буква ω написана в составе лигатуры ѡ : не ѡими ѡ мен... (конец строки, последняя буква не читается, 31; возможно, текст наведен поздним правщиком), ѡ врагъ sin.slav. 6/N 8 об.; один раз верхний элемент диграфа пропущен в результате описки: ѡмѣтають 8, вместо ѡмѣтають . Средний элемент буквы ω в этих написаниях доходит

до верхнего уровня строки, петли не разведены, что представляет собой архаические черты (Князевская 1999, 30), в рукописях одиннадцатого века буква *ω* пишется так «почти без исключений» (Щепкин 1999, 124). Одно из этих исключений — облик буквы *ω* в гадательной приписке на л. 17 об. в составе предлога *ω̄*: *ω̄ печали въ радость придесть*. Здесь средний элемент буквы *ω* не доходит до верхнего края строки, петли слегка наклонены к центру. Это написание — второй пример обозначения предлога *ω̄* в виде диграфа, в остальных случаях используется более древнее по происхождению (Князевская 1999, 32) сочетание *отъ*.

Мачта буквы *ѣ* приблизительно на пятую часть выступает над верхним уровнем строки, горизонтальная черта расположена ровно на верхней линии строки. Такое начертание не характерно для одиннадцатого века и встречается только в *Изб. 73*, широкое же распространение оно получает в двенадцатом веке (Щепкин 1999, 124).

Буквы *oi*, *ʋ* (вариант *ov*), *ж*, строго говоря, не могут считаться постоянной характеристикой *Псалт.Б.-С.*¹, так как в рукописи они встречаются крайне редко. Буква *oi* использована один раз в конце строки (*облыгахоу м.л. зане гон.лхъ*) *блѣстѣнои* / 17 об. (без соединительной линии). Один из древнейших примеров зеркального *oi*, правда, с соединительной линией, известен в *Ен.: възлобене* 149 (366-7). Такое написание буквы *ю* (*oi*) встречается и в древнерусских рукописях одиннадцатого века: *Пандектах Антиоха*, *Изборнике 1073*, в рукописи *13-ти слов Григория Богослова*, в *Толстовской псалтири*, а также в южнославянских *Охридском апостоле* 1225–1227 гг. [Турилов 2016], в *Болонской псалтири*, в *Погодинской псалтири*¹⁴. В более поздний период буква *oi* особенно свойственна среднеболгарским памятникам, написанным на Западе, в области Солуни и Охрида (Карский 1979, 170), то есть в греко-славянской контактной зоне; среди других зеркальных написаний *oi* известно в новгородской берестяной письменности¹⁵. Существует гипотеза (Дурново 2000/1926, 686), согласно которой «зеркальное» написание *oi* указывает на греческий диграф *oi* как прототип кириллического *oi* и является более древним, чем *ю*.

Один раз в *Псалт.Б.-С.*¹ отмечено уникальное для рукописей одиннадцатого века написание варианта буквы *у* в виде *ʋ* как второго элемента диграфа: *да оѣслѣшатъ* 9 (над диграфом стоит надстрочный знак, похожий на дугу)¹⁶. Как кажется, это написание представляет собой древнейший известный случай употребления варианта *ʋ* (не *у*!)

¹⁴ Дурново 2000/1926, 686; Гольщенко 1987, 48.

¹⁵ Worth 1985; Зализняк 2000, 212–213.

¹⁶ Написание *скв/мень* 36, о котором шла речь в одной из ранних работ (Кривко 2004 I, 84), на самом деле содержит букву *у* с затёртой в конце строки нижней

в славянской письменности. Считается, что ижица, «написана като *ѣ*, се среща рядко и предимно в заглавия» (Илчев, Велчева 1995, 50). Эти сведения не нашли отражения в словарном определении (SJS IV, 1040), где сказано, что ижица «in antiquissimis manuscriptis cyrillicis, nempe Sav et Supr, figuram *y*, in posterioribus etiam figuram *ѣ* habet». Примеры из «заглавий» и «manuscriptorum posteriorum» не приведены, поэтому можно утверждать, что до сего дня самыми ранними известными примерами употребления буквы *ѣ* являются её написания в составе диграфа в заимствованных словах во *Мстиславовом евангелии* (до 1117 г.): *и/совсовъ* 210 (1566-18-19), *исовсовама* 78 (43а-4), *и/совсовоу* 222 (166в-2-3), *иѣвоу* 125 (846-1); *ѣва(ѣ)/ ѡ ѣ* :~ / 249 (1866-2, в заглавии зачала). О написаниях с *ѣ* в качестве второго элемента диграфа в этом источнике впервые упомянул Е. Ф. Карский (Карский 1979, 199), правда, не приведя примеров; буква *ѣ* (безотносительно к положению в составе диграфа?) «без хвоста и с хвостом, обычно с надстрочным знаком в форме будущей оксии» названа в описании *Мст.ев.* (Жуковская 1983, 15)¹⁷.

В *Псалт.Б.-С.*¹ трижды использована буква *ѣ*: *ѣстрашишася* sin.slav. 6/N 6; *моѣѣ* 3 об.; *пѣтъ* 7 об. (в двух последних примерах — этимологически верно). К числу мало характерных для *Псалт.Б.-С.*¹ графем относится и буква *у*: в 3-х случаях она отмечена в соответствии с греческой *υ*: *Змурьна* (σμύρνα) 24 об.; *турова* (Τύρου) 25; *ѣкуменъ* 36, sin.slav. 6/N 8 об. (σκόμνος). В двух случаях буква *у* использована в славянских лексемах как эквивалент *ю*: *лута* 10 (в конце строки), *пѣтру* (зв.п.; 36 об., 12-я буква в строке из 18-ти). В трёх случаях буква *у* со значением <и> в сочетании <Си> написана на месте этимологического <р>. Как было сказано, буква *ѣ* отмечена в *Псалт.Б.-С.*¹ три раза, и столько же раз на её месте встретилось *у*. Написания *зуби* 36, *встану* 36 об., *гусли* 36 об. отмечены на коротком отрезке текста не в конце строк, что свидетельствует об отсутствии здесь описки или стремления к особому экономному письму в конце строки. Один раз буква *у* написана на месте *ѣ*: *пѣру* вин. п. ед. ч. 12 (16-я буква в строке из 19-ти). Буква *ѣ* не используется в *Псалт.Б.-С.*¹, однако большой юс отмечен в начале слога как вариант *ю*: *моѣѣ* 3 об. Обе буквы, *ѣ* и *у*, употребляются первым писцом безразлично к твердости или мягкости (а также палатальности) предшествующего согласного и независимо от наличия йота, что свидетельствует об их функциональном сходстве.

частью, в чём мне удалось убедиться, бегло ознакомившись с рукописью de visu в конце марта 2006 г. в библиотеке монастыря св. Екатерины.

¹⁷ В более ранней монографии К. И. Невоструева о *Мстиславовом евангелии*, впервые опубликованной по авторской рукописи в 1997 г., буква *ѣ* передана (издателями?) как *у* (Невоструев 1997, 582).

и поэтому было передано в *Псалт.Б.-С.*¹ так же, как и фонетические южнославянизмы и лексические грецизмы. Рядом с нейотированным *е* в слове *еда* стоит написание (*еда*) *емь* (*м.л.с.*) 29 об., которое представляет единственный случай написания буквы *е* не в начале грецизма или южнославянизма, в соответствии с восточнославянским аналогичным ѣ.

В форме *еси* 39 об. *е* наведено поверх угасшего текста; сопоставление с другими случаями передачи на письме личных форм глагола *быти* показывает, что первоначально здесь было, скорее всего, *ѣ*: *ѣсмь* 30 об., *ѣси* 4, 4 об., 5 (2 раза), 9 об., 23 и др., *ѣсть* 30 об., *ѣсмъ* 'sumus', 24 об. В двух случаях *е* написано в начале слога после буквы *и*, такие написания имеют старославянские параллели в кириллических рукописях: *иерлѣимьскыя* 31 об., *търпение* sin.slav. 6/N 1 об. Употребление *е* после *и* позволяет предполагать окказиональное обозначение йотации с помощью *и*. Один раз буква *е* написана в конце строки: *твое<го>* sin.slav. 6/N 8. Что касается буквы *ѣ*, то она употребляется в *Псалт.Б.-С.*¹ только в начале слога: *твоѣя* 1 об., *твоѣго* 1 об., *просвъщениѣ* 1 об. и др.

Использование буквы *е* в неприкрытом слоге в *Псалт.Б.-С.*¹, ограничивающееся грецизмами и южнославянскими книжными лексемами, — не уникально в древнерусской письменности и представляет собой хорошо известную орфографическую тенденцию, «которая отражает, видимо, церковное произношение» (Успенский 2002, 179) и прослеживается в рукописях вплоть до тринадцатого века (Ладыженский 2011, 774).

1.2.2.2. Буквы *а, ѡ*, *ю* после букв шипящих и *ц*

1.2.2.2.1. Буквы *а, ѡ*

В *Псалт.Б.-С.*¹ после шипящих и аффрикат употребляются только буквы *а* и *ѡ*, кроме двух случаев, из которых один — описка: *ѡрица* 24 об. и *очищася* (вм.: *очищюся*) 31:

после *ш, щ, ч* — только *а* (*дѣа* 1 об., 5 об., 8 об. и др.); *изнемогоша* (*и*) *падоша* 1 об. и др.; *творѡцаго* 5; *прѣбѡжища* 5; *бецадиѣ* 11; *чаѣть* 9; *чада* 9 об.; *облачахъся* 11 и др.;

после *ж* два раза употребляется буква *ѡ* (*м.л.тежя* 5 об.; *държѡвѣно* sin.slav. 6/N 7), четыре раза — *а* (*сѣтоужаюцимъ* 2 об.; *сѣтоужа* 10 об.; *сѣтоужаѣть* 22; *прѣближатъся* 1 об.);

после *ц* 26 раз употребляется *ѡ* (*десница* им. п. ед. ч. 1 об., 22 об., 24 об., *срдца* род. п. ед. ч. 6, 8 об. и др.; *всклицилницѣмъ* 8 об. и др., 17 раз — *а* (*лица* род. п. ед. ч. 2 об. (2 раза), 6 об. и др.; *срдца* им. п. мн. ч. 6 об., *скорописъца* род. п. ед. ч. 24 и др.).

1.2.2.2. Буквы *ou*, *ю*

В Псалт.Б.-С.¹ после букв шипящих и аффрикат, кроме *щ*, везде употребляется *ю*:

дѣю 1, 1 об., 20 об.; sin.slav. 6/N 8 и др.); *оустрашо* 1 об.; *сѣгрѣшо* :./ 17 об.; *шюма* 21 и др.; *постыжюсѧ* 1; *оутвържю* 7 об.; *хожю* 21 об.; 22 и др.; *чюдеса* 19; *притѣчю* 23 об.; 27 об.; *чюждимъ* 28; *чюжди* 33 и др.; *лицю* 21, 21 об. и др., *мъшьцю* sin.slav. 6/N 3, *зѣнцию* sin.slav. 6/N 8; после буквы *щ* два раза встречается *ю*: *ищю* 1; *възищю* 2; столько же раз написано *оу*: *възищюу* 2, *ищюущей* 20 об., ср.: *искоущи* 10, *искоущей* 17, 19 об., *искоущи* 17.

1.2.3. Употребление *ѣ*

1.2.3.1. Рефлексы сочетаний типа **tert*

Полногласия в Псалт.Б.-С. нет. Для обозначения рефлекса сочетания **tert* в Псалт.Б.-С.¹ используются, как правило, неполногласные формы с *e*: *потребилъ ѣси* 23, *потребиши* 33, *преисподънѧ* 41, *требоужиши* sin.slav. 6/N 7 и др. Буква *ѣ* в рефлексах сочетаний **tert* встретила только четыре раза: *жрѣбѣи* 6, *потрѣбитъ* 10 об., *обрѣдѣши/ихъ* 25 об., *прѣзѣриши* sin.slav. 6/N 2. Среди рукописей одиннадцатого века столь значительное преобладание написаний с *e* при обозначении неполногласных рефлексов сочетаний типа **tert* до сих пор было отмечено только во втором почерке *Арх.ев.*¹⁸ Оба памятника, *Арх.ев.* и Псалт.Б.-С.¹, отражают таким образом раннюю стадию одного из процессов «формирования норм книжного правописания в восточнославянской письменности XI–XIV вв.», в ходе которого «в сочетаниях с *рѣ* *ѣ* последовательно заменяется на *e*» (Живов 2006, 186). Замечено, что во «втором почерке Архангельского евангелия 1092 г. [...] процесс адаптации по интересующему нас признаку продвинулся весьма далеко, дальше, чем в большинстве рукописей XI–XII вв.» (Живов 2006, 181–182). Это же следует сказать и о Псалт.Б.-С.¹

1.2.3.2. Рефлекс **ēd*

Корень **ēd*- в Псалт.Б.-С.¹ два раза написан с буквой *ѣ*: *ѣдлѣ* L. 6, *ѣша* L. 6, — и один раз с *ѧ*: *ѧдѣи* 40. В одном случае отмечен пример написания буквы *ѣ* для обозначения фонемы <ѣ> в начале слога после палатального глайда: *ѣстѣ* (supinum) 38, что отражает распространённую в древнерусских рукописях нейтрализацию оппозиции <e> — <ѣ> после палатального глайда.

¹⁸ Дурново 2000/1924–1927, 469–470; Живов 2006, 178–199.

1.2.4. Обозначение рефлексов *tj и *kti, *dj, *pj, *bj, *vj, *mj

1.2.4.1. Рефлекс *tj

Древнерусское обозначение рефлекса *tj отмечено в *Псалт.Б.-С.*¹ в написании *полечу* 33 об. Кроме того, всегда с буквой *ч* пишется корень *чюжд-*: *чюждимъ* 28, *чюждимъ* 28, *чюждии* 33. Показательна описка *дѣлаютьши* 32 об., которая позволяет усмотреть влияние на эту форму южнославянского по происхождению диграфа *шт*, чей облик был искажён первым писцом — очевидно, под влиянием собственного произношения (сочетание *-тъш-* с утратой слабого *ь* означает фонетически *щ*). В остальных случаях рефлекс праславянского *tj передаётся с помощью буквы *щ*:

просвъщеніе 1 об., *посъщала* 2, *съмоущенъ* 4 об., *отъвъщяють* 37 об., *искоущии* 10, *искоущей* 17 (2 раза), 19 об., *съмоущажиши* 21, *въсхощеть* 25 и др.

Лексема *нощъ* всегда пишется в *Псалт.Б.-С.*¹ согласно южнославянскому узусу (лл. 7, 21, 34).

1.2.4.2. Рефлекс *dj

Примеры со старославянским обозначением рефлекса *dj, в отличие от сочетания *tj, в *Псалт.Б.-С.*¹ единичны: *вещди* sin.slav. 6/N 3 об., *виждь* 25, *въздаждь* 3, *чюждимъ* 28, *чюждимъ* 28. Один раз рефлекс праславянского сочетания *dj передан согласно древнерусским фонетическим особенностям, но это написание было исправлено: *чюжжи* 33. Видимо, не случайна также описка *съждижютьсѧ* 31 об., вызванная тем, что писец невёрдо владел южнославянским узусом. Рефлекс праславянского сочетания *dj передаётся в *Псалт.Б.-С.*¹ в подавляющем большинстве случаев согласно древнерусской фонетике:

(*да не*) *постыжюсѧ* 1; *предажъ* 2 об.; *дажъ* 3 (2 раза), 38, 39; *подажъ* 4 об.; *оутвърженіе* 3 об.; *оутвържю* 7 об.; *ноужахоусѧ* 17; *преже* 18 об., 34 об., 37; *възхожаше* 20 об.; *хожю* 21 об., 22; *ражаючи* 27; *въздажъ* 29 об., 31; *оугожю* 35 об.; *вижъ* 37 об.; *жажю* 40; *оутвърженіе* sin.slav. 6/N 8 об.

Древнерусское обозначение рефлекса праславянского сочетания *dj с помощью буквы *ж* и в то же время передача рефлекса *tj согласно южнославянскому узусу, то есть с помощью *щ*, является характерным признаком древнерусской редакции церковнославянского языка¹⁹. Однако если преобладание форм с *щ* является относительно устойчивой

¹⁹ Хотя и по этому признаку возможны колебания: так, по сравнению со вторым почерком *Арх.ев.*, с которым во многом сближается *Псалт.Б.-С.*¹ и в котором буква *ч*, соответствующая старославянской *щ*, встречается в 10 % написаний

и тривиальной особенностью древнерусской книжной орфографии, то соотношение форм с *ж* — *жд* отражает динамическую тенденцию²⁰, которая состояла в постепенном вытеснении форм с *жд* написаниями с *ж* начиная с конца одиннадцатого века²¹ (написания с *жд* стали вновь приметой церковнославянского книжного узуса только в результате второго южнославянского влияния). Впервые столь значительное преобладание форм с *ж* при обозначении рефлексов **dj*, сравнимое с *Псалт.Б.-С.*¹, проявляется в конце одиннадцатого века во втором почерке *Арх.ев.* («*ж* [...] встречается у него более чем в 90 % случаев»²²) и сильнее всего — в новгородских служебных минеях 1095–1097 годов и в февральской минее «из собрания Синодальной типографии рубежа XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 103 — см. СК 1984, № 40, с. 80–81)» (Живов 2006, 15).

Абсолютное преобладание форм с *ж* по сравнению с *жд* при обозначении рефлексов сочетаний **dj* в *Псалт.Б.-С.*¹, так же, как и написания с *е* в неполногласных сочетаниях типа *tret* позволяют соотнести *Псалт.Б.-С.*¹ с памятниками, датируемыми не ранее конца одиннадцатого столетия (второй почерк *Арх.ев.* и новгородские минеи ок. 1095–1097 гг. и рубежа одиннадцатого — двенадцатого веков). Однако если с новгородскими минеями рубежа столетий *Псалт.Б.-С.*¹ совпадает по одному признаку (абсолютное преобладание форм с *ж* при обозначении рефлексов **dj*), то совмещение обеих тенденций к орфографической русификации форм — рефлексов **tert* и **dj* прослеживается только во втором почерке *Арх.ев.* и не имеет других параллелей среди восточнославянских рукописей одиннадцатого столетия.

Здесь уместно обратиться к наблюдениям относительно времени создания *Архангельского евангелия*, в которых пересматривается не критически воспринятая в исследовательской традиции дата создания кодекса (1092 г.) (Лифшиц 2011). Фрагменты кириллической цифири, в которых обычно усматривают дату написания памятника, на самом деле не могут быть прочитаны и уверенно

(Lunt 1949, 106), *Псалт.Б.-С.*¹ выглядит более консервативно с единственным примером с *ч* в форме *полечю* 33 об.

²⁰ В рукописях рубежа одиннадцатого — двенадцатого веков соотношение форм *жд* — *ж* может быть текстологической приметой: замечено, что *Ильина книга*, более архаичная по языковым и неязыковым (в том числе литургическим) признакам, чем так называемые «Ягичевы минеи» ок. 1095–1097 гг., отражающие влияние Студийско-Алексиевского устава, отражает в том числе более древний орфографический узус в употреблении вариантов *жд* — *ж*, чем современные ей «студийско-алексиевские» минеи (Живов 2006, 14–15).

²¹ Дурново 1969, 36; Успенский 1995, 33–34; Живов 2006, 11–23 (числовые данные на основе памятников одиннадцатого — тринадцатого веков).

²² Живов 2006, 14 (со ссылкой на: Lunt 1949, 106)

интерпретированы именно как дата написания памятника (Лифшиц 2011). При этом,

«не будь в рукописи Архангельского евангелия даты, ее на основании графико-орфографических, языковых, кодикологических особенностей, особенностей орнаментики отнесли бы к первой половине — середине XII столетия [...] к сожалению, очевидно, что существующие прочтения и интерпретации исходят из уверенности, что в древнем тексте слова и их формы ведут себя как попало, лишь бы их можно было сложить в какой-нибудь устраивающий нас смысл. Становится понятно, что дата „1092 год“, по крайней мере, остается недоказанной [...] Между тем у нас есть достаточно материала, чтобы датировать рукопись „Архангельского Евангелия“. Это особенности почерка и орфографии памятника, его орнаментика, кодикологические особенности, текстология, наконец, которая едва ли допускает возможность появления новой редакции текста в заурядной рукописи до того, как этот текст появился в репрезентативных списках. И на основании всех имеющихся данных рукопись окажется датированной первой половиной — серединой XII столетия»²³.

Если эти наблюдения верны, то *Псалт.Б.-С.*¹ по ряду инновационных признаков оказывается в подозрительном одиночестве среди других древнерусских рукописей одиннадцатого столетия, что заставляет склоняться к более поздней датировке этого памятника концом одиннадцатого — началом двенадцатого веков. В принципе, такая датировка не противоречит и «традиционной» дате создания *Архангельского евангелия* (1092 г.).

1.2.4.3. Рефлексы *rj, *bj, *vj, *mj

В *Псалт.Б.-С.*¹ единственный раз не обозначен *l*-epenteticum при передаче на письме южнославянского рефлекса консонантной группы *rtvj: *оумьрцвльми* 24, аналогичные примеры именно в этой группе и в этой лексеме известны в старославянских рукописях²⁴. В остальных многочисленных случаях, где нет условий для упрощения группы согласных, рефлексы праславянских сочетаний губных с йотом переданы с вставочным плавным, следов прямого влияния южнославянского протографа не прослеживается: *блгословлены* 6 об., 21 об., *прлгблплаху* 1, *противляющихъ* sin.slav. 6/N 8 и др.

²³ Лифшиц 2011, 182, 184 (там же — литература и подробный анализ записи, содержащей фрагменты кириллической цифири, которая по традиции объясняется как дата создания памятника).

²⁴ Leskien 1969, 54–55 (примеры из *Син.евх.* и *Супр.*; последние в нашем случае менее показательны, так как *Супр.* отражает утрату *l*-epenteticum во всех позициях).

1.2.5. Начальные *a, o, ou*

Буква *a* употребляется в Псалт.Б.-С.¹ только в начале первого слога следующих слов: *азъ* 18 об., 26 и др., *аще* 23 об., 29 об., 30, 31 об., 34 (2 раза) и др., *акы* 8, 11, 12 об., 23 (*акъ* вместо *акы*), 32, 34, 37, 37 об.), *адъ* 6, 34, 37), (*въ*) *адъ* 28, 28 об., *аспида* 36 об. В соответствии с начальным восточнославянским <о> в полном согласии с южнославянской книжной традицией в Псалт.Б.-С.¹ всегда употребляется *e* (*ж*): *елени* 4, *елень* 21, *жленьмъ* 102, *ждиною* 40 об., 78²⁵.

В начале слова употребляется исключительно *ou*: *ouxo* 5, sin.slav. 6/N 3, 8; *outroba* 5 об., 24 об.; *ounostь* 22; *outro* 25 об.; *ounьча* 29 об.; *и и оудоль* [так!] 39. Столь последовательная передача начального *ou* в том числе в соответствии со старославянским *ю* отличает Псалт.Б.-С.¹ рукописи от многих церковнославянских памятников одиннадцатого — начала двенадцатого веков: только в Арх.ев. отмечалось семь примеров с начальным *ou* в корне слова, типа *ouности*, *ounь*²⁶. В таких же рукописях, как *Пандекты Антиоха*, *Минея Дубровского*, *Туровские листки*, *Слуцкая псалтирь*, *Житие Кондрата*, *Житие Феклы*, *Реймское евангелие* и в русской части *Саввиной книги* в начале слова используется исключительно *ю* (Тот 1985, 315)²⁷.

1.2.6. Варианты *w — o — o*; надстрочные знаки

Вариант *w* встречается в Псалт.Б.-С.¹ четыре раза, причём дважды в начале стиха и с диакритическим знаком: *аще ѿпъль-читьсѧ* 2, *и ѿтъ* 9. Один раз буква *w* написана в результате описки, из-за пропуска надстрочного элемента буквы *ѿ*: *ѿмътають (сѣвътъ)* 8 (вм.: *ѿмътають*). Один раз буква *w* написана в середине строки: *ѿтъ мене* 11 об. Подобно *w*, четыре раза в начале стиха написано *o* (широкое очное «о»), один раз над ней ставится диакритический знак в форме *spiritus lenis*, а в трёх случаях она входит в состав диграфа *ou*: *оумножишасѧ* sin.slav. 6/N 7, *оупъвающаго* 7 об., *оубоитьсѧ* 8, *обидохъ* 2. *Spiritus lenis* используется в Псалт.Б.-С.¹ только над буквами гласных первого слова стиха, который всегда начинается с новой строки. Этот знак встречается на листах 4–4 об., 6–6 об., 7 (один

²⁵ К противопоставлению *o* — *e* не имеет отношения латинское или германское заимствование *олги* L. 7 (ср. лат. *oleum*), иногда ошибочно рассматриваемое как пример восточнославянской огласовки анлаута (Кузнецова 1967, 84).

²⁶ Соколова 1930, 118 (примеры); Тот 1985, 315.

²⁷ На этом фоне оказывается устаревшим сделанный на материале картотеки СДРЯ вывод, что «старославянские по происхождению варианты типа *юноша* выступили на первый план, во всяком случае, после второго южнославянского влияния» (Лукина 1968, 114).

пример: *оумножишася* sin.slav. 6/N 7), 8 об. (не везде), 9 sin.slav. 6/N 2, и далее с л. 1 по л. 10 об. включительно; sin.slav. 6: *аще ѿнълъчиться* 2, *ѣдинога* 2, *аще* 2, (2 раза), *и не оуклониса* 2 об.; *и не остави* 2 об.; *ѣко* 2 об., 4 об.; *и оуподоблюса* (л. 3), *ѣгда* 3, 6; *и по злобѣ* 3; *ѣко* 3; *отъ-вратилъ* 4 об.; *ѣда* 4 об. и др. Особенность употребления знаков *о*, *ѡ* и *spiritus lenis* в *Псалт.Б.-С.*¹ состоит в том, что эти знаки обозначали начало стиха, маркируя каждый очередной ритмико-смысловый период в тексте Псалтири. Такой способ употребления вариантов *о*, *ѡ*, насколько нам известно, до сих пор не был отмечен в древнерусской орфографии (Worth 1996), хотя орнаментальным приёмам графического оформления средневекового славянского рукописного текста посвящена большая литература. Приём графического выделения начала стиха описан пока только на материале *Псалт.Б.-С.*¹, причём сопоставление с оформлением конца строки позволяет выявить его главную особенность. Если при обозначении конца строки используются буквы *ї* и *ѡ*, то есть «узкие» варианты графем *и*, *оу*, то в начале стиха употреблены «широкие» варианты графемы *о*, а над остальными буквами гласных ставится надстрочный знак. Таким образом, если основной принцип обозначения конца строки состоит в «графической редукции», то при обозначении начала стиха используется «графическая эмфаза»²⁸. Правило «графической эмфазы» не распространяется в *Псалт.Б.-С.*¹ на лигатуру *ѡ*: *ѡтими ѡ мен[...]* 31, *ѡ врагъ роужы твоѡа* sin.slav. 6/N 8 об.

1.2.7. Обозначение конца строки и орфография гадательных приписок

Зрительно-эстетический принцип орфографии определяет употребление вариантов *ї* и *ѡ*, использовавшихся в *Псалт.Б.-С.*¹, как правило, в конце строки или над строкой в случае пропуска отдельных букв или слогов: *силѡ* / 4 об.; *немѡ* / 7 об.; *бѡ/доу* 18 об.; *преѡ/крашена* 24 об.; *ѡмѡ* / 25 и др. В слове *ѡнѡ* 1, написанном не в конце строки, слог *ѡѡ*, пропущенный писцом, надписан им над строкой и немного сдвинут влево, как в слове *ѡѡби<и(?)>...>* / (*голѡбинѡ) 33 об. Похожим образом в слове *славѡ* 3 об. лигатура *ѡ* написана в стихе, который был сначала пропущен писцом, а затем вписан им же над строкой более мелкими

²⁸ Выявленные единичные примеры *Псалт.Б.-С.* — не исключение в средневековой письменности. Так, в рукописи шестнадцатого века мной отмечено написание *Сѡе разделение* Библ. (Рум.) 162 об. Буква *ѡ* написана в начале строки, причём размер её больше, чем у остальных строчных букв, в чём проявляется её декоративная, или зрительно-эстетическая, функция — выделения начала строки. Интересно, что здесь для оформления начала строки и стиха использована графема, характерная прежде всего для грецизмов.

буквами. Один раз диграф *ou* написан с надстрочным элементом *ʋ* над буквой *o*, немного сдвинутом влево, что, скорее всего, связано с тем, что писец пропустил ижицу в самой строке: *вънидѣть* 41. Лигатура *ʒ* использовалась как вариант диграфа *ou* также при поновлении угасшего основного текста поздними правщиками: *раздѣмъють* sin.slav. 6/N 1 об., слог *-ʒ-* написан заново на месте угасшего текста; *забѣди* sin.slav. 6/N 2 об., слог *бу-* написан заново на месте угасшего текста, под новым текстом отчетливо просматривается буква *ou*, написанная первым писцом. Аналогично употребляется и буква *і*: *въні/доу* 1, буквы «*въні*» написаны заново поверх угасшего текста в конце строки, *мі / 3* об., 18 об., *достолюні//ю* 3 об., *ливаньскыи / 4*, *подві/жюса* 4 об., *гї* 6 об., *живи/ции* 8, вместо *живоуции*, буква *і* вписана поверх угасшего текста в конце строки и др.

Правила оформления конца строки распространяются на графику и орфографию гадательных приписок, которые сделаны на полях рукописи киноварью. Почти все приёмы оформления конца строки используются в *Псалт.Б.-С.*²⁹ в гадательных приписках независимо от расположения слова по отношению к началу или концу записи. К числу приёмов графико-орфографического оформления гадательных приписок относятся использование *і* как «узкого» варианта *и*, употребление вариантов букв *ѡ* и *ѣ* с высокой мачтой, написание лигатуры *ѤѢ* (нижняя часть мачты буквы *Ѥ* использована как мачта буквы *Ѣ*). К обычным приёмам конца строки первым писцом *Псалт.Б.-С.* в гадательных приписках добавлен ещё один — преимущественное употребление *e* за счёт сокращения использования *ю*. Приведём текст некоторых записей²⁹:

въроуи въсьмь срдцьмь (так!) и *цѣльѣши* sin.slav. 6/N 6 об.; *оуслышитъ бѣ мѣтвѣ твою* L, 3; *емоуже хочещи боудеть ти* 9; *дѣло емоуже хочещи трѣдѣ имать* 18 об.; *не пѣцисл боудеть дѣло твое* 24; *иже імаши на оумѣ помалѣу испълнит[...]* 57; *дѣло съкрѣвено твѣ боудеть* 66; *бѣ ти естъ помощникѣ не боисл* : 67; *на свѣтѣ изидеть дѣло твое* : 68; *многы тѣлжа на тѣ вѣстѣют* (так!) 70 об.; *орѣудил не таи* 73 об.; *потѣрри добро ти боудеть* 74; *орѣудие съкрѣвено авлѣеть* : 79; *оулоучиши въ дѣлѣ* 80; *повиноуисл аю боудеть ти егоже хочещи* 86; *надѣисл въ ороудие се* 87; (начало записи утрачено?) *орѣудие твое лежить* :~ (или :~) 87 об.; *аще пождеші моллса боудеть ти надежа добр*: 91 об.; *нѣинѣ* 16; *трѣдѣ* 18 об.; [...] *ѣ придетъ* 22 об.; *блзніѣ* 30 об.; *съкрѣвено* 36 об.; [...] *звлѣ<?> съвѣтѣ* 42; *цѣлѣ* 50 об.; *не боисл вѣзнесеишисл по днѣхѣ* : 71 об. Ср. в основном тексте: *въздѣушнѣиѣхѣ* :~ 4 об.; *оправданѣи* L, 2 об.; *мѣ(ѣ?)ногахѣ* : 3 об.; *прѣбываѣтѣ* 8 об.; *отѣ* 17 об.; *сѣсѣтѣсл* 8 об.; *велѣцѣ* : 19 об.; *въкѣи* 23; *мѣ/ноу* 35 об.; *сѣлѣтѣтаѣтѣ* : 36 об. и др.

²⁹ В том случае, если запись цитируется полностью, то начало и конец строки специально не маркируются.

В использовании приёмов оформления конца строки в гадательных приписках имеются исключения. Один из немногих случаев употребления буквы *ж* отмечен в записи, которая, кроме прочего, ценна тем, что в ней мы, похоже, встречаемся с древнейшей фиксацией слова *сѣчастіѣ* в истории русского языка: *сѣчастію прошеніѣ* [...] 43 (если это не сочетание *сѣ частію*). Судя по качеству фотоконпии, окончание записи утрачено, однако его можно восстановить с помощью другого отрывка, благо содержание гадательных приписок часто повторяется (полностью либо с различными вариациями): [...] *тію єсть прошеніє твоє* sin.slav. 6/N 7 об.

Другое исключение касается употребления «широкого» варианта графемы *о*: *о немже* (так!) *печешисл моли бѣ и ми/мо идетъ* 53 об. Широкий вариант *о* поместился в середине буквицы-инициала, с которой начинается первый стих 72-го псалма; этим стихом завершается текст Псалтири на л. 53 об. Инициал занимает пространство листа почти до нижнего края. Начало гадательной приписки совпадает графически, точнее, зрительно с зачалом псалма.

Приёмы графико-орфографического оформления гадательных приписок и конца строки в *Псалт.Б.-С.*¹ уместно здесь сопоставить с тем, как оформляется конец строки и стиха в *Псалт.Б.-С.*³, где отмечены два написания «узких» вариантов графем хотя и в конце строки, но с сохранением после них значительного незаполненного пространства; особенно это касается первого примера, где буква *ѡ* находится не только в конце строки, но и в конце стиха: *отъна/ѡдѣтъ* ∴ 13 и *кедрѣ /* 15 об. Та же особенность просматривается и в написании буквы *е* в *Псалт.Б.-С.*², которая часто используется в конце строки и стиха так, что после неё в строке остаётся незаполненным значительное пространство (об употреблении буквы *е* в *Псалт.Б.-С.*² см. § 1.3.2.1.3).

Графико-орфографическое оформление гадательных приписок в сопоставлении с приёмами оформления конца строки и стиха в *Псалт.Б.-С.*² и *Псалт.Б.-С.*³ заставляет по-особому взглянуть на эти приёмы письма. Использование «узких» вариантов графем нельзя объяснять стремлением к экономии места в строке. Замечено, что

«вряд ли только стремлением к экономии места можно объяснить, например, отмеченные в УЕ¹¹ [11-й почерк Учительного евангелия Константина Болгарского XII в. (ГИМ, Син. 262). — Р. К.] написания: ѡ/слѣди 216а 20, заѡ/вѣди 215б 4, сътѡ/ристе 216а 10, тем более что писцы не стремились строго, как это делали они в отношении левой стороны столбца, соблюдать ровной правую его сторону» (Гольшенко 1982, 24, примеч. 57).

В сопоставлении с приёмом «графической эмфазы» в начале стиха и в сравнении с употреблением «узких» вариантов графем в пропущенных словах, стихах или в наведённом тексте становится ясно,

что цель «графической редукиции» состоит не в экономии драгоценного писчего материала. Оформление конца строки и вообще всяких в прямом смысле слова «маргинальных» элементов текста связано с восприятием этого записанного текста не только как смыслового единства, но и как единства графического, зрительного. В этих приёмах отражается особая нефонетическая сторона письма, исследование которой представляет отдельную проблему³⁰.

1.2.8. Редуцированные гласные

1.2.8.1. Отсутствие ъ, ь в слабой позиции

Буквы ъ, ь регулярно пропускаются в *Псалт.Б.-С.*¹ в следующих морфемах:

- а) в корне *-зъл-* — 20 раз: *злбою* 1 об., *злбоюущеи* 1 об., *зла* 9 об., 17, *злая* 10, 10 об. и др.; буква ъ для обозначения редуцированного в слабой позиции в этом же корне отмечена семь раз: *зъла* 2, 9 об., *зълбою* 1 и т. д.;
- б) местоименный корень *-къ-* почти всегда пишется без буквы ъ в словах *къто* и *къде*: *къгда* 3, *къто* 9 об., 18, 33 об. и др., отмечено лишь три написания корня *къ-* с буквой ъ: *къто* 19, *къде* 21 об.; *къто* sin.slav. 6/N 6 об.;
- в) в корне *мъног-* буквы ъ, ь отсутствует 18 раз: *много* 6 об., 12 об., *многъ* 7 об. и др., в восьми случаях в корне *мъногъ-* пишется буква ъ: *мъногы* 7 об., *мъножьствъ* 8 об. и др., один раз буква ь: *мъногахъ* 3 об.;
- г) в формах дательного и творительного падежей единственного числа местоимения *азъ* буква ъ пропущена семнадцать раз: *мнѣ* 5, 10 и др., *мною* 9, 17, 34 об., 35, 30 об., sin.slav. 6/N 9, в 23 случаях пишется буква ъ: *мънѣ* 10 об., 17 об., *мъне* 17, 17 об. и др.;

³⁰ Написания, не обусловленные фонологическими смысловозначительными отношениями, опираются на древнюю традицию использования «зрительно-эстетического принципа», отражённую уже в памятниках старославянского корпуса (Миклас 1993, 3–12; Miklas 1988, 52–65; Miklas 1998; Miklas 2002; ср. «das Schriftdenken» и «das phonologische Denken»: Trubetzkoy 1954, 15; см. Marti 2005, 15–16). Древнерусские фонетические особенности могли передаваться на письме в согласии с требованиями оформления конца строки. Это происходило не только при обозначении на письме второго полногласия (Гольщенко 1962; Кандаурова 1968), но и при всяком написании букв ъ, ь и надстрочных знаков, которые могли их замещать (Schaecken 1994). Исследование элементов древнего славянского письма, связанных с его зрительной стороной, в частности, с оформлением конца строки, имеет традицию, в этой области собран богатый фактический материал и существуют приёмы для работы не только с книжными памятниками, но и с текстами бытовой письменности (Schaecken 1995; Зализняк 2004, 63–64). См. также (Страхов 2001, 69).

- д) в корне *вьс-* буква *ь* пропущена одиннадцать раз: *вслагого* 9 об., *вс*л 10, 23, 25, 31, 35, *вси* 13, *вслкѣ* 41, *вси* 41 об., *вс*лака 42, *вс*лакоа 33, тогда как с буквой *ь* этот корень отмечен более чем в двадцати случаях: *вьс*л 7, 8 об. (2 раза) и др.;
- е) в суффиксе *-ьн-* буква *ь* пропущена семнадцать раз, причём в девяти примерах буква *ь* отсутствует, если в предшествующем слоге уже имеется *ь*: *ближними* 3, *прѣднии* 4 об., *прискърбно* 7 об., *правѣднаго* 6 об., 10; *sin.slav.* 6/N 3 об., *правѣдныа* 9 об., *правѣднии* 10, *прискърбна* 22 (2 раза), *неправѣдна* 22 об., *правѣдникоу* 35, *разоумно* 26 об., *правѣднии* 7 об., 32, *правѣдникѣ* (*sin.slav.* 6/N 3 об.); тот же суффикс написан с буквой *ь* 63 раза: *неправѣдънии* 2 об.; *потребно* 7; *грѣшномоу* 7 об. и т. д.;
- ж) в корне *кѣн.лз-* буква *ь* в абсолютно слабой позиции пропущена дважды: *кн.лзѣ* 8, *кн.лзи* 26 об., других примеров употребления этого корня в *Псалт.Б.-С.*¹ не отмечено.

Лексема *пѣтица*, которая в древнерусских рукописях одиннадцатого века часто пишется без буквы *ь*, в *Псалт.Б.-С.*¹ отмечена дважды, оба раза с ером: *пѣтица* 29 об.; *sin.slav.* 6/N 3.

Набор корней, которые в рукописях одиннадцатого — первой половины двенадцатого веков передавались на письме без букв *ѣ*, *ь*, известен, чаще всего эти безъеровые написания древнейшего периода толкуются как разновидность сокращённого письма³¹: *кѣниг-*, *кѣн.лз-*, *пѣтиц-*, *кѣто*, *тѣгда*, *кѣгда*, *вьс-* с ером в слабой позиции, *мѣног-*, *зѣл-*, *дѣн-*, *дѣв-*, *пѣс-*. Вместе с тем числовые данные, учитывающие количество морфем с систематически пропускаемыми буквами *ь*, *ѣ*, показывают, что к началу двенадцатого века число таких морфем увеличивается по сравнению со старославянскими памятниками десятого — одиннадцатого веков и древнерусскими рукописями середины одиннадцатого столетия, в связи с чем отражение судьбы еров считается одним из наиболее важных факторов, датирующих письменный памятник³². Эта книжная тенденция поддерживает общее установившееся мнение, что падение редуцированных в русском языке затрагивало изначально утрату слабых еров и затем — вокализацию сильных.

Таблица показывает, как отразился процесс падения еров в *Псалт.Б.-С.*¹ и *Псалт.Б.-С.*²:

³¹ Соболевский 1907, 46; Дурново 2000/1924–1927, 418–433; Lunt 1949, 18; Gribble 1989; Успенский 2002, 136–137; Зализняк 2004, 63–64; Живов 2006, 33–34, особенно 33, примеч. 16 (о «неправомоности интерпретации подобных примеров как свидетельств начального этапа восточнославянского процесса падения редуцированных, который при подобной трактовке начинается в „безударных“ первых слогах слова [эта трактовка восходит к А. А. Шахматову и затем некритически воспроизводится в десятках работ, затрагивающих данный вопрос]).

³² Колесов 1964; Колесов 1980, 109–112; Марков 1964, 80.

Морфема	Псалт.Б.-С. ¹		Псалт.Б.-С. ²	
	Количество написаний с ером	Количество написаний без ера	Количество написаний с ером	Количество написаний без ера
зѣл-	7	20	17	5
кѣ-	3	passim	4	passim
мѣНОГ-	8	18	15	21
мѣН-	23	17	28	39
вѣс-	20	11	passim	4
-ѣН-	63	17	148	14
кѣН.АЭ-	0	2	4	11
-ѣЦ-	1	1	везде	0

В Псалт.Б.-С.¹⁻² утрата еров надёжно засвидетельствована в семи морфемах. Близкое количество морфем с последовательно опускаемым ером отмечено в Псалт. Чуд. (7 морфем), Гр. Наз. (XI в., 9 морфем), Тун. Уст. (XI–XII вв., 9 морфем) и Пат. Син. (XI в., 9 морфем). Для сравнения, в Изб. 73, в первом почерке Арх. ев., в новгородских служебных минеях 1096 и 1097 годов, в Панд. Ант. и в Реймском евангелии еры опускаются регулярно в одиннадцати морфемах. Меньшее количество морфем с регулярно отсутствующими ѣ, ѣ отмечено только в Остр. ев. и в Мин. Пут.: в каждой рукописи — по три морфемы. К рубежу одиннадцатого — двенадцатого веков и в течение двенадцатого столетия количество морфем с пропущенным ѣ, ѣ увеличивается: в Мин. сент. отмечено 15 морфем, во втором почерке Арх. ев. — 16, а в Мст. ев. (до 1117 года), Ефр. корм. и Усп. сб. встречаются 20 морфем с регулярно пропускаемым ером в слабой позиции³³.

Существует известное противоречие между тем, как падение ѣ, ѣ отражается, с одной стороны, в русско-церковнославянских книжных, с другой стороны, в бытовых письменных памятниках.

³³ Колесов 1964, 30–44, 37; Колесов 1980, 110 («По рукописям видно, как постепенно увеличивалось число корней, способных последовательно опускать <ѣ, ѣ>: от 2–3 в начале XI в. [Мин. Пут., Остр. ев. — Р. К.], 10–12 в конце XI в. [Арх. ев., Мин. сент., Мин. окт., Панд. Ант. — Р. К.] до 20–30 в конце XII в. [...] Одновременно с этим увеличивалось количество пропусков изолированных [речь идёт о ѣ, ѣ в морфологически изолированной, или абсолютно слабой позиции. — Р. К.]: в ПМХI [Мин. Пут. — Р. К.] их почти нет, в М95 [Мин. сент. — Р. К.] их около 30 [...] Общий список корневых морфем, содержащих изолированные <ѣ, ѣ>, дать невозможно, так как это зависит от содержания памятника»).

«Самые ранние надежные примеры пропуска ъ, ь в берестяных грамотах, известные ныне, несколько старше, чем известные прежде; это *Рожньта* 915 (вероятно, 3 четв. XI в.), *арци* 910 (XI/XII), *З гривнь <-ны>* 907 (XI/XII), *Тюткы* 904 (1 четв. XII). Показания известных ныне берестяных грамот позволяют заключить, что основной период падения неконечных слабых редуцированных в др.-новг. диалекте (в узком смысле) — это примерно сто лет: от 20-х XII в. до 10-х гг. XIII в. Но отдельные случаи падения, очень редкие, встречаются и раньше — уже в XI в. Очевидно, существовала также некоторая „зачаточная фаза“ данного процесса (возможно, даже довольно длинная)» (Зализняк 2004, 58)³⁴.

Увеличение количества пропущенных слабых ъ, ь в русско-церковно-славянских рукописях двенадцатого столетия связано с активной стадией утраты слабых ъ, ь в древнерусском языке. Что же касается более ранних примеров, то нужно признать, что наряду с книжным произношением еров в древнерусской книжной орфографии под влиянием южнославянского письменного узуса сложилась традиция «книжного произношения» (точнее, «книжного ненаписания») еров в слабой позиции³⁵, которой сопутствовала «зачаточная фаза» утраты слабых ъ, ь. Реальным свидетельством этой ранней фазы, фонетическим содержанием которой, вероятно, была утрата слабыми ъ, ь слоговости, служат древнейшие примеры слоговой компенсации перед слабыми ъ, ь, датируемые рубежом одиннадцатого — двенадцатого веков (см. § 1.2.12.2).

Консерватизм двух основных писцов *Псалм.Б.-С.* в обозначении слабых ъ, ь не позволяет, несмотря на ранее упомянутые графико-орфографические инновации *Псалм.Б.-С.*¹, соотнести время создания этого памятника с активной стадией утраты слабых ъ, ь в древнерусском языке и определяет *terminus ante quem* датировки этой рукописи, созданной не позднее первой четверти двенадцатого века.

³⁴ Ср. Райнхарт 2006, 310 («Первый известный пример для падения редуцированных в древнерусском языке, который не унаследован из старославянского языка, — это *литва* [< *Litъva] в берестяной грамоте № 590 [последняя треть XI века]. [Примечание:] Высказанные Зализняком сомнения в достоверности примера [...] кажутся нам натянутыми»); Зализняк 2004, 244 (комментарий к грамоте № 590: «Для *тв* в *Литва* не вполне ясен исходный вид: **tvъ* или **tvъ*»).

³⁵ Зализняк 2004, 352–353 (комментарий к грамоте № 724, состоящей из двух частей, написанных, соответственно, в книжной и в бытовой орфографии; «выбор бытовой графической системы сопровождается здесь сохранением редуцированных на письме, а выбор книжной системы — их опущением. Это важное подтверждение тезиса о том, что при книжной графической системе процесс падения редуцированных отражается на письме в целом быстрее, чем при бытовой»).

1.2.8.2. Смещение *ѣ* — *о*, *ѣ* — *е* в слабой позиции

Регулярно пишется с буквой *о* южнославянская лексема *оупъвати*: *оуповаю* 2, *оупова* 32, *оуповають* sin.slav. 6/N 1, *оупованиа* 39³⁶. Из этого ряда выделяются написания *бѣ излѣво* 37 об.; *кото* 41 об. и *въсплать* 30 (*ѣ* исправлен из *о*), *отъ рѣва* 18 об. (буква *а* исправлена из *о*; *о* во флексии, исправленной на *а*, появилось в результате графической ассимиляции предшествовавшему *о*, которое, в свою очередь, было исправлено на *ѣ* в результате гиперкоррекции).

1.2.9. Рефлексы сочетаний **tъrt*, **tъrt*, **tъlt*, **tъlt*

В подавляющем большинстве случаев рефлексы праславянских сочетаний **tъrt*/**tъrt* и **tъlt*/**tъlt* переданы согласно древнерусскому узусу: *потърпѣхъ* 1, *жъртвоу* 2, *пѣлкъ* 2, *потърни* 2 об., *пърсть* 4 об., *мъртвъ* 6, *скърби* 9, *съмъртъ* 10, *отъвързала* 17, *търпѣниж* 18, *първыа* 22 и др. В Псалт.Б.-С.¹ отмечены всего лишь пять примеров отражения на письме второго, или ерового, полногласия: *ѡпѣлѣчитъ сѧ* 2, *ѡпѣлѣчитъ* 9 об., *испѣлѣнисѧ* 1 об., *премѣлѣчиши* 3, *оутъврѣдиши* 41 (так, буква *и* написана вместо *ѣ* в результате «графической ассимиляции» под влиянием следующего слога). Имеются несколько написаний согласно южнославянской норме, причём касаются они только двух корней: *скръби* 10, *скръбѣхъ* 33 об., *скръбии* 9 об., *скръбѣхъ* 25 об., *скръбѣ* sin.slav. 6/N 4; *исплѣнь* 8, 27, *исплѣнимъсѧ* 42, *исплѣниши* sin.slav. 6/N 7 об., *исплѣнисѧ* sin.slav. 6/N 8 об.

1.2.10. Описки

Описание и классификация ошибок письма позволяют судить о лингвистической достоверности источника и о том, кем и как создавалась рукопись, для какого круга читателей и т. д.³⁷ В Псалт.Б.-С.¹ выявлены

³⁶ См. Дурново 2000/1924–1927, 443 («Написания *ото мене, ко себе, оупованиж* и т. п. не оправдываются правописанием памятников ю.-сл. письма и, следовательно, внесены русскими писцами, но основаны, несомненно, не на живом исконно-русском произношении: здесь *ѣ* было слабым и не могло произноситься как *о* в живом языке. Основа (*и*)*рѣва*- русскому яз. не была известна [...] правописание с *о*, обычное в большей части памятников XII в. и постоянное во всех памятниках XIII в. и позднее, передает книжное произношение ее со звуком *о*»); ср. Щепкинъ 1906, 105 (о написаниях типа *оупова* в Болонской псалтири [XIII в.], написанной близ Охрида, и в среднеболгарских памятниках «восточного нарѣчѣя»; объяснение этих форм как результата морфологической аналогии с суффиксом *-ова-*).

³⁷ Колесов 1982, 30 («указатели ошибок, типичных для древнерусских рукописей, еще не составлены, хотя необходимость в них весьма высока, поскольку всякое

следующие описки, количество которых позволяет ожидать отражения в памятнике некнижных, собственно древнерусских языковых инноваций, о которых пойдёт речь далее.

Пропущенные буквы: *раздоушилъ кси* ∴ / sin.slav. 6/N 1, *Въ рдости* (вм.: *въ гърдости*) 2, *разгъва* 2, *въжоу* 6 (вм.: *въжоупъ*), *поуи* 8 (вм.: *поути*), *И съ тръпътивъмъ* 9 об. (вм.: *и съ стръпътивъмъ*); *съ сбормъ* sin. slav. 61, *И бави м.л* 6 (вм.: *и избави м.л*), *молтвоу* 18 об., *подвиластасл* 17 (вм.: *подвижлстасл*), *съханю* 17 об., не премчи ∴ / 18 об. (вм.: *не премълчи*), *и/рданъскыа* 21 об., *оермонъскыа* 21 об. (вм.: *оермонъскыа* — Ермонци, славянский текст отражает контаминацию с формой Αερμων), *аще възачю* 29 об., *пренеманил* 33 об. (вм.: *пренемаганил*), *бекониж* 34 (вм.: *безакониж*), *Ни безаниж* 37 об. (вм.: *безаконижъ*), *мло-т-вол* 36 об. (вм.: *мלותъ твол*, если это не написание слова *мло* как *нл*), *възвелитъсл* 37 об., 41, *Възвелитъсл* 42, *въ/знетъсл* 41 об., *онгъмъ* (вм.: *онгъмъхъ* — ἐκωφώθη) 18, *И на ѓд оупъва* 1, *въ досто.л себе* ∴ (вм.: *досто.лниж* 8 об.), *Ако отъ* (пропущено *того*) *търпъниж мож* 40; пропущенное титло: *срдцмъ* 10;

графическая ассимиляция: а) под воздействием предыдущего слога: *вълъ* sin.slav. 6/N 4; б) под воздействием последующего слога: *хвалоу* 31 об. (вм.: *хвалоу*), *печели* 21 об., *възалоу/чють* 37 об., *ви/титъ* 37 (вм.: *видитъ*), *мыш.лца* 22 об., *въскълъкнѣте* 26 (других примеров смешения *ъ* и *и* нет); в) под воздействием сходного начертания другой буквы: *зашититель* (*нашь*) / 9, *оумножищасл* 17 об., (*разбогатъжътъ*) *члвкы* ∴ 28 об.;

повторное написание одной и той же буквы, слога или слогов: *И не оуклони* и *с.л* 2 об., *Законъ помоложи* 2 об. (буква *м* написана по сходству с *л*, вместо *положи*), *В вкоусите* 9 об., *бъ нашъ въ въ въкы* ∴ / 27 об., *Исповѣсть ты ти с.л* 28 об.;

описки, вызванные графическим и паронимическим сходством словоформ и словосочетаний: а) употребление неуместных с точки зрения семантики паронимов: *мѣсто вселеныа* (вм. *въселениа*) *славы твоѣа* 1 об., *раждениж* (вм. *гаждениж*) 6, (*въздастьс.л*) *отъ въ* (вм. *молитва въ*) *иръмъ* 42; *облицаша* (вм. *обнищаша*) 9 об.; б) неверное употребление грамматической формы: *въ обилиѣ можмъ* 4 об.; (*окропиши м.л оусофъмъ и*) *очищасл* 31;

другие описки: *обрад.тъсл* 31 (вместо *обрат.тъсл*); графическая аттракция с корнем *рад-?*).

1.2.11. Написания *о*, *э* вместо *оу*, *ѡ*; *ъ*, *ѣ* вместо *ы*, *ѣ*; *э* (*о*) вместо *ѡ* (*ѡ*); *э* (*е*) вместо *Ѣ* (*ѡ*)

Написания, отражающие пропуск второго элемента диграфа, заслуживают особого внимания. В *Псалт.Б.-С.*¹ это явление касается только

научное описание рукописи должно быть предварено полным перечнем отмеченных в ней описок и ошибок написания»).

написаний *ѣ* вместо *ѣ*: *испѣтаѣта* 3 об., середина строки; *да постѣ-длтѣса* 10 об., начало строки; *Стрѣлѣ* 41 об. (вм.: *стрѣлы*; начало строки), *слѣзѣ мол* 21 (вм.: *слѣзы*), *акѣ* 23. Интересно, что в *Псалт.Б.-С.*² выявлены только две описки такого типа: *тождѣ* (вм.: *тоуждѣ*) *sin.slav.* 6/N 11 об.), (*животънаа твоа*) *животъ (на неї)* 45 об., хотя случаев пропуска букв *Псалт.Б.-С.*² довольно много (см. § 1.3.11). В то же время в *Псалт.Б.-С.*³, то есть на трёх листах рукописи, выявлены два случая пропуска букв, из них один — написание *о* вместо *оу*: *въ роуко* 15 об.; *правнѣнымѣ* (вм.: *правдѣнымѣ*, 16); ср. также: (*не видѣлѣ [...]*) *семени жго*) *прослаце (хлѣба)* 14 об. (вм.: *прослацаго*, если это не свидетельство развития деепричастий).

Написания типа *о*, *ѣ* вместо *оу*, *ѣ*; *ѣ* вместо *ѣ*, *ѣ*; *ѣ* (*о*) вместо *ѣ* (*ѣ*) неоднократно привлекали к себе внимание. С полным основанием считается, что какие-либо фонетические причины появления написаний первого элемента диграфа вместо всей буквы отсутствуют³⁸. Ряд обстоятельств мешает видеть в этих написаниях обычный пропуск букв или сопоставлять их с написаниями *у* вместо ожидаемого *оу*³⁹.

Названные описки затрагивают пропуск только второго элемента диграфа: нет написаний типа *і* вместо *ѣ* в памятниках, не знающих мены *ѣ* — *и*, или написаний *ѣ* (*ѣ*) вместо *ѣ* (*ѣ*) в глаголических рукописях, не знающих мены юсов⁴⁰. Иными словами, широко известны написания с одним только первым элементом диграфа, однако написания со вторым его элементом отсутствуют, по крайней мере, как устойчивый тип ошибки. Кроме того, написания с первым элементом диграфа осознавались как ошибочные самими же книжниками. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи исправлений *ѣ* на *ѣ*, *о* на *ѣ* в кириллических рукописях (Гольщенко 1982, 21–23), один случай исправления *о* (*ѣ*) на *ѣ* (*ѣ*) в Мар. (Ягичъ 1883, 424) или написания второго элемента глаголических букв носовых гласных в *Синайской псалтири* в междустрочии⁴¹.

Этого нельзя сказать лишь о написаниях с *у* вместо *оу*, которые нигде не исправлялись (единственное исключение — *Путьятина минея*, где имеется одно исправление *у* на *ѣ* не в конце строки, что связано

³⁸ Вайан 2002, 56 (о глаголической орфографии: «нельзя принимать во внимание спорадические написания *е* вместо *ѣ*, *о* вместо *ѣ* и др., представляющие собой просто ошибки писцов»); Гольщенко 1982 (древнерусский материал, более ранняя литература).

³⁹ Diels 1932, 41–42; Гольщенко 1982, 18.

⁴⁰ См. von Arnim 1930, 68–77 (исчерпывающий анализ примеров из *Синайской псалтири*).

⁴¹ von Arnim 1930, 59 («Wie locker der Zusammenhang zwischen den Bestandteilen der Ligaturen ѣа, ѣѣ, ѣѣ war, ersehen wir aus der Schreibweise ѣѣ ѣѣ ѣѣ, wo die vergessene zweite Hälfte nachträglich über der Zeile ergänzt wurde»).

с устойчивым использованием буквы *у* в этом памятнике для обозначения фонемы <u> после палатальных [Колесов 1973, 178]). Кроме того, не все рукописи, в которых встречаются написания *у* вместо *оу* или *ю* (ѣ), содержат также написания *о* вместо *оу* или *ѡ* вместо *ѣ*, к их числу относится *Псалт.Б.-С.*², где, помимо прочего, буквы пропускаются очень часто, однако написания типа *ѡ* вместо *ѣ* или *о* вместо *оу* отсутствуют. Сопоставление количества всех описок в памятнике с количеством написаний одного только первого элемента диграфа позволило бы выявить, насколько корректно с точки зрения количественных данных видеть в рассматриваемых написаниях *о б ы ч н у ю* описку с пропущенной буквой⁴².

Особую точку зрения на причины появления написаний *о*, *ѡ* вместо *оу*, *ѡ*; *ѡ*, *ѡ* вместо *ѣ*, *ѡѣ*; *ѡ* (*о*) вместо *ѣ* (ѣ) высказал Ю. Нуорлуото⁴³. Исследователь, опираясь на известные ранее противоречивые данные относительно употребления кириллической и глаголической ижицы — монографов *у* и *ѡ*, пришёл к выводу, что в первоначальной форме глаголицы, возможно, был один монограф для обозначения фонемы <u>, а именно *ѡ* (т. е. второй элемент диграфа *ѡ* (*оу*), который сближается с ижицей и вместе с тем по форме похож на *ѡ* — *о*). К этой букве впоследствии были добавлены диграф *ѡ* (*оу*) и монограф *ѡ* (*ю*), чьи функции стали в результате смешиваться друг с другом (Nuorluoto 1994, 104–109; Nuorluoto 1995–1996, 308). Эта гипотеза позволила объяснить целый комплекс орфографических явлений, в том числе непоследовательное употребление букв *оу* — *ю* после букв шипящих и *ц* и смешение букв *оу* — *о*. Интерпретация написаний *о* вместо *оу* и *ѡ* вместо *ѣ* как результат влияния древнейшей глаголической традиции представляется проблематичным на фоне многочисленных описок такого типа, отмеченных, например, в *Выголексинском сборнике* (Голышенко 1982), орфография которого настолько насыщена характерными древнерусскими, в том числе диалектными, особенностями, что говорить о каком-либо глаголическом влиянии на неё не приходится. Кроме того, написания *о* вместо *оу* нельзя рассматривать в отрыве от других аналогичных написаний (типа *ѡ* вместо *ѣ* и др.).

⁴² Ягичъ 1883, 424 («бодетъ матѣ. VI 10, іо XV 4, бодѣтъ матѣ. XIX 30, събодутъ с.а. матѣ. XIII 35, содитъ іо III 17, прикосно с.а. марк. V. 27, рѣгахо матѣ. IX. 24, радова-ахо с.а. лук. XIII 17, сѣмѣахо лук. XX 40, гѣаахо іо VII. 40, вѣ едино марк. IX 5 описка [...] исправлена. Вѣроятно той же небрежностію писца объясняется нѣсколько случаевъ передачи *оу* через *о*, т. е. писецъ просто забылъ дописать вторую часть буквы: бѣсъноетъ матѣ. XVII. 15, помилои XX. 30, трождѣше лук. V. 5, оченикъ іо. VI. 8, охо (вм. ухо) лук. XXII. 50, сл. еще слѣпооуму іо. XI. 37 и наоборотъ *гроубоу* (вм. *гробоу*) лук. XXIV. 12, поуоучати XXI. 14» 424).

⁴³ Nuorluoto 1994, 104–110; Nuorluoto 1995–1996, 308–309.

Далее мы рассматриваем написания *o*, *ə* вместо *ou*, *Ѡ*; *ѡ*, *Ѣ* вместо *ы*, *ѣѢ*; *ə* (*o*) вместо *Ѣ* (*ж*), исходя из особенностей структуры диграфа в системе древнейших славянских азбук, независимо от функционирования буквы *y* (этому вопросу посвящён отдельный очерк), с привлечением дополнительного материала абецедариев, азбучных молитв и акростихов. Полное обследование какого-либо свода памятников в рамках данной работы невыполнимо, поэтому ниже для сравнения приведен классифицированный по типам описок материал первых 25 листов *Асс.* (не учитывались случаи пропуска букв в абсолютном конце строки):

пропуск букв, титла и слогов: *ннѣ*· 15 (8а-10)⁴⁴, пример издателем не прокомментирован, *Прише* 24 (12d-5), *ре* 25 (13а-11; вместо *рече*), *оусж* с.л 23 (12а-18; вместо *оужасж* с.л), *въдѣте/лъствоуѣ* 31 (16а-13-14; вм.: *сѡвѣдѣтельствоуѣ*), *Вѣвшта* 34 (17с-25), *ѣмѡ* 36 (18d-15; вм.: *ѣмамѡ*), *поклониша* 38 (19d-2) (в подстрочном примечании: «*поклониша* sic (bez с.л)»); *рѣ* 44 (22с-19; вм.: *рѣша*), *по/слушате* 45 (23b-17; вм.: *послушаете*), *мотѡ* 47 (24b-28; вм.: *можетѡ*), *въпроша* 49 (25а-21; вм.: *въпросиша*), *вѣѡ* 49 (25b-7; вм.: *вѣвѣѡ*)⁴⁵;

повторное написание букв, слогов или слов: (*не бѣди*) *неневѣ/ренѡ* 14 (7с-11-12), *ничесоже* 16 (8d-22), *вѡ оутр/трѣѡ* 21 (11а-17-18), *никтоже/же* 30 (15d-24-25), *ѡ сѣди/ти ѡ сѣдити* 35 (18а-17-18), *ниѣл/ѣлѡ* 37 (19b-21-22), *Издѣж/дѣж* 39 (20а-29-b1), *имѡ/мамѡ* 39 (20b-9-10), *нось/носѣлавшайго* 39 (20b-18-19), *разоузоу/мѣете* 40 (20d-27-28), (*Егоже оѡ/стѡ*) *ѡ ѡ* (*носѣла/ вѡ мирѡ*) 47 (24а-17), *твотвори/тѡ* 50 (25d-8-9); ср.: *рѣче* 47 (24а-13);

написание одной буквы вместо другой: *бѣ ѣл* 22 (11с-22; вместо *чѣѣл*, *ѢΔѢ*, действ. прич. наст.вр. ед. ч. м. р. им. п. от *чѣпати*); *дежлщ(а)* 28 (14с-11; вм.: *лежлща*; ср. глаголические *ѣ* (*л*) и *ѡ* (*д*)); *бѣ/ш.лтѡ* 44 (22d-23-24; вм.: *бѣж.лтѡ*); *нѣ сѣтѡ* 45 (23b-19);

o (*ə*) вместо *ou* (*Ѡ*): *дрогъ же* // 12 (6с-30), *вѣкоси* 15 (8а-14; середина строки), *колѡ* / 22 (11d-6), *ѣмо вѡ* / 29 (15а-2; «na konci řádku bylo nejspíše totež jako v ř. 1, po vѡ není však téměř nic viditelné»), *кѡ него* 45 (23а-23; середина строки); *o* (*ə*) вместо *ж* (*Ѣ*): *бѣѡхо* 6 (3с-19; середина строки, перед предлогом *o*, надписанным над строкой), *гѣѡхо ѡко* / 31 (16b-8);

⁴⁴ Здесь и далее первое число указывает номер страницы издания; числа и буква в скобках, соответственно, номер листа, столбец, номер строки.

⁴⁵ Ряд примеров трудно однозначно классифицировать как описки. Пример *градѣтѡ / нему* 43 (22а-2-3) неясен, так как предлог *кѡ* мог быть пропущен в конце строки, такие пропуски часты в *Асс.* Не рассматриваем как очевидную описку пример (*да вѡ/схы.лтѡ ѡ*) *сѡ/твор.лтѡ (ѡрѣѡ)* 20 (10с-17), который снабжён подстрочным примечанием «sic» — нельзя исключать возможность того, что здесь буква *l* использована вместо обычного *u*, обозначающего в *Асс.* указательное местоимение *u* в форме вин. п. ед. ч.

e (Э) вместо *л* (Ж): *ѣѣ (моѣи) / 20* (10с-13)⁴⁶; *ѣ* (Ѧ) вместо *ѣ* (Ѧ): *прѣбѣва-*
етъ 36 (18с-8^а: «text napsán menším písmem dodatečně», над строкой).

В перечисленных примерах повторно написанные буквы или слоги отмечены тринадцать раз. Из них повторно написанный слог начинается собой строку в шести случаях, что позволяет видеть в этих написаниях сознательный приём. В четырёх случаях повтор отмечен в конце строки, возможно, по аналогии с шестью упомянутыми написаниями. Следовательно, остаются лишь три надёжных примера, которые указывают на немотивированное концом строки или переносом написание лишней буквы.

Наиболее характерным типом описок для *Асс.* является пропуск графических знаков, всего одиннадцать случаев. Немногим реже, в девяти случаях, вместо целого диграфа представлен только первый его элемент, из них в четырёх примерах второй элемент диграфа пропущен в предпоследнем или последнем слове строки, один раз буква *ѣ* употреблена вместо *ѣ* в части стиха, надписанного над строкой более мелким почерком. На материале *Асс.* трудно судить о том, связано ли употребление первого элемента диграфа вместо целой буквы с оформлением конца строки: каждый из двух столбцов, которые располагаются на странице, содержит не более трёх знаменательных слов. По поводу аналогичных написаний в *Пат.Син.*, *Мин.Пут.*, *Изб.1076* и *Мин.сент.* было замечено, что

«в некоторых случаях мена этимологического *ѣ* на *ѣ* может рассматриваться в ряду сокращённых написаний. Это относится, в первую очередь, к графическим последовательностям, в которых за *ѣ* непосредственно не следует вертикальная черта следующей буквы» (Страхов 2001, 25 [числовых данных нет]).

Все написания *ѣ* вместо *ѣ* и *о* вместо *оу* в комплекте служебных миней из собрания Синодальной типографии приведены в виде исчерпывающего списка, однако без указания на начало или конец строки (Голышенко 1982, 20–22). У нас была возможность частично пересмотреть ранее изученный материал с учетом позиции по отношению к концу строки или к концу стиха в тропаре, который часто обозначается

⁴⁶ Рассматриваем этот пример как описку, а не как пример утраты ринезма на фоне отсутствия написаний *оу* вместо *ѣ*. Такие написания, не обусловленные морфологически, встречаются в *Мар.* и в *Клоц.*, они часто объяснялись как утрата ринезма по западнославянской или сербско-хорватской модели (Ягичь 1883, 424; Вайан 2002, 56–57; Ван-Вейк 1957, 205), хотя, по мнению А. М. Селищева (2001, 272–273), двусторонняя мена *оу* и *ѣ* в *Мар.* является результатом описок, возникших из-за внешнего сходства глаголических букв.

внутристрочной точкой. Для повторного анализа выбрана рукопись служебной минеи на август одиннадцатого — двенадцатого веков — Та (РГАДА, ф. 381, № 125):

ъ вместо њ: *помъсломя* 36 об.-9, середина строки, начертание буквы с напоминает правый элемент диграфа њ; (*прѣ/же*) *нѣнѣ* 46 об.-17, *вѣшьнѣ* 91-16; середина строки; *бѣвѣ* 60 об.-5, начало строки; *лзѣкѣ* 105-19, начало строки; *бѣвѣше* · 45-10; *нѣнѣ* ∴ ~ / 45-20; *сѣмѣслѣ* · 3 об.-1, (*икѣ · нѣ · оуслни ми*) *лзѣк* ∴ 51-17, левая мачта буквы *к* могла быть при письме воспринята как правый элемент диграфа њ; *бѣвѣ* · 59 об.-13; *вѣсокѣими* / 65 об.-14;

о вместо оу: (*канѣ · прѣпраздѣ · гла · ѣ · нѣ · а ·*) *погрожѣшю* ∴ ~ / 31-5; (*очи-сти*) *гобою* (*щедрѣ-т-воихѣ* 23-20; вл.: *гоубою щедротѣ твоихѣ* — ἐκκαθάραι τῶ σπόγγῳ τῶν οἰκτιρῶν σου MR VI, 391; середина строки), *Орожи* 61-11, середина строки, начало первого стиха тропаря; *Окрѣписл* 10-17, начало строки, начало первого стиха тропаря; *Вѣро* 73-11, начало строки, начало первого стиха тропаря; *вѣ истино* 24-10, середина строки; *искоушо* · 19-9, начало строки, конец стиха; *праздносмѣ* 43 об.-12, середина строки.

Подсчёты показывают, что ѣ вместо њ употреблён одиннадцать раз, из них в середине или в начале строки четыре раза, в семи случаях сокращённое написание встретилось в конце строки, стиха или в сокращённой форме зачала подобна, которое завершает строку. Буква о вместо оу отмечена в той же минее восемь раз, из них один раз в сокращённой форме зачала ирмоса первой песни канона, замыкающем строку; пять написаний о вместо оу не в конце строки не позволяют видеть в них сознательный графический приём. Рассматриваемый тип написания представляет собой специфическую ошибку, появление которой лишь иногда, возможно, стимулируется концом строки, стиха или сокращённой формой записи (например, зачала ирмоса или подобна).

Подтверждение этому находим в *Енинском апостоле* (Ен.). Обычных пропусков букв в этом памятнике нет, из описок издателями отмечены лишь отдельные случаи гаплографии, типа *еж-е-стѣ агарѣ* 27б, вместо *еже естѣ*; то же в *оумне-и филитѣ* 2а, вместо *оумнеи и филитѣ* (Мирчев, Кодов 1965, 208). Тем не менее одно написание с о вместо оу в рукописи есть, оно появилось в результате сознательного приёма сокращённого письма при оформлении заглавия: *нѣ* ∴ *сыропѣ* ∴ (т. е. сыропустная) 23 (46-15); ср.: *сырѣноу* · 21 (4а-4, середина строки) — τῆς τιροφάγου. Один раз встретилось написание с ѣ вместо њ: *погѣбнет* ∴ 85 (20б-14). Рассматриваемая форма находится в конце последнего стиха первого псалма перед припевом *застѣпи ма ѣи, застѣпи*, записанном в сокращённой форме: *Ѥю съвѣстѣ гѣ пѣтѣ праведѣ/ныхѣ · и пѣтѣ нечѣстивыхѣ / погѣбнет* ∴ ~ *застѣпи ма гѣи* ∴ ~ /. Примечательно, что пропуск второго элемента диграфа њ

(в *Ен.* с соединительной чертой — њ) соседствует здесь с сокращённой графической формой финали глагольной флексии, в которой нет буквы њ, что часто встречается в старославянских и древнерусских рукописях. Один аналогичный пример отмечен в *Путьатиной минее*, где њ вместо њь также встречается довольно часто: *из-д-роукъи/ в'се-дръжителѣвъ : ~ ~ // Мин.Пут.* 96 об.-17 (последний стих канона, абсолютный конец листа, больше половины строки осталась незаполненной).

Количественные соотношения примеров типа *дрогъ* Асс. 12 (6с-30), *въжоси* Асс. 15 (8а-14) и проч. с другими ошибочными написаниями заставляют видеть в них особую группу описок, выделяющуюся из ряда тех обычных случаев, которые обозначались словом *недописахъ*. Как показывает материал *Псалт.Б.-С.*, написания первого элемента диграфа вместо всей буквы определяются индивидуальными навыками письма, что объясняет их неустойчивые количественные соотношения с описками других типов.

Для понимания природы написаний с первым элементом диграфа вместо всей графемы необходимо учитывать особое положение диграфов как маргинальных по своей структуре элементов кириллического и в особенности глаголического алфавитов, которые воспринимались как два буквенных знака, а не как один. Это подтверждается целым рядом фактов, в частности, фрагментом одного из древнейших глаголических акростихов Константина Болгарского (кон. IX — нач. X в.) *сберъте се словѣни*, который образован акронимами *Се Брани Аже Родоу Іако Терьди Аже*.

«The use of ІА to stand for Ъ can only be explained if a Glagolitic protograph is assumed (where А stands for ІА and Ъ). Likewise, the Е gained from АЖЕ (twice) points to a glagolitic original in which the А (or, to be exact, ІА) was expressed by the digraph Ж treated as two separate letters. It is quite obvious, then, that only the very first grapheme of a verse could be used for the acrostic [...] When writing the alphabet prayer, Constantine of Preslav seems to have been guided by essentially the same principles. The digraph Ж was not used since it is composed of Ѡ and Ѧ. Instead, verse 22 uses a Greek loanword where Ѧ stands in initial position: УПОСТАСЬ» (Marti 1984, 126–127)⁴⁷.

Хотя в качестве акронима для *у* в большинстве списков *Азбучной молитвы* Константина читается *оупостась* (с диграфом), «hier muß monographisches Ѧ = У/v als Teil der Buchstabenreihe angesetzt werden» (Veder 2000, 82), преобладание же написаний с *оу* «wohl als übermäßige Kyrrillisierung gelten muß (genau wie die konsequente Präjotierung)» (Veder 2000, 82).

⁴⁷ Veder 2000, 82; Mareš 1971, 162; Hauptová 2000, 52.

В одном из двух древнейших славянских переводов канона Рождеству Христову, выполненном Константином Болгарским, содержится акrostих со словами *егоже род истала оплот(а наша)* (или *егоже род(и нам н)о плоти стѣла*)⁴⁸. Букве *о* в слове *род* (или *роди*) в четвёртом стихе 26-го тропаря соответствует диграф *оу* в акрониме *оубишцѣл* (в Минее праздничной [ноябрь — январь], РГАДА, ф. 381, № 98, к. XII — нач. XIII в.; 129 об.) (Верещагин 2001, 442).

Ещё один, более поздний, аналогичный пример известен в надписях на древнерусских иконах. Написание в нимбе Христа $\Omega\Omega$ (ὀ ὦν 'сущий' отмечено на них

«с кон. XIV — нач. XV вв. Буквы O-W-H встречаются также на иконах Троицы в нимбах одного или всех трех ангелов. Значение греческих аббревиатур, видимо, стиралось со временем, с XVII в. в письменности встречаются их искусственные толкования: O-W-H — „[...] W-T же есть ωтчески, O — оум, H — непостижим сѣи...» (Замятина 2002, 5–6).

Наконец, уже в древнейших славянских рукописях первые буквы строки, стиха или зачала песнопения часто выделялись не только бóльшим размером, но и особым цветом с помощью киновари. В трёх более поздних просмотренных для данной работы памятниках XV–XVI вв. киноварью и размером в начальном диграфе *оу* выделяется только первая буква: *Оу лютьъ*, *Оу лютьъ* / Кн.прор., 101; *Оуготови* там же, 104 об.; *Оу (горы)* Кн.прор.¹, 84; *Оуготовите* там же, 82 об.; *Оудобъ* Псалт.толк.Феодорит., 215 об. В *Псалт.толк.Феодорит.* дополнительным свидетельством того, что диграф *оу* воспринимался писцом как два знака, служит надстрочный знак в форме кендемы, который ставится над буквой *у* только в составе диграфа после киноварного *О*: *Оўста* Псалт.толк., 216; / *Оўчит (ны)*, *Оўготовихсѣл* там же, 218 об.; *Оўжа* там же, 220. Разумеется, такая практика оформления двух элементов диграфа как разных букв не является обязательной и абсолютно последовательной.

Как свидетельствуют сводные данные других средневековых славянских азбучных молитв (всего их известно семь), в алфавитной позиции после *т* в четырёх акrostихах выступает графема *у* (Ѣ) с акронимами (*оупустась* и (*оупустасьми*), и только в трёх более поздних акrostихах после *т* появляются акронимы, начинающиеся с *оу* и указывающие на диграф *оу* как часть алфавита: в разных редакциях отмечены акронимы *оударенъ*, *оударисте*, *оударениѣ*, *оуски*, *оумы*, *оу* (Marti, Veder 2000, 236–240). В трёх циклах азбучных стихир Рождеству Христову и Богоявлению, написанных Константином Болгарским,

⁴⁸ Верещагин 2001, 430–450 (история вопроса, другие варианты прочтения акrostиха, литература).

после акронима буквы *m* читается грецизм *уностась* (*уностас'ми, оу-ностасию, оуностасиѡ*) (Попов 2003, 34–35), в *Ил.кн.* — *ОУностаси* 79 об.-7, тогда как особого акронима для буквы *ou* в стихирах нет.

Данные древнейших акростихов согласуются с материалом глаголических абecedариев. В *Abecedarium bulgaricum* (или *Парижском абecedарии*), глаголической азбуке с названиями букв в латинской рукописи одиннадцатого — двенадцатого веков⁴⁹, на алфавитной позиции после $\sigma\sigma$ (*m*)

«the letter Ψ stands for the expected Φ or Θ [...] Either the letter Ψ is used here by mistake, or we have Φ at 90°, a feature not uncommon in xenographic abecedaria» (Marti 1999, 183–184).

Последний вариант чтения знака Ψ как ошибочно развёрнутой на 90° ижицы Φ кажется предпочтительнее⁵⁰. Диграф Θ (*ou*) в *Мюнхенском абecedарии* (кон. X — нач. XI в.), в *Абecedарии Дивиша* (или *Стокгольмском*, первая треть XIII в.) и в других, позднейших, глаголических абecedариях представляет собой вероятную инновацию⁵¹.

Что касается буквы $\Theta\Xi$ (*zi*), то она отсутствует во всех девяти известных глаголических абecedариях одиннадцатого — пятнадцатого веков. (Правда, *Синайский абecedарий* из собрания монастыря св. Екатерины на Синае, *Sin. slav. 3/N*, XII в., на интересующем нас алфавитном отрезке содержит лакуны, а древнейший глаголический *Преславский абecedарий* 972 г. состоит из 18 букв и обрывается на букве ρ (*n*)⁵²).

⁴⁹ Mareš 1971, obr. 2 (фотография; рукопись утрачена).

⁵⁰ Зализняк 1999, 547; ср. иначе: Mareš 1971, 159.

⁵¹ Зализняк 1999, 550 («старое Φ (*v*) вытеснено диграфом Θ (*ou*)»); Marti 1999, 199 (сводная таблица древнейших глаголических абecedариев); Marti, Veder 2000, 233–234 и Veder 2004, 375–376 (список известных глаголических абecedариев, их датировки, ссылки на издания; синоптическая таблица глаголических абecedариев); ср: Marti 2004, 405 («Spezifisch für das glagolitische Systemdenken ist die Strukturierung in zwei parallele Graphem-Reihen zur Bezeichnung von vorderen und hinteren Vokalen sowie das Streben nach monographematischer Schreibung (entweder absolut oder zumindest tendenziell, wenn man Θ , $\Theta\Xi$, $\Phi\epsilon$ als ursprünglich ansieht)»), Miklas 2004, 391–392 («So etwa hat William Veder auf der Basis seiner Rekonstruktion dreier glag.-aksl. Schlüsseltexte zur Geschichte der Glagolica die Korrelation Ypsilon — /u/ für das konstantinische Ursystem postuliert. Die Möglichkeit läßt sich zwar nicht völlig ausschließen, doch sprechen triftige Argumente gegen sie: zum einen der Umstand, daß die Urglagolica nicht rein monographisch konzipiert gewesen sein kann [разрядка моя. — P. K.]; und dann das Problem, daß eine monographische Konzeption des /u/-Korrelanten zur Mehrdeutigkeit des Ypsilon geführt hätte» и т. д.; литература).

⁵² Marti 1999, 187, 199–200; Marti, Veder 2000, 234.

Только в *Мюнхенском абецедарии* (Дурново 2000/1930, 615), в котором содержатся и глаголический, и кириллический алфавиты, стоящие одна за другой легко узнаваемые («easily recognizable») буквы Ш Ф Ѡ А (Marti 1999, 185) позволяют предположить среди них диграф ФѠ (*lb*) с обратной последовательностью элементов⁵³.

«Что касается соответствия ы — ФѠ (*yl*), то оно укладывается в рамки реально встречающихся в южнославянской письменности колебаний: 1) *yl* вместо *yl* чрезвычайно распространено; 2) перестановка знаков диграфа — явление достаточно известное; так, довольно часто встречается *yo* вместо *ou*; в древнеболгарских надписях отмечены написания типа *vlъсокъ*- вместо *высокъ*- [...] К тому же в самом Мюнх. абецед. встречаются зеркальные повороты букв [...] Заметим ещё, что между знаками Ф и Ѡ, как кажется, нет двоеточия, которое стоит в Мюнх. абецед. почти после каждой буквы (если только его не скрыла темная полоска на фотографии)» (Зализняк 1999, 548).

Эти аргументы встречают ряд возражений в пользу традиционного чтения букв Ф Ѡ *Мюнхенского абецедария* как двух отдельных графем, а не диграфа *yl* (точнее, его зеркального варианта *lb*), маловероятного в глаголическом алфавите как в устойчивом тексте.

Во-первых, написание *yl* как вариант *yl* действительно известно как в южнославянских (например, в *Саввиной книге*), так и в древнерусских рукописях (например, в обоих почерках *Изб.73*) (Дурново 2000/1927, 709, 716), однако все эти памятники кириллические. Глаголические диграфы, обозначающие *yl*, всегда имеют в первой части Ѡ (*z*), позиционное варьирование отражается только на второй составляющей диграфа: Ф, Ѡ или ФѠ⁵⁴.

Во-вторых, зеркальные диграфы известны лишь в кириллических рукописях, в новгородской берестяной письменности такого рода написания выступают в ряду зеркальных вариантов целого ряда букв⁵⁵. В *Мюнхенском абецедарии* зеркальные написания встречаются только в кириллической части. О зеркальных графемах в глаголической письменности ничего не известно.

Наконец, в-третьих, двоеточие действительно не просматривается между буквами ФѠ в раннем издании источника (Дурново 2000/1930, 615): фотография в нём воспроизведена на обычной бумаге в натуральную величину, на рассматриваемом промежутке между буквами ФѠ действительно видна только тёмная полоска. Однако в 1971 году

⁵³ Зализняк 1999, 548; Veder 2004, 375 («character [...] ФѠ can be two separated characters or an inverted jery»).

⁵⁴ Tkadlčik 1956; Vrana 1964; Nedeljković 1971, 85–88; Nuorluoto 1994, 56–60; Marti 2000, 67–69.

⁵⁵ Worth 1985; Зализняк 2000, 188, 189, 201, 212.

появилась лучшая по качеству публикация *Мюнхенского алфавитариуса*, изданная в виде приложения к статье (Mareš 1971). Между интересующими нас буквами сквозь тёмную полосу на пергамене отчётливо просматривается двоеточие, разделяющее соседние графемы: Ҧ : Ҧ (Mareš 1971, obr. 1). Следовательно, в глаголической части *Мюнхенского алфавитариуса* буквы, тождественной кириллической *ѣ*, нет, что соответствует структуре и составу других глаголических алфавитариусов.

Ни один из глаголических алфавитариусов не содержит все четыре юса⁵⁶, что, однако, не поддерживает гипотезу о наличии в первоначальной глаголической азбуке только одного знака для носового гласного — Ҧ (Trubetzkoy 1954, 229), поскольку во всех глаголических памятниках используются как минимум две буквы носовых. Эти данные свидетельствуют лишь о возможном отсутствии диграфов в древнейшем глаголическом алфавите как устойчивом тексте. Поэтому, учитывая сомнения авторов⁵⁷, для которых отсутствие диграфов в древнейшей глаголице не представляется очевидным, уточним, что необходимо отличать, во-первых, использование этих букв в письме и, во-вторых, наличие их в алфавите. Отсутствие диграфов в алфавите, который отражён в ряде древнейших алфавитариусов и азбучных акростихов, не означает, что диграфы не использовались при записи обычных текстов. Это означает лишь то, что в обычных текстах диграфы должны были восприниматься как два знака, занимающие разные алфавитные позиции. Сама двучленная структура диграфа вступала в противоречие с устойчивым соотношением «*so hláska — to litera*» (Mareš 1971, 133), характерным для славянских азбук.

К аналогичным выводам приводят наблюдения над древнейшими кириллическими азбуками:

«[Алфавит] представляет собой некоторый закреплённый культурной традицией список, функционирующий как канонический текст (качественно подобный, например, молитве, заговору, этикетной формуле и т. п.). Текстам такого рода обучают; они обладают большой устойчивостью [...] Особую проблему составляют диграфы (типа *ou, ѝ*) и буквы, складывающиеся из частей, из которых одна или обе совпадают с самостоятельными буквами (типа *ѣ, ѡ, ѣ*). Обычно такие единицы в момент формирования алфавита не получают статуса самостоятельных его членов, иначе говоря, трактуются как буквосочетания, а не как единые буквы» (Зализняк 1999, 544).

На сегодняшний день описано и опубликовано десять кириллических алфавитариусов одиннадцатого — четырнадцатого веков, описаны

⁵⁶ Marti 1999, 200; Marti, Veder 2000, 234.

⁵⁷ Marti 2004, 405; Miklas 2004, 391–392.

азбуки из новонайденных новгородских цер⁵⁸. Из всех известных кириллических азбук этого периода диграф *оу* отсутствует в семи: в Азбуке храма св. Софии в Киеве (XI в.), в азбуках новгородских берестяных грамот №№ 199, 201, 205 середины тринадцатого века⁵⁹, грамоты № 24 из Старой Русы второй половины четырнадцатого века, церы четырнадцатого века и иконы св. Николы первой половины четырнадцатого века из церкви на Озеревах (Государственный Русский музей). Во всех перечисленных азбуках в алфавитной позиции после *т* находится *у*. Буква *ѳ* представлена в кириллических алфавитах столь же неполно.

«Разумеется, речь здесь не идет о том, что данное начертание не употреблялось или не признавалось составителями азбук законным, а всего лишь о том, что оно рассматривалось не как единая буква, а как буквосочетание» (Зализняк 1999, 560).

Если диграф не воспринимался писцом как единый знак, то во время внутреннего диктанта возникало противоречие между *о д н о й ф о н е м о й* как означаемым и *д в у м я г р а ф е м а м и* как означающим. В каких-то случаях это должно было приводить к тому, что первый написанный элемент диграфа ошибочно отождествлялся в сознании книжника с целым диграфом. Внутренний диктант объясняет отсутствие написаний с буквой *е* (Э) вместо *ѣ* (ЖЕ) в *Мар.* и *Зогр.*, где буква *ѣ* используется только в начале слога, то есть не после букв согласных (Ягичь 1883, 437–436) (после букв исконных палатальных согласных *г, л, н* в *Мар.* употребляется *ѣ* (А), так же, как и после всех прочих согласных). Первый элемент диграфа *ЖЕ* (*ѣ*) обозначает передний ряд, палатальный приступ в произношении звука, а второй — назальность, так что структура глаголического диграфа в позиции после согласного *ЖЕ* с фонетической точки зрения выглядит как *е + ^N* (*N* = назальность)⁶⁰. Далее, если рассматривать палатальный глайд не как отдельную фонему, но как фонологически

⁵⁸ Зализняк 1999, 551–570; Зализняк 2003.

⁵⁹ Зализняк 1999, 551 (эти три грамоты — ученические, две из них бесспорно принадлежат мальчику Онфиму, грамота № 201 написана «либо тем же самым почерком, либо весьма похожем»).

⁶⁰ Монограф *ѣ* в «изолированной» позиции, то есть без знака дополнительной палатальной артикуляции, употребляется в большинстве глаголических рукописей, кроме *Киевских листков*, *Охридских листков* и *Пражских фрагментов*, и обозначает *е* (Marti 2000, 71), тогда как в сочетании со знаком *ѳ* он входит в состав диграфа *ЖЕ* и обозначает назальность безотносительно к признаку ряда. Графема *ѣ* «ist bezüglich seines Gebrauch sehr eingeschränkt (Nom. Sing. des Partizips Präsens aktiv) und kann wohl kaum als ursprünglich gelten [...] Außerhalb von Zogr. und Mar. ist es nicht belegt» (Marti 2000, 71).

значимый элемент, «линейный признак дизности» (Колесов 1973, 175), то окажется, что диграф \mathfrak{E} (\mathfrak{EA}) в начале слога обозначает две смысловоразличительные единицы. Глайд в позиции начала слога, а не после согласного, должен был быть выражен более активно, что устраняло условия для ошибки внутреннего диктанта в этой позиции, из-за чего случаи пропуска элемента \mathfrak{E} ($=^N$) в позиции начала слога в рукописях отсутствуют. Напротив, в позиции после согласного диграф \mathfrak{E} (\mathfrak{EA}) указывает на одну смысловоразличительную единицу в сопровождении палатального переходного участка между согласным и гласным, что создаёт условия для описки. В этой связи, например, в *Acc.*, где буква \mathfrak{E} (\mathfrak{EA}) употребляется как после букв исконных палатальных, так и после непалатальных согласных (реже), на первых 25 листах рукописи был отмечен один пропуск второго элемента \mathfrak{E} (\mathfrak{EA}) диграфа \mathfrak{E} (\mathfrak{EA}) после \mathfrak{L} , в результате чего появилось написание $\mathfrak{c e}$ (\mathfrak{E}): $\mathfrak{z\bar{L}e}$ 20 (10с-13).

Подобным образом объясняются и написания с \mathfrak{O} (\mathfrak{O}) вместо \mathfrak{E} (\mathfrak{E}). Глаголический диграф \mathfrak{E} (\mathfrak{E}) имеет структуру $\mathfrak{O} + ^N$ (N = назальность), что отражает структуру дифференциальных признаков гласной фонемы $\langle \mathfrak{O} \rangle$: лабиальность + назальность. На уровне фонем эти признаки образовывали единство, которое графически выражалось с помощью двух знаков, связанных с основными признаками одной фонемы. Это противоречие между двумя знаками и одной фонемой вызывало описку при внутреннем диктанте, когда первый написанный элемент диграфа ошибочно связывался с фонемой и поэтому заменял собой всю графему.

Отсутствие описок с первым элементом буквы \mathfrak{E} (\mathfrak{E}) также следует из закономерностей восприятия диграфа при внутреннем диктанте. Дело в том, что буква \mathfrak{E} (\mathfrak{E}), строго говоря, не может считаться диграфом, так как первый её элемент нигде самостоятельно не употребляется: его нет ни в алфавитных рукописях, ни в глаголических рукописях (Marti 2000, 71; Marti, Veder 2000, 234)⁶¹. Подобно тому, как в глаголических рукописях отсутствуют описки с левым элементом \mathfrak{E} графемы \mathfrak{E} (\mathfrak{E}) на месте всей буквы, в кириллических рукописях нет написаний

⁶¹ Первый элемент буквы \mathfrak{E} существует как самостоятельная графема в реконструкции первоначального глаголического алфавита, выполненной Н. С. Трубецким (Trubetzkoy 1954, 22). Ряд исследователей (Зализняк 1999, 547, 550; Marti 1999, 185), вслед за Н. Н. Дурново (2000/1929, 594, 611; Дурново 2000/1930, 616), усматривали ту же графему в *Мюнхенском алфавитной позиции после \mathfrak{H}* («паукообразное» \mathfrak{x}). Публикация Ф. Мареша (Mareš 1971, obr. 1) позволяет прочесть явно искажённый знак после \mathfrak{H} как большой юс с йотацией (\mathfrak{E}) (перевернутый на 90°?), что подтверждено сводной публикацией глаголических алфавитариев, где знак после \mathfrak{H} прочитан именно как \mathfrak{E} (Marti, Veder 2000, 234).

с внутрисклочным знаком *l* вместо йотированных букв. Отсутствие такого т и п а о п и с о к объясняется тем, что в обоих случаях левый элемент графемы самостоятельно не обозначал отдельную фонему.

Таким образом, в примерах с первым элементом диграфа, заменяющим собой всю графему, просматривается иной, более сложный, тип описки, чем тот, который наблюдается при обычном пропуске буквы или слога «по невнимательности». Периферийное положение диграфов в кириллическом и глаголическом письме было обусловлено их структурой, которая противоречила главному принципу древнейших славянских алфавитов *о д н а г р а ф е м а — о д н а ф о н е м а*. В связи с нарушением этого принципа диграфы становились факультативными элементами азбук и могли восприниматься не как единый знак, а как две отдельные графемы. Это вызывало ошибку внутреннего диктанта, когда одна написанная буква, соответствующая одной фонеме, заменяла собой весь диграф, второй элемент которого из-за этого оставался пропущенным. Описки такого типа по-разному представлены в славянских рукописях, что объясняется индивидуальными особенностями восприятия отношений между буквой и фонемой, или даже особенностями индивидуального «фонемного мышления» и его реализации на графико-орфографическом уровне.

В рукописях среднерусского периода фонетически не обусловленное смешение *ѣ* и *ѣ* может быть вызвано не только особым типом описок, но и проницаемостью границ между бытовыми и книжными системами письма, так как бытовым системам особенно свойственно написание *ѣ* вместо *ѣ* и наоборот. Именно такая ситуация наблюдается в *Архивском хронографе* пятнадцатого века (РГАДА, ф. 181 (МГА-МИД), № 279), в котором написания *ѣ* вместо *ѣ* (и наоборот) значительно превосходят по частотности остальные описки (Баранкова, Пичхадзе 2004, 45–46). Не исключено, что такого рода написания в бытовой письменности также обусловлены периферийным положением диграфов в древнейших азбуках, в связи с чем проблему написаний *ѣ* вместо *ѣ* и *о* вместо *оу* можно рассматривать в более широкой перспективе, в контексте взаимодействия бытовых и книжных систем письма.

1.2.12. Диалектные особенности

1.2.12.1. Написания *аж*, *скърб*

Первый писец происходил с юга восточнославянского ареала, о чём свидетельствуют написания *аж* L 1 об. (древнейшая известная фиксация вторичного непереходного смягчения заднеязычных

в славянских лексемах)⁶², *скърбь* L 5, *прискърбно* 7, *прискърбна* 22 (ср.: *скръбь* 4, *скръбьхъ* 25 об.) с буквой *ь* после *к*, характерные именно для южнодревнерусских памятников, где мы встречаем формы типа *-скърбь-* (*Пат.Син.*, *Добрилово евангелие* 1164 г.) или, позднее, *-скерб-* (*Типографское евангелие* XII–XIII вв., *Одесское евангелие* XII в.)⁶³. Выказывалось мнение, что формы типа *-скърб-/скерб-* отражают искусственное приспособление старославянских написаний типа *скръб*⁶⁴, хотя на самом деле ничто не препятствует считать эти написания отражением реального юго-восточнославянского фонетического явления. Более того, в пользу именно историко-фонетического объяснения написаний *скърб-/скерб-* свидетельствует их региональный характер — в северо-западных, новгородских и псковских, рукописях такие формы неизвестны. Наряду с написаниями типа *скърб-/скерб-* в рукописях, происходящих с юга или, по крайней мере, не с северо-запада Древней Руси, отмечены многочисленные случаи неосуществления второй палатализации **k* перед **ě*, и после **s*, препятствовавшего образованию палатальной аффрикаты, в отличие от новгородских рукописей, именно и только в этой позиции (в северо-западном ареале, не знавшем второй палатализации, наличие или отсутствие **s* перед **kě* было нерелевантным): *въ члѣскѣти* Изб.73 457 (1326-7), (*золотъ*) *женьскѣтѣ* / 542 (174г-16); (*въ*) *морьскѣтѣ* /и Изб.76 177 (14-3-4), *члѣскѣтѣ* 366 (172 об.-7) и др.⁶⁵ Учитывая особое влияние **s*, препятствующее

⁶² Соболевский 2004/1907, 130 («Начало этого явления (если мы оставимъ в сторонѣ фуники Святославова Сборн. 1073 г., л. 231 об.) въ южно-русских говорахъ относится по меньшей мѣрѣ къ первой половинѣ XII вѣка. Мы находимъ въ Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.: *киихъ* 2 об.» и т. д.); Shevelov 1979, 230–231 (о написаниях типа *великии*, *киихъ* в *Юрьевском евангелии* и более поздних рукописях).

⁶³ Ягичъ 1889, 15, 26; Ляпуновъ 1907, 85 (о написании *скерблца* и о «новом *тѣ*»), 88–89 (примеры аналогичных форм из других памятников); Тот 1985, 329; Колесов 1980, 98–99; Shevelov 1979, 60 («A typical earmark of Old Kievan text is the use of the root *skъrb-* with *ь*»).

⁶⁴ Шахматовъ 1915, 158 (эти формы «явились результатомъ церковнаго произношенія перенесенныхъ изъ древнеболгарскихъ памятниковъ написаній *скръбь*, *скръбѣти*»); Shevelov 1979, 60 («in spite of this widespread usage, the *skъrb-/skerb-* forms may have been used only in artificial church pronunciation based on OCS spelling fluctuations *ръ ~ рь*»). Ряд исключений из правила первой палатализации был описан Н. И. Толстым (1999, 197–227) на примере корней **geg-*, **гep-*, **kek-*, **kev-*, **ker-*; исключения объясняются особенностями значения и функционирования лексем.

⁶⁵ Соболевский 1907, 213; Дурново 2000/1926, 387 («Диалекты великорусского языка, за исключением, может быть, некоторых южных диалектов, имеют повсюду *šč*, а диалекты малорусского и белорусского языков регулярно демонстрируют *sk*»); Соболевский 2006/1910, 269 (о препятствии *s* осуществлению

осуществлению второй палатализации последующего **k* за пределами северо-западного восточнославянского ареала, закономерно видеть такое же воздействие **s* в позиции первой палатализации в корне **skъrb*-⁶⁶.

1.2.12.2. «Новый *ъ*» и вокализация редуцированных на рубеже XI–XII веков

1.2.12.2.1. «Новый *ъ*»

Если написания типа *skъrb*- в принципе не меняют существующих представлений о древнерусской фонологии, хотя и расширяют круг ранее известных аналогичных примеров и позволяют локализовать диалект первого писца, то следующие две формы, отмеченные в *Псалт.Б.-С.*¹, уточняют наши знания об относительной и абсолютной хронологии падения редуцированных и связанных с ними фонологических изменений. Речь идёт о смешении букв *ъ* и *е* во флексиях перед слогом со слабым редуцированным: *О сѣмь познахъ лко възсхотъ ми* 20 об., *по възсѣи* [vʹsejʹ] *земли* 26. Среди многочисленных примеров написаний *ъ* вместо *е* (Дурново 2000/1924–1927, 467–484) нет ни одного, которое можно было бы сопоставить с формой *о сѣмь*. Иных случаев написания *ъ* вместо *е* в *Псалт.Б.-С.*¹ не отмечено,

палатализации; приведённые примеры, однако, требуют иного объяснения, см. там же комментарии к данной заметке); Соболевский 2006/1885, 446–447; Shevelov 1979, 58–60; Крысько 2006, 599 («предшествующее *s* действительно может препятствовать палатализации»); Крысько 2007, 21; Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 32 (древние примеры; «И. В. Ягич [1889: 79] высказал предположение, что изменению [к] в [ц'] в данном случае мешал предшествующий согласный [с] и в написаниях *скъ* и *ски* следует видеть отражение живого произношения [...] Принимая эту точку зрения, мы должны признать, что в ряде древнерусских говоров палатализационные процессы в сочетаниях согласных не доходили до стадии образования мягких сложных аффрикат [...] в результате второй палатализации в некоторых говорах появился звуковой комплекс [с'к'] в соответствии со сложной аффрикатой [сц'] других говоров»); Ладыженский 2011, 794 (формы «*тасьскѣтъ* 37а15, *неграньскѣ* 34б17» в *Софийском прологе*; «это явление [...] вероятно, было распространено [...] и на юге великорусской территории»; примеч. 24: «См. в связи с этим распространение слов *раскеп*, *раскепитъ* и пр. в [СРНГ 34, 115]: слова данного гнезда представлены преимущественно на западе и юге великорусской территории; впрочем, лексемы *раскепина* и *раскепица* отмечены также в Тверской области»).

⁶⁶ Крысько 2007, 20 (об устранении «возможной (но в принципе не обязательной) первой палатализации **sker*- > ***šcer*-»; примеч. 14: «Наличие **s* перед **k* является фактором, препятствующим палатализации, см. [Le Feuvre 1996: 256–257]»).

а исчерпывающий материал описок, приведённый выше, не позволяет нам видеть ошибку в формах *О стѣмь, по вьствѣи*, которые при этом не содержат следов правки или наведения изначального текста. Перед нами — древнейшая фиксация «нового ѣ», открытого А. И. Соболевским и описанного им в памятниках не ранее второй половины двенадцатого века, причём самой ранней из датированных рукописей является *Добрилово евангелие* 1164 г., а первый известный датированный пример в некнижном памятнике относится к 1161 г.⁶⁷: в надписи на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 г. содержатся две формы с «новым ѣ»: *камѣньѣ, изнестѣть*. Двенадцатым веком датируется *Типографское евангелие* № 7, отражающее «новый ѣ»⁶⁸, к концу двенадцатого века относится *Выголексинский сборник*⁶⁹, другие книжные памятники восходят к более позднему времени⁷⁰.

При рассмотрении форм *О стѣмь* 20 об., *по вьствѣи* 26 возникает закономерный вопрос: если данные написания действительно отражают новый ѣ, то почему мы не находим аналогичные формы в других памятниках одиннадцатого века южнодревнерусского происхождения? Особенности письма и состав графики *Псалт.Б.-С.*¹ выделяют почерк первого писца из ряда других современных ей рукописей (например, оба *Изборника*, 1073 и 1076 гг., *Пат.Син.*)⁷¹ наименьшим стремлением к следованию южнославянским образцам и отсутствием архаизирующих тенденций, что отразилось, в частности, не только в единичных примерах употребления ѣ (которые выглядят как исключения), но и в унификации обозначения фонемы <a> в слогах не после твёрдых согласных за счёт обобщения функций графемы ѡ и вытеснения ѡ. Хорошее сохранение ѡ, ѡ в слабой позиции также является, надо думать, одним из следствий ориентации преимущественно на восточнославянский письменный узус. Кроме того, манеру письма первого писца *Псалт.Б.-С.* красноречиво характеризует количество описок, несопоставимое ни с одним из известных южнодревнерусских памятников одиннадцатого века. Всё это позволяет ожидать появления в *Псалт.Б.-С.*¹ древнерусских диалектных инноваций, для которых были закрыты

⁶⁷ Соболевский 2004/1884, 2–4 (список примеров), 89–92 (описание и анализ позиционных условий развития «нового ѣ», локализация процесса «галицко-волынским наречием»); Соболевский 2004/1907, 50–51.

⁶⁸ Дурново 1969, 58 (памятник «второй половины XII в.»); Соболевский 2004/1884, 8 («по нашему мнѣнію, Типографское Евангелие не моложе Добрилова, если не старше [...] Главная особенность его правописания та же, что въ Добриловомъ Ев., только въ этомъ послѣднемъ ѣ вм. е является чаще»; примеры).

⁶⁹ Соболевский 2006/1886, 101; Судник 1967, 202–204.

⁷⁰ Шахматовъ 1915, 300 (литература).

⁷¹ Если исходить из датировки *Псалт.Б.-С.* одиннадцатым столетием, а не концом одиннадцатого — началом двенадцатого века.

графика и орфография памятников, где более тщательно соблюдается старославянский письменный узус и более аккуратно записан текст.

Обращает на себя внимание отсутствие «нового ѣ» в древнейшей из известных рукописей, связанных с галицко-волынским регионом, — в *Галицком евангелии* 1144 г. (ГИМ, Син. 404)⁷², что позволяло А. И. Соболевскому датировать распространение этой инновации на юго-западе Древней Руси второй половиной двенадцатого века: как было сказано, древнейшая фиксация «нового ѣ» отмечена на кресте св. Евфросинии Полоцкой 1161 г. (*камѣнью, изнесѣть*). В памятниках, так или иначе связанных, в терминологии А. И. Соболевского, с «древнекиевским говором», «новый ѣ», по его наблюдениям, отсутствует⁷³. Альтернативная точка зрения, как кажется, осталась недоказанной и не поддержанной материалом древнейших источников:

«Sobolevskij's greatest achievement was to uncover significant local (dialectal) differences in ESl [East-Slavonic. — R. K.] of the 11th to 14th c, specifically the presence of the so-called „new ě“ [...] in the OU [Old Ukrainian. — R. K.] texts. [...] He tried to reconcile this discovery with his imperial ideology by ascribing this feature to Galicia and Volhynia only while Kiev, as he tried to prove, had spoken R [Russian. — R. K.] until the very time of the Tatar invasion in 1240 and even up into the 15th c. This view aroused an explosion of indignation among U [Ukrainian. — R. K.] scholars [...] but these attempts were in vain. What was erroneous in Sobolevskij's views was not the existence of the „new ě“ as a means to render the new phonetic value of *e* originally followed by a weak *ь* in the next syllable, but its limitation to the Western Ukraine. It soon became evident that this was an all U-feature» (Shevelov 1979, 44).

Ю. Шевелёв не привёл никаких данных для разъяснения того, когда («soon»), как, для кого и почему стало ясно («became evident»), что «новый ѣ» был «общеукраинской особенностью» («all U-feature») и в какой период истории украинского языка это произошло.

Если не принимать во внимание *Псалт.Б.-С.*¹, то источники свидетельствуют скорее в пользу А. И. Соболевского. Так, с одной стороны, имеется ряд галицко-волинских памятников (одна надпись и два евангелия) второй половины двенадцатого века, в которых отражается «новый ѣ». С другой стороны, известно столь же малое количество памятников одиннадцатого века, связанных с киевским

⁷² Ср., однако: Соболевский 2004/1907, 13 («Галицкое Евангелие 1144 г., едва ли не западно-русского происхождения»); Турилов 2005 (Галицкое евангелие «1144 г. (ГИМ, Син. № 404) [...] старшая из известных датированных галицко-волинских рукописей [...] Происхождение рукописи устанавливается по языковым особенностям»).

⁷³ Соболевский 2006/1905, 231–232 (вывод сделан на материале памятников одиннадцатого — начала двенадцатого веков: *Мстиславовой грамоты, Изб.73, Изб.76, Мст.ев.*).

ареалом, в которых «новый њ» отсутствует. При этом, однако, «новый њ» отсутствует также в единственной галицко-волынкой рукописи первой половины двенадцатого века — в *Галицком евангелии* 1144 г., которое отражает такие, например, юго-западные особенности, как жч для передачи рефлекса *zgj —

«на мѣстѣ великорусскаго жж [...] мы читаемъ: дѣжчъ 15, ижченуться (= ижженуться) 16 [...] и друг.» (Соболевский 2004/1907, 37), —

и билабиальное w в формах «устьмъ, вже» (Филин 1972, 291). Следовательно, «новый њ» действительно выглядит как галицко-волынкая инновация середины — второй половины двенадцатого века, позднее распространившаяся на восток староукраинского ареала.

Однако два примера «нового њ» в *Псалт.Б.-С.*⁷⁴, датируемой не позднее начала двенадцатого века, позволяют не только удревить абсолютную хронологию этого явления на полстолетия. Если полагать, опираясь на показания ex silentio *Галицкого евангелия* 1144 г., что «новый њ» отсутствовал в галицко-волынском регионе в первой половине двенадцатого века, то мы обязаны признать центром этой инновации не юго-запад, а другой ареал, например, киевский, хотя этому и препятствует отсутствие «нового њ» во *Мстиславовой грамоте* и в *Триоди Моисея Киянина*, не говоря уже о рукописях одиннадцатого века, на что обращал внимание А. И. Соболевский.

С древним Киевом может быть связана ещё одна рукопись, в которой имеются ещё несколько раннедревнерусских примеров «нового њ», оставшиеся неизвестными А. И. Соболевскому. Речь идёт о рукописи из собрания ГИМ, Син. 262, которую А. И. Соболевский датировал двенадцатым — тринадцатым веками и связывал с Ростовом (Соболевский 1889)⁷⁴. Судя не только по содержанию, но и по самому объёму заметки (Соболевский 1889, 144–145), исследователь не смог подробно или даже сколько-нибудь внимательно прочитать памятник, который сегодня почти в полном объёме доступен для изучения благодаря новейшим изданиям *Сказания церковного* (*Сказ.церк.*) и *Учительного евангелия* Константина Болгарского (*Ев.учит.*). На основании подробного палеографического анализа рукопись с четырёхъясовой системой письма, отсутствием следов завершившегося падения редуцированных⁷⁵ датирована сегодня последней четвертью

⁷⁴ Уханова 2012, LVI-LX (подробная история изучения рукописи).

⁷⁵ Афанасьева 2012, 21 («В Синодальном списке „Сказания церковного“ всегда сохраняются редуцированные њ и ѣ в сильной позиции, прояснение њ в о и ѣ в е встречается эпизодически — *коземому* 240а [...] В слабой и абсолютно слабой позициях (в словах типа *кѣнигы, дѣвою, мѣнози*) редуцированные преимущественно сохраняются, однако все же встречаются случаи их утраты (например, *дрѣвнюю* 246б, *глет с.л* 239в, *проповѣтъв с.л* 250б)»).

одиннадцатого — началом двенадцатого веков⁷⁶, а её происхождение связывается с Киевом⁷⁷.

«Высочайшие кодикологические характеристики рукописи (высококачественный пергамен, огромный размер листов и чистых полей, участие беспрецедентно большого числа писцов, среди которых был ряд выдающихся каллиграфов, изысканная златописная миниатюра), а также диалектная нейтральность языка всех тринадцати писцов свидетельствует только об одном возможном месте ее создания в указанное время — столице Киеве. Об этом свидетельствуют и киевские по происхождению энколпионы XI–XII вв., сохранившие иконографию свв. Бориса и Глеба» (Уханова 2012, LXXI).

Соглашаясь с выводами о датировке рукописи⁷⁸ и принимая во внимание её возможную киевскую локализацию, обратим внимание на одну языковую особенность памятника, которая отменяет тезис о «диалектной нейтральности» его языка — «новый ѣ», отмеченный мной в трёх примерах:

ѣже про/тивою немощи ихъ · глаголъть/са глаголема · / (τὸ πρὸς τὴν ἀσθενείαν αὐτῶν λέγεσθαι τὰ λεγόμενα) 46с 4–5 (102); попъцисл. о стьмъ (τὸ μερϋνῶν ταῦτα) Ев.учит., 64с (138); жи/дѣтъ (ἀναμένει) 131а 7–8 (261).

⁷⁶ Уханова 2012, LXVI–XXIX, LXIX («Мы полагаем, что он [памятник] был создан на столетие раньше, чем это принято считать в современной историографии. Основным аргументом является использование писцами всех четырех юсов, совместное употребление которых в древнерусских рукописях не выходит за рамки начала XII в. Этот вывод подтверждают и другие приметы: архаичные начертания букв и титл, широкое расстояние между буквами, отсутствие следов падения редуцированных, употребление нестяженных форм прилагательных и причастий, стилистические особенности миниатюры»), LXXI.

⁷⁷ Уханова 2012, LIX («В. С. Гольщенко была последним исследователем, кто так уверенно относил Чуд. 12 и Син. 262 к ростовским скрипториям. Нет, идея А. И. Соболевского о существовании крупной епископской библиотеки в Ростове не была отвергнута. Напротив, в 1960-х гг. начались интенсивные поиски всё новых кодексов, которые могли бы в нее входить. На сегодняшний день стараниями Г. И. Вздорнова, О. А. Князевской, Н. Б. Тихомирова, А. А. Турилова было выявлено двенадцать памятников, созданных в ростовском владычном (или владычно-княжеском) скриптории. Но ни Син. 262, ни Чуд. 12 по своим палеографическим характеристикам не были отнесены к его продукции»; там же см. литературу); ср., однако: Афанасьева 2012, 21 («Рукопись Син. 262 первой половины XII в., написанная в северо-восточной Руси»: автор не могла знать об исследовании Е. В. Ухановой, опубликованном в один год с цитируемой монографией, и воспроизводит устаревшую точку зрения, восходящую к А. И. Соболевскому).

⁷⁸ Благодарю за дополнительную консультацию А. А. Турилова.

Согласно палеографической таблице, в которой подробно описан состав тетрадей, количество листов и установлен объем текста, написанного каждым из тринадцати писцов памятника (Уханова 2012, LXV-LXI), первые два примера употребления «нового ѣ» принадлежат третьему писцу, а последний — седьмому (порядок почерков согласно Е. В. Ухановой).

Ещё восемь примеров «нового ѣ» были выявлены на коротком фрагменте текста той же самой рукописи (ГИМ, Син. 262) Т. И. Афанасьевой в составе *Сказания церковного*, все они, согласно палеографическому описанию (Уханова 2012, LXV), принадлежат двенадцатому писцу:

«зѣмьноѣ 238б, свѣдѣтъѣльства 238б, на нѣмъже 238г, въскръсноѣтънѣж 239а, словѣсно 239б, небѣсьскомаъ 242б, о нѣмъже 244в, по стѣмъже 250в» (Афанасьева 2012, 21)⁷⁹.

Таким образом, концом (последней четвертью) одиннадцатого — началом двенадцатого века датируются четыре южнодревнерусских почерка, отражающие «новый ѣ» в общей сложности в тринадцати примерах: *Псалт.Б.-С.¹*, *Ев.учит.*, *Сказ.церк.* (третий, седьмой и двенадцатый почерки). Ни для одного из памятников не доказано галицко-волынское происхождение, однако существует обоснованная гипотеза древнекиевской локализации *Ев.учит.* и *Сказ.церк.* Если *Галицкое Евангелие 1144 г.* действительно написано в Галицко-Волинской Руси, а не в западнорусском регионе, как полагал А. И. Соболевский, то на материале этого памятника придётся признать, что свидетельств «нового ѣ» в галицко-волынском регионе ранее второй половины двенадцатого века нет. На доступном материале, включающем в себя также новые данные о древнейшей фиксации «нового ѣ», галицко-волинский диалект не может быть уверенно противопоставлен «древнекиевскому» по признаку наличия или отсутствия «нового ѣ». Для одиннадцатого — двенадцатого веков представляется более правильным говорить о раннеюжнодревнерусском ареале как о диалектном континууме, который при имеющейся источниковой базе не поддаётся более точной достоверной дифференциации.

Описанные здесь древнейшие случаи фиксации «нового ѣ», с большой вероятностью не относящиеся к галицко-волынскому ареалу, позволяют уточнить хронологию и ход процесса падения

⁷⁹ Ср. Афанасьева 2012, 21–22 («Случаев отражения „нового ятя“ в памятнике не так много, поэтому нам представляется, что это фонетическое явление было отражено в тексте антиграфа Синодального списка; возможно, он был галицко-волинского происхождения»). Т. И. Афанасьева исходит из датировки рукописи *Сказ.церк.* (и, соответственно, *Ев.учит.*) второй половиной двенадцатого века.

редуцированных. Как в *Псалт.Б.-С.*¹, так и в *Учит.ев.* и в *Сказ.церк.* «новый ъ» фиксируется на фоне отсутствия надёжных написаний, свидетельствующих об утрате слабых и вокализации сильных еров. Это доказывает, что компенсационное удлинение слога перед слабым ером, вследствие которого появился «новый ъ», развивалось раньше абсолютной утраты слабых еров и их превращения в *o*-звука. Этой утрате должен был предшествовать этап перехода слабого ера в неслоговую вокалический элемент, перед которым в ряде диалектов южнодревнерусского ареала развивалось компенсационное удлинение. Такие наблюдения уже были ранее сделаны на другом, немногим более позднем не книжном материале.

По сравнению с описанными А. И. Соболевским примерами более раннюю фиксацию «нового ъ» даёт *Суздальский змеевик* —

«каменный амулет-филактерий, происходящий из ризницы Суздальского Рождественского собора и хранящийся ныне в Государственном Историческом музее (№ 19726)» (Гиппиус, Зализняк 1998, 540).

Традиционная датировка (1189 г.) этого памятника серьёзно уточнена: сегодня памятник датируется второй четвертью или серединой двенадцатого века (Гиппиус, Зализняк 1998, 553, 556). Убедительная расшифровка индивидуальной тайнописи позволила выявить в текстах змеевика не только «новый ъ», но и напряжённое *o*, причём отражение противопоставления «двух фонем „типа *o*“ примерно на век (если не более) опережает его отражение книжными памятниками» (Гиппиус, Зализняк 1998, 552). Случаи пропуска слабых редуцированных в текстах амулета отсутствуют (Гиппиус, Зализняк 1998, 554). Это подтверждает мысль, что «удлинение **o* (и **e*) происходило раньше падения редуцированных, одновременно с формированием различия между „сильными“ и „слабыми“ ерами» (Николаев 1996, 210; курсив С. Л. Николаева). *Суздальский змеевик* отражает такое языковое состояние, когда «слабые редуцированные ещё сохраняли своё положение в слове, но их ослабленность уже успела сказаться в удлинении **o* и **e* предшествующего слога» (Гиппиус, Зализняк 1998, 555). Очевидно, такой ослабленностью должна быть утрата слоговости, которая только и могла вызывать слоговую компенсацию в предшествующем слоге⁸⁰. Датировка тринадцати древнейших примеров «нового

⁸⁰ Журавлев 1977, 30 («два слога, предельно сближаясь, образуют как бы один слог, что в общем и отражается в правиле Гавлика»), 39, 40 («На слог с редуцированным могло перетягиваться и ударение, если оно было на последующем редуцированном, утрачивающем слоговость [...] С этим же связаны и разнообразные проявления „заменительной долготы“ гласного в слоге с соседним слабым редуцированным: укр. *сік* — *соку*; серб.-хорв. *вѣд* — *вѣда*; чеш. *dít* — *dotu*; польск. *dół* — *dołu*; кашуб. *lud* — *lědu* [...] суть процесса падения редуцированных

ѣ» в Псалт.Б.-С.¹ и в трёх почерках рукописи ГИМ, Син. 262 (Учим.ев. и Сказ.церк.) позволяет определить начало этого процесса в конце одиннадцатого — начале двенадцатого века.

1.2.12.2.2. Вокализация ѣ, ѥ в сочетаниях типа **tъrt*, **tъlt* в древненовгородских памятниках

Благодаря удревнению ранних примеров слоговой компенсации и «нового ѣ» динамика падения редуцированных в южнодревнерусском ареале на рубеже одиннадцатого — двенадцатого веков кажется более интенсивной по сравнению с древненовгородским и древнепсковским диалектами, где первые единичные примеры утраты слабых еров датированы одиннадцатым веком, а первые случаи вокализации еров в сильной позиции относятся к середине — второй половине двенадцатого века. Этим временем датированы берестяные грамоты с отсутствием смещения ѣ, ѥ с *o, e*, в которых отмечены написания «песца, первомѣ, смерди, въ борзѣ 724 (1164–1167 гг.; материал лицевой стороны грамоты, где смещения ѣ, ѥ с *o, e* почти нет) (Зализняк 2004, 65). Приблизительно этим же временем датируются случаи вокализации сильных еров в южнодревнерусском *Добриловом евангелии 1164 г.*:

«соньмищихъ 18b, самаранескъ 49a, стоуденець 22b, ропъщѣте 15d, старечьско 100b, хто двою 132d, надо всѣми 4a» (Шахматовъ 1915, 244), «перьста 9a, мерътвии 11b, 52c, растергнууть 48a, мерътвыа 11a» (Шахматовъ 1915, 245).

Характерным как для южнодревнерусских, так и для древненовгородских рукописей является изменение ѣ в *o* в результате регрессивной межслоговой ассимиляции, хотя в истории вопроса удержалось представление о таких явлениях как о южнодревнерусской особенности, которая наблюдается только на примере форм *серебр-* и *золо-*⁸¹. Судя

сводится не к падению «слабых» и вокализации «сильных», а прежде всего к девокализации (утрате слоговости) слабых»; см. Ладыженский 2014, 226 (о дистантном ассимилятивном смягчении согласных, разделённых слабым редуцированным, который мог «претерпевать существенную количественную редукицию», в связи с чем «наличие гласного элемента в первом слоге не обязательно должно служить препятствием для взаимодействия согласных»), 234–235 (о неслоговом характере слабых редуцированных; литература).

⁸¹ Ср. Shevelov 1979, 241 («In the words *zъloba* [...] and *съrebro* [...] in OU [Old Ukrainian. — P. K.] the jers of the initial syllable assimilated to the vowel of the next syllable, hence *zoloba*, *serebro*. The former is copiously represented in Izb 1073 and Usp 12c, the latter is found, e. g. on the coins of Prince Svjatorъlkъ 1019, in PA 11c, Ch 1130, Chil 13c, Нур 1146, etc. Both forms were probably dialectal (Kievan or near Kiev?) and were given up in later U [Ukrainian. — P. K.]»).

по примерам А. А. Шахматова (1915, 201), которые включают также одно написание из древненовгородской служебной минеи на сентябрь (ок. 1095 г.), картина выглядит несколько сложнее, тем более, что форма *серебр-* во множестве встречается в новгородских берестяных грамотах⁸²:

«серебра Сб. 1073, 158в [...] золоба Сб. 1073, 170с, золобы 113а, золобою 183а, 188d, золобѣ 172с [...] изо обоѣж XIII Сл. Г. Б. 154β, безо оѣа ib. 148α, безо осжж-дениц ib. 6а [...] изовобрѣтоша Минея 1095, 106а [...] Отмѣчу аналогичное явление въ старославянскомъ языкѣ. Въ Зогр. находимъ: безо оѣа Мѡ. 10, 29, изо облака Лук. 9, 35» (Шахматовъ 1915, 201).

Написания *«грѣшениихъ 111в, кото 238в»* (Шахматовъ 1915, 205)⁸³ из *Изб. 73*, равно как и многочисленные случаи вокализации *ъ → о*, *ь → е* в сильной позиции в *Пандектах Антиоха* — *«жрѣновѣ, любовьѣ 11 раз [...] кротокѣ»* и т. д. (Дурново 2000/1924–1927, 444) и в ноябрьской служебной минее 1097 г. — *«грознѣ, грозны [...] сѣпрѣстоленѣ»* (Дурново 2000/1924–1927, 447) — рассматриваются как результат южнославянского влияния. Из-за одинаковой модели вокализации сильных *ъ → о*, *ь → е* на востоке и на юго-западе славянского ареала (то есть на территории современных македонских диалектов) примеры восточнославянской вокализации еров оказываются неотличимы от древних юго-западнославянских написаний. Кроме берестяных грамот, особое значение здесь должны иметь примеры, отражающие фонетически закономерную вокализацию еров в специфически древнерусских позициях, в которых *ъ*, *ь* были невозможны на южнославянской почве. Такой позицией являются сочетания типа **tъrѣt*.

Один случай вокализации *ь* в характерной для древнерусского языка сильной позиции, невозможной в южнославянских рукописях, был отмечен Н. Н. Дурново (2000/1924–1927, 446) в служебной минее на сентябрь, датированной около 1095 г.: *«жестосерѣдыимѣ»*. Лист рукописи не указан, нужный контекст цитируется в «Материалах» И. И. Срезневского (МСДРЯ I, 864) и упомянут А. А. Шахматовым (1915, 207): *«Испоустѣ оударѣемѣ водоу камень противьныйимѣ людѣмѣ ѣ жестосерѣдыимѣ»* Мин.сент. 88 об. (Jagic 1886, 0122). В. Ягич обратил внимание на «аномальный» характер этого написания, сопроводив его комментарием и разночтениями: *«въ подл. такѣ, въ с. жестосерѣдыимѣ, въ т. жестосѣрдыимѣ»* (Jagic 1886, 0122, примеч. 12).

⁸² Зализняк 2004, 797 (указатель).

⁸³ В этом же ряду А. А. Шахматов (1915, 205) ошибочно рассматривает написание *«на стегнѣ 242а»*; ср. Дурново 2000/1924–1927, 440 («правильно, как и в других памятниках р. и ю.-сл. письма, е в стегнѣ „μῆρον“ 242а и ѣ в стѣгнаѣ „πλατεῖας“ 169 об.»); ЭСРЯ IV, 751, 763.

Согласно А. А. Шахматову (1915, 207), в «МинеѢ 1095 г. единичный случай *жестосерьдыимъ* 88b объясняется какъ описка» (почему?). Н. Н. Дурново (2000/1924–1927, 446), хотя и отметил, что написание *е* для обозначения рефлекса сочетания типа **tʹrt* не имеет соответствий в рукописях одиннадцатого — начала двенадцатого веков и «не может восходить ни к ю.-сл. правописанию, ни к ю.-сл. произношению», тем не менее посчитал, что это написание, именно в силу уникальности, «нельзя считать указанием на живое произношение писца и следует объяснять [...] так же, как и другие случаи смещения *ѡ*, *ѡ* с *о*, *е* в М 95», то есть, пользуясь современной терминологией, как отражение книжного произношения еров⁸⁴.

Написание *жестосерьдыимъ*, однако, перестаёт быть уникальным рядом с ещё одним аналогичным примером — *не/млочьно*, — который был отмечен⁸⁵ в служебной минее на август, датируемой одиннадцатым — двенадцатым веками (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 125):

Крѣпѣишу прѣ/дѣче · истино (вм.: истино — τὴν ἀλήθειαν) показалъ еси ·
пострада/въ прѣхвальне · по неи ако проповѣдъ/никъ хѣвъ · томоу възъпити
оувѣщаа не/млочьно · дѣти ∴ ~ Та 102 об.

Ἰσχυροτέραν, Πρόδρομε, τὴν ἀλήθειαν ἔδειξας καὶ τῆς εὐνοίας τὸ φαῖδρὸν ἐφή-
πλωσας⁸⁶, ἀθλήσας, πανεύφημε, ὑπὲρ αὐτῆς ὡς κήρυξ Χ(ριστο)ῦ, τοῦτω ἐκβαῶν
παρεγγυῶν ἀσιγήτως· οἱ παῖδ(ες, εὐλογεῖτε κτλ.) Sn632 175 об.⁸⁷

Рукопись *Та*, подобно *Псалт.Б.-С.*, находится «на перекрёстке» архавизирующих и инновационных традиций письма, что наблюдается в ряде явлений.

Та отражает двухьюсовую орфографию (*бжстѣ* ∴ ~ / [так: сокращённое написание, описка или упрощение группы согласных] *Та* 1; *жбо* 1 об.; *жмъръ/ше* 2 об. и др.), модификацией которой являются написания с так называемым «комбинированным юсом» *Ѧ* в начале тропарей, который получает некоторое распространение преимущественно в южнославянской традиции в двенадцатом — тринадцатом

⁸⁴ См. Успенский 2002, 140 («показательны данные Мин. 1095, где неоднократно встречаются *е*, *о* на месте *ѡ*, *ѡ*. Замена *ѡ* на *е* встречается здесь как в сильной, так и в слабой позиции: *весе* (= *вьсь*), *жестосерьдыимъ*, *положе* (прич. прош.), *рожены* (тв. п. мн. ч. от *рожьнъ*), *нѣсенат*, *весесильната*, *весемирната*, *весецедри-телла*, *многострастене*, *бГовидече*, *словесена*, *ковечегъ*, *мече*, *страстотъръпце*; отметим, что, за единственным исключением — *жестосерьдыимъ* — все написания с *е* вместо *ѡ* в соответствии с сильной позицией редуцированного отмечены перед буквой *е* в следующем слоге).

⁸⁵ Кривко 2005₁, 100; Кривко 2007₁, 242.

⁸⁶ Славянского соответствия фрагменту καὶ τῆς εὐνοίας τὸ φαῖδρὸν ἐφήπλω-σας нет.

⁸⁷ Греческий оригинал ранее не был опубликован.

веках и связан, очевидно, с меной юсов. Похожие начертания такого юса в раннедревнерусской традиции известны в *Изборнике 1073 г.* и в служебной минее на апрель из того же «типографского» комплекта (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 110)⁸⁸, к которому относится *Ta*; часть апрельской минее написана тем же почерком, что и *Ta*. В середине — второй половине двенадцатого века начертание *Ѓ* отмечается в берестяных грамотах (Зализняк 2000, 212), в связи с чем не вполне ясно, можно ли считать букву *Ѓ* в *Ta* и в апрельской минее свидетельством опосредованного влияния южнославянского протографа. Вероятнее всего, что написания *Ѓ* в *Ta* играют своего рода декоративную роль и отражают языковой вкус писца, который усвоил это начертание из чтения южнославянских рукописей или их восточнославянских антиграфов:

Аслышавъше Та 1 об.; *Акрашаеться* 4 об.; *Аставы* 5; *Амно* 35; *Аноша* 42 об.; *Астрълень* 54 об.; *Амрѣтивъ* 60; *Акрашался* 60 об.; *Аничъжиса* 65 об.; *Астави* 68; *Амрѣщена* 70; *Аношьскы* 72; *Аста* 82; *Амрѣщеноу* 87; *Астави* 100; *Астрашаема* 102; *Аставы* 105 об.; *Астрашиса* 108 об.; *Акрѣльшеса* 110.

Судя по малому числу морфем, в которых пропускаются слабые *ъ*, *ь*, писец в этом отношении воспроизводит архаичный древнерусский узус, сохраняя *ъ* даже в корнях *кѣнлз-* и *пѣт-*: *кѣнлзи* Та 30, *Кѣнлза* 34 об., *кѣнлзи* 42 об., *кѣнлзю* 43; *кѣнлзи* 46; *пѣтица* 69 об. Примеров с отсутствующим *ъ* в *Ta* нет (корень *пѣт-* отмечен один раз). В данном случае мы сталкиваемся именно с архаичным письменным узусом, а не с отражением современной рукописи диалектного состояния. Об этом свидетельствуют данные служебной минее на июль (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 121), которая принадлежит к тому же комплекту, что и *Ta* и в создании которой принимал участие писец Матфей, написавший *Ta*⁸⁹. В основном почерке июльской минее еры последовательно пропускаются в восемнадцати корневых морфемах и в суффиксе *-ьн-* (Карягина 1960). В *Ta* отсутствие еров регулярно отмечается только в пяти морфемах:

- 1) *дѣв-*: *двою* 1; *двоица* 27 об.; *Двѣ* 28 об.; *двѣ* 81 об., 87 об.; *двое* 28 об. (ср. *въ дѣвъ* 1; *дѣвъ* 28 [2 раза]; *Дѣва* 58 об.; *дѣва* 57 об.);
- 2) *мѣног-*: *мно/жаи*^{ми} 2 об.; *многоплодна* 72; *множество* 75; *многахъ* 79; *многосвѣтъла* 79 об.; *многобжила* 80 об.; *многопучиноу* (вм.: *многую пучиноу* — ἄπειρα πελάγῃ) 83; *многы* 83; *многозбѣра/ныи* 26; *Многими* 50 об.; *многочисльныа* 59; *многo* 87; *многoобразныхъ* 111 об.;

⁸⁸ Карский 1979, 167, 208; КМЕ II, 301–306; Томовић 1974, табл. IV, XIV.

⁸⁹ См. Каталог 1988, 41–49 (о комплекте служебных миней РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 99, 103, 110, 121, 125); Уханова 2009, 211–228 (литература, история вопроса, палеографический и кодикологический анализ миней «типографского» комплекта и связанных с ним рукописей).

- 3) *зъл-*: *злымихъ* 3; *злодѣиваго* 3 об.; *злымихъ* 4; *злааго* 5; *злодѣлнню* 8; *злобѣ* 15 об. и т. д., всего около сорока примеров; ср. *зѣлы* 57; *зѣлѣ* 63; *зѣлобие* 70 об.; *Зѣловѣръя* 88; *зѣлобы* 102, 105 об.; *зѣлѣ* / 107 об.;
- 4) *днь-*: *дньсь* 3; ср. *Днь* 66 об.; *дньница* / 103 (так!);
- 5) *вс-*: *все* Та 2 об., 10 об.; *всеславъне* 10 об.; *всю* 3; *вси* 3 (2 раза); *вс.л* 12 и мн. др., отмечены только три примера с *ь*: *всъхъ* 12 об.; *всье* 49 об.; *всьего* 53 об.

Кроме перечисленных примеров, буквы *ѡ*, *ѣ* пропущены в следующих единичных случаях:

- 1) *нѣкто* 7 об.; ср. *Кѣто* 24 об., 32 об.; *кѣто* 31 об.; *никѣтоже* 16 об.;
- 2) *чтоуциимѣ* 14, 45 об.; ср. *чтоуциихъ* 66 об., 73; *чтоуци.л* 68 об.; *чьтемъ* 75; *чьта* (действ. прич. наст. вр. м. р. ед. ч. им. п. — σέβων MR VI, 481) 75 об. и мн. др.;
- 3) *разгна* 7; *вѣдхни* 7 об.; *тѣмница* 17, *жи/вотною* 32, *свѣтилникъ* 47, *всенощ-ноу* 94, *бла/жне* (если это не пропуск буквы *е* в форме *блажене*) 107; *цѣл-бамѣ* 48; *посла* 85; *мнѣ* 89 об.; *прѣдѣтческою* 104 об., *про/рочска* 104 об., *Дѣвичскаго* 108;
- 4) с *нѣсе* 25, 34, 59 об.; с *нѣсы* 33 об.; с *бжствѣ/ными* 13; *к сѣю* 31; *в роу-цѣ* 31;
- 5) *Стражета ти* (συναθλοῦσι σοι MR VI, 389) 27 об.; *прѣ/тече* (Προδρόμε MR VI, 528) 104 об. (упущение новых геминат в результате утраты слабого *ѡ* или пропуск букв?).

В отличие от многих рукописей одиннадцатого — двенадцатого веков, в *Та* почти нет случаев мены *ѡ*, *ѣ* на *о*, *е* в слабой позиции, замечено только одно исключение: *Ко* (*ликоу мoudръноу* — Χορεῖα σῶφρονι MR VI, 350; возможно, описка в результате паронимической аттракции с местоименным наречием *коликъ*) 8 об. Особый случай представляет регулярное написание *о* на месте исконного этимологического *ѡ* в морфеме *храбър-*⁹⁰ независимо от позиции, которое отражает южнославянскую (юго-западнославянскую) традицию употребления этой частотной в гимнографии морфемы с вокализацией *ѡ* → *о*: *храборивѣ* (действ. прич. наст.вр. м. р. ед. ч. им. п. ἀριστεῦσας MR VI, 372) *Та* 16; *храбора* (ὀπλίτας MR VI, 391) *Та* 23; *храборѣ* (ὀπλίτης Sn631 27) *Та* 17. Кроме написаний типа *храбор-*, вокализация *ѡ* в слабой позиции отмечена в консонантной группе: *неве/цествѣнѣ* Та 1.

Отличительной особенностью *Та*, не свойственной в такой мере древнерусским рукописям одиннадцатого века, являются примеры пропуска *и* после *и*, *ы* в фонетической позиции перед графически

⁹⁰ Reinhart 2011, 168 (об исконном, «этимологическом», характере *ѡ* в морфеме *храбър-*; литература).

невывраженным *j* в окончаниях род. п. мн. ч. **jo*- и **i*-основы⁹¹ и тв. п. мн. ч. **jo*-основы, а также в членных формах прилагательных м. р. ед. ч. им. п.:

род. п. мн. ч.:

(*Капллми твоихъ*) *кръви* 53 об.; *ицъле/ни* (ἰαμάτων MR VI, 444) 57 об., (ἰαμάτων Sp632 176) 102 об.; *пригръшени* (τῶν [...] πταισμάτων) 107 об.; *на/пасти*⁹² (многообразныхъ) 111 об.;

тв. п. мн. ч.:

течени (ρεῖθροις Cl 180) 109 об.; (свѣтозарьными) *блистани* (δῆα) 55 об.; (бжствьными) *объщани* 56 об.; *ласкани* (ταῖς θωπεῖαις MR VI, 477) 73 об.; (сѣ) *ликостолни* 109;

им. п. ед. ч.:

(*матьѡта*) *пръмоудры* 15 об.; (дѣствьными свои) *мѣрни* (сѣсоудъ) 40; *красьны / (домъ)* 56; *вѣзлюблены* (бѣ имь) 64 об.; *безвещствь/ны* (пламень · вѣ вы оугасисте) 92; *сѣны* (Θιλιце) 111 об.; (*животъ*) *сѣставьны* (сѣи) 45; ср. *Θεогни* 69.

Аналогичные примеры, отражающие ауслатное стяжение **ijj* в субстантивных окончаниях ср. р. род. п. мн. ч. и тв. п. мн. ч. **jo*-основ и род. п. мн. ч. **i*-основы, известны в древнейший период только в глаголических рукописях: *Клоц*, *Асс*, *Зогр*, *Мар*, *Псалт.Син*.⁹² Стяжённые формы им. п. ед. ч. м. р. на *-ы*, вызванные утратой конечного *ь* в сочетании *уѣь / ѣь*, отмечены как в глаголических, так и в кириллических (прежде всего *Саввина книга*) рукописях⁹³.

⁹¹ Далее цитируется также форма род. п. мн. ч. существительного *кръвь*, принадлежащего к склонению на **-i*, однако воспринявшего флексию **i*-основы *-ии* аналогического происхождения.

⁹² Diels 1932, 161 («ГОСПОДИИ mt15,27 Zo. Sav. Supr. 75, 18, vielleicht ГВОЗДИИ Cloz 1, 669, ferner das daraus vereinfachte -И, so ЛЮДИ Cloz. 868; ПЕЧАТИ Cloz. 737. 738; ПЖТИ Ps. 54, 12 [wenn als Plur. gemeint]»), 172, 173 (о формах род. п. мн. ч. **jo*-основы: «gpl. hat nebeneinander die Endungen -ЕИ und -ИИ, selten -ЪИ oder -И [...] -И in io. 4, 49 Zo. Ass. [vor l]. mt. 6, 15 Mar. [vor И]. io. 3, 2 Zo [...] ipl. hat neben -ИИ [-ЪИ] ganz selten die kontrahierte Form -И [...] aber -И in ОРЖЖІ Cloz 2, 157»), 178 (о формах род. п. мн. ч. **i*-основы: «Im gpl. finden wir als häufigste Endung -ИИ [...] Gelegentlich findet sich -И, so ГЖСЛІ Cloz. 50f., МЪСТІ Ps. 93, 1, vereinzelt wohl auch in den Evv., wo man bei -И gelegentlich im Zweifel ist, ob ein gsg. oder ein nachlässig geschriebener gpl. gemeint ist, vgl. mt. 24, 6. 8 Sav.»); Mladenov 1929, 126; Вайан 2002, 120–121 («окончание род. п. мн. ч. *-ии* имеет варианты *-ы* [редко], *-еи* [часто] вследствие вокализации „ера“, *-и* [особенно в Клоцовом сборнике] вследствие стяжения»).

⁹³ Diels 1932, 193 («-И ist die weitaus häufigste Endung in Euch. Sav., die häufigste in Mar. Cloz., häufig in Ass und, besonders vom Lukaevangelium an, in Zo. [...] und selten in Supr»).

Наряду с очевидным влиянием юго-западнославянской традиции, следы которой видны в примерах ауслатных стяжённых форм существительных и прилагательных, обращает на себя внимание русификация письменного узуса в обозначении анлаута с *ou*, который ни разу не передан в согласии с южнославянской орфографией, если не считать влиянием таковой «этимологически неправильные» написания с *ѡ* в соответствии с *ou* (возможно, начальное *ѡ* является своего рода компромиссом между южнославянским и восточнославянским узусами): *ѡноша* 21 об.; *ѡ/ноша* 22; *оуноша* 91 об.; *ѡтрьнююще* 27 об.; *оутрьнюо*: / 34 об.; *оутрьнюла* 77 об.; *оутрьнююще* 94 об. и др., буква *ю* в начале слова используется только в формах местоимения вин. п. ед. ч. *юже* 17 об., 22 об.; *ю* 32, 34 и др. Столь же последовательно в соответствии с восточнославянскими фонетическими особенностями обозначается рефлекс сочетания **dj*: *порожение* 4 об.; *стражю/ще* 5; *побъжаемъ* 5 и др., написание *жд* отмечено лишь однажды: *заграждаема* 28. Приблизительно так же распределяются варианты *жд* / *ж* в «Ягичевых минеях» (Lunt 1949, 126–127). Восточнославянские рефлексы сочетания **tj* в *Ta* отсутствуют: *разнѡщасѡ* *Ta* 28 об.; *въдоуще* 39 об. и т. д. Явления графико-орфографической русификации *Ta* сближают эту рукопись с *Псалт.Б.-С.*, которая при этом является столь же консервативной в сохранении слабых еров, как и *Ta*.

«Типографский» комплект служебных миней относится к той же книжной среде и даже, вероятно, происходит из того же скриптория, что и так называемые «Ягичевы минеи» ок. 1095–1097 гг. Это убедительно доказывается сходством почерков февральской минеи «типографского» собрания (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 103) и сентябрьской минеи ок. 1095 г. (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 84) и рядом других палеографических и исторических фактов⁹⁴. Дialect писца *Ta* принадлежит к тому же древненовгородскому ареалу, что и «Ягичевы минеи», о чём свидетельствует не только смешение *ц* и *ч* (*прорича/ние* *Ta* 15; *наричаеть* 32; *съконьца* 88 об. и др.), но и характерная новгородско-псковская рефлексация сочетания **zgj*, известная как в «Ягичевых минеях» (Lunt 1949, 126), так и в *Ta*: *дъжгъ* 78, 111; *пригвожгенааго* 88 об.; *одъжглющую* 91 об. Написание (*Апѡльскыи*) *сѡборе* · (*прѡславьно събърасѡ ис коньць днѣ*) (ἀποστόλων ὁ θίασος MR VI, 396), возможно, отражает новгородскую именную флексию им. п. ед. ч. м. р. -е, если форма им. п. ед. ч. не была переосмыслена как вокатив, чему способствует ономиния славянских аористных форм 2 л. и 3 л. ед. ч.

Основным способом передачи праславянского сочетания типа **tъrt* в *Ta* является орфограмма южнославянского типа: *пръвое*,

⁹⁴ Уханова 2009, 218 (литература, в том числе связанная с гипотезой о скриптории Лазарева монастыря или общины храма св. Лазаря).

оутврѣжение Та 34; *дрѣжащихъ* 35; *зръчало* 35, ср. сокращённые написания *дврѣ* 17, 83 об.; *Дврѣ* (начало строки) 18 об. Влиянием орфограмм южнославянского типа обусловлены также единичные безъеровые написания, свидетельствующие о слоговости плавного: *Стлѣъ* 1; *првообразноу* 1; *млнл* 14; *крѣтъ* 52; *тврди* 58 об.; *срдца* 59 об. Среди южнославянских рукописей аналогичные написания отмечаются только в *Мариинском евангелии*:

«скврншитаа Mat. 15.20, *млосрдовавъ* Mat. 9. 22, *оутрни* Mat. 6. 34, *крѣъ* Mat. 16. 17. u. a. Es handelte sich hier schon um ein einfaches *ŕ* ohne jegliche begleitende vokalische Elemente» (Vondrák 1912, 173).

В. Вондрак характеризует такие написания как «редкие»⁹⁵, в классических грамматиках «древнецерковнославянского языка» А. Лескина и П. Дильса они не упомянуты⁹⁶, что позволяет предполагать в этих написаниях влияние локального южнославянского письменного узуса. Древнерусская орфограмма отмечена только в одном случае: *зръчало* 34; четырьмя примерами засвидетельствовано второе (еровое) полногласие: *жмърѣ/ше* 2 об.; *испѣлѣнена* 24; *тврѣдо* · / 48 об.; *тѣлѣстостию* 82 об.

Диапазон графико-орфографического варьирования свидетельствует о неустойчивости индивидуального узуса писца *Та* по ряду признаков, что заставляет с доверием отнестись к написанию *немлочно* и рассматривать его как параллель к ранее отмеченной форме *жестосердый.мѣ*. Оба написания отражают фонетически закономерную рефлексацию вторичного редуцированного в сочетании с плавным в позиции второго («ерового») полногласия. В соответствии с правилом Гавлика гласный *ь, ѣ* изменяется в *е, о* перед слабым *ь*⁹⁷: *немлочно*

⁹⁵ Vondrák 1912, 173 («Selten wird der Halbvokal, der allerdings damals schon überflüssig war, ausgelassen»).

⁹⁶ Leskien 1969, 34–39; Diels 1932, 61–62.

⁹⁷ См. Крысько 1994₂, 17–18 («Мы полагаем [...] что подобные образования [верех, кором — Р. К.] возникли не фонетическим, а морфологическим путем — в результате контаминации форм с закономерной, но различающейся в зависимости от позиции рефлексацией редуцированных: *верха + верх > верех* [...] и благодаря своему чисто внешнему сходству с рефлексам первого полногласия имеют больше оснований называться третьим полногласием, нежели экзотические сочетания [...] рассмотренные под этой рубрикой А. А. Шахматовым [...] В этой связи отметим, что нельзя считать абсолютно бесспорным хрестоматийное положение, согласно которому в сочетаниях со вторым полногласием (*тѣръѣ*) редуцированный перед плавным „во всех случаях сохранял свойства сильного редуцированного“ [...] Представленные в памятниках формы с гласным полного образования на месте второго, неисконного редуцированного [...] показывают, что вначале распределение сильных и слабых позиций соответствовало общему правилу и не зависело от исконного либо

из *немлѣчьно, жестосердыймъ* из *жестосъръдыимъ*. Эти два примера вокализации еров в сильной позиции из древненовгородских служебных миней являются на полстолетия более древними, чем известные примеры из берестяных грамот, частично упомянутые выше:

«песца, первомѣ, смерди, въ борзѣ 724 (1161–1167 гг. [...]) пол[ѣ] и[e]тверѣ[т]а 710 (40-е — сер. 90-х гг. XII), въ ... долгъ <-гъ> 235 (60-е — 70-е гг. XII [...]), скорбѣ Ст.Р. 10 (XII₂), оперьсникъ 648 (кон. XII — 1 четв. XIII)» (Зализняк 2004, 65–66).

Судя по древнейшим книжным примерам, уже в конце одиннадцатого — начале двенадцатого веков в древненовгородском ареале существовали говоры, в которых была возможна вокализация сильных редуцированных в сочетании с плавными. Вне всякого сомнения, писцы сентябрьской и августовской миней работали на территории одного говора, о чём свидетельствуют как языковые данные обеих рукописей, так и палеографические и исторические сведения, которые позволяют предполагать происхождение памятников из одного скриптория.

Едва ли случайно появление обоих примеров древнейшей вокализации редуцированного в сочетании с *л* и *р*. Сонорность согласного являлась, вероятно, катализатором процесса вокализации и способствовала развитию слоговой компенсации в слоге с сильным редуцированным. Два книжных памятника оказываются уникальными свидетелями этого явления, отражающего, как кажется, ранний этап вокализации сильных *ѣ*, *ь*. Написание *в[ѣ борзѣ]* берестяной грамоты № 613, аналогичное формам *немлѣчьно, жестосердыймъ*, не может иметь фонетической значимости не только в силу древней датировки (30-е — 50-е гг. XI в.), но и из-за графического смешения *ѣ*, *ь* с *о*, *е*⁹⁸. Прочитированные выше примеры из грамот середины — второй половины двенадцатого века отражают развитую стадию падения слабых *ѣ*, *ь* и вокализации сильных.

Абсолютная хронология начала вокализации сильных редуцированных в сочетании с плавными по крайней мере в некоторых

„неорганического“ происхождения редуцированного: второй (вставной) редуцированный, находясь перед слогом с утраченным слабым редуцированным, закономерно вокализовывался, тогда как первый (исконный) столь же закономерно утрачивался»; ср. Зализняк 2004, 66 (о развитии двусложного рефлекса из сочетания типа *търѣт* в северо-западных говорах под прежним новым акцентом; «к сожалению, материал берестяных грамот пока еще слишком мал для того, чтобы можно было установить, происходило ли в др.-новг. диалекте прояснение вставного *ѣ* (*ь*) в сочетании *Търѣт* по тем же правилам, которые С. Л. Николаев выявил в современных говорах»).

⁹⁸ Зализняк 2004, 242–243 (с. 243: «это самая ранняя берестяная грамота со смешением *ѣ* и *о*»).

древненовгородских говорах совпадает с началом процесса слоговой компенсации в слогах перед слабым редуцированным в южнодревнерусском ареале и датируется самым концом одиннадцатого — началом двенадцатого веков.

1.2.12.2.3. Написание *стюденьць*

Процессы межслового взаимодействия, приводившие в том числе к вокализации редуцированных и к развитию слоговой компенсации в слогах с гласными полного образования, проявляются ещё в одном написании *Псалт.Б.-С.*¹, которое также позволяет удревить датировку некоторых историко-фонетических явлений.

На третьей и четвёртой строках л. 35 большей синайской части *Псалт.Б.-С.*¹ находится текст, хотя и выцветший (настолько, что нижняя половина стороны листа, начиная с девятой строки, аккуратно наведена поздним правщиком), но всё же ясно читаемый на фотокопии: *низъведеши ѧ въ стюде/ньць истьльгъню*. На фоне хорошо известных в древних славянских рукописях замен *ю* на *оу*, *ѣ* на *ю*, *у* на *оу* и на *ю* и наоборот на форму *стюде/ньць* можно было бы и не обращать внимания. Однако рассмотренные далее типы отражения на письме тембровых характеристик в слогах с <u> сделать этого не позволяют (см. третий очерк), более того, создают основу для иного надёжного объяснения этой уникальной для столь раннего периода формы.

Известно, что в славянских лексемах в древнерусских рукописях 1) буквы *оу*, *ѣ* менялись на *ю*, *ѣ* и наоборот только после букв исконно палатальных, 2) буква *ю* употреблялась после букв твёрдых согласных только под влиянием исконного *ѣ*; многочисленные написания *ю* вместо *оу* в декабрьской служебной минее РГАДА, ф. 381, № 96 (*Мин.дек.*) являются пока исключением из общего правила, других рукописей, где столь широко была бы представлена буква *ю* на месте исконного *оу*, нет⁹⁹. В *Псалт.Б.-С.*¹ отсутствуют замены *ѣ* на *ю* или *оу* на *ю* не после букв исконно палатальных, что не позволяет нам рассматривать написание *стюде/ньць* как проявление неустойчивости письменного узуса в обозначении <u>.

Буква *ю* в форме *стюде/ньць* использована в конце строки, а следовательно, в этом написании можно было бы легко увидеть употребление «экономного» эквивалента *ю* вместо *оу*. Однако в *Псалт.Б.-С.*¹ буква *ю* не используется в конце строки как эквивалент *оу* — в этой позиции всегда употребляется *Ѹ*. Написание буквы *ю* в форме *стюденьць* не обусловлено местом в строке, поэтому мы вправе цитировать его далее без косой черты.

⁹⁹ См. далее подробно (§ 2.6).

На фоне сказанного нет никаких оснований отрицать фонологическую значимость формы *стюденьць*. До сих пор считалось, что сочетание *Сu* или *Сi* могло появляться в одиннадцатом веке лишь в грецизмах с исконным *υ* (в формах типа *мюро*), тогда как самый ранний пример сочетания *т'и* (или *т'и*) был отмечен в новгородской берестяной грамоте № 904 (перв. четв. XII в.): *ѡ тюткы къ нѣж.лтѣ*¹⁰⁰. Написание *стюденьць* из *Псалт.Б.-С.*¹ доказывает, что сочетание *т'и* было возможным, вероятно, и в более раннюю эпоху (в конце одиннадцатого века?), причём не в заимствованной, а в исконно славянской лексеме.

Формы с корнем *стюд-* нередки в древнерусских рукописях:

«Во 2-м изд. „Лекций“ [т. е. „Лекций по истории русского языка“ А. И. Соболевского. — Р. К.], с. 121, приведены примеры: „*стюдено* Кормчая ок. 1282 года 447, *стюдены* воды Поликарпово Ев. 1307 г. 33, *стюденець* Ев. 1317 г. 13, 33, на *стюденьци* Путенское Ев. XIV в. 27, *стюденѣцъ* Ипатский сп. 559, соврем. великор. *стюдень* и т. п., белорусск. *стюдѣный*, *сцюдзѣный*“. В 4-м издании эти примеры не фигурируют» (Крысько 2006¹, 588).

К более поздней эпохе относятся примеры, частично отражённые в (СРЯ XI–XVII вв. 28, 206–208):

(6917 г.) Бяшетъ бо тогда зима тяжка зѣло, и студень преизлише велика. *Рог.лет.* 183 (361 об.). Сер. XV в. бѣ же сима ѡна студена зѣло [...] рыба на студени/ сѣщи [...] не смердить. *Соб.Нил.Сорск.* I, 88. XV в. И тот день был вѣтрень, была метѣлица, и в ноци студено же. *Днев.зап.ПТД*, 57. 1660 г. I в тот день было студено. Там же, 62. 1660 г. А мы, холопи твои, наги и боси вконецъ погибли, помираемъ студеною смертию. *Дон.д.* II, 677. 1645 г. Студеное море. *Рим.имп.д.* I, 834. 1581 г. Зимы бывають студены. *Пос.Елч.*, 335. 1640 г. [...] въ такихъ далнихъ и сѣверныхъ студеныхъ странахъ. *ДАИ X*, 302. 1686 г. Студеные морозы. Там же, 189. 1686 г. Двои ноги на студень. *Кн.расх.Хлын.*, 28. 1679 г. [...] сѣ студена умреть. *АИ II*, 75. 1605 г.

Материал письменных источников имеет многочисленные соответствия в современных русских говорах. Областной великорусский словарь отмечает три лексемы с корнем *стюд-*:

«**СТЮДѐНО**, нар. Холодно. С м о л. *Росл.* Та м б.; **СТЮДѐНЫЙ**, а я, о е, пр. Холодный. С м о л. *Росл.* Та м б.; **СТЮДѐНЬ**, и, с. ж. Студень, желе. Та м б. Т в е р. *Вышневолоц.*» (ООВС 219), —

¹⁰⁰ Зализняк 2004, 268 (публикация грамоты и комментарий; «Представляет значительный интерес сочетание [т'у] в *Тюткы*: мы видим, что такое сочетание, первоначально невозможное, в данную эпоху было уже допустимо»), 269 («Имя *Тют(ъ)ка* — либо иноязычного, либо звукоподражательного происхождения»).

а в специальном томе дополнений к этому словарю отмечена лексема «**СТЮ'ДЕНЕЦЪ**, нца, с. м. Студень. П с к о в. Т в е р. *Осташ.*» (ДООВС 258).

В результате делабиализации [u] форма *стюдёно* развивается в *стидёно*, поэтому в ДАРЯ III (2) вариант *стидёно* — более поздний этап развития корня *стюд-* — «картографируется условно как *стюдёно*» (ДАРЯ III (справ.)). Наречие *стюдёно* не имеет чёткого ареала на Европейской части России, причём относительно многочисленными ареалами употребления формы *стюдёно* соседствуют с ареалами формы *стюдёно*¹⁰¹.

Как следует из материала, в лексемах с исходным **stoud-* осуществляется переход *tu-* → *t'u-* только в алломорфах корня с мягким *d'*, то есть *stud'* → *st'ud'*, тогда как перед твёрдым *d* сохраняется исконное сочетание *stud-*. Очевидный позиционный характер изменения доказывает, что написание *стюденьць*, отмеченное в *Псалт.Б.-С.*¹, представляет собой не только первый пример сочетания *t'u* в славянской письменности. Перед нами древнейший случай дистантной межслоговой ассимиляции согласных по признаку тембра в слогах не с исконными <ъ — ь>. Именно как результат межслогового взаимодействия объяснялись формы типа *стюд-* в работах А. И. Соболевского среди целого ряда аналогичных примеров (укр. *багатий* из *богатъи*; укр. *дитина* из *дѣтина*; русск. *ребёнок* из *робенокъ*; русск. и укр. *сидит* из *сѣдитъ*, русск. *дюж* из *дѣжъ* и многие другие)¹⁰². Идеи А. И. Соболевского были поддержаны и развиты А. А. Шахматовым (Шахматовъ 1915, 66) и подвергнуты резкой критике Г. А. Ильинским (Ильинскій 1917, 188–204), с некоторыми возражениями которого, наверное, можно было бы согласиться, однако подробный разбор его аргументов заслуживает отдельной работы. Взгляды Г. А. Ильинского не получили поддержки в последующей научной традиции (Колесов 1980, 98–100). Так, по мнению М. Фасмера, в русском диалектном *скеля* (ср. украинское *скеля* 'скала, утёс')

«сохранение -к- перед -е- указывает, по-видимому, на древнее **скѣль*, **скѣля*, где ѣ было ассимилировано последующему ь» (ЭСРЯ III, 638).

В этот ряд следует добавить современные диалектные *бисиком* и *бисиками*:

«**Бисика́ми**, нареч. Босиком (если речь идет не об одном человеке). [...] Барнаул., 1929–1935.

Бисико́м, нареч. Босиком. Покр. Влад., 1910. Барнаул.» (СРНГ 2, 296).

¹⁰¹ ДАРЯ III (2). Карта № 92 (наречия со значением 'холодно').

¹⁰² Соболевский 1893; Соболевский 2006/1894, 188–190; Соболевский 2004/1907, 143–144.

На этом фоне едва ли является рядовой опиской форма «(да шлюсь...) кинителного (дѣла мастера на Ульяна...)». АЮБ I, 648. 1648 г., указанная нам А. Н. Шаламовой. Ряд примеров межслоговой тембровой ассимиляции можно найти в заимствованной лексике, особенно в ономастике, греческого происхождения:

«**ПОРФИРА (ПЕРФИРА, ПОРФУРА)**, ж. [...] Иванъ же о перфирѣ царьстѣи являеть, никто же бо перфиры не носить, точию единъ царь (τὸ δὲ πορφύροῦν). Физ., 346. XV в. [...] Црѣ Дарии сътворилъ вечерю... всѣм одѣанымъ въ перфиру (purpuritas). (2 Ездр. III, 1–2) Библ.Генн. 1499 г. [...]

ПОРФИРНЫЙ (ПЕРФИРЪНЫЙ), прил. [...] Ткание же перфиръное многоцѣнное. Флавий. Полон. Иерус. (М.), 446. XVI в. ~ XI в.» (СРЯ XI–XVII вв. 17, 144).

Б. Унбегаун (1995, 48) описал процессы ассимиляции гласного заднего ряда с предшествующим гласным переднего ряда на примере фамилий *Нефѣдѣев* (из Μεθόδιος)¹⁰³ и *Нѣстеров* (из Νέστωρ). В этот ряд примеров по недосмотру попала фамилия *Перфильев* (из Πορφύριος), где отражается то же направление ассимиляции предшествующего слога последующему, что и в формах *стюденьць*, *ребѣнок* или *бисиками*. В результате межслоговой ассимиляции появился вариант имени *Фотина*, *Фотинья* (*Фотиния*) — *Фетиния* (*Фетинья*) (из Φωτεινή), распространѣнный в «народном употреблении» (Соколова 2000, 177). Обратный процесс ассимиляции гласного переднего ряда гласному заднего ряда имеет место в имени *Артамон* (Αρτέμων) (Унбегаун 1995, 48). В этом же ряду нужно рассматривать формы типа *Глигории* («apparent etiam formae *ГЛИГОРИИ* [semel in As Und, bis in Mak], *ГЛИГОРЪ* [bis in As]» [SJS I, 434, s.v. *Григории*] или *Перфилий*¹⁰⁴, отражающих межслоговую дистантную диссимиляцию плавных согласных по признакам места и способа образования, свойственную и южнославянским языкам.

Написание *стюденьць* выделяется из общего ряда примеров межслоговой ассимиляции и диссимиляции гласных и согласных. Уникальный пример из рукописи рубежа одиннадцатого — двенадцатого веков доказывает, что межслоговое взаимодействие, приводившее к смягчению согласного предшествующего слога под воздействием согласного последующего слога, началось в одну эпоху с процессами

¹⁰³ Здесь — дистантная диссимиляция губных согласных с переходом начального *т* в *п*.

¹⁰⁴ Соболевский 2004/1907, 144 («собственныя имена Илинархъ, Меркулъ [...] Перфилий [...] рядъ новѣйшихъ заимствованныхъ словъ съ диссимиляціей: флигеръ, флюгеръ (= шведск. flögel) [...] Малорусскіе говоры рядомъ съ срібро=сребро имѣють также и срібло»).

только в словах, заимствованных из греческого или через греческий: *сийнъ* 86 об., *мѣусеа* 96 об., *фарайна* 124 об. и т. д. Мачта буквы *ѣ* чуть выступает над строкой, как и в *Псалт.Б.-С.¹*, и в большинстве случаев слегка наклонена вправо, поперечная линия буквы расположена ровно на верхнем уровне строки. Как уже отмечалось в связи с *Псалт.Б.-С.¹*, такое начертание не характерно для одиннадцатого века, хотя и встречается в *Изб.73*, широкое распространение оно получает в двенадцатом веке (Щепкин 1999, 124).

1.3.1.1. Буквы *ѳ*, *ѣ*, *ѵ*

Буквы *ѳ*, *ѣ*, *ѵ* в *Псалт.Б.-С.²* употребляются всегда этимологически верно в следующих словах: *евиопъстии* 74, *оаворъ* 76 об., *давайъ* ∴ / 99, *ѣфремови* 61 об., *финеесъ* 99 об., *ефрантъ* (Ἐφραθᾶ) 122 об., *иосифовъ* 60, *фуникъ* 82, *фарайна* 24.

Один раз в соответствии с исконным греческим *θ* в *Псалт.Б.-С.²* написана *т*, что, казалось бы, отражает влияние древнеболгарской письменной традиции, для которой характерна передача греческой фиты *θ* с помощью *т* (наряду с *ѳ* или даже единичного *з*: *езни* ἔθνη¹⁰⁶): *ефрантъ* 122 об. (ср. Ἐφραθᾶ, Ἐφραθᾶ). Кроме *Псалт.Б.-С.²*, форма *ефрант-* отмечена в *Псалт.Син.*, *Захарьинском паремийнике* (SJS I, 586) и в древнерусском нотированном *Стихираре* XII в. (БАН, 34.7.6, 79 об.: *доме ѣфрантовъ*; ср. в древнерусской сентябрьской служебной минее РНБ, Q. п. I. 12, 18 об.: *гл̃а̃. ѿ. п̃д̃. доме ѣфранъ.*) (Момина 1998, 168). Для самоподобной стихиры *доме ѣфрантовъ* указана греческая параллель в минее двенадцатого века (РНБ, Греч. 227/II, 31 об.), где мы встречаем вариант топонима, соответствующий написанию *Псалт.Б.-С.²*: οἶκος τοῦ Ἐφραθᾶ (Момина 1998, 166). Следовательно, форма *ефрантъ* 122 об. в *Псалт.Б.-С.²* отражает не прямое влияние древнеболгарского произношения, а независимую от протографов письменную традицию передачи топонима Ἐφραθᾶ — Ἐφραθᾶ — Ἐφραθᾶ как *ефранта*, сложившуюся не только в результате характерного болгарского соответствия *θ* — *т*, но и вследствие фонетических и графико-орфографических изменений лексемы на греческой почве.

Несмотря на хорошее, по сравнению с писцом *Псалт.Б.-С.¹*, знакомство с орфографией греческих имен собственных, второй писец почти не употребляет букву *ѵ*, которая отмечена в *Псалт.Б.-С.²* шесть раз, из них четыре — в заглавиях псалмов: *ѵ* 47 об., *ѵ* 69, *ѵ* 85, 93; *ѵ* алтыри 131 об., *ѵ* алъмъ 129 об., в остальных случаях используется буквосочетание *ис*.

¹⁰⁶ Селищев 2001, 98; Дзидзилис 1990, 46–47 (соответствующие формы в современных болгарских диалектах).

1.3.1.2. Употребление вариантов шт и ц

Употребление диграфа шт (далее: *шт*), а не ц (далее: *ц*), для обозначения южнославянских вариантов рефлексации **tj*, **stj*, **skj* является особенностью Псалт.Б.-С.²: *богштии* 44, *сзтоужаюштии* 49, *вззиштють* 61 об., *оупъваюшита* 72 об., (на) *ныришти* 90, всего пять примеров. Хотя высказывались суждения о меньшей древности варианта ц по сравнению с сочетанием *шт*¹⁰⁷, современные наблюдения над составом древнейшей глаголицы приводят к выводу о том, что вариант Ѡ (ц) принадлежит к её первоначальной разновидности¹⁰⁸, из чего следует по меньшей мере равная древность кириллических вариантов *ц* и *шт*. Для Псалт.Б.-С.² и вообще для древнерусского церковнославянского узуса важно, однако, не столько это, сколько использование южнославянской орфограммы *шт*, которая отражает неизвестную на восточнославянской почве рефлексацию сочетаний **tj*, **stj*, **skj* в виде двухфокусной аффрикаты *št*.

Орфограмма *шт* имеет глаголическую параллель Ш^σ, причём только этот вариант используется для обозначения рефлексов **tj*, **stj*, **skj* в *Зогр.* и *Клоц.*, тогда как в *Евх.* и *Рыльских фрагментах* употребляется всегда только Ѡ, а в *Мар.*, *Асс.* и *Псалт.Син.* используются оба варианта. Вариант *шт* встречается почти без исключений в *Супр.*, где только в конце строки появляется лигатура *ш̄*. Напротив, в *Савв.* употребляется только *ц* (единственное исключение — написание *и.м.ж.илюмоу* 65а, которое появилось из-за дыры в пергамене под *ш*)¹⁰⁹.

Буква Ѡ, которая в глаголических рукописях «противостоит» диграфу Ш^σ, объясняется как сочетание Ш + Ѡ (*ш* + *ч*) (Дурново 2000/1926₁, 689, примеч. 10)¹¹⁰. Такое же объяснение получило

¹⁰⁷ Карский 1979, 165 (лигатура ц рассматривается как более поздний вариант по сравнению с *шт*, «писавшихся сначала рядом, а потом одно под другим»); иначе: Diels 1932, 48 («Ganz bestimmte Hinweise auf die jüngere Entstehung von Ѡ Шц haben wir [...] nicht»).

¹⁰⁸ Marti 2004, 410–411 (доказательства исконного наличия буквы Ѡ (*ц*) в глаголице; описание материала письменных памятников и древнейших акростихов, который не даёт однозначного ответа на вопрос об относительной древности одного из двух способов обозначения рефлексов **stj*, **skj* и **tj*; в Азбучной молитве Константина Болгарского акронимом для Ѡ (*ц*) является форма *шъ-ствоуѡъ*, что как будто указывает на восприятие Константином этого знака как сочетания двух элементов; об этом же свидетельствуют его гимнографические акростихи: «Konstantin [...] in seiner akrostichischen Dichtung offenbar Ш^σ verwendete (vgl. ПОШТЕНИЕМЪ im Triodion [...] vergleichbar ist das Akrostichon im Kanon auf Epiphanie mit dem Wort ПОЛЖШТЕ)»).

¹⁰⁹ Diels 1932, 48; Marti 2004, 411; Князевская 1999, 29.

¹¹⁰ Объяснение не является общепринятым (Хабургаев 1994, 39–40; Marti 2004, 410–411).

и кириллическое *щ*, которое могло «возникнуть посредством комбинации *ш* с угловатым вариантом кириллического *щ*» (Дурново 2000/1926, 689, примеч. 10). Такая структура графемы *Щ* предполагает её чтение как трёхфокусной аффрикаты *šš̌* (Успенский 2002, 134)¹¹¹.

Существенно менее убедительной кажется интерпретация первоначального фонетического значения графемы *Щ* (*ш*) как современного македонского *ќ* (Дурново 2000/1929, 578–579)¹¹². Против этого свидетельствует, в частности, не только поздняя, не ранее шестнадцатого века, письменная фиксация *ќ* (Koneski 1983, 52)¹¹³, но и славянская топонимика на территории северной Греции, Албании, Румынии и Венгрии, в которой *от* или *st* регулярно находится в соответствии с праславянскими **tj* и **stj*¹¹⁴, что говорит об исконном наличии фрикативного

¹¹¹ Ср. Хабургаев 1994, 39–40 («отсутствии буквы *Щ* (*ш*) в начале слов [...] говорит о том, что в начальный период славянской письменности эта буква не означала рефлексов **stj*, **skj*, передававшихся сочетанием *ШШ̌* = *ШЧ* [...] Идею лигатурного происхождения *Щ* подрывают и собственно палеографические свидетельства. По наблюдениям Г. Г. Ланта, в ЗЕ, где лигатуры обычны, буква *Щ* встречается лишь однажды, между тем как, например, в СТ, где лигатур относительно мало, лишь однажды отмечено *шт* — обычно рефлексы глухих праславянских палатальных сочетаний обозначаются буквой *Щ*»); возразим, что *Щ* — единственная лигатура, использовавшаяся в глаголице для обозначения согласных, в связи с чем выборочно использованные в этом рассуждении показания *Зографского евангелия* и *Синайского требника* (точнее, *Синайского евхология*) не могут играть решающей роли в решении вопроса о структуре глаголического *Щ*.

¹¹² Ср. Diels 1932, 48 («doch geht die Vermutung Durnovos [...] sicher zu weit, der glag. *Щ* mit einem völlig von *št* verschiedenen Lautwert schon dem ursprünglichen Alphabet zuschreibt»).

¹¹³ См. также: Popović 1960, 265 (о рефлексации *ž*, *ќ* в северных македонских говорах и в стандартном македонском как о результате интерференции с восточно-сербскими чакавскими говорами); Крысько 1994, 33 (точка зрения, согласно которой инновационные македонские и восточносербские *ž*, *ќ* «вероятнее всего, являются континуантами мягких дентальных»; литература), 37 (о разрушении поликонсонантных групп, возникших в ходе йотовой палатализации, в славянских языках и диалектах, в ряду которых находятся также сербские диалектные и македонские *ž*, *ќ*).

¹¹⁴ Vasmer 1941, 38 («Κορυθαίνη zu skr. ON *Koričani*. Alt Slav. **Korutiane* zu *koryto* »Trog« als ON»), 44 («Νιστά »locus Epiri districtus Bagenetiae« [...] Der Name gehört wohl zu altbulg. *ništъ* »pauper« [...] Das slavische Adjektiv wird aus **ništъ* gedeutet [...] Dann wäre *št* ein Hinweis auf bulgarische Zugehörigkeit der slavischen Bevölkerung dieser Gegend»), 46 («Πέτσιανη ON, Kr. Philiates (Lex.), Πέστιανη, Όπισθιανή nach A. Am nächsten liegt die Verknüpfung mit skr. ON *Pečane*, *Pečani* [...] Die Schwankung in der Vertretung von urslav. **tj* ist offenbar so zu erklären, daß ursprünglich griech. *στ* für bulg. *št* eintrat, das dann auf griechischem Boden zu *τσ* wurde. Vgl. damit die sonst in epirotischen ON anzutreffenden bulgarischen Entsprechungen mit *št* (bzw. *žd* für *dj*) und mit *ια* (*εα*) für *ě*)» и т. д.; Граматика 1991, 64–65

компонента в рефлексах обоих сочетаний. Вместе с тем известно, что во всех славянских языках, кроме болгарского, сочетания глухого дентального с исконным фрикативным компонентом (**stj*, **skj*) или без него (**tj*) дали разные результаты. С учётом данных славянской топонимики с *ot* или *st* в соответствии с **stj* и **tj* этот факт доказывает наличие в позднепраславянских диалектах двух разных аффрикат с разным качеством фрикативного фокуса: $\widehat{st\check{s}}$ и, в зависимости от диалектного ареала, \widehat{st} (ю.-слав.), \check{c} (вост.-слав.) или \acute{c} (зап.-слав.).

О чтении рефлекса **stj* как $\widehat{st\check{s}}$ свидетельствуют также данные древнеславянских акростихов Наума Охридского (конец девятого — начало десятого веков), где читается *шч* (или * Ш \check{c}): *нишчии, мошчии* (Миклас 2003, 60). Правда, поскольку

«засвидетельствованные формы *нишчии* и *мошчии* затрагивают прасл. группы **stj* / **ktj*, можно было бы думать и о моравско-паннонском влиянии, как в случае сохранения у Климента Охридского *з* в примере *роз(в)-ст(в)оу*» (Миклас 2003, 58).

Действительно, акронимы, указывающие на чтение Ш \check{c} (*ш + ч*), встречаются только у Наума, тогда как у Константина Болгарского и Климента Охридского в аналогичных формах встречается только *шт* (Миклас 2003, 60), однако сама структура глаголического Ш \check{c} (*ш + ч*) свидетельствует, на наш взгляд, в пользу того, что перед нами всё же не моравизм или, по крайней мере, не только моравизм, но отражение диалектного состояния более древнего по отношению к вариантам, использованным Константином и Климентом. Очевидно, что на рубеже девятого — десятого веков это состояние начало разрушаться, что вызвало появление двухфокусной аффрикаты \widehat{st} на месте исконной $\widehat{st\check{s}}$.

В этом случае кириллическое *шч*, равно как и диграфы *шт* и Ш \check{c} , следует рассматривать как графическое отражение позднейшего упрощения архаической трёхфокусной группы $\widehat{st\check{s}}$ в двухфокусную \widehat{st} , а русско-церковнославянскую графико-орфографическую норму написания *шч* в соответствии с рефлексами **tj*, **stj*, **skj* — как следствие одинаковой рефлексации **stj*, **skj* → $\widehat{st\check{s}}$ в древневосточнославянском ареале и в юго-западнославянских диалектах на территории современной Македонии и северной Греции, легших в основу глаголицы. Одинаковая рефлексация **stj*, **skj* → $\widehat{st\check{s}}$ обусловила устойчивое русское книжное чтение *шч* как $\widehat{st\check{s}}$ — в том числе в соответствии с рефлексами

(«Чя някога на всички македонски говори са били присъщи звукосъчетанията *шт*, *жд* на мястото на днешните *к', з'*, се вижда от топонимията на съответните области» [примеры]), 121 («запазените в Гърция старинни български топоними свидетелствуват, че през VI–VII в. вече са съществували групите *št*, *žd* [...] същите групи намираме и в българските местни имена в Албания, Румъния и Унгария»).

прилагательного: *отъ стѣти ловѣца* (ἐκ παγίδος θηρευτῶν) 80 об. Всего буква *ц* встречается в рукописи восемь раз, и только два раза её нижний элемент пишется в строке (*принице* 72 об., *члѣцьскѣмѣ* 129), в остальных случаях он расположен под строкой. Двусмысленная графема *ц* хорошо известна в исследовательской традиции и подробно описана на материале новгородских служебных миней конца одиннадцатого — начала двенадцатого веков, не различающих аффрикаты, причем в подавляющем большинстве случаев буква *ц* используется в соответствии с этимологическим *ч*¹¹⁷. Буква *ц* в позиции, соответствующей *ц*, дважды отмечена в берестяных грамотах, № 683 (1160–1180 гг.) и № 558 (1180–1200 гг.)¹¹⁸. Фонетическая интерпретация буквы *ц* для разных писцов может быть различной, но само существование таких начертаний связано с фонологическим неразличением фонем <с> и <щ> (Живов 1984, 288),

«ср. идею Д. Ворта [...] о том, что этой же причиной обусловлено широкое употребление зеркального *ц* [...] в берестяных грамотах» (Зализняк 2004, 364).

«Цоканье» отражается и в *Псалт.Б.-С.*²: *члѣцьскѣмѣхъ* 54, *мѣшьчею* 60, *оцѣсти* 66 об., *члѣцьска* 67 об., *роучѣ* 102, *бѣцѣла* 104 об., *рѣчѣ* 108 об.

1.3.1.4. Буквы носовых гласных

В *Псалт.Б.-С.*² используется трехъюсовая графика с буквами *л*, *ѣ* и *ѣ*, известная в рукописях не младше начала двенадцатого века (например, в *Мст.ев.*, до 1117 года) или в отрывках одиннадцатого века — *Житии Кондрата* и *Житии Феклы* (Тот 1985, 126). Неясно, на чем основано мнение, что наличие трех юсов в *Псалт.Б.-С.*² свидетельствует о связи памятника с «глаголической системой правописания» (Тодоров 1990, 52). Как показывает материал *Псалт.Б.-С.*¹ и *Псалт.Б.-С.*³ (см. ниже), использование двух или трёх юсов объясняется не влиянием графики и орфографии протографа, а индивидуальными навыками писцов, что подтверждается такими разными по своим текстологическим и графико-орфографическим особенностям памятниками, как *Мстиславово евангелие*, *Житие Кондрата* или *Житие Феклы*.

Этимологически правильно буквы *л̄*, *ѣ̄* используются в *Псалт.Б.-С.*² 244 раза: *ищезнѣтъ* 45, *нѣтъ* 45, *мѣжъствѣмъ* 45 об., *рѣгатисл* 94, *бѣдоутъ* 102, *радостиѣ* 43, *силоѣ* 43 об., *бѣговѣствоуѣщи/имѣ* 45 об.,

¹¹⁷ Живов 1984, 288 (примеч. 24); Голышенко 1995, 121–122 (литература, примеры).

¹¹⁸ Зализняк 2000, 200–201; Зализняк 2004, 363–364.

(так!) 48, *поношения* 49, *шакволь* 58 об., 71 об., 74, *шаква* 66, *шаквь* 62 об., *шаквоу* 87, *шакволь* 68, *шакволь* 68 об., *вениламинъмъ* 67, *прилатъ* 55, *пъсья* ж. р. мн. ч. вин. п., 64 и др., всего 836 раз, из них в первом слоге — 320 раз: *пзыци* 42 об., 44 об., 66 об., *пзыкы* 66, *пко* 42 об., 43, 44 об., 45, 50, 51 об., 52 об., 55 (2 раза), 56, *пзыцьхъ* 44 об., *пгодичиъ* 64, *прости* 64, *падоуцаго* 99 и в других однотипных случаях.

Несмотря на частое использование буквы *л* после согласных, в этой же позиции встречается *ла*, употребляющаяся без исключений только после букв палатальных *л*, *н* (из **lj*, **nj*):

земла им. п. ед. ч., 43, 58 об., 60, *земла* род. п. ед. ч., 52, 56 об., *нла* 63, 102, *въшьнлаго* 69 об., *шакволь* 68 об., *орла* 91 об., *изгонлахъ* 89, *гъла* 46 об., *оудаллающиса* 55, *ивамла* ж. р. мн. ч. вин. п. 56 об., всего 35 однотипных примеров.

Исконно палатальные согласные обозначаются в *Псалт.Б.-С.*² с помощью не только йотации, но и надстрочных знаков (см. § 1.3.10).

1.3.2.1.2. Буквы ѣ, ѡ

Распределение букв *ѣ* и *ѡ* в *Псалт.Б.-С.*² зависит от позиции относительно начала слога. Буква *ѣ* употребляется только в начале слога: *радостиѣ* 43, *слоѣ* 43 об., *блговѣствоуѣщи/имъ* 45 об., *твоѣ* 128 об. и др. Единственным исключением является написание (*въ*) *земльѣ* 134 об., где буква *ѣ* написана после *л*, обозначающей рефлекс **lj*. Буква *ѡ* пишется в основном после букв согласных: *ицезнѡтъ* 45, *нѡтъ* 45, *мѡжѣствѡмъ* 45 об., *рѡгатиса* 94, *бѡдоуть* 102, *бѡрънѡ* 131 и др. В нескольких случаях буква *ѡ* написана в начале слога, причем она может выступать в этой позиции как эквивалент *оу*, так и как эквивалент *ю*: *ѡма* 47 об., *ѡже* мест. ж. р. ед. ч. вин. п., 96, *ѡтъ* sin. slav. 6/N 14 об., *ѡнѡи* 106, *избавлѡщоуоумоу* 27, *ѡже* мест. ж. р. ед. ч. вин. п., sin. slav. 6/N 10 об.

1.3.2.1.3. Буквы е, ѣ

В *Псалт.Б.-С.*² буква *ѣ* используется всегда только в начале слога: *ѣго* 42 об., 43 (3 раза), *ѣси* 42 об., *оуготованиѣ* 42 об., *ѣтъ* 42 об., *ѣта* 42 об. (3 раза) и во множестве других примеров. Нейотированная буква *е* используется в основном после букв согласных, однако имеется несколько типов написаний, в которых нейотированная *е* встречается также в начале слога.

Во многих случаях, всего около тридцати раз, буква *е* пишется в начале слога слов и корней, заимствованных из греческого, как

и в описанных выше случаях с буквой *а*, причем над *е* ставится надстрочный знак (как правило, точка, реже двоеточие):

едемьскѣмъ sin. slav. 6/N. 10, *еродово*¹¹⁹ 94, *егунтъ* 96 об., *егунтъ* 64, *егунтъ-сцѣ* 64, *егунта* 67 об., *егѹнтьскѣ* 124 об., *егѹнта* 101 об., *егѹнте* зв., 124, *егунта* 87, *егѹнта* 101 об., *егѹнтъ* 97 об., *иери* 65, *иерѣи* 123, 124 об., *иерел* 123 об., *иерейхъ* 88, *ефремова* (так!) 65 об., *ефремомъ* 67, *елей* 82; sin. slav. 6/N 11 об. и др., *елей* 82, sin. slav. 6/N., 11 об., *елеемъ* 77, *елеймъ* 94, *евиопъ-стии* 74, *евиопъска* sin. slav. 6/N. 16, *евиопла*(не?) 53, *ермонъ* 76 об., *финеесъ* 99 об., *иерѣла* 65 об., *иерѣме* 104, *иерслѣ* / 118, *иерслѣ* / 118, *ефрантъ* 122 об.

В тех же заимствованных корнях буква *ж* встречается гораздо реже, всего три раза: *жфремови* 61 об., *жгѹнтьсцѣи* 61 об.-62, *жвиопъскѣмъ* (так!) 56 об. В книжных вариантах славянских лексем также часто пишется *е*: *езера* 101 об., *единого* 131 об. Нейотирированная *е* последовательно используется в слове *еда* 59 об., 62, 75 (2 раза), sin. slav. 6/N., 16. Написания с йотированным *ж* встречаются реже: *жда* 66 об., 72, 94. В отдельных случаях буква *е* отмечена в исконно славянских словах и формах, не различавшихся в южнославянских и восточнославянских диалектах, причем в основном во флексиях:

соуетъ 126 об., *змиеве* 131, *обладаетъ* 53, *приближаѣтъсѣ* 134, *величьемъ* sin. slav. 6/N 10, *въздвизаѣтъ* sin. slav. 6/N 15, *оѹстраблѣтъ* sin. slav. 6/N 15, *покрѣтъ* sin. slav. 6/N 11 об., *ѣтъ* 105 об., *разоумѣтъ* 82 и др.

Гораздо чаще буква *е* используется для обозначения конца строки или стиха (иногда одновременно с употреблением выносных букв): *твоѣи* ∴ / 52 об., *сѣгрѣшатѣ емъ* ∴ / 62, *емъ* ∴ ~ / 84 об., *твоѣго* ∴ / 79, *сѣмѣрениѣ* ∴ / 79, *въздаѣте* ∴ / (в середине строки, конец стиха, половина строки осталась незаполненной) sin. slav. 6/N 11, *твоѣмъ* ∴ / 71, *твоѣа* ∴ / 90 об., *естъ* ∴ / 110 об. (конец стиха, четверть строки осталась незаполненной), *сже/ты* 108, *повелѣнїе* ∴ / 84, *пжтїе ѹго* / sin. slav. 6/N 10 об. и др. Всего два раза буква *е* пишется в начале стиха, при этом она написана киноварью и имеет больший размер: *Елеемъ* 77, *Ель* 'сколь' 92. Буква *е* четыре раза надписана не в конце строки над словами *Днѣ* 90 об., *твѣю* 78 об., *ѣо* 67 об., 73 об., где *е* изначально была пропущена и затем вписана над строкой. Такое употребление нейотирированной буквы *е* согласуется с написанием «узких» вариантов букв *і*, *ѣ* в *Псалт.Б.-С.*¹ и в *Псалт.Б.-С.*²

¹¹⁹ Еродовъ, прил. Относящийся к цапле (ср. греч. ἐρωδιός). / *Тоу ѣтицѣ гнѣздѣтъсѣ* ∴ / *Ѣ еродово жилище обладаѣтъ имъ* (так!) / (τοῦ ἐρωδιῶ ἢ οἰκία ἦγεῖται αὐτῶν). *Псалт.Б.-С.*, 94. Лексема не отмечена в исторических словарях русского языка (см. SJS I, 582; единственная цитата из Пс. 103:17 по Сирийской *псалтири*; *Псалт.Б.-С.* в данном случае воспроизводит древнейший перевод).

1.3.2.1.4. Общие закономерности употребления йотированных букв не после шипящих

Первая характерная особенность в употреблении йотированных букв, которая отличает *Псалт.Б.-С.²* от *Псалт.Б.-С.¹*, — это написание йотированных букв *ѧ* и *Ѯ* после букв *л*, *н*, обозначающих палатальные согласные, причем йотированные *ѧ* и *Ѯ* после каких-либо других букв согласных в *Псалт.Б.-С.²* не встречаются. Йотация буквы гласного после *л*, *н* является в *Псалт.Б.-С.²* единственным способом обозначения палатальности, не считая одного написания с диакритическим знаком после буквы согласного и последующим *а*: *въшьнаго* 59 об. Необходимость обозначать на письме палатальные согласные обеспечивала прочное сохранение в графико-орфографической системе *Псалт.Б.-С.²* йотированных букв, в частности, буквы *ѧ*, поэтому написания с *ѧ* в начале слога для обозначения *ѧа* значительно превышают количество написаний с *ѧ* и составляют около 90 % из общего числа. Напротив, необозначение на письме палатальности согласных в *Псалт.Б.-С.¹* привело к тому, что буквы *ѧ* и *ѧ* стали эквивалентами, поэтому буква *ѧ* употребляется в *Псалт.Б.-С.¹* для обозначения сочетания *ѧа* в начале слога реже, чем *ѧ*, приблизительно в 34 % случаев. Большая по сравнению с графико-орфографической системой первого писца рукописи функциональная значимость буквы *ѧ* у второго писца стала причиной того, что в его графике буква *ѧ* служит только для обозначения гласной *а* после палатализованных согласных и реже употребляется для обозначения *ѧа*, видимо, поэтому в начале слога буква *ѧ* в *Псалт.Б.-С.²* встречается чаще, чем в *Псалт.Б.-С.¹*. Возможно, что устойчивое положение буквы *ѧ* в графической системе *Псалт.Б.-С.²*, связанное с необходимостью обозначения палатальных плавных, обуславливает более частое по сравнению с буквой *ѧ* употребление *ѧ* и в начале слога. Напротив, слабая функциональная нагрузка буквы *ѧ* в *Псалт.Б.-С.¹*, связанная с необозначением палатальных сонорных, привела к полной дублетности букв *ѧ* и *ѧ* и вытеснению буквы *ѧ* её функциональным эквивалентом — буквой *ѧ*. Материал двух основных почерков *Псалт.Б.-С.* позволяет судить, что частотность употребления *ѧ* и *ѧ* в начале слога может быть связана с наличием или отсутствием графического обозначения палатальных согласных с помощью йотированных букв. Из-за отсутствия данных по другим памятникам неясно, является ли это частной закономерностью, свойственной одной рукописи, или же она прослеживается на более широком материале.

Данная закономерность касается только употребления букв *ѧ* и *ѧ*. Написание же в *Псалт.Б.-С.²* парных йотированных и нейотированных букв *е*, *ѥ*; *ѡ*, *ѡ* подчиняется, в основном, общему правилу:

нейотированные буквы пишутся после букв согласных, йотированные употребляются в начале слога. В употреблении букв ѣ, љ исключения из этого правила единичны.

Употребление древнерусскими книжниками буквы е в начале слога объясняется не её звуковым значением (буква е могла обозначать и сочетание је), а тем, насколько каждый из писцов соблюдал древний южнославянский орфографический узус, так как из древнейших южнославянских письменных памятников только в *Супр.* в начале слова употребляются обе буквы, љ и е, в остальных же используется только е (Дурново 2000/1924–1927, 496–505) (нужно учитывать, что в глаголической азбуке нет пары, соответствующей кириллической е — љ, буквам е, љ соответствует одна буква Э). Буква љ не используется в *Листках Ундольского, Енинском апостоле, Зографских листках*¹²⁰. В *Псалт.Б.-С.* буква е в начале слога значительно чаще встречается в *Псалт.Б.-С.²*, чем в *Псалт.Б.-С.¹*, и это не связано только с объёмом написанных разными писцами частей памятника: 99 составляют *Псалт.Б.-С.²* и 48 — *Псалт.Б.-С.¹*, тогда как отношение написаний с буквой е в начале слога в *Псалт.Б.-С.¹* определяется почти как 1/5, или 10 написаний на 48 листов, в *Псалт.Б.-С.²* это соотношение почти 1/1, 90 написаний на 99 листов. Однако если написание е в *Псалт.Б.-С.¹* объясняется только влиянием старославянской орфографической традиции, то более активное употребление буквы е в начале слога в *Псалт.Б.-С.²* вызвано также действием зрительно-эстетического принципа.

Частое использование диакритических знаков над нейотированными буквами является характерной особенностью *Псалт.Б.-С.²* и связано с особыми функциями диакритики, подробно рассмотренными ниже. Диакритика одинаково последовательно употребляется как над йотированными, так и над нейотированными буквами в обеих позициях, начала слога и после буквы согласного. Принципы расстановки диакритики вторым писцом не зависят от принципов распределения йотированных и нейотированных букв.

Таким образом, закономерности употребления йотированных букв и љ в *Псалт.Б.-С.²* сложнее, чем в *Псалт.Б.-С.¹*, однако нельзя сказать, что они непосредственно связаны с архаичными системами кириллического письма, не знающими йотированных букв. Скорее всего, эти закономерности обусловлены, во-первых, обозначением на письме палатальных сонорных, сохранявшихся в диалекте писца, и связанной с ним усиленной функциональной нагрузкой букв љ и ѣ, и, во-вторых, индивидуальными графическими навыками писца, использовавшего букву е для обозначения конца строки и стиха.

¹²⁰ Тот 1985, 144; Ван-Вейк 1957, 119–120; Мирчев, Кодов 1965, 207.

После буквы *ж* из нейотированных букв только четыре раза написана буква *ѣ*, причем этимологически правильно: *кожѣ* ∴ / 93, *постыжѣ* с.л. 106, *постыѣ* ∴ / 110 об., *лѣжѣ* (*мѣстѣ* /) 135. Обращает на себя внимание, что в трех из четырех случаев употребления буквы *ѣ* она использована в конце строки; написание *ѣ* в качестве «экономного варианта» ю хорошо известно в других источниках (Гольшенко 1982, 24, сноска 57). Йотированные буквы после *ж* используются одиннадцать раз, из них буква *ю* — десять раз: *постыжю* с.л. 50 об., *приложю* 51 об., *скажю* 54 об., *положю* 77 об. — 2 раза, *сължю* 78, *ослажю* 102, *покажю* sin. slav. 6/N 12, *раздражю* sin. slav. 6/N 12, *поражю* sin. slav. 6/N 13 об.; буква *ѣ* в этой позиции встречается один раз: *приложѣ* 134 об.

После буквы *ч* одиннадцать раз встречается *ю*: *притчю* 49, *възвеличю* 49 об., *чюдънъ* 51, *чюдеса* 51 об. (2 раза), 53 об., 57 об., 59 об., (и не) *чюша* 56, *правдъничю* 84, *оучюю* (так, вместо *оучюс*) 110. Из нейотированных букв дважды отмечена буква *ѣ*: *чѣдеса* 127 об., *алчѣциимъ* 129 об.

Один раз буква *ю* употребляется после буквы *т*: *тождь* 48, ср. *тождь* (вм.: *тоуждь*) sin. slav. 6/N 11 об. В южнославянских рукописях в слове *тоуждь* буква *ю* не встречается, это написание, по всей видимости, является результатом гиперкорректного совмещения старославянского *тоуждь* и восточнославянского *чюжь*, если и здесь мы не сталкиваемся с ассимилятивным дистантным смягчением *t*, как в слове *стюдънъць* (в отличие от формы *стюдънъць* такое смягчение кажется маловероятным в слове с южнославянским консонантизмом *тоуждь*, который сам по себе отражает результат ранней, праславянской дистантной диссимилиации двухфокусной аффрикаты перед *жд* в следующем слове).

После буквы *щ* двенадцать раз отмечена буква *ю*: *пищю* 128 об., 42 об., *ищюци* 50, 52 об., *ищюциимъ* 95, *възщють* 106, *въщю* 107, 114, *възвъщю* 51 об., 75 об., *постщю* 77 об., *въсплщють* 87 об. Нейотированные буквы после буквы *щ* употребляются всего пять раз, из них один раз встречается буква *оу* и четыре раза — буква *ѣ*: *въщюуть* 70 об., *пищѣ* 130, *щюждеплеменникоу* 133, *щѣждихъ* 12, *тыс.щѣ* 13. После буквы *ц* трижды отмечены нейотированные буквы, из них один раз *оу* и два раза *ѣ*: *пъшеницоу* 43, *лицѣ* 109, *зѣнищѣ* sin. slav. 6/N 11. Буква *ю* после буквы *ц* употреблена также три раза: *десницю* 78, 80, sin. slav. 6/N 10.

1.3.2.2.3. Общие закономерности употребления букв *а*, *ѧ*, *ѡ*, *оу*, *ю*, *ѣ*, *ѣ* после букв шипящих и *ц*

Гласная *а* в слогах с шипящими в *Псалт.Б.-С.²*, так же, как и в *Псалт.Б.-С.¹*, в большинстве случаев обозначается с помощью буквы *а*. Исключения

касаются, как и в *Псалт.Б.-С.¹*, только слогов с *ц*, для обозначения гласной *а* в которых часто пишется буква *л*. Интересно, что хотя в диалекте *Псалт.Б.-С.²* не различались аффрикаты *ц* и *ч*, фонема <а> в слогах с аффрикатами передается по-разному: хотя в основном после обеих букв, *ц* и *ч*, используется буква *а*, после *ц* шестнадцать раз написана буква *л*, тогда как после *ч* малый юс *л* отмечен лишь однажды. Что касается обозначения гласной <и>, то в *Псалт.Б.-С.²* не прослеживаются закономерности, касающиеся остальных букв шипящих и *ц*: написания с *ю* незначительно преобладают после букв *ж*, *ч*, *щ*, тогда как после *ш* и *ц* чаще пишутся нейотированные буквы. Иная ситуация прослеживается в *Псалт.Б.-С.¹*, где после всех букв шипящих, кроме *щ*, а также после *ц* пишется исключительно *ю*.

1.3.3. Употребление *ѣ*

1.3.3.1. Рефлексы сочетаний типа **tert*

В отличие от *Псалт.Б.-С.¹*, в *Псалт.Б.-С.²* в рефлексах сочетаний типа **tert* последовательно пишется буква *ѣ*, согласно южнославянской огласовке неполногласного сочетания: *потрѣбитъ* 128 об., *брѣмене* 68 об., *прѣрѣканїа* 68, *прѣдъ* 70 об., 73, 73 об., 74 (2 раза), 85 об., *плѣнъ* 71 об., *прѣподобьнїа* 72, 132, *прѣвьшїнїа* 131, *извлѣкъ* 133, *облѣкоутьсѧ* 123, *плѣнениѣ* 120, *прѣмѣстивъ* 73, *прѣдъложиша* 73 об., *прѣстолюу* 76 об. sin. slav. 6/N 15, *прѣстолю* 82 об., *прѣстола* 84, 86, *прѣсмѣкающагѧ* sin. slav. 6/N 12 об., *млѣко* sin. slav. 6/N 11 об., *врѣмѧ* sin. slav. 6/N 13 об. и др. в подавляющем большинстве случаев. Буква *е* отмечена только в тринадцати случаях, отражающих рефлексацию **tert*: *врѣмѧ* 98, 128 об., *врѣмена* 94, *ищрѣва* 51, *чрѣвь* 134, *посредъ* 56 об., 89, 89 об., 93 об., 124 об.; sin. slav. 6/N 15 об., *прѣбываѣтъ* 111, *средъ* 133 об.

Преобладание буквы *ѣ* в рефлексах праславянских сочетаний **tert/*telt* — орфографическая черта, которая свойственна архаической традиции одиннадцатого — двенадцатого веков и наблюдается в *Остр.ев.*, *Гр.Наз.*, *Псалт.Чуд.*, *Типографском евангелии* № 1 (XII в.), *Студийско-Алексиевском уставе* (ГИМ, Син. 330, XII в.) и других памятниках, где в рефлексах **tert* употребляется исключительно *ѣ* или же *е* написано в единичных случаях. Отступает от этой традиции не только *Псалт.Б.-С.¹*, но и второй почерк *Арх.ев.*, где буква *ѣ* пишется в два раза чаще, чем *е*¹²¹, что, как было уже замечено, является одним из оснований более поздней датировки этого памятника.

Несмотря на последовательное соблюдение южнославянской нормы в обозначении рефлексов **tert/*telt*, в *Псалт.Б.-С.²* отмечено

¹²¹ Дурново 2000/1924–1927, 469–470; Живов 2006, 180–182.

два «полногласных» написания, правда, с буквой *ѣ* во втором слогѣ, в результате чего произошло наложение древнерусского и старославянского орфографического узуса: *и-щертѣва* 134 об., *жертѣбию* 64 об.

1.3.3.2. Употребление приставки *при-* вместо *прѣ-*

В *Псалт.Б.-С.*² отмечено много примеров написания буквы *и* вместо *ѣ* в приставке *прѣ-*, что обусловлено близостью словообразовательного значения обеих приставок (ср. Максимович 1990): *припопашѣтсѣ* ∴ (так!) 43, *пригрѣшениа* 48, *пригрѣшихъ* 109, *основа землю и прибываютьъ* 111, *пригрѣшихъмъ* 135 об., *прѣдѣль* 97 (ср.: *прѣдѣль* 97), *приста* 99 об., *въ вѣкы прибыважиши* 90 об., *прибывають въ вѣкы* 104, *прѣдѣль положи ѣгоже не приидѣтъ* ∴ ∼ 93 об., *законъпристоупьници* 111 об. В одном случае *ѣ* с высокой мачтой написан поверх *и*: ([...] *ѣди и законъ твои*) *прѣстоупаахоу* 108 об. Другие примеры исправлений, раскрывающие отношение писца к смешению приставок *прѣ(ѣ)*- и *при-*, не выявлены.

1.3.3.3. Варианты *сребр-/срѣбр-*

Слово *сѣребро* в результате гиперкоррекции в *Псалт.Б.-С.*² дважды написано с *ѣ*: *срѣбрѣмъ* 97 об., *срѣбра* 110. Вариант корня *срѣбр-* несколько раз встречается в *Изб.73*, *Псалт.Чуд.* и один раз в *Мин.окт.* 1096 г. (Дурново 2000/1924–1927, 473). Хотя в слове *сѣребро* довольно рано произошла ассимиляция гласных, вызвавшая написание *серебро* в *Изб.73* (наряду с несколькими написаниями *срѣбро*), во *Мстиславовой грамоте* ок. 1130 г., *Туровском евангелии* и других рукописях, это слово трижды написано в *Псалт.Б.-С.*² без редуцированного и с буквой *е* после *р*: *сребрѣ* 43 об., *сребро* 102, 102 об. Такое написание является наиболее распространенным в большинстве древнерусских рукописей одиннадцатого — двенадцатого веков (Дурново 2000/1924–1927, 437), в памятниках старославянского корпуса известны оба типа написаний (SJS IV, 378).

1.3.3.4. Буква *ѣ* в окончаниях дат. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений

В *Псалт.Б.-С.*² отмечается значительная вариативность в выборе флексии дат. п. ед. ч. личных местоимений. В отличие от *Псалт.Б.-С.*¹, в *Псалт.Б.-С.*² употребляются в большом количестве как формы *мнѣ* 84 (2 раза), *тебѣ* 44 об. (2 раза), 47, 51, 58 об., 72 об., 73 (2 раза), 75 (4 раза), 89, 89 об. (2 раза), 94 об., 103, 103 об., 105 об., 106, так и форма *тебе* 43 об., 44, 44 об. (2 раза), 55, 58 об., 84, 96, 105, 121 об.,

133 об., 135 (2 раза). О преобладании какой-либо одной флексии судить трудно. Частое написание буквы *e* наряду с обычным *ъ* в формах дат. п. ед. ч. личных местоимений Н. Н. Дурново отмечал только в *Гр.Наз.* и в первом почерке *Арх.ев.* (Дурново 2000/1924–1927, 470–471). Наряду с вариативностью *e* — *ъ* во флексиях дат. п. ед. ч. личного местоимения второго лица дважды отмечено ошибочное употребление флексии *ъ* в форме род.ед.: *отъ тебъ* 135 об., *богатишисл тебъ* 110 об.

1.3.3.5. Рефлекс *ēd-

В *Псалт.Б.-С.*² отмечены несколько написаний, отражающих восточнославянскую огласовку праславянского *ēd-: *ъденижмь* sin. slav. 6/N 12 об., *ъдлсте* / sin. slav. 6/N 13 об., *ъдлтъ* sin. slav. 6/N 16 об. В одной из работ, посвящённых *Псалт.Б.-С.*, было высказано суждение, что в *Псалт.Б.-С.*² отмечаются «следы *ъ* в интервокальной позиции», что указывает на «связь с глаголической системой правописания» (Тодоров 1990, 52).

Ни одного примера, который бы подтвердил это наблюдение, приведено не было. Иные случаи употребления *ъ* в соответствии с южнославянским *ja* в *Псалт.Б.-С.*² отсутствуют, гипотеза о влиянии глаголицы на орфографию *Псалт.Б.-С.* не подтверждается.

1.3.3.6. Исправления ъ на ѣ

В *Псалт.Б.-С.*² отмечены несколько примеров написания буквы *ъ* с высокой мачтой (далее *Ђ*), исправленной из *ь*, причем не только в конце строки: *хлЂбы* ∴ 130 об.; *сънЂсі* ∴ / 120 об.; *себЂ* 71, *въсхотЂхъ* 55, *развЂ тѣе* / (так! — буква *e* написана почти на самом краю листа) sin. slav. 6/N 14 об.; *въль/рЂчитя* там же. Отмечен также один пример исправления *ъ* на *ь*: *въздыханиѣ* 91 (так!).

Мена *ъ* на *ь* в древнерусский период известна в новгородских грамотах с двенадцатого века (Зализняк 2004, 25–26), однако данные берестяной письменности нельзя в данном случае привлекать в качестве датирующего фактора, поскольку считается, что написание *ь* вместо *ъ* в грамотах возникает как результат смешения *e* с *ъ* и затем *ь* с *e*. В *Псалт.Б.-С.*² мена *e* и *ъ* не отмечена. На фоне большого количества описок, выявленных в *Псалт.Б.-С.*² (см. ниже), примеры типа *хльбы* (из *хльбы*) допустимо рассматривать как описку, вызванную сходством в начертании двух букв, ср. (*въ*) *безводънъ* (вместо *безводьнъ* 62), *возвеседлтъсѧ* (так!) 45. Типологически однородные написания представляют примеры употребления буквы *ъ* с высокой мачтой, исправленной из *ь*: *блърнЂ* 131, *познаѣмЂ* 44 об., *воскЂ* 86 об., *вЂ всѧ* 97,

ѣдѣни (так!) sin. slav. 6/N 14 об., *трепетѢ* там же, 17; в заглавии псалма, написанном киноварью: *дѣдѣѢ* 79. Опиской является и употребление буквы *Ѣ* с высокой мачтой, исправленной из *б* под влиянием предыдущего слога (*прибѢжище* 94) или даже из *о*: (*вѣ*) *совѣтѢ* (*твоѣмь*) 55. Очевидно, в последнем случае писец ошибочно счёл, что *вѣ* управляет винительным падежом, и написал *о* (= *ѣ*; о многочисленных случаях смешения *ѣ* и *о* см. § 1.3.8.3), впоследствии исправленное на *ѣ*. (О других написаниях *Псалт.Б.-С.*², которые отражают смешение разных грамматических форм и нарушают синтаксическое согласование, см. ниже). Один раз буква *Ѣ* с высокой мачтой написана поверх *ѣ*: *стрѢлы* sin. slav. 6/N 16 об. (середина строки), и один раз — поверх *и* или *н*: *кѣ болѢни* 49 об. Оба последних примера отражают влияние буквы последующего слога на предыдущий.

1.3.4. Обозначение рефлексов **tj* и **kti* (**gti*), **dj*, **pj*, **bj*, **vj*, **mj*

1.3.4.1. Рефлексы **tj* и **kti* (**gti*)

В *Псалт.Б.-С.*², так же, как и в *Псалт.Б.-С.*¹, рефлекс праславянского сочетания **tj* везде передаётся с помощью *щ* (или диграфа *шт*): *тѣсѣщѣ* 71 об., 110, *тѣсѣщѣи* 79, *обращѣ* 72, *пищѣ* 128 об., *живоущѣюу* (пропущен последний слог *-моу*) 118 об., *внемлющѣи* 121 об., *отвращѣ* sin. slav. 6/N 12, *божѣшѣи* 44, *сѣтоущѣюшѣи* 49, *оупѣваюшѣта* 72 об. и др. В *Псалт.Б.-С.*² эта южнославянская орфографическая норма соблюдается даже более последовательно, чем в *Псалт.Б.-С.*¹: буква *щ* используется, за единственным исключением (*чюждѣ* 48), также в корне *щюжд-*: *щѣждѣплеменьникоу* 133, *щюждѣишѣ* 126 об., sin. slav. 6/N 12, *щюждѣмоу* 68 об.

В *Псалт.Б.-С.*², так же, как и в *Псалт.Б.-С.*¹, рефлексы **kt*, **gt* перед *i* переданы согласно южнославянскому узусу:

нощѣю 74, 117 об., *нощѣната* 79, *нощѣнааго* 80 об., *нощѣи* 109, *полѣнощѣи* 109, *плещѣма* 80 об., *дѣщѣри* 86 об., 127, *помощѣ* 117 об.

1.3.4.2. Рефлекс **dj*

В обозначении рефлекса **dj* в *Псалт.Б.-С.*² проявляется бóльшая вариативность, чем в *Псалт.Б.-С.*¹. Буква *ж*, согласно древнерусской рефлексации этого сочетания, написана на месте сочетания **dj* 27 раз:

исхожѣше 45 об., *хожѣше* 45 об., *заповѣжѣ* 47, *досажѣниа* 70 об., *оутѣвржѣниѣ* 53, *прежѣ* 56 об., *вѣсхожѣниа* 71, *вижѣ* 71 об., *сѣзѣжѣ* 76, *ослѣжѣть* 102, *прѣврѣжѣю* 77 об., *насажѣниѣ* 82 об., *сѣзѣжѣть* 90 об., *оутѣвржѣниѣ* 96,

исхожении 97 об., *въздажь* 106 об., *дажь* sin. slav. 6/N 17 об., *вижь* 115, *въхожениѣ* 117 об., *нисхожениѣ* 117 об., *зижа* 129 об., *посажю* 123, *оутвържени* 127, *оутвържении* 132, *вожаше* sin. slav. 6/N 11 об.

В написании *прѣже* 79, 121 об., где южнославянское неполногласие передано с помощью буквы *ѣ*, рефлекс **dj* тем не менее обозначен согласно древнерусскому узусу. Примерно столько же, 25 раз, на месте праславянского **dj* отмечено *жд*:

раждени 47, *чюждь* 48, *жаждю* 49, *сѣзиждѣтьсѧ* 50, *даждь* 52 об., 72, *въздаждь* 83, *прѣжде* 52 об., *оутвърждениа* 54, *прѣдаждь* 57, *сѣждѣ* 57 об., *въздаждь* 66 об., *вижди* 67 об., *щюждемоу* 68 об., *прѣхождаахъ* 89, *одеждю* 91, *сѣзиждотѣсѧ* 95, *хождахъ* 108, *виждь* 115 об., *зиждемъ* 118, *зиждоуще...* 120, *жаждѣ* sin. slav. 6/N 11, *нѣждею* sin. slav. 6/N 16, *лждениѣ* sin. slav. 6/N 16, *поб[...]*ждѣ** 17.

Показательны три описки, где буква *д* была сначала пропущена писцом, а затем вставлена им же над строкой: *прихожаахоу* 63, *въсажи* 83 об., *зижени* 90 об. То, насколько нетвёрдо второй писец владел южнославянской орфографической нормой, определяющей письменную передачу рефлекса **dj*, показывает гиперкорректное написание *тоуждю* наст.вр. 1 л. ед. ч. от *тоужити*, 89 об., где буквами *жд* обозначен рефлекс **dj*.

1.3.4.3. Рефлексы **pj*, **bj*, **vj*, **mj*

В *Псалт.Б.-С.²*, так же, как и в *Псалт.Б.-С.¹*, везде сохраняется эпентетический *л*: *възлюблена* 70 об., *застоуплѣниѣ* 71, *прославла[...]* 76, *бѣгословлено* 101, *противлѧхъсѧ* 104, *благословлениѣ* 121 об., *избавлени* 119, *благословленъ* 135. Как и в *Псалт.Б.-С.¹*, единственное исключение было сделано для слова с многофокусной консонантной группой — *оумърщвенныхъ* 66 об., 91.

1.3.5. Начальное *а*, *е*, *оу*, *ю*, *ѧ*

Нейотированная буква *а* употребляется в начале слова и неприкрытого слога в заимствованных словах и морфемах, при этом над *а* ставятся надстрочные точка или двоеточие:

а̇монъ 70; *а̇гарле* 70; *зевѣ̇* 70 об.; *а̇враймле* 95 об.; *хана̇нню* 96; *а̇враймоу* 95 об.; *и̇сайкови* 95 об.; *а̇ронъ* 88; *аравь̇сции* 53; *а̇гглы* 64; *и̇дѣ̇а* 101 об.; *а̇спидова* sin. slav. 6/N 13.

Нейотированная буква *а* пишется также в нестяжённых формах местоименных прилагательных и имперфекта, преобладающих в *Псалт.Б.-С.²* над более новыми стяжёнными формами (отмечено

всего две стяжённые членные формы прил. м. р. ед. ч. род. п.: *великаго* 26 об.; *вънъчающаго* 91 об.):

хожайше 45 об. (ср.: *исхожайше* 45 об.); *ѣлайхъ* 59; *кльцайше* 59 об.; *раздѣлѣйше* sin. slav. 6/N 11; *обращаѣхоусл* 63; *оуѣщающаѣго* 91 об.; [...]*цѣлѣющаѣго* 91 об.; *избавлѣющаѣго* 91 об.; *Исплѣнлѣющаѣго* 91 об.; *положьшаѣго* 43 об.; *давѣшаѣго* 43 об.; *прѣисподьнлѣга* (так!) 73 об., *прѣиспо/дънлѣга* sin. slav. 6/N 12 об., *оуѣтѣшающаѣго* 49; *вътораѣго* sin. slav. 6/N 10 об. и др.

Дважды буква *a* написана на стыке морфем: *въздаиинѣ* 83 и *окааньства* 49. Буква *a* употребляется также в начале первого слога следующих слов: *агньци* 101 об.; *акы* 52 об.; 53 (2 раза), 54 (6 раз), 54 об., 55, 55 об., 118, 119 об. и др., *акы* 92, 96 об., 120 (ср.: *акы* 70 об. [2 раза], *акы* 70 об.); *ада* 73 об., *адъ* 102 об., *адъвы* 103, *адъва* sin. slav. 6/N 13; *аще* 69 и др. В остальных словах с *a* в начале любого слога пишутся буквы *a* или *na*. В соответствии с южно- и западнославянским начальным **je* слова в *Псалт.Б.-С.*² всегда пишется *ю*: *юдинъ* 70 об., 71 об., 73 об., sin. slav. 6/N 11 об., 13, *юдиногo* 51 об., 131 об., *юленьмъ* 94 и др.

Начальное *u* (из **ju*, **ou* и *jo*) почти без исключений передаётся с помощью букв *ю* или *ou* нейотированных, так же, как в *Псалт.Б.-С.*¹, в согласии с восточнославянским узусом. Йотация юса при этом отсутствует даже в тех случаях, когда ее требует этимология слова и его реальный фонетический облик. Над буквами *ю*, *ou* в начале слога ставится надстрочная точка или двоеточие, в ряде случаев, вероятно, обозначающие и йотацию:

юже ж. р. ед. ч. вин. п. sin. slav. 6/N л. 10 об., *оуѣ* 62 об., *оуѣга* sin. slav. 6/N 15 об., *оуѣгъмь* 120, *оуѣрънюжеть* sin. slav. 6/N 17 об., *оудолии* 71, *оуѣхо* 72 об., *оуности* 75, *оуность* 92, *наоуѣтриа* 89 об., *оуѣсеница* 97, *оуѣзы* 103 об., */ОУ-ноша* sin. slav. 6/N 12 об., *юныи* 106.

Отмечено только одно исключение: *юньцахъ* 47, ср. *юудѣа* 101 об.

1.3.6. Варианты *w* — *o* — *o*; *ou* — *ŝ* — *y*, *u* — *i*

Буква *w* используется только в диграфе *w̄*, а также иногда в заимствованных словах: *сиѣнъ* 86 об., *мѣуса* 96 об., *мѣуси* 100 (ср. *мойсеѣви* 91), *сиѣна* 124 об., *ѣараѣна* 124 об., *хънаѣньска* (так!) 124 об. Один раз буква *w* написана в начале стиха и строки: *ѣтъ* 123.

Буква *ŝ* употребляется крайне редко и только в конце строки: *омѣтих* ∴/ 75, *оскѣдѣша* ∴/ 79 об., *побѣгнѣтъ* ∴/ 93 об. и др. Два раза буква *ŝ* написана в середине строки из-за пропуска второго элемента диграфа *ou*, в лигатуре *ŝ* отчетливо просматривается нижний элемент, буква *o*, и надстрочный элемент *ч*: *салмонŝ* 70 об., *боудѣтъ* 61 об. Один

раз буква *ŝ* надписана над строкой в составе пропущенного слога: *сѣ^{ms}жающа* 126. Отмечено одно исключение: *бодѣтъ* 61 об. (середина строки).

Буква *ī* пишется в двух вариантах, как *ī* и как *ī̇*. Оба варианта используются только для графического выделения конца строки или стиха, даже если стих заканчивается в середине строки, или над строкой на месте пропущенной буквы *и*: *оукрашіи* ∴ / 42 об., *пѣстѣи* ∴ / 45 об., *блговѣствоуѣщи/имъ* 45 об., *на неі* ∴ / 45 об., *корість* ∴ / 45 об., *морьскійхъ* ∴ / 46 об., *крѣви* ∴ / 46 об.; и *оутѣшающааго і̇ не обрѣтохъ* 49. Один раз буква *ī* написана перед разрывом в пергамене, шитом нитками: *жі-воу/ща.а* 45 об. Отмечены два исключения: *И заповѣди̇ его възвѣштють* 61 об.; */ I проведе* 62.

Буква *у* пишется в основном в заимствованных словах в соответствии с греческими *υ, ο, ου, η*: *егуптѣ* 64, *егуптѣсѣрѣ* 64, *асѣрѣ* (Ασσουρ) 70, *тури* притяж. прил. мн. ч. им. п. 74, *фуникъ* (φοῖνιξ) 82, *скумени* 94, *мвуса* 96 об., *тумпанъ* 132 об., *кумвалѣхъ* 132 об., *скѣпѣтры* (σκήπτρον) sin. slav. 6/N 16. В единственном случае грецизм с исконным *υ* передан с диграфом *ου*: *тоурѣ* 70 (ср. Τύρος). Дважды буква *у* использована после букв палатальных *л, н* в соответствии с исконным */o/*: *въ нѣ* 55 об.; *ра/здѣлу* 133 об. (μερίω).

1.3.8. Редуцированные гласные

1.3.8.1. Отсутствие *ѡ, ѡ* в слабой позиции

Количество морфем, в которых в *Псалт.Б.-С.*² отмечен пропуск слабых *ѡ, ѡ*, примерно такое же, как и в *Псалт.Б.-С.*¹; однако две морфемы со слабыми ерами — *зѡл-, въс-* — в *Псалт.Б.-С.*² гораздо чаще переданы в исконной форме, то есть с буквами *ѡ, ѡ*:

- а) *зѡл-*: *зѡлы* 52, *зѡлата* 54 об., *зѡлобою* 71 об., *ѡзѡлобити* 77, *зѡлатѣ* 80, *ѡзѡлобима* 83, *незѡлобии* 89, *зѡлобнеі* // 112 об., *зѡла* 117 об., *зѡло* 134 и т. д., всего семнадцать раз, тогда как буква *ѡ* не пишется в корне *зѡл-* в пяти случаях: *зѡлобующа* 84, *зѡлобъ* 84 об., *зѡла* 52 об., *зѡла* прил. м. р. ед. ч. им. п. 112, *ѡзѡлобленъ* 100;
- б) корень *кѡ-* почти всегда пишется без буквы *ѡ*, так же, как и в *Псалт.Б.-С.*¹: *кто* 76, 79, 84 (2 раза), 121 об., 130 об, 132, 133 об. и т. д., отмечено лишь четыре исключения: *кѡто* 42 об., 58 об., *кѡгда* 66 об., *кѡде* 66 об.;
- в) в корне *мѡног-* буква *ѡ* пропущена 21 раз: *многы* 79, 124, *оумножилъ* 42 об., *оумножи* 42 об., *оумножис.а* 109 об., *оумножатъ* 43, *оумножиши* 74 об., *оумножитъ.с.а* 82 об., *оумножатъ.с.а* 82 об., *многъ* 83, *оумножению* 84, *оумноженитѣ* 98, *оумножитъ* 63 об., *мнози* 96, *оумножи* 99 об., *оумноженитѣ* 127, *много* 115 об., *многѡ* 116, *многъ* 116, *многата* sin. slav.

- 6/N 14 об., *многы* sin. slav. 6/N 17; с буквой *ѣ* корень *мног-* написан в пятнадцати случаях: *множьствѣ* 48 об., *множьствѣмъ* 133 об., *мнозѣ* 62, *многашѣды* 121, *мнози* 115 об., *много* 122 и т. д.;
- г) в формах дат. п. ед. ч. и тв. п. ед. ч. местоимения *азѣ* буква *ѣ* пропущена в 39-ти случаях: *мнѣ* 48 (2 раза), 48 об. и др., *мнѣ* ♂ : / 78, *мною* 73 об., 90, 121; отмечены 28 случаев написания этого корня с буквой *ѣ*: *мнѣ* 48 (2 раза), 50 об. (2 раза), 51 об., 52 и др., *мною* 49, 54 об., 121;
- д) в корне *вѣс-* буква *ѣ* пропущена всего четыре раза: *вѣсмъ* 131 об., *вса* 126, 135 об.; *всако* 132, в остальных же 110 отмеченных примерах этот корень пишется с буквой *ѣ*: *вса* 43, 50, 74, 85 об. и др., *вси* 44, 44 об., 58 об., 78, 87, *всю* 62, *всѣми* 86 об., *всей* 84 об. и др.;
- е) в суффиксе *-н-* буква *ѣ* пропущена четырнадцать раз: *боурнѣ* 68 об., *оугодно* 49 об., *правѣднаго* sin. slav. 6/N 15, *трудоны* sin. slav. 6/N 13 об. (3 раза), *зѣлобней* / 112 об., *прѣподобни* 123, *тѣмницѣ* 125, *подобно* 128 об., *прѣподобныхъ* 131 об., *прѣподобнии* 131 об., *всадникы* 133, *неправѣдна* 127, *желѣзны* 132, *водны* 101 об.; один раз вместо буквы *ѣ* в этой морфеме написан диакритический знак: *трудоны* sin. slav. 6/N 13 об.; в подавляющем большинстве случаев та же морфема написана с буквой *ѣ*: *сильны* 65, *законопрестопны* ♂ : / 89, *дѣломѣръноу* sin. slav. 6/N 11, *всадѣникы* 133, sin. slav. 6/N 10 об.; *законопрестопныкы* 112 об., *дрѣвѣна* 125 об., *доброгласныхъ* 132 об., *щѣждеплеменьникоу* 133 и др., всего отмечено 183 однотипных примера;
- ж) в корне *кѣназ-* буква *ѣ* пропущена одиннадцать раз: *кѣнази* 46 об. (3 раза), *кѣназъ* 69 об.; sin. slav. 6/N 14, *кѣназа* 70 об., 96 об. (3 раза), 104 об., 107, тогда как с ером это слово написано четыре раза: *кѣназа* 70 об., *кѣназемъ* 74, *кѣнази* 10, 131;
- з) в корне *нѣт-* гласный никак не обозначен только в двух ненадежных примерах, где плохая сохранность текста позволяет предполагать написанный изначально диакритический знак: *птица* 62 об., *птица* 131, тем более что в пяти случаях этот корень пишется с диакритической точкой вместо буквы *ѣ*: *нѣтица* 71, 119, *нѣтица* 94, *нѣтѣнца* 71; sin. slav. 6/N 11 об. Один раз корень *нѣт-* написан с буквой *ѣ*: *нѣтѣнцемъ* 130;
- и) по одному разу отмечены пропуск буквы *ѣ* в корне *рѣнѣт-* (*порѣнѣташа* 99 об.) и в приставке *сѣ-* (*смочитѣса* 46 об.).
- В отличие от большинства древнерусских и южнославянских рукописей XI–XII веков, в корне *кѣниг-* в *Псалт.Б.-С.*² всегда пишется буква *ѣ*: *кѣнигъ* 49 об., *кѣнижѣника* 51 об., *кѣнигахъ* 74.

Сравнение данных по утрате слабых еров на материале всех трёх почерков *Псалт.Б.-С.* сделано выше (§ 1.2.8.1), там же определена значимость этих сведений для датировки рукописи.

1.3.8.2. Пропуск *ъ*, *ь* в последнем слове строки

В ряде случаев пропуск букв *ъ* или *ь* использован как особый графический приём маркирования края строки и стиха перед знаком *∴*, в том числе перед *-сѧ ∴*: *припоашѣтсѧ ∴* / 43, *браньм ∴* / 47, *члѣвцх ∴* / 65, *поидоут ∴* / 76 об., *своим ∴* / 78, *твоих ∴* / 78 об., *въжк ∴* / 127. В двух случаях наряду с ненаписанием буквы *ъ* в конце строки употреблены буквы *ѡ* и *ѣ*: *омѡтих ∴* / 75 об., *ѣх ∴* / sin. slav. 6/N 12. Кроме букв *ь* и *ъ*, в конце строки иногда пропускаются также буквы, обозначающие гласные полного образования, а также целые слоги: *сво ∴* / 65 об. (позднее вписано *е*), *твоѡг ∴* / 79, *сѧ облеч ∴* / 82 об., *оумножитьсѧ ∴* / 82 об., *(бѡу сѣсоу) нашем ∴* / 84 об., *сыново ∴* / 92. Заметим, что тот же прием один раз встречается и Псалт.Б.-С.³: *потребѧтсѧ ∴* / 13 об. Однотипные примеры пропуска буквы *ъ* в конце слова отметил Г. Лант (Lunt 1949, 70) в Архангельском евангелии, не указав однако, что еры пропущены в конце строки, как правило, перед знаком препинания: *възнесетсѧ ∴* / 44, *повиноуютсѧ ∴* / 60, *двигнѣтсѧ ∴* / 74, *сѣберѣтсѧ ∴* / 74 об. Известны похожие написания и в Ассеманиевом евангелии: *не обѧт ∴* / 2 (1с-23), *сѣвъдѣтел/ство ∴* / 2 (1с-27-28), *свѣт ∴* / 2 (1d-6) и др.

1.3.8.3. Смешение букв *ъ* — *о*, *о* — *ъ*, *ь* — *е*, *е* — *ь* в слабой позиции

Написания *ъ* вместо *о*: *лкъ* 79, *злѣ* (вместо *зѣло*) 86 об., *мѣи* 'мой' sin. slav. 6/N 14, *голѣтъ* 130 об.; *о* вместо *ъ*: *забыхо* 90, *(исповѣдаитесѧ гѣи ꙗко) блѣго* 98; в девяти случаях буква *ъ* исправлена из *о*: *отъ* 45 об., *призвахъ* 103, *благъ* 88 об., *въ домоу* 71 об., *ходящийхъ* 71 об., *сиуиъ* 74, *исконьчахомъсѧ* 79 об., *полъ* 134, *грозъ* 'виноградная гроздь' sin. slav. 6/N 13; *ь* вместо *е*: *искоушьниѧ* 85, *камънь* 62, *дѣцѣри* 100, *дѣцѣръ* sin. slav. 6/N 12, *(въ же [...]) падаѣтъ ∴* / 69 об., *сѣтворитъ* повелит. 2 л. мн. ч. 98; *е* вместо *ь*: *не обличите ли* 3 л. ед. ч. *∴* / 83 об., *вънеми* sin. slav. 6/N 10 об., *избавителе* им. п. ед. ч. 126 об. Отмечен один пример написания *о* вместо *ъ* в составе диграфа *ѣ*, причем это *о* исправлено на *ѣ* с высокой мачтой: *мѣтѣѣ* sin. slav. 6/N 15.

1.3.8.4. Обозначение слабых и неэтимологических *ъ*, *ь* с помощью диакритики

В Псалт.Б.-С.² исконный редуцированный в слабой позиции шесть раз обозначен с помощью диакритической точки или двух точек: *птица* 71, 119, *птица* 94, *итеньца* 71; sin. slav. 6/N 11 об.; *гобѣжѣице* 54 об., *трудоѣи* sin. slav. 6/N 13 об. Один раз на месте редуцированного *ъ* написан паерок: *к' томѣ* *∴* / 70. В Псалт.Б.-С.² дважды отмечены

диакритические точки для обозначения неэтимологического редуцированного, развивавшегося не после плавного согласного в заимствованном слове: *égyj̣ṭe* ∴~ / 124 об., *égyj̣ṭьскъ* 124 об. В двух случаях корень *егун(ь)т-* написан с буквой *ь*: *егуньт̣ьскъ* 68 об., *жгуньт̣ьсцѣи* 61 об. В остальных многочисленных случаях употребления этого корня неэтимологический гласный не отмечается на письме.

В заимствованных словах, где сонорный плавный стоит перед согласным, в *Псалт.Б.-С.*² отмечены три написания буквы *л* с диакритической точкой: *олтар̣л* 71, *ψал̣т̣ьри* 131 об., *псал̣м̣ьскы̣хъ* 52. Написания корня *ψал̣м-* с буквой *ь* после *л* доказывают фонетическую значимость диакритической точки: *ψал̣мь* 129 об., ср. *вар̣варь* 101 об. Один раз этот же корень написан в соответствии с исконной формой, то есть без *ера* и без надстрочного знака: *псал̣т̣ьри* 132. Написание *тул̣пань* 68 следует отнести к этой же группе примеров: надстрочная черта, не отмеченная больше ни в одном случае, представляет собой, очевидно, не самостоятельный надстрочный знак, а слившиеся в результате беглого письма две надстрочные точки.

1.3.9. Рефлексы сочетаний **ṭьrt*, **ṭьrṭ*, **ṭьlt*, **ṭьlṭ*

Общие особенности отражения рефлексов праславянских сочетаний типа **ṭьrt* в *Псалт.Б.-С.*² такие же, как и в *Псалт.Б.-С.*¹. Незначительные различия касаются, во-первых, количественного соотношения различных типов написаний, и, во-вторых, особого способа передачи второго полногласия с помощью диакритических знаков, чего нет в *Псалт.Б.-С.*¹.

Согласно южнославянскому узусу в *Псалт.Б.-С.*² написаны пять словоформ, отражающих рефлекс сочетания типа **ṭьrṭ*, и семь словоформ, отражающих рефлекс сочетаний типа **ṭьlṭ*:

испр̣ьва 55 об., *гр̣ьтани* 112, *гр̣ьтані* 132, *гр̣ьтаньмь* 102, *гр̣ьди* 113 об.; *напл̣гни с̣л* 57, *напл̣гну* 81 об., *испл̣н̣яющаго* 91 об., *хл̣мьхъ* 65, *задл̣ьжиша* 121, *въспл̣зенил* 103, *задл̣ьжиша* 121.

Однако в подавляющем большинстве случаев в *Псалт.Б.-С.*², так же, как и в *Псалт.Б.-С.*¹, рефлексы праславянских сочетаний **ṭьrṭ/*ṭьrṭ*/ṭьlṭ/*ṭьlṭ* переданы согласно более распространенному древнерусскому узусу: *въл̣нъ* 42 об., *напл̣гни с̣л* 42 об., *хл̣ми* 43, *ск̣ьр̣ьбь* 43 об. и др. во множестве однотипных примеров. В *Псалт.Б.-С.*² отмечен лишь один пример, когда исконное праславянское сочетание **ṭьrṭ* передается с помощью букв *ьр̣ь* в конце строки: *ск̣ьр̣ьби* / 52.

Несмотря на уникальность обозначения второго полногласия буквенными средствами, в *Псалт.Б.-С.*² имеется ряд надёжных примеров употребления диакритических точки или двоеточия, обозначающих

второе полногласие: *въ скърѣхъ* 59, *нърѣла* ∴ / 59, *оутвѣрдите* 95 об., *осквѣрниша* 56, *жъртвоу* 99 об., *извѣрже* 90 об., *търпѣливъ* 92, *оутвѣрдила* 92, *оутвѣржениѣ* 96, *мъртвий* 134, *нървѣнъць* 97, *мързѣ* 116, *скърби* 103, *гѣрѣ* sin. slav. 6/N 12 об., *стѣлнѣ* 57 об., *стѣлнѣ* 88, *мѣлнѣ* 86 об., *зѣлчѣ* sin. slav. 6/N 13, всего семнадцать примеров, из них тринадцать — в сочетании с буквой *р*, и четыре — в сочетании с буквой *л*.

Материал *Псалм.Б.-С.¹* и *Псалм.Б.-С.²*, касающийся отражения на письме рефлексов сочетаний типа **tѣrt/*tѣlt*, обобщен в таблицах:

Необозначение на письме второго полногласия

	<i>*tѣrt</i>		<i>*tѣrt</i>		<i>*tѣlt</i>	
	<i>Псалм. Б.-С.¹</i>	<i>Псалм. Б.-С.²</i>	<i>Псалм. Б.-С.¹</i>	<i>Псалм. Б.-С.²</i>	<i>Псалм. Б.-С.¹</i>	<i>Псалм. Б.-С.²</i>
ТРЪТ	6	5	0	0	4	7
ТЪРТ	В подавляющем большинстве случаев					

Обозначение на письме второго полногласия

	<i>*tѣrt</i>		<i>*tѣrt</i>		<i>*tѣlt</i>	
	<i>Псалм. Б.-С.¹</i>	<i>Псалм. Б.-С.²</i>	<i>Псалм. Б.-С.¹</i>	<i>Псалм. Б.-С.²</i>	<i>Псалм. Б.-С.¹</i>	<i>Псалм. Б.-С.²</i>
Общее количество примеров	0	3	1	11	4	4
а) с помощью букв ъ, ѣ;	0	1	1	0	4	0
б) с помощью диакритики	0	2	0	11	0	4

Таким образом, в *Псалм.Б.-С.²* при обозначении рефлексов **tѣrt/*tѣrt/*tѣlt* южнославянский узус соблюдается не так последовательно, как в *Псалм.Б.-С.¹*. Общее число южнославянских по происхождению написаний у обоих писцов почти одинаковое: десять примеров в *Псалм.Б.-С.¹* и двенадцать примеров в *Псалм.Б.-С.²*, хотя второму писцу принадлежит в два раза больший объем текста. При этом количество случаев обозначения второго полногласия и неслогового слабого ера в *Псалм.Б.-С.¹* и *Псалм.Б.-С.²*, соответственно, пять и семнадцать. Оба основных писца *Псалм.Б.-С.* отражают распространенную в древнерусских рукописях одиннадцатого — двенадцатого веков тенденцию передачи на письме рефлексов **tѣrt/*tѣrt/*tѣlt*: написания типа *ТЪРТ* встречаются чаще, чем написания типа *ТРЪТ*,

в тех рукописях, которые отражают явление второго полногласия в написаниях типа *ТЪРЪТ* — *ТЪР'Т*¹²². Однако нельзя не заметить, что эта тенденция проявляется не всегда. Материал, собранный В. Н. Сидоровым, показывает, что «редко в каком памятнике» написания *ѣр*, *ѣр*, *ѣл* между согласными

«проводятся с полной последовательностью [...] в XI в. русские написания с *ѣ* и *ѣ* перед плавными еще не установились в качестве постоянной, последовательно проводимой нормы» (Сидоров 1966, 30, 35).

Имеет смысл сравнить числовые данные *Псалт.Б.-С.* с тем, как соотносятся различные написания для передачи рефлексов сочетаний типа **tǣrt* в других восточнославянских рукописях (Сидоров 1966):

Памятники	Написания (в %)			
	ТЪРТ	ТЪР'Т	ТЪРЪТ	ТРЪТ
Остр.ев. (1-й писец)	100	0	0	0
Остр.ев. (2-й писец)	1	26	11	62
Мин.окт. 1096 г.	43	0	54	3
Мин.ноябрь 1097 г. (1-й писец)	44	1	12	43
Мин.ноябрь 1097 г. (2-й писец)	10	76	2	12
Псалт.Чуд.	0	84	0	16
Арх.ев.	100	0	0	0
Июльская миная к. XI — нач. XII века (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 121) (1-й писец)	89	0	0	11
Июльская миная к. XI — нач. XII века (2-й писец)	0	0	0	100

Как видно из таблицы, упомянутая выше тенденция более частого написания типа *tǣrt*, чем *trǣt*, неактуальна для тех рукописей, где второе полногласие не передается вообще или передается с помощью надстрочных знаков (первый почерк *Остромирова евангелия*, *Архангельское евангелие* и первый почерк июльской служебной

¹²² Живов 2006, 248 («если в рукописи есть написания типа *тѣрѣѣ* ~ *тѣр'ѣѣ*, то в ней имеются и написания типа *тѣргѣѣ*; если в рукописи есть написания типа *тѣрѣѣ* ~ *тѣр'ѣѣ*, то написания типа *тѣргѣѣ* представлены в ней существенно чаще, чем написания типа *трѣѣѣ*. Это показывает, что написания типа *тѣрѣѣ* ~ *тѣр'ѣѣ* развиваются в ходе формирования русской орфографической нормы как сопутствующие написаниям типа *тѣргѣѣ*»).

минеи одиннадцатого — двенадцатого веков). Возвращаясь к данным *Псалт.Б.-С.*, можно заключить, что обозначение на письме рефлексов сочетаний типа **tʒrt* обоими основными писцами памятника соотносимо с другими рукописями конца одиннадцатого — двенадцатого веков и позволяет датировать памятник рубежом этих столетий.

1.3.10. Диакритика

В графико-орфографической системе *Псалт.Б.-С.*² диакритика употребляется последовательно на всём пространстве текста и имеет большое количество функций. Выше были приведены примеры употребления надстрочных знаков для обозначения слабых этимологических и неэтимологических еров, в том числе в рефлексах сочетаний типа **tʒrt*. Далее рассмотрены другие функции надстрочных знаков.

В *Псалт.Б.-С.*² отмечен ряд написаний, где диакритические знаки служат средством графического выделения графем, используемых преимущественно в грецизмах. В этом случае надстрочный знак, каким может быть точка, двоеточие или черта, не имеет самостоятельного значения и образует часть графического облика графемы. Надстрочные знаки, — как правило, двоеточие, — ставятся над буквами *y* и *w* (последняя встречается только в грецизмах, не считая написаний предлога *отъ* в виде \ddot{w}): *егѣптѣскъ* 124 об., *егѣпте* 124 об., *егѣпта* 101 об., *скѣпѣтры* sin. slav. 6/N 16, *асѣръ* 70; *иѣкѣвъль* 58 об., *сиѣнъ* 86 об., *мѣусеа* 96 об., *фарайна* 124 об., *хънайѣнска* 124 об. (так!). По аналогии с обозначением с помощью надстрочного двоеточия буквы *y* в грецизмах двоеточие поставлено в начале строки над диграфом *ou* в исконно славянском слове после буквы твёрдого согласного: *роѣжама* 59 и над омегой: *ѡтѣ* 123. Показательно, что только в греческих заимствованиях почти не происходит смешения надстрочных знаков двоеточие и точка, что указывает на устойчивость графического облика букв \ddot{w} и \ddot{y} . По образцу написания буквы *y* в грецизмах надстрочное двоеточие употреблено в исконно славянской лексеме: *вѣ нѣ* 55 об. (ср. *раздѣлу* 133 об.)¹²³.

Один раз над буквой *ѣ* также поставлен сложный надстрочный знак точка и черта: *ѣосифѣвы* ∴ 60. Как в этом, так и в перечисленных выше примерах надстрочные знаки выполняют орнаментальную функцию,

¹²³ Имитация графического облика грецизмов с помощью надстрочных знаков, разумеется, не означает, что используемые в древнейших славянских рукописях надстрочные знаки по своей форме и по своим позициям совпадают с диакритикой современного им византийского минускула.

не играя никакой роли для передачи смысловозначительных отношений. Такая функция надстрочных знаков известна в славянских рукописях¹²⁴.

Палатальное *й* один раз обозначено с помощью диакритического знака *а* по строф над согласным: *вышьнааго* 59 об. Единичность примера связана с тем, что в остальных случаях для обозначения палатальности плавных в *Псалт.Б.-С.*² используются йотированные буквы (см. § 1.3.2.1.1): *вышьнааго* 69 об. и др. Дважды с помощью диакритики в сочетании с йотированной буквой обозначено палатальное *г*: *оудалляющийсѧ* 55, *отъемлющоу* 59. Аналогичные примеры орфографической избыточности, отражающей разные способы обозначения палатальных согласных¹²⁵, известны в *Типографском евангелии* двенадцатого века (РГАДА, ф. 381, № 1)¹²⁶.

Кроме того, в двух случаях с помощью диакритической точки или двоеточия передана исконная палатальность сочетания *жд'*: *дъждь* 124, *цъждийхъ* sin. slav. 6/N 12. В одном случае двоеточием обозначен рефлекс праславянского сочетания **vj*: *оумьрщвенныхъ* 66. Лишь один раз обозначена палатализованность согласного перед *ѣ*: *Съгръшишиѧ* sin. slav. 6/N 11.

Написания с апострофом или с точкой, подобные приведенным выше примерам из *Псалт.Б.-С.*², хорошо известны (Карский 1979, 168); например, в *Туровских листках* отмечены написания *ижденеть* 1а, *прославлю* 187, *земля* 76 (Тот 1985, 187) и др., в *Минее Дубровского* — *преступлениѣ* 195, *земля* 8а, *матерьяныхъ* 156, *къ ѣмоу* 15а и др. (Тот 1985, 195), причем в *Минее Дубровского* диакритическая точка является основным способом обозначения палатальности (Колесов 1980, 84). Единичный пример отмечен в *Хиландарских листках*: «*въскръснетъ*»¹²⁷ (Кульбакинъ 1900, 15), где основным способом обозначения палатальности является «крюк» справа над буквой согласного (Schaeken, Birnbaum 1999, 116).

Надстрочные знаки регулярно употребляются в *Псалт.Б.-С.*² над буквами гласных переднего ряда, причем как в начале слога, так и после букв согласных.

¹²⁴ Голышенко 2002, 60 («Надстрочные знаки над буквами гласных в ранних славянских рукописях могут иметь также и экстралингвистическое значение, поскольку появление этих знаков могло быть обусловлено желанием писца употреблять их по традиции, восходящей к византийскому письму, или [...] использовать эти знаки как один из элементов украшения рукописного текста»).

¹²⁵ Калнынь 1956, 138–145 (обзор способов обозначения палатальности в восточнославянских рукописях одиннадцатого — двенадцатого веков).

¹²⁶ Голышенко 2002, 64 (*въ ѡдъждѧхъ* 13в 23, *ѡставляѧтсѧ* 46а 7 и др.).

¹²⁷ Здесь с помощью точки обозначен палатализованный согласный.

Над нейотированной буквой *e* диакритические знаки чаще ставятся в начале слога: *приближаётся* 134, *величье́мь* sin. slav. 6/N 10, *взвдвизаётъ* sin. slav. 6/N 15, *оўстраблаетъ* sin. slav. 6/N 15, *покрыётъ* sin. slav. 6/N 11 об., *твоего* ∴/ 79, *сѣмѣреніе* ∴/ 79 и др. В Псалт.Б.-С.² отмечен лишь один пример, когда диакритический знак стоит над буквой *e* после буквы согласного (если это не надстрочное двоеточие с широким пространством между точками, обозначающее ъ): *итѣньца* sin. slav. 6/N 11 об. Употребление надстрочных знаков во флексиях доказывает, что в этих случаях диакритика обозначает йотацию. Возможно, что диакритика обозначает йотацию также в примерах *оўгъ* 62 об., *оўга* sin. slav. 6/N 15 об.

Диакритическая точка или двоеточие ставится над нейотированной буквой *a* в начале слога:

морьскайго 134 об., *вѣпйаше* 134, *пооучаѣхоусл* 79 об., *расхѣцаѣхоу* 77 об., *хожаѣше* 45 об., *ѣлаахъ* 59, *кльцаѣше* 59 об., *ѣбываѣше* 63, *обрацаѣхоусл* 63, *оуцаѣцаѣго* 91 об., [...] *цѣлѣюцаѣго* 91 об., *избавлѣюцаѣго* 91 об., *Исплѣнѣлюцаѣго* 91 об., *прѣисподньлага* (так!) 73 об., *прѣиспо/дньлаго* sin. slav. 6/N 12 об., *оўтѣшаюцаѣго* 49, *вѣторайго* sin. slav. 6/N 10 об. и др.

Формы типа *вздайниѣ* 83, *наоутриѣ* 54 об., *моѣ* sin. slav. 6/N 10 и единичное написание *йѣкова* 66 в сопоставлении с многократными примерами типа *ѣаковль* 58 об., 71 об., 74, *йѣаквль* 71 об., *ѣаковлю* 68, *ѣаковла* 68 об., *ѣаковъ* 62 об., 88, *ѣаковоу* 66, 187, а также *вениламинъмъ* 67, доказывают, что в ряде случаев надстрочный знак мог обозначать палатальный глайд перед *a*.

Диакритика могла ставиться над йотированными буквами гласных независимо от качества слога, неприкрытого или прикрытого, однако гораздо чаще она отмечается над буквами гласных в неприкрытых слогах. Вне этой тенденции находится буква *ѣ*, которая не употребляется после букв согласных. Над буквой *и* надстрочная точка ставится только в начале слога. Над буквой *ѣ*:

стоѣщей 124, *йѣкова* 124, *животънаѣ* 45 об., *моѣ* 61, *моѣ* 122, *ѣѣ* 57 об., *твоѣ* 57 об., *землѣ* 57 об., 58 об., *моѣѣ* 121 об. и др.; над буквой *ю*: *твою* 51 об., 56 об., 126, *мою* 51 об., *взспю* 52, *гобѣжѣще* 54 об., *тобою* 55, *оўдалѣющійсл* 55, *силою* 56 об., *чюдеса* 124 об., *взлѣбѣ* 65 об. и др.; над буквой *ѣ*: *ѣго* 124 об., 84 об., 95 об. (2 раза), *твоѣмоу* 76 об., *оуготованиѣ* 76 об., *вздайниѣ* 83 и др.; над буквой *и*: *всей* 95 об., *твоимъ* 70 об., 112 об., *аморейска* 124, *ихъ* 70 об., *имене* 70 об., *имѣ* 124, *моихъ* 77 об., *пойдоутъ* 77 об., *сѣтворивѣи* (небо) *и* (землю) 124, *изъбра* 124, *ѣлеймъ* 94 и др.

В Псалт.Б.-С.² отмечен единственный пример постановки диакритического знака над буквами *л*, *ъ* в начале слога: *послѣдньлаѣ* 134 об., *ъдѣсте* sin. slav. 6/N 13 об. Как показывают примеры, второй писец не делает различий между надстрочными знаками точка и двоеточие.

В *Псалт.Б.-С.*² надстрочные знаки ставятся последовательно над всякой буквой гласной непереднего ряда во всяком неприкрытом слоге: *облакы* 124; *отъ* 124, 56 об.; *мойсеови* 91; *ојъмълча* 58 об.; *ојстъ* 61; *ојбогъ* 50 об.; *ојста* 6; *грлдоуцоуојмоу* 51 об. и др.

Материал позволяет сформулировать закономерность употребления надстрочных знаков над буквами гласных в *Псалт.Б.-С.*²: надстрочный знак, независимо от его внешнего облика, ставится над всякой буквой гласной в неприкрытом слоге (кроме *л*) и над всякой йотированной буквой гласной независимо от качества слога.

Тенденция к расстановке надстрочных знаков над буквами гласных во всяком неприкрытом слоге, известная во многих древнерусских рукописях (Кудрявцев 1985), объяснялась как обозначение на письме протетических согласных, причём не только *ј*, но и *h* и даже *w* перед *и* или *о*¹²⁸. Современная диалектология собрала обширный материал, касающийся протетических согласных в разных славянских диалектах, во многих случаях установлены позиционные условия их появления¹²⁹. Однако диалектные данные о современных протетических согласных нельзя рассматривать как доказательство их существования в раннедревнерусский период. Из закона восходящей звучности, который используется как основное доказательство наличия протетических согласных перед гласными непереднего ряда (Кудрявцев 1985), не следует, что в языке были невозможны слоги, состоящие только из одной неприкрытой гласной фонемы, поскольку такой слог закону восходящей звучности не противоречит. Следовательно, в вопросе о надстрочных знаках, обозначающих всякий неприкрытый слог, доказанным является только обозначение йотации в тех словах, в которых йотация передается в других примерах с помощью буквенных средств (йотированных букв). Наличие же или отсутствие фарингальных или гортанных протетических или эпентетических согласных, которые могли бы обозначаться надстрочным знаком, для раннедревнерусского периода остаётся недоказанным.

Очевидно, тенденция к обозначению надстрочным знаком всякого неприкрытого слога связана со стремлением графически маркировать границу слога как единицы чтения. В этом случае употребление надстрочных знаков функционально соотносимо с использованием букв *о* — *w* на границе слогов, известное в древнеславянской рукописной традиции (Миклас 1993, 5, 7).

Правило графического маркирования неприкрытого слога не определяет расстановку надстрочных знаков над буквами палатальных согласных. То, что древнерусская диакритика XI–XII вв. совмещает в себе

¹²⁸ Кудрявцев 1985; см. также: Шахматовъ 1915, 54, 57–58, 143.

¹²⁹ Филин 1972, 296–303; Калнынь 1998; Калнынь 2000.

разные традиции письма, подтверждается многофункциональностью надстрочных знаков, отсутствием строгого соответствия между их внешним обликом и выполняемыми функциями, на что уже обращалось внимание (Гольщенко 2002). Уверенно судить о том, какая из традиций первична и не является ли правило маркирования неприкрытого слога ничем иным, как распространением правила обозначения йотации с помощью диакритики на все слоги, в том числе без протетического *j*, можно лишь после сплошного исследования старославянской и древнерусской диакритики одиннадцатого — начала двенадцатого веков.

Таким образом, надстрочные знаки в *Псалт.Б.-С.*² ставятся в трех группах написаний: 1) две точки — над буквами *ω, у*, употребляющимися преимущественно в грецизмах (изредка встречается точка) с целью имитации греческой графики; 2) точка или две точки — над всякой буквой гласной в неприкрытом слоге и над всеми йотированными буквами гласных независимо от качества слога, при этом надстрочный знак не ставится над буквами *л, ѣ* в любой позиции и над буквами *и, е* в неприкрытых слогах; 3) точка или две точки используются для обозначения слабых редуцированных, исконных и неэтимологических, а также для обозначения слабого редуцированного в рефлексах сочетаний типа **tъrt*.

1.3.11. Описки

Пропущенные буквы, слоги и слова:

знамени твоихъ (если это не стяжение гласных в форме род. п. мн. ч.) 42 об., *припоишижтса* (если это не распространённое в разных рукописях отражение фонетически закономерной утраты конечного ера, объяснимое перед энклитикой *са*) 43, *въ вѣкѣ вѣкѣ* (вм.: *въ вѣкѣ вѣкѣ*) 43 об., *олкавтоматъ* (вм.: *олкавтоматъ*, как того требует синтаксис фразы) 43 об., *търпиции* (вм.: *търпиции*) 48, *довъта* (вместо *адовъта*) sin. slav. 6/N 16 об., (*къ*) *тебе* (вм.: *тебѣ* или *тебе ъе*) sin. slav. 6/N 17 об., *лювь* (вм.: *любовь*) sin. slav. 6/N 16, *тождь* (вм.: *тоуждь*) sin. slav. 6/N 11 об., *та* (вм.: *ста*) sin. slav. 6/N 16, *нѣ ѣта* (вм.: *нѣсть ѣта*) sin. slav. 6/N 14 об., (*въ*) *гѣдыни* sin. slav. 6/N 14 об., *крѣстию* (вм.: *крѣпостию*) sin. slav. 6/N 15, (*въ*) *грѣтані хъ* (вм.: *въ грѣтани іхъ*), 132, *Исповѣдайте памл* (ср. ἔξομολογεῖσθε τῇ μνήμῃ — совр. ц.-слав. *ісповѣдайте памлать*) 87, *въспроси* (вм.: *въспросити* — τοῦ αἰτήσαι) 62, *начатъ* (*въскаго троуда*) (вм.: *начатъкъ*) 64 об., *зъл* (вм.: *зъло*), 65, *въскликнониѣ* (вм.: *въскликновениѣ*) 54, *плотю* (вм.: *оплотю*) 127, *въсхалю* 127, *мъниѣ тво* (вм.: *мълниѣ твоѣ*) 60, *юудѣити* (вм.: *юудѣисти*) 50, *вельнота* (вм.: *вельлѣнота*) 47, *нго* (вм.: *него*) 46 об., *одѣниж* 48, *поути* (*моихъ*) 85 (если это не стяжение гласных, см. выше знамені), *издралева* 77, *и на аспидю* (пропущен союз *и*) *василиска настоупиши* (ἐπ' ἀσπίδα καὶ βασιλίσκου) 81, *лю* (вм.: *люди*) 65, (*цѣрквь*) *стю* (*твою*) 65 об., *славъ* (*ради*) 66 об., *злво* (вм.: *излво*) 70, *бъшиимъ* 74, *исталахъ-лми* (вм.: *исталахоу хълми*) 16, *низъжиши* (вм.: *низължиши*) sin. slav. 6/N 16 об.;

графическая ассимиляция:

а) под воздействием предыдущего слога:

си лѣдишѣ (вм.: *си людѣшѣ*, sin. slav. 6/N л. 11), *нѣсть* (вм.: *нѣсть* [*правдѣ*на], ср. в следующей синтагме: *нѣ стѣ* вместо *нѣсть стѣ*) sin. slav. 6/N 14 об., *сѣргѣшиши* (вм.: *сѣргѣшиши* — *ѣмартон*) 63, *неразоумиви* (вм.: *неразоумивѣ* — *ἀσύνετος*) 82, *прѣисподьнаага* 73 об., (*сѣтвори сѣ*) *рабамѣ твоимѣ* (*по милости твоѣи*) 113 об.;

б) под воздействием последующего слога:

коницихѣ 42 об., *ицазажѣтѣ* 45, *наоучѣтьсѣ* sin. slav. 6/N 17 об., *крѣвь* sin. slav. 6/N 11 об., *сиашѣ* sin. slav. 6/N 10, *обличиникѣ* 54 об., *боудѣть* 75, *крѣльѣ* 80 об., *отѣриневени* 74 об.;

в) под воздействием сходного начертания другой буквы:

(*вѣ*) *безѣоднѣ* (вм.: *безѣоднѣ*) 62;

написание буквы под влиянием другой морфемы:

вскоусилѣ (смешение *вѣс-* и *ис-*), 43 об., *возвездѣтьсѣ* (смешение *сѣд-* и *сел-* или графическая ассимиляция *д* и *л*) 45, *вѣзнесѣтьсѣ* (смешение тематических гласных или графическая ассимиляция букве гласного следующего после *-ть* слога) 43 об., (*животѣната твоѣ*) *животѣ* (*на ней*) (смешение *живоуть* и *животѣ* или написание первого элемента диграфа вместо всей буквы) 45 об., (*бѣгѣ бѣ иѣлѣвѣ*) *правѣламѣ* (*сѣрдѣцѣмѣ*) (смешение флексий дат. п. ед. ч. и вин. п. мн. ч.) 53 об., (*Помѣноу вѣ ноци и мѣ твоѣ гѣи*) *сѣ/хранюхѣ* (*законѣ твоѣ*) ∴ / 109 (смешение аористной и презенсной форм), (*зане свѣтъ повелѣниѣ*) *твоѣ* (флексия им.-вин. п. мн. ч. *ѣ* вместо флексии род. п. ед. ч. *-ю* под влиянием предыдущей формы *повелѣниѣ*) (*по землѣ*) sin. slav. 6/N 17 об., (*вѣзведе ѣ на силуѣ*) *землю* (флексия вин. п. ед. ч. *ю* вместо род. п. ед. ч. *ѣ* или *ѣ*, под влиянием предыдущей аккузативной формы *силуѣ*) sin. slav. 6/N 11 об., *емѣ* (вместо *емоу*) 131 об., *вѣздрѣтьсѣ* (вместо *вѣзвратѣть сѣ*, ложная аналогия с развитием эпентетического согласного на морфемном шве между фрикативным дентальным и *г*; возможно, что здесь отразилось упрощение *-зр-* в *-зр-*; ср. примеч. 520) 129, *отѣ основа* (вместо *и ты основа*) 74, (*напѣлнисѣ зѣлѣ дѣиѣ*) *моѣ* (вм.: *моѣ*) 74 об.;

нарушение согласования грамматических форм:

(*и рѣша не оуѣзритѣ*) *гѣ* ∴ (*ни разоумѣѣтъ бѣ иѣлѣвѣ*) ∴ 83 об., (*широка*) *заповѣди* (*твоѣ зѣло*) 111 об.; *Вода прѣвѣшьшиѣ нѣсѣ* [титло на фотокопии не читается] *да хѣ/лѣть и мѣ гѣе* 131;

повторное написание одной и той же буквы, слога или слогов:

твоевожмоу 43, *оубо* 54 об., *сѣрдѣци* 56, *нанасѣщаѣ* 130 об., *Зѣвѣриѣ* 131, *прогѣ* 49 об., *старостарости* 51 об., *мѣмнѣ* 84;

съхранатъся 15, *въселатъся* 15, *потребатъся* 15 об. (2 раза), *высшася* 15 об., *врѣмѣ* 16, *брѣмѣ тѣжъко отлаготеса* 16 об., *сѣлакохъся* 16, *ладвита* 16 об., *сѣматеса* 16 об., всего 27 примеров.

Гораздо реже, двенадцать раз, встречается буква *л* в начале слога, причем используется она в очень ограниченном наборе лексем: *лѣко* 14, 14 об. (4 раза), 15, 16 (3 раза), 16 об., *л* мест. м. р. мн. ч. вин. п. 15 об., *мола* 16 об.

Единственной позицией буквы *л* является позиция начала слога, где *л* встречается чаще, чем *л*, всего 31 раз:

лѣко 13 (2 раза), 13 об. (3 раза), 14, *лѣко* 15 об., *ливаньскыѣ* 15 об., *правыѣ* 14, *правдыныѣ* 14, *достоаниѣ* 14, *правдыныѣ* 14, *стѣоуѣ* 16 об., *лзыкъ* 15, *лростию* 16, *твоѣ* 16, *ицѣлениѣ* 16, 16 об., *моѣ* 16, 16 об. и др.

Буква *ж* употребляется в *Псалт.Б.-С.*³ только в начале слога:

безакониѣ 13, *зелиж* 13, *жѣ* 13, *жѣ* 13, 14 об. (3 раза), 15 (3 раза), 15 об. (2 раза), *законопрестоуплениѣ* 13 об., *жѣ* 13 об., *оружиж* 14, *оутвържатъ* 14, *достоаниѣ* 14, *закъмлетъ* 14 об., *жѣ* 14 об., 15 об. (2 раза), *милоуютъ* 15, *сѣсенѣ* 16, *жѣ* 16, *твою* 16 об., *жѣ* 16, *твою* 16, *моѣ* 16 об., *можѣ* 16 об., *желаниѣ* 16 об., *мож* 16 об. (2 раза), *въздыханиѣ* 16 об., всего 34 раза.

Буква *е* употребляется в *Псалт.Б.-С.*³ в основном после согласных: *възнесеть* 15 об., *потребатъся* 15 об., *обрѣтеса* 15 об., *мене* 16 и т. д. В начале слога буква *е* отмечена восемь раз: *его* 13 об., 15 (2 раза, один раз в конце строки), 15 об. (2 раза), *емоу* 15 об., *естъ* 15 об., *моѣ* 16 об.

В *Псалт.Б.-С.*³ не обозначаются палатальные согласные с помощью йотированных букв после букв исконно палатальных *л*, *н*, поэтому написание *л* и *л* определяется простым правилом: буква *л* употребляется после букв гласных, а буква *л* — в основном после букв согласных, причем гораздо чаще в начале слога употребляется *л*. Таким образом, в отличие от *Псалт.Б.-С.*¹, где также не встречается *л* после букв согласных, результатом функционального тождества букв *л* и *л* стало не уменьшение употребления буквы *л* вообще, а особое распределение букв *л* и *л* в зависимости от позиции по отношению к началу слога. В целом, то же правило относится и к употреблению букв *е* и *ж*.

1.4.2.2. Употребление *а*, *л*, *л*, *оу*, *ю* после букв шипящих и *ц* в сопоставлении с первым и вторым почерками

Об особенностях употребления в *Псалт.Б.-С.*³ букв *а*, *л*, *л* после шипящих и аффрикат судить трудно из-за ограниченного материала. После *ц* буквы *а* и *л* употребляются по четыре раза: *сѣрѣца* 13, 14, 16 об.,

лица 16, мѣшѣца 14, лица 16, 16 об., коньца 16 об. После *ч* лишь один раз встречается буква *л*: поучалтъся 15. После *щ* используется только буква *а*: нища 14, ищазающе (так!) 14 об., прѣвозносаща 15 об., вѣсаща 15 об. После *ш*, *ж* также всегда употребляется *а*, всего десять раз: извлѣкоша 14, напрагоша 14, съкроушатъся 14 (2 раза), оутвържатъ 14, оупъваша 16, оупъзоша 16, съгниша 16 об., хожатъ 16 об., напълнишася 16 об.

Отмечено только три примера на употребление букв, обозначающих <и> после шипящих и аффрикат: *исъиють* 13, *спѣющююмоу* 13 об., *творящюмоу* 13 об. Материал, касающийся употребления букв гласных после шипящих и *ц*, можно обобщить в таблице¹³⁰:

Позиция	Псалт.Б.-С. ¹		Псалт.Б.-С. ²				Псалт.Б.-С. ³	
	Буквы		Буквы				Буквы	
			Йоти- рованные		Нейоти- рованные			
	<i>ю</i>	<i>оу</i>	<i>ю</i>	<i>ѣ</i>	<i>оу</i>	<i>ѣ</i>	<i>ѣ</i>	<i>ю</i>
После <i>ш</i>	Везде	0	12	0	11	4	0	1
После <i>ж</i>	Везде	0	10	1	0	4	Нет примеров	
После <i>ч</i>	Везде	0	11	0	0	2	Нет примеров	
После <i>щ</i>	2	2	12	0	1	4	1	1
После <i>ц</i>	Везде	0	3	0	1	2	Нет примеров	

Высказывалось мнение, что неустойчивость старославянского зуза в употреблении йотированных и нейотированных букв после шипящих связана с отсутствием у шипящих и *ц* пар по признаку «палатальность / мягкость — твердость», а значит, и с отсутствием необходимости передавать на письме смыслообразительные отношения по этому признаку¹³¹.

Согласно А. Вайану,

«написания *шю*, *штю* и др. и *шоу*, *штоу* и др. одинаково употребительны, но почти всегда пишется *ша* и т. д., за исключением Киевского Миссала, в котором преобладают написания типа *штѣ* [...] и Синайской псалтири, в которой они очень часты; все это представляет собой только орфографическое явление»¹³².

¹³⁰ Ср. Зубова 1976, 33–36 (наблюдение об отсутствии в древнерусских рукописях одиннадцатого — четырнадцатого веков нормы употребления букв *оу*, *ю* после шипящих).

¹³¹ Lunt 1949, 37; Kulbakin 1929, 188–206.

¹³² Вайан 2002, 76; ср.: Ван-Вейк 1957, 129–131, 185; Зубова 1975, 20–21 (количественные данные).

Нужно учитывать и «отверждение, по крайней мере диалектное, шипящих, групп *шт, жд* и аффрикат», которое для А. Вайана было

«несомненно: об этом свидетельствуют написания *наштъ, ноштъ, конецъ* [...] частые в большей группе памятников и обычные в других» (Вайан 2002, 75).

Неустойчивость в выборе парных йотированных или нейотированных графем и *л* после букв шипящих и *ц*, известная в древнерусских рукописях, отражает исчерпывающе описанную¹³³ неустойчивость старославянского узуса. В связи с этим не имеет под собой оснований предположение, будто

«появление *ю* после *ж, ш, ц, жд* [свидетельствует о том,] что БП [Псалт.Б.-С.] имеет связь с глаголической системой правописания» (Тодоров 1990, 52).

1.4.3. Буква *ѣ* в рефлексах **tert/*telt*

При обозначении рефлексов сочетаний **tert/*telt* в Псалт.Б.-С.³ случаев полногласия нет. Буква *е* в сочетании *ре* пишется девять раз: *законопрестоуплениѣ* 13 об., *престани* 13 об., *потреблтсѣ* (так, без еря) 13 об., *потреблтсѣ* 15, 15 об. (2 раза), *врема* 14, *премудрости* 15, *превзидоша* 16, буква *ѣ* — шесть раз: *законопрѣстоупъници* 15 об., *прѣвзнослаца* 15 об., *врѣма* 16, *брѣма* 16 об., *прѣдѣ* 16 об.

1.4.4. Обозначение рефлексов **tj, *dj*

Как в Псалт.Б.-С.¹ и Псалт.Б.-С.², в Псалт.Б.-С.³ рефлекс **tj* передается согласно южнославянской норме: *творѣщимъ* 13, *творѣщюму* 13 об., *тѣрѣщии* 13 об., *прѣвзнослаца* 15 об., *вѣслаца* 15 об. Рефлекс **dj* дважды обозначен согласно древнерусскому узусу с помощью *ж*: *вижѣ* 15 об., *хожахѣ* 16 об. Других примеров фиксации рефлекса **dj* в Псалт.Б.-С.³ нет.

1.4.5. Буквы гласных в начале слога

Буква *а* в начале слога отмечена один раз, причем над ней поставлен диакритический знак: *оубогаѣго* 14. Примеры употребления букв *о/е* (ѣ) или *оу/ю* в Псалт.Б.-С.³ отсутствуют.

¹³³ Nuorluoto 1994, 73–78 (об употреблении букв носовых в старославянских рукописях после палатальных и шипящих), 92–94 (об употреблении букв *ѣ* : *Ѧ*, *а* : *ѧ* : *Ѩ*), 104–106 (об употреблении букв *Ѣ* : *Ѥ*, *оу* : *ю*) (описание материала, примеры, ссылки на источники, литература).

1.4.6. Варианты *w* — *o*, *ou* — *ŝ* — *y*, *u* — *ī*

Буква *w* отмечена один раз в предлоге *w̄* 15, буква *ŝ* — один раз в конце стиха: *отъна/дѣтъ* 13. Буква *ī* пишется в двух вариантах, *ī* и *ĩ*, причем только в конце строки или стиха: *лоукавьноующї/имъ* 13, *лоукавьноватĩ* / 13 об., *грѣшьнїка* / 13 об., *грѣшьниці* / 14, *неї* / 15, *кедрї* / 15 об. Написания буквы *ī* (*ĩ*) именно в конце стиха, а не просто строки, то есть когда справа остаётся достаточно места до правого края листа, свидетельствуют, что употребление «узких» вариантов графем связано не с практической экономией пергамена, а с намерением графически маркировать в прямом смысле маргинальные элементы письменного текста.

1.4.7. Диалектные особенности

В *Псалт.Б.-С.*³ отмечено неразличение аффрикат *ч* и *ц*: *правдѣннчч* (*же наслѣдѣтъ землю*) 15.

1.4.8. Описки

Пропущенные буквы: *въ роуко* 15 об., *правнѣнимъ* 16; графическая ассимиляция: *ищазающе* 14 об.; написание буквы под влиянием другой морфемы: (*не видѣхъ* [...] *семени єго*) *прослще* (*хлѣба*) 14 об. (если это не свидетельство развития деепричастий).

1.5. Графика и орфография правленных текстов и маргиналий

1.5.1. Древнерусская правка

Как уже было сказано, над *Псалт.Б.-С.* работали три основных писца, после которых выцветший текст поновлялся русскими и сербскими правщиками в двенадцатом и тринадцатом веках (Lunt 1976). Кроме того, первоначальный текст трёх основных писцов прошёл проверку на предмет пропусков, в ходе которой пропущенные фразы были вписаны, как правило, более мелким и аккуратным почерком между строк либо на свободной левой части строки. Бесспорно рукой правщика вставлен текст на лл. 38 об., 114 об., 127 об., 130 об., sin. slav. 6/N 3. Графико-орфографическая система, которой владел редактор, отличается от почерка трёх основных писцов *Псалт.Б.-С.* Показательны следующие вставки: *Посѣлѣтъ слово своѣ и растаѣтъ ѿ* 130 об. (в *Псалт.Б.-С.*¹⁻³ не употребляется буква *л* для обозначения исконно палатального *l'*, не отмечено ни одной восточнославянской

огласовки в приставке *ros-*, отсутствуют формы с *ъ* во флексиях мягких типов именного и местоименного склонений); *и роздроушилъ ны ѣ/си* ∴ 38 об. (второй раз употреблена форма с восточнославянским *roz-*; элемент *ъ* написан с высокой мачтой, как обычно в конце строки); *Тобъ ѡставлєнъ ѣсть нищии* ∴ sin. slav. 6/N 3 (единственный в *Псалт.Б.-С.* случай употребления *о* в корне личного местоимения второго лица). Для датировки вставок может иметь значение то, что буква *ъ* написана с высокой мачтой, а горизонтальная черта лежит на верхнем уровне строки, буква *ѡ* употреблена не в предлоге *отъ*, ее средняя часть доходит до среднего уровня строки. Такие начертания становятся распространенными в древнерусских рукописях только в двенадцатом веке, однако они встречаются и в основном тексте *Псалт.Б.-С.*

На л. 60 повторно написан 151 псалом — также древнерусским писцом; этот текст датирован Г. Лантом двенадцатым веком. К числу характерных поздних начертаний относится *ъ* с высокой мачтой и верхним расположением горизонтальной черты, а также буква *ѡ* со средней частью, доходящей до середины строки, при том, что дуги буквы *ѡ* сходятся к центру. Отмечено два примера с пропущенным *ь*: *Мний, кто*. Йотированные буквы употребляются только в начале слога: *моѣи, ѣго, братиѣ моѣ* и др. После *ц* один раз написан *л* (*овъцѣл*), два раза — *а* (оба раза в форме *оѣа*). После *ш* один раз написана *а*: *сѣ/ставиша*, после *щ* — *ю*: *щюжеплеме/ньникоу*. В последнем написании отмечается также единственный пример восточнославянского обозначения рефлекса **dj* и один из двух примеров рефлекса **telt*, второй случай — *ѣзвлекъ*. На л. 60 об. используются два надстрочных знака — точка и апостроф, функционально они не различаются и ставятся над всякой буквой гласного переднего ряда, йотированной или нейотированной, если она употреблена в начале слога (примеры см. выше). Один раз точка поставлена для обозначения неэтимологического гласного: *псалтърь*. Приведенные данные подтверждают датировку вставки двенадцатым столетием.

Древнерусские приписки отмечены на лл. 4, 6 об., 10 об., 11, 20, 20 об., 25, 27 об., 28, 32 об., 35, 38 об., 39, 39 об., 40, 40 об., 45, 49, 57 об., 58, 61, 69 об., 70, 93, 99, 100 об., 119 об., 123, 123 об.; sin. slav. 6/N: лл. 3, 7, 8 об., 9. Кроме того, на л. 24 над основным текстом с трудом читается полустертая надпись, и еще одна древнерусская надпись имеется на л. 43 об. Из языковых особенностей древнерусских приписок выделяются характерные восточнославянские формы (*потръблѣ*) *ъ* 99, *тобъ* sin. slav. 6/N 3. Показательна форма *приближатцѣ* 1 об. (наведённые буквы подчёркнуты), отражающая ассимиляцию *t* и *s*, которая в результате утраты слабого редуцированного привела к появлению аффрикаты.

1.5.2. Сербская и македонская правка

Согласно Г. Ланту (Lunt 1976), поновление выцветшего текста *Псалт.Б.-С.* делалось древнерусскими (XII в.) и сербскими (XIII в.) книжниками. Южнославянская правка отмечается на лл. 2 об., 3, 3 об., 4, 6, 11, 19 об., 20 об., 21, 25 об., 27 об., 28, 28 об., 34, 43 об., 75 об., 76; sin. slav. 6/N: лл. 1, 2, 3 об., 4 об., 5 об., 6 об. Выцветший текст наведён или написан на верхних полях заново на л. 5 об. sin. slav. 6/N. Гипотеза о сербском происхождении правщиков была высказана на основании одноеревой графики поновленного текста: *въ вѣкъ* 105 об.; *твоиѣъ* 106 об. и др., рефлексии ϵ (л) как e (е): *въ вѣмѣ* 51; *посрамлютъсе* 19 об. и др., мены γ на i : *бистъ* 105 об.; *оуслиша* 105 об. и др. Сербская фонетика звучит в небрежно написанной маргиналии на верхнем поле л. 28, представляющей неточную цитату из Ин. 10:9: *азъ есъ (так!) дврѣ (так!) мною аще кътъко (так!) вънидѣть (так!) / изидеть ѿ пажит (так!) вбрѣщеть.*

Написание (*избави ме*) *из-д-ракъ* (*ерѣ/шьнааго*) 50 об. позволяет уточнить диалект по крайней мере одного из правщиков. Рефлексия $\rho \rightarrow a$, $\epsilon \rightarrow e$ и одноеревая графика характерны для рукописей тринадцатого века и более младших, написанных в македонском ареале: *Врачанского евангелия*, *Хлудовского паримийника* и *Македонского евангелия* попа Йована¹³⁴. При локализации диалекта южнославянского правщика (или одного из правщиков) *Псалт.Б.-С.* нужно исключить не только Сербию, но и северную Македонию. Орфографии рукописей северной Македонии в тринадцатом веке была свойственна мена γ на o (Бицевска 1989, 25–31), что не наблюдается в южнославянской правке *Псалт.Б.-С.* Написание *из-д-ракъ* опровергает гипотезу, согласно которой «поновлявший текст писец мог и не быть этническим сербом, а только восточным славянином сербской книжной ориентации» (Страхов 1994, 226), тем более, что для двенадцатого — тринадцатого веков такая «ориентация» нехарактерна.

К сожалению, многие маргиналии не читаются на фотокопии, настолько сильно выцвел текст. Среди читаемых знаков на полях интересно отметить три примера написания на левом поле глаголической ϕ (a) sin. slav. 6/N 12, 12 об., 15.

1.6. Выводы

Языковые данные, касающиеся как диалектов основных писцов *Псалт.Б.-С.*, так и её правщиков, не позволяют ответить на вопрос,

¹³⁴ Мирчев 1963, 99–100 (сведения о рукописях); Конески 1981, 46–48 (данные современных македонских говоров с рефлексией $\rho \rightarrow a$).

в каком регионе Древней Руси была написана *Псалт.Б.-С.* и как она затем попала на юг славянского мира. Не исключено, что *Псалт.Б.-С.* была создана вообще за пределами Руси, например, в одной из славянских общин Афона, Константинополя, Олимпа Вифинского или Синая. В этом случае опыт графико-орфографического описания *Псалт.Б.-С.* позволяет расширить наши представления о возможности неофициальных культурных контактов среди средневековых славян в международных монашеских общинах и других центрах общения православного монашества. В пользу синайского происхождения *Псалт.Б.-С.* говорят не только многообразные диалектные черты, отразившиеся в рукописи, — они относятся едва ли не ко всему культурному ареалу средневековой *Slavia Orthodoxa*, — но и сама история памятника, который до второй половины девятнадцатого века целиком хранился именно на Синае.

Описание языка *Псалт.Б.-С.* позволило получить новые данные по исторической фонетике русского языка древнейшего периода, к числу которых относятся, прежде всего, примеры древнейшей фиксации «нового *ъ*», которые стоят в одном ряду с другими аналогичными примерами, выявленными в разных почерках древнейшего списка *Учительного евангелия* Константина Болгарского. Установлено, что основные писцы *Псалт.Б.-С.* ориентировались на достаточно древний книжный узус, отражающий раннюю стадию утраты слабых еров, случаев вокализации сильных еров в *Псалт.Б.-С.* не обнаружено. Примеры «нового *ъ*» в *Псалт.Б.-С.* и *Учит.ев.* не только удревяют почти на полстолетия датировку этого явления, но и доказывают, что утрата слабых еров проходила через стадию утраты слоговости, причём уже на этой первой стадии процесса происходили явления компенсационного удлинения в предшествующем слоге, вызвавшие появление «нового *ъ*».

Падение редуцированных уже на начальном этапе утраты слоговости вызвало, помимо прочего, изменения в слоговой структуре словоформы, когда слог перестал быть изолированной единицей и открылись возможности для межслогового взаимодействия и межслововых ассимиляций (как известно, до падения еров ассимиляции распространялись только на безъеровые приставки на *з-*, благодаря чему были возможны форма типа *бещадѣж* и под.). Закономерно поэтому, что в рукописи, отражающей древнейшие примеры «нового *ъ*», отмечена также древнейшая фиксация межслогового тембрового взаимодействия в форме *стюденьць*. Достоверность этих данных обеспечивается многоуровневым анализом графики и орфографии *Псалт.Б.-С.*, с учетом классификации описок, которые не позволяют как-либо иначе объяснить рассмотренные явления.

В *Псалт.Б.-С.*¹ выявлены приёмы графической эмфазы и графической редукции, выделяющие начало и конец строки и стиха, эти

приёмы не связаны с экономией места. К числу ранее неизвестных приемов маркирования начала строки в *Псалт.Б.-С.*¹ относится употребление *w* и надстрочных знаков над буквами гласных в неприкрытых слогах, к числу неизвестных приемов графической редукции относится употребление нейотированного *e* в конце строки и стиха в *Псалт.Б.-С.*² в словах славянского происхождения. Совокупность графико-орфографических данных в сопоставлении с показаниями других рукописей, прежде всего инновации в последовательной русификации рефлексов **dj* и **tert*, формы с «новым *ъ*» и межслоговая ассимиляция согласных по мягкости заставляют согласиться с менее древней, чем одиннадцатый век, датировкой рукописи, и отнести её к концу (последней четверти) одиннадцатого — началу (первая четверть) двенадцатого века.

Комплексный анализ графико-орфографических систем *Псалт.Б.-С.* показал, что в рукописи нет таких явлений, которые можно было бы объяснить прямым влиянием южнославянских протографов. Более того, складывается ясное представление, что графико-орфографические системы, которыми пользовались основные писцы, свободны от прямого влияния южнославянских оригиналов и сложились в результате индивидуального осмысления не протографа, а в целом южнославянского и раннедревнерусского письменного узусов. В связи с этим становится безосновательным предположение о глаголической традиции, сказавшейся в *Псалт.Б.-С.*, которому придавалось большое значение: эта гипотеза позволяла далее доказывать южнославянское происхождение второй редакции Псалтири, древнейшим представителем которой является *Псалт.Б.-С.* Орфография памятника не даёт для этого никаких оснований: текстологическая преемственность второй редакции славянской Псалтири по отношению к южнославянским протографам либо отсутствует, либо не проявляется в письменном узусе. Этим *Псалт.Б.-С.* отличается от представителей двух других древнерусских свидетелей истории текста славянской Псалтири, *Псалт.Чуд.* и *Псалт.Евг.*, которые восходят, соответственно, к восточно- и западноболгарской традициям, что отражается как на текстологическом, так и на языковом, включая орфографический, уровнях. Орфографический узус, отражающий в ряде случаев текстологическую преемственность, позволяет судить о возможном древнерусском происхождении «второй редакции» Псалтири, представленной *Псалт.Б.-С.* и рядом других древнерусских рукописей.

Псалт.Б.-С. — единственная рукопись одиннадцатого — начала двенадцатого веков, над которой работали носители разных восточнославянских диалектов. Поздняя восточнославянская, македонская и сербская правка отражает проницаемость культурных границ и интенсивность книжных связей внутри средневековой *Slavia Orthodoxa*.

II. Обозначение тембровых оппозиций в древнерусской орфографии одиннадцатого — начала двенадцатого веков

2.1. Вступительные замечания

Тембр был одной из важнейших характеристик позднепраславянской фонологической системы. Более высокий, дизонный, характер звучания гласного или согласного образуется за счет дополнительной артикуляции спинки языка в области твердого нёба, в результате чего сокращается объем ротового резонатора и происходит повышение тона звучания. Так образуются п а л а т а л и з о в а н н ы е, д и е з н ы е, звуки, которым противопоставляются звуки бемольные, с более низким тембром звучания. При их образовании объем ротового резонатора увеличивается или за счет лабиализации, или в результате сдвига массы языка назад, в область мягкого нёба, что способствует понижению тона. В случае артикуляции языка назад происходит рефлекторное напряжение нёбной занавески (лат. *velum*), поэтому такие б е м о л ь н ы е звуки называются в е л я р и з о в а н н ы м и. По отношению к праславянскому состоянию вслед за А. А. Шахматовым используется также термин л а б и о в е л я р и з а ц и я:

«Умышленно употребляю болѣе сложный терминъ „лабиовеляризація“, не опредѣляя въ каждомъ случаѣ, имѣемъ ли мы дѣло съ приспособленіемъ согласныхъ къ произношенію лабиализованныхъ гласныхъ или съ приспособленіемъ ихъ къ произношенію гласныхъ задняго ряда» (Шахматовъ 1915, 62).

Наличие лабиовеляризации и веляризации согласных в праславянском языке доказывается на материале явлений современных славянских языков и диалектов, отражающих более древние процессы межслогового взаимодействия — аккомодации с последующим качественным изменением — гласных с согласными¹³⁵.

¹³⁵ Шахматовъ 1915, 60–63 (данные чешского, словенского и сербскохорватского языков); Калнынь 1994 (статья «Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме»; литература).

Во многих славянских языках тембровые различия согласных звуков по признаку дизности — недизности легли в основу корреляции по мягкости — твёрдости, которой в фонетике славянских языков придаётся «классифицирующее значение [...] наличие такой корреляции принято считать типологическим знаком радикальной консонантности идиома» (Калнынь 2002, 92).

В древнерусской орфографии тембровые противопоставления отражались в закономерностях употребления букв *а, ѡ, е, ѣ; оу, ю; ѣ, ѡ* после согласных и особых диакритических знаков.

2.2. «Полумягкость» и «вторичное смягчение полумягких»

Закономерности употребления букв *а, ѡ; е, ѣ; оу, ю; ѣ, ѡ* после согласных, кроме шипящих и аффрикат¹³⁶, в восточнославянских памятниках одиннадцатого — двенадцатого веков с фонологической точки зрения часто объяснялись с точки зрения теории праславянской полумягкости согласных и раннедревнерусского вторичного смягчения полумягких¹³⁷. *П о л у м я г к о с т ь* определяется как «незначительная степень палатальности» (Громова 1981, 20): считается, что хотя в праславянском языке артикуляция согласного перед гласными переднего ряда

«менялась, но согласные не получали той йотовой артикуляции, которая характерна для мягких, то есть при их произношении в меньшей степени поднималась спинка языка к твёрдому нёбу» (Иванов 1983, 93).

Функция йотированных букв в древних славянских письменных памятниках определяется в рамках теории полумягкости по аналогии с современными восточнославянскими языками, где буквы *е, ю, я* обозначают мягкость предшествующего согласного. Начиная с известной статьи Л. Л. Васильева (1913), ставшей орфографическим обоснованием

¹³⁶ Особенности употребления букв *а, ѡ; е, ѣ; оу, ю; ѣ, ѡ* после шипящих и аффрикат рассмотрены выше в связи с описанием графико-орфографических систем *Псалт.Б.-С.*

¹³⁷ Грамматика 1995, 30–31; Иванов 1983, 93; Калнынь 1956, 120–150; Калнынь 1961, 8 и далее; Бернштейн 1961, 238–239; Колесов 1980, 83–97; Хабургаев 1997, 60–64; иначе: Kiparsky 1963, 114–117; Koschmieder 1966; Schmalstieg 1995, 27; Касаткин 1999, 143–145; ср. Галинская 2015, 56 (полумягкостью называется «артикуляционная аккомодация согласных перед гласными переднего ряда»), 83 («В учебники по истории русского языка обычно включается вопрос о „вторичном смягчении полумягких“. Под этим понятием подразумевается процесс превращения полумягких согласных в мягкие, то есть в палатализованные согласные. Следует, однако, осознавать, что, строго говоря, изначальное качество согласных перед гласными переднего ряда нам неизвестно»).

для теории А. А. Шахматова (1915, 59–60, 125–126) о полумягкости и вторичном смягчении праславянских полумягких, считается, что в рукописях, в которых обозначалась мягкость согласных, йотированные гласные буквы последовательно употреблялись после букв *p, л, н, с, з*, обозначавших так называемые «исконно мягкие» согласные, возникшие в результате первой, второй и прогрессивной палатализаций заднеязычных и йотовой палатализации сонорных. Так, в *Остромировом евангелии* известно в общей сложности 43 написания с *ѣ, ѣа* после *p, л, н, с, з*, обозначавших мягкие согласные (в остальных случаях пишется *а*), например, *хоулаѣахъ* 179 об., *всакого* 2, *поустыниа* 98 об. и т. п. В *Изборнике Святослава 1073 г.* подобные примеры также находятся в большом количестве: *не / срамлѣѣисл* 292 (48в), *о нѣмъже* 364 (84г), *бѣемлѣ* 364 (84г), *бѣта/вѣлѣѣштаѣго* 365 (85б) и т. д. Большой материал дают также сборник *13-ти слов Григория Богослова (Гр.Наз.)*, *Пандекты Антиоха (Панд.Ант.)*, *Синайский патерик (Пат.Син.)*, *Чудовская псалтырь (Псалт.Чуд.)* и ряд других рукописей одиннадцатого и двенадцатого веков, подробно изученных с этой точки зрения¹³⁸. Как было сказано выше, буква *ѣ* часто, 35 раз, пишется после «мягких» *л, н* в *Псалт.Б.-С.*². Мягкость *л, н*, а также *p*, могла передаваться и с помощью особой диакритики (Гольщенко 1987, 20–22).

Длительное время считалось, что только с конца одиннадцатого века, за редкими исключениями, йотированные буквы начинают использоваться после букв, обозначавших праславянские полумягкие, что объяснялось состоявшимся во второй половине одиннадцатого века вторичным смягчением древнерусских полумягких и появлением «силлабем», как их понимал Р. И. Аванесов (Аванесов 1970, 278–299), который, в отличие от автора термина, Р. О. Якобсона, не относил начало периода силлабем к праславянской эпохе.

Материал большого количества источников показывает, однако, что закономерности употребления йотированных букв в древнерусских памятниках одиннадцатого — двенадцатого веков сложнее, чем полагал Л. Л. Васильев: прежде всего, не только йотированные буквы, но и буквы *а, е* могли употребляться после *л, н* (из **lj, *nj*) и *с, з* (*s*) (из праславянских сочетаний **χ, *g* с гласными переднего ряда) как в памятниках, передающих мягкость *л, н* (из **lj, *nj*), а иногда *p* и даже *жд*, с помощью «крюка», так и в тех рукописях, где особая диакритика для выражения мягких согласных не использовалась. Как правило, в раннедревнерусских источниках мягкость согласных передавалась не везде одинаково последовательно, причем её обозначение

«проведено более последовательно в памятниках, употребляющих [...] или исключительно крюк или крюк наряду с йотированными буквами [...]

¹³⁸ Калнынь 1956, 138–145; Гольщенко 1987, 95; Живов 1996, 162–163.

В памятниках с крюками редки случаи написания йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости. В памятниках, передающих мягкость с помощью йотированных букв, обозначение мягкости проведено менее последовательно. Здесь шире известно употребление йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости» (Калнынь 1956, 138–145).

Среди раннедревнерусских памятников есть и такие, в которых «исконная мягкость» вообще не обозначается: после согласных в соответствии с *a* в рефлексах сочетаний с **Cja* и **Cje* пишется *а*, в соответствии с *e* в рефлексах сочетаний **je* — *e*, а буквы *ѧ*, *ѥ* употребляются для обозначения соответствующих йотированных гласных в неприкрытых слогах. К таким рукописям относятся *Изборник 1076 г.*, третий почерк *Синайского патерика*, *Юрьевское евангелие 1120 г.* и ряд других рукописей¹³⁹, а также *Псалт.Б.-С.*¹ и *Псалт.Б.-С.*³ Тенденция необозначения палатальности распространена в славянских памятниках¹⁴⁰, а по замечанию Н. Н. Дурново, основополагающее для теории полумягкости

«предположение Л. Л. Васильева, что в произношении некоторых писцов согласные перед *а* не были мягки, основано на ошибочном толковании правописания памятников» (Дурново 2000/1924–1927, 409).

Во многих рукописях одиннадцатого века, передающих мягкость *л*, *н*, *р*, *с*, *з* (*s*) с помощью йотации, встречаются случаи написания йотированных букв не только после «исконно мягких» *л*, *н*, *р*, *с*, *з* (*s*), но и после согласных букв, обозначающих так называемые «полумягкие». В датированных рукописях середины — третьей четверти одиннадцатого века такие написания, как правило, единичны: так, в *Остромировом евангелии* — шесть таких примеров: *бѧахѧ* имперф.

¹³⁹ Калнынь 1956, 145; Голышенко 1987, 57.

¹⁴⁰ Lunt 1949, 82–93; Успенский 2002, 163 («Коль скоро обозначениями палатальных сонорных не учили в процессе обучения чтению, употребление соответствующих обозначений было связано с профессиональными навыками писцов [...] есть целый ряд рукописей, где такие обозначения вовсе отсутствуют; это может указывать не на то, что соответствующие формы отсутствуют в книжном или разговорном произношении писца, а на то, что в данном скриптории этому не обучали»); Живов 2006, 158 («один и тот же писец мог пользоваться более, чем одним способом обозначения палатальных [...] Набор способов обозначения оказывается индивидуальным параметром [...] нет возможности считать какой-либо способ обозначения стандартным и интерпретировать отклонения от него как фонетически значимые [...] Обозначение палатальных сонорных было специальным умением, не необходимым для работы переписчика. Многие писцы палатальные сонорные вообще никак не обозначали, и это вовсе не свидетельствует о том, что соответствующей оппозиции не было в их живом или книжном произношении»).

3 л. мн. ч. 3 об., 11, *хотѣаше* 18, *идѣаше* 4 об., *идѣаста* 5 об., *видѣахоу* 16; в сборнике *13-ти слов Григория Богослова* известно одно написание: *въликъши*¹⁴⁰ 152 (204а). Аналогичные формы встречаются также во фрагментах *Жития Феклы (идѣахоу 16) живѣаше* 26, *ѣдѣаше* 26) и в *Листке Викторова (хо(?)тѣаху 16)* (Тот 1985, 95, 157, 159–160).

Значительно больше таких написаний в новгородской ноябрьской служебной минее 1097 года, наблюдаемых, правда, на коротком фрагменте текста: *приходящимъ* Мин.ноябрь 280 (5), *оукротѣице* там же, *сѣдѣаго* там же (5 об.), *сѣтѣажомъ* там же (5 об.), *тѣ* там же (5 об.) и т. д., всего более 20 примеров¹⁴¹, которые уже нельзя считать единичными исключениями рукописей второй половины одиннадцатого века, когда должно было произойти так называемое «вторичное смягчение полумягких»¹⁴². Более того, среди памятников одиннадцатого века выделяется целая группа источников, в которых йотированные буквы часто используются не после *л*, *н*, *р* (из *lj, *nj, *rj) и *с*, *з* (s), обозначающих рефлекс праславянских палатализаций. Так, в *Архангельском евангелии*, наряду с последовательным обозначением *л*, *н* (из *lj, *nj) — *римланъна* 137, *крѣтѣла* 82 об., *нижньнаго* 119 и т. д. (Калнынь 1956, 140) — являются обычными написания типа *мѣ*, *времѣ*, *имѣ*, кроме того, отмечены примеры типа *блудѣ* 17, *идѣаста* 83, *оуѣтъно* 114, *беремѣ* 139, *исходѣаше* 150, *мажкѣ* 154, *по пенѣзю* 159¹⁴³.

Учитывая, однако, вероятную более позднюю датировку *Архангельского евангелия*, о которой шла речь выше (первая половина двенадцатого века) (Лифшиц 2011), необходимо обратить внимание на примеры из существенно более ранней *Путятиной минеи*: *въсплѣскаша* 12, *колѣсе* 12 об., *плѣтоша* 23, *апостолѣ* 31, 35, *кѣкноу* 87 об., *дѣлѣсемъ* 37, всего тринадцать написаний (Калнынь 1956, 145). По мнению В. В. Колесова, эти примеры отражают «вторичное смягчение полумягкого» [l'], которое предшествовало смягчению остальных полумягких, так как, наряду с [r'], [n'], [s'], [z'], у этого звука была мягкая пара (Колесов 1982, 85). Этого, однако, нельзя сказать про написания *Минеи Дубровского*:

ѡжѡдорѣ 293 (1)¹⁴⁴, 295 (2), 297 (3), 298 (3 об., 2 раза), 299 (4), 305 (7), *прѣм./ждрѣ* 293 (1), *прѣмоудрѣ* · / 308 (8 об.), *обѣлѣлѣста* 294 (1 об.), *ѡѡдорѣ* (1 об., 3 раза), *чждѣсъ* 294 (1 об.), *чоудѣсъ* 295 (2), *чждѣсъми* 296 (2 об.),

¹⁴¹ Калнынь 1956, 145; Колесов 1980, 86.

¹⁴² Грамматика 1995, 30–31; Иванов 1983, 93; Калнынь 1956, 120–151.

¹⁴³ Калнынь 1956, 142; Дурново 2000/1923–1924, 356–357.

¹⁴⁴ Фолиация указывается в скобках в соответствии с нумерацией, принятой в фототипическом издании *Мин Дубр.*

просташиимъ 296 (2 об.), *вѣлиа* там же, *оуазважмъ* 296 (2 об.), *молиста* 297 (3), *вѣликааго* 297 (3), *принесеъ* 304 (6 об.), *та* там же, 307 (8), 308 (8 об., 2 раза), 320 (14 об.), *мла* 308 (8 об.), *изаитъне* 308 (8 об.), *вѣльнчимъ* 310 (9 об.), *гоуба/ште* 312 (10 об.), *изаитънаго* 316 (12 об.), *приближивста* там же, *съобразоул/ста* 319 (14), *зж/млю* 319 (14), *превзидъ* 320 (14 об.), ср. также *въ нѣмъжжъ* 295 (2), *свѣжнала* 296 (2 об.), *съкроушжнокъ* 296 (2 об.), *прѣблажжнѣ* 296 (2 об.), *дѣцъ* 302 (5 об.), *жжъ* (частица) 310 (9 об.), 314 (11 об.), *огражнала* 311 (10), *вдцицъ* 312 (10 об.).

Эти многочисленные примеры свидетельствуют о функциональном тождестве букв *л* — *ла* и *е* — *еъ* в позиции после букв согласных. Йотированные буквы после букв согласных употребляются в большом количестве в *Пандектах Антиоха* вне зависимости от происхождения согласного, причём все пять писцов этой рукописи (Popovskij 1989, 45) допускают значительные колебания в использовании йотации. Особенно это касается второго писца, написавшего большую часть рукописи (198 лл.), орфография которого варьируется значительно, чем у остальных четырех писцов (Popovskij 1989, 48–50, 93–96). Так, на написанных вторым писцом *Пандектов Антиоха* лл. 18 об.-29, 32–64 отсутствует йотация букв *е*, *л*, *а*, на лл. 123–164 буквы *еъ*, *е* и *лѣ*, *л* хотя и употребляются, но без каких-либо закономерностей (Popovskij 1989, 50–51). Буква *ла* только на лл. 18 об. – 26 об. (в так называемой одноеровой части рукописи) 76 раз написана после букв согласных, причем не только после *р*, *л*, *н*, *с*, *з*:

сътажите 186, 24а, *присваноухъ* 196, *драселоуа* 296, *драхлобльшьн* · 206, *важла* 21а, *сътаживъ* 23а, *проклатъ* 23а, *градоуитиухъ* 24а, *сътажите* 25а, *възлати* 256, *хоташтеи* 25а, *хоташтоумоу* 236, *люблаи* 26а, *насытатъ* 226 и т. д.¹⁴⁵

Интерпретация фонологического значения йотированных гласных с позиций теории полумякости согласных, хотя и неоднократно применялась в лингвистическом описании отдельных рукописей (Зубова 1975, 13–25), уже давно вызвала сомнения у исследователей (Булаховский 1965, 62–63), поскольку

«очевидно, что опубликованные в печати сведения относительно различения писцами рукописей XI–XII вв. исконной мягкости и полумякости согласных не являются надежной основой для определенных выводов» (Малкова 1980, 81).

Возможно, понимая это, автор теории праславянской полумякости А. А. Шахматов не опирался на данные письменных источников и относил вторичное смягчение к праславянской эпохе (Шахматовъ 1915,

¹⁴⁵ Тот 1985, 80–81, 149–150; Калнынь 1956, 142.

125–127), а В. В. Иванов, учитывая сложность вопроса и непоследовательность письменных данных, попытался освободить нижнюю грань относительной датировки явления от зависимости от письменных данных, полагая, что «полумягкие приобрели полную степень мягкости [...] приблизительно к середине XI в.» (Иванов 1968, 192). Известно, что для того, чтобы языковое явление нашло себе место на страницах рукописей, то есть получило бы право на существование в книжном языке хотя бы на правах ошибки — отклонения от нормы, оно должно какое-то время прожить в разговорном языке. Поэтому единичные, но всё же убедительные примеры употребления йотированных букв после согласных букв *д, т, м, б* только лишь в *Остромировом евангелии* и *Изборнике Святослава 1073 г.* (см. Wiĵk 1934) должны были бы свидетельствовать о более раннем, чем вторая половина одиннадцатого века, начале периода силлабем, как их толковал Р. И. Аванесов, то есть о «вторичном смягчении полумягких» в период более ранний, чем тот, от которого до нас дошли древнейшие восточнославянские письменные памятники¹⁴⁶.

Этому выводу, однако, противоречат данные *Мстиславовой грамоты ок. 1130 г., Галицкого евангелия 1144 г.* (Блохина 1976, 21) и *Псалт.Б.-С.²*, где йотированные буквы без исключений употребляются только после «мягких» *л, н* (из **lj, *nj*). Анализ орфографии *Троицкого сборника XII–XIII вв.*, в котором «коэффициент выраженности» при обозначении палатальных сонорных составляет 98 %, показал,

«что еще в конце XII — начале XIII в. оппозиция палатальных и непалатальных сонорных в восточнославянских говорах продолжала существовать [...] палатальные сонорные исчезают тогда, когда появляется фонологическое противопоставление твердых и мягких согласных» (Живов 2006, 169–170)¹⁴⁷.

Одной из главных причин противоречивого объяснения орфографических данных является неопределённость в понимании терминов «мягкость» и «полумягкость» по отношению к позднепраславянскому и древнерусскому периоду. Вместо этих терминов предлагалось использовать более корректные с фонетической точки зрения понятия «фонетическая» и «фонематическая мягкость» (Калнынь 1961, 18 и далее). Действительно, типологически поле варьирования согласных

¹⁴⁶ Голышенко 1987, 132 («вторичное смягчение согласных произошло раньше того времени, от которого дошли до нас древнейшие письменные источники»).

¹⁴⁷ Ср. приводимое В. М. Живовым (2006, 170) наблюдение С. Л. Николаева, что в псковских говорах прояснение **ь* перед мягкими сонантами (из **lj, *nj* и новых йотованных) происходило иначе, чем перед теми же сонантами, но не исконно палатальными (Николаев 1988, 121,125).

перед гласными переднего ряда велико, от невеличаризованных твердых¹⁴⁸ до заднепалатальных заднеязычных типа русских и украинских диалектных [к'], [г'], русских диалектных [с^{х'}], [з^{у'}] и польских [с'] [dz'] и фрикативных [s'], [z']¹⁴⁹. В сравнительных исследованиях указывалось, что русские палатализованные звучат мягче, чем болгарские (Громова 1981, 39–40). Типологической моделью праславянского консонантизма с частично палатализованными могли бы быть украинские согласные, имеющие три степени смягчения в зависимости от качества самого согласного и последующего гласного (Мова 1969, 178–179, 182), тем более, что палатализованность украинских заднеязычных перед [i] оценивается как *напівпом'якшеність* (Шило 1948, 230), однако все эти различия имеют только фонетический, позиционный характер (Мова 1969, 224, 239).

Богатый материал относительно разной степени мягкости согласного представляет литовский язык, где один и тот же согласный, в зависимости от качества следующего гласного, может иметь две степени палатализации:

«Мягкость литовских согласных [...] на акустическом уровне определяется качеством следующего гласного [...] В случае ассимилятивного смягчения согласного степень его палатализации возрастает от позиции перед более задним гласным к позиции перед более передним [...] В тех же случаях, когда мягкость согласного является его собственным качеством, признаки палатализации ярче выражаются в слогах с более задними гласными, восприятие мягкости определяется выраженностью слоговых контрастов» (Балшайтите 1987, 16)¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Касаткин 1999, 167–170 (обоснование гипотезы о «полумягких» согласных в ряде северновеликорусских говоров как о древнем — позднеславянском? — наследии; литература).

¹⁴⁹ Чекман 1979, 47–49; Пауфوشима 1961, 74–77; Czекman, Smułkowa 1988, 261–263; ср. Касаткин 1999, 151 («Разница между твердыми и полумягкими переднеязычными зубными согласными [в говоре деревень Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области] невелика: и те, и другие обычно не палатализованы и не величаризованы. Это их качество и производит впечатление немягкости и неполной твердости»), 185 («Артикуляционное исследование твердых согласных севернорусских говоров с точки зрения наличия или отсутствия у них величаризации не проводилось [...] Диалектные системы с переднеязычными апикальными и какуминальными согласными не только не развивают величаризации, но и палатализация в них развита гораздо меньше, чем в системах с дорсальными переднеязычными [...] На носителя литературного языка непалатализованные невеличаризованные согласные производят впечатление полумягкости. Так, по-видимому, и следует трактовать многочисленные примеры „полумягких“ согласных, отмеченные на территории Вологодской группы севернорусского наречия»).

¹⁵⁰ Ср.: Грамматика 1985, 3435; Otrębski 1958, 120, 309.

Подобно украинскому языку, в литовском различие в реализации признака палатализованности не является фонематически релевантным и определяется полем рассеивания, вариативностью одного и того же дифференциального признака — палатализованности, или мягкости, которая противопоставляется твёрдости, имеющей в литовском языке, как и в русском литературном, веляризацию в качестве дополнительной артикуляционной базы (или сопровождаемой интегральным признаком веляризации)¹⁵¹. Литовский и украинский материал подтверждает, что степень выраженности признака не может служить основой для его фонологизации, а именно это неоднократно предлагалось для праславянской фонетики в виде теории полумягкости как слабой палатализованности. Фонемное различие между так называемыми «полумяжкими» и «исконно мягкими» не было и не могло быть обусловлено степенью выраженности признака мягкости¹⁵², хотя обратное типологически возможно: согласно данным общей фонетики, сильнее выражается тот признак звука, который имеет фонематический статус (Зиндер 1979, 132).

В рамках представлений о «полумягкости» и «вторичном смягчении полумяжких» многообразие орфографических явлений, связанных с обозначением тембра, не получает убедительного объяснения. Содержащаяся здесь исключительно терминологическая проблема разрешается, если вместо терминов «полумяжкие» и «исконно мягкие» согласные использовать, соответственно, лингвистически корректные определения п а л а т а л и з о в а н н ы е и п а л а т а л ь н ы е согласные, что принято в целом ряде работ¹⁵³.

¹⁵¹ Гирденис 1983, 2–3, 26, 42; Грамматика 1985, 30, 39; Otrębski 1958, 119.

¹⁵² Ср. Калнынь 2002, 92–93 («предполагается, что сохранению позиционной по происхождению мягкости способствовало ее некоторое физическое свойство, а именно — усиление до уровня мягкости [...] В этом рассуждении появление фонологической категории ставится в прямую зависимость от интенсивности артикуляции мягкости [...] Это, конечно, неверно. Как показывает практика, мягкие фонемы в тех диалектах, где они имеются, достаточно широко варьируют высоту тона в зависимости от длины переходного (*i*-образного) участка и ядра гласного, следующего после согласного»).

¹⁵³ Brock 1911, 33–39 (артикуляционные характеристики славянских палатальных и палатализованных согласных в сопоставлении с твёрдыми); Wijk, van 1937; Wijk, van 1941; Ван-Вейк 1950; Журавлев 1961, 40–42; Журавлев 1963, 18; Успенский 2002, 159–163; Живов 2006, 151–177; ср. Koschmieder 1966; Schmalstieg 1995, 29 («originally there was a difference in the Slavic languages between those consonants *palatalized* by a following **j* and those consonants *softened* by a following front vowel. There was a tendency in the East and West Slavic languages to soften consonants by following front vowels»); ср. Галинская 2015, 57.

2.3. Типы согласных в сочетаниях с гласными

Как известно, в результате праславянских переходных смягчений заднеязычных и после йотовой палатализации в славянских диалектах возник палатальный ряд (с известным региональным и хронологическим варьированием): *š', *č', *ž'; *ś, *ć, *ź'; *ǰ, *ǰ' (*g'; *ǰd'; *ž'; *z' или *ǰz'), *štš' (*k'; *št'; *c'; *c'); *j' *l', *ń; *ml', *pl', *bl' (или *m', *p', *b' в восточноболгарских диалектах, где предполагаются особые рефлексы йотовой палатализации)¹⁵⁴. У палатальных согласных их «йотовая» артикуляция является основной, а не дополнительной, как у палатализованных, поэтому палатальные иногда считаются нейтральными по признаку тембра («твёрдости — мягкости») и образуют особый локальный ряд, находясь со своими непалатальными оппонентами в одномерных эквиополентных оппозициях (Трубецкой 1960, 144–146) без образования тембровой корреляции (Horálek 1959, 57)¹⁵⁵. Высказывалось мнение, что палатальные потому сохранились в чешском языке, утратившем после тринадцатого века корреляцию согласных

¹⁵⁴ Калнынь 1961, 7; Чекман 1973, 35–39; иначе: Vondrák 1924, 377 («wir können doch bemerken, daß ein Denkmal desto häufiger das *l* anwendet, je älter es ist und je besser es den ursprünglichen Zustand der Sprache bei ihrer Fixierung als Schriftsprache bewahrt hat. Daraus schließen wir, daß das *l*-epenth. urspr. hier überall gebraucht wurde, wo wir es erwarten. Und da wir das Aksl. als einen bg. Dial. auffassen müssen, so folgt daraus, daß dies der ältere Zustand auch des Bg. überhaupt war»); Diels 1932, 131 (повтор мысли В. Вондрака об орфографической тенденции в старославянских рукописях, согласно которой *l*-epentheticum сохраняется лучше в более древних рукописях, чем в младших, и об утрате *l*-epentheticum в болгарском «durch eine jüngere Entwicklung»); Mareš 1969, 79 (об утрате *l*-epentheticum в древнеболгарском и в западнославянских языках как об инновации, а не об исконном рефлексе йотовой палатализации губных; там же литература), 100.

¹⁵⁵ Ср. иначе: Калнынь 1961, 9–11 и далее; Толстая 1977, 83–84 («условием типологического рассмотрения этой категории [палатальности] должно быть отвлечение от специфического для каждого языка физического содержания признака „палатальность“ [...] если мы пользуемся во всех этих случаях одним и тем же термином „палатальность“, то только потому, что мы обращаем внимание на функциональный (не фонетический, а фонологический) параллелизм отношений между парами твердых и мягких согласных. Проводимое в ряде работ вслед за О. Броком и Н. С. Трубецким разграничение „палатальных“ согласных [...] и „палатализованных“ не влечет за собой, как кажется, необходимости расщепления Д[ифференциального] П[ризнака] „палатальность“ на два самостоятельных признака, поскольку эти разновидности палатализации представлены в дополнительном распределении либо между разными языками, либо между разными сериями согласных в одном языке, так что в каждой отдельной оппозиции твердому согласному может быть противопоставлен либо палатальный, либо палатализованный коррелят, но не тот и другой одновременно»).

по твёрдости — мягкости, что они находились вне этой корреляции (Komarek 1954, 98). Неразличение структурных особенностей палатальных и непалатальных согласных, особенно значимых в исторической перспективе (Ван-Вейк 1950, 304–305), стало основой представления о «полумягкости», отличающейся от эталонной, «полной», мягкости палатальных.

Палатальный ряд составили согласные, с которыми должны были бы совпасть праславянские «полумягкие», однако в большинстве диалектов русского языка произошло обратное, то есть палатальные утратили свою основную артикуляцию и совпали с палатализованными, вступив в итоге в корреляцию по твёрдости — мягкости, хотя архаический палатальный ряд частично сохраняется в некоторых украинских и русских говорах¹⁵⁶. Если праславянские согласные перед гласными переднего ряда были на самом деле палатализованными, то остаётся неясным, почему только после совпадения с ними палатальных возникли силлабемы, то есть произошла фонологизация признака мягкости внутри слога. В этом случае начало периода силлабем — сочетаний согласного с гласным, нечленимых по признаку мягкость — твёрдость, — следовало бы относить к более раннему, чем считал Р. И. Аванесов, периоду, как это делал Р. О. Якобсон (Jakobson 1929, 31–32). Правда, Р. О. Якобсон не учитывал различий между палатальными и палатализованными согласными, что вызвало критику Н. Ван-Вейка (Wijk van 1941): развившиеся в результате ассимиляции с йотом согласные были нейтральными по признаку тембра, поэтому оказывалось, что праславянский сингармонизм, строго говоря, не был слоговым. Чтобы разрешить возникшее теоретическое противоречие, было предложено выделять три типа «группофонем» — неделимых по признаку тембра сочетаний согласного с гласным¹⁵⁷ — в праславянском языке после завершения палатализаций и до падения редуцированных: 1) нейтральные, представлявшие собой сочетания палатальных согласных с последующим гласным переднего ряда; 2) диззные, состоявшие, по В. К. Журавлёву, из сочетания палатализованного с последующим гласным переднего ряда; 3) бемольные, состоявшие из сочетания твёрдых согласных с последующим гласным переднего ряда.

Такая модель вызывает с нашей стороны одно возражение. Палатализованность всякого согласного перед гласным переднего ряда,

¹⁵⁶ Чекман 1973, 8; Чэкман 1970, 14–15.

¹⁵⁷ Журавлев 1961; Журавлев 1963; Журавлев 1965; Журавлев 1967; Журавлев 1969 (здесь мы не рассматриваем характерный для эпохи структурализма универсализм, свойственный теории группофонем, с помощью которой объяснялись практически все явления праславянской фонологии).

наличие которой доказывалось в целом ряде работ¹⁵⁸, для многих исследователей остаётся неочевидной¹⁵⁹. Наиболее обширный материал, доказывающий существование праславянских палатализованных, собран в работе (Калнынь 1961, 23–24), в которой описаны процессы в области вокализма, прошедшие в разных славянских языках под влиянием мягких согласных: так, например, в полабском языке перед согласными, за которыми в прошлом следовал слабый [ь], [ь] переходил в [ä], а [e] в [i] перед мягким согласным: *vāš* ← **vъszь*, *gribiň* ← **grebenъ*, аналогичные явления показаны на примере кашубского, польского, чешского, лужицких языков (Калнынь 1961, 23–24). Румынская палатализация согласных, возникшая, как считается, в результате славяно-романской языковой интерференции (романизация славян Дакии происходила после шестого века)¹⁶⁰, также является одним из доказательств праславянского непереходного смягчения (палатализации) незаднеязычных согласных перед гласными переднего ряда¹⁶¹.

¹⁵⁸ Мейе 1951, 71–83; Ван-Вейк 1950, 304–305; Wijk van 1937, 26; Wijk van 1934, 32–64; Horálek 1959, 53–57; Калнынь 2002, 92 («Появление мягких согласных в славянских языках/диалектах принято возводить к прасл. сингармонизму, при котором сочетание согласного с передним гласным унифицировалось по высоте тона. Эта унификация эксплицировалась палатализацией согласных, а позже также выражалась в образовании позиционной мягкости согласных перед гласными переднего ряда»).

¹⁵⁹ Koschmieder 1958; Koschmieder 1966; Phonologie 1967, 154 (выступление Ф. Мареша по докладу В. К. Журавлёва в связи с недоказанностью праславянских палатализаций губных и альвеолярных согласных); Mareš 1969, 26, 81 (выделяется три локальных ряда согласных: альвеолярные, палатальные, лабиальные; тембровые различия согласных считаются для системы консонантизма нерелевантными, из-за чего речи о них не идёт); Schmalstieg 1995, 27 («there was a tendency in the East and West Slavic languages to soften consonants by following front vowels» — показательное отсутствие южнославянских языков); Krajšović 1975, 55–58 (вопрос о непереходном позиционном смягчении праславянских согласных не рассматривается, утверждается, что смыслообразительную функцию по признаку тембра выполняли гласные); Бирнбаум 1986, 104 (о недоказуемости праславянской палатализации незаднеязычных; литература).

¹⁶⁰ Dindelegan 2013, 2 (славянские элементы «started to penetrate the language after the 8th century»), 3 («The beginning of the Slavic influence is placed by some researchers in the 6th—7th centuries and by others later, in the 8th—9th centuries. Old Slavic ceases to influence Romanian in the 11th—12th centuries»).

¹⁶¹ Чекман 1979, 111–112; Патруць 1968, 23–29; Петрович 1958, 5–38; Петрович 1959, 12–19; Rosetti 1973, 9, 65, 85–86; Shevelov 1965, 159–161; ср. Schmalstieg 2000, 34 (о трёх типах славянских согласных с точки зрения их тембровых характеристик — твёрдые, палатализованные, палатальные — и о соответствующих параллелях в румынских диалектах).

Если существование праславянских палатализованных до сих пор не нашло убедительного и общепринятого подтверждения, то исконная веляризованность праславянских согласных оспаривалась редко¹⁶², её следы обнаруживаются в современных славянских диалектах¹⁶³. Древность праславянской веляризации согласных перед гласными непереднего ряда делает, как кажется, несущественным вопрос о позиционной палатализации праславянских незаднеязычных согласных перед гласными переднего ряда, которая, как уже было сказано, не всем представляется очевидной. Качество согласного перед гласным непереднего ряда в праславянском языке находится в поле рассеивания между палатализацией и «полумягкостью» (или «полутвёрдостью»), которая определяется как одновременное отсутствие палатализации и веляризации и типологические или даже генетические параллели которой усматриваются в некоторых северновеликорусских, а также в некоторых белорусских и болгарских говорах¹⁶⁴. Возможно, что позиционная палатализованность развивалась в тех диалектах, которые развили впоследствии корреляцию по твёрдости — мягкости, создавая на физическом уровне почву для последующих реляционных, системных изменений.

В уточнённом виде сочетания согласных с гласными по признаку тембра в позднепраславянском видятся следующим образом.

¹⁶² Ср. Касаткин 1999, 185–186 (гипотеза о веляризации согласных как об инновации); Князев 2004, 9–10 («в позиции перед гласными переднего ряда произносились в той или иной степени палатализованные согласные, в остальных позициях, по-видимому, — нейтральные, артикулируемые без подъема к нёбу средней или задней части спинки языка [т.е. непалатализованные и невеляризованные]. Необходимость максимально эффективного в перцептивном отношении противопоставления мягких согласных твердым [сначала в позиции конца слова] и приводила, вероятно всего, к формированию дополнительной артикуляции веляризации у фонологически твердых согласных. Наличие дополнительной артикуляции веляризации у фонологически твердых согласных, как представляется, еще далеко не в полной мере учтено при анализе причин фонетических изменений, последовавших в русском языке в эпоху после падения редуцированных гласных»).

¹⁶³ Калнынь 1994, 75–76 (в статье рассматриваются процессы межслового взаимодействия гласных с согласным последующего слога в нижнелужицком); Князев 2004, 13–15 (автор, возражая против праславянского происхождения веляризации, убедительно обосновывает русский переход *e* в *o* как результат воздействия веляризованного согласного на предшествующий гласный; типологическое сходство процессов переходе *e* в *o* в польском языке и аналогичные явления, описанные в статье Л. Э. Калнынь [1994], указывают, как кажется, всё же на общеславянский, а не только восточнославянский, характер веляризации, утраченной почти во всех славянских языках, кроме русского и белорусского).

¹⁶⁴ Касаткин 1999, 186; Чекман 1979, 45–46.

Невеляризованность — палатализованность праславянских согласных и передний ряд гласных оказались взаимообусловленными признаками, и поэтому всякий невеляризованный согласный, возможный только перед дизязычным гласным, вошёл в состав неразложимого по признаку тембра сочетания («силлабемы» или «группофонемы»), которое можно было бы называть мягким, или дизязычным. Веляризованные (твёрдые) согласные образовали неразложимое по признаку тембра сочетание с гласным переднего ряда, которое можно было бы назвать твёрдым, или бемольным. Палатальные согласные перед гласными переднего ряда образовывали сочетания, которые можно было бы назвать «нейтральными», в соответствии с палатальным качеством согласного, нейтрального по отношению к признаку твёрдости — мягкости.

Суперсегментное решение задачи о различительной роли тембра в позднеславянском языке неизбежно, поскольку для фонологической системы того периода трудно установить «фокус излучения» (Гирденис 1983, 43) дифференциального признака тембра. Хотя этот признак и был смысловозначительным, однако он не мог быть отнесен отдельно ни к гласному, ни к согласному. Для праславянской фонологической системы невозможно применить также тот вариант описания, согласно которому в качестве самостоятельной фонетической или даже фонематической единицы выделяется палатальный глайд, при котором сегментация сочетания согласного с гласным могла бы выглядеть как «C + J + V»¹⁶⁵. В принципе допустимый в качестве остроумной объяснительной модели, этот вариант неприменим для позднеславянского языка, где палатальный глайд *j* всегда был позиционно обусловлен.

Предложенная трёхчленная модель сочетаний согласных с гласными, объединённых признаком тембра, является типологически неустойчивой и вообще маловероятной: как известно, ни в одном славянском языке не наблюдается три типа одного и того же согласного — твёрдого, мягкого и палатального (Толстая 1977, 84)¹⁶⁶. Между тем именно такая трёхчленная модель, утраченная современными языками, доказывается орфографией тех — пусть немногих — древнерусских и старославянских памятников, в которых йотированные буквы, покрытие (камора) или «крюк» употребляются только после букв палатальных, но никогда после букв «мягких» (палатализованных или непалатализованных и невеляризованных) согласных.

¹⁶⁵ Дукельский 1962, 29; Вийтсо 1963, 405–409; Гирденис 1983, 42.

¹⁶⁶ Ср. Schmalstieg 2000, 34 («The distinction between plain, palatal and palatalized consonants may have been of fundamental importance for the history of the Slavic languages. We find an interesting parallel in a Rumanian dialect which has, at least phonetically [...] three kinds of *n* and *l*, viz. (1) plain (non-palatal or hard), (2) soft (or palatalized) and (3) palatal»).

2.4. Отражение на письме трёх типов сочетаний согласных с гласными

Орфография с обозначением палатальности с помощью йотации и диакритики и с отсутствием смешения букв гласных переднего и непереднего ряда (то есть с различием *и* — *ѣ*, *ѝ* — *ѧ*) доказывает наличие в говоре писца трёх типов согласных, которые образуют неделимые по признаку тембра сочетания с последующим гласным:

- 1) палатальные (обозначаются с помощью йотации или диакритики, не используемой после букв других согласных), образующие нейтральные сочетания с гласными переднего ряда;
- 2) твёрдые (после букв твёрдых согласных употребляются буквы непередних гласных), образующие «твёрдые», или «бемольные», сочетания с гласными непереднего ряда;
- 3) «мягкие», или «нетвёрдые» (после букв этих согласных употребляются только буквы передних гласных), образующие «мягкие», «диезные», или «небемольные», сочетания с гласными переднего ряда.

Различение как минимум двух типов сочетаний согласных перед гласными, а именно (2) и (3), заложено в самой структуре глаголицы, которая содержит парные обозначения для гласных переднего и непереднего ряда:

«Eine Besonderheit der Glagolica, die aus der Alphabet-Übersicht nicht hervorgeht, die aber dem konstantinischen Prinzip der Glagolica entspricht, stellt die Tatsache dar, daß sie über zwei Graphemreihen verfügt, wobei die eine zur Bezeichnung vorderer Vokale dient, die andere zur Bezeichnung ihrer hinteren Partner (Marti 2000, 65)».

Такое противопоставление, свойственное древнейшей глаголице, отражает, очевидно, позднепраславянское состояние.

Что касается сочетаний гласных с палатальными согласными, то в глаголице отсутствуют буквы гласных, которые в позиции после согласных могли употребляться только для обозначения палатальных. Написание букв **Ѣ** (*ѣ*) и **Ј** (*ю*), возможных только в сочетании с буквами праславянских палатальных, не является доказательством того, что в диалекте писца палатальные согласные сохранились в своём исконном древнем качестве. Глаголическое написание типа **ѢЗѢѢѢѢ** (*земльѣ*, др.-р. *землю*) не доказывает палатальность согласного, обозначенного буквой **Ѣ** (*л*), поскольку согласный *l* мог в данной позиции утратить своё палатальное качество и стать палатализованным, как, например, в русском языке. То же касается написаний типа **ѢЈѢѢѢ** (*любы*), **ѢЗѢѢѢѢ** (*земльѣ*), **ѢЗѢѢѢѢ** (*земли*) и проч., где *l* также мог быть как палатальным, так и палатализованным. В целом,

оказывается, что в глаголице вообще отсутствовали буквенные средства для обозначения различий между сочетаниями палатальных согласных с палатализованными, что могло бы свидетельствовать об отсутствии таких различий в диалекте Кирилла и Мефодия, который, как считается, лёг в основу древнейшей глаголицы. Едва ли, однако, такое предположение будет звучать убедительно, поскольку в глаголице передача тембровых оппозиций построена только на буквах гласных. Возможно, что отсутствие буквенного способа обозначения палатальности согласных в глаголице связано с этим «вокалическим» характером древнейшей славянской азбуки.

Различение палатальных и палатализованных (или «полумягких», то есть непалатализованных и невелиризованных) согласных с помощью буквенных средств стало возможным только в кириллице благодаря появлению йотированных букв и наличию пар типа ѡ (А или, на древнерусской почве, Ѧ как графема для ā) — ѧ, е — ѥ, благодаря которым стало возможным обозначение разного качества согласного перед одним и тем же гласным переднего ряда. На материале кириллических рукописей, в частности, восточнославянской традиции, доказывается наличие трёх типов сочетаний согласных с гласными. К этим рукописям относятся упомянутые выше *Псалт.Б.-С.²*, *Галицкое евангелие 1144 года*, *Троицкий сборник XII–XIII вв.*, где буквы йотированных гласных ѧ, ѥ в позиции после согласных употребляются только при обозначении сочетаний с исконно палатальными согласными. В этих же рукописях отсутствует смешение и — ѡ, ѓ — ѡ, которое могло бы указывать на совпадение твёрдых и палатализованных или «полумягких» (непалатализованных и невелиризованных) согласных в одном качестве.

Среди глаголических рукописей смешение ѡ с и и ѓ с ѡ (не в результате переогласовки под влиянием следующего слога, в том числе так называемого «ерового умлаута»¹⁶⁷) отсутствует только в четырёх памятниках¹⁶⁸: в *Киевских листках* (палатальные согласные, кроме шипящих и аффрикат, обозначены с помощью буквы ѡ = ѡ¹⁶⁹), *Зографском*

¹⁶⁷ Здесь и далее термин *умлаут* по отношению к ерам используется в том значении, которое придавал ему А. Лескин (и ряд других исследователей), обозначая этим словом переход ѡ в ѡ под влиянием переднего гласного следующего слога (Leskien 1969, 28).

¹⁶⁸ Nuorluoto 1994 (в монографии исчерпывающе описан фактический материал старославянских рукописей, касающийся обозначения на письме тембровых различий).

¹⁶⁹ Nuorluoto 1994, 33; Schaeken 1987, 31, 32 («Nach š, ž und č finden wir einerseits regelmäßig die vorderen Vokale i, ѡ und ā, andererseits den hinteren Nasalvokal oN und den nicht präjotierten Nasalvokal eN. Hieraus könnte man schliessen, dass š, ž und č in der Sprache der KB wieder hart noch weich waren, m.a.W., dass sie bezüglich der Korrelation hart-weich phonetisch neutral waren»), 33–37, 96–97.

*евангелии*¹⁷⁰ (палатальные обозначены также с помощью ꙗѢ = ѡѣ и «покрытия» — надстрочного знака над буквами согласных *л, н*¹⁷¹), *Ассеманиевом евангелии* и *Синайском евхологии* (в двух последних рукописях палатальность обозначена с помощью буквы ꙗѢ = ѡѣ, которая употребляется после букв согласных *л, н, а* в *Евхологии* — также после шипящих) (Nuorluoto 1994, 74–76)¹⁷².

Зографское евангелие — единственная старославянская глаголическая рукопись, на материале которой надёжно доказывается наличие трёх типов сочетаний согласных с гласными (менее выразительно эта картина отражается в *Киевских листках*, где палатальные обозначены только с помощью буквы ꙗѢ). В этом памятнике не только отсутствует смещение ѡ — ѡ (не в результате «ерового умлаута») и и — ѡ, что доказывает различие твёрдых согласных и палатализованных или «полумягких», но и с помощью особого знака «покрытия» обозначаются палатальные согласные перед любыми гласными переднего ряда¹⁷³, благодаря чему палатальные отличаются на письме от палатализованных или «полумягких». Из глаголических рукописей «покрытие» известно не только в *Зографском евангелии* (Nuorluoto 1994, 117–121), однако во всех остальных рукописях, использующих этот знак, отмечаются иные графико-орфографические явления, указывающие на разрушение исконной трёхчленной системы сочетаний согласных с гласными.

Разрушение этой первоначально трёхчленной системы неделимых по признаку тембра сочетаний согласных с гласными наблюдается в большинстве старославянских рукописей и отражается, во-первых, в неразличении еров не в результате «ерового умлаута» и в смешении букв ѡ и и в позиции не после *р* (отверждение *г'*, как известно, может происходить параллельно с формированием корреляции по твёрдости — мягкости, как, например, в белорусском языке). Судя по материалам старославянских рукописей, оба явления взаимосвязаны, то есть смешение еров предполагает наличие какого-то количества случаев неразличения ѡ и и.

Так, в *Мариинском евангелии* «werden die *jers* oft und ohne besondere Regelmäßigkeit verwechselt» (Nuorluoto 1994, 34), что указывает

¹⁷⁰ Vondrák 1912, 252–255 (в том числе о смешении еров в *Зогр.* в результате «ерового умлаута»).

¹⁷¹ Nuorluoto 1994, 33, 71 («eine auf der ursl. Distribution von *i* : *y* basierende Palatalitätskorrelation vorhanden ist, die aber bei *r* neutralisiert wurde»), 74, 117.

¹⁷² Ср. Marti 2000, 56 (о решающей роли графем гласных при обозначении на письме фонологических отношений), 568 («Dabei ist es wiederum unerheblich, ob diese Eigenschaften der Vokale phonetisch oder phonologisch sind»).

¹⁷³ Пенкова 1969; Nuorluoto 1994, 117; Shevelov 1979, 178.

на неразличение обеих гласных и, соответственно, на утрату исконого различия согласных перед этими гласными. В этой же рукописи отмечается смешение букв *ы* и *и*, представленное меньшим количеством примеров (Младеновић 2003, 12, 18–19), которые, однако, приводят к единственно возможному выводу:

«In *Mar* ist eine auf der Distribution *ī : *ū beruhende Palatalitätskorrelation sehr wahrscheinlich nicht vorhanden (mehrere Male *i* für *y*)» (Nuorluoto 1994, 71).

Оба явления, смешение *ъ* с *ь* и *ы* с *и*, не определяют орфографическую норму, а представляют собой отклонения от письменного узуса, обусловленные влиянием локальных инноваций в диалекте писца *Мариинского евангелия*. Палатальные согласные в этом диалекте сохранялись, что проявляется в исключительном употреблении покрытия только над буквами этих согласных¹⁷⁴. Утрата различий между твёрдыми и палатализованными или «полумягкими» согласными при сохранении архаических элементов палатального ряда является ещё одной общей чертой славянского диалекта, отразившегося в *Мариинском евангелии*, с современными восточно-сербскими говорами¹⁷⁵.

С тем, как отражаются тембровые отношения в *Мариинском евангелии*, типологически сопоставимы несколько почерков *Синайской псалтири*, причём в почерке «В» *Псалт.Син.*, так же, как и в *Мар.*, известна деназализация *o* → *u* по «сербской» модели¹⁷⁶:

«In den Partien I, II, VI, XB wird *-ь sehr häufig, in VII ziemlich häufig, in IV immer durch das Zeichen -ъ wiedergegeben, dagegen nie in Partie V und selten in III, XA, XII (2) [...] Der Schreiber B verwendet von Haus aus nur ъ in allen Stellungen, das Zeichen ь im allgemeinen nur unter dem Einfluß seiner Vorlage» (von Arnim 1930, 77, 79).

У того же писца «В» *Синайской псалтири* имеются три примера неразличения *i* и *y*¹⁷⁷. Что же касается обозначения палатальности, то она лишь спорадически обозначается с помощью «покрытия»¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Vondrák 1912, 327; Shevelov 1979, 178; Nuorluoto 1994, 112, 117.

¹⁷⁵ Младеновић 2003 (другие языковые данные, свидетельствующие о происхождении *Мариинского евангелия* из области современной северной Македонии или южной Сербии).

¹⁷⁶ von Arnim 1930, 76 («Beim Schreiber B finden wir nicht nur *ю* statt ѡ: на ню 18₁₅ [...] имасию 107b₂ [...] Beim Schreiber A finden wir sowohl *ю* statt ѡ» и т. д.).

¹⁷⁷ von Arnim 1930, 128 («Ausnahmsweise erscheint *i* für **y*, und zwar nur bei B in Partie VIII: *тi* 84₁₅ сѡ, und X A : ѡзѡци 114b₂₃ вѡ ѡзѡцѡхѡ 125b₇»).

¹⁷⁸ von Arnim 1930, 129 («nur sporadisch in den altertümlichsten Partien der Schreiber B (XA) und C (XII) zur Verwendung kommt»).

Орфография *Клоцова сборника* доказывает отверждение шипящих и утрату тембровых различий согласных перед *ы*, *и*, что проявляется в смешении обеих этих букв¹⁷⁹. Исконно палатальные согласные в *Клоцовом сборнике* не обозначены¹⁸⁰, однако в этом же памятнике, как и в *Мариинском евангелии* и *Синайской псалтири*, отмечена деназализация *ρ* → *и* по «сербской» модели¹⁸¹.

Таким образом, среди глаголических рукописей старославянского корпуса выделяются три памятника — *Мариинское евангелие*, *Синайская псалтирь* и *Клоцов сборник*, — отражающие, во-первых, деназализацию *ρ* → *и*, во-вторых, смешение *ъ* с *ь* и *ы* с *и*, свидетельствующее об утрате различий между твёрдыми и палатализованными (вместо палатализованных могли быть представлены «полумягкие», т. е. непалатализованные и невелиризованные) согласными в слогах с исконными *у* — *и* и *ъ* — *ь*, в-третьих, сохранение архаического палатального ряда (последнее отсутствует в орфографии *Клоцова сборника*, что, возможно, объясняется факультативным характером диакритики, с помощью которой обозначалась старославянская палатальность, и отсутствием алфавитных способов её обозначения). Орфография этих рукописей, происхождение которых на основе характерного направления деназализации *ρ* → *и* связывается с северномакедонским или восточносербским ареалом, свидетельствует о разрушении праславянской трёхчленной системы сочетаний согласных с гласными и о формировании противопоставления согласных по признаку твёрдости — палатальности, фонологизация которого завершилась после падения еров.

2.5. Кириллическая йотация как средство обозначения палатальности

Из-за отсутствия буквенных средств обозначения палатальности в глаголице особый интерес вызывает вопрос о причинах появления йотированных букв в древней кириллице и об их функциях. Несмотря

¹⁷⁹ Nuorluoto 1994, 35 («In Cloz ist Ѡ statt des zu erwartenden Ѡ nach š ž č št žd in allen Positionen regelmäßig»), 71 («In Cloz ist die Verwechslung von *i* und *y* derart reichlich attestiert, daß die dementsprechende Palatalitätskorrelation ausgeschlossen werden kann [...] Nicht ausgeschlossen ist ferner die Möglichkeit, daß es sich um eine Entpalatalisierung aller Konsonanten, wie in *Mar*, handelt»), 35 («Ähnlichkeiten mit Cloz zeigt teilweise auch Euch, in dem nach š und ž Ѡ geschrieben wird»).

¹⁸⁰ Nuorluoto 1994, 118 (ссылка на: Diels 1932, 50).

¹⁸¹ Diels 1932, 99 («Die Schreibung OY für Ж ist im Cloz. häufig (die umgekehrte freilich selten), der Schluß, daß der Schreiber dieser Handschrift *u* für *ρ* gesprochen habe (wie heute unter den südslavischen Sprachen vor allem das Serbokroatische), wird wohl selten bestritten»).

на то, что глаголическая азбука содержала три буквенных знака для обозначения *i* в разных позициях (Ѣ Ѥ Ѧ), ни один из них не использовался для письменного обозначения палатального приступа в производении гласных после палатальных или палатализованных согласных¹⁸². Аналог кириллических йотированных букв в глаголице можно увидеть в буквах носовых гласных ѦѢ (ѡѣ) и ѦѤ (ѡѥ)¹⁸³, однако ѦѤ (ѡѥ), представляющая собой комбинацию знаков Ѧ и Ѥ (где Ѧ = *e* — «маркер» диезности или выразитель дифференциальных признаков, не связанных с назальностью¹⁸⁴, а Ѥ ≈ *а* — «маркер» назальности), не использовалась для обозначения палатальности¹⁸⁵, а в *Киевских листках* она вообще является единственной буквой носового гласного переднего ряда¹⁸⁶ и используется во всех позициях безотносительно к началу слова, слога и независимо от качества предшествующего согласного (Marti 2000, 71). Относительно регулярно после букв палатальных согласных употребляется только ѦѢ (ѡѣ) (об этом шла речь выше), а в *Мариинском евангелии* и в *Синайском евохологии* также Ѥ (но не ѦѤ!) (Nuorluoto 1994, 74, 75).

Кириллическая йотация развивается независимо от глаголического влияния. Высказывалась точка зрения (ранее поддержанная

¹⁸² В этой связи обращают на себя внимание наблюдения (Пенкова 1969) над диакритикой в *Зогра*. По мнению П. Пенковой, тождество знака, которым обозначаются палатальные согласные и который в других позициях указывает на *ерь* в слабой позиции, свидетельствует о том, что палатальность согласных обозначалась с помощью указания на *i*-переходный (или *ь*-переходный) глайдовый, неслоговой, участок перед гласным после палатального согласного; этот переходный неслоговой участок был фонетически тождествен тому, как звучал утрачивавшийся (неслоговой?) *ь* в слабой позиции.

¹⁸³ Гъльбов 1986, 197; Колесов 1973, 171–174; Marti 1984 (о структуре и функция букв носовых гласных в глаголице); в *Зографском евангелии* и *Мариинском евангелии* известна также буква Ѥ, которая употреблялась только в формах действ. прич. наст.вр. ед. ч. м.р., «dieses fünfte Graphem für ursprüngliche Nasalvokale ist bezüglich seines Gebrauchs sehr eingeschränkt [...] und kann wohl kaum als ursprünglich gelten» (Marti 2000, 71); ср. Щепкин 1999, 39 («Быть может, разделение на *а* и *ѡ* возникло в глаголице не самостоятельно, а под влиянием появившейся кириллицы, в коей обозначается так называемая йотация»).

¹⁸⁴ Ср.: Щепкин 1999, 38 (глаголическое ѦѤ «разлагается на *e* + *n* и таким образом первоначально обозначает только *e* носовое, а вовсе не *ѡ*, т. е. не *а* йотованное»); такую же структуру имеет глаголическое ѦѤ = Ѧ (о) + Ѥ («маркер» назальности).

¹⁸⁵ Nuorluoto 1994, 74 (в *Зографском евангелии* «für die Präjotierung werden ѦѤ und ѦѢ verwendet, nach *l'ń ř* werden ѦѢ bzw. Ѥ geschrieben [...] In *Mar* [...] erscheint ѦѤ nur im Anlaut und in postvokalischer Stellung, während Ѥ auch nach den ursl. Palatalen *l'ń ř* geschrieben wird [...] Außerdem erscheinen ѦѤ und ѦѢ nach den palatalen Zischlauten» и т. д.), 75–76.

¹⁸⁶ Ср. Щепкин 1999, 38.

автором этих строк¹⁸⁷), что отсутствие в глаголической азбуке йотированных букв и появление в кириллице знака І (Ѣ) связано с двумя языковыми ареалами, в которых по-разному проявились результаты йотовой палатализации губных согласных:

«Уже замечено, что различие по этой линии [обозначение палатальности согласных — *Р. К.*] принципиально характеризовало лингвогеографические ареалы, в которых возникли и сложились два вида славянского письма. При этом глаголица возникла в тех более центральных районах славянства, в которых наиболее последовательно осуществлено это полное слияние согласного с йотом [...] иными словами, сильная мягкость, тогда как периферийно продолжало сохраняться слабое развитие мягкости — состояние, при котором мягкость имеет тенденцию выделяться в особую артикуляцию, и наличие йота (І, Ѣ) на письме довольно точно передает эту ситуацию. Эта ситуация имела место в Восточной Болгарии, на родине кириллицы» (Трубачев 2005, 123).

Особая рефлексация йотовой палатализации губных в древневосточноболгарском ареале, о которой здесь идёт речь, действительно является его характерной языковой особенностью¹⁸⁸. По отношению к восточноболгарской рефлексации йотовой палатализации можно было бы даже говорить не о палатализации, а о йотации как о выделении неслогового глайда (Дюрен 1977, 74–82), который иногда считается внутренней, языковой причиной появления в кириллическом письме знака І (Ѣ). Однако нельзя забывать, что особая рефлексация йотовой палатализации в древневосточноболгарских говорах проявляется не столько в выделении палатального глайда после губных согласных, сколько в отсутствии *l-epentheticum*¹⁸⁹. Более того, это явление не является, строго говоря, исключительно восточноболгарским даже в древнейшую эпоху.

Прямолинейное объяснение кириллической йотации восточноболгарской рефлексацией йотовой палатализации губных согласных не отражает сложной реальности старославянских письменных памятников, поскольку отсутствие *l-epentheticum* в разной степени свойственно вообще всем рукописям старославянского корпуса, кроме *Киевских листков*, то есть наблюдается во всех южнославянских письменных памятниках. Позиционные условия отсутствия вставного *l*

¹⁸⁷ Кривко 1998₂, 65.

¹⁸⁸ В этой связи можно вспомнить гипотезу И. Гылыбова, который считал, что употребление йотированных букв является характерной чертой преславской книжной школы, по его классификации, одной из четырёх древнеболгарских книжных школ, являющихся продуктом его учёной реконструкции (Гъльбов 1968, 141; Гъльбов 1980, 21–33).

¹⁸⁹ Пенкова 1969, 404–407; Lunt 2001, 34; Тотоманова 1992, 3.

варьируются в зависимости от происхождения рукописи¹⁹⁰: в восточноболгарской кириллической *Супрасльской рукописи* утрата *l-epentheticum* отражается чаще, чем, например, в глаголическом *Мариинском евангелии*, которое было создано в языковом ареале современной северной Македонии или южной Сербии, или в *Клоцовом сборнике*¹⁹¹.

Если бы причиной появления кириллической йотации действительно была особая восточноболгарская рефлексия йотовой палатализации с отсутствием *l-epentheticum*, то кириллическая орфография должна была воспринять хотя бы в качестве варианта нормы древневосточноболгарскую орфограмму «б у к в а г у б н о г о с о г л а с н о г о + ь + й о т и р о в а н н а я б у к в а г л а с н о г о», с помощью которой обозначается рефлекс йотовой палатализации губных согласных и которая неоднократно была описана в грамматиках старославянского языка¹⁹²:

«Auffallend ist im Supr. der so häufige Gebrauch des ь an Stelle des ausgefallenen *l*: оставькнѣ, зьмыд, зьмыа usw. Fälle wie благословенъ 326, оставенуо 218 [...] sind hier vereinzelt. Das ѣ (ь) finden wir mehr oder weniger nur vereinzelt in anderen Denkmälern, so in Euch. sin.: дрьвье 85а, im Ps. sin.: глумьениѣ 273, земѣѣ 44, 63, земѣж 128, избавѣж 31, зьмыа 182, зьмыа 43, иѣковью 191, dann in der Sav. kn.» (Vondrák 1912, 335).

Действительно, написаний типа *томъѣниѣ* 1, 5 (ср. *томениѣ* 161, 14); *благословѣжнѣ* 326, 19 в *Супрасльской рукописи* много, и этим она выделяется среди других старославянских памятников¹⁹³. Очевидно, что

¹⁹⁰ Vondrák 1912, 323 («Die aksl. Denkmäler verhalten sich im allgemeinen nicht gleichmäßig diesem *l* gegenüber. Nur in den *K i e v*. B l. finden wir es überall dort, wo wir es auch erwarten»), 323–335 (S. 332: «Der Zustand, welcher in den letzten Denkmälern angedeutet war, ist im *S u p r.* noch mehr ausgebildet»); Leskien 1969, 53 («sogenannte euphonische oder epenthetische *l*, ein Übergangs-(Vermittlungs-) laut [...] wird in den *K i e v e r* B l. an allen Stellen konsequent angewendet, in den andern Denkmälern aber kann es fehlen und fehlt sehr oft»), 54–55; Diels 1932, 131 («Die aksl. Handschriften sind hier weder in sich konsequent, noch stimmen sie miteinander überein. Im allgemeinen scheint das *l* um so strenger durchgeführt zu sein, je älter die Handschrift ist»).

¹⁹¹ Vondrák 1912, 337 («Kamen die aksl. Denkmäler auf einem Boden zur Abschrift, wo das *l-ep.* heimisch war, so wurde es natürlich mehr erhalten, was teilweise im Cloz. und Mar. beobachtet werden kann»).

¹⁹² Lunt 2001, 34 («Often the expected two-unit groups *plj, blj, vlj, mlj* are spelled without any *l*-letter, implying a Bulgaro-Macedonian substitution of <*j*> in place of palatal sonorant /*lj*/, and therefore groups *pj, bj, vj, mj* [...] Most usually this is shown by ь in place of the *l*-letter, but therefore front-vowel letters ь may be omitted: e. g. *земьта*» и т. д.)

¹⁹³ Vondrák 1912, 332–335 (примеры разных способов отражения на письме рефлексов йотовой палатализации после губных в *Супрасльской рукописи*); см. также: Margulíés 1927, 58, 59.

эта характерная орфограмма, связанная именно с древневосточно-болгарской утратой *l-erentheticum* и с развитием йотации, должна была бы проявиться в других кириллических рукописях, использующих йотированные буквы для обозначения палатальности, однако мы этого не наблюдаем. Древнерусская книжная традиция оказалась почти не затронутой этой частью древнеболгарского узуса: только *Изборник 1073 г.* во множестве содержит примеры типа «*прослави 9567, прижоуплѣтъ сѧ 97в27, томениѥ 10562 [...] ѡмьѧи 201г21*» (Баранкова и др. 1988, 11), которые, наряду с другими многочисленными языковыми болгаризмами, в частности, меной юсов и деназализацией $\epsilon \rightarrow e$ (Баранкова и др. 1988; Баранкова, Пичхадзе 1990), отражают древневосточноболгарский этап истории текста *Изборника 1073 г.* В целом, однако, древневосточноболгарские написания типа *томьѡниѡ* находятся на периферии старославянского кириллического узуса. В *Енинском апостоле* йотированные буквы отсутствуют, в *Саввиной книге* буква *ѡ* употребляется только в начале слога (Щепкинъ 1899, 32), а *ѧ* — после буквы *н* (Щепкинъ 1899, 40).

Обозначение палатальных согласных с помощью йотированных букв в древней кириллической орфографии не связано с особой восточноболгарской рефлексацией йотовой палатализации губных согласных, сопровождавшейся утратой *l-erentheticum*. Тот тип обозначений палатальных с помощью йотации, который представлен в древнерусских рукописях, не несёт следов влияния древней восточноболгарской орфографии и отражает, вероятнее всего, прежде всего собственно древнерусский языковой узус. Если же говорить о южнославянских параллелях древнерусских написаний типа *земѡла*, то они находятся в центрально- и западноболгарских говорах:

«Въ меньшинствѣ болгарскихъ говоровъ *l erentheticum* сохраняется послѣдовательно во всѣхъ грамматическихъ категорияхъ. Говоры этого разряда образуютъ повидимому сплошную территорию въ западной области Болгаріи [...] съ востока къ нимъ повидимому примыкають другіе, исконно-болгарскіе говоры, столь же послѣдовательно сохраняющіе *l erentheticum*. Таковъ старый говоръ города Софіи и окрестныхъ деревень [...] вполне естественно думать о сохраненіи стараго болгарскаго *l erentheticum* под влияніемъ сосѣднихъ сербо-болгарскихъ говоровъ» (Щепкинъ 1899, 260).

На фоне центрально- и западноболгарских параллелей заслуживает внимания наблюдение, что

«фактъ послѣдовательнаго сохраненія *l erentheticі* въ Остромировомъ Евангелии не можетъ быть истолкованъ исключительно влияніемъ русскаго языка» (Щепкинъ 1899, 262).

Таким образом, восточнославянское обозначение палатальности с помощью йотированных букв не основано на восточноболгарской преславской орфографии и отражает не только древнерусский, но и древний центрально- и западноболгарский языковой узус, принятый русско-церковнославянской книжной орфографией. Фонетическая функция йотированных букв, появившихся в кириллице по образцу греческой йоты, состояла в обозначении палатального глайда в начале слога или *i*-переходного участка, который образовывался в произношении гласного после палатального или палатализованного согласного. Схожим образом обозначается глайдовый участок между согласным и гласным переднего ряда в алфавитах, основанных на латинице, например, в польском, румынском и литовском языках, где с помощью букв *i* (в польском и литовском) или *e* (в румынском) перед последующей буквой гласного обозначается мягкость согласных. Благодаря этой функции — обозначение *i*-переходного участка в произношении гласного — появляются восточнославянские написания типа *изгаштъне*, о которых шла речь выше. Последовательное употребление йотированных букв после *л*, *н* (в меньшей степени — *р*, *с*, *з*, *с*), обозначавших праславянские палатальные **l'*, **ń*, **r'*, **ś*, **ź*, связано с тем, что у этих звуков, как у «более мягких», глайд, в соответствии с законами общей фонетики, был выражен отчётливее, чем в сочетании других согласных с передними гласными (Зиндер 1979, 132). Безразличное употребление йотированных букв после букв как палатальных, так и непалатальных согласных свидетельствует о разрушении палатального ряда и о переходе палатальных в палатализованные, в чём ранее усматривалось так называемое «вторичное смягчение полумягких».

В этой связи особое значение для исторической фонологии украинского языка приобретают написания типа *вълмѣ*, *изгаштъне* и т. д., во множестве известные в *Минее Дубровского* и перечисленные выше. В этой же рукописи встречается характерная южнодревнерусская форма *скърбиши* 306 (7 об.), которая отражает отсутствие первой палатализации в позиции после *с*, о чём уже шла речь выше в связи с диалектной принадлежностью *Псалт.Б.-С.*¹ Употребление йотированных букв после букв непалатальных согласных, указывающее на наличие *i*-переходного глайдового участка в произношении гласного в позиции после таких согласных в диалекте писца *Мин.Дубр.*, свидетельствует не только о разрушении палатального ряда, но и о мягкости древнерусских «небемольных» («нетвёрдых») согласных перед гласными переднего ряда, прежде всего перед *е* и *і*, в древних восточнославянских диалектах, легших впоследствии в основу староукраинского языка. Это позволяет считать украинское отверждение согласных перед *е* (из **e*, **ī*), *і* (из **ī*, **oī*) инновацией и является

дополнительным аргументом в пользу исконной мягкости (палатализованности) согласных в этой позиции на юге восточнославянского ареала. Употреблению в южнодревнерусской рукописи йотированных букв в позиции после букв непалатальных согласных до сих пор не придавалось должного значения при решении вопроса об относительной хронологии украинского отвердения согласных перед *e*, *i*¹⁹⁴.

Внутристрочный элемент *ı* (или *ı̇*), передававший палатальный приступ в произношении гласного звука, был графическим знаком для обозначения дизяного аллофона древнерусской гласной фонемы. Йотированная буква обозначала гласный звук с более сильной палатальной артикуляцией, чем тот, который обозначался без йотации. В сочетании с *e* йотация должна была обозначать напряжённый гласный *ě*, возможно, с *i*-переходным участком (то есть *iě* или *i'ě*), то есть древнерусскую фонему, обозначавшуюся буквой *ѣ*. Благодаря этому буквы *ѣ* и *ѥ* могли становиться графическими дублетами, отражая хорошо известную древнерусскую нейтрализацию фонем <ě> и <e> после йота (*j*) и палатальных согласных (Успенский 2002, 166–167), как в написаниях типа *ѣстѣ* (supinum) Псалт.Б.-С.¹ 38 или, в безйотовом варианте, *емь* (м.л.с.) 29 об. В *Минее Дубровского*, известной употреблением йотированных букв после любых согласных (см. выше), выделяется группа написаний с *ѥ* вместо *ѣ* при обозначении неполногласных рефлексов сочетаний типа **tert*:

дрѣвѣж 295 (2), *прѣѡстрами* там же, *нѣпрѣборимѣ* там же, *потрѣбителю* 296 (2 об.), *прѣстоиши* 302 (5 об.), *прѣславне* 308 (8 об.), *прѣмоудро* 310 (9 об.), *прѣходитъ* 310 (9 об.), *дрѣвѣн.л.а* 310 (9 об.).

Своеобразным аналогом восточнославянских написаний с *ѥ* вместо *ѣ*, невозможных на древне- и среднеболгарской почве, являются написания с *ѣ* вместо *ѣ̇*, где элемент *ı̇* передаёт палатальный приступ в произнесении *i̇a*; такие написания известны в западноболгарском (македонском) *Григоровичевом паримийнике* двенадцатого — тринадцатого веков (Mladenov 1929, 91):

¹⁹⁴ Shevelov 1979, 171–188 (обзор и критика существующих гипотез); ср.: Малкова 1980, 81 (автор делает верное наблюдение, что «случаи употребления йотированных букв после согласных, не имевших исконной мягкости, довольно многочисленны», однако в то же время, оставаясь в рамках представлений об «исконной» и «вторичной мягкости», приходит к ранее процитированному заключению, что «опубликованные в печати сведения относительно различия писцами рукописей XI–XII вв. исконной мягкости и полумягкости согласных не являются достаточно надежной основой для определенных выводов»; далее в статье на основе анализа орфографических данных убедительно доказано ассимилятивное смягчение в группах согласных перед *e*, *i*).

ллатюжъ Григ.пар. 3 (1); *блѧ* 3 (1), *свѧтъ* 'свет' 3 (1) (4 раза), *свѧтомѧ* 3 (1), *по срѧдѧ* 5 (1 об.), *ѡ стѧмѧ* 7 (2), *звѧзда* 7 (2), *плѧнитѧ* 7 (2), *наслѧдѧство* 7 (2), *крѧпость* ∴ / 7 (2) и т. д.; ср. *тѧко* 5 (1 об.), *тѧкоже блѧ* 5 (1 об.), *тѧже блѧ* 5 (1 об.), *видѧ* 5 (1 об.), *тѧ/витѧ* 5 (1 об.), *вода тѧже блѧ* 5 (1 об.), *тѧви/сѧ*; *тѧже* 5 (1 об.) и т. д.

2.6. Безйотовая орфография в древней кириллице и смежные явления

Йотация и диакритика, с помощью которых обозначались палатальные согласные, не были частью алфавита, а надстрочные знаки вообще образовывали собой факультативные элементы письма¹⁹⁵. Более того, в целом ряде исследований высказывалась гипотеза, что первый кириллический алфавит из йотированных букв содержал только *ю*¹⁹⁶. Однако едва ли можно говорить о некоем «первоначальном» варианте кириллицы, поскольку этот славянский алфавит, в отличие от «авторской», искусственно созданной глаголицы, представляет собой результат, скорее всего, не единого творческого или юридического акта (например, постановления «Преславского собора» 893 г.), а является итогом культурно и политически мотивированной адаптации византийского эпиграфического и литургического маюскула на славянской почве¹⁹⁷. Тем не менее мы можем говорить об архаической безйотовой традиции в кириллической орфографии, которая в этом отношении оказалась наследницей глаголического

¹⁹⁵ Успенский 2002, 163; Живов 2006, 158.

¹⁹⁶ Селищев 1951, 39, 56; Карский 1979, 168; Лавров 1914, 7; Дурново 1933, 57; Тот 1985, 146, 170; Голышенко 1987, 22–25; ср.: Фортунатов 1919, 17; Щепкин 1999, 39; Ван-Вейк 1957, 68, 116, 128, 129; Голышенко 1987, 28.

¹⁹⁷ Ср. Хабургаев 1994, 109 («Исследователи двуязычных надписей рубежа IX–X вв., обнаруживаемых в Восточной Болгарии, констатируют, что „между греческими и древнеболгарскими текстами в палеографическом отношении нет различий. Такую же картину дают остальные двуязычные надписи и особенно новооткрытые греческие и древнеболгарские надписи в церкви возле с. Равна, что еще раз показывает влияние, которое оказала графика греческого письма на кирилловское“ [...] с точки зрения „технической“ кириллица сложилась в результате дополнения греческого [унциального] алфавита буквами глаголицы, обозначавшими фонемы, отсутствовавшие в греческом языке»; такое видение предполагает, что архаическая версия кириллического алфавита, ориентированная на греческий маюскул как на графико-орфографический образец и дополненная глаголическими по происхождению буквами, действительно не должна была содержать йотированных букв, отсутствовавших как в греческом, так и в глаголическом алфавитах); см. затем: Miklas 2002, 281–285 (о радикально альтернативных точках зрения на происхождение кириллицы, их критика); Marti 2005, 12, 16–17.

письма¹⁹⁸. Эта традиция предполагала факультативность обозначения палатальных согласных с помощью йотации и в особенности с помощью диакритических знаков как «неалфавитных» элементов письма, благодаря чему появились написание типа *лоубо* Супр. 547, 4; *дгнѣ* 263, 12; *дѣла* (т. е. *дѣла* — *diá*) 407, 1; *доблата* 96, 17, *неклоучимааго* 370, 7; *неклучимай/го* 378, 2; *плоушта* (т. е. *плюшта* 'лёгкие') 165-10 и т. д. (Margulíes 1927, 59), которые представляют собой «упрощённый» вариант написаний типа *молаахъ* Супр. 32, 15; *лоутости* 212, 14; *поклоѣхъ* 183 и подобных. Обратным случаем являются примеры орфографической избыточности в обозначении палатальности, также известные уже в *Супрасльской рукописи*: *ѣ ѣѣмоу* 29, 6; *землѣ* 97, 2; *доблѣйшиѣхъ* 83, 19 и т. д. (Margulíes 1927, 57–59). Отражением глаголического узуса, не имевшего специального знака для йотации, объясняются написание *Енинского апостола*: «*блудѣте* 3а, *възлѣ/бени* 22а, *възлоуби* 23б», — в котором отмечаются гиперкорректные формы «*люче* 6б, *лючѣша* 10б, *помиллюи* 31а [...] Подобни аномалии в по-голям брой се срещат в Слѣпч.» (Мирчев, Кодов 1965, 208).

Буква *ѣ* наиболее подвержена влиянию безйотовой практики, однако связи с глаголицей здесь, как кажется, нет. В отличие от кириллической традиции, «йотированный» большой юс *ѣѣ* встречается почти во всех древнейших глаголических рукописях (он отсутствует только в *Зографском палимпсесте*) и представлен в трёх из четырёх древнейших глаголических абецедариев (последняя часть самого древнего, Преславского, утрачена)¹⁹⁹. Напротив, кириллический большой йотированный юс *ѣѣ* отсутствует в *Енинском апостоле*, *Листках Ундольского*, *Македонском кириллическом листке*, *Надписи царя Самуила*, где употребляется только *ѣ*²⁰⁰.

¹⁹⁸ Интересны данные относительно употребления йотированных букв в сохранившихся южнославянских кириллических рукописях (Тот 1985, 144–147), ни одна из которых не содержит все из четырёх возможных парных йотированных букв (*ѣ*, *ѣѣ*, *ѣѣѣ*, *ѣѣѣѣ*). Надо думать, это объясняется прежде всего частичной сохранностью самих южнославянских рукописей. Древнерусские памятники с четырьмя йотированными буквами сохранились, причём среди них есть как рукописи, русифицированные в языковом отношении (*Изб.Св. 1076 г.*), так и отражающие глаголическое влияние: *Остромирово евангелие*, *Изборник 1073 года*, *Новгородские* (или *Куприяновские*) *листки*, *Евгеньевская псалтирь* и *Туровские листки*. Четырёхъюсовая кириллица имеет глаголические параллели: четыре буквы носовых гласных используются в *Ассеманиевом евангелии*, *Синайском евхологии*, *Клоцовом сборнике*, *Рыльских листках*, *Синайской псалтири* (Marti 2000, 71 [сводная таблица употребления букв носовых гласных в древнейших глаголических рукописях]).

¹⁹⁹ Marti 1999, 184, 187, 188, 193, 200; Marti 2000, 71; ср. Nuorluoto 1995–1996, 310.

²⁰⁰ Карский 1962/1899, 566; Карский 1962/1904, 586–587.

В восточнославянских рукописях известны аналогичные написания, которые осложняются смешением *ѣ*, *ѣ* с *ю*, *оу*²⁰¹. Примеры имеются в большом количестве в кириллической части *Реймского евангелия* (первой половины?) одиннадцатого века, где вообще нет йотированных букв, кроме *ѣ* и два раза использованной *ю*²⁰²: *сѣблѣудаше* 9в, *лоуди* 4в, *лѣдиши* 7а, *сѣблѣдаше* 5б, *поклонѣса* 7б, *на нѣ* 15б, *землоу* 15а, *изгоноу* 11б, *всѣдоу* 31, *всѣ* 9в, *поустыноу* 16а и т. д.²⁰³. Известны они в *Псалт.Б.-С.*¹ (*мѣтѣноу* 8, *лоуть* 20) и *Псалт.Б.-С.*² (*изѣла* 67, *кѣнѣлѣ* / *sin. slav. б/Н* 15 об.), а также в *Толстовской псалтыри*: *приравнаѣтъ* 3, *приравнаѣтъ сѣ* 153 об., *помѣшилаше* 179 (Колесов 1980, 90–91).

На церковнославянском фоне необходимо рассматривать аналогичные написания берестяных грамот, которые выглядят как отражение книжной безйотовой орфографии: *послоу* (№ 421), *соуждалоу* (№ 675), *пецалоу сѣ* (№ 717), *присѣлоу* (Смол. 12) и др.²⁰⁴. Примечательно, однако,

²⁰¹ Ср. Соболевский 2006/1887, 141 («Употребление *у* или *ж* после *л*, *н*, *р* вместо *ю*: *луди*, *възлюбленъ*, *лѣди*, *поклонѣса*, *морѣ* встречается в древних южнослав. и русских рукописях и должно быть считаемо за южнослав. особенность, перешедшую в русские списки из ц.-слав. оригиналов. Сравни в Саввиной книге: *глаголѣ*, *молѣ*, *по мору*, *сѣтворѣ*, *сѣблажнѣса*; в Остромировом Ев.: *цѣру* (дат.), *разорѣ*, *сѣтворѣ*; в Святослав. Сб. 1073 г.: *лудѣдѣства*, *землу*, *блѣдѣтъсѣ*, *лѣто*; в Минее 1095 г.: *объемлущѣ*, *приемлущимѣ*; в Пандектах Ант.: *глаголъщѣе*, *сѣблѣдѣтъ*, *ѣнѣдѣ*, *мѣнѣ*, *изгонѣ*, *узѣрѣ*, *творѣ*, *кѣсарѣ*»). См. также: Гаджиева 2008.

²⁰² Жуковская 1978 (наборное издание текста, исследование, история изучения памятника); Соболевский 2006/1887, 141 (примеры, южнославянские и древнерусские параллели); Тот 1985, 107, 148 (примеры).

²⁰³ Тот 1985, 107, 148 (примеры из *Реймского евангелия*); см. примеры из других рукописей: Колесов 1980, 90–91; Крысько 2007, 246–249.

²⁰⁴ Зализняк 2004, 80 (многочисленные примеры, которым предложено иное объяснение: «Трудно предполагать, что перед нами одни лишь простые ошибки в передаче твердости–мягкости: после любой другой согласной таких ошибок несравненно меньше. Как известно, в некоторых сев.-в.-русск. говорах наблюдается сдвиг [л'] в сторону “среднего” [l], а [л] — в сторону [l̥] или [w]. Допустима мысль о связи по крайней мере части приведенных выше написаний с подобного рода сдвигом. Существенно, однако, то, что в современных говорах не отмечается совпадения фонем [л'] и [л] [...] Поэтому нет оснований истолковывать подобные написания как свидетельства такого совпадения»). Ср. Колесов 1980, 90–91 («Совпадение [л'] и [л] и т. д. в древнерусских рукописях отражается в смешении букв, указывающих именно на отвердение палатальных [...] Наоборот, новгородские рукописи второй половины XI в. и XII в. указывают на совпадение <л, л'>, <н, н'> в палатальном варианте (*лючами*, *лючь* в М95, такие примеры встречаются вплоть до XIV в.: [...] *оусню* в Ев.С.)). Как показывает материал южнославянских *Ен.* и *Супр.*, сербского требника XIII в., а также *Псалт.Б.-С.*¹, написания типа *лючь*, *помиллю* характерны не только для северо-западной периферии восточнославянского ареала, и поэтому в пределах исторической фонетики древненовгородского диалекта объяснения им нет.

что бытовая берестяная письменность в целом проявляет тенденцию к сокращённому использованию йотированных букв, кроме *ю*. Так, в грамотах до 1260-х гг. известен только один пример употребления буквы *ѣ* в грамоте (№ 789, последняя четверть одиннадцатого века)²⁰⁵ — вместо *ѣ* обычно используется *л*, относительно активное употребление *ѣ* начинается со второй половины тринадцатого — четырнадцатого века. То же касается буквы *ѥ*: до середины тринадцатого века она встречается только три раза²⁰⁶. В этой тенденции к безйотовому письму проявляется стремление употреблять только те знаки, которые имеются в азбуке, в алфавите как в устойчивом, заповианшемся тексте, в котором не было ни йотированных букв, ни тем более факультативных даже в книжном письме надстрочных знаков.

Под влиянием безйотового письма и в результате утраты ринезма в восточнославянской и древнесербской орфографии *ю*, *оу* и *ѣ*, *ѥ* после букв палатальных согласных буквы оказались взаимозаменяемы, что привело к появлению гиперкорректных написаний типа *зблѹдиша* Псалт.Б.-С.¹ 36 об., *люкавьньихъ* 1, *люкъ* 37, *лючьши* 40 об., *люкавьно* / 41 об.; ср. аналогичные написания в *Триоди Моисея Киянина* (XII–XIII вв.): (*дрѣва*) *люжна.л* 97, *блюдницю* 1 об., *люкабайго* 72 об., *лю/дростию* 79, *осющъствъната* 212 (Гальченко 2001, 36)²⁰⁷; ср. *бѣди* в *Пандектах Антиоха* (Popovskij 1989, 98)²⁰⁸.

Интересную картину написаний с этимологическим *ѣ* показывает служебная минея на декабрь (РГАДА, ф. 381, № 96, XII в.; *Мин.дек.*). Сплошной просмотр рукописи даёт следующую картину (в выборке не учитываются написания буквы *ю* после букв исконно палатальных, типа *лючь*):

написания *ю* для обозначения <и> из <ѣ>: *сюдѣща* 15 об., *мюжеоумьната* 15 об., *чьтю* 15 об., *варварю* (*сѣшедъшес.л почьтъмъ*) 15 об., *трыса* 15 об., *сюцаго* 20, *сюца^аго* 20 об., *сюца* 35 об., *жьрътвю* 36, *вѣскю* 54 об.; написания *ю* для обозначения <и> из *<ои>: *дюшо* 20 об., *ѣтоудю* 35, *мирю* 35, *пастюха* 36, (*ръвьноуѣ*) *иоаню* (*такоже крѣстителиви*) 48 об.

²⁰⁵ Зализняк 2000, 215–216 (палеографическая таблица); Зализняк 2004, 245 (текст, комментарий: «В грамоте представлена редчайшая для ранних берестяных грамот особенность — использование *ѣ* (*изгоѣ*); это книжная черта. Почерк каллиграфический; профессиональный навык проявился также в написании *коуѣ*»).

²⁰⁶ Зализняк 2000, 215–216 (палеографическая таблица); Зализняк 2004, 301 (комментарий к грамоте № 9, где также отмечается каллиграфический характер почерка и использование буквы *ѥ* как приём книжного письма).

²⁰⁷ Гальченко 2001, 36 («Такие ошибки были обусловлены тем, что в протографе буква *ѣ*, которая употреблялась в этих словах, могла писаться и после твёрдых, и после мягких согласных, и поэтому ассоциировалась у писца как с графемами *ѣ*, *оу*, так и с графемой *ю*»).

²⁰⁸ Пример указан А. Н. Шаламовой.

В этой же рукописи имеется ряд случаев, в которых буква *ѣ* написана после пробела по другой затёртой букве, что, по всей видимости, отражает исправления написаний *ю* после букв твёрдых согласных:

написания *ѣ* из *ю* для обозначения <и> из <р>: *м ѣчительства* 3, *добр ѣю* 10 об., *богоначальн ѣю* 11 об., *р ѣкама* 16, *с ѣцааго* 20, *м ѣчите/лѣвъ* 20 об., *с ѣднѣмъ* 21, *с ѣди/ци* 21, *м ѣдите/лѣвъ* 21, *с ѣе* 21 об., *невѣст ѣ* 23, *вѣр ѣ* 23, *просл ѣла* 31 об., *Б ѣдоуцала* 33 об., *м ѣдрости* 32, *м ѣдрости* 32, *тр ѣдъ* 33, *м ѣдрѣюще* 33, *с ѣцл* 34 об., *молитв ѣ* 36 об., *чѣт ѣцимъ* 38, *тѣм ѣ* 38, *с ѣдѣмъ* 40 об., *с ѣцала* 41 об., *с ѣца* 42, *никол ѣ* 42 об., *гор ѣ* 43, *с ѣшьствѣмъ* 47 об., *тр ѣди* 47, *риз ѣ* 47 об., *тр ѣба* 49 об., *ѣт ѣю* 51, *заст ѣпаль* 54 об., *гл ѣбинѣ* 55;

ѣ из *ю*: *богораз ѣмнѣи* 1 об., *чист ѣ* (дв. ч.) 5, *браж ѣ* 10, 34, *стр ѣжѣте* 16 об., *бог ѣ* 19, *вѣ с ѣѣ* 21, *дар ѣа* 22 об., *чаѣмѣм ѣ* 32 об., *рожѣств ѣ* / 33, *мѣдр ѣюще* 33, *послѣдѣа* 34 об. (буква *ѣ* написана по затёртому, пробел ясно не просматривается), *напастѣств ѣѣми* 38, *дар ѣи* 39 об., *сѣпас ѣ христ ѣ* 41 об., *вѣр ѣюци"хъ* 43, *богораз ѣмил* :~ / 45, *свѣщенѣств ѣѣши* 45 об., *бог ѣ* 46 (расстояние между буквами в написании больше, чем обычно, уверенно судить об исправлении сложно), *молитѣств ѣи* 49 об., *сѣвѣж ѣплениж* 50, *х ѣльствѣноу* 50, *моли/тѣств ѣи* 50, *ѣ ѣ ѣ ѣ* 51, *пособѣств ѣа* 51, *раз ѣмѣмъ* 54 об., *Вѣтѣиств ѣа* 55, *нераз ѣмила* 55, *стр ѣпѣи* 55 об.

Аналогичные древнерусским написания с взаимной меной *оу*, *ѣ* — *ю* (при обозначении <и> из <р>, *<ои> после букв исконно палатальных) хорошо известны в древнесербской традиции, где утрата ринезма происходила так же, как в восточнославянских языках, ср. в первом почерке *Мирославова евангелия* (ок. 1180 г.): *сѣюцѣѣ* 9, *сѣбѣтѣѣ* 9, *рѣѣцѣѣ* 9, *бѣахѣѣ* 8, *азѣ придѣѣ* 14, *прѣйдѣѣ* (*корабли*) 16 и мн. др.; написания *ю* вместо *оу*: *ем/ѣѣ* 9, *кѣѣ* / *немѣѣ* 9, *дрѣѣѣѣ* 9, *вѣрѣѣѣѣ* 11, *лѣгѣѣѣ* *томѣѣѣ* 42 и мн. др.²⁰⁹; см. затем в древнейшем требнике (конец XIII в.) сербской редакции (Музей Сербской Православной Церкви в Белграде, собр. Радослава Груйича, 3 — I — 65): *пом(и)люи* 1а; 5а (2 раза), 5б; *лоутѣи* 7а; *заблюжѣѣѣѣѣѣ* 1а и т. д. (Симић 1976, 65, 67).

2.7. Выводы

Употребление букв *ѣ*, *ѣ*; *л*, *е* в древнерусских памятниках не было связано с «полумягкостью» и «вторичным смягчением полумягких согласных», представление о котором является результатом терминологического неразличения палатальных и палатализованных согласных

²⁰⁹ См. Родић, Јовановић 1986, 6 («у ранијим предлошцима кодекса *ѣ* употребљавано и у значењу *р* и у значењу *ѣ*, па је при замени јусова то довело до поремећаја односа *оу* и *ю*»); Колесов 1973, 189 (аналогичные примеры в четвёртом почерке *Вуканова евангелия*).

и некорректного толкования историко-орфографических данных. В ходе праславянских палатализаций и образования палатального ряда в славянских диалектах появились три типа сочетаний согласных с последующими гласными: 1) палатальные согласные (обозначаются с помощью йотации или диакритики, не используемой после букв других согласных) образовывали нейтральные сочетания с гласными переднего ряда; 2) твёрдые согласные (после букв твёрдых согласных употребляются буквы непередних гласных), образовывали «твёрдые», или «бемольные», сочетания с гласными непереднего ряда; 3) «мягкие», или «нетвёрдые» (после букв этих согласных употребляются только буквы передних гласных) согласные образовывали «мягкие», «диезные», или «небемольные», сочетания с гласными переднего ряда. Качество согласного в «небемольном» типе варьируется в поле рассеивания между нетвёрдым невелиризованным («полумягким», или «полутвёрдым») и мягким палатализованным согласным.

Наличие трёх типов сочетаний согласных с гласными подтверждается данными тех рукописей, в которых используется как минимум один из способов обозначения палатальности (например, с помощью диакритики, как в *Зогр.*, или йотированных букв, как, например, в *Псалт.Б.-С.*²) так, что соответствующие графические знаки (диакритика или йотация) встречаются только после букв исконно палатальных согласных. Сохранение различий между непалатальными «бемольными» и «небемольными» согласными доказывается в этих рукописях отсутствием смешения букв *ѝ* — *и* и *ѥ* — *ь* (не в результате ерового умлаута).

Типологически неустойчивая трёхчленная модель начинает разрушаться не позднее одиннадцатого века. Об этом свидетельствуют отражающие деназализацию *ǫ* → *и* по «сербской» модели старославянские рукописи, созданные на территории современной северной Македонии или Сербии (*Мар.*, *Клоц.*, почерк «В» *Псалт.Син.*). В этих памятниках с помощью специальной диакритики обозначается палатальность согласных (за исключением *Клоцова сборника*) и отражается смешение *ѝ* — *и* и *ѥ* — *ь* (не в результате ерового умлаута), свидетельствующее об утрате тембровых различий в слогах с исконными *у* — *и* и *ѥ* — *ь* при сохранении противопоставления перед *ǣ* — *а*. Орфография *Мар.*, *Псалт.Син.* и, в меньшей степени, *Клоц.* свидетельствует о формировании противопоставления согласных по признаку твёрдости — палатальности, фонологизация которого завершилась после падения еров.

В восточнославянском ареале разрушение трёхчленной схемы неделимых по признаку тембра сочетаний согласных с гласными также началось не позднее одиннадцатого века, что отражается в безразличном употреблении йотированных букв после букв как

исконно палатальных, так и непалатальных (палатализованных или «полумягких») согласных (например, в *Мин.Дубр.*, *Пан.Ант.* или новгородских минеях конца одиннадцатого века). Этот процесс охватывал как южнодревнерусский ареал, для которого доказывается древняя мягкость согласных перед гласными переднего ряда, так и северо-западный. Вместе с тем как минимум до тринадцатого века сохранялись рукописи с графико-орфографическим различием элементов архаического палатального ряда. (Господствующей тенденцией в восточнославянской традиции было, однако, безразличное отношение к обозначению палатальных согласных, что нашло отражение в простом правиле использовать йотированные буквы только в начале слога.)

Введение внутрискрипного элемента *і* (й) в кириллическую орфографию, вызванное подражанием греческому письму, свидетельствует о развитии буквенных средств славянского письма в сторону расширения его фонологических функций на слоговом уровне, если считать тембр согласных и гласных взаимообусловленной характеристикой до падения *ъ*, *ь*. Древнерусское обозначение палатальных с помощью йотации не связано с древневосточноболгарской орфографией и не только отражает собственно древнерусские языковые особенности, но имеет параллели в западноболгарских говорах. Возможно, что непосредственной параллелью древнерусских написаний с йотированными буквами после вставного *л* (типа *земля*) является древнезападноболгарские кириллические рукописи. Древневосточноболгарская рефлексация йотовой палатализации в сочетании с губными согласными, вызвавшая появление написаний типа *томъѣнижъ*, не была причиной появления йотированных букв в кириллице, поскольку такие написания находятся на периферии письменного узуса и в большом количестве встречаются только в *Супрасльской рукописи*. Ряд исследователей с полным основанием рассматривает утрату вставного *l* в западнославянских и некоторых южнославянских языках как инновацию.

В фонетическом отношении йотация обозначала гласный звук переднего ряда с более напряжённой артикуляцией, чем тот, который обозначался без йотации. В древнерусской традиции йотированное *ѣ* обозначало напряжённый *ѣ*, возможно, с *i*-переходным участием (то есть *i'ѣ* или *i'ѣ*), вследствие чего буквы *ѣ* и *ѣ* становились графическими дублетами, отражая нейтрализацию <ѣ> (*i'ѣ* или *i'ѣ*) и <е> после йота (*j*) и после палатальных согласных. Свообразным южнославянским аналогом дублетности *ѣ* = *ѣ* в древнерусских памятниках является написание буквы *ѣ* вместо *ѣ* в *Григоровичевом паримийнике*, которое отражает ту же «графическую логику»: йотированная графема обозначает палатальный аллофон фонемы, возникающий в позиции

после палатального или палатализованного согласного, в связи с чем открытое произношение древне- и среднеболгарского ѣ способствовало замене этой буквы йотированным ја. Написание йотированной буквы служит при этом не для передачи аллофонного варьирования, а выражает смысловозначительные тембровые характеристики, которые в позднепраславянскую эпоху реализуются на уровне сочетания согласного с гласным.

Йотированные гласные, как и надстрочные знаки, не были частью кириллического алфавита как разновидности устойчивого текста, в связи с чем в древней кириллической орфографии известно большое количество безйотовых написаний типа *лоубо*, которые в архаичном с точки зрения орфографии *Реймском евангелии*, не знающем йотированных букв, кроме ю, принимают характер индивидуальной нормы. Архаическая безйотовая орфография наследует структурные особенности глаголического письма, в котором отсутствовала единообразная система йотации букв гласных. Традиция факультативного обозначения палатальных согласных с помощью йотации и в особенности с помощью диакритических знаков как «неалфавитных» элементов письма прослеживается в новгородской берестяной письменности.

III. Функции буквы *у* «ижица» в древних славянских рукописях

3.1. История вопроса

Грамматики старославянского языка часто не обращают внимания на неопределённость фонетического значения буквы *у* в древнейших рукописях. Сведения, сообщаемые об «ижице», могут быть противоречивыми или же вообще отсутствовать²¹⁰, хотя история и значение этой буквы часто привлекали внимание исследователей. Разнообразие высказанных взглядов и противоречивый материал заслуживает обобщения и систематизации.

Первая специальная статья, посвящённая ижице, была опубликована в 1882 г. А. И. Соболевским, в которой на примере написаний с *у* в соответствии с *ю* или *ѣ* / *ѣ* в славянских морфемах (типа *изгону*, *кесару*, *мору*) и грецизмов с *ю* в соответствии с *υ* (написания типа *змюрна* — *σμύρνα*) было доказано преднее²¹¹ лабиальное произно-

²¹⁰ Leskien 1969 (буква *у* не рассматривается как отдельная графема); Вайан 2002, 39–40 («Греч. *υ* [и *οι*], древнее *ÿ* [франц. *и*], к эпохе старославянского языка, несомненно, совпало в своем произношении с *и*, но орфографическая традиция продолжала отмечать эту букву как особую гласную, отличную от *и* [i, η, ε]. Для передачи ее обе славянские азбуки имеют специальный знак *υ*, но поскольку он произносился как *и*, то *υ* нередко смешивается с *и* [...] В том случае, когда это *и* стоит не под ударением и является кратким, оно может переходить в *ь*: *тъмѣианъ* [от *θημίαια* ...]). Так как, далее, *υ*, *у* часто смешивалось переписчиками с *ου*, то нередко встречаются написания с *ου* и без его фонетического значения: *Сврѣла*, *Сирѣла* и *Соурѣла* [Συρία]. Местное греческое произношение в Далмации *υ* было 'у']; Lunt 2001, 22 («Ižica appears independently in a few Greek words and names which were spelled with upsilon, representing a high front rounded *ÿ*. Whether the Slavic scribes indeed pronounced this foreign sound, they endeavored to keep the traditional spelling [...] Substitutions of *i* or *υ* is not uncommon: *симеонъ соумеонъ, сирѣла соуриѣла*»).

²¹¹ Здесь и далее, когда речь идёт о переднем произношении лабиального гласного, обозначавшегося ижицей, имеется в виду широкое поле рассеивания этого гласного, продвинутого, вероятно, в рекурсии (после мягкого согласного) или же на всём протяжении своего произнесения: [ʷ], [ü]. Поскольку аллофонное варьирование установить в данном случае нельзя (оно не отражается на письме), представляется невозможным объяснить функции буквы *у* через произношение буквы *и* во французском (как в слове *brut*) или буквы *ÿ* (как в слове *Bühne*)

шение *й* как древнерусской ижицы (*y*), так и греческого ипсилона (*υ*) в ходе фонологической адаптации грецизмов на славянской почве²¹². Эти выводы нашли отражение в более поздней работе А. И. Соболевского, где было впервые замечено, что лабиальное произношение *y* как гласного переднего ряда *й* представляет собой архаическую особенность, утраченную после тринадцатого века²¹³. В публикации 1926 г. Н. Н. Дурново повторил выводы и отчасти воспроизвёл примеры А. И. Соболевского, не указав, однако, на его работы²¹⁴. Новым в исследовании Н. Н. Дурново является то, что он впервые обратил внимание на фонетическую многозначность *y* и указал на возможное произношение этой славянской буквы в заимствованных словах, равно как и греческого *υ*, как непереднего лабиального гласного *и*. Спорным является мнение Н. Н. Дурново, что в древнейший период буква *y* могла читаться как *і* под влиянием итацизма (ранних примеров с *y* для обозначения *і* не приведено):

«В греческих словах славяне произносили *y* различным образом: или как *й* после палатальных согласных (ср. *еюптъ* и т. п. уже в древнейших памятниках, *еѹпуть* в сербских памятниках XII в.), или как *и* без палатализации предшествующих согласных (ср. *егоуптъ* и др., совр. русск. *Акулина* и др.), или как *і* (ср. финикъ, вавилоньскъ и др. уже в Зогр.); последний вариант произношения, вероятно, берет свое начало от греческого диалектного произношения *υ* как *і*» (Дурново 2000/1926, 687).

в немецком языках (ср. Верещагин 1967₁; Верещагин 1967₂). На фоне этих параллелей кажется не менее вероятным, что буква *y* могла произноситься как *ю* в современных русских словах *лютик* или *лютый*; ср. примеч. 217.

²¹² Соболевский 2006/1882 (примеры из *Погодинского евангелия* тринадцатого века (*поустыну* 33 об., *луть* 34 bis и т. д.), *Архангельского евангелия* (*вѣсу галмилѣю* 27), *Добрилова евангелия* до 1164 г. (*сѣтвору* 34, 141 об., *оузъру* 37) и «Лествицы» двенадцатого века).

²¹³ Соболевский 2004/1907, 41 («Послѣ мягкихъ согласныхъ и *ј* для означенія звука *y* употреблялись буквы *ю*, *ѹ* и *у* (т. е. *v*, ижица). Послѣднюю букву, какъ знакъ отличный по значенію от *у*, мы находимъ только въ рукописяхъ XI–XIII вѣковъ»; примеры).

²¹⁴ Дурново 2000/1926₁, 688 («На то, что звуковое значение букв *y* и *ю* первоначально было одинаковым, указывают памятники, в особенности русские, XI и XII вв., в которых буква *y* использовалась в значении *ю* и наоборот. Примеры с *y* вместо *ю* в славянских словах мы нашли в некоторых русских рукописях XI и XII вв., которые не путают *оу* и *ю* и не употребляют *y* вместо *оу*; так, у первого переписчика Арханг. ев. 1092: *вѣсу*, *мѣну* (= *мѣньѹ*), или в очень архаичном с точки зрения графики и орфографии Типогр. ев. № 1 первой половины XII в., где очень часты примеры типа *сѣлу* 18, *по моріѹ* 28 [...] Написания с *y* вместо *у* в греческих словах (для обозначения греческих *υ* и *οι*) находим в русских рукописях XI и XII вв. несколько чаще, например, у второго переписчика Арханг. ев.: *сюрискъми*, в Типогр. Кондакаре XI в.: *панюгидѣ*, *морѣмъ* и др., в рукописях XII в.: *егюптѣ*, *кюрікѣ* и др.»).

Наблюдения Н. Н. Дурново повторены А. М. Селищевым, который усилил ранее сделанные выводы южнославянским материалом²¹⁵ и высказал предположение, что

«устроители славянской азбуки и первые переводчики, близко державшиеся греческой азбуки, знаком ѳ (у, v) передавали гласный ŷ (ü), соответствовавший греческому υ в его архаическом, книжном, произношении. У позднейших переводчиков этот гласный передавался посредством у (ou) после мягкого или после твердого согласного» (Селищев 2001, 96)²¹⁶.

Неясно, как согласуется эта гипотеза А. М. Селищева относительно изменения произношения буквы *у* во времени (от более раннего *ŷ* к более позднему *u*) с другим его предположением, согласно которому звук *ŷ* использовался

«в славянской речи некоторых книжных людей, владевших греческим языком и введивших греческие черты в произношение греческих слов, принятых в книжный, старославянский язык. Другие же славянские книжные люди при произношении таких слов подставляли славянские звуки. Так было с передачей v: в речи одних — ü, в речи других i, u (ou)» (Селищев 2001, 94)²¹⁷.

²¹⁵ Селищев 2001, 95–96 («Произносился же греческий υ не одинаково славянскими переводчиками и писателями: одни подставляли гласный славянской фонетики — у (ц) после твердого согласного; другие — у или ŷ (ü) после мягкого согласного [...] На значение ѳ (v) как гласного либиализованного указывает также применение этой буквы для ю в славянском слове *ѳтро* при *ѳтро* и обычном *оутро* (Мариин.). О том, что v (y) многие славянские писцы на юге читали как ю или ou, свидетельствуют не только варианты написаний с ю (ou), но и дальнейший результат изменения некоторых слов с v (y). Так, в той рукописи, которой пользовался писец сербского Мирославова ев., находилось слово *соужомориа* или *соужомориа* [...] Писец же Мирославова ев. сблизил это слово со славянскими *соухо*, *морѣ* и написал *соухомориа*. В Супрасльской рукописи [...] применяется иногда буква v (y) в значении ou. То же явление отражается и в последующих южнославянских рукописях, например, в македонско-болгарском Охридском апостоле, в южносербском Мирославова ев. Так и в русских рукописях»).

²¹⁶ Ср. Гольщенко 1987, 147 («не следует ли из приведенного высказывания, что и употребление в Супр. у (ижицы) в значении ou является также новой чертой ее письма?»).

²¹⁷ Ср. Верещагин 1967₁, 56–58; Верещагин 1967₂, 61–63 (о вероятном произношении υ как ŷ в речи билингов). Гипотеза о чтении славянской ижицы и греческого ипсилона как ŷ в соответствии с «классическим» произношением в речи билингов и людей, владевших греческим языком, убедительна при наличии типологических параллелей. Ср. наблюдения Е. Д. Поливанова (1968/1931, 234) над речью интеллигенции: «К [...] „иностранным“ [...] чертам русской интеллигентской фонетики [принадлежал] [...] у, т. е. звук типа французского u [...], немецкого ŷ. Звукотпредставление это опять-таки ассигновано было для французских (а отчасти, пожалуй, и немецких) слов в русской речи, а с другой

Употребление ижицы в памятниках старославянского корпуса наиболее подробно описано П. Дильсом, который также отмечал почти исключительное употребление *ѣ* и *у* в грецизмах, обратив при этом внимание на многочисленные случаи передачи греческого *υ* с помощью «прежде всего» («vor allem») *оу*, а также *и*, *ь* и *ѣ*; им же были отмечены гиперкорректные написания типа *нусаѣ* Супр. 50, 3 (Νίσιος) или *въ короунѣнѣхъ* Супр. 527, 4 (Diels 1932, 27–29)²¹⁸. Рассматривая отдельные случаи употребления в славянских словах буквы *у* вместо *оу* в *Маринском евангелии*²¹⁹, *Клоцовом сборнике* и *Синайской псалтири*, П. Дильс не исключал в них возможность ошибки, хотя и считал вероятным, что на эти формы повлияло непереднее лабиальное произношение греческого ипсилона *υ*, которое казалось П. Дильсу очевидным и которое, по его мнению, могло быть перенесено на славянскую графему *у*²²⁰. На древнерусском материале отдельные случаи

стороны, и для произношения греческих слов, поскольку греческие (как и латинские) термины в своей стандартно-классической форме (т. е. в том виде, как они заучивались в бывшей классической школе. — *примечание Е. Д. Поливанова*) опять-таки могли фигурировать в интеллигентской речи». Было также замечено, что, например, у Б. Л. Пастернака рифмуются формы *запорошИт* и *парашЮт*, которые указывают, что поэт «по французскому образцу сохраняет в слове *парашют* узкий звук *й* и по немецкому образцу рифмует его со звуком *И* (который в свою очередь по русскому образцу подменяется позиционным вариантом *Ы*)» (Гаспаров 1996, 523–524). Иностранное произношение может распространяться не только на заимствования, примером тому — матушка Татьяна Лариной, которая «русский *Н*, как *N* французский, / Произносить умела в нос». См.: Панов 2002, 51–53, 147 (об «иноязычной» фонетике заимствованных слов, в том числе о переднем лабиальном [ü], в истории русского литературного произношения). В отдалённой исторической перспективе известен адресат одного из сатирических посланий Гая Валерия Катулла, изображавший модное для своей эпохи греческие придыхание и глухие щелевые заднеязычные в исконно латинских словах: «“Chommoda” dicebat, si quando “commoda” vellet / dicere, et “insidias” Arrius “hinsidias”, / et tum mirifice sperabat se esse locutum, / cum, quantum poterat, dixerat “hinsidias” / [...] Ionios fluctus, postquam illuc Arrius isset, iam non Ionios esse, sed — Hionios» (Catullus, *Carmen* 84).

²¹⁸ Cp. Gerov 1941, 80 («Die meisten von diesen Fällen sind als Angleichungen an ähnlich lautende Wörter zu erklären, z. B. Πρίσκυλλα an Ακύλλα [...], Νίσιος an Νύσιος»).

²¹⁹ См. также: Ягичъ 1883, 422 («Въ доказательство, что и глаголическое *оу* заключается въ себѣ составныя части *о* и *у*, можно указать на передачу звука *у* въ сокращенномъ видѣ черезъ *у* (глаголическое *ѣ*), напр. *къ иѣв* матѣ. XVII. 1, *иѣв* ib. XXVI. 6. [...] Сличи еще слово *свдѣнѣиска* матѣ. XVI. 6. 11, *свдарь* ю. XX. 7, *рѣфовоу* марк. XV. 21, *кентурѣиона* ib. 45»). Пример *кентурѣиона* неоднозначен и поэтому неуместен в этом ряду; ср. разные греческие формы для латинского *centurio*: *кентурѣион* и *кентуорѣион* (SP. 939, s. v. *кенторѣион*).

²²⁰ Diels 1932, 41–42 («Merkwürdiger ist, daß für *ΟΥ* gelegentlich (sehr selten) *У* geschrieben wird, z. B. *КОУПЪНО УТРО* [...] *МУЦЪ* [...] *ВЪРУЮЖ* [...] Vermutlich liegen

употребления буквы *у* со значением <и> (не из <р>) в сочетании <Си> отмечены в *Златоструе Бычкова* одиннадцатого века (РНБ, Q. п. I. 74) и в более поздних древнерусских рукописях двенадцатого — тринадцатого столетий (Гольшенко 1987, 145–146). Показания восточнославянских источников одиннадцатого — двенадцатого веков относительно употребления буквы *у* привели к выводу:

«Этот знак встречается в восточнославянских памятниках письменности XI–XIII вв. не так уж редко. Однако если исключить употребление *у* в словах неславянского происхождения, то [окажется, что — Р. К.] знак *у* встречается преимущественно в единичных написаниях. Писцы при этом используют его либо однозначно — после букв только мягких согласных или только твердых, либо неоднозначно — после тех и других букв» (Гольшенко 1982, 11).

В качестве факторов, определяющих написание буквы *у* вместо *оу* в древнерусской традиции, называется ряд причин, не связанных ни с фонетической стороной церковнославянского языка, ни с особенностями произношения греческих *υ*, *οι* (Гольшенко 1987, 153–161). Одной из таких причин считается конец строки или разрыв пергамента после слова с *у* или после следующего слова. С оформлением конца строки справедливо связывалось и употребление особого варианта диграфа *оу* — *ѹ*, в котором выделялся один из факторов смещения букв *у* и *оу* в абсолютном конце строки или листа, что часто наблюдается в *Златоструе Бычкова* (РНБ, Q. п. I. 74) и в *Цветной Триоди* XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 138)²²¹. Ещё одной причиной функционального неразличения *оу* и *у* называлось то,

«что эти буквы имели общую часть в своем начертании [...] Несмотря на возможность их взаимной мены, а также их смешения как букв, имеющих

auch hier zum Teil nur Schreibfehler vor, doch ist daran zu erinnern, daß die Slaven das griech. *υ* zum Teil noch als *u* hörten und diesen Lautwert unter Umständen auch dem das griech. *υ* vertretenden slavischen Zeichen beilegen konnten»); ср. Gerov 1941, 80–83.

²²¹ Гольшенко 1982, 25 («Этот писавшийся над строкой знак *о* мог быть опущен и намеренно, в особенности в конце строки, поскольку в строке в этом случае оставался такой элемент диграфа (*у*), который [...] определял фонетическое значение буквы *оу*»); ср. Верещагин 2001, 435 (написания «*мѹдрѣ*, *всѹмогы*, *всѹмѹ съ/дѹтельъ* 95 об.» в сербской служебной минее четырнадцатого века ГИМ, *Хлуд.164*); Илчев, Велчева 1995, 49 («Старобълг. и среднебълг. памятници познават употреба на *у* за *оу*, главно в съкращения като *лѹ* (= *лоукѹ*), *раѹи сѹ* (= *радоуи сѹ*), *бѹ* (= *богоу*) (в Търновския надпис на Иван Асен II), *гѹ* *тѹ* *хѹ* (в много ранна кирилска приписка в Асем. ев.). И.<ижица> вм. *оу* може да се срещне макар и доста рядко, в края на реда за икономия на място — написана обикновено като дъга над последната буква (*разуѹм*, *дрѹгъ* и др.)).»

общую часть в своем начертании, оно, по-видимому, допустимо лишь в единичных случаях, поскольку значение *ou* было отлично от ижицы» (Гольщенко 1987, 155).

Причины взаимной мены остаются в этом объяснении неясны, а необходимость различения ижицы и монографа не обоснована: ижицей считается буква *y* со значением, тождественным букве *ю*, а монографом — буква *y* со значением, тождественным *ou* (Гольщенко 1987, 146), при этом предполагается, что «монограф *y*» (= *ou*) связан с диграфом *ou* и не имеет отношения к ижице²²². Однако ни у кого не вызывает сомнения, что диграф *ou* состоит из буквы (монографа) *o* и буквы (монографа) *y*, то есть ижицы, которая могла употребляться как эквивалент *ю*. Следовательно, на том основании, что буква *y* прямо связана с диграфом *ou*, нельзя отделять её от той же самой буквы *y*, но со значением *ю*. Буква *y* со значениями *ou* или *ю* — это один и тот же графический знак, выполняющий разные функции. Такая его многофункциональность сопоставима с употреблением буквы *ж*, которая могла выступать как эквивалент графем *ou* или *ю*, о чём далее будет идти речь (см. § 3.2.7; см. также стр. 134–137)²²³.

²²² Гольщенко 1987, 146; Страхов 2001, 16 («Особую небольшую проблему представляет собой употребление ижицы, графически идентичной монографу *y*»; далее на стр. 16–19 вариативность *y* — *ou* — *ю* объясняется колебанием в выборе между «экономными» и широкими графемами, вступающими в «количественно-экономические отношения» [стр. 18], которые являются, по мнению автора, «основой графико-орфографического варьирования» «в древнерусских текстах»); Страхов 2006, 321.

²²³ Неоправданное разделение монографа и ижицы оказалось возможным ещё и потому, что для рассмотрения функций букв *y* и *ou* иногда сознательно не привлекался материал грецизмов (Гольщенко 1987, 146), в которых отмечается та же мена *y* на *ou* в соответствии с греческим *υ*. Так, если в *Мариинском евангелии* буква *ѣ* (*υ*) используется для обозначения <и> после твёрдых согласных в грецизмах с исконными *υ* и *ou*, а также в славянских лексемах и флексиях только в соответствии с *ѣ* (*ou*) (Ягичь 1883, 422), то нет никаких оснований «умножать сущности» и называть букву *ѣ* монографом, а не ижицей. Правильнее было бы говорить, что буква *ѣ*, или ижица (*υ*), имеет значение, тождественное диграфу *ѣ* (*ou*) (ср. Diels 1932, 41). Монограф *y* и ижица *y* в славянской рукописной традиции до двенадцатого века включительно не различались не только функционально, но даже графически: вариант *υ* отмечен в кириллических рукописях одиннадцатого — двенадцатого веков в единичных примерах. Так, «ижица аналогичного рисунка встретила в киноварных заглавиях» первого почерка июльской служебной мины РГАДА, ф. 381, № 122, XII в. (Гольщенко 1987, 145–146). К этим примерам можно добавить немногим более поздние, но весьма показательные написания с буквой *V* (в значении, тождественном *ou*!) в заглавии канона сыропустной субботы в славянской Постной Триоди, переписанной Моисеем Киянином (РГАДА, ф. 381, № 137; к. XII — нач. XIII в.): «вз суббот(ou)

Наконец, ещё один аргумент, который позволял объяснить употребление буквы *y* в значении, тождественном *ou*, — это описки, связанные с пропуском одного из элементов диграфа, то есть написаний типа *o* (*o*) вместо *ou* и *ѡ* (*ѡ*) — *ѡ* (*ѡ*) (Голышенко 1982, 18). Причины появления таких описок рассмотрены выше (§ 1.2.11) и получили иное объяснение, не связанное с функциями и значением буквы *y*.

Объяснить раннюю историю славянской ижицы в сопоставлении с исторической фонетикой греческого языка впервые попытался М. Фасмер, чьи наблюдения отличаются скептицизмом относительно возможности положительного решения вопроса²²⁴. В 1941 году ижице в старославянском («древнеболгарском») языке была посвящена статья (Gerov 1941), в которой переднее лабиальное произношение греческого ипсилона *υ* было доказано на материале протоболгарских надписей:

«Zur Zeit der abg. Evangeliumsübersetzung lauteten die beiden Vokale *υ* und *ο* gleich *ü*, wie z. B. die in der ersten Hälfte des 9. Jahrh.s n. Chr. entstandenen protobulgarischen Inschriften zeigen, die überall gleicherweise *υ* für agr. *υ* und *ο* verwenden» (Gerov 1941, 78).

Анализ ряда старославянских примеров привёл автора к выводу, что итацизм в греческих говорах, находившихся в контакте со славянскими диалектами на Балканах, развивается

«in der Verbindung labiale Spirans + *υ* + Liquida [...] ziemlich vor dem Ende des 10. Jahrh.s, aus dem die ersten schriftlichen Beispiele des Wandels *υ* > *ι* stammen» (Gerov 1941, 79).

Не упомянув этой статьи (Gerov 1941), Д. Е. Афиногенов (2010, 196–197) вновь обратил внимание на значимость протоболгарского эпиграфического материала, в котором использовалась греческая графика, поддержал выводы Б. Герова относительно переднего лабиального произношения *υ* и *ο* на Балканах в десятом столетии, обратив внимание на то, что в протоболгарских надписях

кан(онѣ) соропвѣтън(ыи)» [так! — Р. К.] (Мурьянов 1989, 195). В исследовании М. Г. Гальченко (2001, 35) буква *y* (и её вариант *ѣ*) не названы среди графем, использованных основным писцом Триоди Моисея Киянина, однако буква *y* встречается в отмеченных ею примерах *ѣупраѣи/ама 27, (добротѣ) и ѣковлу 71, (вѣднѣ) блудисл 36* (Гальченко 2001, 35, 36).

²²⁴ Фасмерь 1907, 210 («судьба звука *υ* въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ весьма сложна [...] Въ этомъ отношеніи указанія старославянскихъ памятниковъ должны быть использованы съ особенной осторожностью»); Фасмерь 1909, 21 (славянские данные «не позволяютъ намъ дѣлать какіе либо выводы относительно произношенія *υ* и его рефлексовъ въ среднегреческомъ языкѣ»).

«наблюдается закономерность: буквы η, ι и диграф ει могут заменять друг друга, так же как буква υ и диграф οι, однако смещения между обеими группами никакого не бывает. Это означает, что на Балканском полуострове в IX в. буква υ и диграф οι произносились с сохранением лабиализации, то есть как [ü]» (Афиногенов 2010, 197; ср. то же: Афиногенов 2003, 7).

Кроме восточных Балкан, лабиальное произношение ипсилона υ в течение первого тысячелетия доказывается для Далмации, на что обращал внимание А. Вайан (2002, 40). Ранний пласт греческих заимствований с передачей υ как *u* (типа *κοτύλη > kuotula, κόλλυβον, κόλυβον > kolüba* и др.) в хорватском осложняется в ряде случаев романским посредством, при этом именно переднерядный характер лабиального υ в греческих говорах Далмации в конце первого тысячелетия современным исследователям не представляется очевидным (Karović, Vuletić 2010 [литература]). В. Н. Щепкин (1999, 38) предполагал, что кириллическое *ю* первоначально обозначало «звук *ÿ*, а не *у* с предшествующей мягкостью», поскольку, по его мнению, «в эпоху Кирилла греческое υ еще не повсеместно обратилось в *ι*, и как раз в Македонии есть греческие диалекты с выговором υ = *ÿ*».

Что касается истории греческого *ÿ* за пределами Балкан и Далмации в византийский период, то изменение всякого *ÿ* в *υ* независимо от позиции хорошо отражается в грузинских рукописях древней редакции Ирмология, так как грузинская орфография имеет однозначные соответствия для всех вариантов произношения υ, которые не зависят от греческой графики. Согласно грузинскому транскрипционному материалу, в греческих диалектах Малой Азии, Палестины и Синая исконные сочетания υ и οι произносились как *u*. Кроме того, наряду с орфографической меной οι и υ, которая отмечается в надписях и папирусах с III в. до нашей эры, в рукописях византийской эпохи вместо букв υ, οι появляется также диграф ου, причём отмечается он прежде всего в источниках малоазиатского происхождения. Произношение υ и οι как *u* распространено в цаконском диалекте современного греческого языка, греческих диалектах южной Италии, в кипрском диалекте и других современных греческих говорах²²⁵.

Очевидно, что сложную эволюцию *ÿ* (υ) в греческих диалектах эпохи средневековья в изучении вопроса о значении буквы *υ* учитывать нужно, тем более, что отдельные лексикализованные формы с ου на месте υ проникли в койне (Hatzidakis 1892, 103–104). Показательно, однако, что описание грецизмов *Хроники Иоанна Малалы* «лишь отчасти» (Чернышёва 1994, 448) подтверждает позиционные закономерности изменения *ÿ* в *υ* в греческих диалектах, обусловленные

²²⁵ Махарадзе 1979, 7–8; Macharadze 1980, 146–148.

влиянием соседних губных или велярных согласных (Hatzidakis 1892, 103–104), что вносит методологические ограничения для диалектологической интерпретации древних церковнославянских данных за пределами Балкан.

Не менее важными, чем диалектные, представляются византийские социолингвистические данные. Известно, что переднее лабиальное произношение ипсилона *υ* сохраняется, по некоторым данным, до одиннадцатого столетия, по крайней мере, у какой-то части образованных византийцев независимо от их диалектной принадлежности²²⁶. Это отражает иногда описываемую в терминах «диглоссии» языковую ситуацию в Византии, для которой было характерно

«сохранение в письменной речи сначала исключительно, а затем в меньшей степени норм литературного языка аттического периода или эллинистической литературной койне. Наряду с этой формой литературного языка продолжал развиваться устный разговорный язык (основа новогреческого языка), с трудом завоевавший более высокие сферы языкового общения» (Славятинская 1996, 11)²²⁷.

²²⁶ Browning 1969, 62 («as late as the tenth century it was still possible to make fun of an ecclesiastical dignitary by suggesting that he confused the two vowels. The implication is that the confusion was, in Constantinople at any rate, a mark of vulgar speech, whereas men of education still strove to keep the vowels distinct»); серединой одиннадцатого века датируется сатирическая поэма Михаила Грамматика, которая «allows one to prove that the letter of the Greek alphabet, *hyp̄silon*, was still pronounced by some part of the Byzantine population as a French „u“ or a German „ü“ by that time [...] The victim of the poem, the bishop of Philomelion, believes that the villagers he grew up with were uncultured because they did the following mistakes: 1) pronouncing κρίον instead of κρύον [...] 2) pronouncing ξίλον instead of ξύλον. These two „errors“ reveal that there was a distinction between the letters hyp̄silon (*υ*) iota (*ι*)» (Lauritzen 2009, 161). Современный исследователь остроумно замечает, что сам факт наличия ижицы в обоих славянских алфавитах доказывает, что эта буква произносилась иначе, чем *i* (Lauritzen 2009, 161). Далее обращается внимание на сохранение *ü* в греческих диалектах Анатолии, которое иногда считается результатом турецкого влияния. Очевидно, на фоне византийских данных одиннадцатого века тюркское влияние следует считать сопутствующим фактором, благодаря которому сохранилось древнее произношение (Lauritzen 2009, 163 [литература]).

²²⁷ Наличие двух (неоднородных в жанровом и региональном отношении) идиомов, «классического» и народно-разговорного, в греческом языке византийского периода представляется общеизвестным, в связи с чем цитируется учебник. Ср., однако: «Языковая ситуация в Византии времени первых литературных контактов со славянами была сложной, она не исчерпывалась противостоянием письменного „классического греческого языка“ языку „народно-разговорному“ и вряд ли вообще может быть описана в рамках дихотомических построений» (Страхов 2006, 325, примеч. 12). Языковая ситуация в Византии ни здесь, ни в моей ранней статье 2004 г., к которой относится данная цитата,

Несмотря на убедительную аргументацию в пользу лабиального чтения ижицы в древнейшую эпоху распространения церковнославянской книжности (это представление, начиная с А. И. Соболевского, определяет магистральную линию в истории вопроса), нельзя не видеть того, что в древнейших славянских памятниках греческий ипсилон *υ* передавался в заимствованных словах тремя разными способами: с помощью *и, у, оу*, а также *ь* (формы типа *сьмеонъ*²²⁸), причём разные способы передачи *υ* и *οι* могут встречаться в одной и той же рукописи. Думается, что лишь отчасти это многообразие может объясняться сложными позиционными изменениями *ῐ* на греческой почве²²⁹. Вариативность в передаче греческих *υ, οι* в пределах одного

не описывается, хотя термин «диглоссия» мной действительно употреблён вслед за работой Г. Хадзидакиса (Hatzidakis 1892, 246–260). См. ODB 2, 1175–1177, s. v. «Language» (p. 1175: «In principle literary Greek had two levels: one a version of the Koine Greek of Roman Empire, often used in technical writing, the other is an imitation, successful to varying degrees, of either the language of Attic literature of the 5th/4th C. v.c. or of the ATTICISM of rhetoricians of the SECOND SOPHISTS [...] A recent study [...] proposes a threefold classification of Byz. literary language. Ability to use archaizing Greek, esp. its atticizing variety, was a mark of both intellectual and social distinction [...] However, the communication gap must not be exaggerated. Vernacular and literary Greek were varieties of the same language, not different languages»); ср. Hatzidakis 1892, 245 («Es wurde oben erwähnt, dass eine archaisierende Tendenz schon in der Κοινή aufgekommen ist [...] Es ist ferner zu bemerken, dass die mittelalterlichen Autoren oft von einem Unterschied zwischen der Volks- und der Schriftsprache reden»); Lauritzen 2009. Ср. восходящий к работам М. Фасмера подход в изучении славянских грецизмов, ориентированный на внимание к диалектным и разговорным идиомам (Чернышёва 1994, 402 и др.). Об искусстве перевода у южных славян в свете проблематики греческой диглоссии («Südslavische Übersetzungskunst im Licht der griechischen Diglossieproblematik») см. (Voss 2004).

²²⁸ См. о таких формах: Hübner 1966, 40 («Voraussetzung für Entstehung dieser Formen ist hier wieder eine gr. Lautentwicklung, nämlich die Kürzung bzw. der Ausfall von unbetonten *i* im Nordgriechischen (s. Hatzidakis, Einleitung, 343 ff.). Wir haben im Nordgr. mit einer Aussprache *sj̆m̆j̆ón* oder *sem̆j̆ón* zu rechnen. Einen Reflex dieser Aussprache der ersten Silbe finden wir sowohl in ab. *сьмеонъ, съмеонъ, сьмеонъ, semeonъ* als auch in aruss. [...] *семень*»).

²²⁹ Gerov 1941, 78–83; ср. Diels 1932, 29 («Es mögen sich darin die griechischen Mundarten unterscheiden haben, doch ist auch denkbar, daß die Natur des vorangehenden Konsonanten die griechische Aussprache irgendwie bestimmte. Darauf führt, daß die aksl. Schreibung verhältnismäßig selten ein Schwanken zwischen der Aussprache *i* und *u* in demselben Worte erkennen läßt, und daß die auf *u* deutenden Schreibungen besonders oft nach dentalen, die auf *i* deutenden nach labialen Konsonanten auftreten»); см. затем сдержанную оценку этого наблюдения: Hübner 1966, 153 («Die von ihm [Diels. — R.K.] angeführten Beispiele bekräftigen den zweiten Teil des Satzes — *i* nach Labialen — durchaus nicht eindeutig, da auch *u* auftritt»).

и того же памятника не является обязательной закономерностью в пределах древней традиции. Так, установлено, что в Волоколамской четвѣй минее на апрель, РГБ, ф. 113, № 198 (596) (последней четверти XV в.), в Житии Феодора Сикеота на лл. 188–315 об., где отмечено 35 имён собственных с *у*, *о*,

«ни в одном случае в славянском тексте не зафиксирована передача греческого *ипсилона* или *омикрон-иоты* через *и* или *о*. Напротив, диграф *оу* встречается из этих 35 случаев в десяти (ни в одном из этих десяти случаев лигатура не употреблена). Таким образом, при транслитерации в славянском переводе греческих слов, содержащих фонему <û>, можно говорить о чередовании *ижицы* с *уком*, но никак не с *и* восьмеричным или десятиричным²³⁰. Мне затруднительно истолковать это иначе, чем как свидетельство лабиализованного произношения *ипсилона* и *омикрон-иоты* по меньшей мере на тот момент, когда Житие Феодора Сикеота переводилось на славянский язык» (Афиногенов 2003, 8).

С последним выводом трудно согласиться: (церковно)славянская орфография является наименее устойчивым языковым пластом в истории текста и в большей степени, чем морфология и лексика, подвержена разного рода колебаниям. Кажется поэтому маловероятным, что в рукописи пятнадцатого века столь последовательно отражается письменный узус одиннадцатого или двенадцатого веков — времени перевода Жития Феодора Сикеота. Думается, что датируемая концом пятнадцатого века рукопись Волоколамского собрания отражает не древнюю, а современную памятнику старорусскую норму чтения греческих личных имён с исконными *у*, *о* (которая при этом может не отличаться от древней), что даёт нам надёжный *terminus post quem* для определения того, когда в истории русского языка происходил переход от лабиального чтения ижицы, отражающего такое же чтение ипсилона, к итацирующему. Такое понимание согласуется с нашими знаниями об особенностях фонетической адаптации заимствованных личных имён с исконным *у*, которые являются наиболее полно изученным вопросом в истории славянской ижицы.

Немногочисленные формы с *и* в соответствии с греческим *υ* в личных именах засвидетельствованы в славянской письменности, как кажется, не ранее двенадцатого века и получают распространение в течение старорусского периода²³¹, что иногда объясняется экспансией

²³⁰ Ср. аналогичные наблюдения на старославянском материале (Diels 1932, 28, 42). Ср. затем данные *Синайской псалтири* и *Мариинского евангелия*: «ЕГПТА Ps. 113, 1 [...] Griech. *οι* ist durch *И* ersetzt in *φοίνιξ* [...] Ev. Ps.; *Συραφοινίκισσα* Ev.; *οϊκονόμος* [...] Ev.» (Diels 1932, 28).

²³¹ Diels 1932, 28–29 (не приведено ни одного личного имени с *и* в соответствии с *υ*, хотя отмечены относительно многочисленные формы с *ь* и единичные написание типа *егильтъѣ*); Гергов 1941, 78–80 (перечислены единичные формы

итацизма (Hübner 1966, 150). Вместе с тем уверенно установить раннюю временную границу проникновения форм с *и*, обусловленных итацизмом, не представляется возможным, поскольку даже древние написания типа *египетьъ* (Αἰγύπτως) может отражать не позиционное изменение *ÿ* → *i* в соседстве с губными или иной путь развития итацизма, а результат фонологической адаптации на славянской почве греческой фонемы <ÿ>, сочетающей в себе как передний ряд, так и лабиальность. Очевидно, что эта фонема <ÿ> могла быть передана средствами славянской фонетики и графики как *ю* (но только в позиции после согласных, типа *мюро*), если выбор делается в пользу и лабиальности, и переднего ряда, как *оу* (типа *Куприян*), если выбор сделан в пользу только лабиальности, или как *и*, если выбор сделан в пользу только переднего ряда²³².

Динамика форм с *и* [i] в соответствии с *у*, *о* и очевидное преобладание форм с *оу*, *ю* в соответствии с *у*, *о* в древнейшую эпоху²³³ свидетельствуют об изначально лабиальном произношении как греческих *υ*, *ο*, так и славянской ижицы в ранний период истории церковнославянского языка. Позднее замещение архаичного лабиального чтения ижицы «итацизирующим» объясняет соседство русских имён типа *Лукерья* — *Гликерия* (Γλυκερία), *Куприян* — *Куприан* (Κυπριάνος), в которых варианты с *у* отражают, как правило, народное и / или архаичное произношение. В случае с русскими фамилиями, которые восходят к греческим именам с первоначальным *υ*, их родство с соответствующими формами личных имён часто может быть затемнено из-за древней лабиальной рефлексии греческого *υ*, осложнённой дополнительными изменениями, которые могли происходить на русской

с *и* в соответствии с *υ* в пределах старославянского корпуса, среди которых нет ни одного личного имени; появление *i* объясняется изменением *ÿ* на греческой почве в зависимости от позиции по отношению к соседним губным согласным); Hübner 1966, 146–150; ср. SJS I, 162, s. v. ΒΑΒΥΛΑ (древнейшая фиксация — с *и* в форме *вавилъ* в среднеболгарском *Охридском апостоле* 1225–1227 гг. [Турилов 2016]); ср.: Афиногенов 2010 («Чтобы убедиться в исконном произношении „ижицы“, желательнее было бы видеть примеры написания ее вместо „и“ или „i“ в заимствованных из греческого словах в древнейших русских рукописных памятниках. Почему-то у меня есть сильное подозрение, что найти такие примеры будет весьма непросто»); в специализированных исследованиях Б. Герова и П. Хюбнера, упомянутых в учебнике для русистов (Успенский 2002, 519, 547), и в грамматике П. Дильса приведён достаточный материал, который подтверждает справедливые «подозрения» исследователя.

²³² Ср. Успенский 2002, 181 («Не исключено, что колебания в написаниях [личных имён — Р. К.] отражают затруднения в передаче звука [ÿ], т.е. того звука, который соответствовал букве *ю* (ср. вариантные отражения немецкого [ÿ] в именах *Миллер* — *Мюллер*, *Шлиссельбург* — *Шлюссельбург* и т. п.)).

²³³ Количественные данные отсутствуют.

почве в ходе фонетической адаптации грецизмов: ср. *Ипатов* — *Упатов* (Ἰπάτιος), *Трифон* — *Труфанов* (Τρύφων), *Порфирий* — *Перхуров* (Πορφύριος), ср. *Фирсов* — *Фурсов* (Θύρσος), и др.²³⁴ Открытым остаётся вопрос о происхождении форм типа *Чурилов*, *Чурилин*, *Чуриков*, *Чуринов* (Унбегаун 1995, 83), в которых естественно видеть переход заднеязычного *k* в *č* перед гласным переднего ряда *ĭ*, но которые П. Хюбнер объяснял влиянием греческого языка²³⁵. Наконец, наряду со старославянскими гиперкорректными формами типа *нусаи* Супр. 50, 3 (Νίσαιος)

²³⁴ Hübner 1966, 155–156 («Aus dem Gesagten geht hervor, daß nur dort Schreibungen mit *u* sich hielten, wo dieses *u* von schon vorhandenen umgangsprachlichen Formen mit *u* gestützt war und dort verschwanden, wo sie nicht von umgangsprachlichen Formen gestützt waren. Unter diesen Umständen und bei einer Erklärungsmöglichkeit des *u* aus dem Gr. ist es sehr wahrscheinlich, daß wir es in den Fällen, wo die volkstümliche Form *u* aufweist, mit einer aus dem Gr. übernommenen Lautung zu tun haben und nicht mit Formen, die über eine zuerst literarische Form mit der Schreibung *u* volkstümlich wurden»); Успенский 2002, 181–182 («формы с [u] сейчас могут рассматриваться как просторечные, противопоставленные более книжным формам с [i]. Поскольку речь идет о специфически книжных словах (грецизмах), и то, и другое произношение несомненно восходит к произношению книжному. Таким образом, существовало, видимо, две книжных нормы, причем можно предположить, что та, которая отразилась в современных просторечных формах, является более архаичной [...] Можно думать, что смена произносительных норм в истории русского литературного языка так или иначе связана со сменой норм в греческом языке. Ср. специальное предупреждение Ф. Поликарпова, ориентировавшегося, вообще говоря, на современное ему греческие нормы, не произносить ижицу как [u]»; Унбегаун 1995, 47 (объяснение фамилии *Труфанов* переходом *ĭ* в *u* «в позиции после согласного»); Федосюк 1980, 199 (популярно о происхождении фамилии *Труфанов*); Страхов 2001, 21 (ещё раз о происхождении фамилии *Труфанов* из Τρύφων без ссылок на предшествующие публикации); Афиногенов 2010, 192–193 (перечисление аналогичных форм без ссылок на названные здесь работы, ср.: «Автор статьи знаком с дискуссией, развернувшейся среди славистов по поводу фонетического значения рефлексов греческого „ипсилона“ в древнерусском языке. Я не ссылаюсь на соответствующие работы потому, что вижу с одной стороны упорное нежелание признать очевидные факты [...] когда этого требует здравый смысл [...] Моя задача в данном случае — предложить свежий непредвзятый взгляд на проблему»); ср. затем: Страхов 2001, 21 («Думается, что [...] древнее смешение ижицы с монографом, вызвавшее субституцию ижицы диграфом *ou*, привело к озвучиванию ижицы как [ш] в церковной и „околоцерковной“ речи (главным образом в личных именах), — при наречении имени, крещении, чтении поминальных записок. На Руси из церковного употребления эта черта проникла в речь народную, отслоилась в ономастике»).

²³⁵ Hübner 1966, 157 («Mir scheint es vielmehr so zu sein, daß die Schreibungen čju, ču im Keim gar nicht auf einer slavischen Lautentwicklung beruhen (k + ju), sondern auf der palatalen gr. Aussprache des k vor u [...] Die Schreibungen čju, ču sind als ein Versuch zu werten, der gr. Aussprache möglichst nahe zu kommen, wenn auch nicht genau zu treffen»); ср. Browning 1969, 62 («For instance the Slavonic proper name

или в *короуноѣнехъ* Супр. 527, 4 (Diels 1932, 27–29) в русском языке известны рефлексы гиперкоррекции в таких, например, именах, как *Викул* и *Анфиса*²³⁶.

Особое место в истории вопроса занимает упомянутая ранее гипотеза²³⁷, согласно которой в первоначальной глаголице был один монограф для обозначения фонемы <и>, который выглядел как второй элемент диграфа *Ѣ (ou)*, близкий по форме к ижице (*Ѣ*) и вместе с тем похожий на *Ѣ (o)*. К этой букве впоследствии были добавлены диграф *Ѣ (ou)* и монограф *Ѣ (io)*, чьи функции стали в результате смешиваться друг с другом. Эта гипотеза позволила объяснить целый комплекс орфографических явлений, в том числе непоследовательное употребление букв *ou* — *ю* после букв шипящих и *ц* или смешение букв *ou* — *o* (последнее явление рассмотрено выше, см. § 1.2.11)²³⁸.

Буква *у* в славянской лексике обстоятельно описана на материале древнерусских рукописей в статьях²³⁹, которые будут рассмотрены далее по ходу изложения, так же, как и работа, построенная на исключительном внимании к орнаментальным приёмам оформления строки²⁴⁰. В 2004 году ижице была посвящена пространная статья автора этих строк, которая положена в основу данного очерка²⁴¹.

Особую роль могла играть в ряде рукописей буква *у* в конце строки, выступая в этой позиции в качестве «узкого» варианта графемы *ю* (Гольщенко 2000, 15–16). Ряд примеров (Страхов 2001, 16) позволил

Čurila from Κύριλλος confirms the hypothesis, made on other grounds, that as late as at the ninth century upsilon was still *ü* and had not become *i*»). Ср. стр. 161.

²³⁶ Успенский 2002, 183 («Вместе с тем греч. Вуѣкѣлѣс отражается в русских текстах в форме *Викул*, что предполагает посредствующую запись этого имени в форме *Вѣкѣулѣ*, которую мы находим в ряде месяцесловов [...] Аналогичным образом на месте греч. *Ἀνθούσα* мы находим рус. *Анфиса*. Написание грецизмов с ижицей вне соответствия греческому ипсилону наблюдается и в южнославянских памятниках»).

²³⁷ Nuorluoto 1994, 104–110; Nuorluoto 1995–1996, 308–309.

²³⁸ Обзор других сведений о букве *у* см. в работах В. С. Гольщенко (1982, 6–10; 1987, 145–150).

²³⁹ Колесов 1973; Гольщенко 1982; Гольщенко 1987, 143–178.

²⁴⁰ Страхов 2001, 16–22.

²⁴¹ Кривко 2004₂. Статья вызвала отклик (Страхов 2006), содержание и стиль которого избавили меня от необходимости публичной реакции. В тех случаях, где наблюдения автора (Страхов 2006) соответствуют языковой и внеязыковой действительности, они часто являются подтверждением известного: так, например, в статье (Страхов 2006, 334–336) уделено полторы страницы перечислению «сербских модификаций имени Γεώργιος»; этот список является подборкой иллюстративных примеров того, о чём написал М. Фасмер в своём исследовании грецизмов в сербскохорватском (Vasmer 1944, 25–26), работа которого в статье (Страхов 2006) не упомянута.

предположить, что буква *у* в конце строки в отдельных рукописях может выступать также как «экономный» вариант диграфа *оу*²⁴², например, в *Мин.сент.*: *Іѡко свѣтозарьну* 13а, *хѣ* 27б, *премудре* 27а, конец стихиры; в *Мстиславовом евангелии*: *въ сарефѡу сидо/ньскоую* 71в. В отсутствие числовых данных нельзя понять, представлена ли в этих примерах реальная закономерность или же мы имеем дело с отдельными попытками адаптации буквы *у* к оформлению конца строки²⁴³.

Поскольку старославянский материал, связанный с ижицей, хорошо и подробно описан, в дальнейшем мы сосредоточимся

²⁴² Ср. Страхов 2001, 6 (о написаниях *у* [= *оу*] в *Изборнике 1076 г.*). Благодаря сплошному изучению рукописи известно, что буква *у* в первом почерке *Изборника 1076 г.* употребляется для обозначения фонемы <и> в славянских лексемах семнадцать раз, из них в конце строки — десять раз (Мишина 2009, 127). «Однако в подлинном письме XI в. без поновлений зафиксирован только один случай употребления *у*: по-видимому, пропущенная буква написана самим писцом над строкой (*утиваписл* 265 об.2). Не исключено, что в ряде случаев, зафиксированных в наведенном тексте, *у* могло появиться на месте диграфа *оу* при поновлении [...] У второго писца буква *у* встретилась шесть раз, из них два раза для обозначения фонемы <и> после мягкого *р* [...] и четыре раза в заимствованиях при передаче греческого *υ* [...] Еще одно написание *у* на месте *оу*, по-видимому, появилось при поновлении текста» (Мишина 2009, 128).

²⁴³ Наблюдения А. Б. Страхова (2001, 17) построены на отрицании возможности фонологического анализа древнего письма, методы которого разработаны на материале графико-орфографических систем разных языков (ср. Miller 1994; литература). Графико-орфографическое варьирование, по мысли А. Б. Страхова, обусловлено потребностью «постоянно варьировать „короткие“ и „длинные“ написания» (Страхов 2001, 63). «Главная общая цель этих предпочтений и вставок была одна — закончить строку буквой гласного и при этом сохранить ровным край столбца» (Страхов 2006, 316). Известно, однако, что «писцы не стремились строго, как это делали они в отношении левой стороны столбца, соблюдать ровной правую его сторону» (Гольщенко 1982, 24, сноска 57). «Узкие» написания могут появляться в любой позиции по отношению к её концу или началу: так, написание *лѣннивоумоу* Изб.76 79 об.-5 «фигурирует в середине, и, если бы к тому была надобность и чисто техническая возможность, могло бы выглядеть как **лѣннивоуоумоу*» (Страхов 2001, 16). На самом деле написание *у* находится в поновленном тексте и не принадлежит оригинальному почерку одиннадцатого века (Мишина 2009, 128). Выше было показано, что в *Псалт.Б.-С.* буквы *ѣ* и *ї* употребляются в конце стиха, после которого может оставаться незаполненной значительное пространство. Похожая картина отражена в гадательных приписках *Псалт.Б.-С.*, где используются известные приёмы маркирования конца строки даже тогда, когда слово находится в её середине. Причиной выбора «экономных» графем является стремление графически маркировать маргинальные, в прямом смысле слова, элементы зрительного текста, какими являются гадательные приписки, заглавия или вставленные в междустрочии фрагменты слов или фраз, а также вторичная правка или наведение текста (см. § 1.2.7; § 1.3.7; § 1.4.5).

на древнерусских данных, которых существенно больше, чем старославянских: В. С. Гольшенко (1982, 10) перечисляет около тридцати известных ей восточнославянских почерков одиннадцатого — тринадцатого веков, где буква *y* употребляется в славянской лексике. Причина более частого употребления ижицы в восточнославянской письменности состоит, вероятно, в том, что южнославянские рукописи создавались в непосредственном контакте с греческим языковым ареалом. Это должно было способствовать употреблению ижицы почти исключительно только в грецизмах, «оригинальное» произношение которых было лучше известно на Балканах, в контакте с греческим языковым ареалом, чем в Древней Руси, где ижица начинает активнее употребляться в передаче на письме славянской лексики²⁴⁴.

В дальнейшем изложении мы исходим из ранее установленных фактов: во-первых, ижица в древнейшую эпоху имела лабиальное, переднее или непереднее, произношение; во-вторых, отдельные случаи передачи грецизмов с *υ* с помощью *и* свидетельствуют не об итацизме, а скорее о фонологической адаптации *й* на славянской почве; в-третьих, итацизм в отношении славянской ижицы был неизвестен в древнейшую эпоху, о чём говорит почти полное отсутствие надёжных случаев употребления буквы *y* в славянских морфемах²⁴⁵ для передачи славянской фонемы /i/ в старославянских и раннедревнерусских рукописях²⁴⁶.

3.2. Типы употребления древнерусской ижицы и фонологическая адаптация грецизмов с *υ*, *ου*, *ω*

3.2.1. Ижица в значении *i*

Как было сказано, употребление буквы *и* [i] в соответствии с греческими *υ*, *οι* не может служить доказательством того, что итацизм был вариантом древней церковнославянской нормы при заимствовании грецизмов с *υ*, *οι*, поскольку не менее вероятным представляется фонологическая адаптация слов с *й* за счёт передачи этой фонемы славянским *i*. Обращает на себя внимание малое количество примеров

²⁴⁴ Ср.: «В славянских рукописях греч. *υ* передается буквами *y—ю—и*, изредка (с XII в. у восточных славян) также и *οу* [...] В древнерусских памятниках XI в. греч. *υ* передается только через *y* (ю)» (Колесов 1973, 176). Как будет видно из дальнейшего изложения, восточнославянский материал выглядит сложнее.

²⁴⁵ Употребление *и* в соответствии с *υ* (типа *египтъѣ*) непоказательно, так как может отражать фонетическую адаптацию фонемы *й* на славянской почве.

²⁴⁶ Ср.: Соболевский 1883, 141 («въ памятникахъ церковно-славянскихъ (или [...] въ памятникахъ древнеболгарскаго извода) *ν* почти никогда не употребляется вмѣсто *и*, но есть случаи употребленія его вмѣсто *ю*)»).

с *и* в соответствии с *у*, *о* в старославянских рукописях и их полное отсутствие в личных именах в рукописях старше двенадцатого века. Не свидетельствует о произношении ижицы как *и* и её употребление в соответствии с *η*, *ι*, поскольку имеются веские основания видеть в таких написаниях отражение гиперкоррекции, что подтверждается рядом примеров. Доказательством чтения славянской ижицы как *и* может быть только её употребление в этом значении в славянских словах и морфемах, примеров чего в старославянских рукописях нет (случаи употребления *у* вместо *оу* и *ю* известны).

В рукописях одиннадцатого — двенадцатого веков пока известны лишь два примера использования графемы *у* в значении *и*, они рассмотрены в монографии В. С. Гольшенко (1987, 173–174), правда, без привлечения греческих параллелей:

бѣжъствѣныи жаравѣць зачѣньшу чистаа. и того плѣтию рожьши прѣѣстаа. струаами мѣсти твоеа страстии моихъ Ѡгъна съжъжение все оугаси. и Ѡ сѣмръти ма исхъйти (РГАДА, ф. 381, № 99; 28 об.; XI–XII вв.);

из анѣ родиса мирьскаа цѣца рожьши и дѣвствоующихъ [так!] по ржѣствѣ [так!] херѣвима вѣшышу непорочнаа (РГАДА, ф. 381, № 121; 32 об.; XI–XII вв.).

Греческий оригинал первого тропаря неизвестен (ІЛН I, 127, № 1348), однако текст достаточно ясен, чтобы не иметь оснований видеть в форме *зачѣньшу* дательный падеж мужского рода, тем более, что рядом находится однородное причастие ж. р. ед. ч. им. п. *рожьшии*. Единственное написание, которое может вызывать в этом тропаре сомнение, — это форма *Ѡгъна*, которое, вероятно, представляет собой опisku вместо *Ѡгънавѣ*.

Источник греческих параллелей для второго богородична установлен (ІЛН I, 733, № 7944) и опубликован:

Ἐξ Ἄννης ἡ τοῦ κόσμου ἐτέχθης Βασίλισσα, τὸν τοῦ παντὸς Βασιλέα καὶ τεκοῦσα καὶ παρθενεύουσα μετὰ τόκον, Χερουβὶμ ἀνωτέρα, Πανάμωμε (MR VI, 219) 'от Анны родилась ты, мира Царица, Царя всех родившая и девствующая по рождестве, херувимов высшая, о Пренепорочная'.

Сопоставление с греческим текстом показывает, что славянский перевод сокращён, причём так, что это привело к нарушению композиции и синтаксиса тропаря. Очевидно, это было и одной из причин нарушения грамматических связей (ср. *дѣвствоующихъ* вместо *дѣвствоующи*). При столь значительном искажении текста форме *вѣшышу* едва ли стоит придавать большое значение. Других ранних примеров употребления буквы *у* в значении *и* в древнерусских рукописях обнаружить не удалось, подозрительное одиночество написания *зачѣньшу* (ж. р. им. п. ед. ч.) также позволяет предполагать в нём опisku.

Убедительные примеры, отражающие влияние греческого итацизма на фонологическое значение буквы *y*, относятся лишь к тринадцатому веку, когда буква *y* в южнославянских рукописях сербского и македонского происхождения стала обозначать фонему <i> в славянских лексемах. Как результат влияния новой нормы на значение ижицы следует рассматривать

«замеченную В. Мошиным [...] форму вунограда на л. 149 *Панегирика за март-август* последней четв. XIII в. (ред. Рашки), а также выписки Б. Цонева [...] из *Кюстендильского Четвероевангелия* XIII в.: [...] сѹла, [...] въскрѹлѣи его 24б, подь крѹлѣ 37а, възгыласѹ и 22а» (Страхов 2001, 17).

Что касается варианта ижицы *ʎ*, то один пример его употребления для обозначения <i> в исконно славянской лексеме отмечен мной в рукописи XVI в.: / *Сѣе разделение* Библ. (Рум.) 162 об. Буква *ʎ* написана в начале строки, причём размер буквы *ʎ* больше, чем у остальных строчных букв, что ясно показывает её декоративную, или зрительно-эстетическую функцию — выделения начала строки²⁴⁷.

3.2.2. Ижица в соответствии с *υ* и *οι*

Употребление ижицы в соответствии с греческими *υ*, *οι* образует основную группу древнерусских написаний с *y*, что соответствует ранее многократно отмеченной основной тенденции в древнейшей церковнославянской традиции. Не является исключением *Бычковско-Синайская псалтирь*:

Псалт.Б.-С.¹: / Змурьна 24 об., турова 25, ʎкумень sin. slav. 6/N 8 об., скʎмень 3б; *Псалт.Б.-С.²*: егупть 96 об., ёгүпть 97 об., егуптѣ 64, егвпта 67 об.²⁴⁸, ёгүпта 101 об., ёгүпте (зв. п.), 124, ёгүптьскъ 124 об., егу/птьсѣѣ 64 (Αἴγυπτος); (иноплеменьници) тури ∷ / (ἀλλόφυλοι καὶ Τύρος) 74; вавулона 74 (Βαβυλών); фуникъ 82 (φοῖνιξ); скумени 94 (σκύμος); мѹсеа 96 об., мѹси 100 (Μωϋσῆς); ту/мпанъ 68, тумпанъ 132 об. (τύμπανον); кумвалѣхъ 132 об. (κύβαλον).

Данные *Бычковско-Синайской псалтири*, не подверженной прямому влиянию южнославянских протографов, отражают индивидуальные навыки двух основных писцов. Эти примеры имеют древнерусские книжные параллели, в частности, в *Путятиной минее*, что доказывается сплошным просмотром этой рукописи:

²⁴⁷ В этой же рукописи встретилось и написание *iu̇v̇* 149 (т. е. «Иисус»), которое указывает на многозначность графемы *ʎ* в источнике.

²⁴⁸ Выцветшая буква *ʎ* читается на фотокопии плохо, возможно, правильным чтением должно быть *егупта*.

сз *курултанкомъ* 8 об.-5²⁴⁹ (σὺν Κυριακῶ ΑΗΓ ΙΧ, 359); *Муро* 17-13, 118-3 (ср. *муро* в минее ГИМ, Син. 166; Μύρου MR V, 124) *муро/* 95 об.-13, *муро* 98 об.-15, 103 об.-11; *порфуроѡъ* 25-7 (πορφύραν MR V, 29), *порфуроѡъ* 57-16, *порфуроу* 88 об.-3; *жгультьскы* 40-11 (τῶν Αἰγυπτίων MR V, 68), *жгульта* 65 об.-6, *жгульть* 67 об.-1, 68 об.-6; *Егульть* 68 об.-13; *въ ѳпостасьхъ* 46-3 (ὑποστάσεις MR V, 72; ср.: *ѳпостасьноуѡъ*, 93 об.-15), (*ждина*) *ѳпостасьноуѡъ*²⁵⁰ 98-2 (μόνη τὴν ἐνυπόστατον MR V, 158), *триѳпостасно* 101-17 (τριυπόστατον MR V, 162); *асурьскаго* 53 об.-6 (Ἀσσυρίων MR V, 88; ср. *асѣрийскыи* 54-1); *фуникъ* 70-6, 95 об.-11 (ср. φοῖνιξ); *сумеѡна* 97-2 (τοῦ Συμεῶν MR V, 156; далее в тексте службы во всех падежных формах имени собственного везде *у*); *ѣвѣтухила* 121-3 (τοῦ... Εὐτυχοῦς MR V, 179; далее в славянском тексте в корне имени собственного везде читается *-тух-*)²⁵¹.

3.2.3. Буква *ю* в соответствии с *и* и смежные явления

В южнославянских рукописях известны примеры произношения грецизмов с исконным *у* согласно переднему лабиальному звучанию этого гласного, о чём свидетельствует сплошной просмотр заимствованной лексики, отражённой в словарях старославянского языка (SJS; ССЯ). Материал показывает, что буква *ю* в соответствии с греческим *υ* используется в малом количестве лексем, напр.: *кюпроу* Ен. 145 (356-10) Κύπρου, *кюриѣжа* Ен. 155 (38а-3) Κυριακοῦ, *люсаниѡ* Асс. 277 (138а-21) Λυσανίου, *кюрѣ* Ен. 155 (38а-9), в греч. иначе: Κουσαρός; ср. в *Изборнике Святослава 1076 г.*: *кюпарисъ* 423 (83-5) κυπάρισσος, *кюриль* 645 (248-8). В древнерусских рукописях формы с *ю* в соответствии

²⁴⁹ В связи с тем, что публикация *Путьатиной минеи* осуществлена в трёх томах ежегодника, далее для краткости указаны только номера листов и строк рукописи, которые легко проверить по изданию М. Ф. Мурьянова (1998, 130–192; 1999, 140–206; 2000, 127–211).

²⁵⁰ В издании редактором допущена ошибка в словоделении: *ждинаѳпостасьноуѡъ*. Комментарий — «Греч. τὴν ἐνυπόστατον ζωὴν γεννήσασα (MR V, 158) — склоняет к тому, чтобы рассматривать *ждинаѳпостасьноуѡъ* как одно слово, а не два (как у Мурьянова)» (Страхов 2000, 214). Неясно, что здесь означает в таком случае буква *а*. В работе В. В. Колесова (1973, 178), который не ставил перед собой задачу полного прочтения славянского текста и не располагал греческим оригиналом, представлена попытка прочитать это слово как композит, в результате чего появилась конъектура *ждиноѳпостасьноу*. В прочтении текста прав был М. Ф. Мурьянов, греческий период выглядит так: με... πρὸς τὴν ζωὴν, Πάναγνε, πάλιν ἐπανήγαγες, μόνη τὴν ἐνυπόστατον ζωὴν γεννήσασα (MR V, 158); греч. μόνη соответствует слав. *ждина*, а морфемная структура прилагательного *ѳпостасьнъ* отражает семантику греч. ἐνυπόστατον (LPGL 485–486).

²⁵¹ Примеры типа (*въ оуши*) *кѣжжнѣ* 14 об.-14 (от *кѣжа*, ср. 41-15), *паѣлъ* 75-9 здесь и далее не рассматриваются, так как представляют собой особый тип адаптации грецизмов, в которых на славянской почве происходил переход *и* → *υ* в дифтонгах *au*, *eu*, ср.: *ѣвжжнѡ* 17 об.-13.

с греческим *υ* встречаются чаще, чем в южнославянских, о таких написаниях упоминал А. И. Соболевский (2006/1882). Выбор славянской формы для передачи грецизма с исконным *υ* мог зависеть от индивидуальных навыков книжника, поэтому

«написания с *ю* вместо *у* в греческих словах (для обозначения греческих *υ* и *οι*) находим в русских рукописях XI и XII вв. несколько чаще, например, у второго переписчика Арханг. ев.: *сюришкымы*, в Типогр. Кондакаре XI в.: *панюхидь, мюръмь* и др., в рукописях XII в.: *егюптъ, кюрюкъ* и др.» (Дурново 2000/1926, 687), ср. *фюникъ* (РГАДА, ф. 381, № 96, 42 об., 54 об.), *мюро* (РГАДА, ф. 381, № 96, 50 об.; № 97, 36²⁵²), но *Моуръмь* (РГАДА, ф. 381, № 96, 50 об.).

Древнерусские формы с *ю* отражают результат графической и, вероятно, фонетической адаптации переднеязычного произношения греческого *υ* (*ÿ*) как гласного, продвинутого в рекурсии после палатализованного согласного. В том случае, если исконный греческий *ÿ* оказывался в начале неприкрытого слога, возникала ситуация, сложная для славянской фонетики, средствами которой воспроизвести иностранное *ÿ* не после согласного в принципе невозможно, из-за чего немецкое *ÿ* и французское *u* меняются в русском языке на *i* (кириллическое *и*), *u* (кириллическое *у*) или *ju* (*ю*)²⁵³. Иллюстрацией этого являются в том числе отмеченные в *Путятиной минее* формы

²⁵² Обе минееи здесь и далее цит. по изд. *Мин.дек.*

²⁵³ Выразительное подтверждение этому, в общем-то, очевидному факту находим, например, в русском переводе английского романа В. В. Набокова: «Элен Гринштейн. Фамилия еврейская, но не германо-еврейская, несмотря на „штейн“. Вот эта „и“ в „грин“, вытеснившая прирожденную „у“, свидетельствовала о русском произрастании» (В. В. Набоков, *Подлинная жизнь Себастьяна Найта*, глава 13; пер. с англ. С. Ильина), — NB «прирожденную *u*», которая должна передать немецкое *ÿ* (ср. *grün*). Судя по оригинальному тексту: «Helene Grinstein. The name was Jewish but in spite of the „stein“ it was not German-Jewish. That „i“ in „grin“ displacing the natural „u“ pointed to its having grown in Russia» (V. Nabokov, *The Real Life of Sebastian Knight*, 1941 г.), — сам В. В. Набоков средствами английской фонетики и графики склонен был передавать немецкое *ÿ* скорее как [ju], в соответствии с русской практикой адаптации *ÿ*; ср. «Юманите», *Юбёр*, «юбер (= über)» — «Германия, конечно, юбер аллес. / (В ушах звучит знакомый венский вальс)» (И. А. Бродский, *Два часа в резервуаре*, 1965 г.); «Нужно ли Европе обанкротившееся государство, где по развалам былой жизни ползают красные партизаны ИГИЛа и юберменши из фашистской „Золотой зари“» (А. Баунов, *Почему в Греции победили друзья Путина*, <http://slon.ru/insights/1208593/> [дата обращения: 28 января 2015 г.]). Наверное, в русском переводе набоковской фразы правильно было бы написать не *u*, а *ю*, в соответствии с названием английской буквы *u* — «natural „u“», не *ÿ!* — и в согласии с практикой фонетической адаптации заимствованных слов с начальным *ÿ* в современном русском языке.

триѣностасно 9-5, *триѣноста/сьноу* 97-10-11²⁵⁴, где ѣ отражает развитие протетического йота перед труднопроизносимым гласным переднего ряда *й*²⁵⁵.

Лабияльное переднерядное произношение ижицы в соответствии с греческим *υ* (*й*) подтверждается данными ономастики. Выходя за пределы церковнославянского узуса, канонические имена с заднеязычными *k, g* перед исконным греческим *й* (согласно «классическому» произношению буквы *υ*) подвергались тем же преобразованиям, что и в исконных славянских лексемах перед гласными переднего ряда. Так, например, в *Сказании о Мамаевом побоище* (вариант Ундольского, по списку РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 578, вторая четверть XVI в.) упомянут воин Димитрия Донского Петр Чуриков²⁵⁶ (*Пам.Кулик.цикла*, 160), а в разъезжей грамоте 1462–1505 г. встречается Ивашко Матфеев Чурьяков (*А.феод.землевл. и хоз.* I, № 154, 135), фамилии которых восходят к греч. *Κυριακός*. В специализированном словаре (Тупиковъ 1903, 827–828) отмечены формы *Чупловъ* (1652 г.), *Чупров* (1495 г.) (← *Κύπριος*), *Чураковъ* (1450 г., 1620 г.), *Чуриковъ* (1658 г., 1679 г.) (← *Κυριακός*), а также *Чуриленко* (1552 г.) и другие производные от греч. *Κύριλλος*²⁵⁷. Сюда же относятся описанные М. Фасмером «древнейшія русскія заимствованія: *чурило*, *Κύριλλος*, [...] *чупро*, *Κύπριος*, *чуръ*, *Κύριος*» (Фасмеръ 1909, 21)²⁵⁸. Целый ряд примеров типа русск. *Чуприян*, *Чупро*, *Чуприло*, *Чурьяк*, макед. *чурици* 'день свв. Кирика и Иулиты' и т. д. приведён А. М. Селищевым (2001, 26, 27).

Переходное смягчение заднеязычного *k* по праславянской модели первой палатализации было бы возможно только перед звуком типа *й* и сопоставимо с южнославянскими формами типа *ehъnetъ* Асс., *ehъntъ* Асс., Клоц., *ehъontъ* Син.евх., Клоц., *ehъontъ* Боян., *ehъontъ* (SJS I, 563; ССЯ 207) и старосербским *Jeđurat* (Вайан 2002, 40), сравним в *Изборнике Святослава 1073 г.*: *ѣ/ѣлнта* 516 (161в-5–6), *ѣѣлнта* 564 (185в-3), *ѣѣлнта /* 470 (138в-27), *ѣѣлнта* 502 (154г-24), *ѣѣлн/тьскоуѣѣ* 480 (143г-8–9) и т. д. Разная рефлексация *g* перед *й* на юге и на востоке

²⁵⁴ У В. В. Колесова (1973, 178): *три ѣностасъноу*.

²⁵⁵ Соболевский 1901, 396; Крысько 1999, 229; ср. Страхов 2001, 20 («элементарная грамотность не позволяет увидеть протетический *j* в употреблении *ѣ* на месте ипсилона»; неясно, как можно прочесть букву *ѣ* в древнерусской рукописи иначе, чем *ju*).

²⁵⁶ См. также: Тупиковъ 1903, 828; Унбегаун 1995, 83.

²⁵⁷ «Что касается фонетических изменений, то ср. др.-русск. *Чуприанъ* из греч. *Κυριανός*» (ЭСРЯ IV, 386–387).

²⁵⁸ Несколько десятилетий спустя М. Фасмер был менее уверен в этимологии русского *чур*: «Зеленин (Табу 2, 93) смело толкует **чигъ* как „боже, упаси!“ и производит его из греч. *kύριος* „господь“» (ЭСРЯ III, 385); см. затем: Страхов 1993; ср. примеч. 235.

славянского ареала свидетельствует о том, что переходное смягчение славянских заднеязычных перед греческим *ŷ* происходило после распада праславянского языкового единства и связано с книжными контактами славянского мира с греческим (ср. Борисенко 2003).

Против славянской природы переходного смягчения в формах типа *чурило* возражал Б. Хюбнер, который указывал на палатальное свистящее произношение к перед *u* в греческом (Hübner 1966, 157). Это возражение не представляется достаточно обоснованным, во-первых, в силу того, что результатом смягчения перед *u* в славянских формах являются всё же не свистящие, а шипящие согласные, и во-вторых, потому, что аналогичную рефлексацию заднеязычных мы видим в сербскохорватских тюркизмах, что указывает на несомненное типологическое сходство обоих процессов: «*đübre* [...] „Dünger, Mist“ [...] seit dem 18. Jahrhundert [...] Über osman. göbre, gübre aus ngriech. κοπριά : κόπρος» (Vasmer 1944, 55); ср. *đümrük* ← *gümrük* ‘таможенный налог, ввозная пошлина’²⁵⁹, ср. болг. *гюмрук* и сербск.-хорв. *đuveć* ← *güveç* ‘овощная смесь; посуда для её приготовления’ и др.²⁶⁰ Южнославянский и древнесербский переход *g* → *đ* в грецизмах с *u* и тюркизмах с *ü* отражает процесс, типологически тождественный старославянской палатализации заднеязычного *g* перед гласным переднего ряда в грецизмах типа *ϕεονα* (*ϕεона*) (SJS I, 393–394), *δεона* (см. Vasmer 1944, 55) (*γεέννα*), *Đura* (*Γεώρουος*) и сербскохорватской вторичной палатализации (типа *nasleđe*), отражённой в том числе в заимствованиях типа *đakon* ← *διάκονος*, *đakonisati* ← *διακονίζω* (Vasmer 1944, 26).

3.2.4. Соответствия *u* → *ou*, *ou* → *y*, *ω* → *y* и *y* = *ou*

Несколько групп написаний свидетельствует о лабиальном непосреднем произношении славянской ижицы и греческого *u* при фонологической адаптации грецизмов в церковнославянском. К ним относятся прежде всего передача *u* с помощью *ou* в анлауте, где лабиальный гласный переднего подъёма *ŷ* был и остаётся невозможным вследствие очевидных особенностей славянской фонетической системы и где переход *ŷ* → *u* был позиционно мотивирован: (*И и*) *оупостась* (*ὀπὸστασις*) *Псалт.Б.-С.*¹ 18²⁶¹, *оусофъмь* 31 (*ὄσωπος*); ср. в *Путьятиной*

²⁵⁹ Аффриката может наследовать непосредственно тюркский пласт: Vasmer 1944, 55 («*đümrük* [...] Geht über osman. *gümrük* [...] zurück auf mgriech. κουμέρκιον, κουμέρκιν aus lat. *commercium*»).

²⁶⁰ Škaljić 1973, 257, 259; DTB 379–381.

²⁶¹ Повторное написание буквы *и* рассматривается как описка, а не попытка обозначить протетический йот, хотя никаких препятствий для развития протезы здесь нет; описки такого типа распространены в *Псалт.Б.-С.*¹; см. § 1.2.10.

мине: *оупностасьноуо* 93 об.-15 и регулярные формы *оупностась* в различных списках *Азбучной молитвы* Константина Болгарского (Veder 2000, 82). Известно также множество случаев передачи *у* с помощью *оу* после согласных, типа *тоуръ* 70 (Τύρος) *Псалт.Б.-С.*², в одном ряду с которыми следует рассматривать и происхождение фамилий типа *Упатов* (← Ὑπάτιος), *Труфанов* и т. д. (Унбегаун 1995, 47)²⁶²:

ἀντύπατος; ἀнтоупаτοу· *Супр.* 239 (110-20), ἀнтоупатоу 253 (117-1); ср.: ἀнеупата 239 (110, 18); ἀнеупать 253 (117-9); ἀнеупать· 253 (117-30) (все примеры не в конце строки);

ἀρχισυνάγουος; (бтъ) соунагога *Сав.* 259 (526-17) (середина строки); соунāгōгъ *Асс.* 120 (60d-22, середина строки), ср.: б̄ свнаго/га *Асс.* 115 (55а-7-8); архи/соунагогъ *Мар.* 132-18-19²⁶³, ср.: архисвнагогъ 260 (109 об.-7)²⁶⁴, архисвнагога 133, 24, в середине строки; архи/свнагога 232-16-17; архисв/нагогови 133-27-28;

βύσσοσ, βύσσινον оусон *Сав.* 251 (526(506)-5), *Rumj* (SJS I, 386);

Βαβυλῶνος вавоульна *Пс.* 86:4 *Sin* (SJS I, 163);

γὰζοφυλάκιον газофоу/лиѣиѣж *Зогр.* 70 (115 об.-14-15);

Γλυκερία Глоукериѣ *Šiš. kalend.* 13. Maii (SJS I, 403);

Διόδωμος диѡдоума · *Ен.* 121 (296-6);

Διονύσιος Дионоусии *Uvar* 132aβ 14, *Synod* 202b 11 (SJS I, 483), ср.: коуприаноу · диѡнисию *Ochr* 105a 14sq (SJS I, 482);

τὰ δίπτυχα ди(п)тоуха *SinSluž* 3b 9sq (SJS I, 483);

Δορυμέδων дороумѣдонтѣ *Ен.* 155 (38а-2), Дороумедонта *Ostr* 226аα 10 (SJS I, 510);

Εὐτύχιος авьтѣха · *Сав.* 644 (151а-17; в середине строки, в месяцеслове), евтоуха *Slepč* 126а 5 (SJS I, 562);

Εὐτύχος евьтоухъ *Ochr Slepč Mak* (SJS 10 (1965), 562), съ еп'тоухомъ *Ochr* 56а- 20 (SJS I, 483);

Εὐτυχιανός Евтоуха *Mak* 85b 3 (SJS I, 562);

²⁶² Для источников, цитируемых по SJS, используются сокращения, принятые в Словаре. *Боянский палимпсест* (Боян.) цитируется по ССС в соответствии с принятым в этом словаре сокращением; см. также: Diels 1932, 27-28.

²⁶³ В цитатах из *Мар.* указывается номер страницы издания и номер строки на странице издания согласно нумерации В. Ягича.

²⁶⁴ В указателе (Ягичъ 1883, 478) эта форма отмечена как *архисоунагогъ*; по сообщению А. А. Пичхадзе, полностью сверившей издание В. Ягича с рукописью, ошибка допущена в указателе, в рукописи *Мар.* (109 об.) — *архисвнагогъ*.

καλυτηνός (ке)лоунтина *En.* 153 (376-16);

Μαρτύριος ма/р̄тоуриā *Acc.* 250 (124b5-6);

Παύλος папоула (род. п. ед. ч.) *Acc.* 246 (122b-18);

συκομορέα соукомарѣ · / *Acc.* 131 (66b-19);

Συρία соуриѣѣ / *Acc.* 266 (132b-12); / соуриѣѣ *Супр.* 137 (59-12); сδрию *Hilf.*, соуриѣ *Sin.* (SJS IV, 415); τῆς Συρίας соуриѣскжж *Sin.* (SJS IV, 416); ὁ Σύρος соурьскы *Mar.* 208, 17;

Σύχαρ: соухарь / *Зогр.* 140 (232-17), *Acc.* 36 (18d-23);

Συχέμ соухемь *Hilf.* (SJS IV, 416); τοῦ Συχέμ сδхимьскаго (SJS IV, 416);

Τύρος тоурѣ *Зогр.* 51 (83-23; середина строки); ср.: τ'νρѣ / 14 (24-19), 103 (170-5); τ'νροу / 14 (24 об.-1), 103 (170-10), *Mar.* 35, 25; тоуромъ (и сидоноу/) 36, 1; тоурѣ · / *En.* (27a-4); τῆς Τύρου т'оурьскы *Зогр.* 59 (96 об.-10)²⁶⁵ (ср. *Зогр.* 59 (97-12, середина строки): τ'νρ'скъ); тоу/рьска *Mar.* 216-21-22, тоурьскж / 52, 29; тоу/рьскъ *Sav.* 355 (786(766)-12-13), тоурѣ/скж 312 (68a(66a)-10-11);

τύμπανον тоумпанъ *Sin.* (SJS IV, 566);

ὑποκριτής оупокры/ти *Acc.* 147 (74a-13-14); ср.: ...ἵσκοуша/ἔτε ὑποκριτι · / 91 (46b-9); ὑπόστασις оупостасехъ *Euch.* 86a-19 (SJS IV, 1041).

Диграф *ou* употребляется в соответствии с греческими *υ, οι* в славянском переводе канона сыропустной субботы (творение Феодора Студита), изданном М. Ф. Мурьяновым (1989, 195–213) по двум древнейшим славянским Постным Триодям древнерусской редакции: *Триоди Моисея Киянина* (РГАДА, ф. 381, № 137, кон. XII — нач. XIII в.) и *Триоди Синодального собрания* (ГИМ, Син. 319, XII в.; далее: *Синод.*). «Строго придерживаясь традиционной формы канона, это произведение необычно по содержанию — оно заполнено множеством имен святых» (Мурьянов 1989, 194)²⁶⁶. В перечисленных ниже примерах не отражены

²⁶⁵ В этом написании надстрочный знак может указывать на мягкость предшествующего согласного, как и в написании *т'νρѣ* / *Зогр.* 103 (170-5). Показательно, что такой знак употребляется в обоих написаниях, с *ν* и *ou*, что наводит на мысль о функциональном тождестве графем *ν* и *ou*. Получается, что обе буквы могли употребляться безразлично к тембру в пределах слога.

²⁶⁶ Далее в скобках приводится номер страницы сборника, где содержится публикация канона. Первый пример дается по *Триоди Моисея Киянина*, так как именно она, согласно указанию М. Ф. Мурьянова, содержит более сохранный текст, опубликованный по этой же рукописи; при необходимости в скобках приводится параллель из триоди Синодального собрания (с сокращением *Синод.*). Греческие параллели приведены М. Ф. Мурьяновым по изданию TR, 87-96.

распространенные в тексте случаи написания *и* в соответствии с *υ*, естественные, надо полагать, для конца двенадцатого века:

Вавоула Βαβύλας (197); *Исхурионъ* (Синод.: *Исхоурионъ*) Ἰσχυρίων (200); *Ксриль философъ* (200); *Поумина* (Синод.: *Поумена*) τὸν Ποιμένα (202); *Дионоусъ* Διονύσιος (207); *Полукарпѡмъ* (Синод.: *Полоужкарпѡмъ*) Πολυκάρπω (207); ср. также *сѡν Γαῖω τῷ σοφῶ* (*сѡ Гаиѡмъ мѡдрѡимъ*, 198), которое передано в Синод. как *соунгаиоמוудрѡимъ* (209).

В версии Синод. обращает на себя внимание пример *Югюпт.лнѡици* Αἰγυπτία (204), которое представляет собой единственный случай соответствия славянского *ю* греческому *υ* в этом каноне, тогда как в остальных случаях греческой букве *υ* соответствуют *у*, *оу* (*и*).

Начиная с древнейшего периода в рукописях отмечаются многочисленные обратные случаи, когда греческий *ου* передается славянской ижицей. Из этих примеров необходимо исключить один неочевидный случай, который представлен, в частности, в *Бычковско-Синайской псалтири*: *асѡръ* Псалт.Б.-С.² (Ασσοῦρ) 70 (данное написание — единственный случай соответствия *у* — *ου*).

В написании *асѡръ* 70 буква *у* могла появиться в результате контаминации с топонимом *Ἀσσυρία* или с этнонимом *ἄσσυριος*, который в такой форме встречается в Септуагинте. Пример сходной контаминации содержится в двух древнейших латинских рукописях Псалтири (VI в.)²⁶⁷, чьи разночтения отражены в издании А. Ральфа (LXX (Ps.), 225): *assyр, assyrius*. Латинское *assyrius* и греческое *ἄσσυριος* сопоставимы с формами *асѡриемъ* (2 раза), на *асѡриа* Кн.прор.¹ 71; (*ногоубити*) *асѡриѡ* (Ис. 14:25) Кн.прор. 97 об. Последняя цитата имеет греческую параллель τὸὺς Ἀσσυρίους ‘ассирийцев’ (по изданию LXX), что не позволяет видеть в славянском тексте имя собственное. В Вульгате мы находим имя *Assurium*, причины для появления двух разных чтений — *ассирийцев* или *Ассура* — содержатся в древнееврейском тексте. В версии МТ здесь представлено многозначное имя אַשּׁוּר ‘aššur, которое имеет несколько значений, развившихся на основе метонимии: 1) Ассур; 2) люди, народ Ассура, ассирийцы; 3) земля Ассура (BDBL 78). Первые два значения одинаково уместны в контексте Ис. 14:25, что создаёт семантические основания для их сближения или даже неразличения в разных письменных традициях.

Контаминация имён *Ασσοῦρ* и *Ἀσσυρία* в византийской письменности способствуют тексты хроникального жанра, в которых генеалогия ассирийцев возводится к библейскому Ассуру. Среди источников, наиболее близких к славянскому материалу, — Хроника Георгия Амартола («Ἐκ δὲ τῆς φυλῆς τοῦ Σῆμ καὶ τοῦ Ἀσσοῦρ, ἀφ’ οὗ Ἀσσυριοὶ [...]

²⁶⁷ См. об этих рукописях: Rahlfs 1979, 17.

ἀνεράνη καὶ ἄλλος τις ἄνθρωπος» и т. д. Georgius Monachus, vol. I, lib. I/3, 11). В славянском переводе Хроники имя Ассура не упомянуто, однако в тексте Троицкого списка ассирийцы многократно называются словом *асоурии* (Хрон.Г.Амарт. 34 и далее), что доказывает возможность взаимодействия форм *Ассуор* и *Ассуриа* у славян.

Убедительные примеры передачи греческого *ou* славянскими *y*, *v* (Ѣ) представлены некоторым количеством написаний, что проясняет общее утверждение, что буква *y* «in vocibus originis graecae litteram graecam u reddere solet» (SJS IV, 1040):

Βουλί вули · / *Супр.* 489 (235-28); τοῦ Ρούφου рѹфовой · / *Мар.* 181, 1; Σαδδουκαῖος (и) садѹкеи (Мф. 16:1) 54-24²⁶⁸; τῶν Σαδδουκαίων садѹкеиска · (Мф. 16:6) 55-14, (Мф. 16:11) 55-26, садѹкеиска ∴ (Мф. 16:12) 56-2; σοῦδάριον сѹдарь (Ин. 20:7) 397-15, сѹ/дар · *Асс.* 316 (155b-21-22); Φουρτουναῖος, вар. Φουρτουναῖος фуртоу/натианоу *Супр.* 367 (174-22-23).

Наконец, имеются написания *y* в значении *ou* в славянских морфемах. В *Псалт.Б.-С.*¹ буква *y* в этой позиции отмечена один раз: (яко аспида) *глуха* 36 об. В славянской письменности этот пример, однако, совсем не уникален. Так, в *Мариинском евангелии* буква Ѣ (*v*) употребляется в лексеме *ѹтро* (Ягичъ 1883, 422)²⁶⁹, — согласно наблюдениям В. Ягича (Ягичъ 1883, 422), формы *оутр-* в *Мар.* преобладают над формами *ютр-*, — и в славянских флексиях грецизмов в соответствии с *ou*. В *Сав.* 339 (746(726)-14) отмечена форма (памѣ вавинѢ) *леву* · (пятая буква от края строки, в месяцеслове), в *Псалт.Син.* также известны написания того же типа: *vгльбѣж, vвѣлзе* (Пс. 9:16) (SJS IV, 597), в том числе отмеченные П. Дильсом *взздрадѹѣсѣ* (Пс. 9:3), *вѹрѹѣ* (Пс. 26:13) (Diels 1932, 41).

Наиболее целостная картина, отражающая непереднее лабиальное чтение *y* и, очевидно, ипсилона представлена в *Изборнике Святослава 1073 г.*²⁷⁰, что доказывается тремя группами написаний:

- a) *ou* → *y*: ѣсеусь · / 699 (253a-20), ѣи/ѣсѹ · 700 (253в-16-17), ѣсѹ · ѣ · / 701 (254б-20); ѣвусѣ · (ѣβουσσαῖον 121 об.) 472 (139г-22); ѣнѹ · ѣ · / 695 (251а-7); сефаруѣ · (τοῦς... σεφαρουαῖους 124 об.) 510 (158в-27);
- b) *u* → *ou*: ѣнѹкѹрота ∴ ∴ / (Αυκουρωτός) 467 (137б-10); вавоулонѣ 501 (154а-2), вавоулонѣ 389 (97а-14), 705 (256а-15); вавоулоньскоу 481 (144а-15), вавоулоньскоу · 483 (144г-13); вавоулоньскы 501 (154а-1-2); вавоу/лоньскыи 442

²⁶⁸ В указателе неточно — «54. 23» (Ягичъ 1883, 572).

²⁶⁹ Эту форму П. Дильс считал опиской (Diels 1932, 41).

²⁷⁰ Ср. Илчев, Велчева 1995, 49 («Предаване на *ou* с *y* в слав. думи може да се срещне само като много рядко явление в ранните писмени паметници. За свидетелствувано е напр. в Златоструя на Бичков от XI в., в частта на главния преписвач на Изборника от 1073»).

(123г-5-6), вавоулонь/скый 498 (152в-5-6), вавоулоньскоу/ѣж 480 (143г 7-8) (ср.: вавулонъ 469 (1386-18), вавулона · / 706 (256в-2), 714 (260в-21); ва-:/вулоньскый 481 (144а-7) (Βαβυλών); виоууниѣ 427 (116а-18) (ср.: вуюѣ/нии 715 (2616-27-28) (Βιθυνία); оупо/стаси 558 (182г-5-6) (ὕποστασις); Оуѣкинѣ 499 (1536-3) (ὕακινθος), 120; коуприй · 599 (2036-4), коупри · 499 (153а-29) (κύπριοι); дудстроѣ · / [так!] 696 (251в-8) (δύστρος); мвоу-си- (мооуси-) (многочисленные примеры, см. указатель: *Изб.73*, т. 2, стр. 90); полоукарпово · 701 (2546-10) (Πολύκαρπος); скоумь/нъ 675 (241а-16-17) (σκόμνος); соумеднѣ 704 (255г 5) (Συμεών); скоуѣхъ/хъ 500 (153г-14-15), скоуѣиѣ 499 (1536-7), скоуѣиѣ · / 499 (1536-14) (Σκουθία); фоу/никий 656 (231г-7-8), фоу/ничьска 598 (202г-26-27) (Φοινικία); фроуге · / 471 (139а-2), фроугесть · / 471 (139а-27), фр8/говъ 599 (2036-14-15), фроугий / 716 (261г-1) (Φρούγες); Хроусостомово 441 (1236-14) (Χρυσόστομος); скоумень 508 (157в-16), хоуровьска 668 (237в-23) (Χοιροβοσκός); ѣгоуѣта 514 (160в-17) (Αἰγύπτος) и др.;

- с) *у* = *оу*: худо кѣ / 403 (104а-9), ѣ/строитььса 596 (201в-24-25), ѣѣдинѣнаѣ · 536 (171в-19), ѣѣфефу / дат. п. 471 (139а-9); ср.: ѣгъ · 468 (137г-22), ѣгъ / 472 (139в-22)²⁷¹.

Тожественность функций букв *у* и *оу* в *Изборнике Святослава 1073 г.* проявляется также в том, как переданы на письме морфологически неадаптированные этнонимы, упомянутые в отрывке одного из сочинений, посвящённого генезису различных народов. Интересующий нас текст расположен на лл. 138а-139б. Особенность использованных в нём исторических и мифологических этнонимов состоит в том, что многие из них употреблены в морфологически неадаптированной форме им. п. мн. ч. и фактически представляют собой транскрипцию греческих слов, при этом греческая флексия *οι* часто передается с помощью буквы *у* или диграфа *оу* (независимо от конца строки): *акунтину* 139б-7, *ѣлумеу · ѣсури/ѣ · [...]* *луду · [...]* *ѣврѣ/ѣ · ѣндоу* 469 (138а-17-21), *вактириѣноу · 469* (138а-22), *савеу* 469 (138б-27) Σαβαῖοι и т. д.²⁷²

²⁷¹ В *Изборнике Святослава 1073 г.* буква *у* не используется в качестве эквивалента *ю* в написании славянских лексем и только в одном из двух написаний буквы *у* в анлауте она находится в конце строки. Подсчёты показывают, что буква *у* в соответствии с греческим *ου* и славянским *оу* использована в *Изборнике 1073 г.* тринадцать раз, из них в конце строки — семь раз и перед внутрисклочной точкой — четыре раза. Это позволяет усмотреть в *Изборнике 1073 г.* тенденцию к использованию буквы *у* как эквивалента диграфа *оу* (не *ю!*) в конце строки или перед внутрисклочной точкой (то есть в конце какого-то ритмико-смыслового периода в тексте, что связано скорее не с экономией места, а с «графической редукцией»).

²⁷² Едва ли формы с *и* в соответствии с флексией *οι* являются свидетельством передачи греческого дифтонга *οι* славянским *и*; скорее всего, эти написания отражают морфологическую адаптацию этнонимов согласно парадигме **jo*-основы.

Один пример *цр̑у · 480* (143г-7), отмеченный у второго писца *Изборника 1073 г.*, следует рассмотреть отдельно в сопоставлении с формами типа «*цр̑ж 184в14, 185б25*» (Баранкова и др. 1988, 6). Установлено, что второй писец после *р* в два раза чаще использовал *ж* (двенадцать раз), чем *ю* (шесть раз). Буква *ж* использовалась для обозначения фонемы <u> как после твёрдых согласных, так и после исконно палатальных, в том числе *р*, в *Изборнике 1073 г.* не отмечено (Баранкова и др. 1988, 6–8). Следовательно, формы типа *цр̑ж 184в-14* не свидетельствуют об отвердении *р*, а буква *ж* здесь выступает как эквивалент *ю*. Что же касается написания / *цр̑у · 480* (143г-7) вторым писцом *Изборника 1073 г.*, то оно представляет собой единственное исключение из общей закономерности употреблять букву *у* для обозначения фонемы <u> после твёрдых согласных и является имитацией того, как сокращается диграф *ou* в греческом минускуле: первый элемент в сокращённых написаниях, как правило, оказывается под титлом.

Тенденция к непереднему лабиальному чтению ипсилона в гречизмах в *Изборнике 1073 г.* имеет ряд исключений, которые касаются корня *сюр-* и сочетания *кюр-*: *сюри / ѡсцр̑ѡ 499* (153б-6–7), *кѡрѡѣ 706* (256в-24) (ἐπί Κύρου, 206); *Кюрилово* (123а-3), *аѡ / кюрота 441* (123-21–22). Особо выделяется лексема *ѡѡпѡтъ: ѡ / ѡпѡта · 516* (161в-5–6), (185в-3), *ѡѡпта 564* (138в-27), *ѡѡпта · 502* (154г-24), *ѡѡпѡтъскоуѡѡ 480* (143г-8–9) и т. п., которая употребляется почти всегда только с *ѡ* — согласно словоуказателю, в рукописи имеются всего три написания этого слова с *ou*. Написания *Кжрилово 436* (120г-14), *кжра (града) 441* (123б-27) нельзя объяснить однозначно, так как буква *ж* в *Изборнике 1073 г.* может употребляться вместо *ю* (правда, в основном после букв исконных палатальных)²⁷³.

Непереднее лабиальное чтение ижицы доказывается также рядом примеров, которые отражают передачу ω славянскими *ѡ* (Ѣ) и *ou* (Ѣ):

силѡѡми, силѡѡмѡѡ *Acc. 48* (24с-11, 24д-7), *силоуамовѣ Изб.73 107а-25–26* (Σιλωάμ); *дѡмоуна, дѡмоуни Lob Par дѡмоуномѣ Откр. 18:2; 9:20 Hval* (δαίμων,

²⁷³ Ср. Голышенко, Дубровина 1967, 24 («В словах неславянского происхождения [в Синайском патерике. — Р. К.] нередки случаи смешения букв *ou* и *у* („ижица“), при этом имеются примеры как с *ou* вместо *у* [...], так и с *у* („ижица“) вместо *ou* [...] В словах славянского происхождения случаи употребления *ou* в виде *у* единичны и, очевидно, являются описками»). В свете данных *Изборника Святослава 1073 г.* в гипотезе об описках нет необходимости. Излишне категорично также утверждение, что «для XI в. употребление монографа *у* как функционального эквивалента *ou* маловероятно» (Голышенко 2000, 15).

τὰ δαμόνια) (SJS I, 474; s. v. дѣмоньскъ: «semel демоуньскъ» в *Hval*); авеселоума Пс. 3:1 *Sin*. (Αβεσσαλώμ SJS I, 4); ароуновж тоῦ Ἀαρών Пс. 113:20 *Sin*, ср.: фроуню *Lob*, фроуню *Par*, фроунь *Lob Par* Ἀαρών фроунѣю *Lob* фроуню *Par* тоῦ Ἀαρών (SJS I, 52); (роса) ерѣмоунѣ Пс. 132:3 *Sin*, (роса) ерѣмоуньска *Euch* 9а 12–13, рѣмоунѣ (вм.: ермоунѣ) Пс. 88, 13 (SJS I, 581), аерѣ/моуньскаѣ *Изб.* 76 423 (83-5–6) (Αερμων, Αερμών, Ерμων, Ерμών²⁷⁴); икоуна Пс. 72:20 *Sin* εἰκών (SJS I, 760)²⁷⁵.

На материале грецизмов славянского перевода *Хроники Иоанна Малалы* показано, как в написании славянских лексем отражалось сужение греческого *ο* в *и* в безударной позиции или в «соседстве с лабиальными, плавными и гортанными звуками» (Чернышёва 1994, 403, 447). Однако примеры *ѣроунь*, *икоуна*, *ароуновж* не во всем соответствуют этим позиционным условиям. Вероятно, они отражают обычное сужение греческого *ω* в *и*, которое раньше всего, с третьего века до Р. Х., развивалось в солунской (фессальской) группе говоров ионического наречия. В этом ареале рефлекс *ω* в виде *и* сохраняется до настоящего времени; для славянского материала важно то, что, по мнению ряда исследователей, такое произношение легло в основу койне²⁷⁶.

3.2.5. Ижица в гиперкорректных написаниях

В *Псалт.Б.-С.*² отмечено одно гиперкорректное написание *у* в соответствии с η: *скѣпѣтры* (σκήπτρον), *sin. slav.* 6/N 16. Передача греческой η в слове σκήπτρον с помощью славянской ижицы не уникальна в древнерусской письменности. Кроме аналогичной формы в существенно более поздней рукописи XVI в.: *скѣпѣтръ* (требник БАН, Арх. д., № 72, вторая половина XVI в., л. 40²⁷⁷), выразительно написание *скѣпѣтры* в славянском переводе шестнадцатого века латинского Жития свт. Николая, где эта форма не может зависеть от оригинала, в котором читается *sceptra*²⁷⁸. С формой *скѣпѣтры* сопоставимы

²⁷⁴ Формы *аермоун-* и *ермоун-* отражают различные греческие варианты названия горы Хермон. В свою очередь, греческие формы Αερμων, Αερμών, Ерμων, Ерμών, представленные в Септуагинте, отражают разные способы адаптации на греческой почве древнееврейского חרמון ḥrṁṁn.

²⁷⁵ Написания типа *дѣмоуни* (τὰ δαμόνια) свидетельствуют о влиянии на фонемный облик грецизма основы им. п. ед. ч. δαίμων, слав. *дѣмоунѣ*. Очевидно, форму *дѣмоуни* следует связывать не с греч. им. п. мн. ч. τὰ δαμόνια, а со слав. им. п. ед. ч. *дѣмоунѣ*.

²⁷⁶ Bartoněk 1966, 49–51, 180–183; Jurewicz 1992, 37.

²⁷⁷ Рукопись цитируется по КДРС.

²⁷⁸ Сборник ГИМ, Син. 219 (70–начало 80-х гг. XVI в.), 417 об.; изд.: (Калугин 2003, 112). В том же сборнике ГИМ, Син. 219 находим и написание *хѣротонисанѣ*

ранние написания *судоньскъ* (Σιδῶνος) 80 об., *фулиповы* (Φιλίππου) 82 об. в *Архангельском евангелии 1092 г.*²⁷⁹ В *Триоди Моисея Киянина* (кон. XII — нач. XIII в.) отмечена форма *лувиа* (Λιβύη), с разнотечением по древнейшей Постной Триоди (ГИМ, Син., № 319, XII в.): *Лувита* (Мурьянов 1989, 195). В написаниях *Лувита* или *скѹпѣтры* можно было бы усмотреть графический приём своеобразного «маркирования» грецизмов с помощью букв *у*, так же как и в одном примере из *Синайского патерика: скута* Пат.Син. 106 об. (т. е. 'скита', ср. σκήτη), однако отмеченная на том же листе форма *скоутъ* 106 об. доказывает, что графика отражает фонемный уровень, затронутый гиперкорректной адаптацией грецизма на славянской почве. Как гиперкорректные следует рассматривать формы *мѣринѣ/ѡа* 684 (245в-1-2) (Μηρίνου) *Изб.73* и (*агиосъ*) *клоуменътѣи* (Κλήμεντος) из надписи по сторонам изображения сщмч. Климента, папы Римского, на реликварии для хранения частиц Креста Господня (так называемая «Архангельская, или Померанцевская, ставротека» из собрания Архангельского краеведческого музея, её наиболее вероятная датировка — XII в.)²⁸⁰.

Написания *скоутъ*, *клоуменътѣи*, *мѣринѣ/ѡа*, в которых славянские *оу* или *ѡ* соответствуют греческой η, восходят к формам типа *скутъ*, **клуменът-* или **муриноѡ*²⁸¹. Гиперкорректное написание ижицы

(χειροτονέω) (Калугин 2003, 62), где буква *ч* также не обусловлена реальным графическим и фонетическим обликом исконного греческого слова. Возможно, однако, что в поздних старорусских примерах употребление ижицы в соответствии с греческими η, εи всё же указывает на изменившееся произношение буквы *у* как *і*.

²⁷⁹ См. Diels 1932, 27–29 (старославянские примеры); Страхов 2001, 17 (эти и другие примеры с *у* в соответствии с греческим ι в других рукописях).

²⁸⁰ Медынцева 2000, 125; ср. там же, с. 126 («написание *оу* вместо *и*, *у* или *і*» — «это так называемое гиперкорректное написание, когда мастер вместо „ижицы“ в протографе пишет *оу*, так как для русского писца „ижица“ была равнозначна *оу*»).

²⁸¹ Возможно, что написание *муриноѡ* отражает паронимическую аттракцию с *мюринѡ* 'эфюп'; ср. отмеченные только в древнерусских рукописях написания этого этнонима с *мюр-* и *мур-* (СРЯ XI–XVII вв. 9, 309–310, s.v. МУРИНЪ (МЮРИНЪ) и МИРИНЪ; СДРЯ V, 113, s.v. *мюринѡ*). В свою очередь, форму *мюринѡ*, восходящую, по всей видимости, к *муриинѡ*, следует рассматривать как гиперкорректное переосмысление по грецизированной модели первоначального *моуриинѡ* (ср. SJS II, 236, s.v. *моуриинѡ*, формы с *мюр-* не отмечены), происходящего «из д.-в.-н. *mōr* „мавр“ от лат. *maurus*» (ЭСРЯ III, 13). Свидетельством гиперкорректной грецизации германизма *mōr* (*моурѡ*), происхождение которого не было известно древнерусским книжникам, служат не только древние написания с *мур-* (→ *моор-*), но и поздние формы *мирину* и *мирина*, отмеченные в восточнославянских рукописях шестнадцатого века (СРЯ XI–XVII 9, 309), то есть

в грецизмах приводило к появлению форм с *ou* в древний период так же, как, очевидно, в более позднюю эпоху развивались формы с *и* (через *ν*) типа *Анфиса* (Ἄνθουσα) или *Викул* (Βουκόλος), о которых упоминалось выше. Появление гиперкорректных написаний с ижицей, призванных имитировать грецизированный облик слова, свидетельствует скорее о чтении ижицы как переднего лабиального гласного, появление которого, за редкими исключениями²⁸², после букв непалатальных согласных было возможно только в заимствованной лексике.

3.2.6. Ижица как субститут *ю*

Употребление буквы *у* в значении *ю* в славянских лексемах хорошо засвидетельствовано в раннедревнерусский период, например, в *Псалт.Б.-С.*¹: *лута* 10, *пѣтру* 36 об. (зв. п., ср. ψαλτήριον) 36 об., 12-я буква в строке из 18-ти); *Псалт.Б.-С.*³: *спѣющеу* 13 об., ср. *исзшоуть* 13, *творлющеу* 13 об. (диграф *ou* после букв шипящих третьим писцом не используется, в связи с чем очевидно функциональное тождество *ѣ* и *ю*). К числу рукописей, в которых особенно широко используется буква *у* в значении <u> после букв исконно палатальных согласных, относятся новгородские служебные минеи одиннадцатого — двенадцатого веков из синодального собрания РГАДА²⁸³, где *у* может использоваться даже в начале слога (Гольшенко 1987, 171–172): /*нѣ ѣ ермѣ жтрънюице* :~ / (*Та* 27 об.) и др., в древнейшей южнославянской традиции отмечен аналогичный пример²⁸⁴. В так называемом *Типографском евангелии* XII в. буква *у* часто используется в конце строки как графически более «узкий» функциональный эквивалент *ю* в славянских лексемах (Гольшенко 2000, 15–16), что позволяло писцу выработать принцип распределения в употреблении двух графем с одинаковой фонологической функцией. Наконец, о чтении буквы *у* как *ю* свидетельствует азбука берестяной грамоты № 591 (первая половина одиннадцатого века), где «зеркальная» буква

в среднерусский период, для которого допустимо предполагать произношение ижицы как *i*. Таким образом, формы *моур-*, *мур-*, *мюр-*, *мир-* (← др.-в.-нем. *mōr*) отражают типичную для грецизмов с исконным ипсилоном *u* вариативность древних *у*, *ю* или *ou* и более позднего *и*.

²⁸² Ср. формы *стюд-*, о которых шла речь выше.

²⁸³ Гольшенко 1982, 12, 14–15 («нам не известны другие ранние восточнославянские рукописи, в которых бы столь широко был представлен рассматриваемый знак»; комплект написан четырьмя писцами, все они активно используют *у* в значении *ю*, правда, наряду с отдельными написаниями в значении *ou*); Гольшенко 1987, 163–178.

²⁸⁴ Miklas 2002, 299 («Vgl. auch [...] *устина* für *Justina* [...] im Assemanianus»).

у стоит на алфавитной позиции *ю*, а в грамоте № 778 в соответствии с *у*, из № 591²⁸⁵ выступает *ю*» (Зализняк 1999, 553, 561)²⁸⁵.

3.2.7. Ижица как субститут *ѣ*

В первом почерке *Бычковско-Синайской псалтири* имеются редкие для раннедревнерусского периода случаи употребления буквы *у* на месте исконного *ѣ* после буквы твёрдого согласного: *сѣ/ть Псалт.Б.-С.¹ 7; зѣбуи 36, възстану 36 об., гусли 36 об.* Один раз *у* написана словно в соответствии с *ѣ*, который в графико-орфографической системе *Псалт.Б.-С.¹* отсутствует: *пѣру* вин. п. ед. ч. 12. Как было отмечено выше, буква *ѣ* использована в *Псалт.Б.-С.¹* три раза: *моѣѣ* 3 об., *пѣ/ть* 7 об., *ѣстрашишася* sin. slav. 6/Н 6. Обе графемы, *ѣ* и *у*, используются для передачи гласного как переднего, так и непреднего ряда, иными словами, являются эквивалентами *ю* и *оу* и, учитывая малое количество случаев их употребления, отражают, по всей вероятности, древнерусский протограф с «этимологически неправильным» написанием *ѣ*. Во втором почерке буква *у* используется только в соответствии с исконным *ѣ*: *Псалт.Б.-С.²: вѣ нѣ* 55 об.; *ра/здѣлу* 133 об. (μεριῶ). Аналогичное употребление ижицы описано в службе Иерофею Афонскому (БАН, 16.13.54; XI–XII вв.) и в *Цветной Триоди* XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 138), где *у* используется вместо *ѣ* и *ѣ*, причём в *Цветной Триоди* буква *у* используется на месте *ѣ* только в конце строки или перед разрывом в пергамене²⁸⁶.

Наиболее активно буква *у* в соответствии с *ѣ* используется в *Путьминой минее* (Колесов 1973, 177–178), где имеются только два написания *у* в качестве эквивалента *ю*: *зару* 39 43; *оутрѣнующе* 94; *к'нлазу* 31 об., *лудѣмѣ* 55 об. и т. п., всего 27 примеров (Колесов 1973, 178), из них, как показывает сверка с источником, десять — в конце строки, десять в начале, семь в середине. Количество написаний с буквой *у*, обозначающей <и> после исконно палатальных и палатализованных согласных, в *Путьминой минее* сопоставимо с материалом новгородских служебных миней XI–XII вв. из типографского собрания РГАДА и с *Типографским евангелием* XII в., хотя в этих памятниках параллелизма между *у* и *ѣ*, *ѣ* не усматривается²⁸⁷. Написания

²⁸⁵ Ср. Miklas 2002, 300 («Damit entsprach kyr. *у* vs. *ю* der gr. Antistoichie u vs. oi. Über den Vergleich mit gr. oi erklärt sich auch, weshalb das aus dem entsprechenden glagolitischen Graph derivierte kyr. *ю* bald auch als oi (mit oder ohne Ligaturstrich) geschrieben wurde»).

²⁸⁶ Голышенко 1982, 11, 13; Голышенко 1987, 153.

²⁸⁷ Голышенко 1987, 164; Голышенко 2000, 16 («из ранних восточнославянских рукописей аналогичное Т-сипографскому >Е<вангелию> употребление ижицы в виде *у*, представленное тоже значительным количеством примеров, нам

с *у* в соответствии с йотированными *ѣ* и *ю* в *Путьятиной минее* и исключительное употребление *у* в соответствии с *у*, *о* (см. § 3.2.2) доказывает, что в этой рукописи буква *у* читалась как *й*. Написание диграфа *оу* и *ѣ* в соответствии с буквой *у* отмечено в *Путьятиной минее* только в двух случаях, из них один раз — в анлауте: *оуѣпастьвноуѣ* 93 об.-15, *асѣриискѣи* 54-1²⁸⁸.

В кириллических памятниках, отражающих переход <ѣ> в <и>, буква *ѣ*, йотированная пара которой употребляется крайне редко (см. § 2.6), заменялась как на *оу*, так и на *ю*. В результате большой юс приобрёл ту же многозначность, которую в отдельных случаях проявляет буква *у*, также употреблявшаяся вне устойчивой связи

до сих пор было известно лишь в Служебных минеях XI–XII вв. (РГАДА, ф. 381, № 99, 103, 110, 121, 125)»).

²⁸⁸ В *Путьятиной минее* содержится также ряд отклонений от основной закономерности употребления буквы *у*. Прежде всего они отражаются в написаниях под титлами, где представлен только второй элемент диграфа: *бѣ* 25 об. 7, 40 об. 1, 66 об.-17, *гѣ* 75-17, что не является специфической особенностью этого памятника, подобные написания известны и другим рукописям (Голышенко 1987, 152-153), правда, более поздним. Представляют интерес следующие примеры: *нѣ/ти* 45 об. 4-5; *раздрѣ/ши* 63 об.-3-4; *стѣ/ю* 77-12-13; *мѣ/кѣ* 81-10-11; *ѣ/ствѣжломѣ* 86-9-10; *бѣ/рѣ* 87-3-4, 91 об.-14-15; *лѣнѣ/* 88 об.-14; *иѣѣще* : / 106-6; *вѣорѣжена фа* : ~ / 82-9 (зачало ирмоса). Ранее подобные написания были отмечены в *Златоструе Бычкова* (XI в.), древнейшем списке *Богословия Иоанна Дамаскина* (XII–XIII вв.) и в первом почерке *Слова Ипполита об Антихристе* (XII в.) (Голышенко 1987, 161). Особенностью этих написаний в *Путьятиной минее* по сравнению с перечисленными памятниками является употребление сокращённой формы диграфа *ѣ* не только в абсолютном конце строки или листа. Один раз верхний элемент диграфа *ѣ* оказался пропущен: *му//кѣ* 82-16-82 об.-1. Нет никаких оснований видеть здесь сознательный приём, так как первому (основному) писцу *Путьятиной минеи* было несвойственно употребление буквы *у* в значении <и> после твёрдых согласных. О пропуске первого элемента диграфа свидетельствует и написание *ѣтѣшителѣ* 111 об.-2 (в середине строки). Первый элемент диграфа здесь явно был пропущен, а затем надписан над строкой (такой способ исправления описок характерен для *Путьятиной минеи*). Единственное написание *му//кѣ* 82-16-82 об.-1 в абсолютном конце стороны листа также следует рассматривать как неисправленную описку, но совсем не как «экономный» вариант формы *моуѣкѣ*. На примере написаний с *ѣ* в *Путьятиной минее* не подтверждается гипотеза, что именно такой сокращённый вариант диграфа послужил причиной появления у буквы *у* значения <и> (после твёрдых согласных). При наличии большого количества написаний *ѣ* в конце строки буква *у* не обозначает фонему <и> после твёрдых согласных. Между написанием *ѣ* в конце строки и развитием у буквы *у* значения <и> в сочетании <Су> устойчивой связи нет. Употребление ижицы в конце строки свидетельствует о попытке её графической адаптации как грецизированного эквивалента *ю* к условиям древнерусского письменного книжного узуса.

с тембровыми характеристиками слога благодаря различным возможностям фонологической адаптации и функционирования грецизмов с исконным *u* на славянской почве. Поэтому в *Путьятиной минее* «*ѣ* является не знаком носового гласного после твердого согласного, а своеобразной заменой *y*» (Колесов 1973, 179).

Тождественное значение букв *y* и *ѣ* в части древнерусской традиции является её характерной особенностью, которая обусловлена, во-первых, безразличным употреблением *ѣ* как после палатальных, так и после твёрдых согласных, во-вторых, многозначностью знака *y*, который также мог употребляться как после букв твёрдых, так и после «нетвёрдых» согласных. При этом оба знака были в древнерусской орфографии своеобразными «маркерами» книжной орфографии и связывались либо с южнославянским, либо с греческим письмом.

3.3. Выводы

Древнейшие примеры употребления буквы *y* для обозначения фонемы <*i*> в славянских лексемах, отражающие распространение итацизма в качестве произносительной нормы в процессе фонетической адаптации грецизмов с *u*, *oi*, засвидетельствованы в южнославянских рукописях не ранее тринадцатого века. Самые ранние известные автору этих строк надёжные древнерусские примеры использования *v* в значении <*i*> в славянских лексемах датируются шестнадцатым столетием. Буква *y* (*ѣ*, *v*) в древнейшей церковнославянской традиции употреблялась только для обозначения фонемы <*u*> после твёрдых, палатализованных или палатальных согласных, а также для передачи сочетания <*ju*> в начале слова, что доказывается употреблением буквы *y* в славянских лексемах и морфемах только в соответствии с *ю* или *ou*, а в восточнославянской традиции также в качестве функционального эквивалента *ѣ* (обе буквы, *ѣ* и *y*, должны были восприниматься как своеобразные графические «маркеры» книжного письма, что также способствовало их отождествлению; кроме того, обе буквы могли употребляться безразлично к тембру предшествующего согласного).

Употребление ижицы для обозначения фонемы <*u*> после палатальных и мягких согласных в славянских лексемах отражает переднее лабиальное произношение греческого ипсилона, сохранявшееся в Византии в качестве «высокой» произносительной нормы до одиннадцатого века. Некоторые данные позволяют судить, что такое же произношение *u*, *oi* сохранялось в ряде греческих диалектов эпохи первых славянско-греческих, в том числе книжных, контактов на Балканах и в Далмации. Переднее лабиальное произношение *y*, сформировавшееся в древнейший период истории церковнославянского

языка, сохранялось в течение длительного времени в качестве правила независимо от экспансии итацизма в греческом языке. Переднее лабиальное произношение ижицы как в южно-, так и в восточнославянской письменности противоречит региональному характеру лабиального произношения *υ*, *οι* в греческом, что заставляет видеть в чтении *у* как *й* или *и* скорее влияние «высокого» классического произношения, чем диалектную особенность, повлиявшую сначала на древнюю южнославянскую произносительную норму, заимствованную впоследствии в Древней Руси.

Основной сферой употребления славянской ижицы были грецизмы с исконными *υ*, *οι*, для передачи которых в славянские алфавиты была введена эта буква. Отсутствие примеров употребления ижицы в значении <*i*> в славянских лексемах свидетельствует о том, что итацизм не влиял на древнюю фонетическую адаптацию грецизмов с *οι*, *υ* в древней церковнославянской книжности. Древнейшие написания с *и* типа *египѣтъ* или с *ь* типа *сьмеонъ* отражают не итацизм, а фонетическую адаптацию сочетания <Cü>, невозможного на славянской почве, где переднее или продвинутое в рекурсии *и* было возможно только после палатальных или, после утраты палатального ряда, палатализованных согласных: <Cü> → <Ci>, что соответствует переходу, наблюдаемому в позднейших заимствованиях типа *Миллер* (← *Müller*).

Непереднее лабиальное произношение ижицы могло также отражать диалектные особенности произношения греческого *υ*. О возможности такого диалектного воздействия на произношение славянской ижицы свидетельствуют написания с *у* (ѣ) в соответствии с греческим *ω* в некоторых древнейших южнославянских (старославянских) евангелиях, отражающие диалектное сужение исконно долгого *ο* в *и*, известное также в койне. Однако локальный характер перехода *й* в *и* находится в прямом противоречии с показаниями древнейших славянских рукописей, в которых грецизмы с исконным *υ* передаются с помощью *οу* независимо от места их создания на всей территории распространения древней церковнославянской книжности одиннадцатого — двенадцатого веков. Греко-славянские соответствия *υ* ↔ *οу* и *ου* ↔ *у*, в отличие от изменения *й* в *и*, локально не ограничены, а следовательно, их диалектная обусловленность маловероятна. Очевидно, что употребление *у* в качестве эквивалента *οу* отражает фонетическую адаптацию греческого сочетания <Cü>, в котором на славянской почве должна была происходить палатализация согласного, отразившаяся, в частности, в формах типа *Чуриков* (← *Κυρίκος*). Передний или продвинутый в рекурсии лабиализованный гласный был возможен в позднепраславянском языке только после палатальных согласных (инновации типа *стюд-* обусловлены поздним межслоговым взаимодействием), написания типа *мюро*, *кюрильъ* отражают имитацию

переднерядного произношения греческого ипсилона и не имеют славянских параллелей. Из-за отсутствия в славянской фонологической системе сочетаний типа <Сü>, где С — не исконно палатальный согласный, греческое *й* должно было замениться на *i*, что допустимо видеть в формах типа *египѣтъ*, или на *и*, о чём свидетельствуют написания типа *скоуменъ* (σκῦμος) и формы типа *Лукерья* или *Труфанов*. Значение, тождественное *оу*, развивается у славянской ижицы в результате фонологической адаптации грецизмов с *υ*, *οι*, читавшимися как *й*. Буква *у* могла при этом использоваться как «узкий» вариант *оу* в конце строки.

Таким образом, греческое сочетание *Сй* адаптировалось в церковнославянской фонетике несколькими различными способами: во-первых, как *С'и* (или *С'й*), с возможной палатализацией заднеязычного согласного, во-вторых, как *Си*, в-третьих, как *С'и*.

В позиции начала слога греческое *й*, невозможное в этом положении и в современной славянской фонетике, передавалось или как *оу* (ср. формы типа *оупостась*), или, в редчайших случаях, как *ю*, то есть с развитием протетического *j*, о чём свидетельствуют два написания *Пуятиной минеи* (*триѣпностасно*, *триѣпностасьноу*). Без посредства протетического согласного в церковнославянском языке образовывались фонологически адаптированные формы типа *оупостась*, *оусофѣмъ*, ср. *Упатов*, отражающие переход невозможного на славянской почве анлаутного *й* в *и*.

Наличие лабиализованного гласного переднего ряда *й* не после исконно палатального согласного являлось в древнем церковнославянском языке признаком греческого, культурно престижного происхождения слова. Замена такого *й* славянскими субститутами *i* или *и* могла восприниматься как частичная утрата книжной окраски в фонетическом облике лексемы, что приводило к появлению древних гиперкорректных форм типа *скутъ* (ср. σκῆτη 'скит', где *у* в значении *оу* выступает в качестве соответствия η; ср. в этом же памятнике на этом же листе *скоутъ*). О лабиальном произношении ижицы свидетельствует также современная форма *Анфиса* (Ἄνθουσα), восходящая к более ранней **Анфуса*, с последующим изменением лабиального произношения ижицы на «итацирующее».

IV. К истории русско-церковнославянских адъективных форм на *-ои*

4.1. Данные церковнославянских рукописей

Рефлексация напряжённого гласного *ъ* в виде *о* перед *ј* рассматривается как одна из особенностей языкового узуса, на основе которого сформировалась древнейшая славянская гимнография:

«В Путятиной минее, наряду с формой причастия *възнесъиса*, один раз отмечена форма *вънесоиса* (Баранов/Марков 2003: 313) с прояснением напряженного *ъ* в *о* — такие формы иногда встречаются в Мариинском евангелии, Синайской псалтири и Синайском тревнике (Wijk 1957: 174)» (Пичхадзе 2009, 306).

Это наблюдение заслуживает серьёзного внимания, поскольку перед нами — орфографическое явление, в котором усматривается «текстологическая примета» целой группы текстов, по количеству рукописей сопоставимой только со Священным Писанием.

Если орфографическое явление, о котором идёт речь, является частью «автономного письменного узуса» (Живов 1998) и определяется навыками писцов, особенностями русско-церковнославянской книжной орфографии, правилами чтения еров, или же, наоборот, является так называемой «живой» инновацией древнерусского языка, то его текстологическая значимость ничтожна, поскольку оно, будучи явлением именно языка — книжно-письменного или разговорного, ничего не сообщает об оригинальном тексте перевода, свидетельствуя лишь о тех или иных особенностях списков. (Так, ничего не говорят о древнеболгарском происхождении текста написания *жд* или *щ*, *шт* в соответствии с рефлексам *й*отовой палатализации или не являются аргументом в пользу восточнославянского происхождения перевода случаи полногласия в древнерусском списке Слов Григория Богослова одиннадцатого века.) Напротив, если перед нами — отступление от раннедревнерусского книжного узуса, не обусловленное ни восточнославянскими фонетическими процессами, ни производительными правилами церковнославянских текстов, ни южнославянским узусом, то рассматриваемое явление указывает на влияние протографа и тем самым — на утраченное звено в текстологической

традиции, предшествующее появлению древнерусских списков ранних церковнославянских гимнографических сочинений. В этой связи в данном очерке внимание будет уделено связи адъективных членных форм им. п. ед. ч. м. р. на *-ои* с состоянием раннедревнерусской фонологической системы, с характером книжной нормы, касающейся чтения еров, с тем, как распространены написания на *-ои* в рукописях старославянского корпуса, с каким древним славянским диалектным ареалом соотносятся ранние церковнославянские книжные формы на *-ои* и где засвидетельствованы их рефлексы в современных славянских говорах.

Из восточнославянских книжных памятников аналогичные написания засвидетельствованы в так называемых «Ягичевых минеях» — «*„Нестере чюдной* (Новгородская минея 1096 г.)“, *„вльчьной животъ* (Новгородская минея 1097 г.)“ — и *Евгеньевской псалтири* („день *судьной*“)» (точнее, *въ дьнь сждьной*²⁸⁹) (Филин 1972, 239). В издании (Jagic 1886, 190), однако, засвидетельствовано «*Нестере чюдныйи*», правда, с подстрочным комментарием:

«θαιυάσιε [...] въ наш. подл. въ словѣ *чюдъныи* было написано *о* или *е*, которое той же рукою исправлено в *ы*»²⁹⁰.

Исправление показательно: очевидно, что для новгородского писца форма с *о* была непривычна, и он меняет её на нейтральный церковнославянский вариант с *ы*, который, впрочем, с тринадцатого века наблюдается также в берестяных грамотах²⁹¹.

Второй пример из «Новгородской минеи 1097 г.» подан Ф. П. Филиным корректно, ср.: *животъ наслѣдивъше вльчьной* Мин.ноябрь (Jagic 1886, 279), — хотя одна из цитируемых В. Ягичем рукописей содержит разночтение в соответствии с распространённым церковнославянским узусом: *въчьныи*²⁹². Примеры из «Ягичевых миней»

²⁸⁹ Сверено по электронному изданию на сайте *manuscripts.ru*.

²⁹⁰ В монографии (Филин 1972, 239) пример приведён без указания страницы издания или листа рукописи, а также без каких-либо комментариев.

²⁹¹ Зализняк 2004, 119 (там же см. более ранний пример адъективной формы им. п. ед. ч. м. р., в котором мы встречаем написание *-еи*; других случаев употребления членных форм прилагательных в им. п. ед. ч. м. р. в берестяных грамотах старше тринадцатого века нет).

²⁹² Поиск осуществлён при помощи базы данных *manuscripts.ru*, где нужные словоформы представлены в соответствии с основным текстом в издании (Jagic 1886, 190) (электронный набор рукописи и сверка с печатным изданием осуществлены Е. В. Рябовой). Нужно также добавить, что Ф. П. Филин (1972, 239) не различал написания *-зи* и *-ои* в членных прилагательных, приписывая им одинаковое содержание, и вслед за Б. М. Ляпуновым, а также вопреки грамматикам старославянского языка (см. далее), относил их в *Зографском евангелии*

дополнены В. В. Колесовым (Колесов 1980, 125), который указал на форму «*тълообразнои видъ* в М96»²⁹³. В новейшей монографии (Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 92), кроме упомянутых выше примеров из *Евгеньевской псалтири* («*сждьнои* ПсЕ XI, 13а») и *Путьятиной Минеи* («*Възнесоиса на кръ(с) МинП XI, 16 об.*»), приведены ещё несколько аналогичных написаний:

«*сильнои* 19г; *нечьстивои* 20а; *блгои* члѣколюбче Мин ок. 1095, 87 об.; возможно, сюда же относится пример [...] *тихо оче* [...] Мин 1096, 83 [...] Ср. формы действительных причастий [...] *съраспиноиса* Ил XI/XII, 138» (Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 92).

Таким образом, из девяти известных на сей день в древнерусской церковнославянской книжности случаев вокализации *ъ* в *о* в сочетании *-ъјь* восемь отмечены в служебных минеях и один — в *Евгеньевской псалтири*, языковые особенности которой указывают на западноболгарское происхождение её протографа (см. § 1.1).

Известный на сегодняшний день список «древнерусских» членных форм на *-ои* должен быть пополнен благодаря *Учительному евангелию* и *Сказанию церковному*, находящимся в одной рукописи одиннадцатого — двенадцатого веков ГИМ, Син. 262²⁹⁴, где мы встречаем два таких написания. Оба сочинения атрибутируются с разной степенью достоверности Константину Болгарскому, ряд языковых особенностей этих текстов указывает на их происхождение на юго-западе славянского языкового ареала (или на западе Первого Болгарского царства) (см. далее § 4.6):

(за ингы молѣтса ·) кротъкои (члѣволюбъць) (ѣмерос) *Ев.учит.* 148b 6 (295);
(дхъ стѣи преди ходитъ [...] мьслъно) видимои (кадилъмъ) (θεωροῦμενον)
Сказ.церк. 253в 11–12 (260).

В более поздней древнерусской церковнославянской традиции известен ещё один пример адъективной членной формы им. п. ед. ч. м. р. на *-ои*, затемнённый переосмыслением текста, которое показательно в том смысле, что восточнославянскому книжнику это написание было непонятным. Пример отмечен в рукописи *Пт37*, датированной началом тринадцатого века и известной наличием

и *Синайской псалтири* «за счет аналогии (влияние именных форм прилагательных на местоименные)».

²⁹³ Jagić 1886, 78; согласно СРЯ XI–XVII вв. (29, 281), *тълообразныи* — гапакс, отмеченный в единственном тексте (служба 11 ноября, память Седьмого Вселенского собора), хотя и сохранившемся в ряде списков; единственная цитата в Словаре сопровождается характерной пометой рядом с формой заголовочного слова: «вар. XII в.: *тълообразныи*» (СРЯ XI–XVII 29, 281).

²⁹⁴ Уханова 2012 (обоснование датировки).

архаичного древнеболгарского текстологического и языкового пласта (Кривко 2012):

Сѣтословъць сѣсно · и бѣсловъць / ависа съкмласа съ икрѣи/скѣми ликы
Пт37 126 об. – 127.

Сватословъць свашченѣи богословъць ави//са · съкмласа съ кврѣискы
 съборы *Са* 37

ἱερὸς καὶ θεολόγος συμπλεκόμενος ἐβραίων τοῖς δήμοις *MR VI* 298.

В этом фрагменте, в версии *Пт37*, отмечена рефлексация напряжённого τ в виде *o* перед *j* в составе переосмысленной членной формы на *-jъ*: *сѣсно · и*. Древнерусский книжник не распознал написание протографа, которое следовало прочесть как **сѣснои и* (или **св.шченои и*), и понял прилагательное с вокализованным τ как наречие на *-o*. После этого *o*, понятого как адвербиальный суффикс, появилась внутрисклонная точка, а первоначальное *и* как показатель членной формы в результате гаплографии слилось с последующим союзом *и*: *сѣсно · и бѣсловъць* (ἱερὸς καὶ θεολόγος), — что разрушило синтаксические связи внутри словосочетания, осложнив его неоправданной инверсией. (Очевидно, новообразованное наречие *сѣсно* следует понимать как признак действия, выраженного глаголом *ависа*.) Благодаря раннему переосмыслению контекста в рукописи тринадцатого века отразилось, хотя и в искажённой форме, древнее сочетание *св.шченои*.

Судя по хронологии восточнославянских примеров, написания на *-ои* исчезают в двенадцатом и тринадцатом веках, за исключением рассматриваемой здесь формы из *Пт37*, которая отражает переосмысление раннего текста. Древность примеров и их угасание в течение древнерусского периода несомненно свидетельствует о формах на *-ои* как о результате влияния южнославянских протографов древнерусского гимнографического корпуса, к которому в языковом отношении примыкают *Учительное евангелие* и *Сказание церковное*, атрибутируемые Константину Болгарскому (Кривко 2014), и из которого в процессе графико-орфографической русификации в течение двенадцатого — начала тринадцатого веков устранились аномальные для раннего восточнославянского книжного узуса написания. Динамика членных форм на *-ои* обратна тому, как распространялись формы с меной τ на *o* в других позициях, где количество написаний *o* вместо τ , напротив, увеличивалось в течение древнерусского периода в ходе падения еров. Ранние русско-церковнославянские написания на *-ои* не имеют отношения к исторической фонологии древнерусского языка и не отражают диалектной восточнославянской речи.

4.2. Флексия *-ои* с точки зрения русской исторической диалектологии

Наибольшее количество раннедревнерусских книжных форм с *-ои* отмечено в древненовгородских рукописях, однако написания с *-ои*, как и с *-ѡи*, с фонетической и морфологической точки зрения были невозможны в древненовгородском диалекте в конце одиннадцатого века, где сохранялось исконное для этого ареала окончание твёрдой именной основы на *-e*²⁹⁵.

Особое внимание обращает на себя надпись на стене новгородского Софийского собора *Гъл(ъ)б[е] ѷѣ грѣшьнои*, датируемая на основании лингвистических (сохранение *ъ* в *Гълъбе*), палеографических и археологических данных не позднее начала двенадцатого века²⁹⁶. Эта надпись особенно значима ещё и потому, что содержит древнейшую новгородскую фиксацию местоименной флексии им. п. ед. ч. м. р. за пределами книжного регистра, употреблённую к тому же в соседстве с новгородской именной флексией им. п. ед. ч. *-е*. Форма *грѣшьнои* на два столетия старше, чем такие же формы в берестяных грамотах, которые до пятнадцатого столетия сосуществовали с формами на *-еи* (Зализняк 2004, 119). Её изолированный характер заставляет предполагать здесь не диалектную особенность, отражающую невероятно раннюю вокализацию напряжённого редуцированного²⁹⁷, а скорее опосредованное влияние книжной орфографии

²⁹⁵ Зализняк 2004, 119 («в ранних берестяных грамотах эта форма встретила только один раз: *котореи* 725 (XII/XIII) [...] В Синод.₁ НПЛ на фоне наддиалектного *-ѡи* встретилось также *-еи*: *приходи свѣскеи кѣзь* [...] надпись на новгородской иконе XII в. („Спас нерукотворный“ и „Поклонение кресту“, ГТГ): *моногъоцити с[ъ]равимъ* (указано А. А. Гиппиусом)»; там же см. другие, более поздние формы на *-еи* и древнейшие фиксации форм на *-ои*); ср. Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 120–124 (об окончаниях *-е* и *-еи* им. п. ед. ч. м. р. в древненовгородском диалекте), 124 (трактовка сочетания *моногъоцити с[ъ]равимъ* как форм мн. ч. в соответствии с грамматическими особенностями гебраизма *Σεραφίς* в греческом языке, где *-ци* соответствует древнееврейской флексии мн. ч. м. р. *־(וּם)*, в связи с чем существительные *серафимъ* и *херувимъ* согласовывались с прилагательными во мн. ч. как в греческом, где *τὰ Σεραφίς* — ср. р., так и в древнем церковнославянском; «очевидно, древнерусская надпись отражает переход существительного в муж. род [...] и соответствующую замену флексии ИП мн. ч. сред. рода *-а* диалектной новгородской флексией муж. рода *-ъ* (графически *-е*), в членной форме *-еи*»), 254 (примеры с результатом «фонетического изменения флексий И = В ед. ч. муж. рода — *-ои*, *-еи*»).

²⁹⁶ Михеев 2010, 81–82 (новое, исправленное чтение надписи, комментарии, литература), 83–84.

²⁹⁷ Невероятной кажется также передача незасвидетельствованного гипотетического диалектного местоименного окончания *-ѡи*, которое не имеет

со стороны распространённых книжных форм на *-ѡи*²⁹⁸ (с графической меной *ѡ* на *о*²⁹⁹), в том числе форм косвенных падежей с графической меной *ѡ* на *о* в составе диграфа *ѡи*³⁰⁰. Нельзя исключать, на наш взгляд, также прямое влияние книжных форм на *-ои*, которые рассмотрены в предыдущем параграфе (§ 4.1), чему препятствует, однако, их крайне низкая частотность. В пользу того, что в надписи *Гѡл(ѡ)б[е] ѡѡ грѡшьнои* всё же опосредованно отражено влияние написаний, связанных с какой-то книжной практикой, свидетельствует расположение надписи «в лестничной башне, куда, вероятно, не имели доступа простые прихожане. При этом граффито С-154 [т. е. *Гѡл(ѡ)б[е] ѡѡ грѡшьнои*. — Р. К.] начертано выше хор — в малодоступной части башни» (Михеев 2010, 84). Очевидно, надпись оставил новгородец, член клира, знакомый «по роду деятельности» с церковнославянскими рукописями.

Итак, вокализация напряжённого *ѡ* в *о* документирована в древненовгородском ареале не ранее тринадцатого века, «в московских грамотах и письменности Северо-Восточной Руси» «до конца XIV в. используются формы на *-кии*», однако

«даже в XIV в. написания с *о* на месте *ы* редки, чаще встречается написание *е* на месте *и* [...] Утверждение флексий *-ой*, *-ей* в Северо-Восточной Руси произошло после XIV века» (Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 255–266 [примеры, источники, литература])³⁰¹.

письменной фиксации в древненовгородских памятниках за пределами книжного регистра.

²⁹⁸ Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 91–92.

²⁹⁹ Мена *ѡ* на *о* известна уже в надписи на новгородском деревянном цилиндре № 50, датированном десятками — тридцатыми годами одиннадцатого века; надпись не отражает новгородской флексии им. п. ед. ч. (Зализняк 2004, 277): «*лазорево мѡхо*»; для написания [*Гѡл(ѡ)б[е] ѡѡ грѡшьнои*] нельзя, как кажется, исключать и механической контаминации именной формы на *-ѡ* с меной *ѡ* на *о*, как в надписи на цилиндре № 50, и членной формы на *-и*.

³⁰⁰ Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 92 («ср. также: *върньоимъ* МинП XI, 54; *многоими* Ил XI/XI, 71 об.; *Вьслѣчьскоими* Мин. май XIII, 55» и др.), 93.

³⁰¹ Ср. Зализняк 2004, 66–67 («по данным диалектологии, в вост.-новг. говорах сочетание *ѡѡ* давало *ой*; в зап.-новг. ареале представлено [по говорам] несколько вариантов развития *ѡѡ*: *ѡй*, *ѡѡ*, *оѡ* [...] Как показывают берестяные грамоты и другие источники, в собственно новгородских документах отражаются рефлексии как первого, так и второго рода»); ср. затем: Шахматовъ 1915, 258 («той въ Пут. ев., 239»); Филин 1972, 240 («*великою*» в *Московском евангелии 1339 г.*; шифр и лист не указаны); Issatschenko 1980, 169 («Die ersten Beispiele mit *oj/ej* tauchen mit dem Jerwandel auf: тои 'jener' 1220 [...] Im 14. Jh. werden die Schreibungen mit *-oj/-ej* häufiger, aber die mask. Adjektivendungen *-oj/-ej* werden in profanen Texten nicht vor dem 16. Jh. verallgemeinert»); Колесов 1980, 125 («*котоури городъ* [...] в Лавр. 1377 [...] в Дом. XVI в разговорных словах *-ои*, *-еи* [...]

Что касается южнодревнерусского ареала, то «в ЛИ [т. е. в Ипатьевской летописи — Р. К.] ок. 1425 г. с флексией *-ои* отмечается только лексема *тыс.лчъскыи*» (Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 254, примеч. 334).

Проблематично объяснять раннедревнерусские книжные формы на *-ои* через известное явление мены *ѣ* на *о* в иных позициях, хорошо засвидетельствованное в церковнославянской и особенно бытовой письменности и связанное с книжным произношением³⁰². Масштаб распространения книжного произношения, или мены *ѣ* на *о* (и *ѣ* на *е*) в древнерусской письменности, не зависит от рукописной традиции текстов, которые отражают это явление. Количество написаний с *о* вм. *ѣ* и *е* вм. *ѣ* в каком-либо памятнике определяется его языковым регистром, а не рукописной традицией. Напротив, редкость ранних восточнославянских примеров с *-ои* из *-ѣи* (*-ѣи*) доказывает, что перед нами восходящее к архетипу явление истории конкретных *текстов*, причём прежде всего служебных миней (к которым примыкают в этом отношении *Евгеньевская псалтирь* и *Учительное евангелие* Константина Болгарского), а не одного из регистров древнерусского языка.

4.3. Флексия *-ои* и книжное произношение

В исследовании (Дурново 2000/1924, 439–450), где приводится богатый фактический материал относительно написаний с *о* вместо *ѣ* (и с *е* вместо *ѣ*), примеров вокализации *ѣ* перед ауслатным *-ѣ* нет. Нет их и среди многочисленных случаев мены *ѣ* на *о* (и *ѣ* на *е*), рассматриваемых в связи с теорией книжного произношения (Успенский 1988/1997, 151–158), которое начинает складываться к концу одиннадцатого — началу двенадцатого века. Об этом свидетельствует, в частности, смешение *ѣ*, *ѣ* с *о*, *е* в соответствии со слабой позицией редуцированных в новгородской служебной минее на сентябрь ок. 1095 г.³⁰³, в *Псалт.Б.-С.*¹⁻² и в других рукописях с заметно русифицированной орфографией. Очевидно, такие написания являются следствием экспансии написаний *о*, *е* в соответствии с *ѣ*, *ѣ* в сильной позиции, представленных в таких памятниках одиннадцатого века, как, например, *Пандекты Антиоха* (Дурново 2000/1924–1927, 444)

а в церковных *-ѣи*, *-ѣи* [...] *строя* (*стрья*) в Лавр. 1377 [...] В северо-восточных рукописях такие примеры появляются только с XIV в.»).

³⁰² Успенский 1997/1988; Зализняк 2002 (основные работы; литература).

³⁰³ Дурново 2000/1924–1927, 440 (об отсутствии смешения *ѣ*, *ѣ* с *о*, *е* в первом почерке *Архангельского евангелия*, *Реймском евангелии*, единичные примеры написания *о* вместо *ѣ* в *Остромировом евангелии*, *Изборнике 1073 г.*, *Синайском патерике* и др.); Успенский 2002, 140.

или новгородская служебная минея на ноябрь 1097 г. (Обнорский 1924, 183–184), в которой также встречаются написания с *o*, *e* в соответствии с *ъ*, *ь* в слабой позиции типа «*благодатенами 2^б*» и где «мы имеем дело лишь с отражением искусственного произношения на церковный лад» (Обнорский 1924, 185).

Вне зависимости от времени создания памятника книжное произношение *ъ = o* (и *ь = e*) не затрагивает позицию *ъ* (и *ь*) перед *j*. Доказательством этому являются даже не современные русские формы на *-ой*, противопоставленные церковнославянским на *-ый*, а данные древнерусских кондакарей, значимость которых для исторической фонетики древнерусского языка и истории книжного произношения хорошо известна (Успенский 1997/1973). Так, в нотированных текстах *Типографского устава*, который содержит песнопения в двух вариантах записи, нотированной и ненотированной³⁰⁴, отмечается «довольно регулярное изменение *и* в *ь* [...] в определенной позиции» (*ь* перед *j*) (Успенский 1997/1973, 214, см. далее: 214–216), тогда как случаев графической мены *ъ* на *o* в *Типографском уставе* нет ни в нотированных, ни в обычных текстах (Успенский 1973/1997). Иначе говоря, книжное произношение еров в *Типографском уставе* одиннадцатого — двенадцатого веков ещё не нашло отражения. Что же касается напряжённого гласного перед ауслутным *-jъ* в членных формах им. и вин. п. ед. ч. м. р. прилагательных и причастий, то просмотр словоуказателя к изданию *Типографского устава* (Тип.уст. II) даёт следующие результаты (учитываются членные формы прилагательных и причастий им. и вин. п. ед. ч. м. р. и причастий им. п. ед. ч. м. р.; не учитываются примеры из той части рукописи, которая содержит особую редакцию Студийско-Алексиевского устава, где нотации по понятным причинам нет и где во всех случаях в соответствующей позиции употребляется *ъ*; не учитываются также формы местоимений *къи*, *къиждо*, *таковъи*, где везде употребляется *-ы*):

безоумъныи 86.22; *бесплътъныи* 63.15–16, 97 об.10; *бесъмъртъныи* 87 об.1; *бецислъныи* 47 об.22; *благоуханъныи* 119 об.23; *благъи* 88 об.2, 100 об.11–12, 106 об.3; *блаженъи* 66.19, 66 об.6; *ббгласъныи* 38 об.1–2 (в нотированной записи: *бого·нось/вььныи* [так!]); *бгдъръзыи* 92.19–20; *бгомодръи* 68.12–13; *бого·нось/вььныи* 38 об.9–10 (песнопение представлено только в нотированной записи); *божъствъныи* 37.3, 47 об.2–3, 47 об.11, 68.15–16, 118.22–23, *бжъствъныи* 53.21, 54 об.8, 54 об.18; *бжъ·ствъныи* 68.17; *бжъ·ствъныи* 56 об.1–2, 58.11, 68 об.3, 82.16–17; *великоименитъи* 72 об.3 (в нотированной записи зв.п.: *великоимените*); *великъи*

³⁰⁴ Кроме самого наличия нотных знаков, нотированная запись этих песнопений отличается тем, что буквы гласных в них могут быть написаны несколько раз в соответствии с модуляциями музыкальной фразы, и над каждой такой буквой находится свой нотный знак.

30.1, 32 об.8, 40.23, 42 об.13, 48 об.10, 56 об.6, 68 об.4–5; *взлюбленыи* 34.4, 48 об.22–49.1; *взнесыи* 27.12 (в нотированной записи: *Взнесыишииисаа*), 34 об.10, 39.12, 39 об.9, 57 об.18, 64.16, 64 об.14, 70 об.15, 86.8, 88.11, 125 об.20; *всипавыи* 68 об.12; *всемогыи* 94 об.7; *взръныи* 42 об.17 (в нотированной записи: *взръвьвьвьныи* 43.7); *гръховъныи* 99.4–5; *грьдыи* 84 об.13 (в нотированной записи: *грьлаадыишиишиишиишии* 85.3–4) *давъи* 35.10 (то же в нотированной записи); *дивъныи* 30.8, 43 об.2, 69 об.15–16; *добръи* 75 об.11; *друзыи* 87.11; *дйевъныи* 71.4; *дйегоубъныи* 67.10; *единъи* 94 об.1; *живоносъныи* 27.6; *животъныи* 72.14; *живыи* 38.9, 114.18; *земльныи* 120 об.2–3; *идольскыи* 67.9; *изборъныи* 92.19; *избрьраныи* 68.16–17; *крылатыи* 32 об.–8; *лѣстивыи* 86 об.16–17; *моудрыи* 69 об. 15; *мѣнчъскыи* 56 об.6; *многопльчъныи* 59.1; *многочьстныи* 39 об.10; *мольбъныи* 72.8–9; *нагробъныи* 80 об.5; *небесъныи* 119 об.3–4, 120 об.2, *нѣсъныи* 32 об.9 *бесъныи* [так!] 122 об.11; *невъмъстимыи* 56.13; *недвижимыи* 64.1; *недостойныи* 38.14, 58 об.7–8; *непоколѣблемыи* 48 об.5; *неправдъныи* 25 об.3; *неприкосновенныи* 49.14 (в нотированной записи: *неприкоосновееевееныи* 49 об.2–3); *нетльпъныи* 36 об.6, 42 об.9, 51 об.15, 85 об.12; *неогасимыи* 50 об.10; *новыи* 36 об.23; *огненосъныи* 79.18; *огньныи* 60 об.23, 30.20 (в нотированной записи: *огньныишии* 30 об.5); *оканъныи* 89.4–5; *пищъныи* 59.23; *плѣтскыи* 120.2; *побѣдъныи* 28.14; *превъчьныи* 46.18; *првъчьныи* 46.1, 46.10–11, 67.22–23, 67 об.8–9; *прекрасъныи* 32 об.6; *пръсвѣтлыи* 88 об.22–23, 89.9; *пресвѣтыи* 124.3; *прѣстѣи* 43 об.5; *пръсвѣтыи* 91.7, 106 об.12; *прѣстѣи* 90 об.20 (в нотированной записи: *пръсвѣааитъыишъишиишиишъи*), 91.17; *пръславъныи* 68.15, 81.11–12, 82 об.9 (в нотированной записи: *пръсѣлаавънъвъ*); *пречистыи* 42 об.8–9; *приимыи* 73 об.10 (в нотированной записи: *приимъ*); *поустыньныи* 51.12; *първозданъи* 95 об.2; *първыи* 52.16, 55.10, 74 об.21 (в нотированной записи: *първыишии*), 74 об.22 (в нотированной записи: *първъръвыишъи*); *пльтьчислъныи* 44.8; *разоумъныи* 97 об.10; *рекъи* 80 об.3–4; *родъныи* 81.18; *сѣщенныи* 53.8, 67 об.14; *сѣенныи* 30.8, 31 об.20, 43 об.8, 92.19; *свѣтоносъныи* 45.15; *свѣтлыи* 44.2; *свѣтыи* 117 об.16, 118.21, 125.10 bis, *ѣтыи* 42.11 (в нотированной записи: *свѣаааутъыишиишиишиишии*), 63.6, 63.11, 72.17; *стѣи* (так!) 40.7; *сильныи* 113.15; *славъныи* 65.13; *странъныи* 77 об.4; *страстьныи* 40.9, 55.10, 80.12; *сѣбрьавыи* 88 об.15–16; *сѣвъдыи* 70.7 (в нотированной записи: *сѣвътъпътъдыишиишии* 70–70 об.), *сѣмъренныи* 120.3; *твръдыи* 56 об.7, 68 об.8; *теплыи* 42 об.18, 43.10 (в нотированной записи: *тевеееплыи* 43.10); *църкъвъныи* 122.3; *цѣломоудрыи* 59 об.8; *цловѣчьскыи* 119 об.16, 121.8; *чьстныи* 30 об.12, 63 об.21, 119.13; *чюдъныи* 30.8; *щедрыи* 44.21 (в нотированной записи: *щевъдрыишии* 44 об.10–11); *ѣдыи* 114.7.

Как мы видим, ни одного случая перехода напряжѣнного гласного непреднего ряда в *о* перед ауслутным *-ѣ* в *Типографском уставе* нет. Нельзя сказать, что эта рукопись вообще не отражает синтагматического изменения гласной фонемы перед *-ѣ*, сравним: *облиставъ тако* 42 об.15 (ненотированная запись) — *обллишѣстаавы · тако* 43.1 (нотированная запись) (здесь, как и выше, цит. лист и строка по наборному изданию *Туп.уст.* II). Кроме того, нотированная запись членных

форм на *-ыѣ* имеет в *Типографском уставе* ту особенность, что буква *ы* в ней никогда не «тянется», или не повторяется, что, возможно, также указывает на произносительную особенность рассматриваемых форм: после *ы* здесь пишется сразу или внутрискрочная точка, или буква *и*, отсутствующая в нотируванной записи, или буква следующей фонемы или следующего звука:

пазышышка 'языка' 53 об.; *змарагды* · 53 об., *разоу-дхдхдды* 'разумы' 54, *ре-еееиши-хиди-иивыи ныи-иидии* 'ретивы ны (вин. п. мн. ч. м. р.)' 54, *Твърдыиши-таа · и богоглаасаьныишиа* 'твердые и богогласныя', *блаа-гыхъ, тroudыихиши-иии* 'труды' 70 и т. д.³⁰⁵

Это значит, что нотируванная запись форм на *-ыѣ* в *Типографском уставе* предполагает фонетические вариации по сравнению с записью нотируванной, однако буква *о*, тем не менее, в интересных нас формах не встречается ни в нотируванной, ни в обычной записи.

Однако не является ли причиной отсутствия *о* в членных формах на *-ыѣ* то, что графическая мена *ѣ* на *о* вообще отсутствует в *Типографском уставе*, что указывает на отсутствие книжного произношения в кондакарном пении на рубеже одиннадцатого — двенадцатого веков, когда был создан этот памятник? В этом смысле показательны данные более поздних *Лаврского* и *Благовещенского кондакарей*, соответственно, конца двенадцатого и рубежа двенадцатого — начала тринадцатого веков, в которых фонетически необусловленная мена *ѣ* на *о* отмечена (Успенский 1997/1973, 149), однако сочетание *-ыи* в рассматриваемых формах им. п. ед. ч. м. р. остаётся без изменений. В *Лаврском кондакаре* наблюдается та же картина, что и в *Типографском уставе*, где напряжённый гласный в сочетании *-ыѣ* обозначается только с помощью *-ы-* (цитируются примеры, собранные благодаря сплошной выписке из всего памятника):

взнеееесыишиислаа ('взнесыисл') 5 об.; *огньныиши* ('огньныи') 8 об.; *пре-крааасъѣдъѣныи* · ('прекрасъныи') 11; *давыиши* 17; *първыи* 19 об.; *нетльньнъныишии* 20 об. – 21; *истинъныиши* 24; *свлаащееехеженши* 27 об.; *бооожеееетвъныишии*³⁰⁶ 29, *божествъныишии* 35 об. ('божественныи', NB вокализацию *е* в последних двух примерах); *превъчьныишии* ('превъчныи') 35; *свътъ-тъ-дыишии* ('свътъдыи') 39; *първыи, пьдървыишии* 48 об.; *Сзьдыиши* 51; *щедрыишии* ('щедрыи') 67 об.; *преесвътъвьлыи*

³⁰⁵ См. объяснение этому явлению в: (Успенский 1997/1973, 211). В *Благовещенском кондакаре*, однако, написания с растянутым *ы* встречаются часто: *дѣтъѣтъ-мо-о-ньскыыыы-хъ-хъхъхъ* · 15а; *въсхыыытылѣдъ-ъхъхъхъ* 17; *лѣтъ-ни-иии-выыы-ыыыыыыхъ* 19 об.; *быыыы-въ-шеее* 26 и др. Есть такие написания в *Успенском* и *Синодальном кондакарях* (Успенский 1997/1973, 236, примеч. 5).

³⁰⁶ Перед тремя последними в этом примере буквами *и* в рукописи находится широкий пробел.

70 об.; *сѣвъѣдыи* 74 об.; *щедрыи* 79; *тридньнедеееъевъхъьыныи* ('тридньневныи') 82; *человѣтъѣтъхъѣтъѣтъѣдехеедѣѣтъчьѣьскыи* ('человѣчьскыи', NB вокализацию *ь* после *ч* и мену *ѣ* на *е* в соответствии с книжным произношением) 88; *члоѣтъѣтъчьѣьскыи* 'чловѣчьскыи', NB утрату *ь* после *ч* в слабой позиции) 98; *въчеловечиѣыи*//*слааа* 99–99 об. ('въчеловечивыисл', NB вокализацию *ь* после первого *ч*); *грлаадыишиихииди* ('градъи') 100 об.; *чьтыи* ('чьтыи') 103 об.; *неееъвъѣмъѣтъѣтъѣстихиимыи* ('невъмъстимыи') 104–104 об.; *свладатъишиди* (св.аты) 107.

Такая же картина наблюдается в ещё более позднем *Благовещенском кондакаре* конца двенадцатого — начала тринадцатого века, в котором также отмечены многочисленные случаи книжного произношения, а сами членные формы на *-ѣъ* открыты для фонетических альтернатив: как видно из приведённых ниже примеров, в них отмечается стяжение *-ыи* в *ы* и написания *ѣ* вм. *ы*. Членных форм на *-ои* в *Благовещенском кондакаре* нет:

Възнеесыишии 'слава' ('възнесыисл') 4; *побѣдъныишии* ('побѣдныи') 4 об. – 5; *преблажеееъееенныи* ('преблаженныи') 7; *огньныишии* ('огньныи') 8; *прекраааъсвьѣдъныи* ѣ — ('прекрасныи') 10 об.; *давьи* 14 об.; *сѣдѣьѣдъьныи* 19 об.; *боогоносъѣьныи* 20; *мънооогочъѣьстьѣьныи* 22; *свладатъишии* 22 об., *свлатыи* 25 об., *святыи* 39; *пеехвалъѣьныи* 23 об.; *щедрыишии* (вм.: *щедрыи*) 28; *бооооожьствѣьныи* 'божествѣныи гнатии', так, вм.: *божествѣныи игнатии*) 32; *славъѣьныи* ('славныи') 39; *блажеееенныи* 'блаженныи') 41; *преблаженныи* 43 (им. п. ед. ч. м. р. — цаќарѣ зв.п.;³⁰⁷ NB *е* вм. *ѣ* в соответствии с книжным произношением и фонетически закономерное стяжение *-ыи* в *-ы*); *божъствѣьныи* 43 (им. п. ед. ч. м. р. — θεῖος; NB фонетически закономерное стяжение *-ыи* в *-ы*); *прѣвъчьѣьныи* 'прѣвъчьныи') 45; *свѣтъѣьтооооаавлееныи* 45–45 об. (свтѣтавлены им. п. ед. ч. м. р. — ὁ φωτοφανῆς; NB стяжение *-ыи* в *-ы*); *божъствѣьныи* 'божествѣныи') 46 об.; *вѣликиыи* ('вкликыи') 46; *сѣвъѣтъѣтъѣдыыи* ('сѣвъѣдыи') 48 об.; *гоооооооодѣьѣьскыи* ('господьскыи') 58; *заключивъѣьшии* ('заключивыи', NB нейтрализацию *ы* и *ѣ* перед *ѣ*) 65; *щедрыишии* ('щедрыи') 68; *пеееъсвѣтъѣьтъѣьльи* ('пресвѣтълыи') 69 об.; *пресвладатъишии* ('пресватыи') 71 об.; *първыыи* ('първыи', NB стяжение *-ыи* в *-ы*) 86 об.; *изволивъыи* ('изволивыи', NB стяжение *-ыи* в *-ы*) 92; *человѣчьскыи* ('человѣчьскыи') 92–92 об.; *въчловѣчывыисл* (NB стяжение *-ыи* в *-ы*) 93 об.; *грлаааатъишии* ('градъи') 97; *свладатъишии* 'свлатыи' (NB стяжение *-ыи* в *-ы*) 104, то же, с другими нотными знаками и другим количеством «растянутых» гласных: 104 об.

³⁰⁷ Здесь и далее лексически параллели к кондакару цитируются по сводному изданию древнерусских кондаков: [К III–VII].

Сравнение *Типографского устава* XI–XII вв. с *Лаврским* и *Благовещенским кондакарями* XII и XIII вв. показывает, что книжное произношение еров распространяется в древнерусском языке на фоне их вокализации: если в самом раннем кондакаре случаев произношения \bar{z} в виде *o* нет, то в более поздних певческих рукописях они уже есть. Очевидно, что «экспансия» книжного произношения еров по западноболгарской (македонской) модели, в том числе в певческих рукописях, развивается благодаря вокализации гласных \bar{z} и \bar{y} в древнерусском языке по такой же модели ($\bar{z} \rightarrow o$, $\bar{y} \rightarrow e$), хотя это и несколько противоречит показаниям других восточнославянских книжных памятников, в которых спорадическая мена \bar{z} на *o* представлена уже с конца одиннадцатого века³⁰⁸. Древнерусская фонологическая инновация — падение слабых и вокализация сильных еров — служит таким образом «катализатором» их книжного произношения³⁰⁹, которое при этом не охватывает позицию напряжённого \bar{z} перед *jь*. Иными словами, оно распространяется только на те позиции \bar{z} , в которых эта фонема выступает в своей основной разновидности (независимо от правила Гавлика), и не касается позиции нейтрализации $\bar{z} = \bar{y}$ перед *j*. Причиной этому является «особый исторический путь» восточнославянских напряжённых гласных, которые до тринадцатого века не изменяются в *o* и *e*, а значит, в этой позиции не было необходимых сопутствующих условий для развития книжного произношения еров, которое развивалось благодаря совпадению в других позициях западноболгарской (македонской) и древнерусской моделей их вокализации. Более того, засвидетельствованный источниками лишь с тринадцатого века восточнославянский переход *-ъjь* в *-ой* отражает лишь магистральную линию развития этого сочетания в русском языке, тогда как реальное многообразие восточнославянских рефлексов *-ъjь* (*-ой*, *-ый*, *-эй*, *-ий*, в том числе с утратой конечного *й*) в исторической перспективе³¹⁰ доказывает, что надёжной

³⁰⁸ Успенский 1997/1988, 145–150, 154–158.

³⁰⁹ Судя по диаграмме, отражающей ход падения редуцированных в древненовгородском диалекте, рост количества написаний с утраченным \bar{z} или \bar{y} в слабой неконечной позиции приходится на последнюю четверть двенадцатого века (Зализняк 2004, 60), «примеры, свидетельствующие о переходе сильных \bar{z} , \bar{y} в *o*, *e*, появляются в берестяных грамотах начиная приблизительно с середины XII в.» (Зализняк 2004, 65). Такие временные рамки совпадают с тем, как отражается книжное произношение \bar{z} , \bar{y} в кондакарях — от полного отсутствия в *Типографском уставе* рубежа одиннадцатого — двенадцатого веков до активного проявления в *Лаврском* и *Благовещенском кондакарях* двенадцатого — тринадцатого столетий.

³¹⁰ Пшеничнова 1995, 24–27 (литература); Калнынь 1993 (см. стр. 24–25: «Особенность рассматриваемой флексии состоит в том, что в русском литературном

диалектной основы для утверждения книжных членных форм на *-ой* в качестве нормативных не было³¹¹. Поэтому в современном русском языке произносительные варианты прилагательных с ударением на *-ой* противопоставлены вариантам с ударением на основу (орфографически передаваемом с помощью кодифицированного «церковнославянского» написания на *-ый / -ий*) как русизмы церковнославянизмам.

Итак, членные прилагательные с *-ои* в форме им. п. ед. ч. м. р. в раннедревнерусских книжных памятниках не связаны ни с книжным произношением, ни с древнерусской исторической фонологией: хотя Ф. П. Филин (1972, 239) и писал, что таких «случаев в древнерусской письменности XI–XII вв. довольно много», он сумел привести лишь три примера с *-ои*, — из них один, как выяснилось, был исправлен на *-ыи*, — а дальнейшие исследования увеличили его список до двенадцати примеров преимущественно за счёт гимнографических рукописей и списков сочинений, связанных с Константином Болгарским. К этому же ряду примеров относится и написание *сѣѣно и* (из **сѣѣнои и* — ἱερός καί) *Пт37* 126 об., сохранившееся в позднедревнерусской рукописи тринадцатого века благодаря раннему переосмыслению контекста.

4.3. Флексия *-ои* в старославянских рукописях

Редкость членных форм на *-ои* в древнейших книжных памятниках определяет их значимость для истории текста служебных миней. Аномальный характер таких примеров является их главным отличием от многочисленных написаний с *ѣ* вместо *о* в остальных позициях по древнезападноболгарской (македонской) модели и отражающих книжное произношение еров, распространявшееся на фоне их вокализации в древнерусском языке. Основными способами обозначения на письме напряжённого *ѣ* перед *-јь* в ауслауте в древнерусской орфографии являются формы на *-ыи* и, реже, на *-ѣи*, которые отражают нейтрализацию *ы* и *ѣ* в этой позиции, а также стяжённые формы на *ѣ* (Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 91–95). Та же картина наблюдается и в старославянском языке, где примеров с *-ои* в членных формах прилагательных крайне мало. Видимо, поэтому в некоторых

языке и многих говорах она имеет разную фонетику в зависимости от ударения»); Зализняк 2004, 66–67.

³¹¹ Особо нужно рассматривать написания с *oi* вм. *ыи* типа *тъмоi* (вм.: *тъмъы*) (Успенский 1988/1997, 154–155; Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 93), где явно отражаются не фонетические особенности соответствующих словоформ, а своего рода «графическая инерция», обусловленная книжным чтением *ѣ* как [o], которая влияла на замену буквы *ѣ* также в составе диграфа.

грамматиках старославянского языка и в сравнительных грамматиках славянских языков на древнем славянском материале рассматриваются только варианты *-ѡи, -ѡи, -ѡи*, а формы на *-ои* и их соответствия вне восточнославянского ареала вообще не упоминаются³¹². Именно в силу своей исключительности в рамках древнего славянского книжного узуса членные формы на *-ои*, не обусловленные древнерусским языковым употреблением, имеют доказательную силу при определении той части древнеболгарской традиции, особенности которой отражает источник. Напротив, в силу частотности в рамках древнезападноболгарского и древневосточнославянского письменного узуса (в данном случае неважно, книжного или бытового) написания *о* вместо *ѡ* в других позициях не могут приниматься во внимание в качестве текстологической приметы при изучении истории текста служебных миней.

Как известно, среди старославянских рукописей вокализация *ѡ* в *о* в сильной позиции не перед *ј* отмечается «во всех глаголических памятниках, кроме Киевского Миссала» (Вайан 1952, 45; то же: Diels 1932, 101)³¹³, или *Киевских листков*, где вообще сохраняются все редуцированные³¹⁴. Напротив, всего лишь три таких примера (*с о* из *ѡ* в сильной позиции не перед *ј*) отмечены в восточноболгарских кириллических *Супрасльской рукописи* и *Саввиной книге*³¹⁵, что отражает «различие между древнемакедонским языком, вокализирующим *ѡ* в *о*, и древнеболгарским, сохраняющим *ѡ*»³¹⁶. Именно по этой причине Н. Н. Дурново (2000/1924–1927, 439–450) впервые обосновал

³¹² Бернштейн 2005, 256–257; Leskien 1969, 27–32; Lunt 2001, 32, 35. Ср. беглое и не вполне ясное замечание В. Вондрака, который объяснял появление членных форм типа *добрѡи* из *добрыи* аналогическим воздействием со стороны именных форм (на *-ѡ*), с возможным последующим переходом *-ѡи* в *-ои*, без уточнения, в каких источниках, языках или диалектах наблюдается это явление: «Die Formen mit modifiziertem Halbvokal wurden aber häufig von anderen beeinflusst, in welchen die Halbvokale in normaler Geltung vorkamen. So ist z. B. im Aksl. aus *dobryjъ* nach *dobrѡ* auch wieder ein *dobrѡjъ* geworden. Dieses konnte zu *dobrojъ* führen» (Vondrák 1924, 169). Сходным образом объяснял старославянские формы на *-ои* А. Мейе (1951, 92–93), видевший в них аналогию с именными формами на *-ѡ* и последующее прояснение в *-о*. Данных о древнем диалектном распространении форм на *-ои* и примеров из рукописей у А. Мейе нет.

³¹³ Вайан 1952, 47; см. о том же: Селищев 1951, 293.

³¹⁴ Ср. Schaecken 1987, 93–94 («Die fast tadellose Behandlung der reduzierten Vokale in den KB lässt sich wohl als ein nicht-südslavisches Sprachmerkmal qualifizieren»).

³¹⁵ Diels 1932, 101 («Auch diese können aus der Vorlage stammen»). Ср. несколько иное объяснение написаний *крѡпокъ, любовънѡи, смоковънааго* в *Супрасльской рукописи* у А. М. Селищева (1951, 292).

³¹⁶ Вайан 1952, 45; см. то же: Селищев 1951, 293.

раннедревнерусскую книжную мену *ъ* на *о* как результат древнезападноболгарского (древнемакедонского) влияния на восточнославянскую книжность, не упоминая при этом позицию *ъ* перед ауслутным *-jь*, в которой наблюдаются особые явления.

В отличие от «обычных» многочисленных случаев древнезападноболгарской вокализации еров, не представляющих интереса с точки зрения текстологической (а не языковой) преемственности южно- и восточнославянских традиций, единичные членные формы прилагательных м. р. им. и вин. п. ед. ч. на *-ои* (типа *свѣтѡи*) в пределах старославянского корпуса отмечаются только в четырёх глаголических рукописях: *Маринском* и *Зографском евангелиях*, в *Синайском евхологии* и «etwas häufiger» (Diels 1932, 194) в *Синайской псалтири*³¹⁷. За исключением *Зографского евангелия*, в котором плохо засвидетельствован переход *ъ* в *о* в сильной позиции, отсутствовавший в древневосточноболгарском регионе³¹⁸, эти памятники происходят из западной и северо-западной части древнего южнославянского

³¹⁷ См. Diels 1932, 194 (список немногочисленных известных примеров и комментариев к данным *Синайской псалтири*, где такие написания особенно многочисленны: «СВАТОИ Іс. 1, 72 Mar. Zo. Euch. 17a, 14, НАРИЦАЕМОИ іо. 21, 2 Mar., ПРИСНОИ Euch. 5, § 3 [...] die Fälle in Ps. sind wohl zu häufig, als daß man sie aus der sonst vorkommenden Verwechslung von ІІ und ОІ erklären könnte»), 242 («ОУМЕРОИ іо. 12, 1 Mar., ІСТРЪГОІ Ps. 21, 10; ІЗВЕДОІ Ps. 80, 11; СОЗЪДАВОІ Ps. 93, 9»); von Arnim 1930, 122–123 (список форм на *-ои* в *Синайской псалтири* и сравнительные числовые данные по всем трём почеркам этого памятника); Вайан 1952, 54 (кратко о таких написаниях, не упомянуты *Синайский евхологий* и *Зографское евангелие*); Селищев 1951, 297–298; Mladenov 1929, 106 (названы формы «*свѣтѡи, прѣмѣдрѡи, изведѡи* и. ä.» без указания на лист рукописи и без ссылки на источник, в котором отмечены эти «и подобные» написания; современные диалектные соответствия в болгарско-македонском языковом ареале также не названы. Такая форма подачи материала может создать впечатление, что явление было широко распространено в истории болгарского языка, которой посвящена книга. Однако, судя по исследованию Б. фон Арнима, специально посвящённому *Синайской псалтири*, все примеры С. Младенова заимствованы из этого памятника; см. von Arnim 1930, 122–123); Иванова-Мирчева, Харлампиев 1999, 58 (перечислен тот же ряд примеров «*свѣтѡи, прѣмѣдрѡи, нарицаемѡи, изведѡи*», цитируемых без указания на источник; высказано предположение, что переход «*ъ* > *о*» може да се види в няколко лични имена, напр.: *Благой, Радой, Драгой* от *благѡи, радѡи, драгѡи*). К этому же ряду примеров относится форма *оумерѡи*, один раз отмеченная в *Мирославовом евангелии* (л. 228а 17), для которого доказывается македонский протограф (Кульбакин 1925, 27).

³¹⁸ Leskien 1969, 29 (переход *ъ* в *о* в сильной позиции наблюдается в *Зографском евангелии* только в ауслутной позиции перед энклитикой и в финали субстантивной основы на *-й: «Die Vertretung von *ъ* durch *o* ist noch seltener: einige Male bei enklitisch nachstehendem *тъ, съ, з. В. народѡ-съ, работѡ = рабѡ тъ; dazu einige vereinzelt Fälle wie цръжѡвь любовь = -зѡвь»).*

языкового ареала и одновременно отражают моравско-паннонское влияние в языке и в составе текстов³¹⁹.

4.4. Рефлексы форм на *-ои* в современных южнославянских говорах

В современных славянских языках за пределами восточнославянского ареала членные формы им. п. ед. ч. м. р. на *-ъ* развились, как правило, в стяжённые формы с окончанием *-и* (болг., макед., сербск.), *-i*, *-у* или *-у́*. В этой связи за пределами восточнославянского континуума интерес для нас может представлять только болгарско-македонский ареал, в котором к исконным членным нестяжённым формам м. р. ед. ч. с *j* может присоединяться постпозитивный артикль (в стандартном македонском при этом утрачивается *j*), который может препятствовать появлению стяжённых форм. Рядом с литературными формами с *-и* с последующим постпозитивным артиклем (типа *българският, македонскиот*) известны славянские говоры в окрестностях Салоник с рефлексацией исконного напряжённого в виде *-о*:

«Единствено во некои локални говори во Солунско се забележани форми на *о?* (што значи со замена $\tau > o$). Сп. ги во материјалите на Верковиќ членуваните форми: *голојут, среднојут, малкојут* и сл., кои се употребуваат непосредно со формите како *богатиот, царскиут, новијут* и сл.» (Конески 1981, 37).

Кроме этих редких форм, в славянских солунских говорах были отмечены также примеры с ауслатным *-ой* без артикля (очевидно, их всё же следует рассматривать скорее как вторичные по отношению к формам с артиклем, чем прямое наследие южнославянской древности):

³¹⁹ Schaeken, Birnbaum 1999, 95, 97–98, 105, 107 (обзор основных языковых особенностей этих памятников, на которых основана такая локализация, и соответствующая литература; там же замечание к истории *Синайского евхология*: «Einige aus dem Althochdeutschen und Lateinischen übersetzte Abschnitte [...] deuten auf einen zumindest teilweisen Ursprung des Textes aus der zweiten Heimat des Altkirchenslavischen»; в терминологии авторов цитаты *вторая родина* «des Altkirchenslavischen» — Моравия и Паннония), 98 (о *Мариинском евангелии*: «Einige Sprachmerkmale (darunter etwa *ou* statt *ъ, ѣ, wohl auch u* für *ы*) [...] sind wohl als Serbismen zu werten und deuten vielleicht auf eine nördliche Herkunft innerhalb des west-bulgarischen Sprachraums»); см. Младеновић 2003 (об этом же с большей убедительностью и дополнительным фактическим материалом). О моравско-паннонском влиянии в *Мариинском евангелии* и *Синайской псалтири* на уровне уже не архетипа, а протографа свидетельствуют написания, отражающие западнославянский рефлекс сочетаний **dj, *tj*: «РОЗЬСТВА usw. mt. 14, 6 Mar. Cloz. 877. 879 [...] Ähnlich in НЕВЪЗЕСТВА Ps. 24, 7 [...] und in der Mischform ВИЗЖЬ 'sieh' io. 20, 27 Mar [...] Ähnlich findet sich das westslav. *c* statt aksl. *št* ausnahmsweise in ОСВАЦЕ Ps. 29, 1» (Diels 1932, 131).

«Отколе бѣхъ обърналъ внимание на три рѣдки примѣра прилагателни формы отъ Сѣрско: д е б е л о ѣ (човек), м а д р о ѣ (маж), е д н о ѣ (конь), съобщени от пок. Ст. Верковичъ. [...] И наистина такъвъ типъ членни прилагателни се указа като жива форма съ сжитѣ тия говори въ Сѣрско и Лагадинско, които сж известни вече въ науката като едни отъ най-консервативнитѣ македонски говори» (Милетич 1936, 1)³²⁰.

Особая рефлексация исконного напряжённого *ъ* перед *j*, подобная тем примерам, которые были описаны Б. Конески и Л. Милетичем в районе Салоник, наблюдается также в славянских говорах на территории Гóры (южная Албания), к западу от Охридского озера. Об этом можно судить по нижеследующей транскрипции, которая находится в морфологическом разделе монографии и призвана проиллюстрировать формы прилагательных им. п. ед. ч. (фонетические особенности рефлексации древних напряжённых авторами при этом не рассматриваются):

«já néz **málavoj** so sjébe ima, **drúgoet** ot Pákíša, tréčiot ot Kúkès [...]; i Bájram smé festesúvale, **málogoj** i **goljámojat** [...]; kóga se skáci ona méčka, tója **drúgojot** némaše što da rábota [...]; Bájram **goljámojat** víkame na Rámazan; kursé **málogojet** Kúrban Bájram [...]; jéden ki ílezeme na kráj ot lívada vámo, **drúgojet** na kráj **drúgojet** (Steinke, Ylli 2010, 72–73, 78)³²¹.

4.5. Выводы

Географический диапазон древнейших письменных и современных славянских данных относительно развития *ъ* в *o* перед ауслатным *-jъ* доказывает, что перед нами — диалектное явление, первоначально свойственное некоторым говорам древнего юго-западнославянского ареала, включающего территорию современных македонских и южносербских говоров и славянских говоров на территории южной Албании. Уже в древнейшую эпоху оно сосуществовало с основными, наддиалектными, старославянскими типами рефлексации *-ъjъ* в виде *-ъи*, реже *-ъи*, отражающими нейтрализацию *и* и *ъ* перед *j*, а также с усечёнными формами на *-ъи* (из *-ъии*). Редкие формы на *-ои*, наблюдаемые в раннедревнерусских письменных памятниках, не связаны ни с восточнославянским бытовым, ни с книжным языковым узусом и должны рассматриваться отдельно от форм с *o* на месте сильного *ъ*,

³²⁰ Искренне благодарю за библиографические справки и за консультацию по македонскому материалу М. М. Макарецва (Институт славяноведения РАН).

³²¹ Возможно, аналогичная рефлексация напряжённого *ъ* перед *jъ* отражается также в сербской топонимике: «Nach einer Vermutung P. Skoks dürfte eine archaische Form der bestimmten Adjektiva in ONN erhalten sein: während sonst aus einem best. adj. *blagъjъ* [...] normalerweise skr. *blâgî* [...] ergab, nach Skok, *blagъjъ* in älteren Schichten *blagaj* [...] in ON *Blâgâj* (in der Hercegovina)» (Popović 1960, 502).

которые отражают книжное произношение, являются особенностью бытовой системы письма и поэтому не могут привлекаться в качестве свидетелей истории конкретных текстов. «Аномальные» написания с *-ои* в ранних восточнославянских служебных минеях, напротив, нарушают и книжный, и бытовой древнерусский письменный узус и тем самым непосредственно отражают языковые особенности их древнезападноболгарских (македонских) оригиналов. Диалектная ограниченность рассматриваемого явления стала причиной того, что формы на *-ојь* (из *-ѡјь*) не оказали влияния на древнерусский книжный узус и были редки в самих старославянских памятниках. Окказиональные отклонения от восточнославянских бытового и книжного узусов, отражающие языковые особенности древних южнославянских диалектов, являются поэтому важным лингвистическим, а точнее, орфографическим критерием для локализации того региона, откуда на Русь пришли оригиналы гимнографического корпуса, *Евгеньевской псалтири* и сочинений, связанных с Константином Болгарским. Редкость рассмотренных древних славянских форм на *-ои* повышает значимость древнерусских данных для древнейшего этапа истории старославянского языка, усиливая её фактографическую базу.

4.6. Экскурс: орфография рукописи в ряду текстологических примет

Наблюдения, сделанные в этом очерке, ставят вопрос о текстологической значимости древних церковнославянских форм на *-ои*, тем более, что восточнославянские рукописи, в которых наблюдается это явление, образуют однородную в историко-хронологическом и жанровом отношении группу.

Сформулированная в работах Н. Н. Дурново проблематика изучения древнерусских книжных памятников как источников по истории старославянского языка (Дурново 2000/1924–1927) получила развитие в работах В. М. Живова (Живов 2006), в связи с которыми, как кажется, сложилась и его восходящая к Пражской школе идея автономности письменного узуса (Живов 1998)³²², прямо не зависящего

³²² Ср. Vachek 1964/1939, 441–442 («Es wird ein Verdienst des [...] Prof. Agenor Artymovič bleiben, daß er in seinen Abhandlungen auf die Tatsache hingewiesen hat, „daß die Schrift jeder sog. Schriftsprache ein besonderes autonomes System bildet, zum Teil unabhängig von der eigentlichen gesprochenen Sprache“ [...] Unter der geschriebenen Sprache verstehen wir eine Norm, oder besser ein System von graphischen [...] Mitteln, die innerhalb einer Gemeinschaft als Norm anerkannt werden [...] Besonders muß man sich davor hüten, die geschriebene Sprache mit der „Schrift“ oder gar „Orthographie“ zu vermischen [...] Die Orthographie [...] ist eine Art Brücke zwischen zwei Sprachsystemen, der geschriebenen und der gesprochenen

от устной речи. Поскольку автономный книжный письменный узус — контролируемая область культурно-языковой рефлексии, текстологическая значимость языковых явлений, образующих содержание этого узуса, ничтожна: выбор узуальных языковых вариантов определяется не влиянием протографа как представителя более раннего звена текстологической традиции, а «тем (разновременным) корпусом текстов, из чтения которых складывается языковой опыт данного поколения пишущих» (Живов 1998, 235). Так, например, для некоторых древнерусских переводных памятников убедительно доказана преемственность их лексического узуса по отношению к древнезападно-болгарской (македонской) письменной традиции (Пичхадзе 2011), что не означает наличие древнеболгарского этапа в истории их текста. Для реконструкции текстологической преемственности большее значение имеют языковые «аномалии», то есть отклонения от узуса определённого жанра³²³ или регистра определённой эпохи. Так, соотношение архаизмов или языковых инноваций представляет интерес не только для исторической грамматики, но и для датировки текста (особенно в тех случаях, когда рукописи датируются заведомо более поздним временем), а диалектизмы могут указывать на региональный идиом, внутри которого бытовала традиция текста.

Раннедревнерусские церковнославянские формы на *-ои* — отклонения от индивидуального узуса и от графико-орфографических норм

Sprache, eine Summe von Entsprechungen einzelner Bestandteile beider Sprachsysteme» и т. д.; противопоставление «письменного языка» и «устной речи» описывается далее в терминах сосюрговской оппозиции «языка» и «речи», «la langue» и «la parole»; стр. 448: «Es wird zunächst unbedingt notwendig sein, „die geschriebene Sprache“ [„la langue écrite“] und „die gesprochene Sprache“ [„la langue parlée“] als zwei besondere Normensysteme zu unterscheiden. Die [...] Bezeichnung „die Sprache“ [„la langue“] [...] bezeichnet keine abstrakte, universale Norm, sondern die Summe beider oben besprochenen Normen, die ja dadurch miteinander verknüpft sind»). Ср. Marti 2005, 11 («Ein Verdienst der neueren Sprachwissenschaft ist es ja gerade, die Unterschiede zwischen gesprochener und geschriebener Sprache und die relative Autonomie der letzteren herausgearbeitet zu haben»).

³²³ По отношению к древневосточнославянской письменности понятие жанра, употреблённое в соседстве с понятием регистра, кажется избыточным, поскольку жанр предполагал выбор соответствующего языкового регистра. В древней церковнославянской традиции за пределами восточнославянской традиции картина видится иначе. Как показано ниже (см. следующее примечание), употребление форм перфекта 3 л. ед. ч. без связки в гомилиях *Супрасльской рукописи* и *Учительном евангелии* Константина Болгарского (равно как и употребление перфекта без связки в форме 1 л. ед. ч. в ответах на исповеди согласно версии *Синайского евология*) с большой вероятностью мотивировано речевой стратегией, ориентированной на имитацию форм диалектной речи аудитории (паствы), к которой непосредственно обращена предназначенная (в идеале) для устного произнесения гомилия.

эпохи, о чём, в частности, свидетельствует не только их малое, хотя и репрезентативное количество, но и спорадическое их исправление или непонимание восточнославянскими писцами или редакторами. Отклонение от нормы и узуса может быть обусловлено влиянием диалекта писца, что в данном случае невозможно в силу очевидно более позднего развития форм на *-ои* в русском языке, либо протографа, то есть ближайшего предшествующего звена текстологической традиции. Это определяет значимость рассмотренных здесь «аномальных» форм для истории текста. Членные формы на *-ои* указывают на юго-запад древнего славянского языкового ареала как на регион, откуда пришли на Русь южнославянские протографы служебных миней, *Евгеньевской псалтири*, *Учительного евангелия* Константина и *Сказания церковного*. Об этом же свидетельствуют усечённые формы тв. п. мн. ч. существительных на *-ие* и формы род. п. мн. ч. типа *кръви* Та 53 об., *щъгле/ни* 57 об., *на/пасти*³²⁴ 111 об., засвидетельствованные в Та (см. § 1.2.12.2.2), а также написания *Стлнъ* Та 1; *првообразноу* 1, *млннл* 14, *крстъ* 52, *тврди* 58 об., *срдца* 59 об., из памятников старославянского корпуса известные только в *Мариинском евангелии* (см. § 1.2.12.2.2). В целом, перед нами оказывается немногочисленная группа языковых фактов, связанных с процессом утраты и прояснения редуцированных и напряжённых гласных, который по-разному протекал на западе и на востоке древнеюжнославянского ареала.

Об ином, древневосточноболгарском, происхождении протографов древнерусских служебных миней и сочинений Константина могли бы свидетельствовать графико-орфографические и иные языковые «аномалии», отражающие восточную диалектную зону южнославянского ареала³²⁴. Однако, с одной стороны, отражению таких «аномалий»

³²⁴ Ср. Тихова 1995, 313 («При наблюденията над езика на Учително евангелие на Константин Преславски няколко особености веднага задържат вниманието ни, защото те са част на само от неговите лични предпочитания, но са и част от онзи сбор от езикови правила, които изграждат облика на ранните произведения от Плисковско-Преславското книжно средище»). В работе (Тихова 1995) описаны три явления: «самостоятелно употребените елови причастия в 3 л. ед. ч. — като пример за началото на възникване на категорията преизказност в българския език [...] анафоричните синтагми — като начало на възникването на категорията определеност в българския език и [...] енклитичните дателни форми — *ми*, *ти* и *си* — в посесивна функция — възникват в системата на българския език на балканска почва» (Тихова 1995, 331). Действительно, отсутствие связки в формах перфекта 3 л. ед. ч. из памятников старославянского корпуса надёжно засвидетельствовано только четырьмя гомилиями *Супрасльской рукописи* (Vondrák 1928, 147; Вайан 2002, 280; Селищев 2001, 172–173; Lunt 2001, 113; Večerka 1993, 90; ср. Зализняк 2008, 258). Однако, по замечанию Р. Вечерки, употребление диалектной формы в гомилиях древневосточноболгарской *Супрасльской рукописи* могло быть обусловлено не столько

препятствуют факты древнерусской исторической фонетики: характерное для древневосточноболгарских рукописей отсутствие

прямым диалектным влиянием, сколько коммуникативными задачами: «Die Belege der 3. Pers. Sg. ohne *jestъ* sind allem Anschein nach als gelegentliche, aus den ostbulgarischen Dialekten in den Codex [Suprasliensis. — P. K.] eingedrungene Formen mit einem Null-Morphem zu interpretieren [...] In Su liegen sie lediglich in einem Viertel der 48 Belege vor, vorwiegend in den Homilien. Die Werke dieser literarischen Gattung werden als direkte Kommunikation zwischen dem Autor und dem physisch [...] anwesenden Adressaten verfaßt und stilisiert, als unmittelbare Anrede an eine Menschenmenge; darum sind sie dazu prädestiniert, kolloquiale und volkstümliche, auch lokal begrenzte (mundartliche) Sprachmittel aufzunehmen» (Večerka 1993, 90). Единственный пример перфектной формы 3 л. без связки отмечен в *Зографском евангелии* (Вайан 2002, 280: «конструкция, параллельная с относительным причастным оборотом»). Региональный характер этого явления неочевиден также в свете наблюдения А. И. Селищева (2001, 173–174), который заметил, что «Синайский требник представляет примеры с опущенной связкой и для 1 лица. Такие примеры относятся к разговорной речи, к энергичному утверждению» (примеры из ответов на исповеди; разрядка А. М. Селищева). В древнерусском языке «связки 3-го лица — это в основном элементы книжного языка», «в перфекте их не было вообще» (Зализняк 2008, 236; см. также 236–238, 256–262). Утрата связки в 3 л. ед. ч. (*je*) отмечается также в сербскохорватском (Vondrák 1928, 147), хорватском церковнославянском (Gadžieva, Kovačević, Mihaljević, Požar, Reinhart, Šimić, Vince 2014, 251) и македонском языках (Пентковская 2009, 136–179, в том числе примеры из древнесербских рукописей; об употреблении перфекта без связки в древнерусской Чудовской редакции Нового Завета), она известна уже в древнейших польских памятниках (Vondrák 1928, 147; *Kazania świętokrzyskie*, XIV в.). Неясно, какое отношение к региональной характеристике языка *Учительного евангелия* имеют «анафорични синтагми» с постпозитивными *тѣ* и *сѣ* в сочетании с существительными, в том числе в тех случаях, где постпозиция не определяется оригиналом (Тихова 1995, 322–329): указательное *тѣ* в постпозитивной позиции употребляется в новгородской берестяной письменности (*а продаи клеветника того*, грамота № 247, сер. 20-х — сер. 90-х гг. XI в. [Зализняк 2004, 239]), и это никак не связано с историей артикла. Известны такие формы (с вокализацией ера, типа *псаломсь, мирось* и т. д.) и в написанной близ Охрида *Болонской псалтири* (Щепкин 1906, 217). Что касается форм *ми, ти, си* в притяжательном значении (контактное расположение энклитического местоимения в посевивном значении «е характерно само за българския език и което е типично тъкмо за преславските книжовници» [Тихова 1995, 330]), то они известны не только в древневосточноболгарских рукописях, но и в *Синайском евхологии*, *Маринском евангелии* и *Ассеманиевом евангелии* (Вайан 2002, 176, 178, 215). В статье (Тихова 1995) отсутствует сопоставительный материал, региональная специфичность языковых данных доказывается на примере одной рукописи (в статье отсутствует список источников) и одного славянского языка — болгарского (в статье нет ссылок на сравнительные грамматики и не упомянуты данные других славянских языков). Благодаря такому подходу любое языковое явление может быть названо явлением «преславским» (если а priori исходить из преславского происхождения текста), а всякое праславянское

перехода *ъ* в *о* в сильной позиции в восточнославянских памятниках середины одиннадцатого — начала двенадцатого века соответствует раннедревнерусскому состоянию и поэтому не может быть надёжной текстологической приметой. По той же причине древнее наличие *l*-epentheticum в рефлексах йотовой палатализации губных представляет и юго-западную, и восточнославянскую изоглоссу, хотя В. Н. Щепкин и полагал, что сохранение вставного *l* в *Остромировом евангелии*, последовательно отражающем также этимологически правильное написание носовых, не может объясняться «исключительно влиянием русского языка» (Щепкинъ 1899, 262) (см. § 2.5).

С другой стороны, раннедревнерусская церковнославянская традиция не является абсолютно невосприимчивой к влиянию древневосточноболгарской диалектной фонетики, о чём свидетельствуют многочисленные, «аномальные» на древнерусской почве, орфограммы *Изборника 1073 г.* с отсутствием *l*-epentheticum (Баранкова и др. 1988, 11), которые объясняются только древневосточноболгарским, преславским, происхождением «Симеонова Сборника»: *томениѹ* 405 (1056), *ѹмьѹдѹ* 596 (201г) и т. д. (§ 2.5). Это явление (за редкими исключениями, о которых см. ниже) отсутствует в древнерусских служебных минеях, в *Евгеньевской псалтири*, в *Учительном евангелии* и *Сказании церковном*, хотя названные рукописи, как было видно на примере ряда фонетически обусловленных написаний, способны к сохранению фрагментов архаичного южнославянского диалектного языкового пласта. Совершенно естественно, что на уровне орфографии древние западно- и восточноболгарские явления взаимно исключают друг друга, в связи с чем региональные графико-орфографические текстологические приметы преславского «Симеонова сборника» — в лице *Изборника 1073 г.* — и служебных миней, *Евгеньевской псалтири*, *Учительного евангелия* и *Сказания церковного* не совпадают.

Графико-орфографические «аномалии» в качестве текстологической приметы с необходимостью указывают на влияние протографа, но всё же не архетипа, и потому, как было сказано, обозначают локализацию не начального, но ближайшего предшествующего звена в традиции текста. Для юго-западнославянского ареала, или для западной части Первого Болгарского царства, традиция служебных миней представляется автохтонной, поскольку региональные графико-орфографические и историко-фонетические особенности поддерживают то, что уже известно о лексических и грамматических

явление, имеющее продолжение в современном болгарском языке, может быть названо древнеболгарским. Ср.: Gallucci 2004 (о языке *Учительного евангелия*), 98 («In UE la presenza dei cosidetti preslavismi è estremamente ridotto»).

особенностях этого корпуса текстов. Лингвистические наблюдения над древнейшими славянскими оригинальными и переводными гимнографическими текстами византийского обряда, сделанные в последние годы³²⁵, свидетельствуют о сходстве их языковых признаков, которые указывают на юго-западное происхождение этих текстов в пределах Первого Болгарского царства в конце девятого — начале десятого веков. Речь при этом идёт как об отдельных и редких языковых явлениях, представляющих собой отклонения даже от допускающего широкую вариативность раннего славянского книжного узуса, так и о системных фактах, позволяющих судить о таком локальном варианте древней языковой нормы, который не был тождествен ни восточноболгарскому «преславскому», ни западному «моравско-паннонскому» идиомам. В ряде работ доказывалось, что культурно-политическим и церковным центром, где осуществлялась деятельность по созданию гимнографического корпуса и ряда других текстов, была епископия Климента, находившаяся на территории южной Албании, юго-западной Македонии и, возможно, северо-западной Греции³²⁶, что полностью согласуется с языковыми данными.

4.6.1. Региональные языковые особенности в *Учительном евангелии* и *Сказании церковном*

Ряд языковых особенностей *Учительного евангелия* и *Сказания церковного*, которые с разной степенью достоверности атрибутируются Константину Болгарскому, позволяет увидеть в них те же региональные черты, что и в древнейших гимнографических текстах. Явления, о которых пойдёт речь, находятся на периферии книжного узуса и, подобно описанным выше графико-орфографическим «аномалиям», оказываются текстологически значимыми благодаря своей диалектной отнесённости.

4.6.1.1. Основа *буд-* с презенсным значением

Презенсное *буд-* (*бжд-*), употребляемое преимущественно в причастных формах в том числе в значении, тождественном *сы* (*сѣщ-*), отмечалось как одна из характерных особенностей древне- и старорусских оригинальных и переводных текстов (Пичхадзе 2011, 70). Кроме многочисленных примеров восточнославянского происхождения,

³²⁵ Верещагин, Крысько 1999; Кривко 2007; Кривко 2012; Пичхадзе 2008; Пичхадзе 2009; Пичхадзе 2011; Пичхадзе 2011–2012; ср.: Йовчева 2014, *passim*, и рецензию: Кривко 2015.

³²⁶ Пентковский 2012; Пентковский 2014; Мучай и др. 2014, 10–14.

известны два случая употребления презенсного *буд-* (*бжд-*) в южнославянских переводах, сохранившихся в древнерусских древненовгородских рукописях: в «августовской служебной минее [Кривко 2006: 70, 75, 83] и Ильиной книге [Крысько 2005: 444–445] — *бжджцата* употребляется как соответствие *tā mévonta* ‘пребывающее (в неизменном состоянии)’ (в противоположность изменчивому и преходящему)» (Пичхадзе 2011, 70).

Сказание Церковное — один из текстов, приписываемых Константину Болгарскому — содержит третий известный за пределами оригинального древнерусского материала пример раннего употребления презенсного *бжд-*, распознаваемый в сопоставлении с греческим оригиналом: «*и ти прилѣти бждоуть [= *соуть] чистотѣ* [о принявших Святые Дары] (*γίνονται*)» 274 (260г 14–15).

Перед нами оказывается очень ранняя древнерусско-южнославянская изоглосса, подозрительная, во-первых, из-за малого количества примеров южнославянского происхождения, сколь бы убедительными они ни были, во-вторых, из-за своего фрагментарного характера: между востоком и югом находится плохо объяснимый разрыв. Этот разрыв заполняется благодаря данным других славянских языков. Презенсное *бѣд-* закономерно отмечается не только в восточнославянских переводах со старопольского, но и в текстах польско-украинской контактной зоны. Предсказуемо наличие этих форм, например, в польских и староукраинских *Универсалах* Богдана Хмельницкого, которые отражают языковую интерференцию украинских и восточнопольских диалектов. Ограничимся несколькими примерами:

Всѣмъ воецѣ и кождому зособна, кому о томъ вѣдати будетъ належало, а меновите козакомъ Воиска нашего в Прилуце будучимъ. *Ун.Богд.Хмельн.* 77 (№ 14), 1648 г. *Wszem vobec i každemu osobna, komuby o tym wiedzieć należało, a mianowicie kozakom z woyska naszego do wiadomości donosimy, na miejscach roznnych będących.* 83 (№ 18a), 1648 г. Пану Шумейкови, будучому полковникови нижинскому. 106 (№ 36), 1650 г. Радуль Ластовецкий [...] казака старинного Велебневского тамъ в неволе будучего *от* ляхов выдел. 157 (№ 89), 1654 г.

Очевиден «западный» характер этих форм, встречаемых преимущественно во вступительной формуле, которая, очевидно, связана с польской канцелярской традицией — в письмах, направленных «московским партнёрам» и ориентированных на другой письменный узус, презенсное *буд-*, которое бы указывало на адресатов письма, находящихся в данный момент в известном месте, отсутствует.

Закономерно также наличие презенсного *буд-* в *Назирателе*, переведённом со старопольского языка в шестнадцатом веке:

Такова стѣна скоро валится и недолго стоитъ, и того для дѣланые с таковым песком бывают невѣчны и некрѣпки ради соленые в нем будучие (zbutnięy) мокроты. *Наз.*, 189–190 (40–40 об.). Деревя въ стѣни, или в' тѣснотѣ какой будучие (bęдаце) меж иными древесами ... добрѣ силнѣе в' высоту растут нежели в' толстѣту. 227 (60).

Следы праславянского презенного **bǫd-* сохраняются в современном сербском языке³²⁷, согласно материалам Дж. Даничича, редактора первого тома двадцатидвухтомного «Словаря хорватского, или сербского, языка», презенное причастие *bude* 'находясь; будучи' активно употребляется в сербских рукописях до середины XV в.³²⁸ Польский и сербский материал доказывает, что архаичное презенное употребление праславянского **bǫd-* в причастиях настоящего времени со значением 'находящийся; пребывающий' описывается изоглоссой, объединяющей севернославянские языки и западную часть южнославянского ареала. Малое количество древних примеров южнославянского происхождения, очевидно, свидетельствует о том, что появились они в крайней южной части юго-западнославянского диалектного континуума, иными словами, там, где употребление презенного **bǫd-* было малоактивным. По всей видимости, выбор нужно делать в пользу славянских диалектов на территории современной южной Сербии или Македонии.

4.6.1.2. Конструкция *въ + вин. п. со значением образа действия*

Конструкция *въ + вин. п. nomina abstracta* со значением образа действия была неоднократно описана как синтаксический моравизм, имеющий параллели и в русском языке³²⁹. Кроме того, конструкция

«въ + вин. п. со значением образа действия отмечена в Ефремовской кормчей, для которой не предполагается моравского происхождения, однако в этом памятнике это сочетание является несомненным архаизмом, который связан с западным или юго-западным языковым узусом: моравизм рѣснота, отмеченный в Ефремовской кормчей трижды, все три раза использован в вин. п. ед. ч. в сочетании с предлогом *въ* для передачи греческого наречия *κρίως*, как можно судить по словоуказателю [Максимовић 2010: XV, 271]» (Кривко 2012, 195–196).

³²⁷ РСХКНЈ 2, 253 («бўдућ бўдући и будўћи св. узрочна, обично са свезом „да“: с обзиром на то што; пошто, јер. [...] Будући да у Србији ни у десетом селу нема цркве, за то људи иду [...] наманастирима (Вук. [...])»).

³²⁸ RHSJ 1, 368 («*part. praes. act. u starom nom. sing. masc. bude držao se do polovine XV vijeka: Kto tvoj vragъ pribęgne u našъ gradъ kъ namъ, da ti ne ispakosti ništare, u nas bude. Mon. serb. 22. Bude v pune države. 430*»).

³²⁹ Максимовић 2004, 115–116 (литература, примеры).

В этой же конструкции употреблена форма *ръснѣ* (вин. п. ед. ч. м. р.) в древнерусском древненовгородском списке декабрьской служебной минеи, отражающей в данном случае южнославянский текстологический пласт, испытавший влияние моравского узуса: *въ рѣснѣ* 'поистине'³³⁰. Наконец, в древнерусской ростовской служебной минее двадцатых годов тринадцатого века *Лт37*, которая в языковом и текстологическом отношении во многом отражает раннедревнеболгарский архетип начала десятого века и о которой выше шла речь в связи с формами на *-ои*, отмечен ещё один пример аналогичной конструкции, встретившийся в древнейшем переводе одного из редких на славянской почве канонов Успению Богородицы:

(гра/де дѣшевный всѣхъ црѣа въ ѣ/стиноу · подажъ пре//грѣшеникъмъ нашимъ ·) въ / памѣ твоѣ (Ѡпоущениѣ) тѣ мнѣмѣ σου (Кривко 2012, 182–183, 195–196).

В сочинениях, атрибутируемых Константину Болгарскому, данная конструкция встречается в большом количестве:

дѣхъ сѣти преди ходитъ въ бескъврънню и словесьню жрътвоу (ἐν αἰμάτω λογικῆ θισίᾳ) *Сказ.церк.* 260 (253в 10); въ блгодѣтъ (ἐπὶ τῆ εὐεργεσίᾳ) 267 (257б 13–14); въ таиноу (ἐν μυστηρίῳ) 268 (257г 11–12); навькѣ бо въ прѣмъ ходити (ἐδιδάχθησαν γὰρ ὀρθοποδεῖν) *Учит.ев.* 386 (193д 13); въ лѣпотж (εἰκότως) 423 (212б 19).

Большинство примеров конструкции *въ + вин. п.* представляет лексикализованное сочетание *въ простоу* (*въ простѣ*) с наречным значением, которое в семантическом и историко-синтаксическом отношении тождественно современному русскому *впустую*. Показательна неуверенность издателя *Учительного евангелия* в словоделении, которое мы воспроизводим в соответствии с изданием, где раздельное или слитное написание предлога с последующей именной формой единообразно не соблюдено:

не въ простоу 38 (14с 1–2), не въпростоу же нарицають и самаряне сѣса 'не напрасно называют Его самаритяне Спасителем' (οὐχ ἀπλῶς) 70 (30д 10–11), не въ простоу велить ненавидѣти (οὐχ ἀπλῶς) 118 (54с 19), въ / простоу (ἀπλῶς) 120 (55д 19–20), не въ / простоу показахоу вѣроу (οὐ τὴν τυχοῦσαν ἐπεδείκνυτο πίστιν) 128 (59д 8–9); въ простоу 129 (60б 21); не въ про//стоу (οὐχ ἀπλῶς) 132–133 (61д–62а); не въ про/стоу 161 (76б 19–20), не въ/простоу (οὐδὲ ἀπλῶς) 193 (92б 17–18), не въпростѣ (οὐχ ἀπλῶς) 273 (137б 7), въ простоу (ἀδιακρίτως) 278 (139с 4), въ / просто (ἀπλῶς) 291 (146а 10–11), не въ простоу (οὐδὲ ἀπλῶς) 295 (148б 15), не въ простоу 389 (195а 20), въ прѣ//стж 459 (230а 21 – 230б 1).

³³⁰ WGMD 80; Пичхадзе 2008, 162.

Ещё один пример этой конструкции имеется в южнославянском переводе Книги Иова, датированном концом четырнадцатого — началом пятнадцатого века. Конструкция описана в словоуказателе к изданию памятника:

«соуѣта ж. *суета* (тук: въ соуѣтѣ *напразно*) 1 κενός: διὰ κενῆς – въ соуѣтѣ» (Христова-Шомова 2007, 412).

Вопреки мнению издателя, которая считала возможным, что опубликованный ей перевод Книги Иова был выполнен в Болгарии (Христова-Шомова 2007), рецензент убедительно доказал его сербское происхождение (Reinhart 2012, 288–290).

Примеры из сочинений Константина Болгарского и сербского перевода Книги Иова, в одном ряду с упомянутыми ранее данными служебных миней и *Ефремовской кормчей*, доказывают, что конструкция *въ + вин. п. nomina abstracta* в значении образа действия имела за пределами восточнославянского ареала не только моравское, но и южнославянское распространение. Судя по её отсутствию в древне- и среднеболгарских текстах, изоглосса этой конструкции охватывает только западную часть южнославянского ареала.

4.6.1.3. Морфологические особенности

Учительное евангелие и *Сказание церковное* содержат ряд общих морфологических особенностей, указывающих как на древность текста, так и на его связь с архаическим языковым узусом, характерным для западной и юго-западной древнецерковнославянской традиции.

4.6.1.3.1. Простой и древний сигматический аорист

К этим особенностям относятся отмеченные в *Сказании церковном* (Афанасьева 2012, 22–24) и в *Учительном евангелии* формы простого и древнего сигматического аориста (причём аористные формы 3 л. мн. ч. от *прити*, как кажется, представлены особенно часто в таком архаическом виде; к сожалению, словоуказатель в издании отсутствует, доступной электронной версии текста нет):

придоу (ἀπήντησαν) *Учит.ев.* 64 (27d 12), (ἦλθον) 70 (30d 17), 73 (32b 20), не възмогу (οὐκ ἔσχυσαν) 86 (38d 15–16), не привѣсте (οὐκ ἠγάγετε) 110 (50c 12), придь (πᾶρεμι) 252 (126d 1–2), придь 376 (188c 21), навькѣ (ἐδίδαχθησαν) 386 (193d 13), придь (ἦλθον) 459 (230b 16).

4.6.1.3.2. Окончание *-те* 3 л. дв. ч. аориста

На древность *Сказания церковного* (Афанасьева 2012, 22–24) и *Учительного евангелия* и их связь с западным и юго-западным узусом указывает также последовательное употребление исконных аористных форм дв. ч. 3 л. на *-те*³³¹:

магдалини мѣриа · и тѣзица придесте (так!) на гробъ *Учит.ев.* 35 (13a 21 – 13b 1–2); съгрѣшисте бо обаче · и родителя кго (ἡμάρτων) 74 (32d 17–18); *об Андрее Первозванном и Петре*: възвратистеса (ἐπανήλθον) 124 (57d 15–16), 125 (58a 3), зъвана бысте (ἐκβλήθησαν) 124 (57d 20–21); евънѣста рѣсте (οἱ Εὐαγγελιστῆαι ... εἶπον) 319 (160a 13); *об Иакове и Иоанне, сыновьях Зеведеевых* (ср. Мф. 20:20–28; Мк. 10: 35–45): прошаашете (ἤθου) 452 (226d 20–21) (ср.: быста просила и тако не быста вѣдѣла 226d 7–10 [452]), слышасте 453 (227a 1–2), рѣсте 453 (227a 6–7, 227a 12), просите 453 (227a 11), бѣсте 455 (228a 20), страдаашете (ἐπάσχο) 457 (229b 4, 7).

4.6.1.3.3. Презенсные причастия от перфективных основ

Не меньший интерес представляют формы презенсных причастий от перфективных основ, которые считаются

«особенностью, отличающей произведения Климента Охридского [...] от кирилло-мефодиевских текстов [...] Аналогичные образования встречаются и у Константина Преславского [в песнопениях Триоди. — Р. К.] [...] Часты такие формы и в служебных минеях, особенно в Ильиной книге и Путятиной минее»³³².

Такие формы встречаются в *Учительном евангелии*:

прохла/дашь 151 (71b 1–2), оупрѣмашемъ (ἀπευθύνοντας) 415 (208a 16), прозабаша (так в изд.!) · алчьнамъ // дѣамъ · оухлѣбаша · не гръци бо тѣчьж обогатиша са оцьмъ симь · нъ и словѣньскыи родъ · мьнимыи попыранъ бысть вѣми 420–421 (210d 15 – 211a 10).

³³¹ См. Вайан 2002, 249 («Первоначально окончание 3 лица двойственного числа было *-те*, причем как в настоящем времени, так и в аористе и в имперфекте. В Мариинском евангелии, в Синайской псалтири и в Клоцовом сборнике встречается только это окончание, а в Зографском и в Ассемановом оно преобладает. Однако в других памятниках с ним конкурирует новое окончание *-та*, которое становится господствующим в позднем старославянском языке [...]. В Саввиной книге окончание *-та* является редким, а в Супрасльской рукописи оно представлено только семью примерами, пять из которых в поучении Епифания»).

³³² Пичхадзе 2009, 304 (примеры, литература).

4.6.1.3.4. Тв.п. мн. ч. на *-ъми* существительных **о*-основы

«К числу ярких грамматических инноваций, характерных для служебных миней, относится окончание *-ми* в творительном падеже множественного числа существительных **-о-/*-јо*-склонения и согласного склонения [...] В канонических старославянских памятниках такие формы единичны (VAILLANT 1952: 112), но для учеников Кирилла и Мефодия и их круга они весьма характерны» (Пичхадзе 2009, 303–304 [примеры, литература]). Отмечаются они в большом количестве и в *Учительном евангелии*:

службоу члѣмки (τῆς τῶν ἀνθρώπων λατρείας) 97 (44a 14); члѣмки (παρὰ τοῖς ἀνθρώποις) 97 (44b 14); члѣнъми 116 (53c 3); дѣль/ми (вм.: дѣльми 'дѣлами' — τῶν ἐργῶν) 132 (61d 14–15), 135 (63a-b 21–1); грѣхъми 155 (73b 11); глѣми 180 (85c 8–9), члѣвкъ/ми (παρ' ἀνθρώποις) 219 (105b 12–13), апостоуъми (ὕπὸ τῶν Ἀποστόλων) 225 (113b 14), зачалъми 448 (224c 14).

4.6.1.3.5. Лексические регионализмы:

трѣтъ, цѣста, сѣтъгло, етеръ 'иной', частица и союз тѣ

На фоне многочисленных лексем — моравизмов и заимствований из латыни, отмеченных в *Сказании церковном* (Афанасьева 2012, 25–41), в *Учительном евангелии* обращает на себя внимание слово *трѣтъ* 'военный отряд; сонм', представленный в типичной для древнерусских рукописей переосмысленной форме *тroudъ*:

тroudъ (вм.: троуть) лоукавныхъ бѣсъ (τὸ τῶν ἀγρίων δαιμόνων σύστημα) 323 (162b 10).

Слово *трѣтъ* является в славянской письменности «архаичным и редким», оно известно в *Хронике Георгия Амартола, Повести о Варлааме и Иоасафе, служебных минеях*³³³. Это слово отсутствует в моравской книжности, хотя рефлекс праславянского корня **trōt-* известны в западославянских языках, а также в сербскохорватском³³⁴.

Неясно, насколько свойственно было это слово древневосточноболгарскому книжному узусу: из четырёх случаев его употребления, отмеченных в *Супрасльской рукописи*, три принадлежат более древней гомилетической части (с параллелью в глаголическом *Клоцовом сборнике*), а один засвидетельствован в Слове Василия Великого 40 мчч. Севастийским, которое помещено после их жития в агиографической части³³⁵.

³³³ Пичхадзе 2011, 63–64 (литература).

³³⁴ ЭСРЯ IV, 111, s.v. *трутить* («сербохорв. трућити, трућити „бросать“, чеш. troutiti „толкнуть“, польск. trącić „задеть, толкать“, wstręć „отвращение“).

³³⁵ SJS IV, 517 (словарные ссылки сверены по изд. *Супр.*).

Регулярная порча *трѣтѣ* → *трудоѣ*, известная в древнерусских рукописях, понятна в силу отсутствия этой лексемы в некнижном древнерусском языке, хотя М. Фасмер (ЭСРЯ IV, 111) видел продолжение праславянского **trōt-* в гапаксе *потручатися* 'притупиться, истереться'³³⁶. Ареал современного употребления рефлексов праславянского **trōt-*, ограниченный западнославянскими и юго-западнославянскими (сербскохорватский) языками, их слабая фиксация в оригинальных древнерусских и древневосточноболгарских текстах (четыре примера в *Супрасльской рукописи*, из которых три — в архаичной гомилетической части), а также использование слова *трѣтѣ* в служебных минеях и в переводах, выполненных на Руси западноболгарскими книжниками (Пичхадзе 2011), позволяют рассматривать лексему *трѣтѣ* в древних славянских текстах скорее как приметку регионального юго-западнославянского, чем наддиалектного или общедревнеболгарского узуса.

Выразительным праславянским диалектизмом в *Учительном евангелии* Константина является слово *цѣста* 'улица', которое было отмечено ещё А. Горским и К. Невоструевым (Горскій, Невоструевъ 1859, 431) без дополнительных комментариев, с вводным замечанием к ряду описанных ими разнородных языковых явлений: «Въ словахъ и оборотахъ рѣчи замѣтимъ слѣдующіе» (Горскій, Невоструевъ 1859, 430): *соущи на цѣстахъ и стѣгнахъ* (οἱ εἰς τὰς παλτείας καὶ τὰς ρύμας) *Учит.ев.* 386 (193d 3).

Слово *цѣста* — западно- и юго-западнославянский регионализм. Рефлексы праславянского **śěsta* известны в сербскохорватских диалектах (*цѣста* 'дорога'), в словенском (*césta* 'дорога'), чешском, словацком языках и польских диалектах (везде — *cesta* 'дорога') (ЭССЯ 3, 188). В восточнославянских языках, а также в болгарском и македонском этого слова и его производных нет, в «Материалах» И. И. Срезневского приведены цитаты из Апокалипсиса, Ефрема Сирина и *Учительного евангелия* (МСДРЯ III, 1466). В пражском «Словаре старославянского языка» слово *цѣста* представлено двумя цитатами из Апостола и Псалтири (SJS IV, 846).

Наречие *цѣгъло* 'отдельно, особо' (кат' ἰδίαν) *Учит.ев.* 157 (74b 15) (**scěgъlъ*³³⁷), равно как и однокоренное прилагательное *цѣгълѣ* 'целый, цельный', отсутствует в памятниках старославянского корпуса. В славянской исторической лексикографии эти слова отмечены только в сербском *Никольском евангелии* пятнадцатого века и в сочинениях Константина³³⁸, а также, в непонятой болгарским переписчиком форме

³³⁶ СРЯ XI-XVII 18, 26 (единственная цитата из *Слова о полку Игореве*).

³³⁷ Reinhart 2011, 168 (об исконном наличии ъ в праформе основы).

³³⁸ LPLG 906; SJS IV, 204; СРЯ XI-XVII 29, 108–109

цѣгьхъ (так!), в древнейшей версии Слова на Благовещение Богородицы, которая сохранилась в среднеболгарской рукописи тринадцатого века (в младшей редакции этой же гомилии, которая содержится в древневосточноболгарской *Супрасльской рукописи*, регионализм *цѣгьхъ* заменён на нейтральное *ѣдинъ*) (SJS IV, 832). В качестве современных соответствий этим словам указывается только сербскохорватское *цигли* ‘единственный’, однако

«сюда же, с др. ступенью чередования гласных, — *šćyglъ (см. *щѣголь*) [...] *щѣголь* сближают как первонач. „одиночка, холостяк“ с польск. *szczegół* „подробность, особенность“, *szczególny* „особенный, единственный“, *szczególnie*» (ЭСРЯ IV, 295, 498).

К этимологически родственному праславянскому *šćiglъ возводятся «чеш. *štíhly* „тонкий“, слвц. *štíhly*» (ЭСРЯ IV, 498).

Ярким семантическим регионализмом является единичное употребление в *Учительном евангелии* слова *етерь* в значении ‘другой, иной’, которое отмечено один раз в каноне всем святым первой субботы Великого Поста и регулярно встречается в церковнославянских текстах сербской и западноболгарской (македонской) редакций в качестве оригинальных или вторичных чтений³³⁹. У Константина мы читаем: *придетъ дъждь безбожї/га · ли ѡтерыѡ напасти* Учит.ев. 412 (206d 9–12).

Трижды встретилась в *Учительном евангелии* редкая частица и союз *тѣ*, которая зафиксирована один раз в древнейшей версии Евангелия (по Мариинскому и Зографскому спискам) и по одному разу — во *Фрейзингенских отрывках* и *Житии Мефодия* в редакции *Успенского сборника* по древнерусскому списку двенадцатого — тринадцатого веков (SJS IV, 548). Один раз Константин воспроизводит славянский евангельский текст в соответствии с его древнейшей версией: *аще свѣтъ иже въ тебѣ тѣма тѣ тѣма колика* (ср. Мф. 6: 23) (τὸ φῶς τὸ ἐν σοὶ σκότος, τὸ σκότος πόσον) Учит.ев. 131 (61a 7). В двух случаях авторское словоупотребление не зависит от какого-либо подтекста: *рече тѣ кто ми ѡсть искрънии* (φησὶ «καὶ τίς ἐστί μου πλησίον») 322 (161c 17); *Аще ли кто глѣтъ · тѣ како ѡсть снъ не сы юнги оѣа [...]* *се речемъ оубо [...]* (εἰ δὲ λέγοι τις) 10 (5c 9).

4.6.2. Ещё раз о протографе *Путятиной минеи*

Наличие южнославянского протографа служебной минеи на май, известной по имени писца как *Путятина минея*, не вызывает сомнений (Йовчева 2008, 326 [литература]). Эту южнославянскую локализацию

³³⁹ Пичхадзе 2011–2012 (литература, примеры).

можно уточнить: отсутствие древневосточноболгарских фонетических особенностей, к которым в раннедревнерусской рукописи уверенно может быть отнесено только отсутствие *l*-epentheticum после одиночных губных согласных³⁴⁰, и наличие юго-западнославянской членной формы на *-ои* свидетельствует в пользу происхождения протографа *Мин.Пут.* в западной части Первого Болгарского царства, что согласуется с упомянутыми ранее другими языковыми особенностями этой рукописи (ср. Максимович 2003).

Несколько лет назад графико-орфографическим особенностям *Путьятиной минеи* была предложена иная интерпретация (Йовчева 2008, 328–329), основанная на следующих формальных признаках: 1) двуеровая орфография (со следами одноерового письма в службе Иоанну Богослову); 2) четырёхъюсовая орфография; 3) обозначение палатальности с элементами безйотовой орфографии и использование буквы *у* (ижицы) для обозначения палатальных³⁴¹; 4) необозначение исконно мягких шипящих; 5) преимущественное употребление *щ* (830 раз), а не *шт* (147 раз) или *ш'* (16); 6) употребление греческих букв *ο*, *ψ*, *ξ*, отсутствие *ζ* и употребление *z* только в числовом значении.

«Фактите показват, че в ръкописа е отразена графична система с два ера [...] четири знака за юсове [...] букви *л*, *ж* и *ю* за йотувани гласни и за мекостта на сонорните съгласни. Шушкатавите съгласни и съгласкови съчетания образуват редица с буква *οу*: *жоу* / *ждоу*, *шоу* / *штоу*, а при *ч* се проследява характерното за голяма част от средновековните български ръкописи колебание между *οу* и *ю*. Редовно се използват гръцките букви *ο*, *ξ*, *ψ* и липсва буквата *ζ*. Безспорно подобен правопис, утвърден в научните виждания като класически за кирилските паметници, отпраща към кодексите с богата и развита графика — Супрасълския сборник, Зографските и Хилендарските листове. Същата късна преславска правописна система е отразена и в протографите на Остромировото евангелие и на Изборника от 1073 г. Не говорят в полза на глаголически първоизточник и случаите с т. нар. затвърдели съгласни [...] поради тяхната епизодична поява в представителни източнобългарски кирилски паметници като Супрасълския сборник и Зографските листове» (Йовчева 2008, 329).

³⁴⁰ В *Путьятиной минее* отмечены только два таких примера: *ѡлазвенъ* 19-7, *оулазвеню* 57 об.-13, отражающие утрату *l*-epentheticum в составе консонантной группы; ср. *извъчеса* (так!) *Мин.Пут.* 16 об.-6. Неочевидна утрата *l*-epentheticum в написании *земла* (род. п. ед. ч.) 40-8, где отсутствие буквы *л* может отражать древний праславянский вариант основы (ЭСРЯ II, 93); ср. Максимович 2003 (обзор языковых особенностей памятника в сопоставлении с греческим оригиналом).

³⁴¹ Йовчева 2008, 328 («отбелязване на палаталните съгласни: *ла*, *на*, *ра*; *лю*, *ню*, *рю*; изключения: *ла* в м. *ла* [...] *свѣла* 13v5; *ра* в м. *ра* — *цѣра* 29r16 [...] *лу* в м. *лю* [...] *землу* (11) 55r12 [...] *ру*, *рж* в м. *рю* [...] *зару* (2) 39r9 [...] *ну* / *ноу* в м. *ню* [...] *поустычу* 53r7»).

В этом рассуждении можно согласиться лишь с тем, что в орфографии *Путьатиной минеи* нет следов прямого влияния глаголического протографа. Нельзя, однако, принять вывод о восточноболгарском происхождении оригинала древнерусской рукописи. Приведённые выше соображения содержат два слабых звена. Во-первых, тезис о «классической» орфографии неких древних кириллических памятников на самом деле не подтверждается материалом южнославянских рукописей: «классическая» кириллическая орфография, подобная, но не тождественная *Путьатиной минеи* или *Остромирову евангелию* и усиленная этимологически правильным употреблением юсов, стала образцом только для одной традиции — условной научной практики оформления заголовочных форм в современных словарях старославянского языка и правил подачи примеров в учебных таблицах старославянского словоизменения. Во-вторых, ошибочен тезис о восточноболгарском происхождении перечисленных графико-орфографических явлений, ни одно из которых на самом деле не является специфически древневосточноболгарским с точки зрения южнославянской исторической диалектологии. Тот факт, что некое явление известно в преславских рукописях, не означает, что оно было именно «преславским»: если мы находим один и тот же факт в восточноболгарских кириллических рукописях и в глаголических памятниках древнезападноболгарского ареала, значит, этот факт не является текстологической приметой и для диалектной локализации традиции текста является нерелевантным. Все без исключения признаки *Путьатиной минеи*, перечисленные выше (Йовчева 2008, 329), текстологически нейтральны.

Двуеровая орфография свойственна всем без исключения памятникам старославянского корпуса, в связи с чем её диалектная локализация невозможна. Что же касается одноеровой орфографии, которая известна в том числе в древнерусской бытовой письменности и в эпиграфике, то очевидным представляется лишь архаичный и периферийный — скорее в функциональном, чем в ареальном смысле — характер этой системы письма (ср. об одноеровом письме: Marti 2005, 24). Четырёхъюсовая орфография используется не только в древнерусских кириллических рукописях, но и в глаголических *Ассеманиевом евангелии*, *Синайской псалтири*, *Синайском евхологии*, *Клоцовой сборнике*, *Рыльских листках*, *Боянском палимпсесте*³⁴². Древневосточноболгарская *Супрасльская рукопись* содержит, строго говоря, не четыре, а шесть букв носовых гласных: Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ³⁴³, *Саввина*

³⁴² Marti 2000, 71 (сводная таблица употребления букв носовых гласных в древнейших глаголических рукописях); Marti 2005, 22.

³⁴³ Margulíés 1927, 52 («allein das Ѧ, das sich aus der Parallele mit ѫ wie von selbst ergeben haben wird, findet sich doch vereinzelt schon in unserem Denkmal, in

книга — пять: Ѧ, Ѧ, Ѧ, Ѧ, Ѧ (Князевская 1999, 28–29). Употребление малых юсов ни в одной из древнейших южнославянских кириллических рукописей не соответствует *Путьатиной минее*:

«в Хиландарских листках встречаются только две буквы Ѧ и Ѧ [...] В Македонском кириллическом листке по преимуществу употребляется знак Ѧ в любом положении, но три раза встретила буква Ѧ» (Князевская 1999, 29–30).

Четырёхъюсовая орфография *Путьатиной минеи* не имеет южнославянских кириллических параллелей в пределах одиннадцатого — начала двенадцатого веков, что не позволяет судить о локализации, в том числе «преславской», этой системы письма.

Обозначению палатальности посвящён второй очерк данной книги, где в отдельном параграфе идёт речь о кириллической йотации (§ 2.5). Особенность раннего древневосточноболгарского узуса в обозначении палатальности состоит в наличии таких характерных орфограмм, отражающих утрату *l-epentheticum* после губных, которые в *Путьатиной минее* отсутствуют. Употребление ижицы после букв палатальных согласных в этой рукописи не является южнославянской особенностью, поскольку ижица в написаниях типа *зару* представляет субститут Ѧ (§ 3.2.7) и отражает древнерусскую инновацию, которая не может иметь отношения к истории южнославянского протографа *Путьатиной минеи*.

Обозначение исконно мягких шипящих, отражающее, как кажется, прежде всего древнерусские фонологические особенности, рассмотрено выше (§ 1.2.2.2; § 1.3.2.2; § 1.4.2.2) на материале *Псалт.Б.-С.* в сопоставлении со старославянскими памятниками. Как соотносится в этом отношении узус *Путьатиной минеи* со старославянскими рукописями, остаётся неясным в силу очевидной вариативности южнославянского узуса. Употребление лигатуры *щ* и диграфа *шт* (§ 1.3.1.2) в южнославянской традиции также не позволяет сделать вывод о древневосточноболгарском происхождении протографа *Путьатиной минеи*, тем более, что древнейшие старославянские кириллические рукописи восточноболгарского происхождения, *Саввина книга* и *Супрасльская рукопись*, отражают в этом отношении прямо противоположную практику. Не может служить критерием локализации протографа кириллической рукописи и употребление букв *ѳ*, *ѱ*, *ѳ*, которые свойственны кириллической традиции в целом, а *ѳ* («фита») известна также в рукописях глаголических (Diels 1932, 21, 45–46).

ѦѦѦѦ — 333, 20, wo das beeinflussende Ѧ unmittelbar folgt, in ѦѦѦѦѦѦ — 472, 12 und in ѦѦѦѦѦѦѦѦѦ — 555, 17»; ср. «die zwei Fälle von сеѦѦ — 222, 17 und поѦѦ — 354, 19»).

Отсутствие буквы *з* в *Путятиной минее*, вероятнее всего, объясняется восточнославянским происхождением рукописи и неизбежной русификацией её орфографии. Известно, что буква *ѣ* используется во всех глаголических рукописях старославянского корпуса, кроме *Киевских листков*, *Синайского евхология* и *Клоцова сборника* (Diels 1932, 47). В одиннадцатом — двенадцатом веках буква *з*, *ѣ* (в нечисловом значении) встречается только в тех кириллических рукописях, которые связаны с древнезападноболгарским или древнесербским ареалом: в *Хиландарских фрагментах*, *Листках Ундольского*, *Македонском кириллическом листке*, *Зографских листках*, *Мирославовом евангелии*, *Григоровичевом паремийнике*. Заметим, что наличие кириллической буквы *з* предполагает сохранение *l-epentheticum* (исключением могут быть консонантные группы, когда губному согласному предшествует другой согласный). Употребление букв *ѣ*, *з* обусловлено более длительным сохранением на юго-западе славянского ареала аффрикаты *ǰz* в качестве рефлекса второй и прогрессивной палатализации, которая в древневосточноболгарских и восточнославянских диалектах, судя по письменным данным, была утрачена раньше, чем на юго-западе³⁴⁴. По этой причине *з* отсутствует в *Саввиной книге* и в *Супрасльской рукописи*. В древнерусской письменности буква *з* регулярно присутствует только в кириллических алфавитариях, где занимает устойчивую алфавитную позицию после *ж* (Зализняк 1999, 553). Очевидно, что эта буква учитывалась при обучении грамоте и чтению, но в письме активно не использовалась. Об этом свидетельствует замена исконного глаголического *ѣ* (*ѣ*) на *з* в азбучном акростихе рожественских алфавитных стихир с глаголическим составом и порядком букв, где букве *ѣ* (*ѣ*) соответствует акроним *Звѣздоѣѣ* Ил.кн. 356 (77 об.), а букве *ѣ* (*ѣ*) — акроним *Земля* (там же) в следующей стихире. Форма *Звѣздоѣѣ* сопровождается комментарием издателя: «*Звѣздоѣѣ*: в протографе, несомненно, в соотв. с алфавитом было **звѣздоѣѣ* (ср. в азбучных стихирах на Крещение в *Т98*, 24г: *Зѣло*)» (Крысько 2005, 357), *ВВ* букву *З* (не *ѣ*) в «*Зѣло*».

Единственным известным исключением в раннедревнерусском употреблении буквы *з* является пример из *Азбучной молитвы*, предварающей *Учительное евангелие* Константина³⁴⁵ в рукописи одиннадцатого — двенадцатого веков (ГИМ, Син. 262). Буква *З* *Азбучной молитвы* отражает её глаголический архетип, в существовании которого

³⁴⁴ Oblak 1896, 7, 46 (о сохранении твёрдого *ǰz* в славянских говорах к северу от Салоник); Vondrák 1924, 427; Diels 1932, 47; Карский 1979, 190–191; Карский 1964/1904, 583.

³⁴⁵ Карский 1979, 191 («Такое написание встречается в [...] поучениях Константина Болгарского XII–XIII в. (б. М. Син. б. № 262, л. 2: *зѣло*)»).

не приходится сомневаться: *Зѣло бо жсть свѣтильникъ жизни ∴ / Законъ твои ∙ и свѣтъ стѣзамъ ∴*. Учит.ев. 3 (2b). Наличие двух алфавитных позиций для кириллической буквы З обычно для акростихов, отражающих в русле кириллической традиции глаголическую азбуку, где после ж (ж) следуют џ (з) и џ (э). Напротив, необычным для древнерусской графики является написание кириллического З в соответствии с глаголическим џ, поскольку, как было сказано, буква џ (з) южнославянских азбучных акростихов на древнерусской почве заменялась на обычное З в связи с утратой взрывного фокуса в рефлексах второй и третьей палатализаций на востоке позднепраславянского ареала. Сохранение акронима *Зѣло* с начальным З в *Азбучной молитве* объяснимо только как прямое влияние протографа восточнославянского списка *Учительного евангелия*. Этот протограф, следовательно, может быть только кириллическим, а не глаголическим, и должен иметь древнезападноболгарское происхождение, о чём можно судить в том числе по написаниям членных форм на *-ои*³⁴⁶, указывающим на юго-западнославянский диалектный ареал.

Представление о древнезападноболгарском кириллическом протографе *Учительного евангелия* возвращает нас к *Путьятиной минее*, которая не имеет прямых следов влияния глаголицы и, следовательно, отражает кириллическую традицию западной части Первого Болгарского царства середины — второй половины десятого века. Лингвистические, и в особенности лексикологические наблюдения над переводом³⁴⁷ свидетельствуют о влиянии на текст *Путьятиной минеи* литературно-языковых традиций преславской школы, которые должны были распространяться в западной части Первого Болгарского царства в середине — второй половине десятого столетия по мере перемещения на запад столицы Первого Болгарского царства в период правления комитопулов и Самуила. Возможно, что влиянием преславского грамматического узуса, для которого было характерно употребление инновационных форм праславянского происхождения, обусловлены также некоторые морфологические и лексические особенности памятника (Йовчева 2008, 329–337), употребляющиеся наряду с архаизмами, если эти инновации не отражают младший древнеболгарский книжный узус второй половины десятого века³⁴⁸.

³⁴⁶ Менее вероятным кажется влияние древнерусских кириллических абecedариев, в которых буква З представлена абсолютно последовательно (Зализняк 1999, 53). Абecedарии должны были заучиваться наизусть как устойчивый текст, чего нельзя сказать про алфавитные акростихи, где, как мы видели, начальное З в акронимах меняется на З.

³⁴⁷ Максимович 2003; Йовчева 2008, 330–337.

³⁴⁸ Речь идёт о двух особенностях: во-первых, об экспансии форм нового сигматического аориста, которые являются более многочисленными по сравнению

с единичными примерами простого (асигматического) аориста «*обидоу* 53r16» (Йовчева 2008, 329) и древнего сигматического аориста «*нарѣши* 112v5» (там же), во-вторых, о приблизительно равном соотношении исконных и инновационных форм действ. причастий прош. вр. четвёртого «лескиновского» класса типа *рождѣ- / родивѣ-* (там же, 329–330). Развитие нового сигматического аориста — праславянская инновация, которая не является древневосточноболгарским регионализмом и известна почти во всех старославянских рукописях, кроме самых архаичных с точки зрения морфологии (*Мар., Клоц., Псалт. Син.*) (Reinhart 2002, 141). Что же касается степени вариативности аористных форм, то их употребление в *Путятиной минее* действительно соответствует состоянию *Супр.*, где, «не считая обычной формы *рѣхъ*, мы находим только формы на *-охъ*, засвидетельствованные более чем 300 примерами, на один пример с *идѣ*, сохраненный в проповеди Епифания [...] *въскрьсѣ* 471⁴» (Вайан 2002, 265). Неясно, однако, действительно ли преобладание новых форм отражает младший древнеболгарский узус, или же такое употребление обусловлено древнерусским происхождением *Путятиной минее* и является естественным результатом её русификации: «Более решительно, чем древне- и среднеболгарский языки, которые все же мирятся со старыми формами евангелия и псалтири, устраняют их русские церковнославянские памятники, знающие только новые формы. В Остромировом евангелии воспоминание о типе *идѣ* сохраняется лишь в виде искажений [...] В том случае, когда в тексте русских церковнославянских памятников встречаются старые аористы [...] они являются несомненным свидетельством древнемакедонского или, скорее, западного происхождения текста» (Вайан 2002, 265); «западным» А. Вайан называет в том числе древнесербский ареал, упоминая далее *Мирославово* и *Никольское евангелия*. В свете этих наблюдений ещё более убедительным свидетельством «западного» происхождения протографа *Учительного евангелия* и *Сказания церковного* являются многочисленные для древнерусской традиции формы простого аориста, отмеченные в этих памятниках. Форма сигматического аориста *нарѣши* в *Мин.Пут.* является текстологически нейтральной, насколько можно судить по употреблению аналогичных образований в *Супр.*, не говоря уже о глаголических рукописях (Вайан 2002, 260, 265, 266). Неясно, в какой мере отражают текстологическую традицию инновационные флексии действ. прич. прош. вр. им. п. на *-ив-* глаголов четвёртого «лескиновского» класса: «Новые формы на *-ивѣ* полностью отсутствуют в Синайской псалтири, Клоцовом сборнике и Ассеманиевом евангелии. Они проникают, хотя и с трудом, в рукописи евангелий [...] В Супрасльской рукописи новых форм в пять раз больше, чем форм на *ѣ*. В церковнославянских памятниках такие формы, как *с(ѣ)творѣ*, удерживаются только как архаизмы» (Вайан 2002, 275).

V. Языковые особенности позднедревнерусского служебника РНБ, Соф. 1056

5.1. Общие сведения о рукописи

Написанный уставом одного почерка древнерусский пергаменный служебник — чиновник РНБ, Соф. 1056 датируется рубежом четырнадцатого — пятнадцатого веков или даже концом четырнадцатого века. Рукопись имеет новгородское происхождение:

её «почерк близок к почерку Служебника Соф. № 256, XIV в., а также к Минеям, писанным „паробком Симеоном“ для архиепископа Новгородского св. Алексия в 70-е гг. XIV в. Рукопись происходит из Антониева монастыря, куда, возможно, была помещена изначально — в пользу монастырской принадлежности рукописи говорит набор монашеских последований (чины постригов в малую и великую схимы и отпевания монахов), занимающих большую часть ее объема» (Желтов 2005, 148–149).

В настоящее время памятник готовится к изданию свящ. М. Желтым, рукопись получила предварительное название издателя «Чиновник новгородских архиереев».

5.2. Графико-орфографические особенности

В целом, графика и орфография памятника отражает позднедревнерусский книжный узус эпохи до второго южнославянского влияния, начало которого в московской письменности совпадает с временем создания рукописи³⁴⁹, древнейшей «из датированных новгородских рукописей, в графике и орфографии двух из трех писцов которой отражается второе южнославянское влияние, является Тактикон Никона Черногорца, написанный в монастыре на Лисичьей горке в 1397 г. (РНБ, Ф. п. I 41)» (Гальченко 2001, 116). Последовательно

³⁴⁹ Гальченко 2001, 73–442 (серия работ, в том числе монографических, в которых исчерпывающе описано графико-орфографическое содержание второго южнославянского влияния; источники, литература).

Буква *Ѹ* использована два раза в заглавии песнопения или прокимна: *по ѵѡѧ. стѣры. 74; твоѡѧѸ 94 об.* Употребление *Ѹ* как графически «редуцированного» варианта *оу* утратило смысл после того, как в течение тринадцатого века написание буквы *у* в значении [u], тождественном диграфу *оу*, стало нормативным (в отличие от эпохи одиннадцатого — двенадцатого веков, когда ижица, т. е. *у* или *ѡ*, могла использоваться в том числе в значении [u] только спорадически). Изменение фонологического значения буквы *у* (= *и*) и совпадение её звукового значения с диграфом *оу* вызвало изменение функций букв *оу* и *у*, которые вступили в отношения дополнительного распределения в зависимости от графической позиции в словоформе. В соответствии с позднерусским и старорусским узусом в чиновникѣ диграф *оу* пишется в начале словоформы и после буквы *о*, монограф *у* — в середине и в конце словоформы:

оухо 1 об., *оубо* 3; *оубрусь* 3 об.; *пооучениѡ* 3 и т. д.; *суцю* 1 об., *главу* 1 об., *къ нему* 1 об., *сущемъ* 1 об., *главу* 3 об., *судию* 2 и т. д.; исключений почти нет, ср. *коужоль* 47 об.

В отсутствие второго южнославянского влияния, согласно которому буква *ѡ* «*і* десятичное» должна употребляться перед буквами гласных, эта графема используется в конце строки и в заглавиях, в соответствии с раннедревнерусскими правилами «графической редукции» в маргинальных частях зрительно воспринимаемого текста:

приводи/тъсѧ 3 об., *ѡсѡ* / 50 об.; *сѧѧ . ѡ нѡѡ* . 50 об., 51, 52; *твори/ти*. 54; *оуповани/ѧ* 54 об.; *погубити* / 58 об.; *при/шедъ* 65; *сподоби* ѡ / 77 об. и т. д.

Омега используется в предлоге и в приставке *отъ*: *ѡ оустъ* 50 об.; *ѡ времяньныхъ* 51; *ѡпущении* 54 об. (ср. *отъ* 60) и т. д., случаи морфологически или фонетически обусловленного написания омеги³⁵⁰, в том числе в омонимичных словоформах, не отмечены. Буква *о* «*о* широкое» пишется в начале слова («графическая эмфаза») и внутри слова на стыке двух букв гласных (то есть после букв *ѡ* или *о*), а также в заимствованиях; над *о* всегда ставится надстрочная точка:

ѡѡружи 16 об.; *крѡобразно* 37 об.; *ѡѡсѡфа* 47; *благѡобразнѡ* 48; *ѡ оумершихъ* 53; *ѡчи* 47 об.; *ѡ/брати* 47; *ѡвча* 47; *ѡтинудъ* 51 и т. д.

Графико-орфографической инновацией является неотражение на письме праславянской ассимиляции *сч*, сравним:

ѡщезнуша 76, *ѡщезнемъ* 77; *бе-щисла* 103, — но: *ис чре/ва* 23; *ѡщезоста* 76; *расчитаниѡ* 83 об.

³⁵⁰ Иными словами, фонема <ѡ> «*о*-напряжённое» в рукописи не обозначена, если она вообще имела место в диалекте писца.

5.3. Фонетические особенности

5.3.1. Обозначение рефлексов *dj, *tj

Южнославянский рефлекс праславянского сочетания *dj — жд — в рукописи отсутствует, в соответствии с *dj везде пишется ж, что является одной из главных особенностей древнерусского книжного узуса с середины двенадцатого века:

въсхожениѣ 51 об.; *низѣ/хожениѣ* 51 об.; *преже* 53 об.; *сужю* 54; *да сѧ не постыжю* : / 58; *вижѣ* 62; *надежю* 70 об., 83 об.; *зижителе//ви* 70–70 об.; *ро/жъшемусѧ* 73 об.; *неосуженьну* 74; *надежа* 75; *загражаютьсѧ* 75 об.; *оужъжьшими* 80 об., *неосуженьно* / 87, *исповѣжь* 96, *исповѣжь* 100 об.

Рефлекс сочетания *tj всегда обозначается с помощью *щ*: *творѧща* 2 об. и т. д. Сочетание *zgi обозначается в соответствии с его южнославянской рефлексацией: *Иждившаго* 22 об.; *иждивѣ* 23 об.; *иждивѣ* 28.

5.3.2. Рефлексы сочетаний гласных с плавными

Рефлексы сочетаний типа *telt передаются в неполногласном варианте с огласовкой *e*, вопреки основной древнерусской тенденции обозначения на письме этих сочетаний, сказавшейся на русской дореволюционной орфографии (Живов 2006, 178–199): *илемѣ* 35, 47 об.; *обчечена* (так!) (*въ свиту*) 40 об. Так же, то есть в неполногласном варианте с огласовкой *e*, обозначаются рефлексы сочетаний типа *tert: *преложениѣ* 47 об.; *вредна* 47 об.; *препоѧшетъ* 48 об.; *прегрѣше/ниѣ* 50; *приедеть* 53 об. В вопросах к исповеди, то есть в небогослужебных текстах, используются полногласные сочетания: *ве/редила ѣси* 102, *в постѣ гла ѣси мѧса. или мо/локо* 103.

Восточнославянская рефлексация сочетаний типа *ort отмечана один раз в описании того, как начинается чин Воздвижения Креста, то есть в небогослужебном тексте: *роздѣлшесѧ* 90 об., — и три раза в вопросах к исповеди, то есть также в небогослужебном тексте: *ро/бичищами* 100 об.; *робѣ.* / 101 об., *робу* 101 об. Ещё один пример имеется в чине монашеского пострижения, он отмечен не в богослужебном тексте, а в описании того, в какой последовательности нужно совершать священнодействие, в частности, как надлежит облачать постригаемого: *поро/сѣплетеный (ремень : /)* 43 (слово отсутствует в словарях).

5.3.3. Явления анлаута

Явления анлаута, отражающие некоторую русификацию памятника, засвидетельствованы немногочисленными примерами. Начальное правосточнославянское *o в соответствии с исконным

и южнославянским *е представлено двумя формами в вопросах к исповеди: *одва* 100, *одиною* 101. Только с такой огласовкой, известной с одиннадцатого — двенадцатого веков (Успенский 2002, 196), употребляется также грецизм *ектенья*: *октенья* 49 об., *октѣя* 67, *октению* 89, *октень/ю*. 90. Начальное правосточнославянское *оу*, отражающее утрату исконного *j, засвидетельствовано двумя формами: *оуноша* 61 об., *оуность* 68. Начальное *ѣ* в соответствии с южнославянским *ја* представлено тоже двумя примерами и тоже в вопросах к исповеди: *ѣла ѣси маса* 103, *ѣла ѣси вѣжшину* 103; ср. в описании чина пострижения: *и по ѿпадений. възставише брать/ѣа идуть* 47 об.

5.3.4. Явления, связанные с падением редуцированных

На фоне завершившегося процесса падения редуцированных интересны связанные с этим графико-орфографические явления, отражающие стремление писца упорядочить новое языковое состояние за счёт системы индивидуальных правил, точнее, тенденций написания или ненаписания еров и их рефлексов в различных морфемах.

Слабые редуцированные регулярно отсутствуют

1) в суффиксах *-ьц-* (*-ьч-*) и *-ьн-*:

служебныйѣ 4; *овча* 47; *вредна* 47 об.; *плотную* 47 об.; *противныхъ* 47 об.; *непорочный* ÷ 49 об.; *приснопамѣтньмъ* 50; *праведнии* 50 об. и т. д.;

ср., однако, на стыке морфем в инновационных формах прилагательных, образованных от страдательных причастий: *нейзрѣченньнымъ* 4; ср. затем на стыке корня и суффикса между двумя *-н-*: *бескверь/ньно* 6 об.; *нетлѣньнымъ* / 6 об.;

2) в односложных приставках и предлогах *съ*, *въ*:

сблюди 47 об.; *вмѣнити* 48; *всылаѣмъ* 47 об.; *створь* // 47; *створить* 49 об.; *с него* 47 об.; *вмѣнити* 48; *внутрь* 48; *в новурѣ* 48 об.; *в села* 51; *к нему* 53 об.; *с нимъ* 53 об.; *схранихъ* 57 и т. д., исключения редки, ср. *сзгрѣвала* 47 об.; *свѣлचितь* 48;

3) в местоименном корне *вѣс-* и в корне *-зѣр-*: *вѣмъ* 8 об.; *всѣа* 8 об.; *всѣа/кого* 48; *все* 48 об.; *презрѣ* 50 об. и т. д.;

4) после буквы *л* перед буквой согласного на стыке морфем, что отражает позднерусскую книжную норму (возможно, заимствованную из южнославянской традиции³⁵¹), которая уверенно прослеживается с тринадцатого века:

³⁵¹ Ср. Гальченко 2001, 70 (о написаниях *е* вместо *ѣ* «в юго-западных восточнославянских памятниках раньше XIII в., когда в среднеболгарских памятниках начинает отражаться изменение $\check{e} > e$ [...] Нельзя исключить, что мена

преболшую 47 об.; *погрѣба/лныѣ* 48 об.; *кадилницу* : / 49 об.; *волноѣ* и *неволноѣ* 50, *волнаѣ* и *неволнаѣ* 55; *силнаго* 50 об.; *добродѣтельно* 51; *селныѣ*. / 56 об.; *молбы* 87 об. и т. д.;

исключения: *безначальный* 8 об.; *чьсти/тельскыѣ* 9 (в последнем примере буква *ь* после *л* сохранена в связи с тенденцией употреблять суффикс *-ьск-* в соответствии с его архаическим обликом, то есть с *ь*, см. след. абзац); ср. сохранение *-ь-* внутри корня: *льстиву* : / 50 об. — и в группе согласных, то есть, строго говоря, в сочетании *ль* после буквы согласного: *мысльныѣ* 43 об.

Буква *-ь-* регулярно сохраняется в приставке *въз-*, где при этом после *-з-* часто перед буквой звонкого согласного пишется неэтимологический *ѣ*:

възѣглашыю 8; *възложивѣ* 8 об.; *възѣглѣ*. 50 об., 51 об., *въ възѣ/глашений* 52 и т. д., ср.: *въставше* 47; *възици* 50 об.,

— и в суффиксе *-ьск-*³⁵²:

хировимьскому 8; *чернечьскѣ* 2; *мирьскыѣ* 18 об.; *чернечьскомь* 67, 74 *пѣ/лотьскыѣ* 36 об., *мнишьскыѣ* 43 об.; *владычьскою* 47 об.; *кѣ/рестыѣньскыѣ* 95 об. и т. д.

Буква *ь* в этих написаниях пишется по традиции, согласно усвоенному писцом правилу и отражает, как кажется, не слабый *ь* или неслоговой гласный призвук — «линейный признак тембра», а графический облик морфемы, принятый в том книжном узусе, на который ориентировался писец.

Буква *ь* сохраняется на стыке морфем между двумя одинаковыми буквами, сравним два написания на одном листе с расстоянием в одну строку: *давию* и *възѣглашыю* 8. Возможно, однако, что в таких написаниях писец стремится показать свою способность варьировать разные допустимые орфограммы, ср. *безначальный* (NB *ь* после буквы *л*) *бесконечный* 8 об.

Регулярно отражается на письме фонетически закономерная вокализация еров в сильной позиции:

сонметь 2 об.; *въ ча/со-сь* 38; *во/звавы* 44 об.; *честь* 47 об.; *соиметь* 47 об.; *плотную* 47 об.; *въжегѣ/ше* 49 об.; *частехъ* 49 об.; *дверь* 50; *праведнии* 50 об.; *возвахъ* 50 об.; *миренъ* 51; *со мною* 51; *со вѣгми* 51; (*кѣ*) *пришедшимъ* 53 об.;

ѣ — *е* появилась под влиянием западноболгарских (македонских) оригиналов в древнерусских юго-западных рукописях конца XIII–XIV вв., особенно таких, как Пар. ЕС и Е. Верк.»).

³⁵² В этой позиции *ь* длительное время сохранялся также в берестяных грамотах (Зализняк 2004, 62).

ко вѣзмѣ 60 об.; *сонѣ* 65, 67 об.; *созданьѣ* 65; *войну* ∴ / 60; *възопиѣмѣ* 66 об.; *во нь* 74; *несуменьной* 83; *со дѣ/щерью* 101 и т. д.

Более интересны случаи вокализации еров в фонетически незакономерной позиции, например:

- 1) в односложных предложениях и приставках в позиции перед гласными, перед *в* или, в случае с предлогом *къ*, перед заднеязычным согласным (как средство избежать неудобопроизносимой веллярной геминаты):

ко олтарю. 33; *со анѣлы* 40; *во исповѣданій* ∴ 44; *степеньѣ*. *гла .ѣ*. *со аллюѣ*. *бес тѣѣ* ∴ / 50 об.; *Ко дѣ* 50 об., *ко дѣ* 65, *ко анѣлѣмѣ* 65 об.; *во время* 52; *со оупошимѣ* 55; *ко гробу* 55; *ко / ху* 76; *во оправданійѣ* 60; *во оружитѣ*. 43 об.;

написания типа *согрѣшени/ѣ* 55; *совокуплѣше* 83, по всей видимости, отражают своего рода аналогию — влияние варианта приставки *сѣ-*, *въ-* с позиционно обусловленной вокализацией ера (*со-*, *во-*), и предполагают конкуренцию обоих вариантов, разрешившуюся в современном русском языке как противопоставление церковнославянских и нецерковнославянских форм типа *собор* — *сбор*;

- 2) в консонантных группах в составе суффикса *-ѣств-*:

врачеству 28; *ѣстества*. 13; *ѣстество* 66, 77, *ѣстеству* 69; *существено* 69, *существовъ* 73 об.;

- 3) в книжной лексеме *оупованиѣ* 18, отсутствующей в восточнославянских диалектах и употребляющейся с вокализацией ера с древнейшего периода (см. § 1.2.8.2);

- 4) в форме повелительного наклонения глагола *дати* — *дажь: въземѣ / ножици и даже ѣ мнѣ* 17 об. (то же — 37 об.); *любовь дажь ѣму* 15 об.; возможно, эти формы отражают книжное произношение архаичной формы, которая могла употребляться наряду с *дай / (же)* 28, 44 об., или же представляют собой результат упрощения новой консонантной группы в сочетании *дажь же > дажь(ѣ) же > да(ж)же > даже*.

Абсолютно последовательно отражается вокализация слабого ера в односложном союзе *нѣ > но*, где утрата *ѣ* привела бы к физическому исчезновению слова (исконная форма *нѣ* не отмечена): *но* 65, 88, *но / 69, но // 73*. Аналогичным образом отражается вокализация еров в нечленной форме указательных односложных местоимений м. р. им. п. ед. ч. *тѣ, сѣ*, где развитие *ѣ > е* служит физическому сохранению облика односложной словоформы; членных форм (типа *тѣи, тои, сеи*) и инновационных форм с редупликацией основы (типа *тотѣ, сесѣ*) в рукописи нет:

(никакоже ни самѣ ни ѣ/нѣ кто. наготы того видить. ра/звѣ еще не) то. ѣже с нимѣ при/касаѣтъся тѣла того 48 об.; нищѣ се возва (οὐτος ὁ πτωχός)

39 об., 53 об.; то на морихъ / основаль ю ёсть ÷ (αὐτὸς ἐπὶ θαλασσῶν ἐθεμελίωσεν αὐτήν) 78 об., кто се ё/сть цръ славы. (τίς ἐστὶν οὗτος ὁ βασιλεύς τῆς δόξης) 86 об.

В отличие от номинативной формы, односложная форма винительного падежа мужского рода указательного местоимения *сь* с абсолютно слабым *ь* регулярно находятя в постпозиции к существительному и сохраняет древний графико-орфографический облик — *сь*, соответствующий, очевидно, форме [с'] с утраченным слабым редуцированным: *въ ча/со-сь* 38; *поюще. трѣ̆.* / *сь. г.шѣ̆.* 46; *поюще трѣ̆ сь.* 55; *Изволихъ азъ / покои сь въ вѣжы вѣку. се поко/и мой* 78 об. Эта закономерность не прослеживается в единичной форме винительного падежа мужского рода относительного местоимения *иже*: (*миръ же бѣи да с.л. пода/ѣть въ срдцѣхъ вашихъ.*) в *не/же* (*и званн бысте въ ѣдино тѣ/ло*) (εἰς ἣν καὶ ἐκλήθητε) (Кол. 3:15) 39 об.

Морфологически обусловлена вокализация еров в следующих примерах, отражающих аналогическое взаимодействие основ им. п. ед. ч. и косвенных падежей: *мртве/ца* 48 об. (из *мртвьца* по аналогии с основой им. п. ед. ч.); *прежсте/ственымъ* 82 (из *прежстѣвнымъ* по аналогии с основой им. п. ед. ч.); *неправеденъ* (из *неправдѣнъ*, фонетически закономерная вокализация в адъективном суффиксе *-ьн* и аналогически обусловленная вокализация в суффиксе *-ьд-* по аналогии с основой косвенных падежей) 50 об.; *две/ремъ* 86 об. (из *дврѣмъ*, фонетически закономерная вокализация редуцированного во флексии и аналогически обусловленная вокализация в корне *дврѣ* по аналогии с основой им. п. ед. ч.).

Два написания позволяют судить о вокализации неэтимологического ера, причём одно из них встречается не в богослужебном тексте, а в дисциплинарно-уставном указании относительно того, надлежит ли кропить елеем новопреставленного, если при погребении используется уже бывший в употреблении гроб (!): *и аще будетъ гробъ ветохъ. рекше / инъ положенъ в немъ. не / поливають ѣго* (т. е. новопреставленного) *масломъ ÷* 78 об. (NB отсутствие надстрочных знаков); ср. затем второй пример, в конце листа: *ѿ вѣтъ пруголь //* 105.

Обращает на себя внимание рефлексия редуцированного *ь > i* в слабой позиции «между мягкими [...] согласными — [t'yt'] > [t'it']» (Крысько 2003, 346): *плесницема* 45 (из *плесньцема*). Явление относится к правосточнославянской эпохе и локализуется «на севере и западе древнерусской территории» (там же).

Утрата конечного редуцированного привела к появлению стяжённых членных форм прилагательных и причастий в именительном падеже единственного числа мужского рода, которые известны в новгородских грамотах с тринадцатого века (Зализняк 2004, 119):

хотли поставлены бы ∴ / 5; *та. сты бже.* / 55; *ты создавы ма гй* 56; *тль-ненъ сы чльче* 67; *беслртнъ сы* 68 об., *бога/тъ сы* 87 об.; *възнесыл на / кртъ* 91, *сздавы ма* 103, *Бѣ простивы нафаномъ дѣда* 103.

Здесь же отметим явление гиперредукции в глагольных формах 2 л. наст. вр. ед. ч.: *творишь* 96, *створишь* 97.

5.3.5. Рефлексы сочетаний редуцированных с плавными

В позиции после плавного (в рефлексах сочетаний типа *ТръТ*) вокализация еров отражена абсолютно последовательно: *во плоти* 73 об. (NB фонетически закономерную вокализацию *ъ* в предлоге); *треми* 73 об.; *съ слезами* 76; *кровию* 77 об., 82 об., *кръ/стьианинъ* 95 об.

В рефлексах второго полногласия (т. е. в континуантах раннедревнерусских сочетаний типа *ТръгТ*) вокализация первого редуцированного отражается фонетически закономерно (см. Крысько 1994₂, 17–18), абсолютно последовательно и без исключений по древнерусской «наддиалектной» модели, диалектная рефлексация типа *ТгоТ* в памятнике отсутствует, случаев «третьего полногласия» (типа *молонья* ‘молния’, *верёвка*) в рукописи нет. Наличие буквы *ъ* или *ь* справа от буквы плавного в большинстве случаев мотивировано разрывом строки, причём выбор *ъ* или *ь*, как правило, зависит от качества предшествующего слога:

Оболчену 1 об.; *бескверъ/ньо* 6 об.; *сверъ//шениъ* 23–23 об.; *Растеръгни* 24 об.; *волъ/кохищноъ* 29; *сверъ/стникъ.* 29 об.; *жерътвеника. и до//лзжноъ* 38; *ме/рѣтвыхъ* 48, *мерътвъ* 56 об., *ме/рѣтвъ* 72 об.; *сѣдержа* 47 об.; *первъѣ* 48; *оу/мершаго* 48, ср. *оумеръ/шаго* 55; *верху* 48 об.; *вдолжай* 49 (наречие в такой форме не отмечено в исторической лексикографии), *скорбехъ* 50 об.; *свершивша* 51, 52; *о оумершихъ* 53, *ско/рбите* 53; *ѿверъзълъ* 56 об.; *де/рзно-веникъмъ* 64 об.; *перъ/сть* 67 об.; *Перъсть* 72; *перъсть* 76; *перъстьныа* 87; *ме/рѣтвий* 71, *почеръ/нъло ѣсть.* 75, *немолъчны/ми* 83, *долъжную* 85 об., *деръ/зновеникъмъ* 89, *волъхвамъ* 102 об., *исторъгнути* 104.

Исключения в пользу «южнославянской» орфограммы типа *ТръТ* отмечены в двух случаях, оба раза в конце строки: *цръ/къвъ* 85 об., *сръ/дцеъмъ* 98 об.

5.3.6. Ассимиляция согласных по глухости-звонкости и твёрдости-мягкости и упрощение групп согласных

В памятнике активно употребляются «неэтимологические» еры, всякий раз — в конце строки, в соответствии с известным правилом завершать строку буквой гласного. Выбор буквы *ъ* или *ь* определяется качеством гласного последующего слога: *ъ* пишется перед слогом

с гласным непереднего ряда, ъ — перед слогом с гласным переднего ряда. Правило употребления неэтимологических еров в зависимости от качества гласного последующего слога свидетельствует о регрессивном ассимилятивном смягчении или отвердении согласных и в этом смысле фонетически значимо.

Отметим случаи ассимилятивного смягчения:

нь/рестолъ 14; *тлжъ/кимъ* 22 об.; *земь/лю* 27; *жизь/нь* 27; *приѣмь/леши* 37; *бь/люди* 37 об.; *приобь/рлцеть* 40; *сь/вѣтъ* 51; *земь/ли* 58; *земь/лю* 63 об.; *помышь/лаѣши* 67; *вь/сѣхъ* 95 об.; *приѣмь/лю*. 95 об., *помышь/лениѣмь*. 104 об.; *сь/вершена* 9; *сь/вѣту* 35 об.; *оусь/нетъ* 51 об.; *прось/вѣцаѣ* 34 об.; *дъ/верий* 40 об.; *стѣ ѣси* 56 об.; *сь/мертьнымъ* 68 об.; *вь ветхаго (мѣсто)* 85 об.; *възъвеличу* 103 об.; *пось/трищисл* 19 об.; *ань/гѣлобразнаго* 31; *мысь/лий* 33; *дарьми* 31; *приѣмь/леши* 37.

Большинство случаев «неэтимологического» употребления буквы ѝ в конце строки малоинтересно с историко-фонетической точки зрения, поскольку написание ѝ в функции «твёрдого знака» в таких примерах лишь графически фиксирует исконное твёрдое произношение согласных, хотя и является орфографической инновацией:

прозь/вутерьство. 8 об.; *прекъ/лонить* 10 об.; *възъ/врати* 31 об.; *оръ/ганъ* 35 об.; *нъ/лотьская* 36 об.; *мнишьсѣ/кый* 43 об.; *тепъ/лоу* 48; *авъ/рамли* 55; *покъ/лонимсѣ* 69 об.; *звъзъ/ды* 69 об.; *възъ/дати* 70; *въ/ладыко* 70–71 об.; *изъ/браньми* 71 об.; *тѣ/вожѣ* 2; *тѣ/вою* 83, *трезъ/выма* 85, *мозъ/гомь*. 99, *тѣ/воѣму* 105.

Напротив, выразительными с историко-фонетической точки зрения являются написания с ѝ вместо исконного ъ в конце строки, свидетельствующие об инновационном ассимилятивном отвердении согласного перед утратившимся ъ: *державъ/но* 82; *словесъ/ноѣ* 2 об.; *правъ/ды* 18; *оправъ/давъ*. 104 об. В рукописи засвидетельствовано развитие неэтимологического ера в безъеровых приставках, в том числе в позиции перед гласным: *безъ алѣу*. 49 об.; *изъо́стрены* 51; *бе/зъ о́йца* ÷ 82 (примеры написаний исконных безъеровых приставок с буквой ѝ не перед гласным см. выше в этом абзаце).

Исключения в обозначении ассимилятивной мягкости касаются только написаний с заднеязычными, где колебания в выборе ѝ или ѥ объяснимы качеством самого заднеязычного согласного и артикуляционной сложностью, которая неизбежно возникает в позиции ассимиляции такого согласного по мягкости перед другим согласным: *некъ/лючима* 23; *къ/рестъѣльньскыѣ* 95 об., *гь/рѣховъ* 27 об., 100.

Ассимилятивное озвончение согласного засвидетельствовано в написании наречия *трижды*: *.ѣ.жь* [так!] / 37 об.; *трижѣ* 8 об.; оглушение звонкого согласного перед глухим представлено

единственным написанием: (*дѣю же животны/мь духовениѣмь*) *вѣтъхну/въ* (*вложи*) 72. NB фонетически закономерную утрату корневого редуцированного в позиции перед слогом с гласным полного образования в форме *вѣдѣхнувъ*, отсутствие позднейшего аналогического выравнивания (ср. современное *вдохнув*) и обусловленное традицией написание ера в корне (-*тъх-* из -*дѣх-*), не соответствующее произношению и фонетическому облику словоформы. Ассимилятивное смягчение предполагает не только утрату редуцированного в корне, но и вокализацию ера в приставке, следовательно, буква *ѣ* в написании *вѣ*-(*тъхнувъ*) соответствует фонеме <о>.

Несколькими примерами представлено упрощение новых консонантных групп с шипящим и последующим *с*, образовавшихся в результате падения еров; упрощение происходит за счёт ассимиляции (или утраты) *с*: *множьствомь* 10, 22 об.; *мужьству* 33 об.; *мужьтво* 36 об.; *блѣгочти/вно* 73 об.; *бжѣ/тво* 85. К этому ряду явлений относятся и сокращение геминат — удвоенных согласных, также образовавшихся вследствие утраты еров: *ождеть* (из *ождьждеть*) 51 об.; *ка/мено* (из *каменьно*) 105.

5.3.7. Напряжённые гласные

В памятнике хорошо отражена утрата напряжённого гласного *i* перед *j*, причём наиболее активно этот процесс прослеживается в заимствованных словах — грецизмах, составляющих неотъемлемую часть церковного бытового обихода, не в последнюю очередь, вероятно, устного. Заметной частью этой группы слов являются употребительные канонические имена. Выбор инновационного, восточнославянского написания в этих формах свидетельствует об адаптации этой обиходной лексики, очевидно, не осознававшейся как часть церковнославянского книжного письменного узуса. Эта тенденция опровергает возможное представление о греческих заимствованиях, связанных с церковной сферой, как об одной из составных частей литературно-языкового консерватизма; по крайней мере для позднедревнерусского периода эпохи до второго южнославянского влияния это оказывается не так:

дѣѧ/воль 15 об.; *оѧтеньѧ* 49 об., *оѧтень/ю*. 90 (ср., однако: *оѧтению* 89; об огласовке первого слога слова *ектенья* см. выше); *дѣѧкѧ* . 50 об.; *дѣѧконьни/ци* 52, *дѣѧконьници* 54 об.; *дѣѧ*. 52 об., 53; *паремьѧ* 94 об.; *дѣѧконовоѧ* 100 об. (вообще, слово *дьяконъ* и производные передаются только так, то есть с *ь* в соответствии с исконным напряжённым); *анто//ньѧ* 33 об. – 34; *ѧоуфимьѧ*. 34; *арсеньѧ*. 34; *февро//ньѧну*. 34; *антоньѧ/ву* 15 об.; *ѧоу-миѧву*. 15 об.; *арсень/ѧву*. 15 об.; *февро//ньѧну*. 15 об.; *мрьѧ* 85, *мрьѧ*. 87 об.

Форма *монатию* 18 выглядит на этом фоне уникальным исключением.

Напряжённый гласный в слабой позиции часто сохраняется в книжных абстрактных существительных на *-није-*, образованных от страдательных причастий прошедшего времени:

дѣ/ланиѣ 14 об.; *исповѣ/даниѣ* 15; (*сими*) *обѣща/ниѣ*. 15; *повелѣниѣ* 15 об.; *въ разу/мѣниѣ* 15 об.; *смирениѣ*. 15 об.; *терпѣни/ѣ* 16; *сѣсниѣ* 16 об.; *блѣниѣмь* 16 об.; *по с/бличениѣ* 18; *оупованиѣ* 18; *сѣсниѣ* 18; *въ члѣвчиѣмь* 18; *прииманиѣ* 18 об.; *сложениѣ/мь* 18 об.; *схранениѣ* 18 об. и т. д.; ср., однако: *обрученѣ* 18; *обрученѣѣ* 18; *помышленѣѣ* 19; *постиженѣ/ѣ* 20; *смотренѣ/ѣ* 20; *въ не/послушаниѣ*. *въ величаниѣ* 99.

В других существительных среднего рода на *-ие* рефлекс древнего напряжённого гласного сохраняется только в формах слова *человеколюбие*: *члѣвколюбиемь* 15 об.; *члѣвколюбиемь* 18 об., — а также в форме *пришествиѣ* 15, где утрата напряжённого привела бы к образованию труднопроизносимой группы согласных. В остальных многочисленных случаях употребления существительных на *-ие* в соответствии с древним напряжённым *i* пишется *ь*, что свидетельствует об утрате гласного в этой слабой позиции: *житьѣ* 16 об.; *блѣдѣть/ю* и *члѣвколюбиемь* 18 об.; *затишью* 24; *житьѣѣ* 24; *правовѣръѣмь* 52 об.; *житьѣ* 20; *сутьѣѣ* 66 об. и др. Всегда с *и* пишется форма *божию* (напр., *бѣю* *помощью* 98 об.) и формы слова *ц(ес)арствие*, где утрата гласного *i* привела бы к образованию труднопроизносимой консонантной группы: *црѣтвиѣ* 19; *црѣтвиѣ* 98. В написании форм творительного падежа единственного числа существительных исконной **i*-основы наблюдается вариативность, ср. *помощью* 98 об., но *болезню* 14 об.; ср. также *кровью* 20 об.

Графико-орфографический облик основы собирательного существительного *братия* варьируется только в форме дательного падежа единственного числа, где утрата напряжённого приводила к образованию группы *tji*, с труднопроизносимой группой «взрывной дентальный —палатальный глайд — напряжённый гласный *i*»: *въшедшю / же ѡгумену. ѡ братиѣ* 14 об., но *ко всей братѣѣ* 15. В остальных случаях напряжённый фонетически закономерно утрачен, на его месте пишется *ь*: *братѣѣ* 19, 19 об.; *брать/ѣ* 47; *братью* 49 об.; *братѣѣ* (зв. п.) 66.

5.3.8. Непереходное смягчение заднеязычных

Переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*, одним из древнейших примеров которого является написание *аки* Псалт.Б.-С.¹ (L 1 об.), засвидетельствован большим количеством написаний, которые отражают распространение новых форм вне зависимости от рода, числа и падежа.

Последовательно изменение *кы, зы, хы* в *ки, ги, хи* отражено в членных формах прилагательных именительного, винительного и звательного падежей мужского рода единственного числа:

Бѣ великий силою 9 об.; *Ѹдинъ сый бл҃гий* 21 об.; *рекий* 33 об.; *постригий* с.л. 44; *великий скылникъ* (NB гиперкорректное отсутствие перехода в грецизмах) 48 об.; *пеки/исл* 74 об.; *кий* 74 об. (ср. строкой выше там же: *кый*), 76, 76 об. (bis); *прѣбл҃гий* 77 об.; *бл҃гий* 81; *Всемогий* 104 об.; *всемогий* / 105; исключения: *прѣбл҃гий* 79 об.; *на поповскый възити степенъ* 9 об.; *въ ликъ / мнишьскый* 14 об.; ср.: *приа мнишьсѣ/кый образъ* 43 об.

Флексии на *-ои* в рукописи отсутствуют, что свидетельствует об утверждении инновационных форм с непереходным смягчением заднеязычных в качестве книжных. На их фоне новое окончание *-ои* с вокализацией напряжённого редуцированного должно было восприниматься как диалектная (разговорная?) инновация, что способствовало переосмыслению более ранних, но также неисконных форм на *-ии* как церковнославянских. Рассматриваемый здесь узус отражает смену оппозиции книжных и некнижных вариантов: *-ыи* — *-ии* → *-ии* — *-ои*.

Столь же последовательно в рукописи отражается непереходное смягчение заднеязычных в формах существительных **о*-основ и прилагательных винительного падежа множественного числа:

оставивъ/шаѧ [...] дру/ги 16; *мирьскыѧ красоты ѧ оу//жики оставивъ* 21 об. – 22; *пѣти други//ѧ антифоны* 26 об.-27; *на подвиги* 30 об.; *имаи^и / долги* 32; (*стлжаниѧ на власти / и малы вещи ѧ*) *другиѧ* (*всѧ нѣ/ды злѡбѣ.*) 32 об.; *исповѣдающе грѣхи своѧ* 33; *въ вѣки* 49 об., 58 об., 59 об. (ср. *въ вѣкы* 49 об., 77 об., 78 об. bis, 84, 96 об.); *законопреступники възненавидѣхъ* 59 об.; *свѣтилники своѧ възжеше* 71 об.; *презрѧи грѣхи.* 79; *на вра/ги* 83 об.; *на грѣхи* 97; *всѧ исповѣда/ю грѣхи моѧ* 96; *вземлющему грѣхи* 96; *исповѣмъ грѣхи* 103 об., *да оставитъ [...]* *грѣхи наша* 103 об., *ѡпу/щати грѣхи.* 104 об., *грѣхи ѡпусти/ши* 105;

исключения:

оугодники достойны / насѣ покажи 25, *призываѧ пра/ведники* 97 об., *ликы совокуплѧше* 83, *створи ны оученикы ѧ страдалци* 92 об.

В именительном падеже множественного числа формы на *-ки* отсутствуют, выравнивание основ в рассматриваемой рукописи не затрагивает позицию второй палатализации, формы, отражающие вытеснение исконной номинативной флексии *-и* аккузативной флексией *-ы*, не отмечены:

оужи/кы (ж. р.) *ѧ друзи* 74 об.; *оубозий / 77, члѣвци* 77, *внуци* 77 об., *мѣнци //* 84 об., *му/ченици* 84 об. и т. д.; ср.: *богатий* 77.

Противопоставление форм вин. п. мн. ч. на *-(к)и*, *-(г)и*, *-(х)и* существительных исконной **о*-основы формам им. п. мн. ч. с рефлексом второй палатализации *-ки*, *-ги*, *-хи* — *-ци*, *-зи*, *-си* сменило, как мы видим, исконное противопоставление *-кы*, *-гы*, *-хы* — *-ци*, *-зи*, *-си* уже к концу четырнадцатого столетия и стало одной из характерных особенностей современного церковнославянского словоизменения.

В следующих группах существительных и прилагательных отмечены только инновационные формы с непереходным смягчением заднеязычных:

- а) в формах творительного падежа единственного числа мужского и среднего родов: *т.ажь/кимь бременемь грѣховъ* 22 об.; *Великимь даромь* 44 об.; *тихимъ ѿ кро/ткимь глѣмь*. 100;
- б) в местном падеже множественного числа среднего рода субстантивированного прилагательного: *въ блѣгихъ* 56 об.;
- в) в родительном падеже множественного числа прилагательных: *оу дверей велики/хъ* 3 об.; *миръскѣ̄.* / 19 об.; *многихъ ми // грѣховъ* 20 об.-21;
- г) в творительном падеже множественного числа существительных и прилагательных мужского рода: *предѣ / многи свѣдѣтели*. 34 об.; *слезы [так!] ѡмьѣ источники. ѡ/скверншагоса* 22 об.; *грѣхи / моими* 23; *предѣ члѣки /* 80 об.;
- д) в дательном падеже множественного числа прилагательных мужского рода: *плоды подаваѣтъ бѣ многимъ* 96 об.

Вариативность в передаче инновационных и исконных форм наблюдается в род. п. ед. ч. прилагательных женского рода:

великиѣ сѣѣ чѣсти/тельскыѣ чѣсти 9; *ѿ нѣкиѣ бѣды* 14 об.; *ѿ тѣѣѣ лѣсти житийскыѣ* 19; *ни вѣры кѣ/рестѣѣньскыѣ* 95 об.; *ѿ всѣкоѣ* (NB сохранение исконной местоименной флексии; отсутствие влияния адъективных форм на формы местоимений является характерной особенностью рукописи) *плотьскыѣ/ѣ похоти* 98; ср. субстантивные формы: *ѿ мужи* 105; *ѿ руки* 17 об.

Вариативность наблюдается также в формах мн. ч. именительного и винительного падежей существительных женского рода **а*-основы и согласованных адъективных форм:

даютъ/са апѣскыѣ книги 3; *ѡста/вльшаго миръскыѣ похоти* 18 об.; *принесуть [...]* *калиги новы* 19 об.; *миръскыѣ красоты ѿ оу/жикѣ ѡставивъ* 21 об. – 22; *въ / калиги*. 43 об.; *ноги мыслѣныѣ во/ѡружите*. 43 об.; ср.: *въ калиги голы* 14; *мѣти твоѣѣ многи* 62; *кѣѣ нынѣ оужи/кы ѿ друзи* 74 об.; *про/стрети роуки наша* 94.

Непереходное смягчение заднеязычных охватывает также ряд корней и неизменяемых слов:

наки-: *накибыти*/а 10; *наки* / 49 об., *наки* / *наки* 50 об., *наки* 63 об., 70 (bis) *па/ки* 70 (ср. *накы* 83);

-губ-: *поги/бшеж* 27 об.; *погиблѣ* / *быхъ* 58 об.; *погибшеж* 63, *погибель*. 75 об., *поги/бающа*. 77 об.;

-хит-: *волѣ/кохищнож* 29; *въсхитимсѧ* 53 об.; *хищникъ* 67 об.; *въсхитають* 97 об.;

аки: *аки* 31, 31 об. (ср. *акы* 31 об.); *аки* 68; *аки* / 68.

Морфемы *скым-* (σχημ-), *скын-* (σκην-) представлены рядом гиперкорректных написаний: *скы/мницею* 100 об., *скы/нию* 83, *скыни/и* 83, *скынь/ю* 85 об.

5.3.9. Отверждение губных согласных

Отверждение губных согласных проявляется в формах тв. п. ед. ч. м. р.:

приводиться хотай поставлень / быти. первымъ Ѡ поповъ. ил / инѣмъ къ стѣи трапезѣ. 8; по поча/тий же таковомъ 49 об.; глѣмъ словесемъ гнѣимъ (ἐν λόγῳ κυρίου) 53; (гѣмъ) архнгловы/мъ 53 об.; со оусопшимъ 55; ^с ра/бомъ твоимъ. 56; тѣмъ (хѣ бесѣртному въз/опиѣмъ) 67; надъ гро/бомъ 79; глѣть бо прѣкмъ. 95; съ другомъ 99; с поганымъ члѣвкмъ. / 101, —

и в форме множественного числа дательного падежа мужского рода (все примеры в первых словах молитвы «*Боже духомъ и всакою плоти*»): *бѣ дѣмъ всакою* ∴ / 50; *бѣ дѣмъ всакою* ∴ / 50; *бѣ дѣмъ* 51 об., 52; ср. *бѣ дѣм*. 50 об.

5.4. Диалектные особенности

Выше было сказано о диалектной рефлексации *ь > і* между мягкими согласными, которая нашла отражение в написании *плесницема* (л. 45) и которая позволяет локализовать диалект писца на севере и западе восточнославянского ареала.

В связи с известным новгородским происхождением рукописи обращает на себя внимание почти полное отсутствие древненовгородских фонетических диалектных особенностей. Кроме диалектного изменения *ь > і*, можно упомянуть лишь два примера цоканья, отмеченные в одной фразе: *цело/въглолбча* (*бѣ дарьми. и Ѡ грѣ/хѣ*) *оцищаѣшисѧ* 31. Оба примера можно рассматривать как результат ошибочной контаминации паронимических форм: *целовглолбча* — существительного с притяжательным прилагательным, а *оцищаѣшисѧ* — двух основ с чередованием гласного, вызывавшего разные палатализации заднеязычного, *очист-ити* и *оуѣст-ити*.

Не являются специфически новгородскими два случая перехода *ь* в *e*, первый из которых может отражать результат графической ассимиляции с предшествующим слогом («графическую инерцию»): *облецетеса* 43 об.; *по целовании* 46 об. Неочевидно, связано ли с какими-то альтернативами фонемы «ять» написание *о́стънлѣть ... стѣ́нниѣ* : 83 об. Возможно, что *стѣ́нниѣ* — результат описки, вызванной паронимическим смешением с соседней формой *о́стънлѣть*, не исключено, однако, что это написание отражает новгородское изменение *ь* в *и*.

Фарингальное *z*, засвидетельствованное единственным примером: *ѣи схрѣшихъ к тебѣ* 97 об., — отражает, по всей видимости, церковное произношение этого согласного, сравним находящуюся рядом форму *тебѣ*, при том, что в рукописи безусловно преобладают формы с восточнославянской огласовкой этой местоименной основы — *тобѣ* (см. ниже). Написания с *x* в соответствии с *z* известны в северо-западных рукописях (Успенский 2002, 156), свидетельствовать о диалекте писца они не могут.

В области морфологии обращают на себя внимание случаи выравнивания склонения по мягкой разновидности, что характерно для древненовгородского диалекта: *на лони авѣ/рамли* 54 об., *на лони* : / 74, *на лони аврамли* 80; ср. *аврамле лоно* 79 об.; *руцѣ оу/владѣши и нози гробу предаѣта/са* 75 об. С фонетической и графо-орфографической точки зрения во всех этих случаях представлено написание *и* вместо *ь*, что может свидетельствовать скорее о фонетическом характере этих написаний. С обеих точек зрения, морфологической и фонетической, написания *и* вместо *ь* представляют собой древненовгородскую особенность, отклонение от письменного узуса. В целом, для рукописи характерно выравнивание склонения по твёрдой разновидности (см. ниже).

Написание *въ чернецьскѣ постреж/* [так!] 29 отражает, скорее всего, не «аканье в широком смысле», а результат «несостоявшейся» в конце строки графической ассимиляции: **пострежении*. Написание *серафимъ* — *сирафи/мъ* 38 появилось, возможно, из-за соседства со словом *хиро/вимъ*, находящимся в той же строке; ср. *на хирови/мъ* 47. Написание (*архидѣяконъ*) *амофоръ* (91) рассматриваем как отражение перехода *o* в *a* после *ъ*, известное в древненовгородском диалекте (Зализняк 2004, 74). Древненовгородский диалектизм — форма *кѣкви* 86 об. – 87 (см. Зализняк 2004, 42), отражающая диалектное отсутствие второй палатализации в праславянском германизме *церковь*.

На наш взгляд, слабое проявление древненовгородских диалектных черт и непоследовательность их выражения может свидетельствовать только о том, что рукопись была написана высококвалифицированным писцом (об этом говорит также качество

почерка) — не носителем новгородского диалекта. Спорадические «новгородизмы» являются следствием влияния протографа или, что кажется не менее вероятным, устной речевой практики.

5.5. Морфологические особенности

5.5.1. Субстантивное склонение

Выравнивание субстантивного склонения проявляется в аналогическом взаимодействии существительных исконных **о*- и **й*-основ. Закономерным и древним является вытеснение исконной генитивной флексии *-оу* существительного *сынъ*, независимо от того, употребляется ли это существительное по отношению ко второму лицу Св. Троицы или нет: *г̃ла с̃на б̃жиа̃* 54, *г̃ла с̃на б̃й/а̃* 54 (ср. *с̃нви* 54). Формы, отражающие распространение категории одушевлённости на существительное *сынъ*, также отражают аналогическое воздействие со стороны **о*-основы: *С̃на ти м̃лрда непоро/чна̃а моли* 25; *възвратившас̃а блуднаго с̃на / преблгыи о̃йъ. преже оусретъ цр̃ь/лу̃еть*. 46.

Влияние парадигмы **о*-основы на склонение существительных основы на **-й* проявляется в форме *въ дарьхъ* 44 об., в двух других случаях существительное *даръ* употребляется с исконной флексией **й*-основы: *дарьми* 31 (здесь с ассимилятивным смягчением *р* перед мягким согласным); *дарми* 38. Влияние **о*-основы отразилось также в единичной инновационной форме местного падежа *о̃ д̃ль* 44, с флексией твёрдой разновидности **о*-основы у существительного **й*-основы.

Экспансия флексий **й*-основы проявляется также

- а) в родительном падеже множественного числа односложных существительных: *ѿ поповъ*. 8, 10 об.; *бѣсовъ / 83 об.*; *грѣховъ* 96 об. (2 раза), 98 об., 100 об., 103, 104, 104 об., *гь/рѣховъ* 100 (ср. *йхже с̃а грѣхъ ка̃жиши* 100, *лукавыхъ бѣсѣ*. 104), —
- б) и в дательном падеже единственного числа односложных существительных, имён собственных и грецизмов: *мирови* 35 об.; *мужеви* 41 об.; *попови* 88 об., 95 об.; *дѣви* 53; *хѣви* 84, 84 об.; *не/трови* 103; *архидѣрѣ/ви* 88 об.

Обращает на себя внимание флексия среднего рода множественного числа именительного падежа *-а* у существительного мужского рода (явление отмечено в вопросе к исповеди, то есть в небогослужбном тексте): *ци выимала ѣси и/коны ѣли кр̃та. на потворы и/ли на оузы*. 102 об.

Формы существительных с основой мягкой разновидности склонений на **о* и на **а* отражают аналогическое выравнивание по твёрдой разновидности:

- а) в местном падеже множественного числа существительных среднего рода *о-основы мягкой разновидности (окончание *-ѣхъ* вместо исконного *-ихъ*): *въ / сѣдцѣхъ* 54 об.; *на четырехъ ко/нѣхъ* 93 об.;
- б) в родительном падеже единственного числа *всл грѣ/шныѣ* земли 59 об.; *дѣтл своѣ*. / *или чюже или оубожници*. / 102 об.

Обратный процесс влияния мягкой разновидности на твёрдую касается только существительного лоно в сочетании *лоно Авраамле* и отражает влияние соседней формы: *на лони авѣ/рамли* 54 об., *на лони* : / 74, *на лони аврамли* 80; ср. *аврамле лоно* 79 об., — либо связан с новгородской рефлексацией ѣ (см. о диалектных особенностях рукописи выше).

Существительные среднего и женского родов консонантной основы отражают влияние со стороны *і-склонения в форме родительного падежа единственного числа: *не достойтъ измывати теле/си ѣго* (NB сохранение праславянского **-es* в основе) 48; *бе-стѣмени* 52 об., 55 об., 82, ср. *бе-стѣмене* 73 об.; *близь сѣньныѣ цркви* 80 об., ср. *обновленіѣ сщѣ/ныѣ цркве* 80 об. (заглавие чинопоследования); *ѿ ма/тери* 101 об.

Формы творительного падежа единственного числа существительных консонантной основы на **-es* содержат флексии *о-основы с усечением праславянского **-es*, что представляет собой древнюю особенность (Иорданиди, Крысько 2000, 139): *тѣломъ* 99, *словомъ или дѣломъ*³⁵³. 103, 104 об. Во множественном числе также представлены флексии *о-основы, однако без усечения основы: *на нбѣхъ* 31; *въ словесѣхъ* 93; *о словесѣ твоѣ* 63. Лексема *дѣнь* склоняется во множественном числе по *і-основе: *дѣни* 58; в единственном числе в родительном падеже один раз отмечено окончание исконного для этого слова консонантного типа (*-e*): *отъ дѣне* 75 об., — и в дательном падеже — также исконное окончание консонантной основы *-и*: *свѣтъ дѣи / ѣ животу* 97 об.

В формах именительного и винительного падежей слова *церковь* отражается контаминация основы винительного падежа *църкѣв-* с латализованным согласным *в'* и флексии *-ы-*, изменившимся после мягкого согласного в *-и-*: *црѣ/кви оукрашаѣтьсѧ* 81 об.; *обновиѣ цркви*. *ѣже во ѣ/мѧ твоѣ поставлена бѣ* : / 86.

Разносклоняемое существительное на *-тель* отражает в форме множественного числа именительного падежа влиянием *о-основы: *погрѣбател.* / 78 (NB продление корневого гласного производящей основы глагола продолженного действия *погрѣбати*).

Инновационная флексия дательного падежа множественного числа на *-амъ*, экспансия которой отражает один из процессов становления

³⁵³ Ср. Иорданиди, Крысько 2000, 134 («Такие имена, как *диво*, *дрѣво*, *дѣло* и нек. др. получили формы на *-es*, по-видимому, под аналогическим воздействием **s*-склонения»).

внеродовой плюральной парадигмы, засвидетельствована единственным примером, который отмечен в вопросе к исповеди: *ци ходила ѳси къ / волѣхвамъ на кого любо* 102 об.

5.5.2. Двойственное число

Утрата двойственного числа зафиксирована формой существительного *pluralia tantum* женского рода и согласованной с ней формой прилагательного: *обуѣтъ ѳ въ погрѣба/лныѣ сандалиѣ. сирѣчь въ / плесньца* (от *плесньць*) 49. Возможно, однако, что форма винительного падежа множественного числа *сандалиѣ*, как и согласованное с ним прилагательное *погрѣба/лныѣ*, отражают греческий текст. Показательно, что рядом с этой формой находится существительное в форме двойственного числа *плесньца*, если мы не сталкиваемся здесь с реликтовым употреблением дуалиса по отношению к парному предмету.

Исконная форма двойственного числа представлена также в формах *плеснищема* (л. 45) и *руцѣ*, с которой этимологически правильно согласовано причастие прошедшего времени: *руцѣ оу/вдѣши* 75 об. Рядом с ними в той же фразе представлена дуальная форма именительного падежа *а-основы, однако с окончанием мягкой разновидности аналогического происхождения -и, с которой правильно скоординирована глагольная форма с инновационной флексией -та (если перед нами — не риторическое обращение и флексию -та не рассматривать как второе лицо): *руцѣ оу/вдѣши и нози гробу предаѣта/сѣ* 75 об. (В ряду корректных дуальных форм форму *нози* едва ли следует рассматривать как множественное число с гиперкорректным рефлексом второй палатализации по аналогии с плюральной номинативной формой существительного с основой на *-о.) Ряд примеров употребления парных существительных и их согласуемых форм отражает утрату двойственного числа, в том числе в дистрибутивном употреблении:

принесуть [...] калиги новы 19 об.; *въ / калиги*. 43 об.; *ноги мыслыныѣ во/бружитѣ*. 43 об.; *въ калигы голы* 14; *про/стрѣти роужы наша* 94.

Существительное *око* (консонантной основы на -*es) трижды отмечено с дуальной флексией -и (<i>)> в соответствии с древнейшим узусом, который в истории русского языка стал моделью для других парных обозначений³⁵⁴: *Възведохъ очи мой* 51 об.; *скончастасѣ очи мой* 58, *очи мой скончастасѣ* 60 об.; притяжательное местоимение в форме

³⁵⁴ Diels 1932, 171–172 («ОКО [...] ОУХО, die im Singular meist als -s-Stämme auftreten, ebenso im Plural, soweit ein solcher vorkommt, bilden den besonders häufigen Dual ganz anders [...] ОЧИ, ОУШИ [...] Diese Formen sind Feminina, siehe Euch.

среднего рода сохраняет при этом исконое окончание двойственного числа. Корректно выражено двойственное число субстантивированного прилагательного среднего рода **о*-основы *оустънѣ* и согласованного с ним притяжательного местоимения во фразе *възрадуетася оустнѣ мои* 46 об., где только форма *възрадуетася* отражает древнюю флексию аналогического происхождения.

Обращает на себя внимание также исконная флексия дв. ч. им. п. существительного *жена*, которое в конструкции с союзом *или* одновременно соотносится с числительными *два (двѣ)* и *три: или были оу тебе двѣ или / ѣ. женѣ* 100 об.³⁵⁵ Сохранение дв. ч. в рукописи конца четырнадцатого века³⁵⁶, возможно, связано с идиоматическим характером этой воспроизводимой фразы — обязательного вопроса на исповеди.

5.5.3. Формообразование прилагательных и причастий

Наиболее заметной инновационной особенностью нашего памятника является исключительное употребление местоименных форм дательного падежа единственного числа прилагательных и существительных мужского рода с окончанием *-ому*; древних членных форм (*-оумоу*) в рукописи нет; в этом отражается нормализация в рамках позднерусского книжного узуса позднерусской морфологической инновации, нашедшей отражение как в раннерусских рукописях, так и в памятниках старославянского корпуса (Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 102, 239–240):

стра/шному 2; *поставимому*. 7 об.; *поставлемо/моу*. 11 об.; *ангѣлкому* 14 об.; *прише/дшему* 21 об.; *пастырю / доброму* 27 об.; *невидимому (ѣдино/моу)* *щедрому* 48; *посла/вшему* 53 об.; *преставленому* 66, *преставленому* 70; *бесме/ртъному* 66 об.; *бесѣртному* 67, 67 об., 68; *гордому* 77; *страшно/му* 77; *къ новому* / 82 об.; *трѣто/му*. 92; *млѣтвому бѣ* [...] *вземлющему* 96 (в том же контексте на л. 98 об.); *млѣрдому* / 98 об.; *грѣшь/ному* 98 об.; *стѣтому* 104 и т. д.

78а, 10»); Жолобов, Крысько 2001, 122 («Дуальные формы слов *очи, оуши* стали declинационным образом для других парных обозначений»).

³⁵⁵ Контактная позиция с числительным *три* позволяет рассматривать форму *женѣ* также как им. п. мн. ч. с «новгородской» флексией мягкой разновидности в соответствии с искоными морфосинтаксическими особенностями «малого квантитатива»: соположение синтаксически равноправных плюральных форм числительного и существительного (Жолобов 2006, 101–107, 231).

³⁵⁶ Ср. Жолобов, Крысько 2001, 199 («Процесс обобщения числовых значений завершается во второй половине XIV в., и это приводит к распаду дуальной подпарадигмы»), 202 («Иное распределение форм представлено в древних западно- и южнорусских грамотах, где и во второй половине XIV в. употребляются старые формы дв. ч. в И—ВП жен. рода»).

В прилагательных женского рода единственного числа дательного падежа засвидетельствована только членная форма в сочетании с исконной именной флексией: *къ стѣи дружинѣ* 14 об.

В формах дательного падежа множественного числа прилагательных и причастий отражается варьирование членных и именных форм:

ѣкоже слышати суцимъ / дѣякономъ. 6; даѣтъ ѿ него ко/мжающимъ людемъ 7 об.; *даѣтъ при/ступающимъ. 8; предѣстоѣющимъ вѣзмъ. / ѣ възглашающимъ тришѣды. 11 об.; прикоснушемъся* 11 об.; *пострадавъ/шимъ. 13 об.; безчислене будетъ блу/дно живущимъ мучениѣ* 70 об.

Варьирование касается только мягких основ, в прилагательных твёрдой основы в этой позиции засвидетельствованы только членные формы:

служити. чѣннымъ ѣ преч/стымъ таинамъ 12; *несмыслны/мъ. 13; темъ//нымъ* 13 об.; *несмыслны/мъ. 13 об. и т. д.*

В местном падеже мужского рода засвидетельствованы как местоименные — (*въ чернецьскомъ (погребѣ/ний)* 67, 74; *в чернецьскѣ постреж / 29, въ обычной одежи* 25 об., — так и членные формы: *о свынѣмъ м.:* / 12 об., *о нынѣ поставлѣмъмъ. 12 об., о бѣговѣрнѣмъ // 12 об.* Инновационные местоименные формы употреблены не в богослужебных текстах, а в текстах практических указаний на то, как нужно совершать чинопоследование.

Именные адъективные формы непрямых падежей представляют собой реликт словоизменительной системы, отразившейся в рукописи. В формах мужского и среднего родов они засвидетельствованы несколькими примерами единственного числа творительного падежа, преимущественно в повторяющихся словосочетаниях формульного характера:

и глѣть архиѣяко/мъ маломъ гла/мъ. 6; глѣть [...] ѣнѣ нѣкий мал/омъ глѣмъ : 9, маломъ глѣмъ 12 об.; чѣтомъ срѣдцмъ 24; Сѣна ти мѣрда непоро/чнаѣ моли 25; съ/вершена покажи раба своѣго 9; стѣ/мъ покаѣннѣмъ 95.

Одним примером представлены формы местного падежа среднего и женского родов: *въ непорочнѣ / житий. ѣ непреклоннѣмъ вѣрѣ. / 9; уникальна также генитивная именная форма *бесловесны (цркви)* 82 об.*

Именные формы причастий выступают в синтаксических конструкциях со значением дополнительной предикации:

а) в конструкции «дательный самостоятельный»:

симъ / глемомъ. 6 об.; кончану / же хировимьскому пѣннѣ : / приводитьса хотѣй поставленъ / быти 8; давшю а/рхийѣрѣкви хартию написа/ну ѣ

възъгласишю ѿму. ил // архидѣкону. вонмѣмъ. 8 – 8 об.; ѡбычному хвалени//ю свершашюму. въсходати на пѣ/рестоль. 13 об.-14; въшедшю / же игумену. и братий. въ при/творѣ црквиный 14; почнуть пѣти други//ѣ антифоны. и ѡному стоѣщю / на мѣстѣ идѣже поставлену ∴ / пѣвцемъ поющимъ антиѣны. / и ѡному помалу поступающю. / до третьяго. антиѣ. 26 об.; року житья скончавшюся 80 и т. д.;

б) в причастных оборотах с предикативной функцией:

чте/ть написаниѣ архикрѣи ве/лми имуща сице. 8 об.; аѣгли бо / придоша написающе исповѣ/даниѣ твоѣ 15; в причастном обороте с атрибутивным значением используется членная форма: и по ско/нчаний мѣтвы. возметь. дѣѣ / стоѣ ѡуаѣ. и станеть внѣ ѡлта/ра. и поклонитѣся первоѣ прии/мый образъ. и станеть оу дѣѣ/кона держашаго ѡуанѣлий ∴ / и приходаще братьѣѣ. поклонѣ/ютѣся стму ѡуанглию. тако/же и ѡного цѣлуютъ. поуще. трѣ. / съ. г.шѣ. 46;

в) в составе распространённой объектной группы в сочетании с инфинитивом глагола *быти*:

сего ѿгоже ѿси ѡзволить. поставле/ну быти мною. 9; сему гле/му. иметь и за руку поѣ 42; мытарѣ позна/вшю своѣ прегрѣшенѣѣ ѡправѣ/давѣ. 104 об.;

г) в форме им. п. ед. ч. м. р. одиночного причастия в полупредикативной функции или же в таких контекстах, которые могут быть осмыслены как полупредикативные:

и стѣѣ первѣѣ поста/влениы. по аѣль рѣть миръ ти ∴ / 'и, сидя, говорит ранее поставленный после чтения Апостола: «Мир ти»' 14; не ско/рбите ѿко и прочии не имущѣ оупованиѣ 53 (здесь, возможно, произошло переосмысление контекста, поскольку греческий оригинал содержит субстантивированную конструкцию с артиклем οί, в соответствии с которой в славянском тексте ожидалась бы членная форма: οί μη ἔχοντες ἐλπίδα 1 Сол. 4:13); слышавше ѡ/живуть 54.

Кроме перечисленных случаев, именные формы причастий отмечены в следующих контекстах:

Мира ѡставляша. и чтѣнымъ жить/ѿмъ поживша на земли бл҃гоче/стнѣ прослави 52 об.; села гнѣ възлюбленѣѣ видѣти / любашемъ Ѡкровеную славу / лица твоѣго 82 об.; избраны цркви 83 об.

Несколько таких форм употребляется в молитвах исповеди:

исповѣдавшю 103; пе/трови ѡмѣтавшюся и плака/вшюся 103; блудницу сле//злившю. 103 об., исповѣда//вшюся тебѣ рабу 104 об. – 105.

Нестяжѣнных форм прилагательных и причастий в рукописи нет.

5.5.4. Формообразование местоимений

Местоимения и числительное *единъ*, исконно склонявшееся по местоименному склонению, сохраняют исконные флексии, без какого-либо влияния со стороны адъективного склонения: *всакоѣ въры. 7; ѣдино҃го 44 об.; вса/кого 48; ѣдино/му 48; ѣдиной страшь/нѣи главѣ 47 об.*

Формы дательного падежа личного и возвратного местоимений отражают преимущественно восточнославянскую огласовку:

тобѣ 13, 18 об., 23 об., 28 об., 36, 38 об., 39, 47 об., 77 об., 78 об., 79 об., 80 об., 86 об., 87 об., 89 (2 р.), 90, 90 об., 94 об., Тобѣ 83; собѣ 16, 23 об., 36, 44 об., 72 об., 85 об., 95, 100 (ср. тебѣ 13 об., 16, 38 об. (2 р.), 100).

Развитие категории одушевлённости у местоимений засвидетельствовано единственным примером: *ничтоже / мене лишитъ 93 об.* Отметим отсутствие одушевлённых форм у местоимений в конструкции «двойной винительный» в сочетании с одушевлёнными формами существительных: *сподоби / ѣ быти прѣбнаго твоѣго раба. / ѣ оумудри ѣ 36 об.* Сравним затем отсутствие одушевлённых форм в той же конструкции в сочетании с причастием, при сохранении причастием древнего аккумулятивного окончания: *оублажи ѣ бдѣць ѣ / дѣлаюць. спѣць ѣ вѣстаюць / въ ѣлмѣхъ ѣ прѣннихъ. 36.* Обращает на себя внимание также отсутствие формы винительного = родительного падежа в вопросе к исповеди, что свидетельствует об идиоматическом характере этого эвфемистического выражения: *ѣи въ/злазила ѣси верху на мужь. / 102.*

5.5.5. Особенности глагольных форм

В рукописи широко представлена инновационная флексия *-и* (аналогического происхождения под влиянием склонения **о*-основы) в формах действительных причастий мужского рода именительного падежа множественного числа, вытеснившая исконное окончание *-е*, связанное с консонантным склонением:

Вси боѣщійса бѣ 52 об.; блѣжни живуции 53, боѣщійса тебе оузрать ма 57; да обратать ма боѣщійса тебе // и вѣдущей свидѣньѣ твоѣ 57 об.-58.

Сравним, однако, и исконные формы:

служившей б; въжегъ/ше [...] стануть 49 об.; не ско/рбите ꙗко ѣ прочии не иму/ще оупованиѣ 53; слышавше 54 (bis); вси сущей 54, створшей 54 (bis), поюще 55; вѣдущей 58.

Форма (*гѣа бжѣтвенаго дѣда исполняѣтьса*) *гѣици* 56 об. отражает выравнивание основы причастий настоящего времени мужского рода и вытеснение исконной формы *глаголаи* (ср. выше о форме *река* 17 об., 19).

Двумя примерами в одном контексте засвидетельствованы неизменяемые причастные формы, утратившие согласование по роду, числу и падежу с существительным: *Образующе цркви помазаниѣ // избранихъ людий твоихъ. мно/гоцркъньнымъ мюромъ. днѣ по/мазаеться [...]* бгдгдть невидимо *приѣмлющѣ* ⚡ / 82 об. – 83.

Восточнославянский формант причастия настоящего времени глаголов первого класса представлен только в формах глагола *речи* и засвидетельствован двумя примерами вне богослужебных текстов в литургических указаниях на то, как нужно совершать чинопоследование: *река* 17 об., 19. Несколько иное явление, связанное с архаичной письменной традицией и возможным древним моравским влиянием, представляет собой субстантивированная форма *всемогоай* 28 (Гиппиус 1990), которая отмечена в одном из богослужебных текстов.

Среди глагольных форм примечателен единственный пример отвердения финали глагольной презенсной флексии третьего лица единственного числа: *буде/тъ* 56 об.

На фоне многочисленных морфологических инноваций обращают на себя внимание причастия прошедшего времени от глаголов четвертого класса (на *-ити*) в форме единственного числа именительного падежа; все они представлены с исконным суффиксом *-ь(и)*:

положь / 6 об.; *възъглашыю* 8; *оугожьшихъ* 16; (*Нас ради плоть*) *ношь* 21; *обогащъшеся* 21; *рожъши* 21 об.; *исто/чьша* 21 об.; *поставлий* 26 об.; *зблужъ/шаго* 27 об.; *рожъ/шиа* 27 об.; *възложъ* 31 об.; *оукра/шь* 38; *створь* // 47; *вложъ* 48 об.; *положь* 48 об.; *приступль/шаго* 51; *оставльшаговшаго* (так!) 52; *поставльше* 55 об.; *пре/ставльшагосл* 77, *преставльшагосл* 77 об.; *оугожьшими* 80 об.; *поставлий* 88.

Инновационный для данного класса суффикс аналогического происхождения *-въ(и)*- засвидетельствован только четырьмя примерами: *при/частився*. 7 об.; *возложивъ* 8 об., 11 об.; *сверши/въ* 13 об.

Формы перфекта без связки во множестве представлены в вопросах к исповеди, которые, будучи небогослужебными текстами, в целом выделяются из всего текста «некнижной» грамматикой:

й въ/просить ꙗго о дѣлѣхъ ꙗго иже / створилъ. 98 об., вѣнчалъ ли са съ же/ноу. 101 об., оумерло некръщено дѣта 102, съ твой рукъ цѣ / оумерль кто. 102, ци ходила ꙗси къ / волъхвамъ на кого любо. ци да/ѣли тии что пити 102 об., ци ротъ неправо хо//дила 102 об. – 103 (ср.: пришелъ ꙗси 98 об., ꙗсть создалъ 100, ꙗси съгрѣши/лъ 100, ꙗси прибѣглъ. 100, лежалъ ꙗси 100 об., оубилъ ꙗ/си 101, възималъ / ꙗси 101, бы/лъ ꙗси 101; за пределами чина исповеди: ѡволилъ ꙗси 30).

В рукописи отражены процессы аналогического взаимодействия глагольных основ. Помимо «обычных» древнерусских форм глагола *речи*

с нулевой ступенью в личной презенсной форме (*ркуть* 10, 10 об., 13 об., 17 об., 28 об., 37 об., 88; все формы употреблены в литургических указаниях, но не в самих богослужебных текстах), примечательны «аномальные» формы *ѡрѣцатисл* 29 об., *ѡрѣца/ѣши бо сл* 30 аналогического происхождения, отражающие взаимодействие основы с вокализмом *ь* *отѣрѣжатисл* и с вокализмом *и*, вызывающим третью палатализацию **ik* → *is*.

Интересен пример модального употребления аналитической формы так называемого «второго будущего»³⁵⁷ по отношению к прошедшему времени, выражающий предположение говорящего относительно ситуации в прошлом (Пенькова 2014, 169–174): *ци възималъ / причащеніѣ будещи блевалъ. / ѡили палъсѣ той ноци* ‘не принял ли ты причастие и, возможно, [затем] блевал или согрешил той ночью?’ 101 об. Чрезвычайно похожий контекст этой фразы имеется в *Житии Андрея Юродивого*: «*Обищи мѣ, аче ти ѡсмы не вѣренъ, тако пришелъ ѡсмы оти и оукралъ буду ѡ плода сего нѣчто* ...‘обыщи меня, неверен ли я тебе (в том, что) я пришел тайно и, возможно, украл какой-нибудь из этих плодов’» (Пенькова 2014, 172); сравним также в берестяной грамоте № 752 (XI–XII вв.): *ци ти боудоу задела своимъ бѣзоумьемъ* ‘если окажется, что я тебя по своему неразумию задела’ (Зализняк 2004, 134, 177).

Интересно отметить варьирование ступени аблаута в основах глаголов продолженного действия. В рукописи засвидетельствованы несколько примеров аналогического замещения корневого гласного исконной для такого грамматического значения ступени продления гласным нормальной ступени:

поновлѣ/ти 10; *поклонѣ/ютьсѣ* 46; *водворѣютьсѣ* 79 об.; *покроплѣють/сл* 82 об.; *обновлѣють* 81 об., *обновлѣють ти сл* 86, *поновлѣють/сл* 86.

Степень продления в итеративных глаголах не является, однако, морфологическим реликтом в рамках изучаемого узуса, о чём можно судить по следующим примерам:

погрѣбател. / 78 (от итеративной основы *погрѣба-ти*; NB инновационную флексию множественного числа, вытеснившую исконное окончание *-е*); *оугажати* 9; *крѣту твоѣму по/клан.* 91, *покланѣмаго* 92 об., *при/глашай.* 93 об., *взрашаю* 96, *подабаѣ//ть* 96 об. – 97; *лѣгива/ла ѡси* 102 об., *праца* 105 об.

В аористе, сохранявшемся в четырнадцатом веке только в книжном узусе, отмечена аномальная форма с основой презенса: *въруѡхъ* ∴ / 57. В двух случаях отмечена форма действительного при-

³⁵⁷ См. Пенькова 2014, 150–151 (обзор и критика существующих терминов, обозначающих такие формы).

частия прошедшего времени глагола второго класса от основы настоящего времени: *всѧ стѣѣлѧ по/мѣнши*. 5 об., *всѧ стѣѣ/лѧ по/мѣнши*. 7 об. Презенсная же основа отмечена в форме инфинитива глагола *чисти, чѣтоу, чѣтеши: почнетъ чести* (с вокализацией ь в слабой позиции в группе согласных) *архидѣпѣ*. 90.

Отсутствие финали *-ть* отмечено в трёх случаях употребления презенсной формы для выражения будущего времени. Только в одном примере форма использована при выражении цели (см. Зализняк 2004, 137): *стѣѣ да видѣ прѣѣ* : / 68 об. По отношению ко второму случаю, где цитируется апокалиптическое пророчество (Ин. 5: 29), возможно, правомерно говорить о модальном значении формы: *и ѥзи/ду створшеи благаѣ. въ възкре/сениѣ живота* (ἐκπορεύονται) 54. В третьем примере форма без «вторичного окончания» употребляется для описания реального события в будущем в составе формы простого будущего времени: *пришедши бо смѣртъ всѧ / си погуби* 66 об.

Супин отмечен в трёх примерах: *добре приде / чадо каѣтѣсѧ* 96, в том же контексте дважды на л. 98 об. Употребление супина в одной и той же формуле свидетельствует о его реликтовом характере.

5.6. Синтаксические и лексические особенности

Из синтаксических явлений отметим двойное отрицание: *ни // ко иному ничему земныхъ* 30–30 об. — и отсутствие словоизменения первого члена устойчивого сочетания *князь мира*, что соответствует изменению составных имён собственных: *да не пости/гнетъ мене рука князь мира се/го*. 104.

5.6.1. Слова и значения, отсутствующие в русских исторических словарях

В рукописи имеется несколько слов, не отмеченных в русской исторической лексикографии:

блаженна 'цикл блаженн, предворяемый ирмосом' (*поютъ. блѣну. въѣо. гла .д. 25 об.*);

богородичнѣ 'богородичен, монострофный гимн, посвящённый Богородице' (*и придѣте / поклонимѣ. не глѣть. но съ симѣ / бѣиномѣ. въходѣ / 26 об.*; ср. *богородичнѣ* из *богородичнѣ*);

вдолжай 49 'вдоль', ср. *въдълже* (СДРЯ I, 522), *вдолжае* (СРЯ XI–XVII вв. 2, 39);

волкохищныи (*волѣ/кохищноѣ* 29);

животѣдавѣць (*животѣдавче* 25), слово образовано способом сложения без соединительного гласного;

ѿвѣтывати 6, 12 об.;

поросплетеныи (*поро/с̄сплетеный ремень* ∴ / 43; часть монашеского об-
лачения);

потирѣ (*тако приносящу потирю къ / поставимому*. 8), из греч. ποτήριον,
ср. *потиръ*, *потирь* (СРЯ XI–XVII вв. 17, 293–294; СДРЯ VII, 342);

рипидь (*дать ѣ/му рипидь*. 7 об.), из греч. ριπίς ‘опахало’, ср. *рипида*, *ри-
пидия* (СРЯ XI–XVII вв. 22, 165; СДРЯ X, 389);

оуникиѣ ‘унция’ (*оуникию*. 49 об.);

чѣстительскыи (*великиѣ сѣѣ чѣсти/тельскыѣ чѣсти* 9) (в «Материалах»
И. И. Срезневского форма *чѣстительскыи* указана в качестве отсылоч-
ного заголовка [*«чѣстительскыи — см. чистительскыи»*]), но в цитатах
к статье *чистительскыи* слово *чѣстительскыи* отсутствует; МСДРЯ III,
1528–1529, 1571).

Здесь же отметим единственную известную фиксацию сочетания
со значением *один и тот же*: *Гѣ бѣ нашъ ѡже ѡдинемъ тѣ/мже стѣымъ
дѣмъ. раздѣл//лѣ комуждо тѣже ѡзбра*. 3 об. – 4. Единственным при-
мером представлено слово *рядъ* в редком контекстном значении ‘лик
(святых)’, которое у этого слова не имеет лексикографической фикса-
ции: *спо/добитъсѣ раду стѣхъ твоихъ* 17.

Интересно устойчивое сочетание *любѣ чѣтна* (μερικῆ φιλία) 32 об.,
буквально ‘частная, то есть избирательная любовь’. Это понятие из об-
ласти монашеской этики выражает такое избирательное отношение
к людям, когда любовь распространяется не на всех, а на избранных,
на часть из них³⁵⁸. Из устойчивых сочетаний обращает на себя внима-
ние также *на / слыть* 93 ‘вслух’, ср. «не въ слыхъ кому-л. — не слышно»
(СРЯ XI–XVII вв. 25, 140).

5.6.2. Редкие слова, значения и употребления

Слово *плодѣствиѣ* 85 об. отсутствует в СРЯ XI–XVII вв. и представлено
двумя примерами в СДРЯ (VI, 432). Слово *книгохранильникъ* представ-
лено одной цитатой в СРЯ XI–XVII вв (7, 198) и в СДРЯ (IV, 356), см. *кни-
гохранилникъ ... книгохранилнику* 5. Интересна конструкция *ходить
к волхвам на кого-л.* в значении ‘обращаться к волхвам с целью причин-
ить кому-либо вред с помощью магии’: *ци ходила ѣси къ / волхвамъ
на кого любо* 102 об. Единственным примером представлено в Словаре
русского языка XI–XVII вв. слово *тльньникъ* 67 об. ‘растлитель’ (СРЯ XI–
XVII вв. 29, 368). Двумя примерами из *Пандектов Никона Черногорца*
засвидетельствовано в русской исторической лексикографии слово

³⁵⁸ Консультация свящ. М. Желтова.

расчитаниѣ в значении ‘решение; приговор’ (СРЯ XI–XVII вв. 22, 109–110; СДРЯ X, 318), в чиновнике содержится ещё один такой пример: *смѣртноѣ расчитаниѣ* 83 об. Остаётся неясным значение сочетания *божничный братъ* (сын крёстного отца или матери? побратим или побратим кровного брата?³⁵⁹): *ци быва/ла ѣси съ крѣтнымъ братомъ. / или съ роднымъ. или съ божь/ничнымъ. или съ дѣверемъ.* 102 об.; само слово *божничный* ‘относящийся к божнице, т. е. к церкви’ засвидетельствовано в русской исторической лексикографии двумя примерами в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого (МСДРЯ I, 142; СРЯ XI–XVII вв. 1, 274). Очевиден диалектный характер слова *божьничный* — деривата от русизма *божьница* ‘церковь’.

5.6.2. Региональная лексика

К диалектным морфологическим русизмам относится глагол вторичной имперфективации *отвѣтывати*, отсутствующий в исторических словарях (*и глѣть архидѣякъб малоумъ глѣ/мъ. ꙗкоже слышати сущимъ / дѣякономъ. и ѿвѣтывати* 6; ср. *ѿвѣтывати.* 12 об.). Словообразовательная модель вторичной имперфективации на *-ыва-* /*-ива-* является характерной особенностью древнерусского языка, она распространена преимущественно в летописях, но известна также и в книжных церковнославянских текстах восточнославянского происхождения³⁶⁰.

Регионализмом является союз *тои* (*то и*) в значении ‘потом; затем’ (см. СРЯ XI–XVII вв. 30, 317):

обычному хвалени//ю свершяѣму. възсходѣть на нь/рестоль. и съгда первѣѣ поста/вленый. по аплѣ рѣть миръ ти ∴ / и первѣѣ ѣныхъ чтѣнаго тѣла / и крове хвѣ. причаститѣся съ / поставлѣемымъ той прочи/мъ дастъ. 14.

А. А. Пичхадзе указала на два примера употребления этого союза в *Лаврентьевской летописи*, оба раза в Поучении Владимира Мономаха:

Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху пожгли, тои ту блодь городъ тихъ, та идохъ Переяславлю оѣю. (Поч.Влад.Мон.) Лавр.лет., 247. 1377 г. И проидохъ сквозъ половецкыи вои, бяся, до Переяславля и оца нальзохъ, с полку пришедше, тои пакы ходихомъ том же лѣт<ъ> со оѣмъ и со Изяславомъ битѣся Чернигову с Борисомъ. Там же, 248.

³⁵⁹ Предположение Ф. Б. Успенского; см. об обряде братотворения — церковном благословении двух «христиан, не состоящих в кровном родстве, но стремящихся к тесному духовному общению и братской взаимопомощи в мирских делах» (ПЭ 6, 190–194).

³⁶⁰ Шевелёва 2010, Шевелёва 2012; Шевелёва 2014; Шевелёва 2015.

Лексический русизм — вопросительная частица *чи* (ЭССЯ 3, 194; ЭСРЯ IV, 301), которая многократно использована в вопросах к исповеди (л. 102–102 об.) и с которой начинаются почти все вопросы. Общеславянского *чи* (ЭССЯ 4, 109–110) отмечено только один раз (*а в нѣлю чи ли въз / стѣ днѣ чи бывала ѣси.* 102).

Что касается региональных книжных узусов разных эпох, которые должны отразиться в тексте с длительной историей, то здесь нужно обратить внимание на последовательное употребление «преславизма» *пастоухъ*, не характерного для гимнографии³⁶¹: *пастуха* 13, *пастухъ* 19, 23, 46; ср.: *пастырю / доброму* 27 об. в библейской цитате. Характерным для регионального «преславского» узуса является также слово *требникъ* (94) в значении ‘жертвенник в христианском храме’ (см. десятый очерк).

К архаичному пласту литургической терминологии относится слово *канонъ* в значении ‘служба’, которое в литургических и гимнографических текстах отражает палестинскую традицию, а в традиции славянской до сих пор было отмечено только в общих службах свт. Климента Охридского (Кривко 2008, 73–77): *кѧ̆.* 19 об. (в заглавии чинопоследования), см. затем ещё раз *кѧ̆.* (20 об.) в том же чинопоследовании в заглавии гимнографического канона.

Южнославянское происхождение имеет термин *ѡпнѣ̆.* 88 об. (трижды) ‘отпело’, обозначающий ответное, или респонсорное, пение хора при исполнении антифонов (СРЯ XI–XVII вв. 13, 296), употребляющийся в этом же значении в древнерусском Студийско-Алексиевском уставе (Пентковский 2001, 257), в южнославянских литургических рукописях и в *Пражских листках* (LPGL 540; SJS II, 613) — древнечешской литургической глаголической рукописи одиннадцатого — двенадцатого веков с фрагментами службы по византийскому обряду.

Яркой архаичной словообразовательной приметой является употребление отглагольных *nomina actionis*, образованных бессуффиксальным способом и характерных для языкового узуса древнейшей славянской гимнографии и литургической терминологии³⁶² Охридско-Преспанского региона: *възносити / жертву ѡ приносѣ̆.* 13; *оувѣтъ̆* 54 об.; *въздвй* 90 об.; *ни при/носа* 95 об. Особенно выразительным является термин *въдвйгъ* ‘воздвижение (Креста)’, хорошо засвидетельствованный в южнославянских текстах западноболгарского (македонского) и сербского происхождения, но крайне редкий в древнерусской традиции (до сих пор в восточнославянских рукописях было выявлено всего четыре примера его употребления, и только в рукописях одиннадцатого — двенадцатого веков [Пичхадзе 2014, 168]).

³⁶¹ WGMD 129; Крысько 2005, 783; Кривко 2007₁, 251.

³⁶² Пичхадзе 2009, 301; Пичхадзе 2014.

К тому же языковому пласту относится лексический и, возможно, словообразовательный моравизм *всемогаи* 28 (Гиппиус 1990).

5.7. Выводы

Неоднородность языкового узуса чиновника обусловлена наличием разных хронологических пластов в истории вошедших в этот сборник текстов. Наиболее архаичный пласт представлен лексическими и словообразовательными элементами, связанными с литературно-языковой традицией гимнографической и литургической письменности Охридско-Преспанского региона на территории Первого Болгарского царства. Надо полагать, что эта традиция испытала (позднейшее?) влияние со стороны языкового узуса Преславской школы, что проявляется в единичных лексико-семантических «преславизмах». Особую группу образуют лексические русизмы, которые отмечены исключительно в богослужебных указаниях, но не в самих литургических текстах, а также в вопросах к исповеди. Последние, как кажется, вообще в значительной степени ориентированы на некнижный узус, и отражают древнерусскую языковую традицию, которая тесно связана с устной речью и которую можно было бы обозначить как «церковно-обиходная». (Здесь встаёт вопрос о критериях разграничения этой «церковно-обиходной» традиции от разговорно-бытовой.) К этому же пласту древнерусской «церковно-обиходной» традиции относятся фонетический облик общеупотребительных грецизмов (типа *дьякон*) и распространённых канонических имён (типа *Февронья*). Графико-орфографические и морфологические особенности рукописи отражают позднейший этап истории вошедших в неё текстов. Языковой облик этого этапа, в целом, связан с длительным их бытованием на восточнославянской почве и определён позднерусским книжным узусом, в котором с разной степенью последовательности развиты инновации позднерусского и древнерусского периодов.

VI. К истории русско-церковнославянской литургической терминологии: *полиелей*

6.1. *Полиелей* в русской исторической лексикографии и этимологии

Изучение лексики, возникновение и употребление которой связано с богослужением и церковной практикой, требует учёта большого количества экстралингвистических сведений и поэтому часто представляет трудности для лексикографов и этимологов. Показательна в этом смысле история слова *полиелей*, которое отсутствует в современных академических толковых словарях русского литературного языка, а его определения в словарях исторических и специализированных противоречивы.

Первыми лексикографами, давшими толкование этого слова, были составители древнерусских Азбуковников: книжники фиксировали его в формах *полиелеосъ* или *полиеледъ* и объясняли как *многомилостивое* (или *многомилостиво*)³⁶³. Происхождение и значение слова *полиелей*, судя по несогласованным словарным данным, были недостаточно ясны лексикографам уже в девятнадцатом веке: в Словаре В. И. Даля и «Словаре церковнославянского и русского языка» *полвелей* толкуется как церковный праздник, «в который на всеобщей зажигаются свечи в паникадилах»³⁶⁴ (как будто в другие дни всеобщая служба проходит всегда только в полумраке), а в специализированном «Полном церковно-славянском словаре» прот. Г. Дьяченко находим, что *полиелей* — пение на утрени 134-го и 135-го псалмов, причём для этого слова выделены две словарных статьи, в зависимости от двух способов передачи греческого ипсилона средствами современной церковнославянской орфографии — с помощью *i* десятиричного и с помощью ижицы³⁶⁵.

³⁶³ Ковтун 1989, 239; Ковтун 1975, 297.

³⁶⁴ Даль III, 695 («средний церковный праздник, в котр. на всеобщей зажигаются свѣчи въ паникадилахъ», s. v. «полвелей [полиелей]»); СЦСРЯ III, 324 («церковный праздникъ въ честь нѣкоторыхъ святыхъ, во время котораго на всеобщихъ бдѣняхъ зажигаются свѣчи въ паникадилахъ»).

³⁶⁵ ЦСС 451, 453 (s. vv. «полиелей», «полвелей»).

Неоднозначно объяснялось и происхождение слова *полиелей*. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ в подготовленных им третьем и четвёртом стереотипном изданиях словаря В. И. Даля дополнил словарную статью «**Полвеле́й** [**п о л и е л е́ й**]» орфографическим вариантом (в квадратных скобках) и этимологической справкой: «[греч. полуέλεος]» (Даль III, 695) 'многомилостивый'. Протоиерей Г. Дьяченко был менее уверен в источнике заимствования и объяснял происхождение слова либо от греческого έλεος 'многомилостивый', либо от έλαιον 'елей', так как во время песнопения в храме зажигаются все светильники, питающиеся также и елеем (ЦСС 451, 453). М. Фасмер также колебался в истолковании слова *полиелей*, происхождение которого сначала объяснялось им через греческое полуέλεος 'многомилостивый' (Фасмеръ 1909, 155), а несколько десятилетий спустя — уже от греческого полуέλαιος 'потребляющий) много масла (для освещения)'. Правда, для большей убедительности последнего варианта значение греческого слова пришлось «скорректировать» с помощью заключенных в круглые скобки уточнений (ЭСРЯ III, 309). Возможно, основанием для такой этимологии стали идеи А. Г. Преображенского, который считал церковнославянское *полвелей* производным всё же от полуέλαιος, усматривая связь между представлениями о елее и сострадании: «е л е й н ы й, по мненію Горяева и Фасмера [...] изъ гр. έλεεινός *сострадательный* [...] Это переносное значеніе отъ первонач. *маслянистый, масляный; слѣд., умягченный* [...] цсл. *полвѣлей* = гр. *полуέλαιος*» (ЭСРЯ (Пр) I, 213).

Такие же колебания отражают другие словари девятнадцатого столетия. В «Словаре Академии Российской» толкование слова *полиелей* косвенно связано с возжигаемым в церковных светильниках елеем:

«Такъ называется пѣніе величанія въ честь нѣкоторымъ особенно церковью чтимымъ святымъ, за заутреню бывающее; при немъ обыкновенно зажигаются свѣтѣльники передъ иконами» (САР IV, 1467).

Этому толкованию в точности соответствует определение П. И. Соколова (ОЦРС II, 641), в «Церковном словаре» П. А. Алексеева оба толкования — через «милость» (έλεος) и через «освещение» (έλαιον) — механически совмещены³⁶⁶, а в «Толковом словаре иностранных слов» Н. Дубровского *полиелей* объясняется уже только как «название 134–135 псалмовъ Давида, въ которыхъ воспѣвается милосердіе Божье» (ТСИС 386).

³⁶⁶ ЦС III, 258–259 («греч. значить: многомилостивое. Извѣстны подъ симъ два Псалма изъ 19 каѳисмы [...] Для того пѣніе сихъ Псалмовъ названо *полвелеомъ*, что въ нихъ [...] часто упоминаются милости Господни [...] Еще *полвелей* именуется по полкандилу, то есть по многозасвѣчаемымъ тогда въ церкви свѣтѣльникамъ»).

Противоречивые толкования и этимологии слова *полиелей* могут быть разрешены только путем непосредственного обращения к византийским и церковнославянским текстам.

6.2. Греческие *полуэлеос* и *полуэлаиос* и их церковнославянские параллели

В патристике лексемы слова *полуэлеос* и *полуэлаиос*, возможные источники славянского *полиелей*, не использовались как литургические термины и не называли ни песнопения, ни церковного праздника: так, прилагательное *полуэлеос* было устойчивым определением лиц Св. Троицы — Отца и Сына, а *полуэлаиос* отмечено у Климента Александрийского в метафорическом употреблении со значением «дающий много масла» (PGL 1115). Слово *полуэлеос* — один из неологизмов Септуагинты (см., напр.: Исх. 34: 6; Числ. 14: 18; Иоил. 2: 13; Иона 4: 2; Пс. 85: 5; Пс. 85: 15) (GELS II, 387), в языческой терминологии *многомилостивый* Бог неизвестен. В древнееврейском масоретском тексте Ветхого Завета (ТМ) одному греческому слову *полуэлеос* (LXX) соответствует сочетание *רַב־חֶסֶד* *rab hesed* букв. 'великий милостью' (BDBL 338). Так передано это сочетание в русском Синодальном переводе, с ним согласуется перевод Вульгаты — *multus misericordia* (BSV), которая синтаксически более точно, чем Септуагинта, воспроизводит в данном случае древнееврейский оригинал.

Построенное по модели греческого *полуэлеос* церковнославянское слово *многомилостивый*, описывающее божественные свойства, вышло за пределы церковнославянского узуса и в старорусский период стало употребляться по отношению к человеческим качествам: «*Приятель мой, гѣдръ многомилостивои к нам послѣднимъ, Иванъ Елизаревичъ, многолѣтно здравствуи*. Белозер.переп., 228. 1678 г.» (СРЯ XI–XVII 9, 207). В исторической лексикографии отмечено также слово *многомилостиво*, однако его значение и грамматические характеристики, как их определил составитель словарной статьи, вызывают сомнения: «**Многомилостиво**, нареч. *Весьма милостиво*. Полиелеон — многомилостиво. Алф.¹, 189 об. XVII в.» (СРЯ XI–XVII 9, 207). Судя по цитате из сочинения под названием «Книга глаголемая гречески алфавит» (БАН, Арх.д., № 446. XVII в.), в ней толкуется интересующий нас литургический термин, упомянутый и в других, более ранних древнерусских лексикографических трудах, названных выше³⁶⁷. Вызываемые формой *полиелеон* ассоциации с наречием обманчивы: написание *полиелеон*, представляющее собой кириллическую транскрипцию греческого слова, нужно сопоставлять с тем, как выглядит прилагательное

³⁶⁷ Ковтун 1975, 297; Ковтун 1989, 239.

πολυέλεος в соответствующих формулах греческих Типиконов, типа ψάλλομεν πολυέλεον 'поём полиелей' (GSMIG I, 1198). В эллиптических формулах глагол может опускаться: ἔπειτα τὸν πολυέλεον [...] καὶ μετὰ τὸ τέλος τὴν ὑπακοὴν τῆς ἑορτῆς (Дмитриевский 1910, 272, 361, 382) 'затем полиелей [...] и после его завершения — ипакои праздника'. Вероятно, появление формы вин. п. в статье Азбуковника связано с тем, что формы многих греческих слов в этих словарях отражают реальное употребление слова в типовых частотных контекстах. Возможно, что именно по этой причине форма винительного падежа часто используется авторами Азбуковников в качестве заголовочной³⁶⁸, сравним: «арсениконъ, мужественъ победитель» (ἀρσενικός 'мужественный, сильный'); «геронда, старецъ» (γέρων 'старик', вин. п. γέροντα); «тимонъ, стра^x» (τίμος 'честь, почет', вин. п. τίμον) (Ковтун 1989, 150, 171, 265). Особенно выделяются в этом ряду два примера, следующие один за другим в тексте одного из Азбуковников (РГБ, ф. 173/1 [МДА], № 35, л. 81): ἀκσιῦσῶ. δοστωίνῶ и ἀνάξιῦσῶ. недостоинῶ (Ковтун 1975, 270) (греч., соответственно: ἄξιος и ἀνάξιος — возглас клира при посвящении в сан, означающий достоинство или недостоинство посвящаемого). Сравним теперь, как знакомая русскому слуху греческая фраза εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα, звучащая во время службы всеобщего бдения и оставившая след в русском языке в виде междометия *исполать* или (диалектного) *сполать* (ЭСРЯ II, 141), получила отражение в словаре середины шестнадцатого века в составе сборника Вассиана Кошки (РГБ, ф. 181 [Муз.], № 1257, л. 36). В качестве заголовочной формы автор словаря избрал звательный падеж δέσποτα. Именно эта форма была важна для книжника, который при составлении словарной статьи придавал грамматике гораздо меньше значения, чем контексту, в котором ему встретилась толкуемая лексема: *деспота. вл^дка / деспота маи. вл^дко мои / исполати ти. многа льта* (Ковтун 1975, 265).

Возможно, однако, что именно литургический термин *полиелейон*, упомянутый в «Книге глаголемой гречески алфавит» (СРЯ XI–XVII 9, 207), отражает тенденцию греческого языка к образованию литургических терминов на основе субстантивации прилагательных по форме среднего рода (ср. Τυπικόν 'Устав' или τὸ τρισάγιον 'трисвятое' из τρισάγιος ἕμνος)³⁶⁹. По-видимому, именно эта закономерность проявляется в одном из древнейших примеров употребления богослужебного термина *полиелей*, который отмечен в Дрезденском списке (XI в.) так называемого богослужебного Устава константинопольской Великой Церкви:

³⁶⁸ На эту особенность заголовочных форм грецизмов в старорусских Азбуковниках обратила внимание М. И. Чернышёва (устное сообщение).

³⁶⁹ Наблюдение К. А. Максимовича, устное сообщение.

γίνεται ὁ ὄρθρος ἐν τῷ ἄμβονι καὶ ψάλλεται τὸ πρῶτον τῆς ἡμέρας καὶ ἀντίφωνα β' μετὰ καὶ τοῦ κανῶνος ψάλλεται δὲ καὶ πολυέλεον καὶ εὐλογεῖτε (Дмитрієвскій 1907, 281).

Комментируя этот отрывок, М. Н. Скабалланович писал:

«на Воздвиженіе здесь объ утренѣ сказано: „поется τὸ πρῶτον (первое, 1-й антифон?) дня и антифоновъ 12 съ канономъ же (μετὰ καὶ τοῦ κανῶνος), поется же и полиелей и Благословите“. Что разумѣется здесь подъ канономъ, полиелеемъ и Благословите [...] трудно сказать, но едва ли первые два термина имѣють нынешній свой смыслъ» (Скабаллановичъ 1910, 376).

Греческое πολυέλεον, а не πολυέλεος узнаётся в написаниях одного из древнейших сохранившихся сербских списков Иерусалимского Устава (ок. 1372 г.): *пѣелеѣ* Сев27 24 об., а также в формах типа *полиелеѣ*, встречающихся в «Оке Церковном», одной из редакций Иерусалимского устава, получивших распространение на Руси (см. Рум445 1 об., 20 об., 30, 34 [2 раза], 34 об., 36 об.), и в упомянутых выше Азбуковниках. Отсутствие конечного согласного в этих написаниях указывает на хорошо известную утрату ауслатного -v в «народной» разновидности средневекового греческого языка³⁷⁰. Это явление объясняет морфологическую адаптацию и орфографический облик другого гречизма, сопоставимого по морфонологическим признакам с формой *полиелеѣ* — «акафисто неседально», отмеченного в Азбуковнике конца шестнадцатого века (РГБ, ф. 173/1 (МДА), № 35, л. 81) (Ковтун 1975, 352). Отсутствие конечного согласного указывает на субстантивацию прилагательного в сочетании ἀκάθιστος ὕμνος по форме среднего рода ἀκάθιστον с последующей утратой конечного -v, что сопоставимо с упомянутым выше изменением τὸ τρισάγιον ← τρισάγιος ὕμνος. Формы *πολυέλεο и *ἀκάθιστο не засвидетельствованы в словарях греческого языка³⁷¹, что объясняется, очевидно, их разговорным характером и указывает тем самым на вероятный устный источник заимствования славянских слов.

История соответствующего греческому πολυέλεος славянского литургического термина начинается с древнерусского слова *многo-милостивѣи / многомилостиве*³⁷², которое встречается в Уставе патриарха Алексия Студита (1025–1043 гг.), сохранившегося только

³⁷⁰ Palmer 1986, 334; Фасмер 1907, 214.

³⁷¹ Ср. МЛЕГ I, 137 (s. v. ἀκάθιστος), XII, 5959 (s. v. πολυέλεος); ЛМЕГ I, 142 (s. v. Ακάθιστος).

³⁷² В старославянском корпусе слово *полиелеи* отсутствует, а слово *многомилостивѣ* не связано с литургической терминологией (ССС 335; SJS II, 240), что определяется содержанием памятников, образующих древнейший корпус.

в древнерусском переводе (Пентковский 2001). В студийско-алексиевской традиции словом *многомилостивъи* называлась звучавшая на утрени первая слава³⁷³ рядовой девятнадцатой кафизмы, пение которой не было связано ни с праздником, ни с воскресным днем: «*такъ оубо първата сла(в) · ѿи · ка(ѳ) · сирѣ(ч) · мно/гомл(с)тѣи · и поѣтъ (с) ·*» (Пентковский 2001, 405) — «так поётся первая слава 19-й кафизмы, то есть „(о,) многомилостивый“». Первая слава 19-й кафизмы состоит из псалмов 134, 135 и 136. Своё греческое название — *полуэлеос* — песнопение получило благодаря рефрену 135-го псалма (Скабаллановичь 1910, 405): *ѳти еіс τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ* ‘ибо вовек *милость* Его’.

В Студийско-Алексиевском уставе греческое *полуэлеос* передано тройко: *многомл(с)тѣи* (один раз), *многомл(с)тѣи* (восемь раз) и в сокращённой форме *многомл(с)тѣи* · или *многомл(с)т* · (Пентковский 2001, 405–406), которая встречается только в конце строки. Форма *многомл(с)тѣи* передаёт грамматический род соответствующего греческого термина, вторая же не имеет опоры в греческом тексте. Звательного падежа в греческом тексте нет, его употребление в качестве богослужебного термина, вероятно, обусловлено частотностью этой формы в других литургических текстах: так, только в древнерусском Ирмологии отмечено пять примеров обращения *многомилостиве* в соответствии с греческим *полуэлеε* (Hannick 2006, 87–88, 180–181, 228–229, 449).

Наряду с термином *многомилостивъи* (*многомилостиве*) Студийско-Алексиевского устава в древнерусской богослужебной терминологии был известен (искажённый?) термин *полиѣли*, называющий один 135-й псалом, в состав которого входит рефрен *ако въ вѣкъ милость ѿго*. Древнейший известный пример употребления этого слова встречается в тексте *Благовещенского*, или *Нижегородского*, *кондакаря* конца двенадцатого — начала тринадцатого века (РНБ, Q.п.І.32). Песнопение, названное словом ПОЛПЕЛИ³⁷⁴ (пропущено *е* перед *и*?), находится на лл. 107–114 рукописи, оно опубликовано протоиереем М. Лисицыным (Лисицынъ 1911, 79–82) и затем в сводном издании древнерусского Кондакаря (К VII, 389–401)³⁷⁵.

³⁷³ Псалтирь делится на кафизмы, каждая из которых может состоять из одного или нескольких псалмов; в свою очередь, кафизмы делятся на «славы» — фрагменты, разделяемые возгласом «слава Отцу и Сыну и Св. Духу».

³⁷⁴ ІЕ (без соединительной линии) передано по публикации; о таких написаниях см.: Каринский 1925, 13.

³⁷⁵ В «Сводном каталоге славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР» ошибочно указано, что на «л. 107 – 114 об. — полиелей (содержит отдельные стихи 134-го и 135-го псалмов на 8 гласов)» (Каталог 1984, 179, № 153). На указанных листах рукописи не встречается ни одного стиха 134-го псалма, но содержится особым образом распетый 135-й псалом.

А. М. Пентковский, обративший внимание на это ПОЛПЕЛИ соотнёс его с песнопением *полълы*, которое также состоит из одного только 135-го псалма и входит в состав новгородского Пролога второй половины четырнадцатого века (ГИМ, Син. 247, л. 13). Это песнопение образует часть чинопоследования, совершавшегося в Неделю святых праотцев и сопоставимого с чином «пещного действия», известного по более поздним источникам (Пентковский 2001, 213). Параллели славянского ПОЛПЕЛИ / *полълы* 'особым образом исполняемый 135-й псалом' встречаются только в некоторых типиконах Южной Италии, в которых 135-й псалом имел специальное название — *полиелей* (ὁ πολυέλεος) — и входил в состав праздничных антифонов (Пентковский 2001, 144; Пентковский 2014, 48). Влияние итало-греческих традиций прослеживается и в употреблении термина *полиелей* в среднеболгарской *Скопльской минее* (Ск 152 об., 184; форма отмечена Т. В. Пентковской [2004, 239]), уставные указания которой совпадают с «указаниями в южно-итальянских богослужебных синаксарях отрантской группы» (Пентковский 2012, 405).

Дальнейшая история термина *полиелей* связана с Евергетидским уставом, который возник на византийской почве во второй половине одиннадцатого века в ходе заимствования палестинских литургических традиций через монастыри Малой Азии в константинопольский монастырь Богородицы Евергетиссы (Благодетельницы)³⁷⁶. В первой половине тринадцатого века благодаря деятельности св. Саввы Сербского богослужение по Евергетидскому уставу было воспринято в Сербии и оттуда частично заимствовано среднеболгарской традицией, что оставило следы в структуре и содержании южнославянских служебных миней тринадцатого — четырнадцатого веков и в месяцесловах евангелий³⁷⁷ и повлияло на литургическую терминологию. Так, в сербской служебной минее на июль — август Д32 в описании службы Преображению отмечается термин *полиѡлеѡ* (л. 75), значение которого не раскрывается, так же, как и в греческом оригинале этой литургической рубрики, где в соответствии со славянским *пѡмь* . *полиѡлеѡ* (Д32 75) читается столь же лаконичное «ἐπειτα ὁ πολυέλεος» (Дмитриевский 1910, 480). (Очевидно, имеется в виду исполнение 135-го псалма или первой славы девятнадцатой кафизмы в праздничные дни, связанные с почитанием Христа или Богородицы.) Термин *полилеи* [так!] отмечен также в среднеболгарской минее *НБКМ 113* (л. 67), которая текстологически зависит от Д32.

³⁷⁶ Пентковский 2003₁; Пентковский 2004₁ (о возникновении Евергетидского устава; литература, источники).

³⁷⁷ Суботин-Голубовић 1998; Дограмаджиева 2008; Суботин-Голубовић 2012; Суботин-Голубовић 2014, 181.

Таким образом, в древнейшей истории греческого термина *πολυέλεος* на славянской почве устанавливаются три пласта: 1) южно-итальянский, представленный разновременными формами *полижли* (*полжлы*) (др.-р.) и *полиелеу* (ср.-болг.) '135-й псалом, входивший в состав праздничных антифонов'; 2) студийско-алексиевский, представленный формами *мъногомилостиве* / *мъногомилостивзи*, (др.-р.) 'первая слава рядовой 19-й кафизмы'; 3) евергетидский, представленный формой *полиѣлеу* '135-й псалом или первая слава праздничной 19-й кафизмы'.

С одиннадцатого века в греческих источниках засвидетельствованы первые следы распространения за пределами Палестины Иерусалимского устава³⁷⁸. В Константинополе этот устав появляется после 1261 г., когда император возвратился в столицу, освобождённую от крестоносцев. Во второй половине тринадцатого века Иерусалимский устав был принят на Афоне и не позднее 1319 г. стал известен у славян: этим годом датируется сербский перевод Иерусалимского устава, выполненный по инициативе архиепископа Никодима († 1325 г.) и называемый поэтому «Никодимов типик»³⁷⁹. До возведения в сан архиепископа в 1317 г. Никодим был игуменом Хиландарского монастыря³⁸⁰. Кроме этого перевода, в четырнадцатом веке было выполнено ещё три независимых друг от друга перевода, которые восходят к различным греческим оригиналам³⁸¹. Во всех славянских переводах Иерусалимского устава используется термин *полиелей* (с морфонологическими альтернативами). Мы встречаем его, например, в сербском переводе иеромонаха Романа, сохранившемся в рукописи ок. 1372 г.: *по(л)[и]ѣлеу* Сев27 24 об. Для сербской редакции, представленной в этой рукописи, более характерна форма *полиѣлеи* 16, *полиелей* 36; *полиѣлеи* 36 (ср. также (недописанное?) *полиеле* 61), фонетический облик которой соответствует русскому *полиелей*.

Древнерусская литургическая терминология, содержание которой с четырнадцатого века основывается на Иерусалимском Уставе,

³⁷⁸ Пентковский 2003; Пентковский 2004₂, 153–156 (литература).

³⁷⁹ ПЗ 21, 504–506 (<http://www.pravenc.ru/text/293798.html>); *Никод. Тип.* (фототипическое издание рукописи).

³⁸⁰ Мошин, Пурковић 1999, 34–44 (биографический очерк), 37 («у августу 1312. г. Никодим је већ поменут као игуман у акту светогорског прота Теофана»), 44 («је 12. маја 1317. г. изабран за архиепископа Никодим»).

³⁸¹ Пентковская 2004, 240 («ранний болгарский перевод (так называемый перевод старца Иоанна), выполненный в Великой Лавре св. Афанасия, и перевод сербского инока Романа, выполненный в 1331 г. в Хиландарском монастыре на Афоне. Кроме того, перевод особой редакции ИУ [Иерусалимского устава. — Р. К.] был выполнен при патриархе Евфимии Тырновском, и эта редакция распространилась впоследствии в Болгарии и Сербии»).

унаследовала со славянского юга и термин *полиѣлеѣ*, возникший в русле евергетидской традиции. В форме именительного падежа *полиѣлеѣ* этот термин встречается в уже упомянутом выше «Оке Церковном» 1428 г. (Рум445 1 об., 20 об., 30, 34 (2 р.), 34 об., 36 об.), в оглавлении которого дважды на л. 3 отмечены также написания *полиѣло* и *полиѣлѣ*. Родительный падеж *полиѣлеа* Рум445 34 об., 35 позволяет восстановить не отмеченную в русских исторических словарях (заголовочную) форму именительного падежа, иными словами — самостоятельную лексему *полиелеи* (*полиелей*), которая не засвидетельствована никакими иными контекстами древнерусского периода.

Одновременно с гречизмами *полиѣлеѣ* и *полиелеи* в «Оке Церковном» используется и унаследованный из более ранней студийско-алексиевской традиции термин *многомилостивѣ*, которое И. Мансветов (Мансветовъ 1885, 279) считал характерной особенностью «Ока Церковного» и представленной им редакции Иерусалимского устава; см., например:

ѡ стѣмъ ѡмѣши^Ѡ · полиѣлеѣ · и празноуѣмоу на · ѡ ·³⁸² аще слоутса · в соу · подобаѣ, вѣти, ꙗко аще слоучитъ стѣи, в соу · ѡмѣи многомлтивы и праздноуѣтъ на · ѡ · не поѣтъ канѣ. Рум445 20 об.

Отголосок студийско-алексиевской традиции — соответствующая статья Словаря протоиерея Г. М. Дьяченко:

«Многомѣлостивѣ [так!] = название *полиелеа*, указывающее на то, что во время пѣнія полиелейныхъ стиховъ обильно возжигается елей и часто повторяются слова: „яко во вѣкъ милость Его“» (ЦСС 310)³⁸³.

Значение греческого термина *полуѣлеос* в действующем по сей день Иерусалимском уставе попытались объяснить в конце семнадцатого века монахи-бenedектинцы и лексикографы Д. Дюканж и Ш. Дюфрен:

«POLUELEOS, dictus Psalmus 134 [...] Sicque appellatus, quod cum canitur, eodem tempore Psalmus alius 135 accinitur: ἔξομολογεῖσθε τῷ Κυρίῳ τῶν κυρίων, ὅτι εἰς τὸν αἰῶνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ» GSMIG I, 1197–1198. (‘полиелеем называется 134 псалом [...] Назван он так потому, что вместе с ним исполняется и иной псалом, 135: «Славьте Господа господствующих, ибо вовек милость Его»’)

Связь между происхождением слова *полуѣлеос* и рефреном 135-го псалма усматривал и Е. А. Софоклес, который, правда, считал, что полиелей — это не 134-й псалом, как сказано у Д. Дюканжа

³⁸² То есть которому поется восемь стихир на *Господи воззвах*.

³⁸³ Ссылки на источники и греческая параллель в данной словарной статье не указаны.

и Ш. Дюффена, а 135-й, потому что слово ἔλεος ‘милость’ появляется в конце каждого стиха этого псалма, образующего часть утрени (GLRBP 905). Это определение было бы верным лишь по отношению к некоторым типиконам студийской группы, происходящим из южной Италии, в которых один 135-й псалом помещается в качестве праздничного антифона на утрени и называется полуέλεος (Скабалланович 1910, 406), что едва ли имел в виду автор словаря (GLRBP).

Корректное определение современного литургического термина *полиелей* содержится не в академических словарях, а в специализированной практической пособии протоиерея К. Никольского, где сказано, что, согласно Иерусалимскому уставу,

«„полвелей“ (полуέλεος), по-русски „многомилостивое“ (от πολύς „многий“ и ἔλεος „милость“ [— это песнопение, которое] состоит из псалмовъ 134 [...] и 135 [...]) Отъ частаго повторенія въ 135 псалмѣ словъ „яко въ вѣкъ милость Его“ — пѣніе получило названіе: полвелей» (Никольскій 1907, 729)³⁸⁴.

Столь же точные определения содержатся в образцовых энциклопедических изданиях общего историко-культурного содержания:

«**Polyeleos** (grch., m., ‚Vielerbarmer‘), eine aus Ps. 135, 1.2.21 u. Ps. 136, 1.6.26³⁸⁵ bestehende Gruppe des Psalters, die üblicherweise im Sonntags-Morgengottesdienst anstelle eines Kathismas gesungen wird. Das Typikon untersagt den P. während des Triodions, verordnet ihn dagegen vom 22. Sept. bis zum 20. Dez. u. vom 14. Jan. bis zum Sonntag der Käseentsagung [...]» и т. д. (Onasch 1981, 310).

«**ПОЛИЕЛѢЙ** полуέλεος. **Polyéléos / Psaumes de miséricorde.** Ensemble des psaumes (134, 135) chanté aux matines, les jours de fête pendant toute l’année et le dimanche du 22 septembre au 20 décembre, et du 14 janvier au dimanche de la tyrophagie [...]» и т. д. (Roty 1980, 88).

Полиелей поётся в средние церковные праздники, то есть в те, выше которых бывают только Богородичные и Господские, в воскресные дни между 22-м сентября и 20-м декабря, по старому стилю, то есть после отдания Воздвижения до предпразднства Рождества Христова, а также между 14-м января, то есть после отдания Крещения, и сырной неделей, последней перед Великим постом, а от сырной недели

³⁸⁴ В примечании прот. К. Никольский добавляет: «Многіе слово *полвелей* переводят словомъ *многомасліе*, полагая, что такъ именуется пѣснопеніе потому, что при пѣніи его Уставомъ положено возжигать много свѣтильниковъ елей (Тип., гл. 24, 25), но при этомъ смешиваютъ слова ἔλεος — милость и ἔλαιον — елей. В Типиконѣ обозначено: „полвелей, сиречь многомилостивое полуέλεος, а не многомасліе“ (Тип., гл. 17 полуέλεος)» (Никольскій 1907, 729).

³⁸⁵ Нумерация псалмов приведена в соответствии с Масоретским текстом Ветхого Завета (Танаха).

до 21-го сентября полиелей поется в те воскресные дни, на которые приходится Господские или Богородичные праздники, или праздники великого святого (Никольский 1907, 279–280).

В Словаре русского языка XI–XVII вв. мы находим определение термина *полиелеосъ*, наследующее ошибки русских лексикографов позапрошлого века и добавляющее новые:

«Часть праздничной всенощной службы или утрени, во время которой в храме зажигаются многочисленные светильники и которая сопровождается помазанием верующих елеем (ср. греч. ὁ πολυέλαιος ‘многомаслие’)» (СРЯ XI–XVII 16, 217).

Новая ошибка здесь в том, что, хотя во время праздничной утрени, согласно Иерусалимскому уставу, и совершается помазание елеем, оно происходит не одновременно с пением полиелейных псалмов и обычно бывает после чтения Евангелия и молитвы «Спаси, Боже, люди Твоя»

«и иногда заменять собою то помазание елеемъ, которое, по уставу Церкви, положено совершать въ притворѣ [...] послѣ отпуста утрени — елеемъ отъ кандила иконы праздника или святого» (Никольский 1907, 229).

Соотнесение древнерусского *полиелеосъ* и греческого *πολυέλαιος* справедливо лишь по отношению к елею возжигаемых светильников, и то на основе метонимии, которая, к тому же, имела место только на греческой почве.

В результате метонимического переноса греческое *πολυέλεος* получило значение ‘церковная люстра либо светильник’ (МЛЕГ 12, 5959; GSMIG I, 1198) и совпало по звучанию с более старым словом *πολυέλαιος* ‘светильник’, отмеченным, в частности, у Константина Багрянородного (GLRBP 905) и сохраняющимся в современном греческом языке (НГРС 639). Без греческого оригинала нельзя сказать, какая из трех лексем — *πολυέλεος*, *πολυέλεον*, *πολυέλαιος* — стала источником уникального в древнерусской письменности слова *полиелей* ‘церковная люстра, светильник’, которое отмечено единственный раз в переводе Проскинитария Арсения Каллуды, выполненном Евфимием Чудовским (см. СРЯ XI–XVII 16, 217). В сочинении чудовского иеродиакона Дамаскина, составившего в 1701–1706 гг. описание Афона и Соловецкого монастыря, известен грецизм *полвелейонъ* в сочетании «полвелейонъ дивный» (*Иер.Дам.*, 21), который, вероятнее всего, указывает на греческое *πολυέλεον* ‘церковная люстра либо светильник’ как источник заимствования³⁸⁶.

³⁸⁶ И *полиелей* ‘церковная люстра’, и *полиелейон* ‘то же’ остались окказионализмами, не выдержав конкуренции с более распространенным грецизмом *паникадило*, о котором см.: Добродомов 1986; Добродомов 1988.

6.3. История значений русских *полиелеосъ* и *полиелей*

Первое основное значение древнерусского слова *полиелеосъ* должно быть сформулировано так: «Согласно Иерусалимскому уставу, песнопение, состоящее из 134-го и 135-го псалмов на утрени в средний церковный праздник (ср. греч. полуѐлеос); часть службы, во время которой исполняется это песнопение». Вторая часть этого определения, относящаяся к Иерусалимскому уставу, описывает также значение термина *полиелей*, отмеченного в «Оке Церковном» (Рум445).

Древнейшая известная фиксация на русской почве термина *полиелеосъ* в значении 'часть службы' отмечается в самом раннем из дошедших до нас списков *Киево-Печерского Патерика* (РНБ, Ф. 560, Q.п. I.31 [Арсениевская редакция, первый вид³⁸⁷]), который датирован 1406 г. Соответствующий контекст из рукописи, в которой литургический термин представлен в искажённой форме *полежелеосъ* (с буквой *e* под влиянием соседней *ж* в результате графической ассимиляции?), приведён в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» с корректным толкованием «праздничное песнопение на утрене, в состав которого входит 135-й псалом», и этимологической параллелью «полуѐлеос»³⁸⁸. Пение полиелея положено в службе прп. Феодосию Печерскому (*Пат. Киев.-Печ.*, 38)³⁸⁹, что доказывает, что перед нами — не рядовая кафизма, как это было бы в уставе студийской группы, и не песнопение, положенное, согласно Евергетидскому уставу, в богородичные или господские праздники, а гимн, исполняющийся в день памяти особо почитаемого святого в соответствии с Иерусалимским уставом. В том же значении слово *полиелеосъ* встречается во множестве других разнообразных источников, например, в Проскинитарии Арсения Суханова (1653 г.) (СРЯ XI–XVII вв. 16, 217)³⁹⁰, в описании патриарших выходов (1669 г.)³⁹¹, дневальных записках Приказа тайных дел (1657 г.)³⁹².

Форма *полиелей* с восемнадцатого века вытесняет более ранний грецизированный вариант *полиелеосъ*, в первом основном значении

³⁸⁷ См.: Ольшевская 1999, 269–280 (литература).

³⁸⁸ СДРЯ VII, 74 («*полежелеосъ начинаемъ*», с.в. *полежелеосъ*; единственная цитата).

³⁸⁹ В новейшем издании *Киево-Печерского патерика* (Ольшевская, Травников 1999) служба прп. Феодосию отсутствует.

³⁹⁰ Проск.Арс.Сух. 226 («*два псалма иже на полиелеосъ, на конце „слава и нынѣ“*»).

³⁹¹ ДАИ V, 134 («*Лѣта 7177, сентября в 1 день [...] на память преподобного Симиона Столпника и матере его Марѣы [...] пѣли [на всенощном бдении] Новому Лѣту, да преподобному Симеону да Марѣѣ, пѣли съ полиелеосомъ и величаниемъ*»).

³⁹² Днев.зап.ПТД, 20 («*На всенощномъ бдѣнии на полиелеойсе [так в изд.] облачался и служилъ божественную литоргию великий государь святѣйший Никонъ патриархъ*»).

слово *полиелей* / *полиелей* представлено множеством употреблений девятнадцатого — двадцатого веков:

«Подозвали девицы и Василия Борисыча; и он покинул толстую уставщицу, начавшую было нескончаемые расспросы о том, как в Белой Кринице за митрополичьей службой справляют полиелей» (П. И. Мельников-Печерский. *В лесах. Книга вторая* [1871–1874 гг.]); «На преподобную Ксеению, по твоему приказу, утренне [так. — Р. К.] бдение с полиелеем стояли» (там же); «А на утрие, на Григория Богослова, тоже с полиелеем служба была» (там же); «Завтра память преподобного Ефрема Сирина... с полиелеем аль рядовую?» (там же); «Всяко бывало, матушка, — отвечала уставщица. — Служили с полиелеем, служили и рядовую» (там же); «Великая ектенья. Полиелей. После молитвы „Спаси Боже“ — канон Пасхи и святого» (С. А. Диомидов. *Указатель порядка архиерейских служений* [1915 г.]); «Перед выходом на полиелей снова дает посох в царских вратах архиерею» (там же); «На полиелей отверзаются царские врата» (там же); «При строго установленном порядке службы особенно умильное настроение создавало на ночном моении антифонное пение служащим духовенством и хором монахинь полиелея с акафистом» (Николай Падерин. *В рассеянии* [1967 г.] // «Альфа и Омега», 2001); «И сейчас наиболее торжественная и ранняя часть праздничного вечернего богослужения называется полиелеем» (Протопресвитер Александр Шмеман. *Водю и духом* [1986 г.]); «При каждом храме на полиелее он во главе всей процессии двигался быстро, стремительно» (монахиня Игнатия [Петровская]. *Высоко-Петровский монастырь в 20–30 годы* [1993]); «Впечатление от этого чтения владыкой паримий было не меньше, чем от его блистательной службы на полиелее» (там же); «Успели к полиелею» (Нина Торопцева. *Паломничество по Святой Земле в конце XX века* [1996] // «Альфа и Омега», 2000–2001) (НКРЯ).

Значение части распространяется на целое, и в девятнадцатом веке слово *полиелей* получает значение ‘служба среднему церковному празднику’. Это значение представлено в НКРЯ двумя контекстами:

«Послезавтра надо еще полиелей справлять и службы с величанием трем святителям» (П. И. Мельников-Печерский. *В лесах. Книга первая* [1841 г.]); «Народ изумлялся, что заутреня совершена была не праздничная, полиелеем» (Н. А. Полевой, *Иоанн Цимисхий* [1841 г.]³⁹³ (НКРЯ).

Поскольку 134-й и 135-й псалмы поются только в определённые уставом праздники, в результате метонимического переноса словом *полиелеосъ* стал называться и сам день, в который на утрени звучит это песнопение, то есть средний церковный праздник:

³⁹³ По отношению к десятому веку — времени правления императора Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), о котором идёт речь в повести, — употребление термина *полиелей* в значении ‘служба в средний церковный праздник’ является анахронизмом.

Перваго канона ирмось однажды без запѣва, аще ли суббота или полиелеосъ, то по дважды ирмось безъ запѣва; аще кромѣ субботы и полиелеоса, тропарь, ирмось. *Проск.Арс.Сух.*, 226. 1653 г.

То же значение развивается у слова *полиелей*, что засвидетельствовано в словаре В. И. Даля (III, 695). По всей вероятности, В. И. Даль фиксирует разговорное, или, точнее, «церковно-обиходное» употребление литургического термина, не приводя при этом ни одной цитаты. Благодаря НКРЯ значение может быть подтверждено (единственным) контекстом, который имитирует именно устную «церковно-обиходную» речь:

«Ну, гости дорогие, в трапезу не угодно ли? Сегодня день недельный, а ради праздника сорока мучеников полиелей — по уставу вечерняя трапеза полагается: разрешение елея. А в прочие дни святых четыредесятницы ядим единожды в день» (П. И. Мельников-Печерский. *В лесах. Книга первая*. [1871–1874 гг.]).

От слова *полиелеосъ* в древнерусском языке образовывалось прилагательное *полиелеосный*³⁹⁴: так, в полиелейные дни священнику надлежит облачаться для службы в особые *полиелеосные ризы*, которые отличаются от воскресных и повседневных³⁹⁵. Праздничное полиелейное облачение могло называться одним словом *полвелеосъ*: «На всенощном в полуэлеос³⁹⁶ облачался и литургию служил Питирим митрополит. Днев.зап. ПТД, 121. 1661 г.» (СРЯ XI–XVII вв. 16, 217).

6.4. Полиелей, полиелейный и история колокольного звона

Сведения по истории церковного и вечевого колокольного звонов позволяют определить, насколько древним является сочетание *полиелейный колокол*, отмеченное в словаре В. И. Даля (III, 695), и само название *полиелей* по отношению к колоколам³⁹⁷.

³⁹⁴ СРЯ XI–XVII вв. 16, 217 («въ воскресные же дни и въ полиелеосные [...] (Росп.Лаз.) Суб.Мат. IV, 198. XVII в.»).

³⁹⁵ СРЯ XI–XVII вв. 16, 217 («Роспись, что роздано ризъ воскресныхъ, и полиелеосныхъ, и повседневныхъ на Москвѣ и въ села въ церкви. ДТП I, 169. 1660 г.»).

³⁹⁶ Очевидно, «у» в изданном источнике — неудачная транслитерация ижицы.

³⁹⁷ Незнание этих сведений предоставило почву для интерпретации слова *полиелей* автору «Словаря русской ономастической терминологии», где в ряду «собственных имен уникальных предметов материальной культуры, хрематонимов, т. е. особой разновидности прагматонимов,» приводятся следующие имена колоколов ростовских: «„Полиелей“, „Красный“, „Козел“, „Баран“» (Подольская 1988, 156). Последние три наименования — метафоричны и мотивированы, вероятно, качеством звука, издаваемого колоколом, что же касается первого

Древнейшее упоминание колокольного звона в восточнославянской традиции датировано 1066 г.³⁹⁸, когда, по сообщению Новгородской первой летописи, Всеслав Полоцкий «*възъз Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие*» (НПЛ 17).

Литургист Н. Д. Успенский составил короткую сводку упоминаний о колоколах в древнерусских летописях:

Ипатьевская летопись под 1146 годом упоминает о колоколах в княжеской церкви Новгород-Северского княжества. Под 1169 годом Лаврентьевская летопись говорить о колоколах в городе Владимире, Ипатьевская летопись под 1171 годом — о колоколах в Киеве (Успенский Н. Д. 2004, 280 [ссылки на источники]).

Рубежом одиннадцатого — двенадцатого веков датируется упоминание колокольного звона в берестяной грамоте № 605 («*а пришьла есвъ [в монастырь] оли звонили*» (Зализняк 2004, 271)³⁹⁹. Согласно *Слову о полку Игореве*, в колокола звонили уже во второй половине одиннадцатого века (*Тому въ Полотскѣ позвониха заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Києвъ звонъ слыша*)⁴⁰⁰.

Несмотря, однако, на то, что пришедший из Западной Европы колокольный звон звучал на Руси уже в одиннадцатом веке, к колоколам сохранялось недоверие, временами усиливавшееся, вероятно, в зависимости от скачков напряжения в отношениях с Западом. Так, архиепископ новгородский Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович), совершивший в 1200 г. паломничество в Константинополь, отметил, что

«колокола не держать во святѣи Софѣи, но билцо мало въ рупѣ держа, клеплють [...] било же держать по аггелову учению; а въ колокола Латыни звонять» *Сказ.Ант.*, 18.

названия, то оно было свойственно не «уникальным предметам материальной культуры», а напротив, использовалось для именования целого типа колоколов в соответствии с их употреблением в том или ином богослужении, и стоит в том же ряду наименований, что и «напр. „литейной“ [от *лития*. — Р. К.], „повседневной“, „часовой“ и др.» (Успенский Н. Д. 2004, 283). В полиелейный колокол, или *полщелей*, могли звонить в любые дни и он входил в состав любых звонов (Оловянишниковъ 1912, 66, 226–227).

³⁹⁸ Оловянишниковъ 1912, 27–30; Успенский Н. Д. 2004, 280.

³⁹⁹ Значения и лексическая сочетаемость слов с корнями *звон-* и *клеп-* (*клепати*, *клепало*, *клепачь*), первый из которых употреблялся только в контекстах, связанных с колоколами, а второй — с билом или клепалом (МСДРЯ 1, 964; СРЯ XI–XVII вв. 5, 356–357; СРЯ XI–XVII вв. 7, 163–164; СДРЯ XI–XIV 3, 360; СДРЯ 4, 217), ясно свидетельствуют в пользу того, что в грамоте упоминается именно колокольный звон, а не «клепание» в било.

⁴⁰⁰ Ср. Мурьянов 1973 (обзор исторических и культурных реалий, связанных с колокольным звоном в Древней Руси).

Современный Антонию Студийско-Алексиевский устав ни слова не говорит о колоколах, упоминая только *било* и *клепаніе* (Пентковский 2001, 398). Созданная более двух столетий спустя после паломничества Антония редакция Иерусалимского церковного устава говорит только о «*древе*», но не о колоколах, что отражает практику греческой церкви:

«приходи въ ѿгоуменіе кандиловжигатель. ѿ въспоминаѣ настоѣтелю. врѣ клепаніа. [...] ѿ в'земъ блѣвнїе ис'ходи. ѿ оударяѣ в' великое древо. тяжкѣ оударенїемъ» Рум445 5 об.

Даже через сто лет после создания «Ока Церковного», упорядочившего монастырскую и приходскую практику, в

«выпискахъ изъ переписныхъ книгъ новгородской области находимъ указаніе, что [...] въ половинѣ XVI столѣтія колокола почти совсѣмъ не были въ употребленїи» (Оловянишниковъ 1912, 12)⁴⁰¹.

Только в течение семнадцатого столетия

«звон приобретает повсеместное значение, тогда как била составляют редкость и употребление их скорее носит характер традиции, нежели [имеет] практическое значение. Некоторые памятники, как, например, чиновники новгородского Софийского собора, холмогорского Преображенского собора, вовсе не упоминают об употреблении бил, в то время как звону уделяют большое внимание» (Успенский Н. Д. 2004, 281).

Длительное время не существовало единообразия в терминологии колокольного звона, становление которого приходится на позднестарорусскую эпоху. Упомянутые Н. Д. Успенским чиновники новгородского и холмогорского соборов различают

«помимо „благовеста“ и „трезвона во вся“, „благовест в большой колокол и в меньшей, перемежаясь“, звон „во вся без благовестника“, звон „во вся с благовестником без болшого“, „благовест в большой недолго; потом в меньшей и в два вседневные“ и другие виды звона» (Успенский Н. Д. 2004, 281).

С кодификацией терминов колокольного звона в Московской Руси связано употребление термина *полиелейный* по отношению к колоколу, которое впервые отмечено, как кажется, в 1689 г., когда патриарх Иоаким

«указал ключарям, как докладывать о благовесте, о прозвании колоколов, как их в докладе называть, что [...] старой Успенский в докладе называть воскресным, а реут в докладе называть полиелейным“, сообщает надпись в „Треодионе“ московского Успенского собора» (Успенский Н. Д. 2004, 283).

⁴⁰¹ Чугунные или деревянные доски вместо колоколов употреблялись ещё в конце девятнадцатого века в старообрядческих скитах на Алтае и в Сибири (Оловянишников 1912, 11).

Сочетание *полиелейный колокол* утвердилось в русском языке и зафиксировано самыми разнообразными контекстами. В «Описании Санкт-Петербурга» А. И. Богданова (1751 г.) упомянут колокол *полиелейной*

«весом более двухсот пудов [...] Полиелейной взят [из Иверского Валдайского монастыря в Александровский монастырь, т. е. в Александро-Невскую лавру] в 1716 году» (НКРЯ).

Форма *полиелейной* указывает на производящую основу не *полиелеос-*, а *полиелей-*, до этого отмеченную только дважды и только в «Оке Церковном» 1428 г. (Рум445).

В романе Н. С. Лескова «Обойденные» (1865 г.) рассказывается, как

«весь дом, наполненный и истинными, и лукавыми „людьми божьими“, спит безмятежным сном, а как только раздастся в двенадцать часов первый звук лаврского полиелейного колокола, Нестор с матерью становятся на колени и молятся долго, тепло, со слезами молятся „о еже спастися людям и в разум истинный внити“»⁴⁰².

Герой рассказа М. Горького «Мужик» (1899 г.) «пожертвовал [...] как-то раз колокол полиелейный в одну из бедных городских церквей»⁴⁰³ (НКРЯ), а собственный корреспондент газеты «Труд» Е. Мухтаров, узнав о существовании полиелейного колокола в одном из приходо-«со звонницей, где висят колокола, отлитые еще три века назад», воспринял терминологизованное название «Полиелейный» как имя собственное (в газете слово написано со строчной буквы) и творчески соотнёс термин с елеем, назвав соответствующим образом свою статью («Сладкий голос „Полиелейного“», Труд-7, 2000.09.09) (НКРЯ). Авторитетная справка «Церковные колокола и звоны» информационного агентства РИА Новости (2009.04.06) разъясняет, что колокола Православной Церкви (на самом деле только тех православных Церквей, которые испытали влияние западной культурной традиции) «имеют свои названия» «в зависимости от вида богослужения и того, по каким дням происходит звон», «например: праздничный (торжественный), полиелейный, воскресный» и т. д. (НКРЯ)⁴⁰⁴.

⁴⁰² Н. С. Лесков. *Собрание сочинений в 12-ти тт.*, т. 3. Москва, 1989, с. 22.

⁴⁰³ «Привезли этот колокол на церковный двор, поставили на клетки и уже хотели поднимать, как вдруг видят, что вместо изображения святых на колоколе вылит что-то совсем непохожее. Рассмотрели, и оказалось, что это изображение самого Петра Ефимовича. А внутри колокола нашли выбитой такую надпись: „Слава купцу Петру Лаптеву, слава!“» (НКРЯ).

⁴⁰⁴ Всего в НКРЯ фиксируется девять документов с десятью вхождениями прилагательного *полиелейный* по отношению к колоколу, из них один документ с одним

На основе сочетания *полиелейный колокол* у слова *полиелей* в русском языке развивается позднее и редкое значение, не отмеченное в словарях: ‘колокол, в который звонят, как правило, в средние церковные праздники’. В НКРЯ это значение засвидетельствовано единственным документом с двумя вхождениями:

«Лопнул, говорят? — В полиелей ударь... — кратко бросил ему Антип Никитич [...] Полиелей гудел» (Максим Горький, *Колокол* [1896 г.]) (НКРЯ).

Слово *полиелей* в значении ‘колокол’ встречается в специализированных книгах Н. Оловянишникова, что, наряду с характерной терминологией, окружающей это слово, позволяет судить о его некотором распространении в профессиональной среде:

«Обыкновенно звонъ состоитъ изъ большого колокола или благовѣстника, поліелея малаго или будничнаго, ясака и зазвонныхъ» (Оловянишниковъ 1906, 22; то же — Оловянишниковъ 1912, 49).

6.5. Полиелей и елей

Смысловое сближение названия песнопения *полиелей* со словом *елей* в средневековых источниках неизвестно, однако широко распространена в научной литературе, которая призвана эти источники толковать. Слова *полиелей* и *елей* — паронимы как в (древне)русском, так и в греческом языках, однако нельзя преувеличивать значимость их созвучия для установления смысловых метафорических связей.

В древнерусском языке слово *полиелей* не было соотнесено с лексемой *елей* не только семантически, но и морфологически, о чём можно судить по их различной морфологической адаптации. Первое существовало преимущественно в грецизированной форме *полиелео(сѣ)*, о чём свидетельствуют многочисленные приведенные выше примеры употребления этого слова. Только в «Оке церковном» отмечаются две формы, указывающие на именительный падеж в виде *полиелей*, как и *елей*: *полиѣлеа* Рум445 34 об., 35. Лишь немногим более часты формы типа *полиѣлеи* в сербской редакции Иерусалимского устава, представленной в известной рукописи конца четырнадцатого века (около 1372 г.) (*Сев*27 16, 36 [2 раза]). Напротив, адаптация слова ἑλεῖον ‘елей’ происходит по единственной модели с усечением окончания и с «графически скрытой йотацией» (Демьянов 2001, 73), что морфофонетически отделяет славянское слово *елей* от его паронима *полиелео(сѣ)* и избавляет их от излишне прямых смысловых ассоциаций.

вхождением — восемнадцатого века, один — девятнадцатого (М. Горький, *Мужик*, 1899 г.), остальные — двадцатого и первых годов двадцать первого века.

Предполагавшаяся А. Г. Преображенским смысловая цепочка *елейный* → *масляный* → *мягкий, умягчённый* → *сострадательный* → *умилительный, добрый* (ЭСРЯ (Пр) I, 213) возникла из представлений о смягчающих свойствах растительного масла, которые, по мнению лингвиста, стали достаточно прочной основой для развития ряда переносных значений. Связь между елеем и представлениями о доброте, сострадании или милости действительно существует в русском языке, она обусловлена влиянием ближневосточной и средиземноморской культурных традиций употребления елея.

Оливы занимают видное место среди античных и ближневосточных древностей как одна из наиболее распространенных сельскохозяйственных культур, Земля Обетованная описывается как «земля добрая [...] где масличные деревья и мед» (Втор. 8: 8). Масло этих деревьев широко использовалось с самыми разными целями, от употребления в пищу (Откр. 6: 6; 18: 3; Лк. 16: 6) до благовонного умащения и сакрального помазания⁴⁰⁵. В Септуагинте слово ἔλαιον соответствует древнееврейскому *יִשֶׁן šeten*, в том числе в сочетании *נְיִי יִשֶׁן zayit* ‘масло оливы’ (Исх. 27: 20; 30: 24), которое могло означать ‘жир, масло; оливковое масло; сложное благовоние на основе масла оливы’⁴⁰⁶.

⁴⁰⁵ Античную традицию в этом очерке мы не рассматриваем, полагая, что она не оказала влияния на историю литургического термина. Укажем лишь на некоторые фрагменты этой традиции. Так, словом ἔλαιον в «Илиаде» названо растительное масло, использовавшееся Герой в качестве благовония, запах которого сопоставил с ароматом амброзии (Lilja 1972, 58): ἀμβροσίῃ μὲν πρῶτον ἀπὸ χροῶς ἰερῶντος / λύματα πάντα κάθηρεν, ἀλείψατο δὲ λιπ' ἐλαίῳ / ἀμβροσίῳ ἔδανῳ (Il. 14, 170–172) («Там амброзической влагой она до малейшего праха / С тела прелестного смыв, умастилася маслом (ἐλαίῳ) чистейшим / Сладким, небесным, изыщнейшим всех у нее благовоний»; перевод Н. И. Гнедича). Одиссей также использовал «благовонный елей» (εὐώδες ἔλαιον Odys. 2, 339) в качестве «душистого масла» (перевод В. А. Жуковского). Само оливковое масло употреблялось и как основа для благовоний с более сложным букетом насыщенных растительных ароматов, в этом случае Лукреций советовал его хорошо очищать (Lilja 1972, 109), чтобы был нераспознаваем запах плода, названного Эсхилом ἐλαίας καρπὸς εὐώδης ‘оливы плод благоуханный’ (Pers. 617). Благодаря Катутлу мы можем представить, насколько сильным могло быть возбуждающее воздействие аромата, основанного на оливковом масле: ложе одного из адресатов поэта *clamat sertis ac Syrio fragrans olivo* ‘кричит, увитое гирляндами и благоухая сирийским благовонием’. (В некоторых источниках этого текста вместо *fragrans* ‘благоухая’ читается *flagrans* ‘пылая’, сопровождаемое издательской пометой *male: G. Valerii Catulli omnia opera*, ed. T. G. Doeringii, cui suas et aliorum adnotationes adjecit J. Naudet. Parisiis, 1876, p. 46.) В этом контексте латинское слово *oleum* ‘масло’ употреблено в особом поэтическом варианте *olivum* (ср. *oliva* ‘маслина, олива; масличное дерево’), который получил дополнительное значение ‘душистая мазь’ (ЛРС[Д] 535; TLL II, 119, s.vv. *olivum, oleum*).

⁴⁰⁶ BDBL 268; TDNT II, 471; IDNTT II, 710.

Древнееврейское מִיּוֹר *šeten* в переводе Песни Песней передается также словом *миор*, обозначающим здесь растительное благовонное масло сложного состава (Brenner 1983). Согласно архаическим представлениям, ароматические вещества способны проникать внутрь человеческого тела и сообщать ему силу, здоровье и красоту (IDNTT I, 119; EWNT I, 1036–1037)⁴⁰⁷, «умощение впитывается в тело до самых костей (Пс. 108, 18), поэтому царскую невесту в течение года перед свадьбой натирали благовониями (Есф. 11, 12)» (Мурьянов 1999, 263). Ароматам и маслам на Древнем Востоке приписывалась способность передавать сакральную, божественную силу, на чём основан обряд помазания царя перед вступлением во власть⁴⁰⁸. В апостольской экзегезе предсвадебные умощения, о которых говорится в Пс. 44: 7 (Taylor, McNeill 1991, 234–240), были восприняты как сакральные и осмыслены как относящиеся к Мессии — Христу⁴⁰⁹, что нашло отражение в толковании псалма 44, 7: «А о Сыне [сказано]: престол Твой, Боже, в век века; жезл царствия Твоего — жезл правоты. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, *по сему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости* (ἔλαιον ἀγαλλιάσεως) *более соучастников Твоих*» (Евр. 1, 8–9; курсивом выделена цитата из Псалтири). Выражение *елей радости*, которое встречается также в Ис. 61: 3 и в Притч. 27: 9, восходит к традиции употреблять благовонные умощения, например, на пиршествах и ритуальных празднествах, в том числе связанных со вступлением во власть (ср. Пс. 22: 4; Притч. 27: 9; Еккл. 9: 8) (TDNT II, 472). Выражение *елей радости* и ветхозаветное помазание царей и патриархов толковалось как прообраз (τὸ τυπικὸν χρίσμα) «истинного помазания плоти Господней сошествием на нее Святого Духа, который назван елеем радости, так как радость и есть один из плодов, возвращенных Духом»⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ С этими представлениями связан обычай умащать грудь благовонным миором (Lilja 1972, 61), которое проникает в самое сердце, согласно комментарию Афиняна на слова Анакреона «τί μὴν πέται σπρίγγων κοιλώτερα στήθεα χρισάμενος μιῶρι;» (fr. 18) ‘что летишь, умощённый миором, с грудью пустой, как свирель [букв.: более пустой, чем свирель]?’ (Athenaeus. *Dipnosophistae*, rec. G. Kaibel, vol. III, libri XI–XV. Lipsiae, 1887, par. 687).

⁴⁰⁸ IDNTT II, 711; Jonge 1966; Kutsch 1963.

⁴⁰⁹ Как известно, *pomen sacrum* Χριστός означает буквально ‘помазанник’ (PGL 1531) и представляет семантическую кальку древнееврейского מָשַׁח *māšīaḥ* (корень משח *mšḥ* ‘умощать’), употреблявшегося также по отношению к царю Израиля как Божьему помазаннику; см.: 1 Цар. 24: 7; 26: 9; 2 Цар. 1: 14 и т. д. (BDBL 603). Отсюда первое словарное значение церковнославянского *христомъ* — ‘помазанный, помазанник’, с чем связаны многие случаи употребления этого слова во множественном числе (SJS IV, 798).

⁴¹⁰ Basilii Magni in Psalmum XLIV (PG 29, 405).

В седальне второго гласа из службы св. Константину слышны те же отзвуки древневосточной топики, связанной с сакрализацией царской власти и помазанием елеем как формой подания божественной милости:

Νέος γέγονας Δαυῖδ τοῖς τρόποις, γέρας ἄνωθεν εἰσδεδεγμένος τῆς βασιλείας τῆ κορυφῆ σου τὸ ἔλαιον· σὲ γὰρ τῷ Πνεύματι ἔχρισεν, ἔνδοξε, ὁ ὑπερούσιος Λόγος καὶ Κύριος· ὅθεν ἔλαβες καὶ σκῆπτρον, Σοφὲ, βασίλειον, αἰτούμενος ἡμῖν τὸ μέγα ἔλεος (MR V, 139).

Славянский перевод этой стихиры представлен в *Путьятиной минее*:

Новый ты бѣ дѣдѣ дѣломъ · рогъ свѣше възл/нгий · на црскы врѣхъ ти масло · помаза дѣмъ / та прѣславне · просвѣщенок слово же ѡ гдѣ · юдоу / приаць · ѡ скиптьрь ѡ црство нѣсноѣ · ꙗ/даваѣ намъ велиж мѣсть. 88 об.

На Востоке оливковое масло использовалось и как наружное средство для оказания первой медицинской помощи, смягчающее боль в открытых ранах, о чём упомянуто в притче о самаритянине, который перевязал раны избитого человека, «возливая масло (ἔλαιον) и вино» (Лк. 10: 33–34). Под влиянием сакральной традиции употребления елея эта лечебная процедура использовалась апостолами, которые «изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом (ἐλαίω) и исцеляли» (Мк. 6: 12–13; ср. Иак. 5: 14–15: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему»). Согласно Симеону Солунскому (XV в.), это священнодействие стало началом таинства елеосвящения, «дарованного во отпущение грехов и исцеление наше, и ради подания божественной милости (ἐλέους)»⁴¹¹.

Сакральное употребление елея нашло отражение в распространенной этимологической фигуре, построенной на созвучии слов ἔλεος 'милость' и ἔλαιον 'елей'⁴¹², один из ранних примеров которой мы находим у Климента Александрийского: «Итак, не будет неправдоподобным указать на него [Иуду Искариота], ученика Господа, получившего Его милость (ἡλεημένον), как на елей (ἔλαιον), который, однако, став лукавым предателем, оказался елеем отравленным (ἔλαιον πεφαρμαγμένον)»⁴¹³.

⁴¹¹ Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Санкт-Петербург, 1856, с. 362.

⁴¹² Kulik 2010, 11, 18, 24, 33, 49, 57, 303, 352, 362–363, 364, 365–368, 371 (многочисленные примеры; там же о символике елея — оливкового масла в христианских апокрифах и раввинистической литературе, продолжающей в этом отношении ветхозаветную традицию).

⁴¹³ Clément d'Alexandrie. *Le Pedagogue (VIII, 53, 1)*, livre II, ed. H.-I. Marrou (Sources Chrétiennes 108). Paris, 1991, p. 126–128.

Смысловая близость понятий *елей* и *милость* сложилась не на основе физических свойств мягкого и ароматного оливкового масла, а в контексте священнодействий, связанных с елеопомазанием как внешней формой подания божественной милости. Отсюда в русском языке девятнадцатого — начала двадцатого веков у слова *елей* усматривались значения 'бальзамъ успокоительный, успокоение боли (намекъ на святой елей, освященный по обрядамъ христіанства)', а *елейный* объяснялось как '(иноск.) мягкій, успокоительный' (Михельсон 1904):

«*Душа ты елейная. Къ тебѣ и радѣ бы придраться, да ты всякаго обезоружишь. П. Боборыкинъ. На ущербѣ. 1, 17*» (Михельсон 1904); «Левонтий подошел с подносом, улыбающийся, как он улыбался только в Светлый праздник, елейный, с низкими поклонами и особенно ласковыми приветствиями» (П. Д. Боборыкин, *Проездом*, 1884 г. [НКРЯ]); «Между питерцем и москвичом, — говорил Белинский, подразумевая уже одних западников (я сохраняю здесь смысл речей его, но не самую форму их), — никакой общности взглядов долго существовать не может: первый — сухой человек по натуре, а второй — елейный во всех своих словах и мыслях» (П. В. Анненков, *Литературные воспоминания*, 1882 г. [НКРЯ]).

Едва ли не одновременно у слова *елейный* развивается значение 'религиозный, церковный (о человеке)' с ироническим оценочным компонентом, в котором, в отличие от современного употребления, уничижительный оттенок отсутствует или, по крайней мере, неочевиден:

«Карась [...] прожил в бурсе четырнадцать лет — период, который мы хотим проследить в своих статейках о елейном воспитании» (Н. Г. Помяловский, *Очерки бурсы*, 1862 г. [НКРЯ]); «Но я боюсь, чтобы кто-нибудь из благомыслящих читателей, сбитый с толку елейной репутацией Достоевского [...]» (Н. К. Михайловский, *Жестокій талант*, 1882 г. [НКРЯ])⁴¹⁴.

⁴¹⁴ Словам, связанным с церковным обиходом, свойственно употребление в иронических контекстах. А. Н. Шаламова указала нам на одну типологическую параллель к рассматриваемому здесь сюжету: в воспоминаниях Л. С. Запаринной о М. Д. Михайлове, певце Большого театра, бывшем протодиаконе, говорится следующее: «Товарищи по сцене хвалили Михайлова за простоту, доброту, щедрость, но посмеивались, что от его песнопения повеваает кутьей» (Л. С. Запарина. *Непридуманные рассказы. Большое и малое*. Москва, 2001, с. 286). Заглавный герой рассказа А. П. Чехова «Печенег» отзывается о своей жене так: «Я человек открытый и скрывать от вас ничего не желаю. Она из бедного семейства, поповна, колокольного звания, так сказать» (А. П. Чехов. *Собрание сочинений в 12-ти томах*, т. 9. Москва, 1985, с. 199–200). В таком же ироническом значении употреблены Н. С. Лесковым выражения «полиелейный фракчок», в который облачался секретарь синодальной конторы Ф. Ф. Исмаилов, герой очерка Н. С. Лескова «Синодальный философ» (Н. С. Лесков. *Собрание сочинений в 12-ти тт.*, т. 6. Москва, 1989, с. 466, 472), и «полиелей синодальной униформы» (там же, с. 475).

Наиболее распространённым значением современного русского прилагательного *елейный* является 'приторно ласковый, слащавый', которое могло встречаться в контекстах, связанных с церковными реалиями и с которым связано окказиональное появление композита *елейно-благочестивый* (Ф. Д. Крюков, *Зыбь*, 1909 г.: «Фарисейский голос Губана, такой елейно-благочестивый» [НКРЯ]):

«Схи-секретарь елейным голосом и с христианским помазанием говорил, что генерал-губернатору ничего не известно обо мне» (А. И. Герцен, *Былое и думы*, 1857 г. [НКРЯ]); «Снаружи — елейная раздутость фразы, снаружи — истинно соловьиная способность переходить из „трели“ в „оттолочку“ [...] внутри — прах, прах и прах» (М. Е. Салтыков-Щедрин, *Журнальный ад*, 1864 г. [НКРЯ]); «А теперь и совсем в разврат впал, так что от прежней елейной симпатичности ничего, кроме греческих спряжений, не осталось» (М. Е. Салтыков-Щедрин, *Письма к тетеньке*, 1881–1882 гг.); «Очень уж елейный твой Степан Алексеевич... Ладаном от него несет. Не боевой коммунист. Подпольник, и больше ничего» (А. М. Коллонтай, *Василиса Малыгина*, 1927 г. [НКРЯ]); «Появляется редактор Туронок, елейный, марципановый человек. Тип застенчивого негодяя» (С. Довлатов, *Компромисс*, 1981–1984 гг. [НКРЯ]).

Метафорические связи русского слова *елей* вызвали ошибку в устаревшем словаре Н. В. Горяева, который, как было упомянуто, производил *елейный* от греческого *ἐλεεινός* 'сострадательный' (Горяевъ 1892, 50).

В отличие от церковнославянизма *елей*, диалектное слово *oley* 'растительное масло; конопляное масло', распространённое в южных и западных говорах русского языка (ср. также укр. *олий*, блр. *олей*), не имеет переносных значений и производных слов, указывающих на связь с церковнославянской символикой (ср. *oleyник* 'маслобойщик; маслобойня') (СРНГ 23, 183), что, наряду с распространением лексемы на юге и на западе русского ареала, свидетельствует скорее о вторичном распространении латинизма или германизма *oley* (ср. лат. *oleum*, др.-в.-нем. *olei*; ЭСРЯ III, 134) через польское и затем украинское или белорусское посредство, чем о проникновении в русскую диалектную речь древнего церковнославянского *олюи* (SJS II, 540; СДРЯ VI, 123⁴¹⁵).

⁴¹⁵ В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» в статье *олюи* (с толкованием 'оливковое масло') цитаты приведены из переводных и церковнославянских памятников. Первый иллюстративный пример — цитата из Псалтири (цитируется псалом в составе чина вечерни): «оумаститъ лице влѣжьмъ хлѣбъ срѣдце члѣву оукрѣпитъ». *СбЯр XIII*, 137» (СДРЯ VI, 123), ср. «τοῦ ἰλαρῦνα πρόσωπον ἐν ἐλαίῳ, καὶ ἄρτος καρδίαν ἀνθρώπου στῆρίζει» (Пс. 103: 15); вторая и третья цитаты — из *Хроники Георгия Амартола*, в примерах речь идёт о бытовом употреблении оливкового масла; четвёртая цитата — из Пролога (речь идёт о масле, применявшемся

Семантика слова *елеи*, отсутствующего в СДРЯ и с ошибками описанная в СРЯ XI–XVII вв.⁴¹⁶, во многом наследует значения греческого ἔλαιον. Правда, в значении ‘оливковое или растительное масло, используемое в бытовых целях’ русское *елеи* встречается только в церковных текстах, начиная с *Остромирова евангелия* (СРЯ XI–XVII вв. 5, 44) и заканчивая современным русским Синодальным переводом Библии, который не рассматривается пока ни одним из академических словарей русского языка в качестве источника (см. Исх. 27: 20; Втор. 7: 13; 11: 14; Втор. 28: 40; Лев. 2: 2 и др.). Это же значение отмечено и в фиксируемой словарями устойчивой формуле церковного устава *разрешение вина и елея*, позволяющей в постные дни употреблять в пищу растительное масло (Даль I, 1290).

В «Алфавите» из собрания БАН (Арх. д., № 446, л. 73; XVII в.; цит. по КДРС) значение слова *елей* проясняется так: «Елей, масло деревянное. И паки елей глаголется милость». Значение ‘растительное масло, используемое в бытовых целях’, судя по материалам КДРС, отмечается у слова *елей* за пределами церковнославянского узуса только в Травниках: «*елеомъ оръховымъ*», Травник Любч. 692. XVII в. (перевод со средненижненемецкого выполнен в 1534 г.); «*елей достъетъ во пшелицу и помазуемъ обливу и прыщи и иную нечистоту тѣлесную згонитъ и тѣло чисто творитъ*»⁴¹⁷. В Травнике Любчанина известны примеры употребления слова *елеи* в значении ‘жир (в жидкой консистенции)’:

И потомъ поставляи [змею] в кипатков ѿ водѣ [...] и тѣкость еѣ voidеть въ исподней горшекъ [...] И потомъ емли тов точкость. или елей тоѣ змеи. Травник Любч. 256.

Возможно, между сомнительной медицинской ценностью этого рецепта и тем, что слово *елей* в значении ‘масло; жир’ не получило развития в истории русского языка, имеется связь. В пятом томе

при пытках огнём), пятая — из Толковой Палеи, шестая — из Слова Кирилла Туровского, контекст восходит к Псалтири: «*помаза тѣ бѣ бѣ твои илѣемъ радости паче причастиникъ твоих*. КТур XII сп. XIV₂, 274» (СДРЯ VI, 123), ср. «ἔχρισεν ἐν [...] ἔλαιον ἀγαλλιάσεως παρά τοῦς μετόχους σου» (Пс. 44: 8).

⁴¹⁶ Например, значение ‘масличное дерево, маслина’ подтверждено единственным примером: «*Будемъ прорѣчьстѣи онои рѣчи акы ельга прѣплодна въ дому бѣжи*. (Беседа Кир.Алекс.) Усп.сб., 439. XII–XIII вв.» (СРЯ XI–XVII вв. 5, 44). Вопреки заголовочной форме *елей*, здесь употреблено существительное женского рода в именительном падеже: *ельга*, ср. греч. ἔλαια ‘олива, оливковое дерево’ (слово *ельга* в СРЯ XI–XVII вв. отсутствует). Оттенок значения «миро, елей» (там же) сформулирован неверно, так как миро и елей — это разные реалии.

⁴¹⁷ Лечебник. Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, собр. В. Н. Перетца, № 217. 1672 г., список первой половины XVIII в., л. 21; цит. по КДРС.

оставшегося незавершённым второго издания «Словаря современного русского литературного языка» значение ‘низший сорт оливкового масла; деревянное масло’ приписано слову *елей* ошибочно. Единственный иллюстративный пример понят неверно: «*Василий Борисыч, помазав власы своя елеем, то есть, попросту говоря, деревянным маслом [...] прилетел в келарню добродушной Виринеи*. Печер. В Лесах» (ССРЛЯ² V–VI, 34). Смысл контекста, чьи фонетические и грамматические церковнославянизмы оказались не замечены, состоит как раз в том, что слово *елей* употреблено здесь в значении ‘масло, используемое в церковном обиходе’. Благодаря этому оказались контекстно противопоставлены *елей* — *деревянное масло*, их ироническая антонимия усилена аллюзией на стих Псалтири (Пс. 22: 5) *оуготѡвалъ єси предо мною трапѣзѡ спротивѡ стужающеѡмъ мнѣ: оумастилъ єси єлѣомъ главѡ мою*.

6.6. Выводы

Эпитет полуэлеос ‘многомилостивый’, впервые использованный в Септуагинте для обозначения одного из божественных свойств, в византийскую и поствизантийскую эпоху употребляется как литургический термин, обозначающий церковный гимн, в состав которого входил 135-й псалом с рефреном *ѡти єіс τὸν αἰὼνα τὸ ἔλεος αὐτοῦ* ‘яко вовек милость Его’. Объём и литургическая позиция этого песнопения зависели от конкретной богослужебной традиции.

В некоторых южноитальянских типиконах словом полуэлеос назывался входивший в состав праздничных антифонов 135-й псалом. Параллель этой литургической практики исполнения 135-го псалма имеется в одном из древнерусских кондакарей двенадцатого — тринадцатого веков, в которой известен особым образом исполняемый 135-й псалом, названный термином ПОЛПЕЛИ. Возможно, песнопение с таким названием восходит к одной из богослужебных традиций Первого Болгарского царства, связанных с западновизантийским литургическим ареалом. Отражением этого ПОЛПЕЛИ является слово *полъльы*, обозначающее 135-й псалом в составе одного из позднерусских чинопоследований, засвидетельствованных в рукописи четырнадцатого века.

В древнерусской студийско-алексиевской традиции термин полуэлеос переводится как *м(ѡ)ногомилостивѡ*, *м(ѡ)ногомилостивыи* или *м(ѡ)ногомилостиве* и обозначает первую славу рядовой, то есть повседневной, непраздничной, девятнадцатой кафизмы; в состав этой славы входят 134-й, 135-й и 136-й псалмы. В соответствии с субстантивированной формой ср. р. ед. ч. *τὸ полуэлеο(v)* в древнерусских Азбуковниках фиксируется субстантив *многомилостиво*.

В южнославянской евергетидской традиции термин *полуэлеос* переводится как *полижелев*, что указывает на субстантив *τὸ полуэлеο(ν)* как непосредственный источник литургического термина. Согласно Евергетидскому уставу, термин *полиелей* обозначает песнопение, состоящее из 135-го псалма или всей первой славы девятнадцатой кафизмы, исполняемое в дни, посвящённые господским или богородичным праздникам.

Согласно Иерусалимскому уставу, распространившемуся в славянском мире в течение четырнадцатого — пятнадцатого веков, *полуэлеос* — исполняемые на утрене в средний церковный праздник 134-й и 135-й псалмы. В славянских рукописях термин *полиелей* употребляется в формах *по(л)[и]елеѡ*, *полиѣлеи*, *полежлевсѣ*. Грецизированные варианты *полиелеосѣ* и *полиелео* исчезают к восемнадцатому веку.

В семнадцатом веке у древнерусского *полиелеосѣ* развивается значение 'средний церковный праздник', с девятнадцатого века метонимические значения 'служба среднему церковному празднику' и 'средний церковный праздник' закрепляются у формы *полиелей*. От основы *полиелеос-* в позднестарорусский период образовывалось прилагательное *полиелеосный* 'относящийся к среднему церковному празднику', словом *полиелеосѣ* могло называться соответствующее праздничное облачение. По мере распространения и кодификации правил колокольного звона в русском языке с конца семнадцатого века прилагательное *полиелейный* начинает употребляться по отношению к колоколу, используемому в том числе в средние церковные праздники. В этом же значении может употребляться и само слово *полиелей* (древнейшая фиксация этого редкого значения — конец девятнадцатого века).

Распространённое в лексикографии и этимологии толкование термина *полиелей* через понятие елея (ἔλαιον) связано с символикой елея в церковных священнодействиях, откуда в русском языке у прилагательного *елейный* развиваются значения 'мягкий, умягчённый → сострадательный → умильный, добрый' и затем 'религиозный; благочестивый' → 'приторно ласковый, слащавый; лицемерный'. Паронимическое смешение слов *полиелей* и *елей* можно было бы считать классическим случаем народной этимологии, если бы оно не было фактом научной, а не народной, традиции.

VII. Сверстница 'супруга' и верста 'пара'

7.1. Словарные данные и древнейшие фиксации

Слово *сверстница* в значении 'супруга' ещё относительно недавно было редкостью в славянской исторической лексикографии. Издатели и комментаторы одного гимнографического текста в составе древнерусского Кондакаря, опубликованного в 1976 г., заметили, что «*сзвърстьница* in dieser Bedeutung nur südslav. belegt (1324) nach Miklosich» (К III, 75, Anm. 1). Слово *сзвърстьница*, перевод которого («*Gemahlin*») сопровождается этим комментарием, употреблено в восходящей к одиннадцатому столетию древнерусской версии кондака Зачатию Иоанна Предтечи, представленной в рукописных кондакарях одиннадцатого — тринадцатого веков:

Веселитса свѣтълю захариа великыи съ прѣхвальною елисавеѣию сзвърсть-
ницѣю, достоино зачинающа ивана прѣдтечу, егоже архаѣгль блговѣсти радуо-
уца и члвци достоино почытимъ яко таибьника блгодати :⁴¹⁸.

Κονδ[άκιον] ... ἤχ[ος] α', [προσόμοιον] χορὸς ἀγγελικός
Εὐφραίνεται λαμπρῶς Ζαχαρίας ὁ μέγας
σὺν τῇ πανευκλεῖ Ἐλισάβετ συζύγῳ
ἀξίως συλλαμβάνοντες Ἰωάννην τὸν πρόδρομον,
ὃν ἀρχάγγελος εὐηγγελίστατο χαίρων
καὶ οἱ ἄνθρωποι ἀξιοχρέως τιμῶμεν
|: ὡς μύστην τῆς χάριτος :|⁴¹⁹

Необычность слова *сзвърстьница* (или **сзвърстьница*) 'супруга' ощущалась уже в тринадцатом веке болгарскими редакторами кондака Зачатию Иоанна Крестителя, которые, словно в соответствии с известным правилом критики текста, заменили малознакомое Ф. Миклошичу *lectio difficilior* *сзвърстьница* (или **сзвърстьница*) 'супруга' на более привычное *жнрѣга*. Среднеболгарская версия проирия публикуется по ДМ 29 об. – 30, разночтения приводятся по Ск 12–12 об.; Пт 72 18–18 об.

⁴¹⁸ К III, 74 (деление на строки в издании отсутствует, пунктуация моя. — Р. К.; см. библейский сюжет: Лк. 1:5–18).

⁴¹⁹ К III, 75 (критического издания греческого текста кондака Зачатию Иоанна Предтечи не существует).

кѡ гла · ѿ · по · ликѸ ∴ /

Раѹѣтса свѣтло захаріа великы · съ прѣславноѡ / ѣлисавеоиѡ · съпржгоѡ · дѡино заченша ѿвѡна / прѣч. · егоже архангль блговѣсти раѹѡжс · члѡ/ци дѡино почтѣмъ оученика блти ∴

Разночтения

заглавие

гла · ѿ · по · ликѸ: Ск гла · по · ѡже ѡ насъ: в Пт72 указания на подобен нет]

основной текст

Раѹѣтса = Пт72 : Ск *веселитьса*] прѣславноѡ: Ск прѣжкра/сноѡѡ] ѣлисавеоиѡ: Ск ѡлисавеоиѡѡ] съпржгоѡ = Ск (сѡпржгоѡѡ) = Пт72 (съпр/гоѡѡ] заченша = Пт72 : Ск *зачинаѡѡ/ци*] прѣч.: Ск прѣдитеч.а] архангль: Пт72 *арх/аѡль*] члѡ/ци: Ск = Пт72 и ~] дѡино: Ск *всехвално*: Пт72 *достодльжно*]

После выхода в 1996 г. соответствующего тома Словаря русского языка XI–XVII вв. в славянской исторической лексикографии появились другие восточнославянские примеры употребления лексемы *свѣрстьница* в значении 'супруга', один из которых также связан с праздником Зачатия Иоанна Предтечи:

«2. Супруга. Мимотекущая прѣмѣни ся на будущихъ, и съвѣрстьница [по вар.] обручнику бесъмьртну бысть (συζύγου). Мин.ноябрь, 319. XII в. (1261): Мужи плакахуся свѣрстьници своихъ, матери же плакахуся чадъ своихъ, братъ брата. Ипат.лет, 854. Удове [Захарии] умертвѣша, сверстници же моеи запустѣша и изможаша ложесна. ВМЧ, Сент. 1–13, 273. XVI в.» (СРЯ XI–XVII вв. 23, 115).

Немногом более ранняя фиксация слова *свѣрстьница* 'супруга' содержится в Та: *Адам.л.л* [вм.: *Адама — τὸν Ἀδάμ*⁴²⁰] *свѣрстьница · из ра/а изгънала естъ · съвѣтомъ зминомъ* Та 89 (ἡ ὀμόζυγος MR VI, 504). Это же значение засвидетельствовано единственным контекстом в ряде Апостолов:

«*družka; подруга; Genossin; — συζυγος; compar (Vg.), coniux (it.); — nonnulli hoc loco nomen συζυγος femininum esse putabant; hoc modo etiam translator slavicus intellexit et vertit: молю тебе, признаа съвѣрстьнице, прими и γνήσιε συζυγε Ph 4,3 Christ Ochr Slepč Šiš (присносъвѣрстьнице Мак). — Exh.» (SJS IV, 229),*

ср. затем засвидетельствованное единственным примером из Жития Кирилла Философа *свѣрстьникѡ* 'ровесник, друг' (SJS IV, 229).

⁴²⁰ Прямой объект *Адама* переосмыслен как определение к *свѣрстьница* — притяжательное прилагательное *Адам.л.л*, из-за чего предложение лишилось объекта.

7.2. Этимологические данные

Существительные *сзвърстыникъ* ‘друг’, *сзвърстыница* ‘супруга’ — дериваты праславянского **vřsta* — развивают редкое значение ‘пара’ производящей основы **vřst -a* (в свою очередь, суффиксального образования от глагольной основы **vrt* с помощью суффиксов *-t-* или *-v-*). Это значение, засвидетельствованное целым рядом древних примеров, не сохранилось ни в одном из современных славянских языков и, очевидно, поэтому плохо описано в славянских этимологических словарях, которые, как правило, мало и непоследовательно используют древний письменный материал:

«**woršta**, Gen. -y f. ‚Banse (Platz in der Scheune für die Aufschichtung von Garben); Schicht, Lage, Flöz‘ [...] russ. *верста* ‚Reihe, Anordnung in gerader Linie, Wegmaß‘ [...] skr. *vřsta* ‚Reihe, Ast‘, slowen. *vřsta* ‚Reihe, Zeile, Art, Lebensalter‘, bulg. *върста* [sic вм. *върст*! – P. K.] ‚Lebensalter‘ [...] // Ursl. **vřst(v)a* ‚Reihe, Schicht‘» (HEWONS IV, 1662);

«1° series, 2° par, aetas, 3° tela, struka, genus [...] 4° linea, sura [...] Potpunu paralelu pruža lit. particip *vřstas* [...] „Pfluggewende“» (ERHSJ 3, 629, s. v. *vřst*);

«classis, species, series, ordo, linea, versus [...] Psl. [...] se je pomensko razvilo v „obrat z ralom na koncu njive“, to pa dalje „vrsta, brazda in ogon“» (ESSJ 4, 362–363, s. v. *vřsta*)⁴²¹;

ср. также словацкое «*vrstva* ž 1. *množstvo látky plošne rozložené na povrchu niečoho alebo medzi niečím* [...] 2. *spôsob ukladania sena alebo obilia*» (HSS) VI, 449; примеры XVI–XVIII вв.).

Таким образом, для праславянского **vřst(v)a* указываются основные значения ‘ряд; пласт; возраст; мера длины; чета, пара’.

7.3. Верста ‘пара’ в словарях, диалектах и письменных источниках

В сопоставлении с данными этимологических словарей и упомянутыми выше свидетельствами письменных источников обращает на себя внимание то, что последнее значение ‘пара, чета’ как будто бы сохраняется у слова *верста* в русских говорах:

«3. Ровня, пара кому-либо; под стать, под силу, под меру кому-либо. *Эта же кукуша, да не ворону верста*. Колым. Якут, 1901. ~ Не верста́ (не в версту́,

⁴²¹ См. также: БЕР I, 189 (s. v. *върст*); ЭСРЯ I, 300; SES 731 (s. v. *vřsta*); SEJP 603 (s. v. *warstwa*); РЭС 6, 321–324 (наиболее полный свод и анализ славянских и индоевропейских данных, с учётом сведений из письменных источников, а также значений ‘чета, пара’).

пóд версту). Не под стать. *Он не верста́, не в версту́, не под версту́ тебе.* „Нечего тебе с ним равняться!“ (СРНГ 4, 148) и т. д.

Приведённые в современном диалектном Словаре примеры воспроизводят, неполно и без ссылок, материал, собранный В. И. Далем, который сделал попытку обосновать кажущийся семантический переход *мера* → *ровня* = *пара*:

«Ровня, дружка, пара, чета, противень чему; что подъ стать, подъ ладъ, масть, подъ мѣру. *Онъ не верста́, не въ вѣрсту* [так! — Р. К.; иначе в «Словаре русских народных говоров», вып. 4, с. 148, см. выше. — Р. К.], *не подъ версту тебѣ, нечего тебѣ съ нимъ равняться*» (Даль I, 444).

Менее корректно, чем в «Словаре русских народных говоров», переписывается материал В. И. Даля в словаре, составленном П. Я. Черныхом и посмертно изданном его учениками:

«В говорах употр. и с другими знач., [кроме *верста* 'мера длины'. — Р. К.] напр., „равные отрезки чего-л. в длину или по продолжительности“, „ровня“, „пара“, „чета“ [...] Ср. колым. *верста́* — „ровня“ (Богораз, 30)» (ИЭСРЯ I, 143).

Развитие у праславянского *верста* значений 'ровня — ряд предметов, как правило, в количестве двух, каждый из которых равен или тождествен другому в каком-либо отношении' и 'пара — ряд предметов в количестве двух, двойца (безотносительно к тождеству её членов)' А. А. Потенбя обосновывал так:

«От значения борозды, как идущей рядом с другою и равной с нею, ст.-рус. и ст.-сл. в ъ р с т а, в р ъ с т а и соврем. вр. в е р с т а, пара, ровня; „божественная и свѣтозарная в ъ р с т а Борисе и Глѣбе“ (до 1163 года, Срезн., Пам. рус. п.; там же „Борисе и Глѣбе мученика святая и с у п р у г а“ (пара, как пара волов в ярме). Отсюда вр. в е р с т а т ь, ровнять» (Потенбя 1958, 15) (разрядка в изд. — Р. К.).

Сближение значений 'ровня' и 'пара' логически противоречиво. В выражении типа «X “не в вёрсту” Y» значение 'пара' у слова *верста* носит метонимический характер и обозначает не «двойцу», а одного из членов этой «двойцы». Более того, главным в значении 'ровня' является семантика (*равной, тождественной в каком-либо отношении*) *меры*, на что ясно указывают приведённые выше диалектные данные, в которых идёт речь именно о превосходстве одного предмета или лица над другим, т. е. о неравенстве их обоих. Напротив, *пара* не предполагает равенства членов, поскольку содержание понятия пары определяется, во-первых, количеством (два), а не тождеством, и, во-вторых, тем, что оба члена двойцы составляют друг с другом «что-н. целое, общее» (ТСРЯ [У] III, 38), сравним определение пары (значение б)

в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова: «Двое, рассматриваемые как нечто целое» (ТСРЯ [У] III, 38).

Сказанное заставляет отказаться от традиционного и ошибочного объединения значений *верста* 'пара' и 'ровня', которое имеет глубокие корни в русской лексикографии, и усомниться, действительно ли значение 'пара' представлено в русском слове *верста*, как полагал ещё А. А. Потебня.

Приведённые выше примеры употребления слова *верста*, за единственным исключением (о нём речь пойдёт немногим позже), свидетельствуют лишь о значении *верста* 'ровня', но никак не *верста* 'пара', что подчёркивается идиоматичностью и экспрессивным характером цитат из разговорного языка, усиленных частицей *не*, отрицающей тождество сопоставляемых предметов. Это было ясно авторам Словаря 1867–1868 гг., которые сопроводили значение *верста* 'пара' пометой «стар.» и проиллюстрировали его единственным бесспорным примером, вошедшим в Словарь В. И. Даля и использованным А. А. Потебнёй: «Верста́, ы́, с. ж. Стар. Пара, чета. Верста единообразна, Борисе и Гльбе, богомудрая. Нест. Лѣт.» (СЦСРЯ I, 232–233). Значение слова *верста* в цитате определено верно: если бы *верста* здесь действительно обозначала 'ровню', как полагал В. И. Даль, то в тексте бы появилась тавтология и речь бы в нём шла о *единообразной ровне* (!).

Тем не менее именно В. И. Даль впервые корректно указал на две магистральные линии развития семантики праславянского *верста* — 1) *ряд* и 2) *мера* (*в том числе длины*), которые, начиная с А. А. Потебни, на основании индоевропейских параллелей связывают историю праславянского **vr̥st(v)a* с пахотой и обработкой земли плугом, хотя отрыв «слова *vr̥st* от сферы земледелия, по-видимому, произошёл очень рано» (РЭС 6, 322):

«Литов. *wars-ta-s* (м. р.) — собственно поворот (плуга), длина борозды, проведши которую плуг поворачивают [разрядка в изд. — Р. К.], мера расстояния, *ein pfluggewende* [так, вм. *Pflug~* — Р. К.], мера поля. ... Латин. *versus* [буквально = литов. *warstas* ...] — поворот, заворот, в частности<,> заворот плуга на конце нивы (= *versura*), откуда — борозда, мера расстояния, а затем полевая квадратная мера ... по сходству с бороздою — стих, строка» (Потебня 1958, 13–14);

сравним:

«Die Bedeutung ‚Reihe, Schicht‘ ≤ ‚der mit dem Pflug gewendete (umgekehrte) Boden‘, ‚Wegmaß‘ ≤ ‚Länge der Ackerfurche‘» (HEWONS IV, 1662);

см., однако, уже у В. И. Даля:

«Верста́ ж. рядъ, порядокъ, линия, прямая черта, расположение въ струнку, гусемъ [...] || Ровня, дружка, пара, чета, противень чему; что подъ стать,

подъ ладъ, масть, подъ мѣру. [...] *Небесная ангела, верста единообразная, Несторъ*» (Даль I, 444).

Цитируемый в словарях 1867–1868 гг., а также В. И. Далем и А. А. Потебнёй единственный надёжный восточнославянский пример употребления слова *верста* 'пара, двоица' заимствован из раннедревнерусской Похвалы Борису и Глебу. Этот же контекст воспроизводится в современных исторических словарях русского языка:

«4. *Чета, пара.* (1015): Радутася небсна жителя въ плоти аѣгла... верста единообразна... радутася Борисе и Глѣбе. Лаврлет, 137. Верста — мученикъ дво<и>ца. Алф.¹, 41. XVII в. И не по мнозѣхъ днехъ сотвориша бракъ свѣтель Евгению. Граждане же вси возрадовашася о томъ, яко таковая прекрасная верста совокупися. Персика, 262. XVIII в. || *Супруга.* О супруго святая и избъраная господеву... о любѣзная вѣрста. Стихирарь (Ф.), 4. XI–XII вв.» (СРЯ XI–XVII вв. 2, 93–94).

Определение первого основного значения слова *вѣрста* в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» заслуживает уточнений:

«**ВѢРСТ**А (71), **-Ы** с. 1. *Ровня:* Божѣствнаѣ и свѣтозарнаѣ. въ истинуу вѣрста борисе и глѣбе. *Стих 1156–1163, 106;* радоутас нб(с)наѣ жителя. въ плоти аѣгла быста. единомысленаѣ служителя. верста единообразна. *ЛЛ 1377, 47 (1015);* перстъ вземъ w(т) земла созда [бог] женоу w(т) моужьска ребра полоу створи. да шедшимса въ преоудрости кдиной кста. а не въ двоу лицу и плоть вда. ни въ вѣрстоу неразличноу. *ЗС XIV, 30 об.*» (СДРЯ II, 266–267).

Значение 'ровня' или, скорее, 'мера', засвидетельствовано лишь третьим примером, тогда как первые две цитаты иллюстрируют интересующее нас значение *вѣрста* 'двоица, пара, чета', которое, как следует из восточнославянского словарного материала, было распространено только в рамках книжного узуса, причём, как будет видно из дальнейших примеров, особенно часто встречалось именно в гимнографии, откуда и было заимствовано в стихиру и летописную Похвалу Борису и Глебу. Это редкое значение *вѣрста* 'двоица, пара, чета' не засвидетельствовано в пражском Словаре старославянского языка, который фиксирует лишь *вѣрста* 'возраст; жизнь, время жизни; поколение' (SJS I, 224), однако описано Ф. Миклошичем на материале древнесербских памятников (LPGL 77).

Наиболее представительный материал, иллюстрирующий значение *вѣрста* 'пара', собран в Словаре церковнославянского языка македонской редакции, в котором преобладают примеры из литургических источников, древнейшим из которых является *Загребская Триодь*:

«1. возраст [...] 2. [...] *пара, ровня; couple*; — ἡ δις δύο: небо четвертьтосвѣт-
лое на земли гави сѧ врьста соугоуба суменьтипять зь (sic)⁴²² доменьтиемъ
с<ва>т<ите>лие и тепли застѣпници намъ трѣ имени ἡ δις δύο αὐτῆ, Συμεώνιος
ὄμωνυμία 22r13Zag» (РЦСМР II/9, 133).

Гимнографические тексты являются основным источником древнейших фиксаций слова *вьрста* ‘пара’ и в восточнославянской письменности, судя также по материалам Сводного словника Словаря русского языка XI—XVII вв. (ЭСС XI—XVII вв.) и указателям к изданным текстам⁴²³. Два случая употребления слова *вьрста* в значении ‘пара’ в соответствии с *δύας* и *συζυγία* отмечены в древнерусском Прологе (Крысько et al. 2011, 71). Этот ряд поддерживается другими примерами:

Врьста свѣтоносная · / страдальцю [...] чюдесь лоу//чами · тьмоу ѿгънала еста · льсть много/бѣжноу (ἡ *δύας* ἡ *φωσφόρος* MR VI 442) *Та* 56–56 об.; врьста чьстная / страдальцю · ѡлрѣ [так!] же и лавърь · мѣниа ча/шю исписта оуспѣшно (*δύας* *σεπτῆ* ἡ *τῶν ἀθλητῶν* MR VI 443) *Та* 57; Бжѣтвнаа и свѣтоносная врьста въ / истинуу · лауре и ѡлоре · добропобѣ/дъна мѣнка [...] помолитасѧ вѣрно (ἡ *θεία* καὶ *φωσφόρος* ὄντως *δύας* MR VI 446) *Та* 59; Врьста пророкуу въ врьма прѣображени/а троица апостоль хрьсте · свѣтло · / про-свѣщшасѧ славою твоюу · вьноу/трѣ облака соущи · облака видащи та/ко глаголаше · ты еси богъ нашъ · цсар·:~ *Са* 39 (ср. Мф. 17: 1–9; Мк. 9: 2–10; Лк. 9: 28–35); О чюдесная бра//тъная врьсто *Миньяв.* 27 об. – 28.

Значение ‘пара’ отражается также в однокоренном с *вьрста* слове *свьрсть* ‘супруги, чета; один из супругов’, которое в этом значении засвидетельствовано в *Мин.сент.*, 0165 (1096 г.), *Законе судном людем*⁴²⁴ и в одном из текстов, связанных с праздником Зачатия Иоанна Предтечи в версии Макариевских четых миней (СРЯ XI–XVII вв. 23, 116). В указателе к изданию *Путьятиной минеи* (Баранов 2003, 602) слово *свьрсть* (л. 89 об.-9) не распознано и растолковано как «глаг. *изъвъ.* аор. *сигм. ед. мн. 3 л.*» от несуществующего инфинитива *свьрѣти*.

В современных славянских языках и диалектах значение ‘пара, двоица’ отсутствует, не встречается оно и в древних восточнославянских текстах смешанного и бытового регистров. То, что слово *верста* ‘пара’ используется в *Похвале Борису и Глебу*, не нарушает установленного правила, а является свидетельством того, что значение ‘пара’ было

⁴²² Помета авторов Словаря.

⁴²³ WGMD 40 (два употребления слова *вьрста* только в значении ‘пара’ в соответствии с греч. ἡ *ξυνωρίς* и ἡ *δύας*); Крысько 2005, 700 (три употребления слова *вьрста* только в значении ‘пара’, два раза в соответствии с *ξυνωρίς*, один раз без греческой параллели).

⁴²⁴ Ср. толкование ‘брак’ (SJS I, 229), которое предложено для того же контекста в соответствии со значением греч. *συζυγία*.

заимствовано в литургические и паралитургические тексты о Борисе и Глебе из книжного узуса южнославянского происхождения. За пределами этого узуса находятся моравские и древневосточноболгарские преславские тексты, которые представляют собой наиболее ясно выделяемые древние церковнославянские традиции и в которых слово *врѣста* 'пара' не отмечено. Это заставляет соотносить словоупотребление *верста* 'пара' с иным древним книжным узусом конца девятого — десятого века, который мог бы отражать юго-западнославянский диалектный ареал. В поисках современных славянских семантических параллелей древнему славянскому *верста* 'пара' необходимо снова обратиться к структуре лексического значения праславянского слова.

Учитывая две основные линии развития полисемии праславянского **vrst(v)a*, которые определяются семами 'ряд' и 'мера', значение *верста* 'пара' необходимо возводить к семантике ряда, а не меры, в данном случае дискретного ряда людей или предметов и пары как его минимальной разновидности. Уточним, что для древнего периода зафиксировано только значение 'пара, двоица', а не 'вообще всякий ряд'.

7.4. Следы праслав. **vrsta* 'пара' в современных славянских языках

При отсутствии исчерпывающих лексикографических данных по славянским диалектам приводимые далее сведения о распространении у наследников праславянского **vrst(v)a* семантики 'ряд людей или предметов, череда, строй' носят предварительный характер. И всё же едва ли случайно, что в наддиалектном узусе это значение представлено только в западной подгруппе южнославянских языков, т. е. в сербскохорватском и словенском: «4. а. *низ, ред ... б. строј који чине људи поређани један поред другога*» (РСХКНЈ 3, 76, s. v. *врста*); «*каг твори већ оseb, ствари, развршчених друга poleg друге али друга за друго v еni smeri*» (SSKJ V, 532). Сербскохорватские и словенские данные согласуются с тем, что значение 'пара' у древнего славянского *врѣста* отмечено только в «македонской», или западноболгарской, редакции церковнославянского языка (как было показано выше, древнерусские примеры ограничиваются книжным узусом и не имеют восточнославянских диалектных соответствий, что указывает на заимствованный характер древнерусского *врѣста* 'пара'). Отсутствие у древнего славянского *врѣста* значения 'дискретный ряд лиц или предметов' приводит к выводу, что семантика праславянского **vrst(v)a* проделала путь от архаичного 'пара (лиц или предметов)' к современному 'ряд (лиц или предметов в количестве более одного)'.

7.5. Выводы

Редкость значения 'пара (лиц или предметов)' у слова *върста* (*врѣста*) в памятниках письменности и его употребление в гимнографических и паралитургических жанрах, а также отсутствие этого значения в современных славянских диалектах при наличии ближайших семантических параллелей в сербском и словенском языках объясняются древним региональным характером значения *върста* (*врѣста*) 'пара (лиц или предметов)', которое было распространено на юго-западе древнеславянского языкового ареала, в границах которого, по многим другим данным, происходило, в частности, становление церковно-славянской гимнографии. С этим выводом согласуются наблюдения о греческом оригинале славянского Синаксаря, который «обладал характерными „западными“ (южноитальянскими) памятями, что указывает на его связь с литургической традицией Южной Италии» (Пентковский 2011, 654) и, в свою очередь, позволяет локализовать возникновение древнейшей традиции славянского Синаксаря в юго-западной части славянского ареала, или на западе Первого Болгарского царства.

VIII. Нарях legomenon λιτζβίς vs. *гривъна* 'ожерелье'

8.1. Значение славянских переводов для реконструкции византийской традиции

Значение церковнославянских переводов для реконструкции утраченных звеньев византийской традиции хорошо известно: при отсутствии оригиналов важность переводов едва ли может быть преувеличена⁴²⁵. Гораздо реже церковнославянские переводы принимаются во внимание в исторической лексикографии греческого языка. На эту тему автору этих строк известна только одна работа, в которой лексическое значение греческого слова ἀγυραυλῶ убедительно разъяснено и уточнено в том числе с помощью церковнославянских переводов рождественской гимнографии (Stichel 1991). «Периферийное», если не маргинальное положение славянской традиции в греческой лексикографии естественно: учитывая объём сохранившихся византийских текстов, прозрачность деривационных связей, общий высокий уровень эдиционной практики и комментирования этих текстов, участие славистики в византинистических словарных штудиях кажется излишним, в связи с чем «языковая рефлексия» средневековых славянских переводчиков может не приниматься во внимание авторами исторических словарей греческого языка. Пожалуй, единственная область, где славянские данные могут иметь значение, — это описание гапаксов, значение которых не всегда может быть равным образом убедительно растолковано на материале одних только греческих (и латинских, как в нашем случае) данных.

8.2. Нарях legomenon λιτζβίς в кондаке Иоанну Златоусту и в лексикографии

В 1876 г. кардинал Ж.-Б. Питра опубликовал в первом томе своей основополагающей антологии «*Analecta Sacra*» кондак свт. Иоанну

⁴²⁵ В этой связи необходимо упомянуть в первую очередь следующие работы: Keller 1973; Hannick 1981, vgl. Stichel 1986; Афиногенов 2000; Афиногенов 2007; Афиногенов 2008/2009; Добрев 2002; Крысько 2008; Крысько 2014; Пентковский 2001; Темчин 2007; Темчин 2009; Темчин 2012₁; Темчин 2012₂; см. также Krivko 2006; Кривко 2013 (литература).

Златоусту «Τὰ χρυσότατα τῆς καθαρᾶς σου γλώττης ῥεῖθρα» (PAS I, 654-657, Nr. LXXXII). Кондак содержит акростих «Νοῦν παμφαῖ πῶς αἰνέσεις, ὦ Στουδίτα;» («как похвалишь ты, студит, светло сияющий ум?»), который позволяет судить о монастырском, или студитском, происхождении текста.

Новое издание этого редкого кондака, сохранившегося только в двух рукописях, появилось в 1994 г. (KalHym 467-468). Согласно издателю, текст восходит к восьмому — девятому векам (KalHym 428). Для исторической лексикографии греческого языка особый интерес представляет первый икос, т. е. вторая строфа этого гимна, где находится *hapaх legomenon λιμβίς* (LBG 5, 939).

KalHym 467

Νῦν χρυσοστόλιστος ὤφθη ἡ Ἐκκλησία
 τοῦ Χρυσοστόμου τὴν μνήμην ἐπιτελοῦσα ·
 παγχρύσοις γὰρ αὐτὴν λόγοις εὐτρεπίσας τοῖς τοῦ Πνεύματος,
 παρίστησι τῷ Χριστῷ νύμφην ἡγλαῖσμένην τοῖς δόγμασι,
 τὴν τετράλιθον ¹ τῶν ἀρετῶν λιμβίδα ἐπὶ τραχήλου ψυχῆς
 περιβεβλημένη, ¹¹ καὶ πρὸς αὐτὸν ἀνακράζουσα ^{1·}
 μὴ ἐπιλάθῃ τοῦ σοῦ λαοῦ ὁ ἐποπτεύων ἐξ οὐρανοῦ,⁴²⁶
 ἀλλὰ τῷ Κυρίῳ ὑπὲρ ἡμῶν ἀδιαλείπτως ἰκέτευε.

¹τετράλιθον] τετράρριθμον PAS I

¹¹περιβεβλημένη... ἀνακράζουσα] περιβεβλημένην... ἀνακράζουσαν PAS I

‘В золотом облачении явилась сегодня Церковь, празднующая память Златоуста, ибо он предуготовил Её всезлатыми словами Св. Духа и привёл ко Христу, словно невесту, украшенную догматами, носящую на шее *λιμβίς* добродетелей с четырьмя камнями и взывающую: «Ты, взирающий с неба, не забудь свой народ, но молись неустанно о всех нас ко Господу!»’

Впервые *hapaх legomenon λιμβίς* был растолкован кардиналом Питра⁴²⁷, чьё мнение было поддержано позднейшим исследователем:

«*λιμβίδα*: “*pallium patriarcharum crucibus ornatum*” explicat Pitra, quod rectum esse videtur; [probabiliter e nomine latino *limbus*, unde graecum *λιμβός* = ἐπίσημον ἔνδυμα, ταινία; Cfr Ἑρμ. καὶ Ἑτυμολ. Λεξ. τῆς Ἑλλην. Γλ. apud Encyclopaediam “*Paryus Larousse Britannica*”, vol. 38, Athenis 1989, p. 469 s. v.]» (KalHym 468).

Вопреки толкованию остаётся неясной логика поэтического образа Церкви, которая появляется в виде *н е в е с т ы*, облачённой в *п а т р и а р ш и е* одежды — «*pallium patriarcharum crucibus ornatum*».

⁴²⁶ Ср. Пс 9: 33, 44: 10.

⁴²⁷ PAS I, 655, n. 2 («*λιμβίδα τετράρριθμον. Suspicior esse pallium patriarcharum crucibus ornatum, sed vox inaudita est*»).

Вероятно, сам издатель осознавал неточность своего толкования, выразив словом «videtur» неуверенность, объясняющуюся отсутствием загадочного λιμβίς в каком-либо другом известном тексте. Даже TLG не содержит никаких дополнительных примеров его употребления, в связи с чем словарная статья в современном «Lexikon der byzantinischen Gräzität» проиллюстрирована единственной цитатой из кондака свт. Иоанну Златоусту «Τὰ χρυσότατα τῆς καθαρᾶς σου γλώττης ρεῖθρα»:

«λιμβίς, ἡ Stola ? ἀρετῶν -ἰδα ἐπὶ τραχήλου ψυχῆς KalHum 7 α 5. — Vgl. λιμβός (< lat. limbus) LS» (LBG 5, 939).

По сравнению с ранними толкованиями это объяснение более корректно с поэтической точки зрения: согласно LBG, Невеста-Церковь облачена в палантин, широкий шарф («Stola»), название которого может употребляться как по отношению к облачению патриарха, так и для обозначения обычной женской одежды.

Здесь возникают новые трудности. Слово λιμβός, с которым предлагается сравнивать λιμβίς, также является гапаксом, судя по употреблению этого слова в TLG и в различных словарях. Это λιμβός засвидетельствовано лишь однажды в сочинении византийского риторика, историка и чиновника Флавия Лаврентия Иоанна Лидийца (490 — ок. 565?)⁴²⁸ «Περὶ ἀρχῶν τῆς Ῥωμαίων πολιτείας», в котором упоминаются многие детали позднеримской повседневной жизни, ср. «λιμβός, ὁ = Lat. *limbus*, a dinner-dress, *Lyd.Mag.2.4.*» (LSJ 1050)⁴²⁹. Несмотря на знак равенства, поставленный в статье λιμβός в словаре Лиддела — Скотта — Джонса (LSJ 1050), латинское *limbus* семантически отличается от греческого λιμβός:

limbus «quidquid extremae alicujis rei orae, ornamenti causa, praetexitur, fascia, vitta, cingulum, κροσσός [...] Pro fascia, qua extrema vestis ora praetexitur [...] Pro fascia seu vitta [...] Pro zona [...] Limbus dicitur etiam lines seu funiculus ex lini filis quadruplicibus ad capiendas feras» (Forcellini Lex., цит. по DLD, s. v.);

«a border that surrounds any thing, a hem, welt, edge, selvage, fringe; a belt, band, girdle» (Lewis and Short, pp. 1065–1066, цит. по DLD и LWST, s. v.);

«ruban (pour les cheveux)» (Blaise Patristic, цит. по DLD, s. v.);

«bordure, frange» (Blaise Medieval, цит. по DLD, s. v.);

«Streifen, Besatz, Saum (am Kleide, Gewebe)» (Kirchenlat. Wörterbuch, цит. по DLD, s. v.);

«der Streifen, womit etwas eingefaßt, umgeben wird [...] am Kleide, der Besatz, die Bordüre [...] am Gewebe, der Saum [...] als Binde [...] als Gürtel» (LDHW, s. v.).

⁴²⁸ LMA 5, 587; ODB 2, 1061.

⁴²⁹ Ср. GDHW («λιμβός, spätes Wort, = λίχνος»).

Судя по приведённому выше гимнографическому контексту, λιμβίς лежит вокруг шеи (ἐπί τραχήλου ψυχῆς), что позволяет считать παрах legomenon λιμβίς названием широкого шарфа или палантина, ср. «Stola ?» (LBG 5, 939). Сомнение авторов словаря, которые сопроводили своё толкование знаком вопроса, нельзя не разделить. Значения латинского *limbus*, которое считается источником греческих слов λιμβίς ,?’ и λιμβός ‘a dinner-dress’ (LSJ 1050), и греческого λιμβός, на которое указывается в LBG (5, 939) и которое в смысловом отношении кажется прозрачным⁴³⁰, совсем не тождественны толкованию ‘Stola’, которое предложено для гапакса λιμβίς.

8.3. Славянский перевод византийского кондака Иоанну Златоусту: критика и реконструкция текста

Чтобы уточнить значение слова λιμβίς, необходимы новые данные, отсутствующие в греческих и латинских источниках. В этой связи особое значение приобретает церковнославянский перевод первого икоса кондака свт. Иоанну Златоусту, древнесербская, или сербско-церковнославянская, версия которого находится в единственном известном списке *Унд75 122*:

Нѣѡа златозар^{бнѡ} цркви · ѡбрѣтесе злѡу/стыца память съврышающій · всъ-
зла/то слова ѡзьюѡчивь бо дѡхвно прѣѡстанѣ/те гви · ѡ равно тройци по-
кланѡтисе · / тѣм^б же ѡко невѣстоу оукрашеноу · бо/гатоу ѡ четирькамен^{ноу}
дѣткель · гри/вноу позлащеноу · на вѣѡ ѡблистаѣм^у · / к немуѡ выпѡиощь при-
зри с нѣсе · незлѡ/бѡвѡвий лоудий своихъ · нь хѡ ба мѡи непрѣ/стан^{но} за ни ·
лю^ѡ · кси бо нѡтавникъ бѡжи блгѡ — /

Никакие другие следы церковнославянского перевода кондака «Τὰ χρυσότατα τῆς καθαρᾶς σου γλώττης ῥεῖθρα» — пока? — неизвестны. По счастливой случайности второй икос *Нѣѡа златозар^{бнѡ} цркви · ѡбрѣтесе* — *Nŭn χρυσοστόλιτος ὡφθη ἡ Ἐκκλησία* сохранился в славянской рукописи только благодаря тому, что он был включён в состав другого кондака свт. Иоанну Златоусту.

Зачало этого второго кондака — «Ἐκ τῶν οὐρανῶν ἐδέξω τὴν θείαν χάριν», рефрен — «|:ὐπάρχεις καθηγητῆς ὡς τὰ θεῖα σοφός. :|». Текст приписывается Роману Сладкопевцу как *dubium*, его критическое издание выполнено на основе шести рукописей (MT II, 25). Древний церковнославянский перевод этого кондака сохранился во множестве южнославянских и древнерусских источников, сравнительно-критическое

⁴³⁰ См. словарную статью и гиперссылку к широкому контексту в электронной версии Словаря LSJ, интегрированной в TLG (LSJ), s. v. λιμβός (<http://stephanus.tlg.uci.edu/lsj/#eid=65357&context=lsj&action=hw-list-click>).

исследование которых не входит в наши задачи. Необходимо, однако, привести здесь полный греческий и церковнославянский тексты вступительной строфы кондака, поскольку фрагменты его славянской версии обнаруживаются в приведённом выше сербском *textus unicus* и важны для реконструкции его архетипа.

МТ II, 25–26

<ἡχος> πλ. β'

<προσόμοιον> τὴν ὑπὲρ ἡμῶν

Ἐκ τῶν οὐρανῶν ἐδέξω τὴν θεῖαν χάριν
καὶ διὰ τῶν σῶν χειλέων πάντας διδάσκεις
προσκυνεῖν ἐν τριάδι τὸν ἕνα θεόν·
Ἰωάννη Χρυσοστόμε, παμμακάριστε ὄσιε,
ἐπαξίως εὐφημοῦμεν σε·
|: <τῶν περάτων γὰρ αὐτὸς> ὑπάρχεις καθηγητῆς ὡς τὰ θεῖα σοφός. :|

ДМ 60 об.

кѠ · гл̣ · ѣ̣ : ~¹ /

Съ^{II} небесъ приёмъ ѣиѣ бл̣тъ^{III} · своима^{IV} оустнама въса / оучиши^{V,VI} · по-
кланѣтисѣ^{VII} трѣци единому бѣу^{VIII} · іѡне^{IX} зла/тоусте · прѣбл̣жне ѣ^X пр̣побне ·
дѣино хвалим та^{XI} · тѣ̣ ѣ̣/си^{XII} наставникъ · ѣко бж̣ествна ѣвл̣ѣж^{XIII, XIV} ∴ ~

Разночтения: К III 160-162 (a₁ b₁ b₂ B c d), *Мин.окт.* 362-363, *Унд75* 122, *Ск* 48 об.-49 (52 об.-53), *Хл166* 1 об., *Пт72* 56 об.

¹ ѣ] *add* по кже о нас К III^{II} Съ] отъ К III = *Унд75* = *Ск* = *Хл166*^{III} бл̣тъ] *add* и К III = *Ск* = *Хл166*^{IV} своима] твоима *Хл166*^V оучиши] = К III В b₁ *Ск Мин.окт.*: наоучилъ си К III a₁ : ѣчивъ К III b₂ : К III с наоучивъ : оучинивъ К III d^{VI} въса / оучиши] *Ск* оучиши всѣхъ : *Хл166* пач(е?) /⁴³¹ VII покланѣтисѣ] К III В кланѣтиса : *Хл166* ... /кланѣтисе (?)^{VIII} трѣци единому бѣу] = *Хл166* : *Ск* единомуу бѣу въ трехъ сжщ̣ствѣхъ^{IX} іѡне] *Хл166* іѡне : *Пт72* іѡне^X и] К III *нет*^{XI} прѣбл̣жне ѣ пр̣побне · дѣино хвалим та] *Ск* тѣмъ же выпиёмъ ти : *Хл166* прп/(добне?) поем те^{XII} тѣ̣ ѣ̣/си] К III = *Унд75* кси бо^{XIII} тѣ̣ ѣ̣/си наставникъ · ѣко бж̣ествна ѣвл̣ѣж] *Ск* наставникъ бо кси бжий / бл̣ти : *Хл166* наст[...и божию бл̣ти^{XIV} ѣко бж̣ествна ѣвл̣ѣж] К III = *Унд75* божіа благодати

Сравнение славянских переводов обоих кондаков показывает, что *textus unicus* древнесербской рукописи *Унд75* (л. 122) содержит ясные следы контаминации двух текстов. Так, греческий рефрен второго кондака, который атрибутируется Роману Сладкопевцу, отражает разночтения, одно из которых соответствует южнославянской версии:

⁴³¹ Рукопись *Хл166* в этом месте сильно повреждена. После формы *пач(е?)* /, находящейся в конце строки, есть место для двух или трёх букв. Следующая строка начинается написанием *кланѣтисе*.

ὑπάρχεις καθηγητῆς ὡς τὰ θεῖα σοφός —
 вариант ὑπάρχεις καθηγητῆς ὡς τὰ θεῖα σαφών (МТ II, 26);

іако бжѣствна іауѣѣ ДМ, Ск, Хл166, Пм72.

Русско-церковнославянская версия этого рефрена восходит к другому, несохранившемуся варианту греческого текста либо отражает порчу или переосмысление архетипа, не мотивированное влиянием оригинала: (*наставникъ бо еси*) *божїа благодати* К III. Это же «русско-церковнославянское» чтение засвидетельствовано в древнесербском *textus unicus* и, возможно, было заимствовано в *Унд75* из восточнославянской традиции⁴³². Сравним то, как обозначен рефрен в *textus unicus Унд75*: ·лѣ· ꙗси бо нѣтавникъ бжѣ блѣд^м, предваряемый написанием ·лѣ· «людие, т. е. хор, который исполняет рефрен вслед за солистом». Исконный, «аутентичный» рефрен кондака — *нь ѣа ѡа мѣи непрѣ/стан^{но} за ни* (ἀλλὰ τῷ Κυρίῳ ὑπὲρ ἡμῶν ἀδιαλείπτως ἰκέτευσε) — остался при этом необозначенным, фраза ·лѣ· ꙗси бо нѣтавникъ бжѣ блѣд^м заимствована из внешнего источника.

Сравнение сербской версии кондака «Nŷn χρυσοστόλιτος ὥφθη ἡ Ἐκκλησία» с греческим текстом показывает, что этот славянский текст представляет испорченную или сильно переосмысленную редакцию несохранившегося архетипа более раннего славянского перевода, реконструкция которого возможна и необходима в том числе для оценки достоверности чтения, соответствующего греческому гапаксу λιμβίς.

Nŷn χρυσοστόλιτος ὥφθη ἡ Ἐκκλησία
 Нѣта златозар^{нѣ} цркви ↔ ѡбрѣтесе

τοῦ Χρυσοστόμου τὴν μνήμην ἐπιτελοῦσα ·
 злѣустьца память съврышающий

παχρῦσοις γάρ αὐτὴν λόγοις εὐτρεπίσας τοῖς τοῦ Πνεύματος,
 всъзлато → (ср. бо — τοῖς) слова ѣзьѡучивъ бо ← (ср. γάρ) джѡвно

παρίστησι τῷ Χριστῷ
 прѣстанѣте гѡи ѣ равно тройци покланѣтисе

νύμφην ἡγλαῖσμένην τοῖς δόγμασι,
 тѣм^б же іако невѣстоу оукрашеноу богатоу

τὴν τετράλιθον τῶν ἀρετῶν λιμβίδα ἐπὶ τραχήλου ψυχῆς
 ѣ четирѣкамен^{ноу} дѣткель гривноу позлащеноу на вѣи

περιβεβλημένην, καὶ πρὸς αὐτὸν ἀνακράζουσαν ·⁴³³
 ѡблистаѣм^ѡ к немоу впиющъ

⁴³² О восточнославянском влиянии в *Унд75* см.: Miklas 1988₂, 459 (литература); Турилов 2012, 13 (литература).

⁴³³ Славянский перевод соответствует одному из вариантов греческого оригинала (см. выше apparatus criticus).

μη ἐπιλάθῃ τοῦ σοῦ λαοῦ ὁ ἐποπτεύων ἐξ οὐρανοῦ,
 незлѡбѣвиѣ лѡудий ↔ свойхъ призи с нѣсе

ἀλλὰ τῷ Κυρίῳ ὑπὲρ ἡμῶν ἀδιαλείπτως ἰκέτετε.
 нь х̑а ба м̑и → (ἰκέτετε) непрѣстан̑но ← за ни (ὑπὲρ ἡμῶν)

Фраза *всѣзла/то слова ѡзбоѡчивѣ бо дховно прѣстанѣ/те гви* · *и равно троѡци покланѣтисе* представляет бессмысленное отражение не греческого оригинала (παυχρῦσοις γάρ αὐτὴν λόγοις ἡὔτρεπίσατο τοῖς τοῦ Πνεύματος, παρίστησι τῷ Χριστῷ νύμφην ἡγλαίσμένην τοῖς δόγμασι 'ибо он предуготовил Её всезлатыми словами Св. Духа и привёл ко Христу, словно невесту, украшенную догматами'), но несохранившегося славянского архетипа перевода, который на материале единственной рукописи может быть реконструирован лишь частично.

Греческое придаточное предложение с союзом γάρ превратилось в славянской версии в распространённое обращение, причём славянское соответствие союза γάρ (vgl. *бо дховно* — τοῦ Πνεύματος) оказалось в другой части предложения. Наречие *дховно* как соответствие греческого родительного атрибутивного τοῦ Πνεύματος 'Духа' при существительном в плюралной форме дательного инструментального λόγοις 'словами' следует считать искажённым отражением согласованного определения **доховъны(ми)* при существительном **словесы* (← *слова*). В славянской версии причастие *ѡзбоѡчивѣ* управляет родительным падежом *слова*, при этом в словосочетании *всѣзлато слова доховно* искажены синтаксические связи. В сравнении с оригиналом (παυχρῦσοις λόγοις) необходимо восстанавливать первоначальное чтение **всезлатыми словесы доховъными*; косвенным свидетельством позднего появления формы *слова* в традиции текста является также её флексия -а, появившаяся под влиянием склонения **о*-основы. Соответствия греческому объекту αὐτὴν 'её' в славянской версии нет, из-за чего вновь исказились синтаксические связи. В согласии с оригиналом предикативное причастие *ѡзбоѡчивѣ* должно управлять не формами дательного инструментального, обозначающими «слова» (παυχρῦσοις λόγοις) или «слово» (*всѣзлато слова*), но утраченным указательным местоимением — прямым объектом в форме винительного падежа **ѡ* — αὐτὴν. Если объект **ѡ* (αὐτὴν) действительно был в архетипе перевода, то глагол *ѡзоучити (ѡзбоѡчивѣ)* в этом контексте должен иметь лексическое значение не 'изучать', а 'обучать; воспитывать, образовывать', в полном соответствии с семантикой греческого аористного причастия εὔτρεπίσας. Всё это позволяет реконструировать фрагмент **всезлатыми бо ѡ словесы ѡзоучивѣ доховъны(ми)* как соответствие греческой фразе παυχρῦσοις γάρ αὐτὴν λόγοις εὔτρεπίσας τοῖς τοῦ Πνεύματος.

Призыв поклоняться Св. Троице отсутствует в греческом предложении, которое, в отличие от сербской версии, относится не к пастве,

а к Церкви, метафорически персонифицированной в образе невесты. В соответствии с греческим аористом παρίστησι (παρίστημι 'представить [перед кем-л.]') императив *πρῶξαντες* необходимо возводить к первоначальному чтению **πρῶδ᾽стави* (*невестоу*) (аорист).

На первый взгляд, следующая фраза —

тѣм^б же ꙗко невьстоу оукрашеноу · бо/гатоу ѿ четырьѣкамен^ноу дѣткль · гри/вноу позлащеноу · на вѣи ѡблистаѣм^у⁴³⁴ —

представляет ещё одну бессмысленную смесь словоформ, лишённых сколько-нибудь внятных синтаксических связей. Вопреки союзу *тѣм^б же*, который должен вводить придаточное предложение следствия, в следующей за союзом части фразы отсутствует как логическая, так и синтаксическая причинно-следственная связь с предшествующей частью высказывания, которая, как было сказано, представляет собой развёрнутое обращение. Греческих соответствий союзу *тѣм^б же* и атрибуту *позлащеноу* (*гривноу*) нет. Союз *ꙗко* объясняется, однако, как осмысленная вставка славянского переводчика, который с её помощью передал греческую конструкцию «двойной винительный» в сочетании с глаголом παρίστησι — *πρῶδ᾽стави*. Реконструировать архетип необходимо следующим образом: παρίστησι αὐτὴν νομίην — *(*всезлатыми бо ꙗз словеса изоучивъ доуховными*) *πρῶδ᾽стави* (ꙗз) *ꙗко невьстѣ*.

В сербской версии отсутствует управляющий глагол при прямом объекте *невѣстоу*, поскольку, как было сказано, исконный предикат этого предложения **πρῶδ᾽стави* (*невѣстоу*) был ошибочно переосмыслен как императив *πρῶξαντες* и из-за этого оказался частью другого предложения.

Греческого соответствия славянской форме *богатоу* нет. В сравнении с оригиналом, где засвидетельствован инструментальный датив (τοῖς) δόμασι, написание *богатоу* следует рассматривать как искажённое в результате паронимической аттракции и переосмысленное (как согласованное определение) обстоятельство в форме творительного падежа множественного числа **догѣматы*. Остальные славянские формы, кроме союза *ѿ*, греческого соответствия которому нет, являются точной передачей оригинала: *невѣстоу* — νομίην, *оукрашеноу* — ἠγλαίσμενην, *четырьѣкамен^ноу* — τετράλιθον, *дѣткль* (род. п. мн. ч.) — τῶν ἀρετῶν, *на вѣи* — ἐπὶ τραχήλου, *ѡблистаѣм^у* — περιεβλήμενην, и, наконец, *гривноу* 'ожерелье'⁴³⁵ — λιτβίδα.

Винительный отношения λιτβίδα (περιεβλήμενην) не очень удачно калькирован в славянском переводе в виде аккумулятивных форм

⁴³⁴ Словоделение *ѡблиста ѣм^у* кажется менее вероятным.

⁴³⁵ Слово *гривна* в этом значении зафиксировано многократно (LPGL 143; SJS 1, 434; СДРЯ 2, 804; СРЯ XI–XVII вв. 4, 135).

гривной ὠβλισταῖμῳ, синтаксическая функция причастия ὠβλισταῖμῳ осталась не вполне ясной, поскольку в славянской версии оно может относиться как к прямому объекту *невѣстоу*, так и к *гривной*. В греческом оригинале причастие περιβεβλημένην — определение к прямому дополнению νύμφην. В архетипе славянского перевода усматриваются, таким образом, два примера так называемого «свободного» перевода, когда лексическое значение греческого слова передаётся неточно, а грамматическая форма сохраняется: περιβεβλημένην (περιβάλλω букв. ‘класть, набрасывать вокруг [чего-л.]’) — ὠβλισταῖμῳ и χρυσοστόλιος ‘облачённые в золотое одеяние’ (ср. χρυσός ‘золото’ + στολή ‘разновидность одежды’ или στολίσ ‘то же’)⁴³⁶ — *златозар^на* (цркви).

Что касается последней строки, то форма *незлѣ/бѣвѣи*, в соответствии с греческим μὴ ἐπιλάθῃ, очевидно восходит к первоначальному **не забжди* oder **не забываи*, тогда как императив *призри*, как параллель греческого ὁ ἐποπτεύων, отражает, вероятнее всего, субстантивированное причастие **призирали*. В обоих случаях причиной искажения архетипа стала паронимическая аттракция.

Сравнение сербско-церковнославянской версии кондака свт. Иоанну Златоусту с её греческим оригиналом позволяет предложить следующую реконструкцию архетипа его древнего церковнославянского перевода:

*Нынѣ златозарьнаѣ обрѣтеса цркви, Златоустыца памать съврѣшаѣщи, всезлаты(ми) бо словесы ѡ изоучивъ доуховны(ми), прѣдстави Господеви (Господоу? Господи?), тако невѣстѣ, оукрашенѣ догматы и четыркаменьнѣ (четирекаменьнѣ? четверокаменьнѣ?) дѣтель гривнѣ позлащенѣ на выи облистаѣмѣ, къ нему вѣпиѣшѣ: «Призираѣи съ нѣсе, не забжди (не забываи?) люди своихъ (или: Не забжди люди своихъ, призираѣи съ нѣсе), нѣ Христа (Бога? Господа?) моли непрѣстанно за ны!»

Древняя церковнославянская версия кондака, точнее, второго икоса кондака свт. Иоанну Златоусту представляет точный и осмысленный перевод оригинала, осложнённый единичными парафразами (περιβεβλημένην — ὠβλισταῖμῳ, χρυσοστόλιος — *златозар^на*), которые указывают скорее на хорошее понимание греческого текста славянским переводчиком, чем на его неспособность передать содержание оригинала. Слово *гривна* в значении ‘ожерелье’ принадлежит архетипу древнего церковнославянского перевода и отражает семантику греческого гапакса λιτζίς так, как переводчик знал или понимал это слово. Примечательно, что передача греческого λιτζίς славянским

⁴³⁶ Греч. χρυσοστόλιος — редкое слово, ср. (PGL 1535), где приведён единственный иллюстративный пример из рассматриваемого здесь кондака по изд. Ж.-Б. Питра; ещё три примера предлагает TLG (s. v.).

словом со значением ‘ожерелье’ согласуется с метафорическим содержанием контекста, в котором Церковь представлена в образе невесты.

Традиционная иконография Церкви-невесты не использует кажущийся естественным образ ожерелья, так же, впрочем, как и палантина (LCI 1, 563-564). Само слово *гривьна* ‘ожерелье’ в церковнославянских памятниках употребляется крайне редко⁴³⁷, не чаще встречается и его синоним — *монисты*⁴³⁸. Рассматриваемому здесь примеру можно привести лишь одну параллель — фрагмент стиха Ис. 61:10, используемый в чине пострижения в схиму: *яко невестѣ оукраси мѧ монисты* (LXX κόσμη ‘красотой’; ср. BSV monilibus ‘ожерельями; украшениями’) Син.евх. 98а-1 (Nahtigal 1942, 305).

8.4. Выводы

Выполненное исследование позволяет с помощью славянских данных уточнить и дополнить содержание словарной статьи LBG, разъясняющей значение греческого гапакса λιμβίς, которая в дополненном могла бы выглядеть так:

λιμβίς, ἡ Stola ? Halskette ? ἀρετῶν -ἰδα ἐπὶ τραχήλου ψυχῆς KalHym 7 α 5. — Vgl. λιμβός (< lat. limbus) LS, aber auch slav. *гривьна* ‚Halskette‘ als Übersetzungsäquivalent für λιμβίς nach der serbisch-kirchenslavischen Handschrift aus der Sammlung Undol’skijs der Russischen Staatsbibliothek Moskau Und 75, f. 122r, 14. Jh.

λιμβίς, ἡ Палантин ? Ожерелье ? ἀρετῶν -ἰδα ἐπὶ τραχήλου ψυχῆς KalHym 7 α 5. — Ср. λιμβός (< lat. limbus) LS, а также слав. *гривьна* ‘ожерелье’ как передача греч. λιμβίς в сербско-церковнославянской рукописи РГБ Унд 75, л. 122, XIV в.

⁴³⁷ SJS I, 434 (два примера из Бесед Григория Двоеслова); СРЯ XI–XVII 4, 134 (один пример из Геннадиевской Библии, Иез. 16:11).

⁴³⁸ SJS II, 228 (два примера); Крысько 2014, 137 (*похотиѣ мѧдрости больша яко златы монисты оукрасиа* в каноне св. Кириллу Философу).

IX. *Тагаш* в русской исторической лексикографии и этимологии

9.1. Словарные данные

Как лексикографические, так и этимологические исследования предполагают предварительную критику текста используемых источников, в особенности когда речь идёт о несохранившихся в современных языках лексемах. Благодаря текстологическим данным результаты этимологического исследования могут быть существенно уточнены. В том случае, однако, если такие сведения учитываются авторами словарей, содержание и ход источниковедческого анализа остаются скрытыми для читателя, поскольку историко-лексикографическая статья, как правило, является в каком-то смысле только формой представления результатов и выводов многоуровневого лингвистического и филологического исследования разнородных источников. Предлагаемый далее очерк представляет собой развёрнутый комментарий к словарным статьям *тагаший*, *тагашиный* и *тагашевый* (СРЯ XI–XVII вв. 29, 173–174), подготовленных автором этих строк.

Согласно М. Фасмеру, отсутствующее в современных восточнославянских диалектах притяжательное прилагательное *тагаш(уй)* сопоставимо с тюркским *тауан*:

«ТАГАШ 'blau', nur r.-kslav. *tagašb*, *tagaševъ*, *tagašinъ*, auch *tugaševъ* (s. MiLP. 981, Srezn. Wb. 3, 911, 1032). Vgl. kirg. *тауан* 'Taube'» (REW III, 68).

Так называемый «русский Фасмер» повторяет сведения, содержащиеся в оригинале (ЭСРЯ IV, 9), так что ни развитие значения, ни формальные морфологические особенности лексемы — притяжательного прилагательного в не засвидетельствованной в источниках «краткой» форме — остались непонятными. В частности, требовало бы, на наш взгляд, разъяснений, как из посессивного значения развивается цветовая семантика и чем вызван переход конечного *-n* (*тауан*) в *-š* (или в *-x*, учитывая теоретически возможный эффект йотовой палатализации или морфологической аналогии) на русской почве. В принципе возможно при образовании деминутивов (*карман* — *кармашек* или *камень* — *камешек*), к нашему случаю это чередование не может иметь отношения. Если же принять во внимание

вариативность вокализма, на которую указывает форма *тугашевый*, то предположение о тюркском источнике славянской, точнее, как сказано в словаре, «русско-церковнославянской», лексемы становится ещё менее вероятным.

9.2. *Тагаш и тогуш*

Тюркское влияние можно было бы усмотреть только в вокализме первого слога *ту(гаш-)*, но всё же не *тагаш-*. В пользу этого, казалось бы, свидетельствуют лексемы *тугаш* 'годовалый олень; молодой олень' и *тогуш* 'то же', которые известны в сибирских диалектах и восходят к соответствующим тюркским формам:

то́гуш 'годовалый лосенок, олененок' Том. (ССО 3: 184), *току́ш* 'годовалый лось' тобол. (Цом. Ист. хр. 2/1: 198; Патканов, Зобнин ЖС 4, 1899: 513; Фасмер 4: 70), *туга́ш* то же Том. (ССО Д 2: 231), *тыгыш* 'годовалый лосенок; шкура годовалого лосенка' тобол. 1682 г. (Панин: 158), *токушина* 'кожа годовалого лося' сиб. (Спаский МИРЛСД 1971: 198) // Из тюрк., ср. татЗС *тууѝш* 'годовалый лосенок' (Тумашева 1961: 205), бар. *тоуѝш* 'детеныш козули' [...] Тюрк. факты (где -š < праалт. *-l' > монг. l) связаны с тюрк. **toklu* 'ягненок', монг. **tugul* 'теленек' (ЭСРДС 548, см. также 559, s. v. *туга́ш*).

Существительные *тогушъ* (и производное) и *тугушъ* часто употребляются в таможенных книгах семнадцатого века:

«**ТОГУШЪ**, м. *Годовальный лось* (ср. тат. тугаш 'годовалый лосенок'). Явил захребетный татарин Бехтерюшко... что они продали своего промыслу семь тогушевъ на семь рублев. (Томск.) Словарь Том., 283. 1640 г. Товару привез по сибирской проезжей грамоте 80 кож лосинных вешних, 50 кож лосинных тогушев. Там.кн. II, 211. 1653 г.» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 386).

«**ТОГУШАТИНА**, м. *Мясо молодого лося*. Таможенного десятинного сбору... лосины и тогушатины 175. (Томск.) Словарь Том., 283. 1699 г.» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 386).

ТУГУШЪ, м. *То же, что тогушъ*. С тюменские покупки со штидесят кож лосинных зимних и вешних, и елбашев, и тугушев... по оцѣнке... пошлинь взято двенатцеть алтынъ. Кн.там.пошл., 1 об. 1601 г. Товару явил... 126 кож лосинных осенних и вешних, тугушев и суунов. Там.кн. II, 65. 1651 г. Стефанов сын Иван приехал ис Тобольска, явил... 12 кож лосинных и тугушев. Там.кн. III, 81. 1676 г. Матфей Семенов явил продать 55 лосин и волинов, и тугушов. Там.кн. III, 407. 1678 г. (см. СРЯ XI–XVII вв. 30, 217).

В среднерусском *тугушъ* отражается праалтайский переход **l'* в *š* в тюркских и в **l* в монгольских языках (ср. выше «-š < праалт. *-l' > монг. l»

[ЭСРДС 548]]⁴³⁹. Хотя очевидная тюркская лексическая параллель средне-русского *тугушъ* в словаре (ЭСРДС 548–549) отсутствует, однако соответствующая лексема убедительно реконструируется в том числе на основе старорусских данных: упомянутое в словаре монгольское **tugul* фонетически закономерно соответствует старорусскому диалектному *тугушъ*, которое по тому же фонетическому закону является точным соответствием незафиксированного тюркского **tugiš*.

«Русско-церковнославянское» прилагательное *тугашевый* могло бы объясняться как тюркское, не болгарское, заимствование, для чего, однако, требовалось бы «скорректировать» его значение: в соответствии с русскими сибирскими и параллельными монгольскими и тюркскими данными *тугашевый* должно значить не ‘голубой’, а ‘сделанный из оленьей кожи’, причём вокализм *та-* можно было бы объяснить межслоговой ассимиляцией. Необходимо, однако, проверить, в каких текстах и редакциях текстов засвидетельствованы лексемы с корнем *тагаш-* и насколько вероятно появление в них сибирских диалектизмов, заимствованных в ходе славянско-тюркских торговых контактов.

9.3. Тагаш в русско-церковнославянской Библии

Статья *тагаш* в словаре М. Фасмера проиллюстрирована ссылками на словари Ф. Миклошича и И. И. Срезневского⁴⁴⁰, которые, в свою очередь, полностью заимствовали иллюстративный материал из словаря А. Х. Востокова:

«**тагашевъ** adj. ὑακίνθινος hyacinthinus да покрьють покровомъ кожею синею тагашовою num. 4. 6 -vost. попоною тагашовоу num 4. 25 -vost. покровомъ кожаныъмъ тагашовымъ num. 4. 17. -vost. покровъ кожинеень тоугашевъ.

тагашинъ adj. ὑακίνθινος hyacinthinus покровъ кожаныъ тагашинъ num. 4. 17. -vost. покровъ кожинеень тоугашевъ (см. также: «тоугашевъ v. тагашевъ [LPGL 1014]).

тагашъ adj. ὑακίνθινος hyacinthinus покровомъ кожаннымъ -шимъ [так! — P. K.] -vost.» (LPGL 981).

«**тагашевыи** — синій: — Попону тагашовоу (ὑακίνθινον). Чис. IV. 25 по сп. XVI в. (В.). Да покрьют покровомъ, кожею синею тагашовою (δέριμα

⁴³⁹ Изменение пратюркского **λ* в **š* является «стандартным тюркским» («Standard Turkic») переходом, отличным от протобулгарской рефлексации **λ* в **l* (Dybo 2010, 21). Рефлексация этого **λ*, засвидетельствованная в том числе позднестарорусским *тугуш-*, указывает на ареал заимствования этой лексемы, лежащий за пределами древних славянско-булгарских контактов; ср. «Danube and Volga Bulgar *l, lč > č, r»* (Dybo 2010, 21).

⁴⁴⁰ REW III, 68; ЭСРЯ IV, 9.

ὑακίνθινον). *т. ж. IV. 6 по сп. XVI в. (В.)*. Покровомъ кожаныѣмъ тагашовымъ (ὑακίνθινον). *т. ж. IV. 12 по сп. XVI в. (В.)*. — Ср. **тагашии**, **тагашинны**, **тѣгашевыи**.

тагашии — синий: — Покровомъ кожинны^м тагашимъ (ὑακίνθινον). *Чис. IV. 8 по сп. XVI в. (В.)*. — Ср. **тагашевыи**, **тагашинныи**, **тѣгашевыи**.

тагашинныи — синий: — Покровъ кожаныѣ тагашинъ (κάλυμμα δερμάτινον ὑακίνθινον). *Числ. IV. 14 по сп. XVI в. (В.)*. — Ср. **тагашевыи**, **тагашии**, **тѣгашевыи**» (МСДРЯ III, 911).

тѣгашевыи — синий: — Покровъ кожиненыѣ тоугашевъ (въ др. сп. синь, ὑακίνθινος). *Чис. IV. 10 по сп. XVI в. (В. II. 448)*. — Ср. **тагашевыи**, **тагашии**, **тагашинныи** (МСДРЯ III, 1032).

тагашинъ. а, о и **тагашовый**. ал, ок. пр. говоря о кожаномъ покровѣ: синий. Числ. IV. 6 по сп. XVI в. да покрью^т покровомъ кожею синею тагашовою. 17 и 12. покровомъ кожаныѣмъ тагашовымъ 14. покровъ кожаныѣ тагашинъ 25. по пону тагашову а въ двухъ мѣстахъ нѣсколько иначе: 8. покровомъ кожаннымъ тагашимъ, и 10. покровъ кожиненыѣ тоугашевъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ Греч. ὑακίνθινος синий (СЦСЯ II, 224).

Во всехъ цитатахъ речь идѣт о сакральныхъ защитныхъ покровахъ ветхозаветнаго жертвенника, стола съ хлебами предложена и священными сосудами. Цветъ этого покрова или его материалъ названъ в древнерусскихъ рукописяхъ Ветхого Завета словами *тагаший*, *тагашиный*, *тагашевый* и *тугашевый*. Во всехъ словаряхъ значеніе этихъ словъ определено на основѣ греческаго оригинала, в которомъ вездѣ читается ὑακίνθινος (LXX) 'синій'.

В соответствии с гипотезой о тюркскомъ происхожденіи слова *тагаший* (и родственныхъ) версия библейскаго текста, представленная в процитированныхъ А. Х. Востоковымъ рукописяхъ, должна была испытать языковое влияние со стороны славянскихъ диалектовъ Сибири, находившихся в языковомъ контакте с тюркскими идиомами. О наличіи раннегo тюркскoгo лексическoгo пласта в церковнославянскихъ переводахъ хорошо известно, однако его проникновеніе в письменность характеризует кирилло-мефодиевскую эпоху и древневосточноболгарскую преславскую книжную традицію; древнерусские тюркизмы, какъ кажется, не проникаютъ в библейскіе переводы⁴⁴¹. Языковой пластъ сформированный славянско-тюркскими контактами позднего Средневековья, до сихъ пор в исторіи славянскoй Библии не былъ выявлен.

А. Х. Востоковъ не сообщаетъ никакихъ выходныхъ данныхъ о своихъ рукописныхъ источникахъ. Какъ правило, ихъ можно атрибутировать

⁴⁴¹ См.: Добродомов, Романова 1979 (библиография); Райнхарт 2006 (литература); Granberg 2009 (литература); Dybo 2010 (литература).

благодаря составленному им каталогу рукописей Румянцевского музея, с которыми непосредственно работал исследователь (Описание 1842). Цитатный материал из Ветхого Завета, приведённый в соответствующих статьях словаря А. Х. Востокова (СЦСЯ), заимствован из Пятикнижия собрания графа Румянцева РГБ, ф. 256 (Рум.), № 28 (XVI в.), которое цитируется в СРЯ XI–XVII вв. с сокращением *Библ. (Рум.)* («Румянцевская Библия»). Известно, что редакция текста «Румянцевской Библии» отражает открытую прот. А. В. Горским средне-русскую версию Пятикнижия, в которой более ранний текст прошёл лексическую сверку с Масоретской Библией (Горский 1860).

«Въ нѣкоторыхъ спискахъ Пятюкнижія Моисеева встрѣчаются слѣды исправленія древняго перевода славянскаго по еврейскому подлиннику. Уже прежде было замѣчено это явленіе славянскимъ филологомъ, А. Х. Востоковымъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Румянцевскаго музеума. Но ученый изслѣдователь, по роду своихъ занятій, обратилъ вниманіе только на измѣненіе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ въ этихъ спискахъ по еврейскому произношенію; и сверхъ того, замѣтилъ еще, какъ особенность, что въ нихъ, между славянскими рѣчами, встрѣчаются обороты и слова русскія XV вѣка, иногда же и „лишнія слова, вставленныя въ текстъ русскими переписчиками“⁴⁴² [...] [п]оставленныя въ замѣну славянскихъ рѣченій слова русскія суть исправленія прежняго перевода по еврейскому тексту [...] вставленныя „лишнія слова“, по большей части, суть дополненія, взятая изъ того же, еврейскаго, текста [...] древній перевод Пятюкнижія кѣмъ-то, не непрерывно, по мѣстамъ, былъ сличаемъ съ еврейскимъ текстом, и немало былъ исправленъ» (Горский 1860, 134–135).

Впоследствии это явление неоднократно привлекало внимание исследователей:

«Масштаб влияния стал проясняться после археографического описания и критического издания текста книги Бытия (Михайлов 1900, 1912). Из 20 восточнославянских списков Бытия, которые были известны А. В. Михайлову, 17 содержат деление на синагогальные субботние чтения — параша или парашаот [...] Из 28 восточнославянских списков Исхода, названных А. А. Пичхадзе, 16 содержат глоссы и исправления по МТ (Пичхадзе 1996, с. 21) [...] Как предмет филологического изучения глоссы представляют собою крайне сложный материал. При переписке глоссы могли вноситься с полей в текст, где или заменяли исконные текстовые варианты, или располагались рядом с ними, или же вытесняли их на поля. До полного текстологического изучения всей рукописной традиции восточнославянского Пятикнижия и в особенности всех глосс на полях и в тексте, нельзя делать точных выводов о времени и условиях их возникновения» (Алексеев 1999, 182–183).

⁴⁴² Речь идёт о каталоге (Описание 1842).

В самое недавнее время редактирование старорусских рукописей Пятикнижия по Масоретскому тексту рассматривалось в работах Б. А. Успенского, в которых в том числе сделан обзор более масштабной проблемы влияния иудейской традиции Танáха (Ветхого Завета) и арамейского Таргума на бытование славянского Ветхого Завета в Древней Руси⁴⁴³.

Древнееврейское происхождение слов с корнем *тагаш*- в «Румянцевской Библии» впервые установил прот. А. В. Горский:

Числ. 4, 6. прежде читалось: да покрють покровомъ, кожею синею. Исправитель написал: кожей *тагашевою*. По неопредѣленности значенія еврейского слова: *тахашъ* [так! — Р. К.], и по разнообразію объясненій, какой именно звѣрь разумѣтся подъ симъ именемъ, исправитель предпочель удержать здѣсь [...] собственное слово еврейское (Горскій 1860, 140)⁴⁴⁴.

9.4. *Тагаш* и Масоретская Библия

Прилагательные *тагаший*, *тагашиный*, *тагашевый* и *тугашевый* не принадлежат к тюркскому лексическому пласту в русском языке. Они являются внесѣнными в основной текст морфологически адаптированными глоссами, которые отражают правку славянской Библии по древнееврейскому тексту:

«И да покрють [...] покровомъ кожиннымъ тагашимъ [...]. (Числ. IV, 8) Библ. (Рум.), 97. XVI в.» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 174);

LXX: καλύμματι δερμάτινῳ ὑακίνθινῳ ‘покровом из голубой кожи’;

TM: שִׁטְמֹת רִיב בַּעֲמִיסֵהוּ ‘ог тагаš ‘покровом из *тагашевой* кожи’;

«И да сметут требникъ, и да покрють на немъ одежею багряною, и да возложить на ня вся съсуды его си, иж<е> служить на нихъ у него, и кадил<ь>-ники ражжены, и чашя, и покровъ, и вся съсуды... и възложить на нь покровъ кожанъ тагашинъ [...]. (Числ. IV, 14) Библ. (Рум.), 97. XVI в.» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 174).

LXX: κάλυμμα δερμάτινον ὑακίνθινον ‘кожаный покров голубой’;

TM: שִׁטְמֹת רִיב כַּסְיָו ‘покрыв из *тагашевой* кожи’.

⁴⁴³ Успенский 2012; Успенский 2013; Успенский 2014.

⁴⁴⁴ «Списки Пятикнижия, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, принадлежали прежде Іосифову Волоколамскому монастырю. Одинъ изъ нихъ (N 7), по письму, относится къ концу XV, или къ началу XVI в. [...] Другой (N 8) писанъ въ 1493 г. и содержитъ въ себѣ все Пятикнижіе. Въ первомъ исправленія находятъ на поляхъ рукописи, частію въ самомъ текстѣ. Во второмъ — только въ текстѣ, и притомъ не всѣ, находящіяся въ первой рукописи, особенно изъ писанныхъ на поляхъ ея» (Горскій 1860, 135).

И да съимут завѣсу осѣняющую, и да обовиют в ню ковчегъ свѣд<ѣ>нія, и да покрѣют сукном покровомъ, кожею синею тагашовою [...]. (Числ. IV, 6) (там же).

LXX: δέρμα ὑακίνθινον 'голубая кожа';

TM: שַׁחַת רִיב מִסָּה קַסְוּי 'ôr taḥaš 'покров из тагашевой кожи'.

«И да покрѣют [утварь и покровы] одежею синею, и да покрѣют покровом кожанным тагашовымъ [...]. (Числ. IV, 11)» (там же).

LXX: καλύμματι δερματίνω ὑακίνθινω 'покровом кожанным голубым';

TM: שַׁחַת רִיב מִסָּה בֶּ-מִקְסֵה 'ôr taḥaš 'покровом из тагашевой кожи'.

«И да воз<ъ>мут вся съсуды служебныя, в нихже служить въ сѣях, и да возложат въ одежду синюю, и да покрѣютъ их покровомъ кожаннымъ тагашовымъ [...]. (Числ. IV, 12)» (там же).

LXX: καλύμματι δερματίνω ὑακίνθινω 'покровом кожанным голубым';

TM: שַׁחַת רִיב מִסָּה בֶּ-מִקְסֵה 'ôr taḥaš 'покровом из тагашевой кожи'.

«Да воздвижут покровъ храма и храма свѣд<ѣ>нія покровъ его и попону тагашову, что сущу сверху [...]. (Числ. IV, 25)» (там же);

LXX: κάλυμμα ὑακίνθινον 'голубой покров';

TM: שַׁחַת רִיב מִסָּה מִקְסֵה 'ôr taḥaš 'покров [из] тагаша, покров тагашевый'.

«И да възложат... весь покровъ кожинеиъ тугашевъ [...]. (Числ. IV, 10)» (там же; СРЯ XI–XVII вв. 30 [в печати]);

LXX: κάλυμμα δερματίνον ὑακίνθινον 'покров кожанный голубой';

TM: שַׁחַת רִיב מִסָּה מִקְסֵה 'ôr taḥaš 'покров [из] тагашевой кожи'.

Прилагательные тагаший, тагашиний, тагашевый, тугашевый передают существительное שַׁחַת taḥaš, которое входит в конструкцию *status constructus*, или *сопряжённое состояние*, и выполняет атрибутивную функцию, определившую выбор части речи при переводе на церковнославянский. Причина появления глоссы в славянском тексте понятна: древнееврейское слово было призвано уточнить перевод, который отражал греческое ὑακίνθινος 'голубой'.

Значение древнееврейского слова שַׁחַת taḥaš неясно. Согласно BDBL, оно обозначает «a kind of leather or skin, and perh. the animal yielding it (prob. the *dugong*)» (BDBL 1999, 1065). Более развёрнутое объяснение предлагает ВНН (s. v.), где שַׁחַת taḥaš объясняется как

«**Tümmier**, eine Delphinart (lat. *Tursiops tursis*). Eine arab. Analogie ließ ihn hinter dem Ausdruck Tachasch-Haut (hebr. 'ôr taḥasch [...]) vermuten. Die als Schutzdecke im Zeltheiligtum [...] und Schuhleder [...] verwandte Tachasch-Haut bezeichnet aber vielleicht Fell, Leder allgemein».

9.5. Выводы

Разыскания, начатые прот. А. В. Горским, долгое время оставались незамеченными в славянской исторической лексикографии и этимологии, из-за чего до выхода 29-го тома СРЯ XI–XVII вв. гебраизм *тагаш*- не имел корректного словарного толкования. Словарные определения гебраизма отражали семантику греческого ὑάκινθος, а не древнееврейского תַּחַשׁ *taḥaš*. Тюркское влияние в истории этого гебраизма, однако, не может быть полностью исключено, о чём, как кажется, свидетельствует форма *тугашевый*: *И да възложат... весь покровъ кожинень тугашевъ*. Библ. (Рум.) 97, — которую можно рассматривать как результат паронимического смешения с русским диалектным *туга́ш* (не имеющим ранней письменной фиксации) и старорусским *тугушъ* (см. выше тюркск. **tuγuš* < праалт. **tugul*' > монг. **tugul*). Такая замена, проясняющая библейский текст с помощью понятной редактору культурно-бытовой реалии, была вполне возможной в ходе народной этимологии. Такое решение имеет типологические параллели: мало понятное древнееврейское תַּחַשׁ *taḥaš* передано Мартином Лютером как «Dachsfell» (LB) ‘барсучий мех, шкура’, а в Библии короля Якова — как «badgers skin» (KJB) ‘барсучья кожа, шкура’. Такая передача слова תַּחַשׁ *taḥaš* могла быть обусловлена символическим или даже магическим значением, которое имел барсучий мех в Средние века:

«Das angebl. Zauber abwehrende Fell [барсука. — P. K.] wurde zu Taschen, Jagdmützen und Halsbändern für Hunde verarbeitet» (LMA 3, 427, s. v. «Dachs»).

Хозяйственное и иное употребление барсучьих и оленьих шкур в Западной Европе и Московской Руси шестнадцатого — семнадцатого веков останется за пределами этого очерка. Не рассматриваем мы здесь и современную русскую фамилию *Тагашѳов*, которая отсутствует в известных мне научных изданиях, посвящённых истории русских имён собственных⁴⁴⁵, но хорошо отражается в электронных поисковых системах при введении соответствующего запроса. Едва ли эта распространённая фамилия отражает древнееврейский лексический пласт в истории русской Библии шестнадцатого — семнадцатого веков. По всей вероятности, она восходит к финно-угорскому марийскому *тагаш* ‘молодой баран; козлёнок’⁴⁴⁶, связи которого с диалектными *тугуш*, *тугаши* для темы данного очерка неважны.

В завершение сюжета приведём два примера того, какое развитие получила лексикографическая традиция описания старорусского

⁴⁴⁵ Тупиковъ 1903; Унбегаун 1995.

⁴⁴⁶ МРС; МРС (10).

гебраизма *тагаш*- в двух новейших публикациях. Первой является монография, в приложении к которой опубликован «Каталог названий цвета в русском языке», где среди «книжных и устаревших слов» отмечены мнимые цветообозначения «тагаший, тагашевый, тугаший — синий», без каких-либо ссылок на их историю и употребление⁴⁴⁷. Очевидно, ближайшим источником этих сведений стала книга (Бахилина 1975, 44), в которой данные слова приведены в том же порядке, с тем же толкованием и с той же пунктуацией среди «Перечня цветообозначений из Словаря Срезневского».

Второй пример представляет собой историографический курьёз, каковым является употребление слова *тагашевый* в сочинении некоего Андрея Акшина. Автор, практикующий жанр «фентези à la russe», сделал слово *тагашевый* 'синий (о цвете татуировки)' элементом безобидной военно-исторической реконструкции:

— С Александром в союз вступи... В Гюрги-Полье дом поставь... На камнях... Их так же расположи, аки у меня на груди начертано...

— Построю! — ответил князь-темник, глядя на начертанный в коже, тагашевый узор⁴⁴⁸.

⁴⁴⁷ Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005, 172.

⁴⁴⁸ http://www.bagryanez.com/chekan_alruina14.php; дата обращения: 09.12.2014.

Х. Старославянское *трьба* и его связи

10.1. Русская историческая лексикография как средство описания древнего церковнославянского языка

Восточнославянская письменность сохранила множество древнеболгарских оригинальных и переводных литературных текстов, в том числе утраченных в южнославянской рукописной традиции. В этой связи русская историческая лексикография, в частности, Словарь русского языка XI–XVII вв., использующий восточнославянские списки древнеболгарских оригинальных и переводных текстов среди своих источников, является важным пособием для изучения древнейшей части южнославянского лексического фонда, в том числе его культурной и философской терминологии (ср. Weiher 1972). Надёжность и полнота такого исследования обеспечивается цитатным материалом в особенности последних выпусков Словаря, которые основаны не только на картотеке, а для древнейшего периода не столько на картотеке, сколько на сплошном исследовании всех словоупотреблений описываемых лексем в научных изданиях, снабжённых словоуказателями, и в базах данных. В сочетании с данными пражского Словаря старославянского языка это позволяет получить максимально полную картину словоупотребления описываемых в СРЯ XI–XVII вв. древних церковнославянских лексем, в частности, наименований *жертвы*, как они отражены в старославянских литературных традициях Великой Моравии и Западной и Восточной Болгарии.

10.2. *Трьба* и *жрътва* как приметы регионального книжного узуса

Основными синонимами, обозначающими жертву в древних славянских памятниках, являются *трьба* и *жрътва*. В Ягич рассматривал слово *трьба* среди лексем, «die wir der nächsten Periode des kirchenslavischen Lebens zuschreiben möchten» (Jagic 1913, 275), признавая, что оно встречается в таких архаических памятниках, связанных с глаголической традицией, как *Клоцов сборник* или *Синайский евхологий*. В другом месте своей монографии В. Ягич писал, что слово *жрътва* (θυσία) употребляется исключительно в древнейших памятниках, тогда как *трьба* используется только в «преславских» текстах *Чудовской Псалтири* и в *Супрасльской рукописи* (Jagic 1913, 345). Этот взгляд получил распространение в более поздних работах. Так, по мнению Р. М. Цейтлин,

«жрътва [...] — слово общестарославянское, *трѣба* [...], в отличие от него, употребляется значительно реже и в ограниченном числе СП (Цейтлин 1977, 49, ср. 44–45). В более поздней работе Р. М. Цейтлин высказывалась относительно использования слов ещё более определённо, связывая их с «охридской» и «преславской» книжными традициями:

«Охридские лексические параллели типа [...] *жрътва*, *олѣтарь* [...] употребляются обычно чаще соответствующих преславских параллелей типа [...] *трѣба*, *трѣбище*» (Цейтлин 1986, 290, см. также 64, 69–70).

Вслед за Р. М. Цейтлин столь же определённо о распределении праславянских синонимов *жрътва* и *трѣба* писала Т. Славова:

«Срещу *жрътва* θυρία от първата редакция на старобългарски евангелски текст обикновено стои *трѣба* в ръкописите със следи от преславската обработка» (Славова 1989, 55).

При более внимательном отношении закономерности разного употребления слов *жрътва* и *трѣба* оказываются сложнее, чем стилистические предпочтения одной из древнецерковнославянских литературных традиций. Согласно наблюдениям А. А. Пичхадзе, слово *трѣба*

«трижды используется в Ж<итии> А<ндрея> Ю<родивого> для обозначения языческих жертвоприношений (*жрътва* употребляется один раз в цитате из Мф. XII 7 и дважды — применительно к жертвам дьяволу, которые по неведению и греховности приносят христиане), в «Александрии» — один раз [...] Тенденция обозначать словом *трѣба* нехристианскую жертву прослеживается уже в Апостоле, Супрасльской рукописи и Толковой псалтири [...] она не чужда оригинальным древнерусским памятникам, в том числе и летописям» (Пичхадзе 2011, 279).

Таким образом, вариативность *жрътва* — *трѣба* свидетельствует о разном наименовании нехристианских, языческих и ветхозаветных, жертв. Последние могли обозначаться любым из этих двух терминов, напротив, христианская жертва, то есть Святые Дары, обозначаются только словом *жрътва* / *жьрътва*, и примеров употребления лексемы *трѣба* с таким значением почти нет, исключения же, о которых будет сказано далее, показательны и подтверждают правило.

10.3. Старославянские данные на древнерусском фоне

Согласно СРЯ XI–XVII вв. (30), значения слова *трѣба* распределяются следующим образом⁴⁴⁹.

⁴⁴⁹ СРЯ XI–XVII вв. цитируется с сокращениями, принятыми в Словаре, которые здесь не раскрываются. Примеры подаются в том виде, в каком это принято в Словаре.

О языческой или ветхозаветной жертве

Повѣждь бо ми, аште бы осьля мрътво и смърдяште, отъ распутия привлѣкъ, на трѣбнищѣ положивъ, не быша ли тебе каменiemъ побили, акы сквърньника? Да како убо аште обличю, яже е отъ гребения трѣба (θυσία)? Изб. Св. 1073 г., 368. [Бог] Исака не прия, оцѣмъ приносима, нъ измѣни трѣбу, овьнъ давъ въ словесьныя трѣбы мѣсто (τὴν θυσίαν... τοῦ λογικοῦ θύματος). Гр.Наз., 263. XI в. Бѣ, яко нечѣстивы, отнудъ злѣ я погубить, егда вси любодѣяние, яко скоть, створять съ женами, и поставитъ жены бестудны прѣ [вм.: прѣдъ] людьми и трапезы, исполнь трѣбъ и жертвъ прѣдъ врагы [греч. оригинал для данного фрагмента отсутствует]. Ефр.Сир. IV, 374. XIII в. Показа Илья дхъ примѣсьнь водѣ, водою иждегъ всюю съжизаемую требу [ср.: 3 Цар. XVIII, 31–38] (φλέξας τὴν ὀλοκαύτωσιν ‘спалив жертву всеожжения’). Ио.екз.Бог.¹, II, 162. XIII в. И инѣми мними бзи от инѣхъ... бывають жертвы и требы [и те, кто одними (язычниками) почитаются как боги, другими... приносятся в жертву] (σπονδαὶ καὶ θυσία ‘возлияния и жертвы’). Хрон.Г.Амарт., 63. XIV в. ~ XI в. [Я, Господь,] трѣбъ вашихъ ненавижю, не ям бо мясь телчихъ, ни овнихъ [ср. Ис. I, 11: τί μοι πλῆθος τῶν θυσίων ὑμῶν; πλήρης εἰμί ὀλοκαυτωμάτων κριῶν καὶ στέαρ ἀρνῶν καὶ αἶμα ταύρων καὶ τράγων οὐ βούλομαι ‘что Мне множество жертв ваших? Я сыт всеожжениями овнов и жиром ягнят, и крови бычьей и козьей не желаю’]. Сл. и поуч. противъ языч., 80. XIV в. Отселе [по воскресении Христа] бо не приемлетъ ад (далее в ркп. XIV в. доб.: требы) закалаемыхъ отци младенець, ни смерть почести. Кир.Тур. XIII, 415. XIV в. ~ XII в. [Вот] закон трѣбы сѣса [σωτηρίου ‘спасения’], юж<е> принесетъ Гү: аще похваления дѣля принесетъ ю, и принесет... с трѣбою похваления хлѣбы прѣсны (θυσίας... ἐπὶ τῆς θυσίας). (Лев. VII, 11–12) Библ.Генн., 1499 г. Мнози паки приношаху остиясь [на поле глосса: требы] и жрътвы Гү въ Иерѣлимѣ и дары Езекии, царю Иуюдину (hostias et sacrificia). (2 Парал. XXXII, 23) Там же. Сице и Сумма сказал: и възношение твое тучна [так!] будет, сирѣчь ослабу миру давъ, да ти подастъ время, яко да умалиши его множайшими требами (θύμασιν). (Пс. XIX, 4, толк.) Псалт. толк.Феодорит., 32 об. XV в. ~ XI в. Треба бо, рече, угодна... Тебѣ, Бѣи нашему, — смирение мудрости (ιερεῖον). (Пс. L, 19, толк.) Там же, 85 об. Отиметъ жрътва и трѣба (σπονδή ‘возлияние’). Сильв. и Ант.вопр.¹, 525. XV в. Аще бы хотѣлъ Богъ уморити наю, то не бы взялъ отъ руку наю всесъжжение и требы (θυσίαν). (Суд. XIII, 23). ВМЧ, Сент.1–13, 88. XVI в. Офера — треба, приносимая на жертву. Алф.¹, 160 об. XVII в. Возложити (класти, положить, полагати, полагати, положить, принести) требу (требы), требою полагати — *принести (приносить) (в) жертву*. Егда бо [иудей] тельць створиша и трѣбу полагати начинаху не сущтиимъ богомъ, тѣгда же убо по законѣ и о жрътвахъ положи ся заповѣдъ (θυσιάζειν). Изб. Св.1073 г.², 512. Аврамъ, иже паче Бѣа почиташе, единочядааго трѣбою полагая, безмилостьемъ ся хваляше (θυσιάζων). Там же, 379. Требу... положе Ное [вм.: положи Ное — ἔθυσε γὰρ Νῶε]. Ио.екз.Бог.¹, III, 54. XIII в. Приложи же Валакъ възвести и на иное мѣсто Валама и оградити трѣбница и возложити на ня требы. Палея Толк., 288. 1406 г. Господь Богъ еврейскы повелѣ намъ ити путемъ 3 дни въ пустыню, да положимъ требу Господеви, Богу нашему. (Сказ. о Моисее) Лож. и отреч.кн., 46. XV в. Таковыя боги призваша мнози

члци и тако им начаша трѣбы покладати, и тако прѣлѣсть вниде въ члкъ. Сл. и поуч. против языч., 52. XVI в. Прѣсташа отцы дѣтей закалати на жертву бѣсомъ... рѣкамъ и езеромъ требы класти. Ж.Конст.Мур.¹, 235. XVII в. ~ XVI в. || *Дар, приношение*. Днесь новымъ людемъ въскресения Христова поновления праздниѣ, и вся новая Богови приносится: отъ языкъ вѣра, отъ хрестыян трѣбы, отъ иерѣи жертвы. Кир.Тур. XIII, 417. XIV в. ~ XII в. || Перен. И ту ся собуд<у>ть реченое прѣкомъ Езекилемъ: снѣу челоувѣчь, созови звѣри пустыньныя и птица нѣсныя, приваби я, глѣя: соберетеса и приидете, трѣбу вы уготовалъ велику, приидете да ѣсте плоти сильныхъ и пьете крови болярскы. Пам.отреч. II, 275. XV в.

Жертвоприношение; священнодействие
(о языческихъ или ветхозаветныхъ культурахъ)

Тъ бо бѣ и нечистааго того съвѣта съказатѣль, имже падоша въ единъ днѣ ·кд· тысяшти, егда трѣбу твориша Веелефегору [ср. Числ. XXV, 1–9] (ἐτελέθησαν τῷ Βεελεφεύωρ 'совершались [жертвоприношения] Веелфегору'). Изб.Св. 1073 г.², 485. Не подобно бо есть снѣныхъ трѣбъ, сирѣчь снѣне творимыхъ, дѣяти что отънудъ чрѣсъ приснаа рачиненя (ταῖς... τελεταῖς 'в... священнодействияхъ'). Панд.Ант.¹, 181. XI в. Сеи же благостыни являемъ, древлѣныя пустыни съзрѣлъ плодъ подастъ, и трѣбишта, неистовыштася трѣбами бѣсъ, хвалаштиахъ Бѣ присно (θύμασιν). (Пс. LXIV, 13, толк.) Псалт.Чуд.¹, 80. XI в. Раздражашеса духъ его въ немъ, видящю неприязнинъ дѣлесъ и трѣбъ исполненъ градъ (κατείδωλον οὖσαν τὴν πόλιν 'городъ полный идолов'). (Деян. XVII, 16) Апост.Христ., 41. XII в. Довѣлѣть бо намъ минувъшее лѣто живота волю поганомъ творити, хожышая въ скотоложствия... въ лихопитиихъ и неприязниныхъ трѣбахъ (ἐν... εἰδολολατρείαις 'в... службахъ идоламъ'). (1 Петр. IV, 3) Там же, 85. XII в. Чадыца моя, хранитеса отъ трѣбъ (εἰδώλων 'идоловъ')! (1 Ин. V, 21) Там же, 100. XII в. Всяко село, в немже требы бывають или присягы поганьскы, да отдаются въ Б(ож)ии храмъ съ вѣсьмъ имѣниемъ (paganæ superstitiones... aliquid tale 'языческие суевѣрия... что-либо подобное'). Ном.Меф., 178. XIII в. [то же — Мерило пр., 252. XIV в.]. Отвръжена же елиньская треба бяше (θυσία). Ио.екз.Бог.¹, III, 54. XIII в. (980): И жряху имъ, наричюще я боги, и привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими, и оскверниа кровыи земля Руска и холмо-ть. Лавр.лет., 77. 1377 г. [Юлиан] не престаяше, закалая и требы творя всячьская (τελετάς). Хрон.Г.Амарт., 364. XIV в. ~ XI в. Суди ми Дѣхъ твоимъ, алѣми своими и раздрѣшиши тяжю мою, низъ свержеши идолы и сокрушиши болваны, и възъбриши скарѣдую трѣбу (τὰς... θυσίας). Ж.Андр.Юрод.¹, 377. XIV в. ~ XII в. [то же — (Вопр. и отв.Григ.) Климент Смолят., 182. XV в. ~ XII в.]. Сауломъ гонимъ, си словеса съгѣа [Давид] по нужи въ иноплеменницех... ихже в нечестии и въ всяцѣ безаконии живуца видя... и бывающаго [вм.: бывающа — ἐπιτελουμένας 'совершаемые'] требы бѣсомъ (τὰς δημοθινας). (Пс. XXV, 1, толк.) Псалт.толк.Феодорит., 42. XV в. ~ XI в. Поими сѣа своего възлюбленнаго... и иди на землю высоко, възведи тамо въ требу на едину отъ горъ, юж<е> ти реку (εἰς ὀλοκάρπωσιν). (Быт. XXII, 2) Библ.Генн. 1499 г. Се пустихомъ къ вамъ сребро, да купите на сребрѣ всесъжежения за грѣхъ и тьмианъ, и створите трѣбу (καὶ ποιήσατε

μαννα). (Вар. I, 10) Там же. [Персей,] емъ ю [Мидусу] за власы... усѣкну еи главу; и въземъ Пръсеусъ, требу сътвори главою мльча (ἐτέλεσε τὴν αὐτὴν κάραν μυστικῶς 'совершил с этой головой магический обряд'). Хрон.И.Малалы, II, 475. XV в. ~ XIII в. [Нуктиосъ] дщерь имѣ жрицу храма слѣчнаго... яже бѣ навькла слѣчнѣи трѣбѣ (εὐχήν). Там же, 481. Ромъ же цѣрь... того мѣца устави празникъ и требу Арии, и сътвори имя мѣцу тому Маротъ (Θυσίας). Там же, VII, 19. Комуждо от прѣемник по смѣрти прьваго цѣря являетъся<я> и раздѣление цѣрства его, ни дѣтем его сущем, ни сердоболи на многа лѣта обладати вселеню, быти же от сих цѣрю погубляющу... и расыпающу цѣркве и жрѣтвы, на три лѣта възбраняюща службы (вар. XV, XVI и XVII вв.: трѣбы) творити (ἐπιτελεσθήναι). Сильв. и Ант.вопр.¹, 520. XV в. (982): Иде Владимиръ на ятвагы и взя ихъ землю и творяше требу кумиромъ. Роглет, 15. XV в. Очьскихъ богов не оставливайте, а жрѣтвъ и трѣбъ ихъ не забывайте. Ж.Стеф.Перм.Епиф., 40. XV–XVI вв. ~ XV в. Да ся управить мѣтва моя, акы темьянъ пред тобою, възводъ руку моею, треба вечерняя [Пс. CXL, 2]... Двѣдъ реч<е>... въземъ руку моею, треба вечерняя, понеже двѣма требама веляше бывати Моиси (Θυσία... Θυσία... Θυσία... Θυσίας). Шестоднев Ио.екз.¹, IV, 523. XVI в. Хранитесь<я> от блуда и трѣб идольскихъ [ср. Деян. XV, 19–20; IИн. V, 21: εἰδῶλων! Сл. и поуч. против языч., 202. XVI в. (983): И приде [Владимир] к Киеву и творяше требу кумиромъ с людьми своими. Лет.Арх., 54. XVII в.

Жертвоприношение Христа также может обозначаться словом *трѣба*, если она описывается с помощью образа дохристианской жертвы:

Тако бо възлюби Бѣ утвари, якоже Сѣна своего инородьца дати за сѣсение утвари [ср. Ин. III, 16]... да заколю Сѣна своего за утварьну сѣсь [ὕπὲρ τῆς τοῦ κόσμου σωτηρίας 'за спасение мира'], трѣбу живую (Θυσίαν). (Сл.Ио.Злат.) Усп.сб., 419. XII–XIII вв.

Риторически мотивированная контекстная антонимия, усиленная в переводе славянским термином, обозначающим языческую жертву, просматривается и в следующем контексте из Толковой Псалтири (цитируется фрагмент комментария к словам пятидесятого псалма):

Не угодны Тебѣ суща жрѣтвы скотныя, того же убо дѣл<ь>ма угодную Тебѣ требную службу принесу (ἱερούργιον). (Пс. 50, 18, толк.) Псалт.толк.Феоодрит, 85 об. XV в. ~ XI в.

В приведѣнных выше цитатах особенно показателен пример из Номоканона Мефодия (*село, в немъже трѣбы бывають или присягы поганьскы [paganae superstitiones... aliquid tale 'языческое суеверие... что-либо подобное']*). Ном.Меф., 178. XIII в.), который свидетельствует о древности книжной традиции, согласно которой наименованием языческой жертвы или священнодействия было именно *трѣба*. Это наблюдение поддерживается также многочисленными примерами из *Фрейзингенских отрывков, Жития Кирилла Философа и Устюжской Кормчей*, которые содержат архаичные тексты, созданные

за пределами Первого Болгарского царства или не связанные с преславской традицией (SJS IV, 508). Сказанное ранее о предпочтении или даже «исключительном употреблении» слова *жрътва* в древнейшей книжной традиции⁴⁵⁰ справедливо только на материале Священного Писания, хотя и здесь встречаются исключения (см. выше в древнерусском цитатном материале пример из *Христинопольского Апостола* с сокращением «Апост.Христ.»). Памятники, находящиеся за пределами старославянского корпуса, но при этом содержащие древние тексты, существенно уточняют такие наблюдения. Складывается впечатление, что создатели древнейших редакций библейских книг действительно избегали употреблять слово *трьба*, хотя и использовали его, например, в юридических текстах по отношению к языческим священнодействиям. Древняя традиция терминологического употребления слова *трьба* для описания нехристианских священнодействий проявляется в многочисленных производных слова *трьба* (*трьбище*, *трьбищънъ*, *трьбовати*, *трьбъникъ* ‘алтарь; жертвенник’ [ср. примеч. 452], *трьбънъ*), значения которых, имеющие отношение к священнодействию и ритуалам, все без исключений связаны с языческими или ветхозаветными обрядами (SJS IV, 509–512). В этой связи нужно уточнить толкование одной цитаты из *Синайского евхология*, в которой авторы «Словаря старославянского языка» усматривают описательное значение «de liturgia eucharistica» (SJS IV, 508): *W благовъгодънъ трьбъ быти · словесьноумоу семоу слоужению нашемоу* Син.евх. 60а 14–16 (Nahtigal 1942, 155). Перед нами — одно из прошений на коленопреклоненной молитве в Пятидесятницу («[просим о том, чтобы] это наше словесное / разумное служение было благогодной жертвой»), следовательно, речь идёт всё же не о евхаристии, а об общей молитве. Пример, однако, примечателен тем, что он является единственным зафиксированным в «Словаре старославянского языка» случаем употребления слова *трьба* по отношению к христианскому священнодействию вне текстов древневосточноболгарской преславской школы. Именно в этой региональной литературно-языковой традиции слово *трьба* в христианском контексте получает некоторое распространение. Судя по словарным данным, *трьба* в значении ‘Святые Дары’ отмечается в *Супрасльской рукописи* (SJS IV, 508), а также у Иоанна, экзарха Болгарского, в *Изборнике 1073 г.* и в словах Григория Назианзина (СРЯ XI–XVII вв. 30, s. v.), в котором предполагаются разные текстологические пласты древнеболгарского происхождения⁴⁵¹:

⁴⁵⁰ Jagić 1913, 345; Цейтлин 1977, 44–45, 49; Цейтлин 1986, 64, 69–70, 290; Славова 1989, 55.

⁴⁵¹ Молдован 2013₁; Молдован 2013₂.

Св. Дары, евхаристическая жертва

Въскрѣсьшу Гѣи принесѣте трѣбу вашу, о неже вамъ нами заповѣда, рекыи: се творите на мою память [ср. Лк. XXII, 19] (Θυσίαν). Изб.Св.1073 г.², 585. На цѣквы воующе, и олтаремъ наругающеся и бесквѣрныя трѣбы члѣчу крѣвию... освѣряюще (Θυσίαν). Гр.Наз., 48. XI в. Си есть чистая треба, явѣ же и бесквѣрныя, юже от вѣстока слѣнца даже и до запада себѣ приносити прѣкомъ Гѣ рече (Θυσία). Ио.екз.Бог.¹, III, 26. XIII в. [О претворении Св. Даров] Имаши образ точ<и>ю херувим: сѣи, сѣи, сѣи Гѣ — остѣся треба (ή θυσία). Шестоднев Ио.екз.¹, II, 313. XVI в.

10.4. Терминологическое разграничение слов *трѣба* и *жрѣтва*

Архаичный церковнославянский лексический узус, восходящий к кирилло-мефодиевской традиции, стремился к терминологическому разграничению евхаристической жертвы, с одной стороны, и нехристианских, то есть ветхозаветных и языческих, «треб»⁴⁵². С этим связано преимущественное употребление слов с корнем *трѣб-* в контекстах, повествующих прежде всего о языческих священнодействиях. Напротив, слово *жрѣтва* употреблялось «идеологически нейтрально» в любых, христианских и нехристианских, контекстах. Таким маркированным употреблением слова *трѣба* (и производных), с одной стороны, и нейтральным использованием слова *жрѣтва* объясняется возможность употребления обоих корней в одной фразе «*иже идоломъ <ъ> служитъ или жреть · или трѣбуеть изъ* Зап 295bβ 23» (SJS IV, 510, s. v. *трѣбовати*¹).

Цель такого терминологического разделения в рамках древнейшей славянской традиции очевидна, однако причины выбора конкретной лексемы ясны недостаточно. Возможно, что основанием для разделения стала ещё живая словообразовательная мотивация существительных *жрѣтва* и *трѣба*, ощущавшаяся носителями языка. Не вызывает сомнений связь праславянского **trēba* ‘жертва’ с семантикой

⁴⁵² Современное русское *треба* ‘служба по заказу, по требованию или по необходимости’ связано со значением корня *треб-*, выражающим понятие необходимости. Это же значение отражено в названии богослужебной книги *Требник*, которая содержит такие последования, которые совершаются по случаю или по необходимости, по требованию (т. е. чины венчания, крещения, отпевания, пострижения и проч.). Первоначальным названием этой книги было *потребникъ* (СРЯ XI–XVII вв. 18, 21, s. v. *потребникъ*¹), это слово лексикографически фиксируется столетием раньше, чем более позднее *требникъ*, засвидетельствованное не ранее середины семнадцатого века (СРЯ XI–XVII вв. 30, s. v. *требникъ*). Употребление слова *требникъ* по отношению к памятнику старославянского корпуса («Синайский требник») или к его фрагменту представляется недопустимым, но устоявшимся в научной традиции анахронизмом.

расчистки, очищения, а также растирания (ЭСРЯ IV, 45–46, 48), что указывает на одно из архаических пониманий жертвы как очищения. Что же касается происхождения **žbrtva*, то здесь долгое время господствовала точка зрения о его связи с индоевропейской лексикой, обозначающей хвалу, превозношение и воспевание (ЭСРЯ II, 50).

«Однако в тех религиях, культовые ритуалы которых поддаются непосредственному наблюдению либо изучению по текстам, кульминация священнодействия — акт жертвоприношения окружен благоговейным молчанием, ср. лат. *favete linguis* [...] Наряду с обычным жертвоприношением, когда от жертвенного животного сжигается определенная часть, а прочее идет на храмовую трапезу участников ритуала, религией Ветхого Завета предусмотрено всесожжение [...] — высший вид жертвы, отличающийся тем, что здесь ничего не расходуется для земных целей, все возносится дымом на небо [...] Этот образ вошел в канон Поликарпу, творение Феофана: Ὁλοκαύτωμα τέλειον καὶ καθαρὰ θυσία προσηνήχθης — Всежъжение съвьршено и чиста жрътва принесеса (Минея XI–XII вв., РГАДА, № 103)» (Мурьянов 2008, 481).

Наблюдение М. Ф. Мурьянова, основанное на историко-культурных фактах, получило прочное лингвистическое обоснование в работах Ж. Ж. Варбот, в которых родство форм **žerti*, **žьrǫ* и **gorěti*, **grěti*, **žariti* доказано благодаря наличию в гнезде **gorěti* именных производных с корневым вокализмом **e*: **žeravъ* (жъ) (др.-рус.-цслав. *жеравъ* 'горящий, раскаленный', чеш. *žeravý*, 'раскаленный, жгучий'), **žeratъкъ* (др.-рус. *жератъкъ* 'пепел; сера, смола'), ср. также приведенные Ж. Ж. Варбот примеры *жерети* (*Кормчая Рязанская* 1284 г., л. 375г) и прич. страд. наст. вр. *жеремьи* (*Пандекты Никона Черногорца* по сп. XIV в., л. 5г) (там же) (с вторичным обобщением для настоящего времени ступени огласовки, характерной для инфинитива), а также значения 'жертва' в производном от другого глагола этого гнезда — **žariti*: ст.-польск. *zarzyzna*⁴⁵³.

Дополнительных размышлений требует идеологический контекст древнеболгарской книжной семантической инновации *тръба* 'Святые Дары'. Возможно, мы встречаемся здесь с попыткой нанести «лингвистический удар» по сознанию язычника за счёт христианского вытеснения важнейшего термина, связанного с жертвоприношением⁴⁵⁴. Такая языковая практика кажется особенно оправданной в начале

⁴⁵³ Варбот 1967, 72–73; Варбот 2004 (литература).

⁴⁵⁴ Сравним языковую политику вестфальских миссионеров на острове Рюген, где находилось святилище языческого бога Световита и куда посланцы монастыря Корвай в девятом веке принесли частицу мощей св. Вита: «Удар был рассчитан лингвистически очень точно: сходство этих имен существенно облегло христианизацию западных и южных славян» (Мурьянов 2007/1983, 201).

десятого века в Первом Болгарском царстве, в особенности в его восточной части, где было сильным болгарское влияние, сказавшееся в том числе на книжном языке преславской школы. Старославянское *трьба* 'Св. Дары' представляет собой культурный термин — семантический болгаризм, получивший некоторое распространение прежде всего в текстах преславской школы. Церковнославянская книжная традиция за пределами древневосточноболгарского узуса отличается специализированным употреблением слова *трьба* и родственных лексем для обозначения языческих и ветхозаветных священнодействий, в отличие от слова *жрътва*, которое могло употребляться для называния как Св. Даров, так и нехристианских жертв и тем самым не было культурно маркировано.

10.5. Выводы

Употребление слов *жрътва* (*жъртва*) и *трьба* в древних церковнославянских текстах определялось тем, о каком священнодействии или о каком священном предмете шла речь: слова с корнем *трьб-* употреблялись по отношению к ветхозаветным и языческим ритуалам, слова с корнем *жрътв-* использовались вне зависимости от культурного контекста. Использование слова *трьба* для наименования Св. Даров является терминологической инновацией Преславской школы, отмеченной в ограниченном круге текстов. Эта инновация не распространяется на древний гимнографический корпус.

XI. Древние славянские служебные минеи как лексикографический источник

11.1. История вопроса

Древнеславянская богослужебная поэзия византийского обряда длительное время была мало представлена в исторической лексикографии, что естественно для неполно изданного корпуса текстов⁴⁵⁵. После первого издания древнерусских служебных миней на сентябрь — ноябрь (Jagic 1886), в котором не было необходимого для лексикографической работы словоуказателя, в изучении и издании наступил временной разрыв более чем в столетие⁴⁵⁶, прежде чем в конце двадцатого — в первые годы двадцать первого века наступило масштабное оживление исследовательской и эдиционной деятельности в области древней славянской литургической поэзии⁴⁵⁷.

На заре славянской исторической лексикографии гимнография почти не рассматривалась как лексикографический источник. Так, в первом издании старославянского словаря Ф. Миклошича (LLS), состав источников которого был ограничен фондами Дворцовой библиотеки («k. k. Hofbibliothek»), среди гимнографических памятников названы, помимо нескольких старопечатных изданий, только «hymni, seculi XIII, litteris cyrillicis, familiae russicae, olim Hankensteinii, nunc bibliothecae palatinae vindobonensis codex XXII»⁴⁵⁸ (LLS, VII). В более полном с источниковой точки зрения словаре А. Х. Востокова⁴⁵⁹ среди гимнографических текстов указаны

⁴⁵⁵ См. Чернышёва 2014 (исторический обзор жанров и источников переводной византийской литературы, отражённых в СРЯ XI–XVII вв.).

⁴⁵⁶ Исключением выглядит основанная под руководством Карстена Хёга серия «Monumenta Musicae Byzantinae», в которой было факсимильно опубликовано в том числе несколько памятников славянской гимнографии (<http://www.igl.ku.dk/MMB/>).

⁴⁵⁷ Кривко 2004₃ (библиографический обзор).

⁴⁵⁸ Указан старый шифр кодекса Ганкенштейна (Österreichische Nationalbibliothek [Wien], Slav. 37, XIII и XIV вв.; Handschriften 1975, 321–324).

⁴⁵⁹ «<С>ловарь составилъ въ продолжение слишкомъ тридцати лѣтъ, собираніемъ словъ, какія встречались мне въ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ,

«миняе месячная XI или XII в. И. П. Б-ки. — *Мин. Пут. XI в.* Миняе мѣс. Май. XI в. писана Поутатоѡж», «миняе общая XV в. И. П. Б-ки», «миняе Зографской больницы по изданію Викт. Ив. Григоровича», «стихирарь XI или XII в. И. П. Б-ки. Также XII в. Б-ки Ак. Наукъ» (СЦСЯ I, 5, 6).

Архимандрит Амфилохий подготовил дополнения к словарю А. Х. Востокова, третья часть которых (около сорока страниц) составляет лексика «Ирмолая XII–XIII вѣка Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки» (СЦСЯ II, 65–66; 65–102 [вторая пагинация])⁴⁶⁰.

После выхода в свет первого издания своего словаря в 1850 г. (LLS) Ф. Миклошич продолжил свой лексикографический труд, расширив круг источников и использовав рукописи, находившиеся в «k. k. Hofbibliothek, in der Mihanovichschen Sammlung und einigen im Privatbesitze (z. B. bei Šafařík, Jos Ireček u.a.)» (Jagić 1916, 581). Словарный состав рукописей, полученных во временное пользование из частных собраний, был учтён не полностью (Jagić 1916, 583)⁴⁶¹. Среди доступных исследователю рукописных источников оказались две южнославянские (служебные?) минеи шестнадцатого века и триодъ тринадцатого века из собрания А. фон Михановича (LPGL XX), а также некая (служебная?) миняе с сокращением «MEN.- BELG.» (без даты): «Menaеum, quod servatur Belgradii et e quo

содержащихъ въ себѣ памятники древнейшаго Церковнословенскаго языка. При этомъ я захватывалъ и поздніе, собственно Русскіе памятники, а также Сербскіе и Болгарскіе, доставлявшіе мнѣ какую либо добычу словоизученія. По выходѣ въ свѣтъ словаря Миклошича, я не оставилъ и имъ воспользоваться» (СЦСЯ I, 1).

⁴⁶⁰ Принцип отбора лексем для своих дополнений архимандрит Амфилохий объяснял так: «Кромѣ словъ, которыхъ во все нѣтъ въ Церковно-Славянскомъ словарѣ г. Востокова, я выбиралъ и такія, которыя хоть и помѣщены въ немъ, но или безъ означенія, изъ какой книги онѣ заимствованы [...] или имеютъ другое Греческое слово [...], или оставлены во все безъ Греч. слова» (СЦСЯ II, 100–101 [вторая пагинация]).

⁴⁶¹ Одновременно с лексикографической обработкой проходило изучение рукописей: так, в расписке о получении во временное пользование рукописей, которую Ф. Миклошич выдал А. фон Михановичу, нет ни одного пролога, а названы одни лишь минеи (Jagić 1916, 581, 584), тогда как в списке источников словаря Ф. Миклошич указал на три пролога сербской редакции из собрания А. фон Михановича: «(V)ielleicht hat er die besondere Eigenschaft dieses liturg. Buches noch nicht erkannt, sondern die allgemeine Benennung Menaеum dafür gebraucht» (Jagić 1916, 583). В то же время не все использованные рукописи отмечены в указателе источников, в связи с чем, например, в словарной статье *т.л.жава* есть ссылка на некую «men.-bus.» (LPGL 1026), отсутствующую в указателе (Jagić 1916, 583). В. Ягич установил, что это происходящий из Буковины конволют шестнадцатого века, сшитый из пролога и служебной минеи, взят он был из личного собрания Й. Иречка (Jagić 1916, 583).

G. Daničić plurima excerptis nobisque tradidit» (LPGL XIV)⁴⁶². Наконец, помимо рукописных источников и старопечатных книг, Ф. Миклошич привлёк словарь А. Х. Востокова, в том числе учтённые в нем гимнографические памятники (LPGL XIV). Благодаря такому подходу к источникам словарь Ф. Миклошича не утратил своего значения до сих пор, отражая многие лексемы, отсутствующие в других исторических словарях.

В более поздних славянских исторических словарях гимнография представлена отдельными примерами, выбранными, однако, из значительного количества древне- и старорусских гимнографических рукописей. Так, в «Материалах» И. И. Срезневского указаны девятнадцать служебных миней (МСДРЯ I, 27–28 [вторая пагинация]), которые цитируются в том числе по словарям Ф. Миклошича (LPGL) и А. Х. Востокова (СЦСЯ). Столько же служебных миней было указано в расширяющемся списке источников СРЯ XI–XVII вв. по состоянию на 2001 год (Романова, Державина, Чернышёва 2001, 328–329). В СДРЯ учтены 29 служебных миней (СДРЯ I, 48–50), правда, при этом использованы только записи писцов и службы древнерусским святым.

Описание лексики служебных миней в русской исторической лексикографии было и во многом остаётся выборочным, поскольку сплошному учёту гимнографического материала до недавнего времени мешало отсутствие изданий, специализированных словарей и словоуказателей. Общая, изначально фрагментарная картина стала меняться после того, как гимнографические материалы И. И. Срезневского, перешедшие в СРЯ XI–XVII вв., начали дополняться М. Ф. Мурьяновым⁴⁶³. Насколько фрагментарным является описание лексики служебных миней, будет видно из данного очерка, который написан на материале рукописей, используемых в качестве источников СРЯ XI–XVII вв. с сокращениями *Мин.авг.* (см. *Ta* в списке источников) и *Мин.авг.*¹ (см. *Sa* в списке источников). При сплошном чтении этих памятников было выявлено 123 лексемы, отсутствовавших на момент исследования не только в СРЯ XI–XVII вв., но и во всех славянских исторических словарях⁴⁶⁴, часть этих слов была включена в исторический словарь русского языка (СРЯ XI–XVII вв., вып. 29 и 30). Такая

⁴⁶² Дж. Даничиц в своём словаре из церковных источников использовал только жития (преимущественно сербских святых) и типиконы (РКСС VII–X).

⁴⁶³ СРЯ XI–XVII вв. 11, 6; 12, 4; 14, 3; 15, 3; 21, 3–4; 22, 7; Мурьянов 2003, 143.

⁴⁶⁴ Некоторые слова, описанные впервые на этом материале в одной из ранних работ (Кривко 2005₂), получили дополнительную фиксацию на материале древнерусских стихирарей (Малыгина 2011; Малыгина 2012), что позволило в ряде случаев уточнить или исправить предложенные ранее толкования (см. ниже).

ситуация понятна: служебные минеи не входят в старославянский корпус⁴⁶⁵, и поэтому они не нашли отражения в соответствующих словарях⁴⁶⁶, составители же пражского SJS из гимнографии византийского обряда, помимо литургий свт. Иоанна Златоуста и Василия Великого, учитывали только *Пражские листки* и впервые опубликованную В. Ягичем (Jagic 1886, 0213–0222) службу Вячеславу Чешскому (SJS I, LXVI)⁴⁶⁷. «Старобългарски речник», первый том которого был издан в 1999 г., также не учитывает гимнографию, даже изданную оригинальную древнеболгарскую. В список источников этого словаря включены, помимо памятников старославянского корпуса, учтённых ранее в SJS и CCC, *Енинский апостол*, *Зографский палимпсест*, *Боянский палимпсест*, а также *Новгородские (Куприяновские) листки* и древнеболгарская эпитафия (СБР I, XIII–XXI). Лексикографическое описание славянской гимнографии, в целом, до недавнего времени точно выражалось названием одной из статей 1971 г. (Hüttl-Worth 1971)

Первым после дополнений архимандрита Амфилохия лексикографическим трудом по славянской гимнографии стала публикация *Воскресенского црмология*, снабжённая словоуказателем (Koschmieder 1952–1958)⁴⁶⁸. Благодаря публикациям последних пятнадцати лет⁴⁶⁹, возобновившим традицию лингвистического изучения славянской гимнографии, лексика опубликованных служебных миней полностью учитывается в СРЯ XI–XVII вв. начиная с 27-го выпуска.

О лексикографической значимости служебных миней было сказано выше в связи с дополнениями архимандрита Амфилохия к словарю А. Х. Востокова (СЦСЯ II, 65–102 [вторая пагинация]). Впоследствии она была еще раз наглядно доказана М. Ф. Мурьяновым в рамках его

⁴⁶⁵ См. Miklas, Hürner, Gau 2011 (о новонайденном в монастыре св. Екатерины [Синай], сильно повреждённом фрагменте праздничной глаголической минеи [два листа] cod. *Sin. slav. 4/N*, датированном одиннадцатым — двенадцатым веками [так называемая «Синайская минея»]; новое, максимально полное прочтение и публикация с греческими параллелями; см. там же историю вопроса и ссылки на более ранние публикации этого фрагмента, ныне утратившие своё значение; там же, стр. 192–193, см. о лексических особенностях памятника, в том числе о восьми парах *legomena*, впервые отмеченных Й. Схакеном и Г. Бирнбаумом).

⁴⁶⁶ HWAT; CCC; ср. Ribarova 2003.

⁴⁶⁷ Последняя, по мнению составителей, содержит «textus liturgici saeculo X in Bohemia conscripti» (SJS I, LXVI).

⁴⁶⁸ См. новейшее сводное издание древнего церковнославянского Ирмология: Hannick 2006.

⁴⁶⁹ Христова 1995; WGMD; Баранов 2003; Крысько 2005; см. также пополняемый ресурс «manuscripts.ru», содержащий указатели словоформ к «Ягичевым минеям».

работы по подготовке к изданию *Минеи Дубровского*: в памятнике, состоящем из пятнадцати листов, на алфавитном отрезке от *a* до *n* им было отмечено двадцать лексем, отсутствующих в исторических словарях (Мурьянов 2003, 144–145). Позднее в *Ильиной книге*, состоящей из 145 лл., было выявлено 146 лексем, отсутствующих в славянских исторических словарях⁴⁷⁰.

Далее описаны лексемы, представленные в двух древнейших списках славянской служебной минеи на август (*Ta*, *Ca*) и отсутствующие во всех перечисленных выше славянских словарях и индексах, включая СДРЯ и его опубликованный словник (СИ), а также в словоуказателях к изданиям ирмология (Koschmieder 1952–1958), *Минеи Дубровского* (*Мин.Дубр.*), *Путьатиной минеи* (Баранов 2003) и *Ильиной книги* (Крысько 2005). Полученные таким образом данные были сопоставлены со списком слов, «доселе не известных науке либо известных только по поздним (XVI–XVII вв.) фиксациям» (Крысько 2003, 340; список: 340–341). Названные списки служебной минеи на август являются свидетелями её древнейшего церковнославянского перевода, выполненного на территории Первого Болгарского царства в течение десятого века; тем самым полученные данные имеют прямое отношение к лексикографии церковнославянского языка древнейшего периода. В качестве сопоставительного материала использованы три южнославянские минеи, также содержащие свидетельства древнейшего перевода: *НБКМ113*; *Д32*; *ОДНБ 1/4*; *ОДНБ 1/5*⁴⁷¹.

В очерке не описываются более ранние фиксации слов и значений, слова, впервые получившие греческое соответствие или получившие иное греческое соответствие, а также значения, не отмеченные в словарях. При цитировании рукописи *Ta* указывается только лист, при цитировании *Ca* указывается эта сигла, например: *Ca* 58. Иллюстративные примеры приводятся, как правило, по *Ta*, как более древней. *Ca* используется только в тех случаях, когда она содержит более исправный текст или когда в древнейшем источнике нужный текст отсутствует. Южнославянские рукописи привлекаются для разъяснения спорных или испорченных чтений (в том случае, если нужный текст содержится в южнославянских источниках). Слова располагаются в алфавитном порядке, принятом в SJS. Заголовочная форма реконструируется согласно правилам этого же словаря, при

⁴⁷⁰ Верещагин, Крысько 1999, 8–10; Крысько 2005.

⁴⁷¹ Рукописи *ОДНБ 1/4* и *ОДНБ 1/5* нигде далее не упоминаются. Их текст был просмотрен для уточнения ряда спорных чтений, в результате этого просмотра новых данных получено не было. Рукописи изучались по копиям с микрофильмов, хранящихся в Отделе рукописей НБКМ. Рукопись БАН, 24.4.12 (Срезн. 59), фрагмент *ОДНБ 1/4*, не содержит августовских служб (Каталог 1984, 303, № 358).

этом используются грамматические пометы и сокращения, принятые в СРЯ XI–XVII вв. В рефлексивных формах *с.а.* передаётся слитно. Формы причастия выбираются в качестве заголовочных форм в тех случаях, когда реконструкция инфинитива кажется проблематичной (речь идёт о книжных неологизмах). При цитировании славянских рукописей надстрочные знаки не воспроизводятся. Правописание греческих оригиналов, в особенности цитируемых по рукописям, приведено в соответствии с классической нормой. Отсутствие греческой параллели означает, что оригинал песнопения не найден.

11.2. Нарях *legomena* древнейших церковнославянских служебных миней на август

Безаконнообразьнѣ, прил. *Такой, который действует незаконно, преступно. Днѣь безаконнообразьна.а мѣи убиѣ/ства [...] просити оустрои · чудоточива / и бѣпроповѣдъника чѣтнюю главою* [об Иродиаде; Мф. 14: 1–12; Мк. 6: 14–29; Лк. 9: 7–9] (ἀνοσιούροῦτροπος MR VI, 527) 97.

Редкость славянского слова соотносится с тем, как употребляется его греческий оригинал. Словарь фиксирует только три примера употребления греческого ἀνοσιούροῦτροπος, один из них — в нашей стихире, два других — в агиографии (LBG 1, 116). Кроме миней, славянское *безаконнообразьнѣ* в составе той же стихире многократно встречается в стихирах (Малыгина 2011, 48).

Бесѣтлжаньнѣ, прил. *Относящийся к бедности, нестяжанию. Правиломъ възперимъ бесѣтлжаньнѣи/мъ тѣщъ прѣглоулъ еси житиискаго о/че* [так!] *мор.а* (τῆς ἀκτημοσύνης Cl 167 = Sn630 187) 98.

В слове *бесѣтлжаньнѣ* выделяем две приставки: *без-* + *сѣ-*. Славянское прилагательное является регулярным частеречным соответствием греческому существительному в форме родительного атрибутивного, своеобразным аналогом этой межъязыковой параллели является известная конкуренция адъективных и субстантивных (преимущественно генитивных) форм в древнерусских и церковнославянских текстах разных эпох (типа *соль зем[л]и* — *соль зем[л]ьна.а*)⁴⁷². С помощью категории «относительности», использованной в предложенном здесь толковании слова *бесѣтлжаньнѣ*, в славянском тексте передана атрибутивная функция греческого родительного падежа в развёрнутой метафоре τῶ ἰστίῳ πτεροῦμενος τῆς ἀκτημοσύνης ‘окрываемый парусом нестяжания [ты пересёк на корабле души бурное житейское море]’. Значение ‘парус’ у слова *правило* в славянской исторической лексикографии не отмечено⁴⁷³. Кроме рассматриваемого

⁴⁷² См. Кузнецов, Иорданиди, Крысько 2006, 20–23.

⁴⁷³ LPGL 654–655; SJS IV, 238–239; СРЯ XI–XVII вв. 18, 106–107; СДРЯ VII, 430–431.

примера, слово *правило* в соответствии с греческим ἰστίον, прежде всего в сочетании ἰστίον τοῦ Σταυροῦ ‘парус Креста’ (в контексте символики плавания по житейскому морю), отмечено в трёх контекстах из служебных миней — обычным соответствием греческому ἰστίον являются слова *вѣтрило* и *адрина* (Christians 2012, 290–292). Видеть в нашем контексте значение ‘руль, кормило’⁴⁷⁴ кажется неправильным: слово *правило* со значением инструмента действия — обычный девербат глагола *правити* ‘направлять, устремлять’⁴⁷⁵, поэтому *правило* здесь — это ‘то, что направляет, устремляет (куда-л.)’, то есть, в нашем случае, — ‘парус’.

Биство (?), с. *Передача греч. φωνοτρόπος в словосочетании φωνοτρόπος συμβουλῆ ἐκσευώρητο* (MR VI, 528) ‘подстроила с помощью убийственного совета [об Иродиаде]’. *Днь̆ безаконьнообразнаа мѣи убиц/ства [...] надъ встѣхъ прѣрка бѣизбъранааго больша и биства / образомъ съвѣщаниемъ извѣстивавъ [...] просити оустрои чудоточива и бѣпроповѣдъника чѣтнюю главоу* 97.

Возможно, форма *биства* — описка (вм. *оубиства*), чтение *оуби(и)ства* представлено в древнерусских стихирарях (Малыгина 2011, 48). Греческая параллель славянского словосочетания пока не описана в исторических словарях⁴⁷⁶, она должна появиться в соответствующе томе LBG, среди источников которого находятся издания MR и АНГ.

Благодѣтиць, м. *Благое Дитя (о Богородице)*. *Югда безбожьни огонь · по всеи распросѣ/раешиса* [вм.: *распросѣ/рашеса* — κατενέμετο] *земли прѣблѣне · тѣгда ражъ/шеса зноимъ дѣовньнымъ · и ѿ отроко/вица блѣодѣтиць* [вм.: *блѣодѣтища* — θεόπαιδος MR VI, 432; то же — Са 101 об.] *проповѣдалъ еси слова* [NB одушевлённую форму род.-вин. п. ед. ч. *слова* с неисконной флексией *о-основы по отношению ко второму лицу Св. Троицы — Λόγον] · / *въ плзть облѣкшаса блгодати* [так!] *ради* (θεόπαιδος MR VI, 432) 51об.

Непосредственной причиной появления данной лексемы является известное смешение корней *бог-* и *благ-* в составе церковнославянских композитов (Чернышёва 2008), см. ниже *богодѣтиць* — морфемную кальку греческого θεό-παις букв. ‘«бого-дитя», т. е. божественное дитя’. Форма вин. п. *благодѣтиць* — результат смешения

⁴⁷⁴ СРЯ XI–XVII вв. 18, 106 (цитата из *Путятиной минеи* «Правиломъ кръстьнымъ дѣвномъ въспереема, искусную пучину без вѣда вѣрою прѣплуста. Мин. Пут. XI в. 10*» подана как иллюстративный пример к значению «руль, кормило; румпель, рукоять руля; тж. образно»; греческая параллель к данному контексту — τῷ ἰστίῳ τοῦ σταυροῦ ‘под парусом Креста’ [Щёголева 2001, 64–65; Christians 2012, 292]).

⁴⁷⁵ СРЯ XI–XVII вв. 18, 110 (значение определено как первое основное); СДРЯ VII, 434.

⁴⁷⁶ Просмотрены PGL, LSJ, GLRBP, TGL, МАЕГ.

корней *благ-* и *бог-* в сокращённом написании под титлом. Без опоры на оригинал *благодѣтиць* было переосмыслено как объект и тем самым отнесено не к Богородице, а к Слову: «Ты проповедовал благое Дитя — Слово, облачившееся в плоть от Отроковицы по благодати». Судя по наличию того же чтения в *Са* (*благодѣтиць*), перед нами — «общая ошибка», характерная для древнерусской редакции стихирь; ср. ниже *богодѣтиць*.

Благолюбца, ж. *Та, кто любит благо. Хвѣра/стѣньнаѣ страсти · богородице ѡбо благодѣтица попали* (φιλάγαθος MR VI, 469) *Са* 121 об.

Благоправитиса. *Пребывать в благополучии. Напѣла слѣзѣми · дрѣво створиса · оѣе / високо красьно [ὐψίκομον] · въздръжаниемъ добрѣ/са · и плоды бѣжи блѣправиса (εὐθηνούμενον MR VI, 514) 94.*

ВВ не мотивированный оригиналом выбор корня *прав-* для передачи второй части греческого композита εὐ-θηνέω ‘пребывать в изобилии; процветать’, которая связана прежде всего с предметами материального мира и этимология которой неясна⁴⁷⁷.

Благожънь, прил. *Благоуханный. Бѣу ѡвѣса андрї/ане блѣоушъно кадило · огонь моу/чъниѣ сѣжагаемъ (εὐὼδες MR VI, 508) 91.*

Ср. в *Са* 157 об.: «*бгооушънъ* Мин. XII (ав.)» (Крысько 2003, 340).

Боговъображенъ, прич. *Имеющий на себе образ Бога (зд. о Нерукотворном образе)⁴⁷⁸. Поимъ бѣу нѣ блѣдатъноюу · извольшюмоу / бѣтѣство прѣвелико · намъ подати и стѣ/ноу неборимую · и неблазньное оутвѣр/жение · бѣвъображенѣи зракъ · бѣствѣ/ньна плѣти его (τὸν θεοτύπων χαρακτήρα Plank, Lutzka 2006, 1115) 47.*

Богодѣтиць, м. *Божественное Дитя (о Богородице). Прѣвѣчьны/и начинаѣтѣса · изъ отроковица богодѣ/тиць [вм.: богодѣтица] (θεόπαιδος MR VI, 494) *Са* 142.*

Слово *богодѣ/тиць*, так же, как и *благодѣтиць*, переосмыслено в древнерусских рукописях как определение Христа, а не Богородицы, что привело в том числе к изменению синтаксических связей: субстантивная форма несогласованного определения (*отроковица* ед. ч. род. п.) **богодѣтица* переосмыслена как субъект *богодѣтиць*. Та же форма им. п. ед. ч. вместо ожидаемого род. п. ед. ч. содержится в *Та: привѣчьными начинаѣтѣса · изъ отроковиць бѣдѣць* (так!) 81 об. «Общая ошибка» древнерусских рукописей, связанная с лексическим и синтаксическим переосмыслением оригинала, имеет параллель и в независимой южнославянской традиции, как она

⁴⁷⁷ LSJ 714 (s.v. εὐθηνέω: «*thrive, flourish, of animals and plants*»); DÉLG II, 384 («*Les divers mots de cette famille s'appliquent essentiellement à la prospérité matérielle, notamment pour les récoltes et les troupeaux [...]. Et.: Obscure*»).

⁴⁷⁸ Толкование в соответствии с греч. параллелью θεοτύπων (PGL 651).

засвидетельствована Д32. Соответствующее чтение сербской рукописи также восходит к ошибочному написанию, которое, очевидно, было представлено в форме **бѣдѣтиць*, переосмысленной впоследствии как сочетание частицы *бо* и формы им. п. ед. ч.: *изъ ѿроковице бо дѣтиць ражаѣтсе* Д32 119 об. Соотношение разночтений текстологически выразительно: обе ветви, сербская и древнерусская, не зависят одна от другой и восходят к одному источнику, который при этом не тождествен архетипу.

Богоплодѣнь, прил. Такой, который приносит плод Богу. *Іако маслица богоплодна · тако многопло/дѣнии виноградъ · лозами трѣми плодо/вита прозлабла же си* [о мученице Вассе и трёх её сыновьях] (εὐκαρπός MR VI, 471) Ca 129 об.

Славянская лексема отражает мену корней *-благ-* и *-бог-* в составе композитов. Интересно, что получившаяся в результате мены лексема формально соответствует греческому гапаксу, отмеченному в сочинении двенадцатого века, как если бы славянская лексема была морфемной калькой греческого слова. Семантически между обоими словами мало общего: греческое слово употреблено в словосочетании *богоплодное древо*, которым метафорически обозначен Крест Господень: «θεόκαρπος *göttliche Frucht tragend*: -ον ξύλον (= σταυρός) Neoph 156» (LBG 4, 673).

Богоповиньно, нареч. В повиновении Богу. *Страшньихъ стѣри · вса сѣрпѣмъ мольбѣ/нѣимъ · пожнѣ бѣповиньно · класъ мно/гоплодѣнии себе · добродѣтелию проза/блѣ еси · достославьне* 92 об.

Греческий оригинал славянского песнопения неизвестен, ср., однако: «*богоповиновени* θεοπειθής [...] *Gott gehorsam*» (WGMD 15).

Борьникъ, с. Противник. *Супле всеславьне · крѣмъ хрѣомъ ограженъ · / дѣевньихъ чувствѣи кѣ противьноу борь/никоу · вольною волею · крѣпѣко възмѣстиса · / и сего лѣтъ побѣдилъ еси* (πρὸς τὸν ἀντίπαλον ἐκουσία γνώμη καρτερῶς ἐχώρησας ‘по свободной воле ты мужественно выступил против врага’ MR VI, 377) 20.

Слово *борьникъ*, возможно, является вторичным чтением — порчей первоначального *противоборьникъ* (Ca 62; см. ниже s. v.).

Взорити. Вспахать. *Взорилъ еси нивоу · своелъ съвѣсти* (ὑψηπότησας MR VI, 514) 94.

Възданне, с. Воссоздание. Велика и страшна тайна · / рѣства твоего оудивляетъ всакъ · чи/ста оумъ · ако бѣ възлѣвчтиса ис тебе и/зволи блѣстью · на спѣние мироу и възда/ние (ἀνάπλασιν MR VI 435) 53.

Пропуск ъ в форме *възда/ние* привел к нежелательной омонимии со словом *възданне*, как если бы целью воплощения было воздаяние, а не спасение. Находящийся в оригинале греческого песнопения термин ἀνάπλασις ‘воссоздание’ (LSJ 116), выражающий идею о восставлении и обновлении тварного мира благодаря воплощению Слова

(PGL 117), позволяет реконструировать имевшуюся в архетипе перевода лексему **възъданиѣ* (**vъz + zъdanije*), совпавшую в результате утраты *ь* с паронимичным *възданиѣ*⁴⁷⁹. По-видимому, переписчик августовской минеи понимал этот богородичен иначе, чем переводчик, видя в нём идею *възданиѣ* 'воздаяния', а не *възъданиѣ* 'воссоздания'. Об этом свидетельствует орфографический узус писца, согласно которому слабый *ь* в корне -*зъд-* последовательно сохраняется:

създавый 1; *създани/и* 1; *зъдание* 11; *бѣзъданию* 11об; *създаню* 2б; *зъдана* 45 об.; *създаста* 55, 55 об.; *създавъша* 5б; *създавъшаго* 61; *създавъ* 72; *създати* 72; *създа* 81 об.; *назъда* 85; *пръвозъданиихъ* 9б; *създава/шаго* (так!) 108; *зъдание* 112; написания без *ь* отмечены только в трёх случаях: *създастисл* 33; *създавъ* 8, 33 об.

Такое фонетически обусловленное переосмысление текста отражено и в *Са*: *възданиѣ* *Са* 103об.

Въмънишитисл. *Стать монахом. Пръсъкою служъбою оставивъ · къ вла/дцѣ [вм.: владыцѣ — τῷ Δεσπότη] приде · банею крѣщеннл славне · / просвѣтивъ си оумъ · и въмънишилъсл / еси прѣдбне (μονάσας Cl 47) 6 об.*

Семантика славянского слова определяется благодаря прозрачной морфемной структуре лексемы с корнем *мъних-* (здесь с ассимилятивным изменением *ъ* в *ь* в результате «ерового умлаута» и рефлексом первой палатализации). Из греческой параллели, однако, может следовать и другое значение, первичное для лексемы *μονάζω* 'пребывать в уединении' (PGL 876–877). Такому прочтению не препятствует и широкий контекст гимна прпмч. Дометию Персиянину († 363 г.), который был монахом-отшельником⁴⁸⁰. Форма *μονάσας* — прич. аор. м. р. ед. ч. им. п. от *μονάζω*, глагольного деривата от *μόνος* 'един', от которого, в свою очередь, — прил. *μοναχός* 'единственный; уединённый' → 'монах' (LSJ 1143; DELG III, 711). Передача греческого *μονάζω* германизмом *-мъних-* (который через латинское посредство восходит к тому же греческому *μοναχός*) ориентируется на «специализированную» христианскую семантику греческого словообразовательного гнезда, что привело к появлению гапакса-неологизма. Славянская переводческая практика отражает колебания в выборе более «широкой» и более «узкой» семантики греческого глагола: *μονάζω* (в личных формах) мог переводиться как *юдиньствовати* (WGMD 313), причастие *μονάζων* — как *мънихъ* или *инокыи* (WGMD 313).

⁴⁷⁹ У глагола *въздати*, *-зиждѣ*, *-зиждеши*, от которого образовано имя действия *възданиѣ*, в соответствии с греческими *οἰκοδομεῖν*, *ἀνοικοδομεῖν* отмечено значение 'построить' (SJS I 296).

⁴⁸⁰ ВНГ 560, 560b, 561, 561a; ПЭ 15, 605–606 (<http://www.pravenc.ru/text/178835.html>).

Вѣмѣстоватиса. Передача греч. χωρέω (здесь: 'выступить вперед') в соответствии с одним из значений существительного χώρα 'место'. *Имы побѣдоу крѣстьноюу · на проти/вѣныа прѣкрѣпно · вѣмѣсто-васа* (ἔχων τοῦ σταυροῦ τὸ τρίπαιον, πρὸς τοὺς ἀντιπάλους ῥωμαλέως ἐχώρησας 'имея знак победы — крест, ты храбро выступил вперед на врагов' MR VI, 372) Ca 58 об.

Вѣплъщевати. Облекать в плоть; здесь: наделять человеческой природой (о воплощении второго лица Св. Троицы). *Вѣплъщевана сло/ва [...]* пороѡи небрачьна дѣо (σεσαρκωμένον MR VI, 467) 67 об.

NB одушевленную форму род.-вин. п. ед. ч. с флексией *о-основы существительного слово. Форма *вѣплъщеванъ* имеется также в древнерусской служебной минее на декабрь (MD III, 268).

Въсесесело, нареч. Вызывая сильную радость. *Ако сѣнце вѣси/а намъ · памѣть ти свѣтълостию дѣо/вѣною всесесело украшена* (ὅλη φαίδρῶς 'вся весело' MR VI, 502) 88.

Чтение *всесесело* содержится в обоих древнерусских списках (*всесесело* Ca 154) и в одном древнесербском: *въсесесело* Д32 123 об. В соответствии с греческим оригиналом ожидалось бы **въста весело*, очевидно, перед нами — «общая ошибка» в традиции текста, указывающая на его раннее переосмысление (в результате паронимического смешения) в общем источнике сербской и древнерусской ветвей.

Въседѣлнѣнь, прил. Всесозидающий. *Тл двонадесѣлчислѣнь* [вар.: *дѣвонадесѣлчислѣнь* Ca 54] *оученикъ ликъ стѣ/и · сведѣлнѣнь* [вар.: *въседѣлнѣнь* Ca 54] *дѣхъ сѣврѣшаюць · бѣгласъ/не избираете* [вар.: *избирають* Ca 54] (σὲ τὸν δωδεκάριθμον τῶν μαθητῶν χορὸν ἄγιον τὸ παντοῦρον Πνεῦμα συμπληροῦντα, Θεορρήμον, ἐκλέγεται 'всесотворяющий Дух избирает тебя, о богогласный, наполняющего [собой] двенадцатичисленный святой лик учеников' MR VI, 365) 14 об.⁴⁸¹

Въсенечъстьнѣ, прил. В высшей степени нечестивый. [Об Иродиаде и Саломее.] *Днѣ безаконьнообразнаѣ мѣти оуби/ства ѿ безаконьнаго сѣплениѣ* [вм.: *сѣплетениѣ*⁴⁸² — συμπλοκῆς] *свое/го всенечъстьнѣи дѣщѣри · надъ всѣхъ / прѣка бѣизбѣранааго больша* [вм.: *на в(ь)сѣхъ прѣкѣ бѣизбѣранааго больша* — κατὰ τοῦ πάντων τῶν προφητῶν θεοπροκρίτου μείζονος 'против богоизбранного, большего всех пророков'] · *и биства / образомъ сѣвѣщаниемъ* [φωνοτρόφω συμβουλή]

⁴⁸¹ Речь идёт об ап. Матфие (Ματθίος), который первоначально не входил в число двенадцати апостолов и относился к «другим семидесяти» (Лк.10: 1). После отпадения Иуды ап. Матфий, согласно жребью, был «сопричислен к одиннадцати апостолам» (Деян.1: 26), наполнив собой χορὸν ἄγιον.

⁴⁸² Чтение *сѣплетениѣ* представлено в древнерусских стихирарях, где также имеется эта стихира (Малыгина 2011, 48).

‘убийственным советом’] *извъстивавъ* [вар.: *извъстова*⁴⁸³ (?) — ἔσκευώρητο⁴⁸⁴ зд. ‘убедила, настроила’] [см. Мф. 14: 3–12; Мк. 6: 17–29] (πανασελγή θυγατέρα⁴⁸⁵ MR VI, 527–528) 97.

Слово *πανασελγής* представлено только в LBG единственным, цитируемым здесь, примером (6, 1187). NB не отмеченное словарями дативное управление глагола *извъстовати* (вариант к *извъстивавъ*, отмеченный в стихирарях [Малыгина 2011, 48]) и лексикографически не зафиксированный глагол *извъстивати* с неясным значением (*извъстовати* здесь, вероятно, значит ‘убедить, подговорить’, ср. *извътътъ* ‘предлог, отговорка, увѣрка; умысел, намерение; обвинение, наговор’ [СДРЯ III, 488–489]). Первоначальным чтением, очевидно, было то, которое представлено в стихирарях (*извъстова*), на исконность личной формы (ср. *извъстивавъ* в *Ta*) указывает и греческая параллель ἔσκευώρητο аор. 3 л. ед. ч. Видовая имперфективация с суффиксами *-ива-* / *-ыва-* характеризует древнерусский языковой узус уже с двенадцатого века⁴⁸⁶, однако едва ли перед нами один из самых ранних её примеров. Возможно, что *извъстивавъ* — имперфектив от глагола *извъстити* четвёртого «лескиновского» класса с основой инфинитива на *-i-* — отражает влияние модели с суффиксом *-ива-* / *-ыва-* с усечением гласного *-i-* в суффиксе (*-ива-* → *-ва-*) или с сокращением двойного *-i-* на стыке производящей основы и суффикса: *извъсти-* + *-ива-* → *извъстива*. Сравним аналогичные, но редкие и поздние образования типа *перемолвивати* (с разночтением *перемолвлвивати*), *подъмолвивати* (с разночтением *подмлвлвивати*), *примолвивати* (СРЯ XI–XVII вв. 14, 266; 15, 283–284; 19, 222) (если это не упрощение группы согласных *-лвл-* → *-лв-*). Регулярные и частотные имперфективные дериваты с *-ива-* / *-ыва-* от глаголов с основой на *-i-* отражают морфологически мотивированный эффект йотовой палатализации под воздействием тематического гласного *-i-* производящей основы и сохраняют суффиксальное *-i-* (ср. *блудити* — *блуживати*, *грабити* — *грабливати*, *зобити* — *знабливати*, *ходить* — *хаживать*, *выпроводить* — *выпроваживать*, *растить* — *выращивать* и т. п.). Нерегулярное со словообразовательной и морфонологической точки зрения образование *извъстивавъ* указывает на вторичность этого чтения по сравнению с текстологически более ранней формой *извъстовати*. Об этом же свидетельствуют

⁴⁸³ Это чтение представлено в стихирарях (Малыгина 2011, 48).

⁴⁸⁴ См. LSJ 1608, s. v. σκευώρομαι («prop. look after the baggage or utensils [σκεύη], but only found in general sense, inspect, examine thoroughly [...] contrive, manage, fabricate [...] with a sense of fraud or intrigue»).

⁴⁸⁵ В греч. вин. п. в соответствии с особенностями управления глагола σκευώρομαι.

⁴⁸⁶ Шевелёва 2010; Шевелёва 2012; Шевелёва 2014; Шевелёва 2015.

грамматические характеристики неличной полупредикативной славянской формы в соответствии с личным предикатом в греческом оригинале и, в соответствии с этим оригиналом, в стихирарях. Наконец, *извъстивати* как имперфектив от *извъстити* не даёт в нашем контексте сколько-нибудь удовлетворительного смысла, его значения 'сообщить; известить' (СДРЯ III, 482; СРЯ XI–XVII вв. 6, 112–113) оказываются здесь неуместными.

Вьсесоукътьствиѣ, с. *Крайняя тщетность. Облици* [аор. 2 л ед. ч. от *обличити*; с рефлексом цоканья] *безбожие · вьсесоукътьства* 92.

Вьсетворьнъ, прил. *Вьсетворяющий. Аѡ дръвле ионоу* · [...] *сѣсе* [аор. 3 л ед. ч. от *сѣсти* — $\delta\acute{\iota}\epsilon\sigma\omega\sigma\epsilon$] · *бѣ тебе* [NB одушевлённую форму вин.-род. п. ед. ч. — $\sigma\epsilon$] *вьсетворьною · силоу* [в греч. дательный инструментальный: $\pi\alpha\nu\tau\omicron\upsilon\rho\upsilon\kappa\eta\ \delta\upsilon\nu\acute{\alpha}\mu\epsilon\iota$] *прѣ/хваляна* ['как в древности Иону <...>, Бог спас тебя вьсетворяющей силой' MR VI, 468] 70–71 об.

Добрословыи, прич. *Имеющий добрую славу. Ты* [...] *добрословоущую смѣрть · радѣла сѣ/вршии* ($\epsilon\upsilon\kappa\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma\ \tau\omicron\nu\ \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\nu\ \chi\acute{\alpha}\iota\rho\omega\nu\ \delta\iota\eta\nu\sigma\alpha\varsigma$ 'радуясь, ты славно пришел к смерти' MR VI, 532) 106.

Славянский перевод как будто содержит мысль, что смерть имеет добрую славу, что можно понять, например, в контексте стиха Пс. 115: 6. Ничего подобного, однако, в греческом тексте нет, причина отклонения от греческого оригинала состоит в передаче наречия $\epsilon\upsilon\kappa\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$ ($\delta\iota\eta\nu\sigma\alpha\varsigma$) 'славно, со славой' причастием *добрословыи*, которое, в результате изменения синтаксических связей в славянском переводе по сравнению с оригиналом, вошло в состав объектной группы *добрословоущую смѣрть*. Едва ли славянский перевод отражает какое-то греческое чтение: глагол, в котором были бы представлены те же корневые морфемы, что и в наречии $\epsilon\upsilon\kappa\lambda\epsilon\acute{\omega}\varsigma$ ($\epsilon\upsilon$ - 'благой, добрый' + $\kappa\lambda\acute{\epsilon}$ -ос 'слава', $\kappa\lambda\acute{\epsilon}$ -ω 'славить'), лексикографически не зафиксирован. Глагол $\delta\iota\alpha\nu\acute{\omega}\omega$ (в тексте аор. 2 л ед. ч. $\delta\iota\eta\nu\sigma\alpha\varsigma$) 'завершать, заканчивать, совершать; пересекать («of a point moving along a line»); прибывать («at a place»)' (LSJ 406) передан славянским переводчиком в первом основном значении.

Добротворити. *Делать прекрасным, украшать. Освѣтимъ* [$\lambda\epsilon\lambda\alpha\upsilon\pi\tau\omicron\sigma\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ прич. перф. страд.] *добротами · добротворимыи/хъ стѣри* · *на крѣ* [$\acute{\epsilon}\pi\iota\ \sigma\tau\alpha\upsilon\rho\acute{\upsilon}$ 'на кресте'] *насъ ради трѣпѣвша/го* [вм.: *трѣпѣвшоумоу* — $\tau\acute{\omega}$ <...> $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\gamma\kappa\acute{\omicron}\nu\tau\iota$] · *стѣ* [вин. п. мн. ч. — $\pi\alpha\theta\eta\mu\alpha\tau\alpha$ 'страсти'] *славне · веселѣла прѣстоиши* [так!] ['сияющий великолепием устрашающих страданий, ты, о славный, предстоишь Тому, Кто претерпел ради нас страдания на кресте'] ($\tau\acute{\omega}\nu\ \kappa\alpha\lambda\lambda\omicron\tau\omicron\iota\omega\nu$ MR VI, 481) 79.

NB страдательное причастие *добротворимыихъ* в соответствии с греческим действительным $\kappa\alpha\lambda\lambda\omicron\tau\omicron\iota\omega\nu$. Славянская форма на -м-, образованная от каузативного глагола, выступает здесь в активном

значении, в соответствии с особенностями «залогового статуса» древних славянских страдательных причастий⁴⁸⁷.

Достохвальникъ, м. Тот, кто достоин восхваления. *Тръпѣниемъ непрѣклонномъ · безаконь/ныа побѣжающа · бесконьчь^{на}а* [вар.: законьна Са 109 об. — ἔννομοι] *страдаль/ца · хѣъ достохвальникъ · коньць съврѣшиста* [о мчч. Флоре и Лавре] (ὁπομοῦνῃ ἀκλίνεῖ τοὺς ἀνομοῦντας τροποῦμενοι οἱ ἔννομοι ἀθληταὶ Χριστοῦ ἀξιέπαινον τέλος ἀπηνέυκαντο 'непреклонным терпением победив беззаконных, праведные страдальцы Христовы получили достохвальную кончину' MR VI, 444) 57 об.

Лексема *достохвальникъ* — неологизм древнерусского переписчика, который не разобрался в содержании протографа. Это осмысленное со словообразовательной и лексико-семантической точек зрения слово является результатом паронимической аттракции с первоначальным чтением *достохвальныи*, которое засвидетельствовано в Са 109 об. *Достохвальныи* — определение к *коньць*, и как определение к этому же слову переосмыслена в древнерусских рукописях форма *хѣъ* (*хрьстовъ* Са 109 об.), которая передаёт греческий родительный атрибутивный Христоῦ, относящийся к ἀθληταὶ (*страдальца* дв. ч. им. п.). В соответствии с дв. ч., которым в этом тропаре передано мн. ч. греческого оригинала, в переводе ожидалось бы *хѣа* (или *хрьстова*) — согласованное определение к *страдальца*. Бессмысленное чтение *бесконьчь^{на}а* (ср. *законьна* Са 109 об. — ἔννομοι) — очевидно, результат смещения с первоначальным *законьна* или с соседней формой *безаконь/ныа*.

Дрѣмость, ж. Дремота, сонливость. *Дрѣмостию лѣнностию* [вм.: *лѣнности* или *лѣнностью* — ἀμελείας] *м.а · сънъ грѣховъ/ныи чистаѣа объятъ* (νυσταῦμῳ MR VI, 306) С 18 об.

Дѣвонадесатечисльнъ, прил. Состоящий из двенадцати частей, членов. См. цитату s. v. **всѣдѣианьнъ**.

Живосъхраненъ, прич. Сохраненный нетленным; сохраненный для вечной жизни. *Апѣи съвъкоуплениемъ свѣтъло / т.а ѣтъми поють чистаѣа и твоѣ видѣще стра/шьно · живосъхраненое тѣло въщають · всѣа дѣ[ла благословите господѣа] ∴ 33 об.*

Цитируется канон предпразднству Успения Богородицы, греческий оригинал которого не найден. Широкий контекст допускает оба толкования, не исключаящие друг друга: речь может идти как о нетлении, так и о последующем после Успения вознесении Богородицы⁴⁸⁸.

⁴⁸⁷ См. Крысько 2006, 417–419 (о залоговом статусе страдательных причастий, в том числе об их употреблении в активном значении; с. 419: «будучи по происхождению отглагольными прилагательными, они вначале обнаруживают полную индифферентность к глагольным категориям, таким, как переходность и залог»).

⁴⁸⁸ Mimouni 1995; Shoemaker 2002 (обобщающие работы о многочисленных традициях празднования Успения).

Застѣплати. Защищать; оказывать помощь (зд. как ошибочный перевод греч. ἀντιλαμβάνομαι ‘покорять; очаровывать’). *Сталъ же си тако данилъ · поспрѣдъ звѣри/и ловящихъ ти · блаженую страсть · // и подвигъ твоихъ прѣблажене · беци/сльножъ величъство · живомъ же гласъмъ / твоимъ · застоупляющимъ* [вм.: *застоупляющихъ* (?) — в греч. род. п. мн. ч.] (Ἰστασο, ὡςπερ Δανιὴλ, ἐν τῷ μέσῳ τῶν θηρῶν εὐλαβουμένων τὸ μακάριον πάθος καὶ τῶν ἀγώνων τῶν σῶν, παμμάκαρ, τὸ ἄπειρον μέγεθος, ζώσῃ τε φωνῇ σου ἀντιλαμβάνομένων ‘подобно Даниилу, ты встал, всеблаженный, среди зверей, почитающих блаженное страдание и беспредельное величие твоих подвигов и укрощённых твоим живым голосом’ MR VI, 438) *Ca* 105–105 об.

Славянское *ловящихъ* — передача греческого εὐλαβουμένων, действ. прич. наст. вр. мн. ч. род. п. от многозначного глагола εὐλαβέομαι, который в сочетании с вин. п. имеет значение ‘опасаться, остерегаться; почитать, оказывать уважение’ («с. асс., *have a care of, beware of* [...] *reverence, pay honour to*» LSJ 720). Форма глагола *ловити* появилась в переводе, вероятно, в результате смешения εὐλαβουμένων с λαμβάνω ‘брать; хватать’.

Застѣплати — итератив от *застѣплити* ‘помочь; защитить; закрыть, заслонить (собой кого- или что-л.)’⁴⁸⁹. Значение ‘оказывать помощь (то есть взаимно [ἀντι-] брать что-л.)’ имеется также у греческого ἀντιλαμβάνω в медио-пассивном залоге («*help, take part with, assist*» LSJ 157). Это значение, однако, лишает контекст смысла: получается, что звери силой человеческого голоса помогают — кому, чем, в чём? Обратим внимание и на различие залога в формах *застоупляющимъ* (или **застоупляющихъ*; действ.) и ἀντιλαμβανομένων (мед.-пасс.). Такое несоответствие объяснимо только тем, что переводчик неправильно распознал значение многозначного слова. Медио-пассивные формы от λαμβάνομαι действительно могут иметь значение ‘помогать; защищать’ и из лексико-семантических соображений могут быть переданы соответствующими славянскими формами в активном залоге (ср. *застѣплити, застѣплати* или *застѣпати*), однако не в данном контексте.

Глагол ἀντιλαμβάνω в медио-пассивной причастной форме ἀντιλαμβανομένων (род. п. мн. ч. согласованного определения в конструкции ἐν τῷ μέσῳ τῶν θηρῶν εὐλαβουμένων [...] ζώσῃ τε φωνῇ σου ἀντιλαμβανομένων) употреблён здесь в значении ‘овладевать, покорять; очаровывать’ («*take fast hold of, i. e. captivate*» LSJ 157), выделяемся из семантического ядра ‘отбирать или получить что-либо (взамен)’.

Из-за двух ошибок в переводе многозначных греческих слов, одна из которых вызвана паронимическим смешением двух греческих

⁴⁸⁹ SJS I, 658; СДРЯ III, 346–347; СРЯ XI–XVII вв. 5, 309.

лексем, а другая возникла из-за неправильного выбора значения многозначного греческого слова, славянский перевод лишился смысла. Непонимание текста привело к появлению неологизма, осмысленного со словообразовательной и лексико-семантической точки зрения.

Изваждати. Выводить. Паула бо [в Д32 122 далее: *те* — *се*] *мръжа* · *промышлениемъ блѣти* · / *прославляетъ* [вар.: *оулавляѣтъ* Д32 122 — *σαγήνεύει*] *тите* · *боѣща.а* *весело* *наслѣ/ди* [вар.: *послѣдѣкъ* Д32 122 — *εις ὕστερον* ‘позже, в будущем; букв. на будущее’] · *съ оудичеу* [вар.: *съ оудичею* Д32 122 — τῷ ἀγκίστρῳ ‘удочкой’] *словесе* [ср.: *весело* (!)⁴⁹⁰ Д32 122] · *азыкы* *многы* · / *изважати* [вар.: *извлѣче* (!) Д32 122] · *ѿ* *глубины* *на* *блѣговѣрьѣ* (ἢ τοῦ Παύλου σε σαγήνη τῆ προνοία τῆς χάριτος σαγήνεύει, τίτε, μέλλοντα προθύμως εἰς ὕστερον σοῦ τῷ ἀγκίστρῳ τοῦ λόγου ἔθνη πάμπολλα ἀνεγκύσειν ἀπάτης βυθοῦ πρὸς εὐσέβειαν ‘мрежа Павла благодатным промыслом уловляет тебя, Тит, ревностно готовящегося своей словесной снастью [букв. удочкой] многие народы вытягивать [вверх; ср. *ἀν-*] из глубины лжи к благочестию’ MR VI, 496–497) 86.

Цитируется второй тропарь четвертой песни канона Титу, «апостола от семидесяти».

Форма *боѣща.а*, представленная в обоих списках (*боудоуща/а* Д32 122) и очевидно восходящая к архетипу перевода, отражает неразличение омонимичных презенсных причастных форм: *μέλλοντα* вин. п. ед. ч. м. р. и *μέλλοντα* им. и вин. п. мн. ч. ср. р. Славянский перевод соответствует плюральной аккузативной форме среднего рода, ошибочно понятой к тому же (в отсутствие артикля!) как субстантив: ‘то, что собирается быть; то, что будет; будущее’, в соответствии с первым основным значением глагола *μέλλω* («*to be destined or likely to, indicating an estimated certainty or strong probability in the present, past, or future*» LSJ 1099). Между тем *μέλλοντα* в тексте тропаря — это не субстантивированная форма в функции объекта (очевидно, что именно так она была осмыслена древнерусским редактором или переписчиком, который должен был прочитать её как прямой объект при аористе *наслѣди*), а полупредикат, согласованный с местоимением *се* ‘тебя’, соответствие которому утрачено в древнерусской рукописи; *μέλλοντα* употреблено здесь во втором (по LSJ) значении глагола *μέλλω* ‘собирается (сделать что-л. в будущем)’ («*to be about to, in purely temporal sense, c. fut. inf.*» LSJ 1099): *се* [...] *Тίτε, μέλλοντα* ‘тебя, Тит, собирающегося’ и т. д.

Форма *наслѣ/ди*, учитывая различение сербского списка *послѣдѣкъ* и греческую параллель *εις ὕστερον*, отражает первоначальное

⁴⁹⁰ Результат паронимического искажения первоначального чтения *словесе* и повторение формы *весело* в предшествующем колоне.

**посльди* 'впоследствии, позже' или, скорее, предложно-именную адвербиализованную конструкцию *на послѣдѣхъ* 'наконец, впоследствии', засвидетельствованную в составе старославянского корпуса только в *Синайском евхологии*, а за пределами корпуса — во второй и шестой библейских песнях в составе псалтирей и паримийников, а также в *Житии Кирилла Философа* (SJS III, 188); известны многочисленные примеры употребления этой конструкции в древнерусских, прежде всего переводных, памятниках, в том числе южнославянского происхождения (СДРЯ VII, 263; СРЯ XI–XVII вв. 10, 189).

Предлог *съ* в сочетании *съ оудичеу* (вар. Д32 122: *съ оудичею* — τῷ ἀκυίστρω 'удочкой') и отсутствие в обоих рукописях славянского соответствия греческому местоимению σοῦ (τῷ ἀκυίστρω) 'твоей (удочкой)' свидетельствует, как кажется, об ошибочном прочтении местоимения σοῦ (род. п. ед. ч. от су 'ты') как предлога συν 'с' в результате паронимической аттракции греческих форм на этапе создания архетипа перевода. (Заметим, что паронимическая аттракция συν и σοῦ, в свою очередь, возможна только при лабиальном чтении ипсилона.) В обоих рукописях отсутствует соответствие греческому ἀπάτης 'лжи, обмана'.

Разночтения между *Та* и Д32, представителями двух ветвей традиции текста, доказывают, что обе эти ветви независимо друг от друга восходят к общему древнему источнику. Об этом свидетельствуют «общие ошибки» *Та* и Д32: передача μέλλοντα как *боудоуца.а*, σοῦ как *съ*, отсутствие параллели к ἀπάτης 'лжи, обмана'. Обе ветви развивались из общего источника независимо, о чём свидетельствуют индивидуальные ошибочные чтения, при наличии исконных чтений в другом списке. Неясно, отражает ли отсутствие славянской параллели греческому ἀπάτης архетип, или же утрата произошла на промежуточном этапе истории текста, на том, к которому восходят сербская и восточнославянская ветви. Неясно также, каким периодом истории текста датировать неологизм *изваждати*: вариант *йзвлѣче* Д32 позволяет предположить, что он восходит к чтению **извлѣкати*, которое поэтически более точно соответствует метафоре рыбной ловли в оригинале: ἀνα + ἔλκω, ἔλκω 'влечь, тащить, тянуть'.

Извѣстивати. (?) См. цитату и комментарий s. v. **всенечьстьныи**.

Ищизати. Тщательно выщизать. *Истачають нѣ цѣльбы моции* [вм.: *моци* — τὰ λέψανα] [...] · и ѿ гноениа зѣ//лааго дѣйвьноюу скверноу ищизають (ἐκκαθαίρουσιν MR VI, 522) 99 об. – 100.

Коупомждрьно, нареч. *В единомыслии, в согласии. На погребение кж/помоудрьно · съ вышьними вои · нѣ исходь/ноюу въспоите* (ὁμοφρόνως MR VI, 396) 30.

[***Левьгита,**] леоугита, м. *Левит* (перен. о дьяконе). *О тебе вгърньныихъ съборъ веселитьсѧ* [...] леоуги/то (λευῖτα MR VI, 382) 22. *Видѣти*

съподобиса прѣблѣже въ истинѣ · издалеца желаниа ти сталъ еси · ако по/стигъ женаниа [вм.: желаниа — ἐφέσεως] · тоу самоую похоть послѣ/днюю · любъве твоєа съконъцание · еупле / леоугито досточюдъне (ιδεῖν ἡξιώθης ἀληθῶς, πανόλβιε, τὰ μακρόθεν σοι ποθοῦμενα· ἔστῃς ἐφέσεως ὡς φθάσας αὐτὸ τῶν ὀρεκτῶν τὸ ἀκρότατον, τοῦ πόθου σου σαφῶς τὸ συμπέρασμα, Εὐπλε, λευῖτα ἀξιάγαστε 'издавна сподобился [ты], всеблаженный, воистину видеть желанное тобой; ты встал, ибо достиг самого предела твоих стремлений, ясного [в греч. нареч.] исполнения твоей любви, Евпл, левит досточудный' MR VI, 382) 22 об.

Обе цитаты взяты из канона мч. Евплу Катанскому, или Сицилийскому († 304 г., Катания).

Наречие μακρόθεν ошибочно передано в славянском переводе в пространственном («издалека»), а не временном значении («издавна») ⁴⁹¹, из-за чего тропарь лишился смысла: «ты встал издалека, потому что достиг...». Знак границы колона должен стоять перед формой *сталъ*. Других очевидных ошибок в рукописи и в переводе нет, отличия от «буквы» греческого оригинала могут объясняться сознательной волей переводчика.

Аналогичная морфологическая адаптация греческих существительных на -της по парадигме *а-основы известна в других источниках ⁴⁹². Слово λευῖτης 'левит' употреблено метафорически для обозначения дьякона, выполняющего сходные функции, что характерно для языка патристики с третьего века ⁴⁹³. Метафорическое употребление слова *левитъ* 'дьякон' в славянских исторических словарях не отмечено, хотя канон мч. Евплу совсем не уникален в этом отношении. Похожий контекст находим в иконе првмч. Стефану: *оумъ мои хѣ просвѣти мѣтвами си леугита (λευῖτου) MD IV, 272* ⁴⁹⁴.

О священном сане мч. Евпла сообщается только в позднейшей, пятой ⁴⁹⁵, редакции его жития ⁴⁹⁶, вошедшей в состав синаксарей и прологов ⁴⁹⁷. Очевидно, что гимнография отражает эту позднюю агиографическую традицию. Из пятой редакции сведения о диаконском чине Евпла попали в современный русский текст жития, составленный

⁴⁹¹ LSJ 1074; PGL 824.

⁴⁹² Крысько 2005, 652, 850; Крысько 2011, 800–801.

⁴⁹³ Ср. в «Постановлениях апостольских»: «οἱ λευῖται ὑμῶν οἱ νῦν διάκονοι» ('ваши левиты, ныне диаконы') (PGL 798 [там же см. другие примеры]); ПЭ 14, 571–580 (s. v. *диакон*).

⁴⁹⁴ Ср. К II 60–61 (тот же текст с незначительными разночтениями).

⁴⁹⁵ Franchi de' Cavalleri 1928; Muzurillo 1972, 310–319; ПЭ 17, 186–188 (s. v. *Евпл*).

⁴⁹⁶ Просмотрены все изданные греческие и латинские источники (ВНГ 629–630е).

⁴⁹⁷ Delehaye 1902, 881–884; Lатышев 1912, 266–267 (издания).

на основе четвёртой редакции, приписываемой Симеону Метафрасту, и пятой⁴⁹⁸. Иконография и фресковая живопись изображает Евпла дьяконом (LCI 6, 189).

Метафорический перенос *левит* → *дьякон* известен в текстах не только византийско-славянского круга. Так, А. Вайан отметил регулярную передачу латинского *Levita* славянским *диакъ* и *диаконъ* в переводе апокрифического *Евангелия Никодима* (Vaillant 1968, XXV), в таком переводе усматривается возможное влияние древневерхненемецких переводов, «dove *diacan* significa esattamente 'levita' (vd. Schützeichel 1995, s. v.: „Levit“)» (Ziffer 2006, 272)⁴⁹⁹.

Лъжевъноукъ, м. *Потомок лжи. Аще бы не ꙗлѣлѣса / ироде безаконьне · лъжевъноуче · аще и / ꙗлѣлѣса еси · то не добръ бы ꙗлѣлѣса* (ψεύδους ἔκγονε MR VI, 525) 104.

Лексема *лъжевъноукъ* — неологизм переписчика, что подтверждается различием *лъжѣ* (род. п. ед. ч. от *лъжа*; NB древнерусскую флексию) *въноуче* Ca 168, которое соответствует греческому ψεύδους (род. п. ед. ч. от ψεύδος) ἔκγονε.

Любзнодоропльнъ, прил. *Трудолюбивый. Ако бѣчела любзнодоропльна · / съвѣтомъ съвѣстьномъ си · [...] источи/лъ еси · сладость безъмрътноую* (φιλεργός MR VI, 520) 98 об.

Любзноплътънъ, прил. *Такой, который любит плоть, чувственный. Любзноплътнаго дѣмона [...] от дѣа прѣблажене отъгълъ [вм.: отъгналъ — ἀπεδίωξας] еси (τὸν φιλόσαρκον δαίμονα MR VI, 519) 98.*

Морешъствъникъ, м. *Тот, кто путешествует по морю. Мрътвъцъ погребены/и · морешъствъникъ бѣ бжиемъ пове/лъгниемъ* (θαλασσοπόρος MR VI, 494) 81 об.

Мрътвостънъ, прил. *Подверженный умиранию. Възнесеса · немѣстивно на дрѣвь строуже/мъ · мрътвостною [вм.: мрътвостноюю] тѣлицю отмѣтаа [...] / мѣнче аниките (τῆς νεκρώσεως MR VI, 390) 25.*

Мъногоизбранъ, прич. *Собранный из бесчисленных множеств. Врѣста страдалцю прѣдобраа · трѣю не/сзъзданоу исповѣдаста · и многоизбра/ныи погоуби · бороуциихъса въ истиноу плѣ/кы [вм.: плѣкъ — φάλαγγα] · и съ тѣмами разоумъными [μυριάσι νοηταῖς 'множествами разумными (т. е. с ангелами)'] · съчетаста/са (μυρίολεκτον MR VI, 392) 25 об. – 26.*

⁴⁹⁸ *Житія святыхъ, на русскомъ языкѣ изложенные по руководству Четьихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго, съ дополненіями, объяснительными примечаніями и изображеніями святыхъ.* Москва, 1911, с. 185–189.

⁴⁹⁹ Ср. Ziffer 2006, 273 («lessema [...] *диакъ* о *диаконъ* [...] mostra del resto come in alcuni casi sia difficile, se non impossibile, decidere: potremmo qui essere di fronte tanto a un prestito diretto dall'aated. *diacan*, quanto, ove la parola esistesse già — ma non col significato di 'levita' — nella lingua del traduttore e del suo ambiente, di un calco semantico»).

Греческое *μυρίβλεκτος* «*zaillos versammelt, nach Zehntausenden zählend*» (LBG 5, 1057) зафиксировано в этом значении только в византийскую эпоху (LSJ 1154).

Многопѣсньнѣ, прил. *Такой, который много поёт, певучий. Ако пѣтица многопѣсна · кѣ соли* [ошибка перевода; вин. п. ед. ч. (τὸ) ἄλσος 'роща' смешан с (ὀ) ἄλς 'соль'] *гласова/вѣши [...] swoich звала / еси пѣтеньць красньныхъ* (ὄρνις ὡς εὐκέλαδος ἐπὶ τὸ ἄλσος φωνήσασα τῆς ὠραίας ἀθλήσεως, τοὺς σοὺς συνεκέλασας νεοττοὺς ὠραίους 'словно сладкогласая птица, вызвавшая к роще [...] ты созвала своих прекрасных птенцов' MR VI, 463)⁵⁰⁰.

Многострастьница, ж. *Та, кто перенесла много страданий. Бѣ тл / сѣсе · сѣсь вѣсхъ · бѣжиеу* [ижица в знач. ю; см. § 3.2.6] *силою · попираю/щи* [вм.: *попирающую* — *καταπατοῦσαν*] *крѣпость · щюжаго вачисо · многостра/стьнице* (πολύαθλε MR VI, 463) 69.

Наглованик, с. *Жестокость. Въ ражѣженыи пламень огна · радюуаа вѣнде наглованикъмъ / соудлацааго · никакже не опалиса* (ἀποτομία MR VI, 489) *Са* 147.

В редкое для древнего периода значение корня *нагл-*, развившееся из основного значения быстроты и внезапности (→ раздражение, ярость → жестокость), засвидетельствованного славянскими и иными индоевропейскими параллелями (ЭСРЯ III, 36). Ср. *наглодоушьный* (δξύθυμος) 'быстро раздражающийся, вспыльчивый' (СДРЯ V, 133 [одна цитата из *Рязанской кормчей* 1284 г.]), *наглыми* 'суровый' (κατελεῶν, ἐκ τοῦ ἀποτόμου) (СДРЯ V, 134 [две цитаты: из огласительных поучений Феодора Студита, рукопись XIV в., и сборника 16-ти *Слов Григория Богослова* с толкованиями Никиты Ираклийского, рукопись XIV в.]), *нагльство* 'строгость, суровость' (ἀποτομία) (СДРЯ V, 134 [одна цитата из того же сборника *Слов Григория Богослова* XIV в.]).

Небесомждрънѣ, прил. *Обладающий небесным умом*⁵⁰¹. *Оукрѣпишася · силою хрѣстовою [...] небесомоудръни/и · мьнихомъ начальници* (οὐρανόφρονες MR VI, 310) *Са* 21.

Небовъсхождение, с. *Восхождение на небо. Странно видѣние · твоего исхода чѣта · // нѣовъсхождение бѣ на нѣо* 33–33 об.

Незакъзньныи (?), прил. *Безупречный. Скоро ѿ/иде · кѣ постъноумоу течению [...] неоусыпание все/нощью · пѣние непристаньно · и житие незакъзньно анѣлско показа* (ἄμειπτον MR VI, 347) 7.

Греческое *ἄμειπτον* — префиксальное отглагольное прилагательное от *μέμφο* 'порицать, бранить', откуда *μειπτός* 'достойный порицания'

⁵⁰⁰ Цитируется стихира мчц. Вассе (нач. четвертого века) и трём её детям, замученным на глазах у матери. Согласно агиографической традиции (BHG 268–270b) и гимнографии, мать поддерживала детей во время пыток.

⁵⁰¹ Ср. PGL 980 («οὐρανόφρων, *heavenly minded*»).

и ἀμειπτος ‘безукоризненный, безупречный; совершенный’. Славянский неологизм (ср. *кѣзнѣныи* ‘коварный’, *кѣзнѣствовати*, *козновати* и другие дериваты от *кѣзнѣ*⁵⁰²), с точки зрения словообразовательной семантики, должен означать ‘недоступный для коварства, не подверженный козням; такой, против которого невозможно что-либо замыслить → безупречный’. Производящая основа прилагательного *незакѣзнѣныи* лексикографически не зафиксирована: глаголы ***закѣзнити* и ***кѣзнити*, как и прилагательные ***закѣзнѣныи*, неизвестны. Словообразовательная структура славянского слова не полностью соотносится с греческим оригиналом: *ἀ-* — *не*, *-т-* — *ѣн*; у приставки *-за-* соответствия нет.

Ненаписаѣмъ, прич. *Неописуемый* (зд. в функции прямого объекта). *Дѣдѣ веселитьсѣ · издалеча видѣ · чистѣ ненаписаемоу* [вин. п. ед. ч. ж. р.] 32.

Неопалаи, прич. *Неопалимый*. *Кѣзнѣноу въ горѣ синаистѣи · тѣ провбра/зоукѣ чиста · прѣбывающую неопала/щую · несквѣрѣнна чиста* (ἀφλεκτος АНГ XII, 113) *Са* 67 об.

Непобѣдникъ, м. *Тот, кого нельзя победить*. *Бану бѣжи/ю съвыше прилѣ еси · бѣу тѣ величающую / ѣко приснаго мѣнка · и доблго непобѣ/дника* (ἀδαμάντα MR VI, 474) 77.

Славянская лексема — морфемная калька греческого ἀδάμας букв. ‘непобедимый; несокрушимый’ (ἀ + δαμά[ζω] ‘подчинять, укрощать, подавлять’), которое уже в классическую эпоху стало обозначать «*adamant*, i. e. the hardest metal, prob. steel [...] diamond» (LSJ 20). Греческая языковая метафора утрачена в славянском переводе в результате морфемного калькирования оригинала.

Непрѣсѣчьнъ, прил. *Нерассечѣнный*. *Свѣтѣ Богородица [...] непрѣсѣчьнаѣ гора · и свѣ/нена* (ἀλατόμητον АНГ XII, 25) *Са* 24. — Ср. *несѣчень*.

Несѣчень, прич. *То же, что непрѣсѣчьнъ*. *Стѣѣ бѣе [...] несѣченаѣ гора* (ἀλατόμητον MR VI, 497) 86.

В качестве заголовочной формы выбрано причастие, поскольку образование инфинитива с *не-* (***несѣщи*) невозможно.

Неоусыпаник, ж. *Бодрствование*. *Скоро ѿ/иде · кѣ постѣноумоу течению [...] неоусыпание все/нощно · тѣние непрѣстанѣно · и житие незакѣзнѣно анѣлско показа* (ἀγρυπνίαν MR VI, 347) 7.

Низъложевати. *Низлагать, низвергать*. *Идольскыѣ црѣкве низъло/жева* (κατηδάφισας MR VI, 497) 86.

Обоѣмоостръ, прил. *Обоѣдоострый*. *Ѧко копие въсприимѣ · моужѣство · и ѣко оружие обоѣмоостро · андрѣе прѣблѣ/жене · крѣчьстьнаго* [вм.: *чьстьныи* — (τὸν Σταυρὸν) τὸν τίμιον] · *врага ищезилѣ еси* (δίστομον MR VI, 451) 60 об.

⁵⁰² СРЯ XI–XVII вв. 7, 226–227; СДРЯ IV, 350–352; SJS II, 90–91.

Оброшеник, с. Увлажнение росой. Отлѣ еси пламе/нь · многобѣ-
ствѣньи · оброшениемъ / твоего свѣтълаго разоумил (δρoσιcтμῶ MR
V, 269) 63.

Особѣствити. Присвоить. Вьсеа отъбѣглѣ жеи зѣлобы · особѣствилъ
е/си добрыхъ богатѣствѣ (ὡκειῶσω MR VI, 521) Са 165 об.

Отѣтраснѣти. Стряхнуть, отбросить. Съмѣтъ грѣх/ховьноюу ·
ѡтрасноувъ съ нѣсньими во/и · нынѣ величаю тѣ 92 об.

Плѣтьподобозрачьнѣ, прил. Подобный плотскому, телесному образу.
Свѣтисл новаа црѣкы · славы бо свѣтъ въ те [вм.: тебѣ — соі] въ/силѣ
естъ · плѣтьподобозрачьное · обличе/ние бѣ нашего (σαρκομοιῶμορφος
Plank, Lutzka 2006, 1115) 47.

Цитируется канон Пренесению Убруса (Нерукотворенного образа)
из Едессы в Константинополь.

Греческая параллель славянской лексемы до сих пор была отме-
чена в единственном примере у Иоанна Дамаскина (PGL 1223; см.
Hannick 2006, 1619). Наша цитата представляет собой парафраз пер-
вого тропаря девятой песни пасхального канона Иоанна Дамаскина:
Φωτίζου, φωτίζου, ἡ νέα Ἱερουσαλήμ, ἡ γὰρ δόξα Κυρίου ἐπί σε ἀνέτειλε
(который, в свою очередь, является парафразом Ис. 60:1 [Wellesz 1961,
206, 213, 215–216]). То же греческое слово, σαρκομοιῶμορφος, в том же
каноне, но в другом тропаре, передано словом *плѣтоподобьнѣ* 45 об.
В современном церковнославянском тексте канона используется
слово *плѣтоподобозрачьный* (Plank, Lutzka 2006, 1115).

Поклоневати. Приклонять, наклонять. Закономъ жизни о ѡхъ огра-
женъ прѣблаже/ не · законителемъ [τοῖς [...] νομοθέταις дат. п. мн. ч.] ·
тѣли и смѣрти оума не по/клонева (ὕπεκλίνας MR VI, 374) 18 об.

Потоушати. Тушить, гасить. По коньчинѣ блаженаа · и/ста-
чашии цѣльбѣньиѣ каплѣ · потоуша//юща · огонь [вм.: огньне (?)]
жѣженикѣ грѣховѣ силою доухо/вьною (ἀναβλύζεις δὲ τῶν ἱαμάτων
σταγόνας κατευνάζουσα πурκαῖαν παθημάτων ‘источаешь капли ис-
целений, успокаивая пожар страстей’ Cl 129, Sn631 76, Sn630 178)
Са 125 об.-126.

В двойной перевод греческого пуркаῖα ‘пожар’ славянскими *огнь*
и *жѣженикѣ*, если это не контаминация (conflatio) двух более ранних
вариантов перевода.

Правомѣдрити. Правильно мыслить. Чьртогъ прѣчистата · паче
слова божиа / въплочениѣ · и прѣстола и ложьницю · / правомоудрлица
[вм.: правомоудрлице] тѣ именуемъ (ὀρθῶ φρονοῦντες MR II, 382) Са 14.

Первой части славянского сложного слова соответствует субстан-
тивированная форма прилагательного вин. п. мн. ч. ср. р.

Принесовати. Приносить. Нѣсное събъравѣ бѣтѣство · и нициимъ
при/несова [вм.: принесовавѣ (?)] — в греч. аор. прич.] расточи и далъ
еси · алчѣи хлѣбѣ / свои (πρoσαγαγῶν ‘принеся’ MR VI, 372) 16.

Приоблѣщи. *Облечь. Иже въ наше неможение · самъ себе прио/блѣче · твоє неможение присвѣтъло / възлубли* (περιθέμενος MR VI, 470) 71 об.

Лексема указана в списке (Крысько 2003, 341). НВ личную форму *приоблѣче* в славянском переводе в соответствии с греческим субстантивированным аористным причастием ὁ περιθέμενος 'облачившийся', что привело к изменению синтаксических отношений в переводе по сравнению с оригиналом: причастный оборот передан относительной конструкцией с *иже* ('тот, кто ...') в функции субъекта, которому в оригинале соответствует артикль, предворяющий субстантивированную форму в субъектной функции.

Присножизньныйи, *прил. Всегда живущий, неумирающий. Даръми бж̄ствными насыщенъ [...] ра/доу.с.л прѣвъзиде · къ обитѣльмъ при/сножизньнымъ* (ἀειζώους Plank, Lutzka 2006, 1120) 43 об.

Приснонепорочьнаѧ, *прил. Пребывающая всегда непорочной (о Богородице). Бл̄гна ты въ женахъ · приснонепорочьна.л / вдѣче* (πανάμωμε MR VI, 453) 61 об.

Провъспѣти. *Воспеть, восхвалив в высшей степени. Поютъ роди родъ · вси т.л припѣта.л · провъ/спѣто бо слово · бж̄ие породи* (τὸν ὑπερύμνητον MR VI, 498) 87.

Происходатаати. *Испросить. Тьмами ранъ · оумрѣцвена плѣтъ · тво.л аниките животъ ти · нестарѣюще/ис.л прѣбже прѣдбне происходата.л* (προεξήνησεν MR VI, 390) 24 об.

Простославно, *нареч. Православно, правоверно. И-щрѣва твоего проиде · възплъцьшас.л [вм.: възплъцьс.л — σαρκωθείς] вст/хъ дѣо зъ · сего ради т.л бж̄ю мударствоу/юще простославно · сѣоу твоемоу възвае/мъ · оцъ [нашихъ Боже, благословенъ еси] (ὀρθοδόξως MR VI 392) 28 об.*

Противоборьникъ, *м. Противник. Еупле въсеславьне · крѣстъмъ хр̄стовъмъ / ограженъ · доушевньныхъ чювьствиѧ · къ противоборьникоу · вольною волею · крѣпко възмѣстис.л* (πρὸς τὸν ἀντίπαλον MR VI, 377) *Са* 62. — Ср. **борьникъ**.

Противжварьнъ, *прил. Враждебный. Противоусварьноу волю [...] нечѣстивы* (стяжѣнная форма им. п. ед. ч. — ὁ δυσσεβῆς) *показа* (ἀντίθασσον MR VI, 355) 7 об.

Позднее и редкое в византийской письменности слово ἀντί-θασσος 'дикий, неукрощенный' (LBG 1, 126), зд. в переносном значении — 'необузданный, свирепый'; это слово — переосмысление более раннего ἀ-τίθα(σ)σος 'то же' от τίθασός 'ручной, домашний; смиренный, кроткий'. Первая часть греческого ἀντί-θασσος калькирована славянским *противѣнъ*. Корень, по всей видимости, был переводчиком нераспознан, разночтений в греческом тексте в доступных рукописях (Sn630 143; Cl 53) нет.

Прощновати. *Разъяснить, сделать понятным. Тите стѣ · слово сѣсноуе · встѣмъ про.с.н.о.в.а.т.и* (διετράνωσας MR VI, 500) 87 об.

Прѣвѣньчъскъ, прил. Относящийся к первенцу (здесь перен.: относящийся к более раннему или старшему). Из града бѣжи/и · приводими лвъ въ градъ · въ нбѣи/и · веселиемъ въ градъ доидосте · / страдалъци и съ прѣвѣньчѣкими / причѣтостеса · съ ликостолни ра/дѣущеса (τῶν πρωτοτόκων Cl 179 об.) 109.

Прѣвеличѣ, с. Величье. Единогo обоихъ · / иже и-црѣва рожьша/-агосл разоумѣхомъ · ествствомъ прѣгне/порочьнаа бѣ абие же и чѣка привеличѣе · имѣюща съврѣшено къждо собѣство (ἐνα ἐκατέραις εὐσεβῶς τὸν ἐκ γαστροῦ σου τεχθέντα γινώσκομεν φύσει, Πανάμωμε, Θεὸν ὁμοῦ ὑπερφυῶς καὶ ἄνθρωπον, ἔχοντα τελείως ἐκάστης τὰ ιδιώματα 'Родившегося из Твоего чрева Единогo в обоих [естествах] мы благочестиво разумеем, о Пренепорочная, по естеству Бога и вместе с тем в полноте человека, в совершенстве обладающего свойствами каждого' MR VI, 357) 10 об.

Слову *прѣвеличѣ* в оригинале соответствует наречие ὑπερφυῶς 'вполне, совершенно', которое, очевидно, переведено в соответствии со значениями глагола ὑπερφύομαι 'превосходить, перерастать' и прилагательного ὑπερφυῆς 'переросший'.

Прѣвѣспѣти. Достойный превознесения в песнопениях. Поютъ роди родъ вси та прѣпѣтата · прѣ/въспѣтож бо слово · божѣи породи паче слова (τὸν ὑπερῦμνητον MR VI, 498) 192 об.

Прѣвѣсхвалити. Восхвалять, превозносить. Пам.атъ ти бѣ/то · свѣтомъ даровъ · помышление всѣхъ / просвѣтлаци · прѣвѣсхвалити [в греч. далее: σε 'тебя'] · ѡдѣтѣю вса / бѣдѣти (ἀνευφημεῖν MR VI, 471) 68 об. – 69.

Прѣдивьникъ, м. Тот, кто вызывает сильное удивление, восхищение. Обрѣте болѣзньныа побѣды · [в греч. далее: ἐν 'в'] нѣсныхъ бѣ/моудре · въ покровѣхъ емилиане · нынѣ / жити съподобивъса · мѣнкмъ съ бѣствъ/ными воинствы · ако бѣствьными свѣль · стѣомѣнце прѣдивьниче (εὔρες τὰ τῶν πόνων ἔπαθλα ἐν οὐρανοῖς, θεοφόρε, σκηνώμασιν, Αἰμιλιάνε, νῦν κατοικεῖν ἀξιούμενος τῶν μαρτύρων σὺν θεοῖς στρατεύμασιν, ὡς θεῖος ἱεράρχης, ἱερομάρτυς ὑπερθαύμαστε 'ты обрѣл награду за страдания, богоносец Емилиан, удостоившись ныне вселиться в небесных жилищах с божественными воинствами мучеников, как божественный иерарх, священномученик предивный' MR VI, 361) 13.

В выражении *болѣзньныа побѣды* (τὰ τῶν πόνων ἔπαθλα 'награды за страдания') прилагательное передает греческий косвенный объект в соответствии с особенностями синтаксических функций древних славянских и церковнославянских прилагательных⁵⁰³. Редкий метонимический переход 'победа → награда (т. е. то, что приносит

⁵⁰³ См. выше комментарии к слову *бестлажаньнъ*.

победа) у церковнославянского *побѣда* отмечен в словарях⁵⁰⁴. Дат. п. мн. ч. *мѣннѣмъ* выступает в атрибутивной функции в соответствии с греческим родительным определительным в словосочетании τῶν μαρτύρων (σὺν θείοις στρατεύμασιν).

Прѣжеланьно, нареч. С сильным желанием. *Крѣви пролиланне · маѣиме трѣпѣльъ еси прѣжеланьно* (προθυμότηα⁵⁰⁵ MR VI, 394) 29.

Прѣждесърѣсти. *Встретить* (канун праздника; о предпразднстве церковного праздника). *Хво прѣвбращениѣ прѣжесърлацемъ · свѣтъ/тѣло тѣржѣствоующе · прѣжепраздънь/ство* (προῦπαντήσωμεν MR VI, 319) Ca 26 об.

Прѣждепраздъньство, с. *Предпразднство*. См. цитату s. v. **прѣждесърѣсти** (τὰ προεόρτια).

Прѣкрѣпно, нареч. Мужественно, твёрдо. См. цитату s. v. **въмѣстоватиса** (ῥωμαλέως).

Прѣправъ, прил. В высшей степени правильный. [Об апостоле Тите, уроженце Крита и первом критском епископе.] *Отъ критьска гѣра сы · и въ иже [вм.: въ нь же — ἐν ἧ] пакы при/идеши / · лко тврѣдо основание · на нем<?>/же оутвърдисл · прѣправа л въра съзъ/даниемъ · назъда вѣрньны л [...]* тите · прѣлжньны (Κρήτης ἐξορμώμενος καὶ ἐν αὐτῇ ἀφικόμενος, ἀρραγής ὡς θεμέλιος, ἐν ἧ ἕστερέωτο ὀρθοτάτη πίστι, τῇ οἰκοδομῇ ἐπικοδόμησε πιστοῦς [...] ὁ Τίτος ὁ μακάριος ‘посланный с Крита и на Крит [букв.: туда же] вернувшийся, словно несокрушимое основание, на котором [он, т. е. Крит] утвердился в правой вере, назиданием назидал верных [...] блаженный Тит’ MR VI, 493) 85.

ВВ передачу греческого суперлатива ὀρθοτάτη ‘самая правая’ префиксальным дериватом от *правъ*. Стихира основана на языковых метафорах строительства: ап. Тит — основание для Крита, на этом основании он выстроил (буквально ‘надстроил строительством’ — τῇ οἰκοδομῇ ἐπικοδόμησε) верных, то есть критскую церковь. Глаголы

⁵⁰⁴ СРЯ XI—XVII вв. 15, 120 (два примера: из сборника 13-ти *Слов Григория Богослова*, XI в., с параллелью τρόπαιον ‘победный знак’, которая, как и весь контекст «*Молитвою възставляя побѣды...*», указывает на несколько иное значение, — и из *Успенского сборника*, с параллелью τὰ ἔπαθλα и с неубедительным иллюстративным примером: «*Не болъзньи зърѣти тѣчию, нь и побѣды съ болъзньми, паче же не съ болъзньми*»); СДРЯ VI, 453 (один пример из *Хроники Георгия Амартола* с той же греческой параллелью ἔπαθλον и с похожим сочетанием *болъзньната мъзда* ‘награда за болезни, страдания’: «*сихъ бо такоже болъзньната шествуетъ мъзда. ѿвергъше(с) раздѣллающему побѣды*» и т. д.); ср. SJS III, 66 (значение ‘награда’ не определено, однако оно усматривается в иллюстративном примере к значению ‘победа’, в особенности в латинской параллели славянского *побѣда*: «*тоуже побѣдоу мочучениа прѣоудоль martyrii palmarum Bes 3,14ba 7*»).

⁵⁰⁵ Адвербиализованная суперлативная форма вин. п. мн. ч. прилагательного πρόθυμος ‘усердный, ревностный; проявляющий сильное желание’.

οἰκοδομέω и ἐποικοδομέω ‘выстраивать; надстраивать’ и одноко-
ренные существительные οἰκοδομία, οἰκοδομή, οἰκοδόμημα активно
употреблялись в контекстах, связанных с образованием, обучением
как созиданием, строительством, в том числе строительством церкви
(на ап. Петре как на твёрдом камне), с чем связан семантический пе-
реход ‘строить, надстраивать’ → ‘образовывать, учить, т. е. на-зидать’
(LSJ 675; PGL 939). Славянский перевод *свѣзданиемъ назѣда* калькирует
морфемную структуру греческих слов.

Прѣразоумьнѣ, прил. *Непостижимый разумом. Ꙗко въ ложьници
свѣтъльнѣ · въ пещерьѣ / мoudрии възмѣдѣше славьнии · прѣра/зоумь-
нии свѣтии · покои приаши ѡ/сте · отъ хръста творьца* (ῶσπερ
ἐν παστάδι φαεινῆ, ἐν τῷ σπηλαίῳ, σοφοί, εἰσδύντες, ἔνδοξον καὶ ὑπὲρ
νόησιν, ἅγιοι, τὴν ἀνάπαυσιν ἐδέξασθε παρὰ Χριστοῦ τοῦ Ποιητοῦ ‘словно
в светлый чертог, войдя, премудрые, в пещеру, вы приняли, святые,
славный и превышающий разумение покой от Христа Творца’⁵⁰⁶ Sn562
109) Ca 48.

Оба новгородских списка содержат чтение *славьнии*, что объясня-
ется влиянием соседних форм *мoudрии* и *свѣтии*. В *Ta* представлена
ещё одна форма, не соответствующая оригиналу: *прѣразьмьнии* (так!)
5 об. Тем самым слово *прѣразоумьнии* отнесено к святым и, вопреки
греческой параллели, должно быть понято как ‘в высшей степени
разумный, мудрый’.

Прѣсъсждити. *Устроить, приготовить. Азыкомъ своимъ · огонь-
номъ попалилъ еси · / съблазнѣ вещество горькое · исъхъши/хѣ* [вм.:
исъхъшала] *прѣмоудре сѣдца обновилъ еси · и въздѣ/лати нѣсными* [вм.:
нѣснала] · *разоумил · пресъсoudи* [вм.: *прѣсъсoudилъ*] *еси* (γλώσση σου
πυρίνη καταφλέξας τῆς πλάνης τὴν ὕλην τὴν πικράν, κεχερωμένας, πάν-
σοφε, καρδίας κατενέωσας, καὶ γεωργεῖν οὐράνια νοήματα παρεσκεύασας
‘огненным своим языком ты сжёг горький кустарник соблазнов, вы-
сохшие сердца обновил, премудрый, и уготовил к тому, чтобы возде-
ловать небесное знание’ MR VI, 495) 82.

Славянская лексема — морфемная калька греческого παρασκευάζω:
para ↔ *прѣ-*, skeuos ↔ *съсждѣ*. Обращает на себя внимание триви-
альность частотного греческого слова со значением ‘приготовить,
уготовить’, которая, казалось бы, должна препятствовать появлению
неологизма при наличии употребительных славянских лексических
параллелей.

Прѣтѣпло, нареч. *Горячо (зд. перен. ‘рьяно, усердно’). Непобѣдимии
моученици · / свѣтлостию доуховною · / мъглоу ль/стѣною и без-
божьства · пожьноуще прѣтѣпло и благовьриа огонь възгни/тѣлице ·*

⁵⁰⁶ Речь идёт о семи отроках эфесских, которые около двухсот лет провели в за-
крытой пещере, находясь в «преразумном» сне (BHG 1593–1599d).

съ нимижє лаурентии [...] краситьєста чюдєсы (τὴν ἄχλυν τῆς πλάνης · καὶ τῆς ἀθεΐας καταδιώκοντες θερμῶς ‘с жаром прогоняя мрак обольщения и безбожия’ D17 52 об.) Са 58.

Суперлативная форма славянской лексемы не мотивирована словообразовательной структурой и грамматическими особенностями греческого θερμῶς и оправдана только содержанием контекста.

Прѣоутворити. Пересоздать. *Идолѣскаѧ иско/рени стѣлѣ* [вм.: стѣлѣы — στήλας вин. п. мн. ч.] *капица · божиею силою / разори · църкѣви же поюща · троица* [τῆς Τριάδος род. п. ед. ч.] *прѣ/оутвори · людиѣ прѣвѣзносите* (εἰργάσω MR VI 367) Са 56.

Появление приставки *прѣ-* оригиналом не мотивировано (ἐργάζομαι ‘делать; трудиться’).

Прѣвъвно, нареч. *В высшей степени явно, ясно. Еретицѣствоуюциихъ гърдость · прѣлѣв/но оузырѣвъ · прѣже тѣхъ раздроушени/ѣ* (αἰρετιζόντων ἔπαρσιν проφανῶς ἐταπεινώσας, πόρρωθεν προβλέψας τὴν αὐτῶν κατάλυσιν ‘ты смирил надменность явных еретиков, издали предвидя их падение’ MR VI, 310) Са 20 об.

В переводе или в его позднейших списках пропущен глагол, который бы соответствовал греческому ἐταπεινώσας ‘смирил’, на его месте находится форма *оузырѣвъ* — προβλέψας.

Равновѣсельникъ, м. *Тот, кто живет совместно с кем-л. Ищезилъ еси моужьскы · е/линьскоую вѣроу · крѣпостьми мѣнчскыи/ми мѣнче · вѣнчеченосьце соужитънице а/нѣлмъ · стрѣпцемъ · равновѣсельнице* (ὁμόσκητε MR VI, 421) 44.

Равнодѣтель (?), м. *Тот, кто действует одинаково с кем-л. Равнодѣтель рожьшиоуоумоу · равно/сильно слово · съприсносоущєж · въ чрѣ/въ дѣвы · изволениемъ отъчьмъ зиже/тѣсѧ* (ἰσοουρός MR VI, 403) Са 84 об.

Слово *равнодѣтель* представлено только в древнерусских списках, прозрачная словообразовательная структура позволяет рассматривать его как помен agentis, однородное подлежащее с *слово*. Вероятно, однако, славянская лексема является результатом описки, восходящей к общему протографу обоих новгородских миней. В согласии с прилагательным ἰσοουρός ‘такой, который действует одинаково с кем-л.’ в переводе ожидалось бы прилагательное *равнодѣтельно*, ср. далее *равнословно*; такое прилагательное засвидетельствовано единственным примером в *Хронографе 1512 г.* (СРЯ XI–XVII вв. 21, 115).

Раскроушениѣ, ср. *Раздробление, разбивание. Трѣпѣла / еси болѣзни моужьскы · раскроушение / оудомъ прѣхвальнаѧ* (θλάσιν MR VI, 471) 72.

Растрожник (?), с. *Разделение. Браконеискоуьсно роди · и дѣвою же прѣ/бысть · и страньно рожѣствѣмъ ти съче/тала жи вьсѧ · дѣлгоую брань и дальне/ѣ растрожникъ раздроушьши* (διάστασιν MR II, 383) Са 14 об.

В соответствии со словообразовательной структурой греческого διὰστασις 'разделение' (διὰ 'через; раз-' + στάσις букв. 'стояние') в переводе должно было быть *растотаниж*. На ошибку указывает также необычная огласовка корневой морфемы: в соответствии с тематическим гласным -а основы инфинитива глагола третьего «лескиновского» класса в корне ожидался бы аблаут ступени продления: **растратаниж* от *растрати*. Такой глагол зафиксирован, однако, только со значением 'устраивать, приводить в порядок; размещать' (СРЯ XI–XVII 22, 65; СДРЯ X, 230; SJS III, 617), но не 'расстраивать', то есть 'нарушать строй (порядок)'. Цитируемый здесь тропарь в иной версии содержится в нескольких служебных минеях на декабрь (ILH I, 139, № 1478)⁵⁰⁷, где в соответствии с греческим διὰστασις читается именно *растотаниж* (MD I, 288), т. е. 'разделение, отдаление, нахождение на расстоянии'.

Рѣвати. Гнать. *Свѣта иже въ тебе лочами бѣневѣстьна.а · дѣѣж / мою просвѣти · лежащю въ ровѣ погыбѣ/льнѣмъ · възстави / врагы низмещущи сътоужающа.а присно срдцю моемоу · и / къ стрѣмъ рѣвающимъ [вм.: рѣвающ.а.а⁵⁰⁸] м.а (συνωθούντας με MR VI, 383) 22 об.*

Цитируется один из богородичных тропарей канона мч. Евплу. Этот же тропарь использован в канонах Кириллу Философу (Christians 2004, 90) и мч. Луппу (ILH III, 94, № 17612). В той редакции перевода данного тропаря, которая содержится в *Ильиной книге* (канон Кириллу Философу), форма συνωθούντας передана славянским *порѣжьщемъ*, к этому чтению отмечены варианты типа *порѣвающа*, -щ.ѣ.а, -щее и т. п. (Крысько 2005, 588, 589). В каноне мч. Луппу употреблена форма *прирѣжощемъ* Та 80. Общее для всех упомянутых здесь рукописей изменение первоначальных аккузативных форм **рѣваѣщ.а.а*⁵⁰⁹, «*порѣжьщ.а* или *порѣжьщ.а.а*» (Крысько 2005, 589) или **прирѣжьщ.а.а*⁵¹⁰ на дательные (соответственно, *рѣвающимъ*, *порѣжьщемъ*, *прирѣжощемъ*) вызвано ошибочным согласованием с соседним существительным, которое стоит в контактной позиции в форме дательного

⁵⁰⁷ В указателе зачало тропаря приведено так, как оно представлено в минеях на декабрь: *Браконеискоуьсна роди* (ILH I 139, № 1478). В соответствии с наречием ἀπειροούτως в славянском тексте должно быть *браконеискоуьсно*, и именно эта форма читается в «августовской» версии тропаря. Минея *Са* названа в указателе среди источников его текста, однако зачало процитировано в соответствии с испорченной, «декабрьской», версией; на стр. 140 имеется отсылка: «*Браконеискоуьсно роди и дѣвою же прѣбысть* cf. *Браконеискоуьсна* (ILH I, 140).

⁵⁰⁸ Форма, согласованная с объектом *врагы* (ἐχθρούς).

⁵⁰⁹ Восстанавливаем членную форму в соответствии с однородным *сътоужающа.а*.

⁵¹⁰ Восстанавливаем членную форму в соответствии с однородным *оскрѣбляюща.а* Та 80.

падежа: *къ страмъ* 'к страстям' Та 22 об., *къ грѣхомъ* Та 80 (та же форма — в *Ильиной книге* [Крысько 2005, 588]). Ошибочное согласование с соседней формой определения, стоящего в дистантной позиции к определяемому слову, — распространённый в славянских гимнографических памятниках тип ошибки. Здесь он представлен в разных рукописях трёх разных переводов одного и того же тропаря. Такая закономерность связана с плохим пониманием книжного синтаксиса церковнославянских служебных миней, осложнённого инверсиями и дистантными позициями согласуемых форм.

Сверѣповатиса. *Свирепствовать. Идринюу блажене крѣстьною · прѣвѣха/въ сверѣпоующееся море · житила дои//де · на пристанище покоищюно* (ἀγριαίνουσαν MR VI, 368) Са 56–56 об.

Лексема указана в списке (Крысько 2003, 341) и включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 427).

Свѣтозаря, ж. *Сияние. Вселената · безвещьствьною свѣта зарю* [вар.: *свѣтозарю* Та 72 об.] *свѣтиться* (φωταυγία MR VI, 472) Са 130.

На основании греческой параллели чтение *Та* рассматриваем как «правильный», с текстологической точки зрения, композит, а не порчу, хотя сама рукопись содержит здесь пропуск части фразы, из-за чего текст в версии *Та* лишён смысла; цитата приводится по *Са* как по содержанию более полной версии этого песнопения, с лексическим разночтением по *Та*.

Свѣтосиати. *Сиять светом. Въ поустыняхъ / хода власы вельбоужу покрывъся · / въ овъхъ оубо аю въ свѣтосилющихъ / живаше въ чистыихъ · овы же аю цѣрь/скоую нося оутварь · страстьми цѣртво/валъ еси* (ἐρήμους περιπολῶν θρίξι καμήλου σκετόμενος, τὰς μὲν ὡς φωτολαμπὲς κατῴκεις ἀνάκτορον, τὰς δὲ ὡς βασιλείων περιφέρων κόσμον τῶν παθῶν κατεβασίλευσας 'скитаясь в пустынях, укрытый верблюжьей шкурой, ты обитал в первых [т. е. в пустынях], как в светосияющем чертоге, другую же нося, словно царское украшение, ты повелевал страстями' MR VI, 535) 107 об.

Греческая параллель славянского слова отмечена до сих пор в единственной фиксации (PGL 1511), текст минеи добавляет еще один пример употребления лексемы φωτολαμπής. Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 430).

Сватомъченикъ, м. *Священномученик, мученик в сане священника.* См. цитату s. v. **прѣдвѣвникъ** (ἱερομάρτυς MR VI, 361) 13.

Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 433). Греческие слова ἱερομάρτυς и ἱερομάρτυρ объясняются как «holy martyr» (PGL 670) или «heiliger Märtyrer» (LBG 4, 703). Как показывает обращение к источникам, из которых в названных словарях взяты примеры словоупотребления (см. s. vv.), носители звания ἱερομάρτυς (или ἱερομάρτυρ) являются епископами, включая свщмч.

Емилиана, еп. Кизического, в каноне которому встретилось слово *свлатомъченикъ*. Его синонимом является более распространенное *свлатеномъченикъ*, которое правильно разъяснено пражскими лексикографами: «*mučednik kněz vel biskup [...] Priestermärtyrer [...] presbyter et martyr, episcopus et martyr*» (SJS III, 47); см. также: «святиеннослужитель, принявший мучения и смерть за веру» (СРЯ XI–XVII вв. 23, 224).

Свациеножьрентъ, прич. Принесенный в качестве священной жертвы. *Тл хъво агна · сѣножь/реное заклоение [...] хвалимъ* (τὸ ἱερότατον θύμα 'священнейшая жертва' MR VI, 483) 76–76 об.

Седмерокроужнь, прил. Состоящий из семи кругов или сфер (ср. греч. ἑπτάκυκλος). *Седмерокроужно/е твое нбо · ако въ тл небесъмъ творць / възмъствъса по плъти · вышь/шу тл показа чиста* 31.

Седмисвѣтъль, прил. Состоящий из семи источников света. [О мучениках Маккавейских: Соломонии, её семи детях и священнике Елеазаре.] *Благовѣрьно*⁵¹¹ [вм.: *благовѣрьны* или *благовѣрьныта* — τῆς εὐσεβοῦς] *соломонита* [Σολομονῆς род. п. ед. ч.] · *свлато лозие и вѣрно*⁵¹² [вм.: *вѣрна* — τοῦ πιστοῦ] *ѡлиазара питѣннита* [мн. ч. им. п.: 'те, кто воспитан Елеазаром'] · *седмисвѣтълы тако свѣтильници сътающе · и за//коны свѣщъникъ · мудодро възложени бѣ/ша въсе лица* [так!] *божита възвартажми* (τῆς εὐσεβοῦς Σολομονῆς βλαστήματα καὶ τοῦ πιστοῦ 'Ελεάζαρ τὰ θρέμματα, οἱ ἑπτὰ φωστῆρες, ὡς λῦχοι φαίνοντες τῇ τοῦ νόμου λυχνία, σαφῶς ἐπετέθησαν ἐν τῇ σκηνῇ τοῦ Θεοῦ 'дети [букв. 'отрасли, ветви'] благочестивой Соломонии и верного Елиазара питомцы, семь светил, словно сияющие свечи семисвечника закона, явственно были положены в скинии Бога' MR VI, 290) *Са* 7 об. – 8.

Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 439). Славянский неологизм, композит *седмисвѣтъль*, передаёт два греческих слова οἱ ἑπτὰ φωστῆρες 'семь светил'. Очевидных причин для его появления нет, если само подражание греческому словообразованию не является поэтическим приёмом переводчика. Возможно, однако, что перед нами — переосмысление в ходе паронимической аттракции первоначального чтения **седмь свѣтиль*, и тогда неологизм оказывается плодом творческой воли не переводчика, а переписчика. В пользу такого толкования свидетельствует, как кажется, неясность поэтического образа в славянском переводе: получается, что каждый из семи мучеников уподоблен семисвечнику (в оригинале все семь юношей сравниваются с семисвечником). Выражение *такъ свѣтильници сътающе · и законы свѣщъникъ* несомненно является

⁵¹¹ Форма согласована по роду и падежу с *лозие*; в соответствии с оригиналом определение должно относиться к Соломонии.

⁵¹² Форма согласована по роду и падежу с соседней формой *лозие*; в соответствии с оригиналом определение должно относиться к Елеазару.

искажением первоначального текста: в соответствии с греческим ὡς λύχνοι φαίνοντες τῆ τοῦ νόμου λυχνία ожидалось бы **так*о *свѣтильници* *сѣтяющеи* *законѣна* *свѣщъника*. В рукописи утрачено соответствие сравнительному союзу ὡς, а членная форма **сѣтяющеи* переосмыслена как сочетание именной формы с союзом *и*, на что указывает междустрочная точка. В результате дативной форме τῆ λυχνία стал соответствовать им. п. *законѣ свѣщъникѣ*, где *законѣ*, очевидно, следует понимать как согласованное определение в стяжённой форме ед. ч. м. р. с упущением геминаты в результате утраты слабого редуцированного (*законѣным* → *законѣ*). Чтение *моудро*, возможно, отражает вариант греческого текста σοφῶς. Чтение *все лица* — возможно, паронимическое искажение первоначального **вѣ селище* или **вѣ селищи* (ἐν τῆ σκηνῆ). Если это так, то специализированное значение слова σκηνή ‘скиния’ (где, в том числе, находился семисвечник, с которым метафорически соотносятся семь детей Соломонии) осталось, вероятно, нераспознанным⁵¹³, если не считать, что переводчик таким образом проявил своё понимание *скинии* (σκηνῆ) как ‘обиталища (Бога)’ (ср. Исх. 25: 28). Форма *вздварѣжи* не имеет греческого соответствия.

Седмовѣтвьнь, прил. *Образующий собой семь ветвей. Оле храбрѣрство женьско · оле доблестъ излщена · седмовѣтвьннаго лика сыновѣ по законѣ · отлоучивъши богу весело оумоужиста · и въздастьса · гонителю на прилогѣ · оумъръшемъ сыномѣ* (ἐπτάκλωνος MR VI, 291) *Са* 8 об.

Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 439). Слово ἐπτάκλωνος лексикографически зафиксировано только в двух контекстах (LBG 3, 593).

Седмосвѣтило, с. *Семисвечник (?)*. *Отъча вобычала* [род. п. ед. ч. (?) — τῶν πατρῶων ἐθῶν род. п. мн. ч. ‘обычаев отцов’] · *законѣны хранителѣ* [νομοφύλακες им. п. мн. ч. ‘хранители закона’] · *и мостъвѣтъ заповѣди · пръвомоученици* [προκήρυκες ‘провозвестники’] · *так*о *седмосвѣтила* · *вѣ мирѣ сѣтяюще* · *лучами страдания* · *нѣ* [вм.: *ны* — ἡμᾶς] *всилютъ* · *оумна свѣтила* (ὡς ἐπτά φωστῆρες MR VI, 290) *Са* 7 об.

Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 439). Слово, возможно, является неологизмом переписчика, возникшим в результате паронимического переосмысления исходного словосочетания **седмь свѣтилѣ*. Об этом свидетельствует не только греческий оригинал, но и неясность метафорической мотивации в лексическом значении композита *седмосвѣтило*: если следовать предложенному толкованию, которое при такой словообразовательной структуре кажется единственно возможным, получается, что каждый из семи мучеников уподоблен семисвечнику, который, однако, должен быть единственным.

⁵¹³ Слово *селище* в этом значении не отмечено в словарях.

Скорозастѣпникъ, м. *Тот, кто быстро приходит на помощь. Того възсхвалимъ яко / мольбѣника нашего добллага *и скоро/застоупника* (θερμὸν ἀντιλήπτορα MR VI, 474) 76 об.

Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 444). Вероятно, что композит *скорозастѣпникъ* — очередной неологизм переписчика: в соответствии с греческим оригиналом в переводе ожидалось бы **ско́ра застоупника*. По аналогии с сочетанием «иже есть зѣло постникъ. (λίαν) ФСт XIV, 186г.» (СДРЯ 3, 435), в котором наречие *зѣло* выражает высокую степень проявления свойств предмета, кажется возможным иное словоделение: *ско́ро застоупника*.

Скотикъ, с. *Состояние, подобное состоянью скота. Вся ты освѣ/щень *и бѣжемиь свѣтомъ освѣиень * тите стѣ * слово стѣсное встѣмъ проаснова * / ѿ скотѣа прѣмудре * ны избавѣщааго* [вм.: *избавляющее* или *избавлявшее* (?) — τὸν [...] ῥυσάμενον 'избавившее'] (ἀλογίας MR VI, 500) 87 об.

Славянская лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 444). Редкий случай, когда поэтически выразительная семантика неологизма (в котором как будто слышится современное оценочное определение *скотство*) не мотивирована словообразовательной структурой греческого оригинала. Параллель между «бессловесным» (ἀ-λογ-ία букв. 'бессловесие'), неразумным состоянием человека и животным миром не является художественной находкой неизвестного переводчика. Передача греческой морфемной группы ἀλογ-, обозначающей «бессловесность», славянским *скот-* — тривиальный факт церковнославянской переводной письменности, сравним *скотий* 'свойственный скоту' (СРЯ XI–XVII вв. 25, 8, с параллелью [τῶν ἀλόγων), *скотный* 'подобный скоту; неразумный' (СРЯ XI–XVII вв. 25, 10, с параллелью ἀλογώτερον), *скотинныйше* 'более неразумные, чем скотина' (СРЯ XI–XVII вв. 25, 8–9: *скотинъ скотинныйше* — τῶν ἀλόγων ἀλογώτεροι), *оскотованыи* (ἀλογωθεῖς) (Верещагин, Крысько 1999, 9 [пример из *Ильиной книги*]), *скотии* (τῶν ἀλόγων) «*des Viehs*» (WGMD 188 [пример из служебной минеи на декабрь]). Оценочная коннотация в церковнославянских контекстах, если она действительно задумывалась переводчиками и осознавалась редакторами и читателями-слушателями, основана на метафорическом переносе («подобный скоту») и обусловлена употреблением греческого ἄλογος 'безумный; бессловесный' в значении 'животное (т. е. существо, лишённое разума и дара речи)'. Имеются контексты, в которых оба слова употребляются безоценочно, например: «*Дръвѣ Валаамле скотьское възбранилъ еси стрѣмление скотины* (τοῦ ἀλόγου). Мин.сент., 055. 1096 г.» (СРЯ XI–XVII вв. 25, 8). Прямая преемственность между церковнославянским употреблением упомянутых лексем и современным эмоционально-экспрессивным узусом неочевидна. Судя по одушевлённой форме вин. п. = род. п. определения (*слово*) [...] *избавѣщааго*, переводчик или

переписчик-редактор поняли *слово* как обозначение второго лица Св. Троицы. NB отсутствие падежного согласования форм *слово* и *избавляаго*, первая из которых не выражает категорию одушевлённости⁵¹⁴.

Смрадотьзоименьнь, прил. *Равноименный, одноименный смраду. Смрадотьзоименный врагъ · тѣ/щаашеста · тѣшениемъ · изноурити / твожего съмысла* (δυσώνυμος MR VI, 432) *Ca* 102.

Лексема указана в списке (Крысько 2003, 341) и включена в словарные «Дополнения по букве С», толкование дано в соответствии со словарным определением (СРЯ XI–XVII вв. 29, 450).

Стоаньно, нареч. *Стойко, непоколебимо. Стѣра изволивъши · многы мукы прѣхвалъ/наа · столаньно трѣпѣвши · ѿ сихъ же къ не/болѣзньнымъ приложиса славьно* (σταθερῶς MR VI, 462) 69.

Лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 467).

Страдодавць, м. *Тот, кто определяет страдания (о Христе). Вѣньцьмъ оу/вазостаса · неистѣльньнымъ · тако воина / хрьстова · юже памать въ вѣкы неоу/гасаючи прѣбываѣт · славою чьсти//ма отъ страдодавца ваю* (τοῦ ἀθλοθέτου C1 75) *Ca* 67–67 об.

Слово лексикографически зафиксировано и проиллюстрировано единственным цитируемым здесь примером (СРЯ XI–XVII вв. 29, 122). Греческое ἀθλοθέτης ‘распорядитель и судья на спортивных состязаниях’ передано в соответствии с переносным, метафорическим значением слова ἄθλος ‘состязание, борьба’ → ‘страдание, мучение’ → ‘мученичество’, однокоренных с ним слов и вообще всех слов — членов лексико-семантической группы, отражающей метафорическое уподобление мученичества спортивным состязаниям. Спортивная метафорика не могла быть сохранена при переводе с греческого на церковнославянский⁵¹⁵.

⁵¹⁴ См. Крысько 1994³, 134 («заслуживает внимания явная склонность прилагательных, особенно постпозитивных, к использованию формы В=Р независимо от того, в какой форме стоит определяемое ими существительное или местоимение [...] Сходная картина зафиксирована и в старославянском языке [...] одушевленность как категория, выражающаяся в совпадении форм ВП и РП, в древнерусском языке могла достаточно однозначно манифестироваться одной из согласуемых форм [...] для выбора генитивно-аккузативной формы прилагательного семантическая характеристика существительного была важнее, чем наличие в данном контексте формы В=Р у самого существительного [...] в собственно атрибутивных конструкциях различение форм чаще происходило по принципу: существительное — В=И, прилагательное — В=Р»).

⁵¹⁵ Christians 2009, 156 («2.3. *Athleten und Gladiatoren Christi*: Das Martyrium der Christen wird in den Hymnen des Gottesdienstmenäums mit Bildern und Vergleichen geschildert, die der antiken Agonistik entnommen sind [...] Motive und Vergleiche aus der Agonistik begegnen bereits in den Paulus-Briefen»), 157–158 (примеры, типичные метафоры «спортивного» ряда и способы их перевода на церковнославянский).

Съвъзраститиса (?). Быть выращенным вместе с чем-л. Прѣже зачала данъ бы · бѣу даръ чъстъныи / ржъса [вм.: рожьса — τεχθείς] · съконица [ἐπλήρωσας 'исполнил'] прѣсловии · мѣтвѣ мѣръ/ну · [в греч. далее: ὡς 'как'] писано есть сѣю одежею [τῷ θεῷ ἐνδύματι] · вѣрно съвъ/звращъ · и всѣми владоущемоу · ако ангѣл послуживъ (πρὸ συλλήψεως δέδοσαι τῷ θεῷ δῶρον τίμιον καὶ τεχθείς ἐπλήρωσας, συναοίδιце, εὐχὴν μητρῶαν, ὡς γέγραπται, τῷ θεῷ ἐνδύματι εὐσεβῶς συναυξηθείς καὶ τῷ παντῶν δεσπόζοντι ὡσπερ ἄγγελος λειτουργήσας 'прежде зачатия ты был отдан Богу как честный дар, и, родившись, исполнил, преславный, молитву матери, как написано [в Св. Писании], вместе с божественной одеждой благочестиво выращенный и Владыке всех, словно ангел, послужив' CI 124 об.⁵¹⁶) 63 об. Ави [вар. Са 122: ависа — ὄφθης 2 л ед. ч.] из ложьснѣ мѣрънъ · прѣсловии · и прѣста съсудъ дѣа свѣчьнѣнъ · [вм.: свѣчьнѣнъ — τῷ ἱερῷ⁵¹⁷] съвъзраць же одъниемъ · бѣ послужева (συναυξηθείς MR VI, 461) 66 об.

Лексема включена в словарные «Дополнения по букве С» (СРЯ XI–XVII вв. 29, 467), цитируется стихира прор. Самуилу (ср. 1 Цар. 2: 18–19). Чтение *съвъзраць* обоих древнерусских списков отражает раннее переосмысление текста. В соответствии с первой цитатой в среднеболгарской минее НБКМ 113, л. 93 об. (102 об.⁵¹⁸) находим другой вариант: *оде/жежъ вѣрно се възраць / ...* и т. д. Чтение среднеболгарского списка, тоже испорченное, доказывает тем не менее вторичность корня *-врат-*, отраженного в древнерусском *съвъзраць*, которое должно восходить к **съвъзраць* или *съвъзраць*, как во второй цитате. Причина употребления действительного причастия и его функция неясны, семантика пассива противоречит контексту и оригиналу. В соответствии со страдательным причастием συναυξηθείς чтение среднеболгарского списка *се* допустимо рассматривать как рефлекс первоначального *с.а* (с утратой назальности)⁵¹⁹, исчезнувшего в новгородских списках в результате гаплографии: *с.а съвъзз-*. По всей видимости, также из-за гаплографии в среднеболгарском списке утратилась приставка *съ-*: *се съвъзз-*, следовательно, правомерна реконструкция первоначального чтения **с.а съвъзраць* и на его основании возвратного глагола *съвъзраститиса*. Форму *съвъзраць* в первой цитате

⁵¹⁶ Кривко 2007₂, 140–141 (издание греческого текста стихир по нескольким византийским рукописям, разночтения).

⁵¹⁷ (τῷ) ἱερῷ — согласованное определение к ἐνδύματι 'одеждой', артикль относится к существительному. Первоначальное чтение **свѣчьнѣнъ* переосмыслено в *Та* как согласованное определение к *съсудъ*, а переписчиком *Са*, очевидно, было понято как адвербиализованная форма и заменено на *свѣчьнѣно* 122 об.

⁵¹⁸ В рукописи две пагинации.

⁵¹⁹ Наблюдение В. Б. Крысько.

правомерно рассматривать как гиперкорректную по отношению к первоначальному чтению⁵²⁰. Если реконструкция лексемы *свѣзрас-титис.с* верна, то утрата рефлексивного форманта в обоих является характерной особенностью древнерусской редакции обоих текстов.

Употребление глагола **свѣзраститис.с* связано с аллюзией на 1 Цар. 2: 18–19:

Καὶ Σαμουὴλ ἦν λειτουργῶν ἐνώπιον κυρίου παιδάριον περιεζωσμένον εφουδ βαρ, καὶ διπλοῖδα μικρὰν ἐποίησεν αὐτῷ ἡ μητὴρ αὐτοῦ, καὶ ἀνέφερεν αὐτῷ ἐξ ἡμερῶν εἰς ἡμέρας 'и служил Самуил пред лицом Господа, ребёнок, препоясанный εφουδ βαρ, а маленький [верхний] плащ делала ему мать его, и приносила ему год за годом'.

Εφουδ βαρ и плащ — это *святая одежда*, в которой *совозрастал* Самуил. Εφουδ βαρ — морфологически неадаптированная передача др.-евр. $\tau\dot{a} \tau\dot{\imath}b\dot{x}$ 'ēpōd bad 'ефод из льна', или, в соответствии с поздним значением слова $\tau\dot{a} bad$, 'ефод из ткани' (BDBL 94; LVTL 75–76)⁵²¹.

Считается, что ефодом в масоретской Библии называются три предмета:

«1. Eine schurzähnli. Kultracht (1Sam. 2, 18; 2Sam. 6, 14) [...] 2. Ein Orakelinstrument [...] unbekannter Gestalt. 3. Der in jüngeren Texten (Ex. 28; 35) als Teil des hohenpriesterl. Ornats genannte E.[...] scheint die Funktionen v. 1) u. 2) teilweise zu integrieren» (LThK 3, 460; см. также ВНН, s. v. «Ephod»; ПЭ 19, 22–23 [литература, контексты])⁵²².

Согласно этой справке, ритуальное облачение («Kultracht») Самуила не было иерейским. Традиция различать ефод священника и ефод Самуила, который сравнивается с облачением современных католических министрантов⁵²³, сложилась в некоторых современных библейских

⁵²⁰ Крысько 2003, 347 (об упрощении *звр* → *зр*; «ср. гиперкорректное *възврасцении* вм. *възрасцении* в Пал XIV2, 44 в)).

⁵²¹ Соответствие др.-евр. τd «далет» греческому ρ ($\tau\dot{a} bad$ — βαρ) связано с тем, что дрожащий сонорный *r* в древнееврейском был исконно не увулярным, а переднеязычным, и отличался от *d* способом образования (Дьяконов 1967, 191; Гранде 1998, 63). Возможно, с этим же связано графическое сходство букв «далет» (ד) и «рейш» (ר).

⁵²² Ср. затем NCE 5, 461 («epōd used in Ugaritic texts to designate some kind of rich garment»).

⁵²³ NCE 5, 462 («Not to be confused with the ephod of the high priest was the simple ephod worn by priests, Levites and David [...] Just as altar boys use cassocks and surplices to resemble sacerdotal vestments, the young Levite Samuel, helping around the sanctuary, wore a linen ephod similar to that of Hebrew priests»); ICB 157 («Sam. does service in the sanctuary as a ministrant wearing the linen ephod appropriate for cultic service»); Самуил не носил архиерейский ефод, так как «онъ не имѣлъ»

комментариях. Согласно другой традиции толкования 1 Цар. 2:18, юный Самуил, не будучи священником, носил всё же «das priesterliche Efod» (LThK 8, 1516), сравним толкование תָּרָבִיבָה *'ēpōd bad* в 1 Цар 2:18 («1Sam2:18») как «часть иерейского облачения» («ein priesterliches Kleidungsstück»), которая отличалась от особого ефода ветхозаветного первосвященника («ein Kleidungsstück d. HP») (НАНВ 58–59). Гебраизм εφωδ, εφουδ в языке Септуагинты объясняется только как «priestly garment» (GELS I, 192) или «έφουδ = תָּרָבִיבָה priesterliches Kleidungsstück» (SV 133), а морфологически неадаптированный гебраизм βαρ, barax legomenon Септуагинты (Muraoka 1991), выводится в отдельную статью: «βαρ = תָּרָבִיבָה for MT תָּרָבִיבָה piece of cloth | Sm. 2,18» (GELS I, 77); «βαρ = תָּרָבִיבָה Kleid» (SV 58)⁵²⁴. В лексикографии греческого языка византийского периода гебраизм εφωδ, εφουδ также определяется как часть иерейского облачения, что отражает видение этого предмета византийскими авторами. Хотя у Е. А. Софоклеса интересующее нас слово оставлено фактически без разъяснений: «έφουδ βὰδ *linien ephod*», s. v. «έφουδ, תָּרָבִיבָה, e p h o d» (GLRBP 549), — в более поздних лексикографических трудах ефод определяется как «Oberkleid des Priesters» (LBG 3, 637 [s. v. έφουδov]) или же как «priestly garment containing in pouch affixed to the front (over the brest) the oracular» и проч. (PGL 588). В последнем определении имеется в виду архиерейский ефод, т. е. одежда первосвященника. Понимание гебраизма εφωδ, εφουδ усложняется тем, что др.-евр. תָּרָבִיבָה *'ēpōd*, употреблённое для обозначения архиерейского ефода, передаётся в Септуагинте также словами ἑπωμίς, ποδήρης, στολή, ἱερατεία, εφοθ (GELS I, 22; LVTL 76)⁵²⁵.

Определение ефода Самуила как одежды прислужника, а не архиерея, основано на так называемом «здравом смысле» и является проекцией в древность современного опыта, с позиций которого кажется недопустимым то, что подросток носит облачение иерея или первосвященника. Между тем подробное описание архиерейского ефода в Исх. 28 и Исх. 39 не содержит ничего, что мешало бы его отождествлению с תָּרָבִיבָה *'ēpōd bad* в 1 Цар. 2:18. Единственное препятствие этому — упомянутое в Синодальном переводе слово *шерсть*

на это никакого права», а значит, у него было «нѣчто въ родѣ тѣхъ бѣлыхъ полотняныхъ стихарей, которые употребляются прислужниками при католическомъ богослуженіи» (Лопухинъ А. П. *ТОЛКОВАА БИБЛІА, или Комментарій на всѣ книги св. Писанія Ветхаго и Новаго Завета. Бытіе — Притчи Соломона*. Петербургъ, 1904–1907 [репринт: Стокгольм, 1987], 232).

⁵²⁴ Ср. толкование Исихия (V или VI в.), который, вероятно, пытался объяснить, как мог ребёнок носить одежду взрослого архиерея: «έφουδ βαρ ἱερατικὸν ἔνδυμα [...] τὸ δὲ βαρ ψικρὸν λέγεται» (Hesych.Lexicogr.; цит. по TLG).

⁵²⁵ Кажется неточным следующее наблюдение: «For a relatively small group of technical words no appropriate equivalents at all could be found, so that they were transliterated as such into Greek: e. g. [...] έφουδ» (Tov 1988, 171).

Византийские авторы воспринимали εφουδ βαρ и διπλοῖς μικρά как часть иерейского облачения, на основании чего Самуил назван первосвященником уже одним из ранних апологетов первого — начала второго веков Игнатием Богоносцем (Epist. interpolatae et epist. suppositiciae, rec. longior. Ad magnesianos)⁵³⁰. Διπλοῖς ‘двойной плащ’⁵³¹ в 1 Цар. 2:19 передаёт др.-евр. לַחֲמַל מִן־אֵל «ein ärmelloses, über der הַחֲמַל (χιτών) getragenes langes Obergewand, v. Fürsten u. Prinzen getragen (IS 18,24_{5,12}), von Königstöchttern [...], v. einem Propheten, einem Tempeldiener (1S 2₁₉)» (НАНВ 444). В византийскую эпоху у слова διπλοῖς развиваются специализированные значения «priestly robe», «of bishop’s cloak» (PGL 374), так могло называться одеяние, «которое монахам дозволялось носить (видимо, под свитой) для защиты от холода»⁵³².

Содержание библейской аллюзии в стихире, где сказано, что Самуил «рос вместе со священной одеждой», определяется не тем, что «на самом деле» носил пророк, а средневековой экзегезой соответствующего библейского фрагмента. Неясно, в какой мере широкий контекст процитированных гимнов был ясен славянскому переводчику.

Съматривати. *Смотреть, видеть; созерцать. Слово [Λόγος вин. п. ед. ч.] по/роди [ἔτεκες 2 л ед. ч.] *плотью обложима *и въ двѣ же ю/сть-ствѣ *съматриваема (κατανοούμενον ‘разумеваемого’ MR VI, 501) 87 об.*

первоначально не подвергался окраске, которая стала возможной в городских условиях не ранее XI–XII вв.).

⁵³⁰ Funk 1881, 82; ср. также у свт. Феодорита, еп. Кирского (386 [393?] — 457): «Τί δήποτε Λευίτης ὢν ὁ Σαμουὴλ τῷ ἐφουδ ἐκέχρητο; μόνῳ γὰρ ἀφώριστο τῷ ἀρχιερεῖ» (‘как же Самуил, будучи левитом, пользовался ефодом? Ведь он предназначался одному архиерею’) (Quaest. in libr. Reg. et Par.; цит. по TLG); «Ὁ Σαμουὴλ ἱερεὺς ἦν, ἢ Λευίτης; Τριῶν ὁ Λευὶ γεγένηται παίδων πατῆρ· τοῦ Γησῶν, τοῦ Καᾶθ, καὶ τοῦ Μεραρῆ. Τοῦ δὲ Καᾶθ ἐγένοντο παῖδες Ἀμβράμ, καὶ Ἰσαὰρ, καὶ Χεβρώμ, καὶ Ὀζιήλ [...] τοῦ δὲ Ἰσαὰρ ἔκγονος μὲν ὁ Κορεῖ, ἀπόγονος δὲ Ἐλκανὰ τοῦ Σαμουὴλ ὁ πατῆρ. Ὁ τοῖνον Σαμουὴλ πέμπτος καὶ δέκατος μὲν ἀπὸ Λευῖ· τῆς δὲ Καᾶθ ἦν πατριᾶς· ἢ τῶν ἄλλων προεκέκριτο, τῷ τοῦ ἀρχιερέας ἐξ αὐτῆς ἠνθηκέναι· διὸ δὴ καὶ φέρειν αὐτοῖς ἀπενεμήθη τὰ σκευὴ τὰ ἅγια» (‘священником был Самуил или левитом? — Левий был отцом троих детей: Гирсона, Каафа и Мерари. У Каафа были дети Амрам, Исаар, Хевром и Озил [...] потомком Исаара был Корей, а его потомком — Елкана, отец Самуила. Итак, Самуил, пятнадцатый после Леви, был из рода Каафа, этот [род] был избран из всех, чтобы из него процветали архиереи, поэтому им было предписано носить святые одежды’) (там же). Ориген писал о Самуиле, облачённом в ефод «καὶ περιβεβλημένος διπλοῖδα καὶ ἱερεὺς γενόμενος τῷ κυρίου» (Hom. in I Reg. 28.3–25 [Klostermann, Nautin 1983, 285]), Григорий Назианзин упоминал «ἐφουδὸν τὸ σεπτόν, ἢ Σαμουὴλ διπλοῖς» (PG 37, 1213) и сравнивал διπλοῖς Самуила и облачение свт. Василия Великого (PG 36, 596).

⁵³¹ LSJ 436; LBG 2, 393; SV 78; GELS I, 117.

⁵³² Крысько 2007, 261 (там же см. способы перевода слова διπλοῖς в древних русско-церковнославянских памятниках).

В отсутствие падежного согласования именных форм причастий с флексиями вин. п. = род. п. и определяемого существительного слово; см. (Крысько 1994_з, 134) и комментарии к слову *скотикъ*.

Съспоспѣшьствикъ, с. Содействие. *Исцѣлѣвати стѣа · ѿганати недоугы · ѿ ѿбѣга/ти сотворити [...] дѣхъ неприлзныны · / съспоспѣшьствиемъ дѣховьнымъ · прѣблаже/не сподобиса* (тїη συνεργεία MR VI, 421) 44.

Съпривестиса. Быть приведённым вместе с кем-либо. *Въслѣдѣ тебе · чистаа · съприведоутьсѧ / дѣвьствѣни лици* [ср. Пс. 44:15: ἀπενεχθήσονται] 33.

Съпроити. Совместно проходить, происходить. *Іако възистиноу светносоьна · и благолѣпнѣ/но и благоносоьна · лоуна възси.а.а жи · божи/а лика · въ звѣздахъ свѣтопавлены/ихъ · въдома благодѣтию · съпрошьдѣши/оумоу ис твоего чрѣва* Са 130 (ὡς ὄντως φωτοφόρος καὶ εὐπρεπής, Θεοφόρε, σελήνη ἀνέτειλας, θεῖον χορὸν οἰά περ ἀστέρων φωτοφανῶν ἐπαγομένη χάριτι σοῦ τῶν προσελθόντων ἐκ τῆς γαστρὸς ‘воистину, о богоносная, ты взошла, словно светоносная и прекрасная луна, ведущая божественный лик светосияющих звёзд, благодатью сопроисшедших из твоего чрева’ MR VI, 472)⁵³³.

Тожеобразьнѣ, прил. (ср. греч. ὁμοειδής). Сохраняющий неизменный вид, образ. *О прѣтаа трѣе безначальнаа · тожеобразьно / единство* 34.

Слово представлено в (СРЯ XI–XVII вв. 29, 391), словарная статья проиллюстрирована единственной приведённой здесь цитатой, толкование дано в соответствии со словарным определением.

Тръновообразьнѣ, прил. Тернистый. *Въсѣхъ тръновообразьныхъ слрастии* [так, вар. Та: стѣаи 96 об.] · / божиемъ молитвьнымъ мечемъ · ис ко/рене постѣклъ жи прѣмоудре (ἀκανθῶδης Cr12 141) Са 163 об.

Татикъ, с. Отсечение, усекновение (о казни через отрубание головы). *Оумърцважѣтѣста зълъ · оумъртвивыи / т.а · мечнымъ т.атьемъ* (тїη τοῦ ξίφους τομῆ ANG XII, 30) Са 26.

Лексема указана в списке (Крысько 2003, 341) и внесена в (СРЯ XI–XVII вв. 30 [в печати]).

Оувазъ, м. Венец. *Лаурентикъ вънцьемъ пра/въдньнымъ · боголѣпно оувазеса · оу/валомъ побѣдньнымъ* (διάδημα MR VI, 371) Са 58 об.

Слово недавно отмечено в некоторых других гимнографических текстах (Йовчева 2014, 126).

Оусыневати. Сделат своим чадом. *Съ отьцьемъ* [вм.: сыи съ отьцьемъ — ὁ ὢν сὺν τῷ Πατρὶ] сынъ · прѣже въкѣ и послѣдъ же / възплъцѣста · сынъ истиньнымъ · ис те/бе бысть прѣчистаа · оусыневавъ въс.а · / богоу господоу въгроу приведе [ср. Ин 1:12] (υιοθετήσας MR VI, 457) 64 об.

Философьствикъ, с. Философия. *Маѣиме блѣсне · ты поцениемъ бѣ блѣо/лѣпнѣ ѿлософьствив.а чистое покоище* (тїη φιλοσοφίας MR VI, 388) 27.

⁵³³ О мц. Вассе и её детях (ВНГ 268–270b).

Ча́дство, с. Обладание детьми, потомством (зд. образно о добродетелях). *Неплодноую ми дѣюу · дѣтелии ча́дство / прозлабати · из молитвы ти · съподоби / моудре* (εὐτεκνίαν MR VI, 457) 64.

Ча́днь, прил. Способный к рождению детей. *Разврззыи дрѣвле · ложесна сарина · и ани//ноу же мѣтвоу съконьчавъ бѣто и не/ча́дноу ча́дноу блѣодатию сътвори* (γόνιζον MR VI, 457) 64–64 об.

Ча́стьнословесънъ, прил. Достойный почитания. *Сластии огнь погасила же си [...] Будожила мою/ченикомъ хръстовомъ · частьнословесъ/наа* (σεμνολόγηα ‘то, чем можно гордиться’ ANG XII, 25) Са 23 об.

Несоответствие частеречных признаков греческого оригинала и славянского перевода позволяет предполагать паронимическое искажение первоначального славянского текста, где в соответствии с греческим σεμνολόγηα могло быть **ча́стьнословиѣ* или **ча́стьнословесиѣ*.

Їдиножитикъ, с. Жизнь в уединении. *Бѣжи въкоусивъ добродѣтелии · еже ꙗ/диножитъ · и ошьствие оутврѣдилъ еси* (τὸ τῆς ἡσυχίας καὶ ἀναχωρήσεως ἔστερξας ‘возлюбил то, что связано с молчанием / уединением и отшельничеством’⁵³⁴ MR VI, 351) 8 об.

В переводе отражено неразличение греческих слов στέρωω ‘возлюбить’ и στερεώω ‘делать твердым, крепким; укреплять’.

Їдиносжжигъ, м. Тот, кто живет совместно (с кем-л.). *Подъ землею покрываема · ѿкръвениемъ дѣа ^{прп}сѣго лвиастаа [...] страсотрѣнца самобратънаа · анѣло/мъ единосожжигъника* (ὁμοβκῆνοι MR VI, 441) 55 об.

Їдиносжжигънъ, прил. Такой, который живёт одной жизнью с кем-л. *Бысть · стра/стотрѣнца васса · ангеломъ ѳдиносожжигъна* (ὁμοβίαιος MR VI, 468) Са 128 об.

Ўпостась, м. Ипостась. *Привѣчьными начинаеться [...] его/же проповѣдалъ еси · въ двѣ соуцъствѣ · / и единѣмъ же оупостасьемъ блѣоблѣже* (μιᾶ ὑποστάσει MR VI, 494) 81 об.

Морфологическая адаптация греческого ὑπόστασις по парадигме мужского рода **й*-основы лексикографически не зафиксирована. Флексия тв. п. ед. ч. -ѣмь, возможная в этой форме также в именах **й*-основы, строго говоря, сама по себе не даёт достаточных оснований судить о словоизменительной парадигме славянского *ипостась* (м. р.). В пользу того, что грецизм был заимствован именно по парадигме **й*-основы, свидетельствует непалатальное качество согласного -с-.

11.3. Выводы

Из 123 лексем, описанных в очерке, более 80 являются морфемными кальками, полностью или частично передающими структуру оригинала.

⁵³⁴ О прпмч. Дометие, который ушёл из монастыря и стал отшельником (ВНГ 560, 560b, 561, 561a).

Около половины описанных лексем — композиты, что согласуется с данными *Ильиной книги*, в которой было отмечено 65 композитов (44,5 %) из общего числа впервые описанных лексем (Верещагин, Крысько 1999, 10). Восемь лексем в августовской минее являются итеративами с суффиксами *-ова-*, *-ева-*, в целом характерными для древней церковнославянской гимнографии⁵³⁵. В позднестарорусскую эпоху эти образования перестали осознаваться как примета книжного церковнославянского узуса, о чём свидетельствует в том числе неологизм *тиновати*⁵³⁶, имеющий единственную фиксацию в пародийном тексте конца семнадцатого века «Сказка о некоем молодце, коне и сабле»: «*Потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ково аз тою саблею ни тиновал, тот от единого разу жив не ежживал*. Ск. о молодце¹, 310. 1692 г.»⁵³⁷.

Кроме грецизмов *леоугита* и *оупотась* (м. р.), остальные слова являются книжными неологизмами, образованными по продуктивным словообразовательным моделям. Уникальность славянских лексем зачастую соотносима с тем, как употребляются их греческие оригиналы, многие из которых лексикографически зафиксированы в единичных примерах. С точки зрения истории поэтических стилей словотворчество славянских переводчиков не является чем-то уникальным в средневековых литературах и в какой-то мере может быть сопоставлено по этому признаку с идиостилем Романа Сладкопевца, одной из особенностей которого является именно словотворчество⁵³⁸ (что, в свою очередь, само по себе не свидетельствует о высоких достоинствах языка этого автора⁵³⁹).

Особый интерес представляют древние церковнославянские неологизмы для истории церковнославянского языка как творческого «конструкта»⁵⁴⁰, основанного, как можно видеть в том числе на примере описанных здесь и в других работах лексических калек⁵⁴¹,

⁵³⁵ Йовчева 2009 (литература).

⁵³⁶ *Тиновати* — вторичный имперфектив с аблаутом ступени продления от *тлати*; ср. невидовой дуратив от *тлати* — глагол третьего «лескиновского» класса *тънати, теньъ* 'бить, ударять' и видовой коррелят к *тлати* — имперфектив *тинати, тинаъъ* (Крысько 2013); ср. также *тлатиъ* (§ 11.2, s. v.).

⁵³⁷ СРЯ XI–XVII вв. 30, 317: *тиновати* («Дополнения по буквам С и Т»).

⁵³⁸ Mitsakis 1965; Mitsakis 1967, 183–200; Grosdidier de Matons 1977, 303–319.

⁵³⁹ «Nous avons dit plus haut que Roman n'avait pas de langue proprement poétique. Son vocabulaire est simple et accessible à un public qui n'est pas fait seulement de lettrés et de délicats» (Grosdidier de Matons 1977, 303); «seine Wortwahl erscheint nicht im engeren Sinn besonders gewählt oder „poetisch“, wengleich sie auch eigene Wortschöpfungen aufweist» (Koder 2005, 40–41).

⁵⁴⁰ Keipert 2014 (раздел «Kirchenslavisch als Konstrukt», S. 1238–1240; S. 1238: «Ein gewisses, ja vielleicht sogar beträchtlich zu nennendes konstruktiv-schöpferisches Potenzial [...] begleitet das Kirchenslavische schon bei dessen ersten Anfängen»).

⁵⁴¹ Molnár 1985; Schumann 1958; Чернышёва 1984; Ефимова 2011, 91–115.

на подражании структурным особенностям греческого языка. В значительной мере семантическое и морфемное калькирование, как и лексическое заимствование, обусловлено отсутствием соответствующих славянских языковых форм для выражения отсутствующего во внехристианской культуре содержания⁵⁴². Этим объясняется появление такой, например, формы, как *бесѣтажаньнѣ*, выражающей соответствующее этическое понятие, или богословского термина *възвѣданнѣ*. С этой группой соотносятся примеры адаптации византийских языковых метафор, семантический переход которых отражает отсутствующие на славянской почве реалии (*стрададоавьць* — ἀθλοθέτης).

Однако едва ли не более многочисленную группу образуют кальки, которые не выражают специфических культурных понятий. К этим словам относятся такие, например, образования, как *безаконьнообразьнѣ* или *тръновообразьнѣ* 'терновый; покрытый тёрном' (трудно поверить, чтобы в славянском лексическом фонде отсутствовали лексические средства для обозначения беззакония или бездорожья). Если обозначение Богородицы словами *благодѣтиць* или *богодѣтиць* (переосмысленные переписчиками как наименования Христа) может быть обусловлено отсутствием соответствующих славянских языковых форм (хотя, казалось бы, ничто не препятствует передаче греческого композита θεόπαις словосочетанием общеупотребительных лексем), то появление композитов *благолоубица* или *благоправитисл* мотивировано только принципиальной установкой на подражание формально-языковым особенностям греческого оригинала на словообразовательном уровне. Самым выразительным примером такого подражания является неологизм *прѣсѣсѣждити*, которым переведено тривиальное греческое слово παρασκευάζω 'готовить' и который представляет собой морфемную кальку этой лексемы.

Словообразовательное калькирование как форма языкового подражания оригиналу закономерно соседствует с калькированием синтаксическим, что проявляется прежде всего в порядке слов. Поэтический, точнее, риторический синтаксис византийской гимнографии, осложнённый инверсиями, дополнительными предикациями, распространёнными атрибутивными конструкциями и дистантными позициями согласованных форм, мог быть без особого труда воспризведён переводчиком, который имел перед глазами оригинал и не стремился к упрощению текста. В худшем положении оказывался переписчик, который не только не имел доступа к оригиналу и не знал греческого языка, но в большинстве случаев не владел базовым образованием

⁵⁴² Keipert 2014, 1238–1239 («wer in diese Sprache übersetzte, musste für viele neue Inhalte, die auf slavisch ausgedrückt werden sollten, neue Ausdrucksformen finden wie z. B. den erwähnten unslavischen Vokativ *slove* als genaue Entsprechung von *Λόγυ* im Christengriechisch» etc.).

в области риторики и грамматики⁵⁴³. Думается, что подготовкой именно писцов, а не переводчиков обусловлены многочисленные случаи искажения текста, в связи с чем лингвистический комментарий иллюстративных цитат является почти обязательным компонентом лексикографического описания церковнославянского языка.

Сознательный подход к поморфемно точному калькированию оригинала не позволяет тем не менее называть такой перевод «рабским», и дело здесь не в оценке авторского стиля современным читателем, чей вкус более восприимчив к художественным парафразам («переводчик в стихах — соперник»), чем к подстрочникам (хотя и такой подход далеко не общепринятый⁵⁴⁴). Создание целого ряда грамматических правил церковнославянского словоизменения в семнадцатом — восемнадцатом веках по образцу греческих и латинских грамматик (Keipert 2014, 1239–1240) типологически сопоставимо с тем подражанием византийским образцам на уровне текста, а не грамматики, которое мы видим во многих древних церковнославянских переводах. Если литературный язык, согласно одному из его самых ранних и самых простых определений, «является орудием духовной культуры» (Трубецкой 1995/1927, 166), то древний церковнославянский язык, созданный во многом благодаря подстрочным, «калькирующим», переводам, является одной из форм подражания византийской культуре. В этой связи современные понятия о церковнославянском языке, сформулированные Г. Кайпертом⁵⁴⁵, могут быть расширены определением церковнославянского как «языка-подражания» или «языка подражания» («Kirchenslavisch als

⁵⁴³ Živov 2014, 1280–1281 (раздел «Der Charakter des Kirchenslavischunterrichts»; S. 1281: «Das wichtigste Schema [...] geht offenbar auf das byzantinische Vorbild zurück; dort begann man auch mit den Buchstaben, lernte danach die Silben und ging schließlich zu Texten über. Bei den Griechen jedoch folgte danach noch das Studium der Grammatiker und Dichter, das eine grammatische Analyse einschloss. Diese Komponenten fehlen bei den Ostslaven; bestimmte analoge Verfahren erscheinen erst im 17. und 18. Jahrhundert [...] Das daraus entstehende Kultursystem unterschied sich wesentlich vom byzantinischen, obwohl es aus byzantinischen Quellen schöpfte»).

⁵⁴⁴ «Замученный автор и обманутый читатель — таков неминуемый результат перевода, претендующего на художественность. Единственная цель и оправдание перевода — возможно более точная передача информации, достичь же этого можно только в подстрочнике, снабжённом примечаниями» (В. В. Набоков, *Интервью Альфреду Анпелю 25–26 сентября 1966 г. в Монтре*; цит. по: В. В. Набоков. *Рассказы. Приглашение на казнь. Роман. Эссе, интервью, рецензии*. Москва: «Книга», 1989, с. 425).

⁵⁴⁵ Keipert 2014 («Kirchenslavisch als „Sprache ohne Volk“», «Kirchenslavisch als slavische Ursprache», «Kirchenslavisch als Korpussprache», «Kirchenslavisch als Gemeinsprache», «Kirchenslavisch als Schriftsprache», «Kirchenslavisch als Ausbausprache», «Kirchenslavisch als Konstrukt», «Kirchenslavisch als Etalonsprache»).

Nachahmungssprache») ⁵⁴⁶. Такое дополнение кажется особенно необходимым для языка культуры, чья жизнеспособность определяется ориентацией на внешние образцы и способностью к заимствованию.

Понятие «Kirchenslavisch als Nachahmungssprache» является своего рода расширенным вариантом определения «Kirchenslavisch als Konstrukt» (Keipert 2014, 1238–1240): если «конструкт» предполагает создание или заимствование языковых элементов для выражения отсутствующего в культуре содержания, то «подражание» означает моделирование и использование таких языковых вариантов, которые построены по образцу языка доминантной культуры, несмотря на наличие в воспринимающем языке собственных, независимых от языка этой культуры вариантов.

Представление о церковнославянском как о «языке-подражании» не может быть в равной мере применимо ко всем его изводам. Как кажется, языковое подражание в такой мере, в какой мы наблюдаем его в переводных служебных минеях, не было свойственно текстам оригинальной южнославянской гимнографии эпохи Первого Болгарского царства (ср. Христова 1995). Подражание византийским образцам в творчестве Климента Охридского, Константина Болгарского и Наума Охридского происходило не за счёт воспроизведения в узком смысле языковых, то есть собственно лингвистических (морфемных, словообразовательных, лексических) особенностей греческих текстов, а осуществлялось прежде всего на уровне поэтики, например, в виде усвоения и активного воспроизведения и парафразирования жанровых форм, топосов, акростихов и метрики. Историческая динамика стиля древнейшей славянской гимнографии определяется переходом от подражания поэтической форме к подражанию лингвистическому, от «вольного» поэтического переложения или парафразы оригинального греческого текста — к его «подстрочнику». Музыкальные, поэтические и текстологические аспекты этого стилистического сдвига становились предметом научного внимания (Кристианс 2008). «Сила языкового подражания» в гимнографии обратно пропорциональна «силе индивидуального компонента»: наименее зависимые в лингвистическом отношении авторы оставили в истории имена, тогда как «авторы подстрочников» остались неизвестными.

⁵⁴⁶ Ср. Пиккио 2003/1984, 207 («Как у православных славян, так и на Западе вопрос об отношении между *достоинством* и *нормой* в спорах о языке был связан с особыми теориями и методами, основанными на принципе *подражания*. Считалось, что славянский язык подражает греческому»).

ХII. Экскурс: к толкованию церковнославянских параллелей в лирике Серебряного века

12.1. Церковнославянский эпитаф Ахматовой

Следы церковнославянской грамматики и прямые цитаты из богослужебных текстов в поэзии Серебряного века, как правило, хорошо заметны благодаря известным формальным особенностям церковнославянизмов. Менее очевидно то, как и в какой форме происходило межтекстовое взаимодействие литургического (небиблейского) церковнославянского языкового пласта с русским поэтическим. В ряде случаев этот межтекстовый контакт сопровождается поверхностным, чтобы не сказать ошибочным, восприятием грамматических особенностей церковнославянского текста современными поэтами. О таком синтаксически приблизительном «чтении», естественном при восприятии песнопения «на слух» или, так сказать, «по смыслу», свидетельствует способ цитирования Ахматовой ирмоса шестого гласа Космы Маюмского, который среди прочих ирмосов этого автора включён в состав канона Великой Субботе (девятая песнь) (Детора́κη 1979, 178):

Μη ἔποδύρου μοι μήτηρ, καθορῶσα ἐν τάφῳ, ὃν ἐν γαστρὶ ἄνευ σπορᾶς συνέλαβες Υἱὸν ἀναστήσομαι γὰρ καὶ δοξασθήσομαι, καὶ ὑψώσω ἐν δόξῃ, ἀπαύστως ὡς Θεὸς, τοὺς ἐν πίστει καὶ πόθῳ σὲ μεγαλύνοντας (Hannick 2006, 191, Στ θ' 2 [Eu 231]).

Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, Егоже во чреве без семени зачала еси Сына: восстану бо и прославолюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Бог, верою и любовию Тя величающия 'Не рыдай по мне, Мати, видя во гробе Сына, которого Ты без семени зачала, ибо Я, Бог, восстану, и прославолюся, и вознесу со славою непрестанно величающих Тебя верою и любовию'.

Зачало этого ирмоса было использовано в качестве эпитафа к стихотворению «Распятие», вошедшему в цикл «Реквием» (1938 г.: «Хор ангелов великий час восславил, / И небеса расплавились в огне, / Отцу сказал: „Почто меня оставил!“ / А Матери: „О, не рыдай Мене...“»). Этот эпитаф — единственный церковнославянский эпитаф Ахматовой. В комментариях к «Реквиему» отмечалась неточность цитирования церковнославянского фрагмента, который в современных изданиях

«Реквиема» выглядит «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи»⁵⁴⁷, а в авторском исполнении звучит «... во гробе зрящу»⁵⁴⁸:

«Эпиграф „*Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи*“ — во многих списках и в публикации „Октября“⁵⁴⁹ звучал так: „Не рыдай мене, мати, во гробе сущу“. Однако в последние годы Ахматова исправила этот текст в соответствии с каноническим, хотя по-прежнему цитата осталась не вполне точной. В ирмосе IX песни канона Великой субботы это читается: „Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе...“»⁵⁵⁰.

Интересно, что комментатор пишет о «каноничности» текста, а не о его грамматической связности, очевидно, воспринимая фрагмент как синтаксически завершённую часть фразы. Между тем «каноническому» церковнославянскому тексту ирмоса соответствуют только состав и последовательность лексем и их грамматические формы, из-за чего, однако, синтаксис не становится абсолютно ясным. Эпиграф является синтаксически незавершённым, на что в комментарии не обращается внимания. В словосочетании «во гробе зрящи» отсутствует в данном случае обязательная при глаголе *з(ъ)рѣти* объектная группа, выраженная в церковнославянском источнике в форме релятивной конструкции «*Егоже (во чреве без семени зачала еси) Сына*». В эпиграфе цитата выглядит так, как если бы род. п. *Мене* относился не к императиву *рыдай* (генитивное беспредложное управление при глаголе *рыдати* в значении 'оплакивать' является древним и регулярным⁵⁵¹), а к причастию *зрящи*, или же относится к обеим глагольным формам, что, однако, в случае с неоднородными предикатами невозможно. В принципе, эпиграф мог бы приобрести синтаксическую завершённость, если бы объект *Мене*, прочитанный как одушевлённая форма род. п. = вин. п., относился к причастию *зрящи*, однако в этом случае перед формой *Мене* ожидается редакторская запятая (авторская пунктуация эпиграфа нам неизвестна, а интонация устного чтения не позволяет судить о синтаксическом членении фразы в понимании Ахматовой). Судя по парафразированию фрагмента ирмоса в основном тексте («О, не рыдай Мене!»), объект *Мене* в понимании Ахматовой относится всё же к императиву *рыдай*, из-за чего причастие *зрящи* остаётся без объекта.

⁵⁴⁷ Ахматова А. А. *Сочинения в двух томах*, т. 1. Москва: «Цитадель», 1999, с. 201.

⁵⁴⁸ Запись авторского чтения на сайте «Некоммерческая электронная библиотека ImWerden»: http://imwerden.net/audio/akhmatova_01_requiem.mp3 (дата обращения: 09.12.2014).

⁵⁴⁹ Журнал «Октябрь», 1987, № 3, с. 130–135 (публикация З. Б. Томашевской).

⁵⁵⁰ Кралин, М. М. Примечания. В: А. А. Ахматова. *Сочинения в двух томах*, т. 1. Москва: «Цитадель», 1999, с. 404–405.

⁵⁵¹ SJS III, 656; СРЯ XI–XVII вв. 22, 273; СДРЯ X, 508–509; Крысько 2006, 117, 200.

Неясно, как именно Ахматова «слышала» этот церковнославянский текст и играла ли для неё какую-то роль грамматическая связность цитируемого фрагмента. Судя по первоначальной форме «сушу» (ср. «зрящу» в сохранившемся авторском чтении), которая находилась на месте корректного «зрящи», грамматические связи при цитировании ирмоса в эпиграфе были неважны, поскольку смысл, как кажется, и без того был ясен: «Не оплакивай меня, видя меня во гробе».

Эта синтаксическая неопределённость в цитировании свидетельствует об отсутствии «академического» подхода автора к «понятному» церковнославянскому тексту с грамматикой и словарём. Представить что-то подобное в ахматовских эпиграфах из французских, немецких, английских или итальянских авторов невозможно, как невозможно найти в иностранных и русских эпиграфах синтаксически «оборванные» фрагменты с многозначительным эллипсом. Неясно, обусловлено ли это художественной целесообразностью эпиграфа, в частности, с календарно-литургической точки зрения. Ирмос канона утрени Великой Субботы использован в стихотворении, названном «Распятие». За счёт этого как будто осуществлён сдвиг литургического времени на день назад, в сторону Страстной Пятницы, и, возможно, поэтому Ахматова не указывает источник своего эпиграфа. Значимое отсутствие в стихотворении литургического контекста Великой Субботы может показаться сознательным приёмом, однако гораздо более вероятно, что цитата из канона, исполняемого на субботней утрени, отражает реальную богослужебную практику, когда всенощная служба Великой Субботы начинается в пятницу и таким образом хронологически не отделяется от дня распятия. Ахматова могла не знать или, скорее, не воспринимать литургическую границу между богослужением Страстной Пятницы и Великой Субботы. Если это так, то никакой поэтической рефлексии относительно литургического времени в стихотворении нет. Неточности цитирования ирмоса и синтаксическая незавершённость цитаты свидетельствуют в пользу этого решения. Оно представляется более вероятным и с «источниковедческой» точки зрения: учитывая бытовой и исторический контекст «Реквиема», литургический текст Триоди мог цитироваться Ахматовой в Фонтанном Доме только по памяти, будучи предварительно воспринят на слух, а не по одному из синодальных изданий, с греческими параллелями по изданиям римским или венецианским, которые в иных условиях можно было бы сверить с научно изданным к 1938 г. в Шенъвер-сюр-Марне Ирмологом Софрония Евстратиадиса.

Однако недоступность изданий — не единственная и, кажется, не главная причина синтаксически «поверхностного» цитирования богослужебного текста. Хорошо известно, что единственной функцией современного церковнославянского языка в новейшее время

является его использование в богослужении, «*patristische Werke oder solche des Kirchenrechts liest man heute entweder im Original oder übersetzt in lebende Sprachen!*» (Keipert 2014, 1224). Исключением является, пожалуй, только благочестивое индивидуальное чтение молитвослова и Псалтири по-церковнославянски, зачастую на «гражданце». Такая функциональная редукция церковнославянского языка (ср. «*Funktionsgeschichte des Kirchenslavischen* [Keipert 2014, 1223]») в немалой степени обусловлена обстоятельствами его преподавания в школах, училищах и гимназиях в конце девятнадцатого — начале двадцатого веков (о периоде после 1917 г. говорить не приходится), которое не предполагало последовательного изучения грамматики и формировало отношение к церковнославянскому языку среди образованных людей как чуждому «господствующей культурной парадигме»⁵⁵². В итоге гимнография и молитвословие, в отличие от Псалтири и, может быть, Евангелия, не вошли и до сих пор не входят в традицию русского интеллектуального чтения. Основной, если не единственной, формой знакомства с богослужебной поэзией для «непрофессионалов» (то есть не для филологов-медиевистов и церковнослужителей) всегда было и до сих пор остаётся восприятие на слух⁵⁵³, что в сочетании с от-

⁵⁵² Кравецкий, Плетнёва 2001, 30–31 («В начальной школе курс церковнославянского языка соотнесен с курсом Закона Божьего, при этом во время занятий читались тексты, употребляемые во время богослужения. В средних и старших учебных заведениях церковнославянский язык изучался в связи с грамматикой русского литературного языка. При этом учащиеся читали и анализировали фрагменты Остромирова Евангелия»), 32–33 («Гимназическая программа 1877 г. не разделяет преподавание русского и церковнославянского языков [...] „Свойства языка Остромирова текста изучаются [...] настолько, насколько они объясняют общий строй языка русского [...]“ Так же устроена и гимназическая программа 1873 г. [...] Характерно, что в 1906 г. Министерство народного просвещения допускает отмену самостоятельного курса славянского языка в мужских гимназиях с тем, чтобы этот предмет преподавался попутно с русской грамматикой и древней словесностью»), 34 («обучение церковнославянскому языку происходило не в связи с текстами, звучавшими во время богослужения, а в связи с обсуждением различных вопросов истории русского языка»), 38, 40 («церковнославянское образование было частью домашнего благочестивого воспитания, а не реализацией идей народного просвещения»), 41 («в господствующей культурной парадигме умение читать по-славянски рассматривалось не как элемент образованности, а как часть „нецивилизованной“ „народной“ культуры»).

⁵⁵³ Мурьянов 2003, 171 («Русский язык не испытывал [в гимнографии] такую потребность, которую испытывал в Пушкине, Тютчеве, Блоке [...] Александр Ельчанинов [...] первый по времени секретарь Московского религиозно-философского общества, принятый в литературных кругах Москвы и Петербурга, а во Франции ставший лицейским преподавателем русского языка и священником русской общины, в своих не предназначенных для печати записках признался, что ему скучно читать каноны»); заметим, что за последние четверть

сутствием подготовки в области церковнославянской грамматики приводит, в частности, к явлениям синтаксической и поэтической неопределённости при цитировании церковнославянского текста.

12.2. Церковнославянский синтаксис Мандельштама

Синтаксическая неопределённость, вызванная имитацией церковнославянской языковой стихии, наблюдается в стихотворении Мандельштама «Люблю под сводами седья тишины...» (1922 г.)⁵⁵⁴.

Очевидна архаизация грамматики и лексики этого стихотворения, особенно заметная на фоне новой орфографии авторского оригинала⁵⁵⁵: сравним хотя бы «Зане (свободен раб, преодолевший страх...)» или обе формы род. п. ед. ч. ж. р. прилагательных, которые употреблены с русско-церковнославянским окончанием *-ья (-ия)*: «седья», «великопостныя». Примечательно, однако, что определение «великопостныя (седмицы)», оформленное архаизирующей флексией, употреблено терминологически некорректно: Великий пост, называемый также «святой и великой четырьдесятницей», состоит из шести недель, «седмиц», в связи с чем авторское определение хронологически недостаточное. Правда, из упоминания выноса плащаницы в той же строфе ясно, что речь идёт о Страстной седмице, которая, строго говоря,

столетия в России увидело свет большое количество новых переводов на русский язык византийских богословских, историографических и агиографических текстов, рассчитанных не только на узких специалистов, но и на широко образованного читателя, однако сколько-нибудь репрезентативного и комментированного издания собрания сочинений, например, Романа Сладкопевца в переводе на русский литературный язык до сих пор нет, в отличие от английской, немецкой, итальянской и французской традиций, где такие переводы имеются. Нельзя сказать, что запроса на чтение литургических текстов нет, — ассортимент современного российского книжного рынка, заполненного брошюрами литургического содержания, свидетельствует об обратном. Однако целевая аудитория этой продукции ограничивается, как кажется, в основном церковно-приходской и монастырской средой, судя по названиям и статусу издательств, а также по способу реализации.

⁵⁵⁴ «Люблю под сводами седья тишины / Молебнов, панихид блужданье / И трогательный чин — ему же все должны — У Исаака отпеванье. // Люблю священника неторопливый шаг, / Широкий вынос плащаницы / И в ветхом неводе Генисаретский мрак / Великопостныя седмицы. // [...] Не к вам влечется дух в години тяжких бед, / Сюда влачится по ступеням / Широкопасмурным несчастья волчий след, / Ему ж вовеки не изменим [...]» (Мандельштам О. Э. *Полное собрание стихотворений*, сост., подг. текста, примеч. А. Г. Меца; вступ. статьи М. Л. Гаспарова, А. Г. Меца. Санкт-Петербург, 1995, с. 352–353, № 415).

⁵⁵⁵ Автограф: РГАЛИ, ф. 1893 (Мандельштам О. Э.). Оп. 1. Д. 1. Л. 6 («Воссоединенный виртуальный архив Осипа Мандельштама»: <http://mandelstam-world.info/viewlistingtodocs.php?lan=rus&imgnum=144&num=45&archive=2>).

в состав Великого поста не входит. Очевидно, Мандельштам отражает здесь обиходное восприятие этого отрезка церковного года, не осложнённое «книжными» руководствами по литургике.

Фраза «У Исаака отпеванье» отражает «церковно-обиходное», или «церковно-бытовое», влияние на язык стихотворения. Конструкция «предлог у + имя (святого, Бога)» со значением «в храме или монастыре, посвящённом этому святому» продолжает древний восточно-славянский некнижный узус:

(1218): Съзва Мъстислав вѣщѣ на Ярославъ дворъ, реч<е>: кланяюся стѣи Софии и гробу оця моего и вамъ; хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду; даи Бѣ леци... у стѣи Софии. Новг.харат.лет., 182. XIII в. Онъ того же году постригъся во общемъ монастырѣ у Никиты Христова мученика. Арх.Стр. I, 315. 1515 г. А князей писецъ възметъ по силѣ истъцово отъ позовницы или отъ безсудной грамоты, или отъ приставной, а захочетъ не по силѣ, ино вол<ь>но индѣ написати, а князю запечатать, а не запечатаетъ князь, ино у Святѣи Троицы запечатать. Псков.суд.гр., 12. XVI в. ~ XV в. (1154): Тое же осени преставися князь велики Изяславъ Мъстиславич... и положиша и у свягата Феодора въ отца его манастири. Моск.лет., 58. XVI в. (СРЯ XI–XVII вв. 30, s.v. «У⁵» [предлог]).

Намеренной архаизации, однако, в конструкции «У Исаака...» нет: речевая практика, которой следует Мандельштам, была активной в течение двадцатого века (сравним хотя бы название книги воспоминаний С. Волкова «*Последние у Троицы. Воспоминания о Московской духовной академии [1917–1920]*» [Москва, Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1995]). По образцу сочетаний типа «у Исаака» или «у Троицы» в речи (московской) интеллигенции стали возможны выражения типа «лежать у Склифософского» или «концерт у Гнесиных»:

«И тогда и потом, в 1969 году, когда Мария Вениаминовна лежала у Склифософского с переломами пальцев руки [...] она была потрясена героическим трудом персонала больницы»⁵⁵⁶. «И стал я навсегда на ее концертах в консерватории, у Гнесиных»⁵⁵⁷.

Что касается синтаксической неопределённости, то в стихотворении дважды употреблено странное с морфологической и синтаксической точки зрения сочетание *ему ж(е)*: «И трогательный чин — ему же все должны — / У Исаака отпеванье; [...] несчастья волчий след, / Ему ж во веки не изменим». В авторском автографе во всём стихотворении поставлены только два знака препинания, оба раза — тире. Один раз оно

⁵⁵⁶ Юдина В. В. *Воспоминания о моей старшей сестре* [1973 г.]. В: *Пламенеющее сердце: Мария Вениаминовна Юдина в воспоминаниях современников*. Москва: «Автотекна», 2009, с. 14.

⁵⁵⁷ Дудинцев В. Д. *Не хлебом единым...* [s. a.]. В: *Пламенеющее сердце: Мария Вениаминовна Юдина в воспоминаниях современников*. Москва: «Автотекна», 2009, с. 239.

стоит перед словом «снег» («Смиренник царственный — снег чистый на плечах / И одичалые порфиры») и один раз — перед фрагментом «ему же все должны». Интересующие нас строчки в авторской пунктуации выглядят так: «И трогательный чин — ему же все должны / У Исаака отпеванье»; «Сюда влачится по ступеням / Широкопасмурным несчастья волчий след / Ему ж веки не изменим». Судя по единичному тире, как минимум в одном случае Мандельштам ощущал синтаксическую инородность или неопределённость предложения с «ему ж(е)». В обоих случаях перед нами одна и та же конструкция — простое предложение с уточняющим значением, соединённое бессоюзной связью и осложнённое усилительно-выделительным *ж(е)*. Однако в первом случае эта конструкция обособлена двумя тире, причём правое тире добавлено издателями (в другом современном издании Мандельштама это правое тире предваряется запятой: «И трогательный чин — ему же все должны, — / У Исаака отпеванье»)⁵⁵⁸. Во втором случае конструкция с «ему ж» отделяется издательской запятой. Наличие тире в первом случае предполагает более сильное смысловое обособление, чем во втором, где предложение «ему ж веки не изменим» завершает фразу и строфу. В обоих предложениях с «ему ж(е)» звучит стилистический диссонанс, который возникает из-за неопределённости функции частицы *ж(е)*, выступающей здесь скорее в усилительно-выделительном значении, и отсутствия союзных слов. И то и другое было бы характерно скорее для разговорной, устной речи.

Архаизирующие языковые элементы в стихотворении обусловлены влиянием церковно-славянской — то есть *церковной*, включая обиходную некнижную речевую практику, и *славянской* — языковой традиции. Конструкции с «ему ж(е)» нужно рассматривать как результат стилистического эксперимента — синтаксической контаминации церковнославянского и русского идиомов, отчасти сопоставимой с хорошо описанными в том числе в последнее время приёмами межъязыковой паронимии и межъязыковых фразеологических аллюзий в поэтике Мандельштама (Успенский Ф. Б. 2014 [литература]). С точки зрения церковнославянской грамматики формы «ему ж(е)» представляют собой относительные местоимения (дат. п. ед. ч. м. и ср. п. от *иже*), которые в обоих случаях выступают как союзные слова в относительных конструкциях с релятивным аффиксом *-же*. Благодаря такому прочтению фрагменты «ему же все должны» и «ему ж веки не изменим» оказываются естественными для книжной речи придаточными относительными предложениями, появление которых не нарушают интонацию стихотворения. Формы *ему ж(е)*

⁵⁵⁸ Мандельштам О. Э. *Собрание сочинений в дух томах*, т. 1. Москва: «Художественная литература», 1990, с. 137.

по правилам современной орфографии Мандельштам не мог написать слитно, даже если он и осознавал их грамматические и словообразовательные особенности. Остаётся неясным, где лежит граница между сознательным поэтическим приёмом и «поверхностным», профанным восприятием базовых особенностей церковнославянского синтаксиса.

12.3. *Молодой левит* и его церковнославянские прототипы

В 1917 г. Мандельштам написал стихотворение, посвящённое историку и философу А. В. Карташёву:

Среди священников левитом молодым
На страже утренней ты долго оставался.
Ночь иудейская сгушалась над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.

Он говорил: «Небес тревожна желтизна.
Уж над Евфратом ночь, бегите, иереи!»
А старцы думали: не наша в том вина;
Се черно-желтый свет, се радость Иудеи.

Он с нами был, когда, на берегу ручья,
Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
И семисвещником тяжелым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия.⁵⁵⁹

Аллюзии этого стихотворения на иудейские религиозные традиции известны⁵⁶⁰, комментарии к этому стихотворению указывают и на евангельский подтекст («*Субботу пеленали*. См. Иоанн, 19: 40»⁵⁶¹), о котором, в частности, писала Н. Я. Мандельштам в письме И. А. Бродскому в 1965 г.:

«Честно говоря, я не понимаю, какой нужен комментарий к этому стихотворению... О. М. не историк и не этнограф, а человек историософской мысли [...] „Молодой левит“ — это и тот, кому посвящено стихотворение, и сам О. М. [...] сие место рухнет, как рухнул Иерусалим. Обратите внимание на строку: „и храм разрушенный угрюмо созидался“. Храм был уже

⁵⁵⁹ Цит. по изданию в серии «Новая библиотека поэта»: Мандельштам О. Э. *Полное собрание стихотворений*, сост., подг. текста, примеч. А. Г. Меца; вступ. статьи М. Л. Гаспарова, А. Г. Меца. Санкт-Петербург, 1995, с. 141 (№ 85).

⁵⁶⁰ Кацис, Л. Ф. 2000. К вопросу об источниках и подтекстах стихотворения О. Мандельштама «Среди священников левитом молодым...». Иудейские подтексты и образы в творчестве О. Мандельштама. *Сохрани мою речь*, вып. 3, ч. 1. Москва; Кацис, Л. Ф. 2002. *Осип Мандельштам: мускус иудейства*. Москва.

⁵⁶¹ Мандельштам, О. Э. *Полное собрание стихотворений*. Москва, 1995, с. 549; ср. «Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погробают иудеи» (Ин. 19: 40).

разрушен, и будет разрушен тот, который создается... Если хотите, это символ культуры вообще. Речь идет о том, что называется „петровский петербургский период русской истории“. Старцы — наделенные властью — не видят приближения конца; видит лицо неофициальное — молодой левит (Карташев, О. М. — сам). Концом Иерусалима была тьма, ночь, наступившая, когда Он был на кресте и разодралась завеса. В лен пеленали тело, снятое с креста. „Суббота“ с большой буквы. Это не иудейская, а христианско-иудейская символика. Он, которого пеленали в лен (Иоанн, Лука), назван „Субботой“, как бы высшим цветением той павшей культуры»⁵⁶².

В комментариях к стихотворению сказано, что «Н. Струве отметил „особенную любовь“ Карташева к „утрени Великой Субботы, стихиры которой даже пелись на его отпевании“»⁵⁶³. В одной из этих стихир звучит:

«днѣшній день тайно великій Моисей прообразовавше глаголя: и благослови Богъ день седьмый; сія бо есть благословенная суббота, сей есть упокоенія день, въ онъ же [так, вм. *во ньже* или *во-ньже*. — Р. К.] почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ Единородный Сынъ Божій, смотрѣниемъ еже на смерть плотію субботствовавъ» (стих. на Г-ди воззв. въ вел. суб.)» (ЦСС 683).

С богослужением Великой Субботы связано и упоминание храма, которое отсылает к словам «разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его [...] А он говорил о храме тела Своего» (Ин. 2. 19: 21).

Стихотворение, таким образом, построено на сопряжении «иудейской» и «христианской» тематики. «Иудейская» тема связана с катастрофой Израиля после распятия Мессии («а старцы думали: не наша в том вина...»), которую эксплицитно выражают «ночь иудейская», «Ерусалима ночь, и чад небытия», их поэтическим и политическим продолжением становится «ночь советская». Катастрофа священной истории Ветхого Завета показана Мандельштамом как метафора катастрофы 1917 г.

В связи с наличием разных поэтических пластов в стихотворении возникает вопрос, какие связи имеет ключевой для этого текста образ левита. С историко-биографической точки зрения противопоставление левита священникам объясняется отказом А. В. Карташёва принимать священный сан после окончания Киевской духовной академии⁵⁶⁴. Что же касается пересечения иудейско-христианских мотивов, то ничего похожего издательский комментарий, как кажется,

⁵⁶² Мандельштам, О. Э. *Собрание сочинений в двух томах*. Москва: Художественная литература, 1990 (цит. по: «Русская виртуальная библиотека»; <http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/02comm/0094.htm>).

⁵⁶³ Мандельштам, О. Э. *Полное собрание стихотворений*. Москва, 1995, с. 549.

⁵⁶⁴ Мандельштам, О. Э. *Полное собрание стихотворений*. Москва, 1995, с. 548.

в образе левита не усматривает: «*Левиты* — наследственные низшие служители иудейского культа»⁵⁶⁵.

В течение ветхозаветной истории основной обязанностью левитов было выполнение различных вспомогательных функций в храме, причём правовой, экономической и социальный статус левитов повышался от эпохи Царств до конца эпохи Второго храма (ВНН, s. v. *Leviten*).

Называние А. В. Карташёва левитом, конечно, не означает, что философ играл какие-то роли в священной иерархии, и Мандельштам не мог не знать, что А. В. Карташёв занимал только административные должности. Поэтическое противопоставление левита и священника, что следует в том числе из комментария Н. Я. Мандельштам, отражает не сакральный, а более низкий социально-культурный статус А. В. Карташёва по отношению к «старцам». Левит младше и ниже священника так же, как и дьякон.

Греческое слово δίακονος 'слуга; помощник' в языке Нового Завета и раннехристианских авторов употреблялось для обозначения диакона как одного из служащих в церковной общине, в том числе выполняющего вспомогательные функции во время богослужения⁵⁶⁶. Сходство функций левита и диакона стало причиной метафорического наименования диакона левитом в патристике, агиографии и гимнографии. Греческая традиция переносного употребления слова λειΰτης 'диакон' отразилась и в церковнославянской письменности, примеры мы находим уже в древнейшей переводной гимнографии, посвящённой диаконам, в частности, првмч. Стефану и сщмч. Евплу (см. § 11.2, s. v. *леоугита*). В 1911 г. в Московской Синодальной типографии был напечатан последний, двенадцатый, том четвух миней на русском языке «по руководству Четвухъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго», где в житии сщмч. Лаврентія сщмч. папа Сикст обращается к диакону Лаврентію в ответ на его просьбу последовать за ним на мучения: «Не плачь: знай, что, спустя три дня послѣ моей смерти, ты, левить, пойдешь за своимъ священникомъ»⁵⁶⁷.

Комментарий к стихотворению «Среди священников левитом молодым...» заслуживает дополнения церковнославянскими данными: под влиянием греческой традиции слово *левит* употреблялось в церковнославянском и русском языке в том числе как метафорическое обозначение дьякона. Вопрос о возможных непосредственных источниках мандельштамовского образа остаётся открытым.

⁵⁶⁵ Мандельштам, О. Э. *Собрание сочинений в двух томах*. Москва: Художественная литература, 1990 (цит. по: «Русская виртуальная библиотека»; <http://rvb.ru/mandelstam/dvuhtomnik/02comm/0094.htm>).

⁵⁶⁶ Фил. 1: 1, 1 Тим. 3: 8–12, 4: 6, Тит. 1: 9; ВНН, s. v. *Diakon*; BWNT 369–370; ПЭ (s. v. *диакон*).

⁵⁶⁷ Житія Святыхъ, на русском языкѣ изложенныя по руководству Четвухъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго съ дополненіями, объяснительными примѣчаниями и изображеніями святыхъ. Москва, 1911, с. 150.

Заключение

Выводы исследования определяются его сквозной темой — взаимодействием церковнославянского языка с диалектными идиомами и иноязычными традициями. Динамика инноваций раннедревнерусского графико-орфографического узуса заставляет уточнить относительную датировку одного из важнейших источников по истории славянской Псалтири — *Бычковско-Синайской псалтири* — и отнести её к концу одиннадцатого — первой четверти двенадцатого века. Отсутствие графико-орфографических «аномалий» — диалектно обусловленных отклонений от книжного узуса, которые могли бы свидетельствовать о прямом влиянии южнославянского протографа, не позволяет судить о появлении «второй редакции» славянской Псалтири в книжной традиции Первого Болгарского царства и свидетельствует скорее о восточнославянском происхождении этой редакции, чему не противоречат текстологические данные. Русификация книжного узуса *Бычковско-Синайской псалтири* особенно ярко проявляется в диалектных инновациях южнодревнерусского происхождения, обусловленных началом падения еров (утратой слоговости в слабой позиции) и связанных с процессами межслогового взаимодействия. К этим инновациям относятся межслоговая ассимиляция по твёрдости-мягкости в слогах с гласными полного образования (форма *стюденьць*) и слоговая компенсация, отразившаяся в двух примерах «нового ъ». Особенно ценным для древнерусской исторической фонетики являются именно эти два примера, которым были найдены более многочисленные параллели в древнейшей рукописи *Учительного евангелия* Константина Болгарского (ГИМ, Син. 262), созданной, согласно палеографическим и графико-орфографическим данным, приблизительно в то же время, что и *Бычковско-Синайская псалтирь*. Палеографические и кодикологические данные позволяют обоснованно предполагать киевское происхождение ГИМ, Син. 262. Это заставляет серьёзно усомниться, что «новый ъ» был галицко-волинской инновацией середины двенадцатого века, как полагал открывший это явление А. И. Соболевский, и локализовать происхождение этого явления не на юго-западе, а на юге древневосточнославянского ареала. Лингвистическая и палеографическая датировка *Бычковско-Синайской псалтири* и *Учительного евангелия*

(ГИМ, Син. 262) рубежом одиннадцатого — двенадцатого веков позволяет существенно удревнить датировку возникновения «нового ѣ», которое сопровождало падение еров с самого его начала, а не явилось следствием этого процесса.

В отличие от бытовых систем письма, благодаря разнообразным правилам употребления йотированных букв и диакритики древняя церковнославянская орфография создаёт условия для отражения на письме тембровых оппозиций. Предложенная интерпретация этих явлений основана на представлении о трёх типах позднеславянских сочетаний согласных с гласными: 1) веляризованный согласный с гласным непреднего ряда, 2) неvelopризованный (в ряде диалектов, вероятно, палатализованный) и непалатальный согласный с гласным переднего ряда и 3) палатальный согласный с гласным переднего ряда. Наличие в древности этой типологически крайне редкой и неустойчивой модели, неизвестной в современных славянских языках, доказывається благодаря тем церковнославянским графико-орфографическим системам (к ним относится также *Мстиславова грамота* с её очевидной ориентацией на книжный графико-орфографический узус), в которых йотированные буквы или диакритика употребляются только после букв исконно палатальных согласных. Разрушение этого позднеславянского состояния наблюдается уже в древнейших письменных памятниках. Так, старославянские рукописи, происхождение которых локализуется в области юго-восточносербского — северно- или северо-западномакедонского ареала (*Маринское евангелие*, *Клоцов сборник* и один из почерков *Синайской псалтири*), отражают совпадение исконно веляризованных и неvelopризованных согласных перед гласными переднего ряда, что проявляется в двустороннем смещении букв *ы* и *и*. В этих же памятниках последовательно обозначаются исконно палатальные согласные, что свидетельствует о сохранении элементов архаичного палатального ряда в диалектном ареале, в котором были созданы эти памятники. Древнерусские рукописи с одиннадцатого века отражают тенденцию к утрате палатального ряда в некоторых диалектах и к совпадению палатальных с палатализованными, что проявляется в употреблении йотированных букв после букв непалатальных согласных.

Древневосточноболгарская графико-орфографическая модель обозначения рефлексов йотовой палатализации губных (без *l-epentheticism* и иногда с буквой *ь* перед йотированной буквой гласного) представляет региональную инновацию, которая не повлияла на русско-церковнославянскую орфографию, оставшись на периферии книжного узуса (выразительным исключением является *Изборник Святослава 1073 г.*, восходящий к древневосточноболгарскому протографу). Тот тип обозначения палатальных согласных, который

наблюдается в русско-церковнославянских рукописях, имеет параллели в кириллической традиции не восточноболгарского, а юго-западного происхождения.

Йотированные гласные и надстрочные знаки не были частью кириллического алфавита как разновидности устойчивого текста, в связи с чем в древней кириллической орфографии известно большое количество безйотовых написаний (типа *лоубо*), которые в некоторых архаичных рукописях могут принимать характер индивидуальной нормы. Архаическая безйотовая орфография наследует структурный принцип глаголического письма, в котором не было йотированных букв. От книжной безйотовой орфографии зависят аналогичные, в том числе гиперкорректные, написания новгородских берестяных грамот, типологически тождественные известным уже в Енинском апостоле и в *Мирославоном евангелии* кириллическим формам.

Влияние юго-западного церковнославянского узуса на восточнославянскую книжную традицию обнаруживается не только в известных узуальных явлениях, связанных, в частности, с чтением еров, но и в целом ряде нерегулярных, «аномальных» для книжного узуса явлений диалектного, юго-западного, происхождения: членных адъективных и причастных форм м. р. ед. ч. им. п. на *-ои*, стяжённых форм род. п. и тв. п. мн. ч. существительных **jo*-основы (*-и* вместо ожидаемого *-ии*), региональных морфологических, синтаксических и лексико-семантических явлениях, в том числе в области культурных терминов. Эти явления прослеживаются как в древнейших церковнославянских гимнографических текстах, так и в сочинениях и переводах, атрибутируемых Константину Болгарскому (за исключением перевода Слов против ариан, который заслуживает отдельного рассмотрения). Выводы о возможных южнославянских протографах древнерусского списка *Учительного евангелия* Константина Болгарского и *Путьятиной минеи* не позволяют судить о наличии в традиции этих текстов древневосточноболгарского звена. Ближайшим источником восточнославянских рукописей, отражающих церковнославянское наследие западной части Первого Болгарского царства, является, по всей видимости, кириллическая традиция юго-западного славянского ареала, которая, судя по данным *Чиновника новгородских архиереев*, испытала последнее влияние со стороны младшего древневосточноболгарского узуса.

Среди проблем взаимодействия церковнославянского языка с иноязычными традициями особый интерес представляет фонологическая адаптация грецизмов, в частности, с ипсилоном. Переднезубное произношение ипсилона, известное как в среднегреческих диалектах эпохи первых церковнославянских переводов, так и в «высоком» произносительном узусе Византии, было невоспроизводимо средствами славянской фонетики и требовало фонологической

адаптации. В зависимости от выбора усваиваемых дифференциальных признаков греческого *υ* (*ι*) установлено несколько способов адаптации лексем, содержащих эту фонему: в пользу переднего (или продвинутого в рекурсии) лабиализованного гласного верхнего подъёма (формы типа *мюро*, с возможным эффектом первой палатализации заднеязычных типа *Чурило*), в пользу непереднего лабиализованного гласного верхнего подъёма (формы типа *моуро*, *Коурилэ*) или в пользу нелабиализованного гласного переднего ряда верхнего подъёма (формы типа *миро*, *Кирилэ*). При появлении в неприкрытом слоге перед славянским лабиализованным гласным переднего ряда верхнего подъёма может развиваться протетический йот (ср. *трижьпостасьнѣ*). Древняя церковнославянская ижица *у* читалась как лабиальный гласный переднего или непереднего ряда, в зависимости от особенностей индивидуального узуса. Итацизм как произносительная норма заимствованных из греческого церковнославянизмов датируется на восточнославянской почве не ранее шестнадцатого века, когда появляются первые известные в старорусских рукописях примеры написания ижицы в соответствии с *i* в славянских лексемах (в южнославянских рукописях такие примеры датированы тремя столетиями раньше, что в условиях прямого славяно-греческого контакта на Балканах объясняется более быстрой реакцией на экспансию итацизма в греческом языке).

Как показано на примере *Чиновникá новгородских архиереев*, позднерусские церковнославянские богослужебные рукописи позволяют не только проследить направления русификации церковнославянского узуса до эпохи второго южнославянского влияния, но и установить языковую и текстологическую неоднородность текстов и жанров, входящих в состав богослужебного сборника. Языковая гетерогенность позднерусского служебника или требника обусловлена, во-первых, наличием в нём разновременных текстологических пластов, что, в связи с последовательной русификацией графико-орфографического, фонетического и морфологического уровней, отчётливо проявляется на уровне лексики и словообразования, и, во-вторых, разным функциональным статусом текстов. Небогослужебные фрагменты, к которым относятся вопросы к исповеди и литургические указания, отличаются особой близостью к некирному регистру и к тому языковому узусу, который было предложено называть «церковно-обиходным». Небогослужебные тексты в составе литургических сборников в большей степени открыты для воздействия регионального узуса и для языковых инноваций, чем имеющие сакральный статус тексты богослужебные.

Литургическая терминология — важнейшая часть церковнославянского словаря, недостаточно изученная с историко-лексикологической

точки зрения. История литургического термина *полиелей* (от греческого πολυέλεος 'многомилостивый') делится на несколько этапов, обусловленных влиянием разных византийских богослужебных уставов на церковнославянские региональные письменные и богослужебные традиции: 1) архаический итало-греческий конца девятого — десятого веков, засвидетельствованный, благодаря заимствованию из юго-западной славянской традиции, в древнерусских кондакарях и некоторых младших богослужебных сборниках; 2) студийско-алексиевский, засвидетельствованный древнерусской традицией; 3) евергетидский, представленный в древнесербских и в меньшей степени среднеболгарских рукописях; 4) младший итало-греческий, отражённый в среднеболгарской традиции и 5) Иерусалимский, представленный во всех славянских рукописях, связанных с Иерусалимским уставом. В истории литургического термина *полиелей* примечательна связь между усвоенными в славянском мире различными литургическими традициями, содержание которых определяют византийские богослужебные уставы, и национальными изводами церковнославянского языка. За пределами церковнославянского корпуса значение термина *полиелей* в русском языке менялось, в том числе благодаря употреблению этого слова в «церковно-обиходном» узусе, что в деталях прослеживается благодаря данным корпусной лингвистики.

Лексика церковнославянского языка как языка-конструкта (Г. Кайперт) и языка-подражания во многом построена на имитации византийских образцов, что особенно ярко видно в древних гимнографических переводах, выполненных после эпохи Климента Охридского и Константина Болгарского. Стилистическая особенность этого младшего гимнографического корпуса, или первого переводного гимнографического корпуса, — обилие гапаксов, которые преимущественно представляют собой структурные кальки греческих лексем, появляющиеся даже в тех случаях, когда в оригинале находится тривиальное греческое слово с известным и употребительным славянским соответствием.

Диапазон лексических заимствований в церковнославянском определяется также влиянием древнееврейского языка, которое практически не описано в русской и церковнославянской этимологии, лексикологии и лексикографии. Это влияние стало возможным благодаря glossированию старорусских рукописей Ветхого Завета по Масоретской Библии, в результате которого глоссы могли попадать в основную текст, морфологически адаптироваться и образовывать дериваты. Масштаб морфологически адаптированных лексических заимствований из древнееврейского в русско-церковнославянский пока неясен, история слова *тагаш*, обозначающего некое морское животное, и его производных — первый шаг к решению этой проблемы. Благодаря

возможной паронимической аттракции с созвучными тюркскими лексемами в русско-церковнославянских рукописях вокализм древне-еврейского заимствования мог изменяться и приводить к появлению форм типа *тугашевый*.

В каких-то случаях церковнославянская лексика переводных памятников может иметь значение для интерпретации греческих гапаксов, семантически непрозрачных с точки зрения словообразовательной структуры и контекста. Случаи такого рода, по всей видимости, крайне редки, греко-славянская параллель $\lambda\upsilon\tau\beta\acute{\iota}\varsigma$ — *гривьна* в одном из кондаков Иоанну Златоусту — пока единственный известный нам пример такого рода.

Функциональная история церковнославянского языка, в особенности в древнейший период, представляет собой, как кажется, пока ещё мало осознанную проблему в палеославистике. В данной книге, однако, функциональная история церковнославянского языка рассматривается «с конца», то есть на материале церковнославянского текста и подтекста в лирике А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама. Одна из важнейших особенностей церковнославянского языка новейшего периода — его функциональная редукция (термин Г. Кайперта), то есть употребление исключительно на богослужении, причём такое, когда литургические тексты воспринимаются, как правило, только на слух, без предшествующего чтения и элементарного грамматического анализа. Функциональной редукции сопутствует то, как преподавался церковнославянский язык в русской дореволюционной школе и какое место он занимал в системе культурных ценностей образованного общества предреволюционной России. Результатом функциональной редукции церковнославянского языка стало синтаксически неопределённое, грамматически приблизительное цитирование и парафразирование церковнославянского текста у Ахматовой и Мандельштама и, возможно, неразличение книжного и церковно-обиходного узуса в одном из стихотворений Мандельштама. Примечательно, однако, само внимание Мандельштама к церковнославянскому тексту, которое позволяет относительно уверенно предположить наличие ранее не отмеченной церковнославянской семантической параллели в посвящённом Карташёву стихотворении («Среди священников левитом молодым...»), где образ левита, благодаря распространённому в греческих, латинских и церковнославянских текстах метафорическому переносу, может быть сопоставлен не только с ветхозаветным левитом, что кажется очевидным, но и с христианским диаконом. Известные нам межтекстовые и межъязыковые связи мандельштамовской поэтики поддерживают такую гипотезу.

Сокращённые наименования библиотек и рукописных собраний

БАН	Библиотека Российской академии наук, С.-Петербург
ГИМ	Государственный исторический музей, Москва
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея, Москва
Деч.	Собрание рукописей монастыря Высокие Дечаны (Високи Дечани) Рашско-Призненской епархии Сербской Православной церкви
Зогр.	Собрание рукописей Зографского монастыря, Афон
НБКМ	Народна библиотека Кирил и Методий, София
ОДНБ	Одеська державна наукова бібліотека, Одеса
РГАДА	Российский Государственный архив древних актов, Москва
РГБ	Российская Государственная библиотека, Москва
РНБ	Российская национальная библиотека, С.-Петербург
BNF	Bibliothèque nationale de France, Paris
Сrypt	Biblioteca della Badia greca di Grottaferrata, regione Roma
Sin	Библиотека монастыря св. Екатерины на Синае (Ιερά μονή και επισκοπή Σινά)

Источники⁵⁶⁸

Славянские

Издания

- АИ II *Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою комиссіею*, т. 2. С.-Петербургъ, 1841.
- А.феод.землевл. и хоз. I Черепнин, Л. В. (изд.). *Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.*, ч.1. Москва, 1951.
- АЮБ I *Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Руси*, т. I. С.-Петербургъ, 1857.
- Арх.ев. *Архангельское евангеліе 1092 года*, изд. Румянцевскаго музея. Москва, 1912.
- Асс. *Ассеманиево евангеліе*, XI в.; по изд.: *Evangeliarum Assemani. Codex Vaticanus 3 Slavicus lagoliticus*, t. II, ed. J. Kurz. Pragaе, 1955.
- Благ.конд. Благовещенский, или Нижегородский, кондакаръ, кон. XII — нач. XIII вв., РНБ, Q. п. I 32, ОДНБ, Григ. № 1/93 (1 л.); по изд.: A. Dostál, H. Rothe (Hrsg.). *Der Altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižegorodskij Kondakar'*, Т. II: *Blagověščenskij Kondakar' (Facsimile)* (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen, Editionen, 3/8,2). Gies-sen, 1976.
- Григ.пар. Григоровичев паримийник XII–XIII вв.; по изд.: З. Рибарова, З. Хауптова. *Григоровичев паримейник*, т. I: *Текст со критички апарат*. Скопје, 1998.
- Гр.Наз. Рукопись 13-ти Слов Григория Назианзина, XI в.; по изд.: *XIII словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводъ по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI вѣка*, критико-палеографической трудъ А. Будиловича. С.-Петербургъ, 1875.
- ДАИ V, X *Дополненія къ актамъ историческимъ*, т. V, X. С.-Петербургъ, 1853, 1867.
- Днев.зап.ПТД Бѣлокуровъ С. А. Дневальные записки Приказа тайныхъ дѣлъ 7165–7183 гг. *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей российскихъ* 1908, 1 (224), отд. 1, 1–224.
- Дон.д. II *Донскіе дѣла*, кн. 2. В: *Русская историческая библиотека*, 24. С.-Петербургъ, 1906.
- Ев.учит. Учительное Евангеліе Константина Болгарскаго, рукопись XI–XII вв.; по изд.: *Старобългарското Учително Евангеліе на Константин Преславски*, изд. от М. Тихова, с детално описание от Е. Уханова на най-стария

⁵⁶⁸ В списке указаны только те источники, к которым так или иначе обращался автор. Источники, сведения из которых заимствованы исключительно из других работ, в списке не упомянуты.

препис (ГИМ, Син. 262) (*Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, LVIII*). Freiburg i. Br., 2012.

- Ен.* Енинский апостол, XI в.; по изд.: Мирчев, Кодов 1965.
- Ефр.корм.* Ефремовская кормчая, XII в.; по изд.: В. Н. Бенешевич. *Древнеславянская кормчая XIV титуловъ безъ толкованій*, т. I. С.-Петербургъ, 1906.
- Зогр.* Зографское евангелие, XI в.; по изд.: *Quattor Evangeliorum codex glagoliticus, olim Zographensis, nunc Petropolitanus*, ed. V. Jagić (unveränderter Abdruck der 1879 bei Weidmann, Berlin erschienenen Ausgabe). Graz, 1954.
- Иер.Дам.* *Афонская гора и Соловецкій монастырь. Труды чудовскаго іеродиакона Дамаскина (1701–1706)*, сообщил арх. Леонидъ (Памятники древней письменности, 43). С.-Петербургъ, 1883.
- Изб.73* Изборник Святослава 1073 г.; по изд.: А. Минчева, Р. Павлова (ред.). *Симеонов сборник* (по Светославовия препис от 1073 г.), т. 1: *Изследвания и текст*. София, 1991; т. 2: *Речник-индекс*. София, 1993; греч. по: РГБ, ф. 36 (архив Бодянского), карт. 6, № 5 (каллиграфическая копия XIX в. с рукописи: BNF, Cois. gr. 120, X в.).
- Изб.76* Изборник 1076 г.; по изд.: М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко (изд.). *Изборник 1076 г.* 2-е изд., перераб. и испр., т. 1–2. Москва, 2009.
- Ил.кн.* «Ильина книга», праздничная минея на сентябрьскую половину года с добавлениями, XI–XII вв.; по изд.: Крысько 2005.
- К II–III, VII *Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagoveščenskij Nižgorodskij Kondakar', Das Kirchenjahr 1: September bis November*, hrsg. von A. Dostál, H. Rothe, unter Mitarbeit von E. Trapp (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 8,3; Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik 19). Gießen, 1977; *Das Kirchenjahr 2: Dezember bis März* (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, 8, 4). Wien, 1979; *Oktoechos*, hrsg. von A. Dostál, H. Rothe, unter Mitarbeit von D. Stern, E. Trapp. Köln, Weimar, Wien, 2004.
- К II–III а₁ Кондакаръ, РГБ, ОИДР, № 107, XII в.; по изд. К II–III.
- К II–III б_{1,2} Кондакаръ и устав, ГТГ, К-5349, XI–XII вв.; по изд. К II–III; та же рукопись — *Туп.уст.*
- К II–III В Кондакаръ, РНБ, Q п I 32 и ОДНБ, Григ. № 1/93, к. XII — нач. XIII вв. по изд. К II–III; та же рукопись — *Благ.конд.*
- К II–III с Кондакаръ, ГИМ, Усп. 9, 1207 г.; по изд. К II–III.
- К II–III d Кондакаръ, РГБ, ф. 304/I (ТСЛ), № 23, XII–XIII вв.; по изд. К II–III; та же рукопись — *Лавр.конд.*
- Клоц.* Клоцов сборник, XI в.; *Clozianus. Staroslověnský hlahlolský sborník Tridentský a Innsbrucký*, k vyd. připravil A. Dostál. Praha, 1959.
- Кн.расх.Хлын.* Расходная книга земскаго старосты города Хлынова Ивана Рѣпина (1678–1680 гг.). *Труды Вятской ученой архивной комиссии за 1905 г.*, вып. V–VI, отд. II. Вятка, 1906, 1–105.
- Лавр.лет.* Лаврентьевская летопись 1377 г.; *Полное собрание русских летописей*, т. 1 (под ред. Е. Ф. Карского, с предисл. М. Б. Клосса). Москва, 2001.
- Мар.* Маринское евангелие, XI в.; по изд.: Ягичъ 1883.

- Мин.дек.* Служебная минея на декабрь, РГАДА, ф. 381, № 96, XII–XIII вв.; по изд.: *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des Rus' des 12. und 13. Jahrhunderts: Facsimile der Handschriften CGADA, f. 381, Nr. 96 und 97*, hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Reihe B: Editionen, Neue Folge, Bd. 1/16). Köln, Weimar, Wien, 1993.
- Мин.Дубр.* Минея Дубровского, XI в.; по изд.: *Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F. n. I 36 (RNB)*, besorgt und kommentiert von M. F. Mur'janov, überarbeitet und mit deutschen Übersetzungen versehen von H. Rothe, A. Wöhler; hrsg. von H. Rothe (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 104; Patristica Slavica, 5). Opladen, Wiesbaden, 1999.
- Мин.ноябрь* Служебная минея на ноябрь, РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 91. 1097 г.; по изд.: Jagić 1886.
- Мин.окт.* Служебная минея на октябрь, РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 89. 1096 г.; по изд.: Jagić 1886.
- Мин.Пут.* Путятина минея, XI в.; по изд.: Мурьянов 1998–2000.
- Мин.сент.* Служебная минея на сентябрь, РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 84. Ок. 1095 г.; по изд.: Jagić 1886.
- Мир.ев.* Мирославо евангелие, ок. 1180 г.; по изд.: *Мирослављево Јеванђеље. Évangélaire ancien serbe du Prince Miroslav*, изд. Александра I, краља Србије. Фотографска репродукција и штампа ц. и к. дворског уметничког завода. Београд, Бећ, 1897 (электронная копия рукописи: <http://scc.digital.bkp.nb.rs/collection/miroslavljevo-jevandjelje>).
- Мст.ев.* Мстиславо евангелие, до 1117 г.; по изд.: *Апракос Мстислава Великога*, изд. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимировна, Н. П. Панкратова. Москва, 1983.
- Наз.* «Назиратель», XVI в.; по изд.: С. И. Котков (ред.). *Назиратель*. Москва, 1973; польский оригинал: Piotra Crescentyna Księgi [!] o gospodarstwie y o opatrzaniu rozmnożenia rozlicznych pożytkow każdemu stanowi potrzebne. Kraków, 1549.
- Никод.Тип.* Никодимов Типик, 1331 г.; по изд.: *Типик архиепископа Никодима*, кн. 1: *Фототипија изгорелог рукописа Народне библиотеке у Београду*, ур. Ж. Чигоја. Београд, 2004.
- НПЛ* Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. В: *Полное собрание русских летописей*, т. III. Москва, 2000 (репринт изд.: Москва — Ленинград, 1950, с дополнениями).
- Остр.ев.* *Остромирово евангелие 1056–1057 гг., съ приложениемъ греческаго текста евангелій и съ грамматическими объяснениями*, изданное А. Востоковымъ. С.-Петербургъ, 1843.
- Пам.Кулик.цикла* Памятники Куликовского цикла, изд. Б. А. Рыбаков, В. А. Кучкин. С.-Петербург, 1998.
- Панд.Ант.* Пандекты Антиоха, XI в.; Popovski J. The Pandects of Antiochus. Slavic Text in Transcription. *Полата књигописная 23–24*, Amsterdam, 1989.
- Пос.Елч.* Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадянскую землю (предисл. С. А. Бълокурова). *Чтенія в Обществѣ исторіи и древностей російскихъ* 2 (1), 1887, 256–376.

- Проск.Арс.Сух.* «Проскинитарий Арсенія Суханова», подъ ред. Н. И. Ивановскаго. *Православный Палестинскій сборникъ VII/3 (21)*. С.-Петербургъ, 1889.
- Псалт.Б.-С.* Бычковско-Синайская псалтирь, XI–XII вв.; по изд.: *An Early Slavonic Psalter from Rus', vol. 1: Photoreproduction*, ed. by M. Altbauer, with the collaboration of H. G. Lunt. Cambridge (Mass.), 1978; Tarnanidis, I. *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at st. Catherine's Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki, 1988, 249–281.
- Псалт.Евг.* Евгеньевская псалтирь (псалтирь с толкованиями Исихия Иерусалимскаго [псевдо-Афанасия Александрийскаго]). БАН, 4.5.7 (Кеппен.) № 13 (19) и РНБ, Погод. № 9, XI в.; изд.: *Колесов В. В. Евгениевская Псалтирь. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Dissertationes Slavicae = Материалы и сообщения по славяноведению* 8. Szeged, 1972, 58–69.
- Псалт.Син.* Синайская псалтирь, XI в.; по изд.: M. Altbauer. *Psalterium Sinaiticum. An 11th Century Glagolitic Manuscript from St. Catherine's Monastery, Mt. Sinai*. Skopje, 1971.
- Псалт.Чуд.* Чудовская Псалтирь, XI в.; по изд.: Погорѣловъ В. *Чудовская Псалтырь XI вѣка, отрывокъ толкованія Феодорита Киррскаго на Псалтырь въ древнеболгарскомъ переводѣ*. С.-Петербургъ, 1910.
- Пат.Киев.-Печ.* Абрамовичъ Д. И. 1911. *Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря*. С.-Петербургъ.
- Пат.Син.* Синайскій Патерик, XI в.; по изд.: *Синайскій патерик*, изд. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина; под ред. С. И. Коткова. Москва, 1967.
- Реймсск.ев.* Реймское евангелие, XI в.; по изд.: *Évangélaire slave dit Texte du sacre de la Bibliothèque de Reims*, facsimile par J. B. Silvestre, traduction latine par feu Kopitar. Paris, 1852.
- Рим.имп.д. I* *Памятники дипломатическихъ сношеній съ Римскою имперією*, т. 1. С.-Петербургъ, 1851.
- Рог.лет.* Рогожскій летописецъ, XV в.; по изд.: *Полное собрание русскихъ летописей*, т. 15, изд. 3-е (стереотипное). Москва, 1965.
- Савв.* *Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века*, ч. 1: *Рукопись, текст, комментарии, исследование*; изд. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. Москва, 1999.
- Син.евх.* Синайскій евхологий, XI в.; по изд.: Nahtigal 1942.
- Сказ.Ант.* Книга паломникъ. Сказаніе мѣстъ Святыхъ во Царьградѣ Антонія, архіепископа Новгородскаго въ 1200 г., подъ ред. Хр. М. Лопарева. *Православный палестинскій сборникъ* 51/17 (3). С.-Петербургъ, 1899.
- Сказ.церк.* «Сказаніе церковное», XI–XII вв.; по изд.: Афанасьева 2012, 228–319.
- Соб.Нил.Сорск. I* *Сборникъ Нила Сорскаго*, XV в.; по изд.: Лёнгрен Т. П. *Сборникъ Нила Сорскаго*, ч. I. Москва, 2000.
- Супр.* Заимовъ Й., Капалдо М. (изд.). *Супрасълски или Ретков сборникъ*, т. 1–2. София, 1982, 1983.
- Тип.уст. I–III* «Типографскій уставъ», богослужебный сборникъ, включающій особую редакцію Студійско-Алексіевскаго устава, кондаки и другіе песнопенія малыхъ жанровъ, ГТГ, К-5349, XI–XII вв., по изд.: Успенскій Б. А. (ред.), *Типографскій Уставъ: Уставъ с кондакаремъ конца XI — начала XII века*, I–III, Москва, 2006.

- Ун.Богд.Хмельн. Крип'якевич І., Бутич І. *Універсали Богдана Хмельницького*. 1648–1657. Київ, 1998.
- Усп.сб. *Успенский сборник XII–XIII вв.*, под ред. С. И. Коткова. Москва, 1971.
- Хрон.Г.Амарт. Истрин В. М. *Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе*, т. 1: текст. Петроград, 1920.
- MD I, III–IV Службная минея на декабрь, ГИМ, Син. 162, к. XII в.; по изд.: *Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition*, Teil 1: 1. bis 8. Dezember, hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin; Teil 3: 20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt, besorgt und kommentiert von D. Christians, D. Stern, A. Wöhler; hrsg. von H. Rothe; Teil 4: 25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt, besorgt von E. M. Vereščagin, A. G. Kraveckij, O. A. Krašeninnikova, mit einem Nachtrag griechischer Vorlagen für Hymnen aus den Bänden I–III zusammengestellt von D. Christians; hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 98, 105, 105; Patristica Slavica, 2, 6, 14). Opladen, 1996; Opladen, Wiesbaden, 1999; Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.

Рукописи

- Библ. (Рум.) Книги Ветхого Завета. РГБ, ф. 256 (Рум.), № 28. Сер. XVI в.
- ДМ «Драганова Минея». Праздничная минея на весь год. Зогр. 54, ср.-болг., XIII–XIV вв. (Каталог 1994, 52, № 54; Рукописи 1999, 136–137, № 333; там же см. шифры двух других фрагментов рукописи; XIV в. — альтернативная датировка, предложенная А. А. Туриловым в личной консультации)⁵⁶⁹.
- Д32 Службная минея на июль и август. Деч. 32., сербск., XIV в. (Опис 2011, 103–107).
- КДРС Картотека словаря древнерусского языка (Словаря русского языка XI–XVII вв.), хранится в Отделе исторической лексикографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
- Кн.прор. Книги 12-ти пророков. РГБ, ф. 256 (Рум.), № 31. XV в.
- Кн.прор.¹ Книги 16-ти пророков. РГБ, ф. 304/1 (ТСЛ, фонд.), № 89. XV–XVI вв. ~ 1047 г.

⁵⁶⁹ Микрофильм рукописи изучался в августе — сентябре 2008 г. во время научной стажировки в США, ставшей возможной благодаря летней стипендии, предоставленной Центром исследований славянского Средневековья — Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо (Колумбус, Огайо, США). Рукопись цитируется по копии с микрофильма, предоставленной Центром исследований славянского Средневековья — Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо (Колумбус, Огайо, США). За помощь в организации работы в США и за предоставление копий афонских рукописей благодарю директора Хиландарской библиотеки д-ра Предрага Матейича.

- Лавр.конд.* Лаврский Кондакарь. РГБ, ф. 304/1 (ТСЛ, фонд.), № 23, кон. XII в.
- Миня.яв.* Служебная минея на январь. РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 99. XI–XII вв. (Каталог 1984, 79–80).
- НБКМ 113* Служебная минея со службами с 29 июня по 31 августа, ср.-болг., втор. пол. XIII в. (Опись 1910, 83–85).
- ОДНБ 1/4* Минея праздничная на март — август, ср.-болг., вт. пол. XIII в. (Каталог 1984, 303–304).
- ОДНБ 1/5* Минея праздничная на февраль, апрель, май — август, ср.-болг., втор. пол. XIII в. (Каталог 1984, 304).
- Псалт.толк.Феодорит.* Псалтирь с толкованиями Феодорита Киррского. РГБ, ф. 256 (Рум.), № 334. XV в.
- Пт37* Служебная минея особого состава. РНБ, Ф п I 37, первая треть XIII в. (Каталог 2002, 621–623).
- Пт72* Праздничная минея на весь год, ср.-болг. РНБ, Ф п I 72, XIII–XIV вв. (Каталог 2009, 63–65).
- Рум445* «Око Церковное». РГБ, ф. 256 (Рум.), № 445. 1428 г.
- Са* Служебная минея на август. ГИМ, Син. 168, к. XII в. (Каталог 1984, 128–129).
- Сев27* Иерусалимский устав, сербск. РГБ, ф. 270/II слав. (собр. Севастьянова), № 27 (М. 1458), ок. 1372 г. (Собрание 1881, 47–53).
- Ск* «Скопльская минея», праздничная минея на сентябрь — май, ср.-болг. НБКМ 522. XIII в. (Опис 1923, 52–53, н° 522; Ръкописи 1982, 31, № 37).
- Та* Служебная минея на август. РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 125. XI–XII вв. (Каталог 1984, 83–84).
- Травник Любч.* Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина [Булева]. ГИМ, Увар. № 387 (1^о), (Царск. № 615). 1534 г., список XVII в; ср.-н.-нем. оригинал: Gaerde der Suntheit. Lübeck: Steffen Arndes, 1492.
- Унд75* Служебная минея на сентябрь — февраль, сербск. РГБ, ф. 310 (Унд.), № 75, XIV в. (ок. 1315?) (Турилов 2012, 13).
- Хл166* Праздничная минея на весь год, сербск. ГИМ, Хлуд. 166. XIV в. (Описание 1872, 348)

Греческие и иные

- Δ17* Служебная минея на июль — август. Μεγίστη Λαύρα, Άγιον Όρος Άθως, Δ 17. XIII в. (Catalogue 1925, 54).
- АНГ I–XII* *Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris*, t. I–XIII, ed. J. Schirò. Roma, 1966–1983.
- BSV* *Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem*, ed. 4, ed. R. Gryson. Stuttgart, 1994.
- Cl* Служебная минея на август. BNF, Coisl. gr. 218. XI в. (Catalogue 1945, 199–200).
- Cr12* Служебная минея на август. XI в. Срупт. Δ.α.XII. (Codices 1883, 323–325).
- KalHym* Καλαμάκη, Δ. 1994. Άγιολογικοί ύμνοι έπωνύμων ποιητών. *Παρνασσός* 36, 421–493.

- KJB* The Holy Bible conteyning the Old Testament and the New [...], London, 1611 [Faksimile: <http://sceti.library.upenn.edu/sceti/printedbooksNew/index.cfm?TextID=kjbible&PagePosition=1>]
- LB* Lutherbibel 1545 (online Ausgabe: <http://www.bibelcenter.de/bibel/lu1545/lu1545.php>).
- LXX* *Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graecae iuxta LXX interpretes*, duo volumina in uno, ed. A. Rahlfs. Stuttgart, 1979.
- LXX (Ps)* *Septuaginta. Vetus Testamentum Graecum auctoritate Academiae Scientiarum Gottingensis editum*, vol. X: *Psalmi cum Odis*, ed. A. Rahlfs. 3. unveränderte Ausgabe. Göttingen, 1979.
- MR I–VI* Μηνάια τοῦ ὅλου ἑνιαυτοῦ, τ. 1–6. Ἐν Ῥώμῃ, 1901.
- MT II* *Sancti Romani Melodi Cantica*, ed. by P. Maas, C. Trypanis. 2nd vol.: *Cantica dubia*. Berlin, 1970.
- NT* *Novum Testamentum Graece et Latine*, ed. 26, ed. K. Aland, B. Aland. Stuttgart, 1984.
- PAS I* Pitra J.-B. *Analecta Sacra spicilegio Solesmensi parata*, vol. I. Parisiis, Tusculi, Venetiis, 1876.
- PG* *Patrologiae cursus completus, series graeca*, vol. 1–161, ed. J.-P. Migne. Parisiis, 1857–1866.
- Sn630* Служебная миная на июнь — август. Sin. gr. 630. XIII в. (Catalogus 1886, 146–147; Checklist 1952, 9).
- Sn631* Служебная миная на август. Sin. gr. 631. 1048/1049 гг. (Harlfinger 1983, 26–28; ср.: Catalogus 1886, 146; Checklist 1952, 9)
- Sn632* Служебная миная на август. Sin. gr. 632. XII в. (Catalogus 1886, 146; Checklist 1952, 9)
- Sn652* Служебная миная на сентябрь — октябрь. Sin. gr. 562. XI в. (Catalogus 1882, 135) или XI–XII вв. (Checklist 1952, 8)
- TR* Τριῶδιον κατασκευτικόν. Ἐν Ῥώμῃ, 1879.
- TM* Textus Masoreticus: *Biblia Hebraica Stuttgartensia*, editio funditus renovata, ed. K. Elliger, W. Rudolf. Stuttgart, 1977.

Словари, энциклопедии и справочные издания, базы данных и корпуса

- БЕР *Български етимологичен речник*, т. 1–7—. София, 1971–2010—.
- Даль *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, четвертое исправленное и значительно дополненное изд. подъ ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. I–IV. С.-Петербургъ, Москва, 1912–1914.
- ДАРЯ III (2) *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. III (2): Синтаксис. Лексика*. Москва, 2004.
- ДАРЯ III (справ.) *Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. Вып. III: Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат*. Москва, 1996.
- ДООВС *Дополнение къ Опыту областного великорусскаго словаря*. С.-Петербургъ, 1858.
- ИЭСРЯ Черных, П. Я. *Историко-этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва, 1993.
- КМЕ *Кирило-Методиевска енциклопедия*, т. I–IV. София,
- ЛРС (Д) Дворецкий, И. Х. *Латинско-русский словарь*, изд. 4-е, стереотипное. Москва, 1996.
- МРС Васильев, В. М., Учаев, З. В. *Марийско-русский словарь*. Йошкар-Ола, 2003 (<http://www.marlamuter.org/muter/Васильев-Учаев>).
- МРС (10) *Марийско-русский 10-томный словарь*, <http://dict.marlamuter.ru/index.php/index/Марийско-русский+10-томный+словарь.xhtml>.
- МСДРЯ Срезневский, И. И. *Материалы для словаря древнерусскаго языка*, т. I–III. С.-Петербургъ, 1893–1912.
- НГРС Хориков, И. П., Малев М. Г. *Новогреческо-русский словарь*. Москва, 1980.
- НКРЯ Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).
- ООВС *Опытъ областного великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отдѣлениемъ Императорской академіи наукъ*. С.-Петербургъ, 1851.
- ОЦСРС Соколовъ, П. И. *Общій церковно-славяно-россійскій словарь, или Собрание реченій какъ отечественныхъ, так и иностранныхъ, въ церковнославянскомъ и россійскомъ наречіяхъ употребляемыхъ*, т. I–II. С.-Петербургъ, 1834.
- ПЭ *Православная энциклопедия*, т. 1–36—. Москва (pravenc.ru).
- РКСС *Рѣчник из книжевних старина српских*, написао Ђ. Даничић, дно 1–3. У Биограду, 1863–1864.
- РСХКНЈ *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*, књ. 1–18—. Београд, 1959–2010—.

- РЦСЈМР *Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција*, т. I–II (10). Скопје, 2000–2009—.
- РЭС Аникин, А. Е. *Русский этимологический словарь*, вып. 1–9—. Москва, 2007–2015—.
- САР *Словарь Академіи Российской, по азбучному порядку расположенный*, т. I–VI. С.-Петербургъ, 1806–1822.
- СБР I *Старобългарски речник*, т. I, отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София, 1999.
- СДРЯ *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, т. 1–10—. Москва, 1985–2014— <<http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641>>.
- СИ *Словник-индекс и обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, т. 1–2. Москва.
- СРНГ *Словарь русских народных говоров*, вып. 1–45—. Ленинград, С.-Петербург, 1965–2012—.
- СРЯ XI–XVII вв. *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1–30—. Москва, 1975–2015—.
- ССРЛЯ² V–VI *Словарь современного русского литературного языка*, т. V–VI. Москва, 1994.
- ССС *Старославянский словарь (по рукописям XI–XI веков)*, под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой, 2-е изд. (стереотипное). Москва, 1999.
- СЦСРЯ *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи наукъ*, т. I–IV. С.-Петербургъ, 1847.
- СЦСЯ Востоковъ, А. Х. *Словарь церковно-славянского языка*, т. I–II (Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, изд. Второго отдѣленія Императорской академіи наукъ, тт. 4, 6). С.-Петербургъ, 1858–1861.
- ТСИС Дубровский, Н. *Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ*. Москва, 1879.
- ТСРЯ (У) *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д. Н. Ушакова, т. I–IV. Москва, 2000 (по изд. 1935 г.).
- ЭСРДС Аникин, А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*. Москва, Новосибирск, 2000.
- ЭСРЯ Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*, 3-е русское (стереотипное) изд., перев. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, т. I–IV. С.-Петербург, 1996.
- ЭСРЯ (Пр) Преображенскій, А. Г. *Этимологическій словарь русскаго языка*, т. I–II. Москва, 1910–1914.
- ЭСС XI–XVII вв. Осокина, Е. А. *Электронный сводный словник древнерусскихъ памятников*. <http://eslovník.ru/slovník/web/login.jsp>.
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянскихъ языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 1–39—. Москва, 1975–2014—.
- ЦС Алексѣевъ, П. А. *Церковный словарь, или Истолкованіе Славенскихъ, также маловразумительныхъ древнихъ и иноязычныхъ рѣченій, положенныхъ безъ перевода въ Священномъ Писаніи, и содержащихся въ другихъ церковныхъ и духовныхъ книгахъ*, 4-е изд., т. I–V. С.-Петербургъ, 1817–1819.

- ЦСС Дьяченко, Г. М. *Полный церковно-славянский словарь*. Москва, 1900 (репринт: Москва, 1993).
- ΛΜΕΓ *Λεξικό τῆς μεσαιωνικῆς ἐλληνικῆς δημώδους γραμματείας (1110-1669) τοῦ Εμμ. Κριαρά*, т. 1–16—. Θεσσαλονίκη, 1969–2008— (Επιτομή Λεξικού Κριαρά: http://www.greek-language.gr/greekLang/medieval_greek/kriaras/index.html).
- ΜΛΕΓ Δημητράκου, Δ. *Μέγα Λεξικόν ὅλης τῆς Ἑλληνικῆς Γλώσσης*, т. 1–15. Αθήναι, 1953–1964.
- BDBL *The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an Appendix Containing the Biblical Aramaic*, F. Brown with the Cooperation of S. R. Driver and C. Briggs. 4th printing (reprinted from the 1906 edition). Peabody (MA.), 1999.
- BHG F. Halkin (ed.). *Bibliotheca Hagiographica Graeca*, т. I–III (Subsidia Hagiographica, 8a). Bruxelles, 1957.
- BHH B. Reicke, L. Rost (Hrsg.). *Biblisch-historisches Handwörterbuch. Landeskunde, Geschichte, Religion, Kultur, Literatur* (Digitale Bibliothek, 96). Göttingen, 2004 [CD-Rom].
- BWNT Bauer, W. *Wörterbuch zum Neuen Testament*, 6., völlig neu bearbeitete Auflage von K. und B. Aland. Berlin, New York, 1988.
- DLD *Database of Latin Dictionaries*. Turnhout, Brepols Publishers, 2012 <clt.brepols.net.ezproxy.ub.uni-freiburg.de/dld/Default.aspx>
- DTB Grannes, A., Hauge, K. R., Sülleymanoğlu, H. *A Dictionary of Turkisms in Bulgarian*. Oslo, 2002.
- DÉLG Chantraine, P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*, т. I–IV (1–2). Paris, 1968–1980.
- ERHSJ Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (Dictionnaire étymologique de la langue croate ou serbe)*, knj. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- ESSJ Bezljaj, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*, kn. 1–4. Ljubljana, 1977–2005.
- EWNT *Exegetisches Wörterbuch zum Neuen Testament*, hrsg. von H. Balz, G. Schneider, Bd. I–III. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1980–1983.
- GDHW *Griechisch-Deutsch. Altgriechisches Wörterbuch von Wilhelm Pape*. Berlin, 2005 (Digitale Bibliothek, 117). <www-fr.redi-bw.de/session/DBGriechischDeutsch_2005-b51e63c8.html>
- GELS *Greek-English Lexicon of the Septuagint*, parts I–II, comp. by J. Lust, E. Eynikel, K. Hausie. Stuttgart, 1996.
- GLRBP Sophocles, E. A. *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. New York, 1900.
- GSMIG Du Cange, D., Du Fresne, C. *Glossarium ad scriptores mediae & infimae graecitatis*, vol. I–II. Lugdunii, 1688.
- GWST Gr. Crane (ed.). *Greek Word Study Tool. Perseus Digital Library. Greek and Roman Materials*. <perseus.tufts.edu/hopper/collections>
- HAHW Gesenius, W. *Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch*. 17. Aufl., unveränd. Nachdruck der 1915 erschienenen Aufl. Berlin u. a.
- HEWONS Schuster-Šewc, H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*, Bd. I–V. Bautzen, 1980–1996.

- HSSJ *Historický slovník slovenského jazyka*, ved. red. M. Majtán, [T.] 1–7. Bratislava, 1991–2008.
- HWAT Sadnik, L., Aitzetmüller, R. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg, 1955.
- ICB C. M. Laymon (ed.). *The Interpreter's One-Volume Commentary on the Bible. Introduction and Commentary of the Bible Including Apocrypha*, 8th printing. Nashville, 1987.
- IDNTT *The New International Dictionary of New Testament Theology*, ed. C. Brown, vol. I–III. Grand Rapids (Mich.), 1981.
- ILH *Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*, Teil I–III, besorgt von D. Stern; hrsg. von H. Rothe (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 118/1–3; Patristica Slavica, 16/1–3). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2008.
- LA K. Ziegler, W. Sontheimer (Hrsg.). *Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. Auf der Grundlage von Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, Bd. 1–5. München, 1979.
- LBG *Lexikon der byzantinischen Gräzität*, Fasz. 1–7—, Wien, 1994–2011—.
- LCI *Lexikon der christlichen Ikonographie*, Bd. 1–8, Sonderausgabe. Rom, Freiburg, Basel, Wien, 2004.
- LDHW *Lateinisch–Deutsch. Ausführliches Handwörterbuch von Karl Georges*. Elektronische Ausgabe der 8. Auflage (1913/1918). Berlin, 2002 (Digitale Bibliothek, 90) <www-fr.redi.bw.de/session/DBLatDeu-f2aaf2d.html>.
- LLS Miklosich, F. *Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti*. Vindobonae, 1850.
- LMA *Lexikon des Mittelalters*, Taschenbuchausgabe band- und seitengleich mit der 1999 im Verlag J.B. Metzler erschienen Studienausgabe, Bd. 1–9. München, 2003.
- LPGL *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum*, emend. auct., ed. Fr. Miklosich. Vindobonae, 1862–1865.
- LSJ *A Greek-English Lexicon*, comp. by H. G. Liddell, R. Scott, rev. and augm. throughout by Sr. H. S. Jones ... with a revised supplement. Oxford, 1996; доступно также на сайте: GWST.
- LThK *Lexikon für Theologie und Kirche*, 3. Aufl., hrsg. von W. Kasper u. a., Bd. 1–11. Freiburg i. Br., 1993–2001.
- LVTL Koehler, L., Baumgartner, W. *Lexicon in Veteris Testamenti Libros. Wörterbuch zum Hebräischen Alten Testament in Deutscher und Englischer Sprache. A Dictionary of the Hebrew Old Testament in English and German*. Leiden, 1985.
- LWST Gr. Crane (ed. in chief). *Latin Word Study Tool. Perseus Digital Library. Classic Collection. Greek and Roman Materials*. Tufts University <perseus.tufts.edu/hopper/collections>
- NCE *New Catholic Encyclopedia*, vols. 1–15. New York, 1967–1996.
- ODB *The Oxford Dictionary of Byzantium*, vol. 1–3. Oxford, 1991.
- PGL Lampe, G. W. H. *A Patristic Greek Lexikon*. Oxford, 1982.
- REW Vasmer, M. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
- RHSJ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, dio 1–22. U Zagrebu, 1880/1882–1975.

- SES Snoj, M. *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, 1997.
- SEJP Brückner, A. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków, 1927 (przedruk: Warszawa, 1996).
- SJS *Slovník jazyka staroslověnského*, t. 1–4. Praha, 1958–1997.
- SSKJ *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, t. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
- SV Renkopf, F. *Septuaginta-Vokabular*. Göttingen, 1989.
- TDNT *Theological Dictionary of the New Testament*, ed. G. Kittel, G. Friedrich, transl. and ed. G. W. Bromiley, vol. I–X. Grand Rapids (Mich.), 1995 (reprint).
- TGL *Thesaurus graecae linguae*, t. I–VIII. Paris, 1831–1865.
- TLG *Thesaurus linguae Graecae*. <http://www.tlg.uci.edu/>
- TLL *Gradus ad Parnassum, sive Thesaurus Latinae linguae poeticus et prosodiacus*, ed. quinta, vol. I–II. Lipsiae, 1860.
- WGMD Christians, D. *Wörterbuch zum Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember slavisch-griechisch-deutsch nach ostslavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts* (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 107; Patristica Slavica, 8). Wiesbaden, 2001.

Каталози рукописних собраний

- Каталог 1984: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* Москва.
- Каталог 1988: Князевская, О. А., Коваль, Н. С., Кошелева, О. Е., Мошкова, Л. В. *Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР, ч. 1–2.* Москва.
- Каталог 1994: Райков, Б., Кожухаров, С., Миклас, Х., Кодов, Х. *Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора.* София.
- Каталог 2002: О. А. Князевская et al. (ред.). *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век: Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская.* Москва.
- Каталог 2009: Христова, Б., Загребин, В., Енин, Г., Шварц, Е. *Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке — С.-Петербург.* София.
- Описание 1842: Востоковъ, А. Х. *Описание русских и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума.* Санктпетербургъ.
- Описание 1872: Поповъ, А. *Описание рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библиотеки А. И. Хлудова.* Москва.
- Опис 1923: Цонев, Б. *Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека, т. 2.* София.
- Опис 2011: Богдановић, Д., Штавланин-Ђорђевић, Љ., Јовановић-Стипчевић, Б., Васильев, Љ., Цернић, Л., Гроздановић-Пајић, М. *Опис ћирилских рукописних книга манастира Високи Дечани.* Београд.
- Опись 1910: Цоневъ, Б. *Опись на ръкописните и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. 1.* София.
- Рукописи 1999: Турилов, А. А., Мошкова, Л. В. *Славянские рукописи афонских обителей, под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса.* Фессалоники.
- Ръкописи 1982: Христова, Б., Караджова, Д., Икономова, А. *Български ръкописи от XI до XVIII век, запазени в България: Своден каталог, т. I.* София.
- Собрание 1881: Викторовъ, А. *Собрание рукописей П. П. Севастьянова.* Москва.
- Catalogue 1925: *Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Laura on Mount Athos with Notices from Other Libraries, by Spyridon of the Laura, monk and physician, and S. Eustratiades (Harvard Theological Studies, 12).* Cambridge (Mass.) (reprint: New York, 1969).
- Catalogue 1945: Devreesse, R. *Le Fonds Coislin, Catalogue des manuscrits grecs II.* Paris.
- Catalogus 1886: Gardthausen, V. *Catalogus codicum graecorum sinaiticorum.* Oxonii.

Checklist 1952: *Checklist of Manuscripts in St. Catherine's Monastery, Mount Sinai, micro-filmed for the Library of Congress, 1950*, prepared under the direction of K. W. Clark. Washington (D.C.).

Codices 1883: *Codices Cryptenses, seu Abbatiae Cryptae Ferratae in Tusculano, digesti et illustrati*, cura et studio D. Antonii Rocchi. Tusculani.

Handschriften 1975: Birkfellner, G. *Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse, Schriften der Balkankommission, linguistische Abteilung, 23). Wien.

Manuscripts 1988: Tarnanidis, I. *The Slavonic Manuscripts Discovered in 1975 at st. Catherine's Monastery on Mount Sinai*. Thessaloniki.

Исследования

- Аванесов, Р. И. 1970. Звуки *i* и *u* в истории русского языка. В: А. И. Реформатский. *Из истории отечественной фонологии*. Москва, 278–299.
- Алексеев, А. А. 1999. *Текстология славянской Библии*. С.-Петербург, Köln, Weimar, Wien.
- Афанасьева, Т. И. 2012. *Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследования и тексты*. Москва.
- Афиногенов, Д. Е. 2000. Переводы как основа для реконструкции раннехристианской литературы: методологические проблемы на примере славянских переводов. В: *История древней Церкви в научных традициях XX в.* С.-Петербург, 37–39.
- Афиногенов, Д. Е. 2003. К вопросу об исчезновении лабиализованного гласного переднего ряда в среднегреческом языке: данные славянских переводов. В: Н. Н. Казанский (отв. ред.). *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, VII: Чтения памяти И. М. Тронского. Материалы конференции, проходившей 16–18 июня 2003 г. С.-Петербург, 7–9.
- Афиногенов, Д. Е. 2007. Утраченные византийские источники в древнерусской словесности. В: *В поисках утраченной Византии. Культура Древней Руси как источник для синхронно-стадиальной реконструкции византийской цивилизации IX–XV вв. Тезисы международной конференции*. С.-Петербург, Новгород, 16–18.
- Афиногенов, Д. Е. 2008/2009. Утраченные византийские источники в древнерусской словесности. *Slavica Slovaca* 1, 2008, 29–44 (то же: *Труды Отделения историко-филологических наук* 2007, 2009, 400–422).
- Афиногенов, Д. Е. 2010. Фита да ижица — розга к телу ближится. В: Е. Рабинович, М. Чепайтите (сост.). *Дар и крест. Памяти Натальи Тауберг: Сб. статей и воспоминаний*. С.-Петербург, 191–200.
- Балшайтите, Д. А. 1987. *Дифференциальный признак твердости — мягкости согласных в родственных языках: акустические характеристики и восприятие. Экспериментально-фонетическое исследование на материале литовского и русского языков*. Автореф. дисс. ... канд. филологич. наук. Ленинград.
- Баранкова, Г. С., Бахтурина, Р. В., Владимирова, Л. А., Жуковская, Л. П., Молдован, А. М., Пичхадзе, А. А. 1988. Изборник Святослава 1073 г. Некоторые древнерусские и южнославянские черты рукописи. В: Н. И. Толстой (отв. ред.). *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. Москва, 3–17.
- Баранкова, Г. С., Пичхадзе, А. А. 1990. О некоторых языковых особенностях протографа Изборника Святослава 1073 г. *Известия Отделения русского языка и литературы РАН. Серия литературы и языка* 49/5, 459–466.

- Баранкова, Г. С., Пичхадзе, А. А. 2004. История Иудейской войны в Архивском хронографе. 1. Палеографические и графико-орфографические черты. В: *История Иудейской войны» Иосифа Флавия: древнерусский перевод*. Москва, 39–47.
- Баранов, В. А. 2003. *Новгородская служебная минея за май (Пуятинна минея), XI в. Тексты, исследования, указатели*, изд. В. А. Баранов, В. М. Марков; подг. текста, коммент., указатели В. А. Баранова. Ижевск.
- Бахилина, Н. Б. 1975. *История цветообозначений в русском языке*. Москва.
- Бернштейн, С. Б. 1961. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва.
- Бернштейн, С. Б. 2005. *Сравнительная грамматика славянских языков*. 2-е изд. Москва.
- Бирнбаум, Х. 1986. *Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции*. Москва.
- Бицевска, К. 1989. Од правописните особености во ракописите од северна Македонија: правопис на еровите. В: М. Матевски (уред.). *Климент Охридски и улогата на Охридската книжевна школа в развитокот на славенска просвета*. Скопје, 25–31.
- Блохина, Э. Д. 1976. Отражение мягкости согласных в Галицком евангелии 1144 г. В: В. В. Колесов (ред.). *История русского языка. Древнерусский период*, вып. 1. Ленинград, 18–30.
- Бобрин, М. А. 1990. Представления о правильности текста и языка в истории книжной sprawy в России (от XI до XVII в.). *Вопросы языкознания* 4, 61–85.
- Борисенко, В. В. 2003. Славянские палатализации на Балканах (на материале сербского и греческого в сравнении с русским языком). В: *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 22–24 января 2003 г.* Москва, 29–30.
- Булаховський, Л. А. 1965. *Питання походження української мови*. Київ.
- Вайан, А. 2002. *Руководство по старославянскому языку*. 2-е (стереотипное) изд. Москва.
- Ван-Вейк, Н. 1950. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода. *Slavia* 19/3–4, 293–313.
- Ван-Вейк, Н. 1957. *История старославянского языка*. Москва.
- Варбот, Ж. Ж. 1967. О словообразовательной структуре этимологических гнезд. *Вопросы языкознания* 4, 67–74.
- Варбот, Ж. Ж. 2004. К этимологии праслав. *žerti*, *žьrъ* 'жертвовать'. В: *Сравнительно-историческое и общее языкознание. Сборник статей в честь 80-летия В. А. Кочергиной*. Москва, 80–83.
- Василевич, А. П., Кузнецова, С. Н., Мищенко, С. С. 2005. *Цвет и названия цвета в русском языке*. Москва [http://www.e-reading.org.ua/bookreader.php/137531/Cvet_i_nazvanie_cveta_v_russkom_yazyke.pdf].
- Васильевъ, Л. Л. 1913. Съ какимъ звукомъ могла ассоціироваться буква «нейотированный юсь малый» (▲) въ сознаниі писцовъ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ? *Русскій филологическій вѣстникъ* 69/1–2, 371–391.
- Верещагин, Е. М. 1967₁. К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах. *Советское славяноведение* 6, 49–58.

- Верещагин, Е. М. 1967². К проблеме произношения фиты и ижицы в старославянских церковных переводах. В: А. Е. Супрун (ред.). *Тыпалогія і гісторія славянскіх моў і ўзаемасувязі славянскіх літэратур. Тэзісы дакладаў і паведамленьняў*. Мінск, 60–63.
- Верещагин, Е. М. 2001. *Церковнославянская книжность на Руси: лингвотекстологические исследования*. Москва.
- Верещагин, Е. М., Крысько, В. Б. 1999. Из наблюдений над языком Ильиной книги. *Вопросы языкознания* 2, 3–15.
- Вийтсо, Т.-Р. 1963. Об одной возможности описания фонологии русского языка. *Ученые записки Тартуского университета* 139: *Труды по русской и славянской филологии* 6, 405–409.
- Гаджиева, С. 2008. К изучению орфографии Лобковицовой псалтири 1359 года: эволюция отношения писца к принципам записи звукоочетаний *li, li, ni, ni*. *Slovo* 58, 219–266.
- Гальченко, М. Г. 2001. *Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы*. Москва.
- Гаспаров, М. Л. 1996. Иноязычная фонетика в русском стихе. В: Т. Б. Князевская и др. (изд.). *Русское подвижничество*. Москва, 523–539.
- Гиппиус, А. А. 1990. Из истории взаимодействия региональных изводов церковнославянского в древнейшую эпоху (формы номинатива действительных причастий на -*onts). *Советское славяноведение* 1, 58–69.
- Гиппиус, А. А., Зализняк, А. А. 1998. О надписях на Суздальском змеевике. В: *Балтославянские исследования. 1997*. Москва, 540–562.
- Гирденис, А.-С. А. 1983. *Теоретические основы литовской фонологии*. Автореф. дисс. ... докт. филологич. наук. Вильнюс.
- Гольшенко, В. С. 1962. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *ГЪРТ, *ГЪРТ, *ГЪЛТ. В: *Историческая грамматика и история русского языка*. Москва, 20–28.
- Гольшенко, В. С. 1963. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. В: *Исследования по лингвистическому источниковедению*. Москва, 45–64.
- Гольшенко, В. С. 1982. Немаркированный знак *у* в ранних восточнославянских рукописях. В: *История русского языка: памятники XI–XVII вв.* Москва, 3–29.
- Гольшенко, В. С. 1987. *Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв.* Москва.
- Гольшенко, В. С. 1995. Переднеязычные аффрикаты в графике ранних восточнославянских рукописей. В: Н. В. Ляпон (отв. ред.). *Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова*. Москва, 118–126.
- Гольшенко, В. С. 2000. Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме. В: А. М. Молдован, В. В. Калугин (ред.). *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000*. Москва, 9–25.
- Гольшенко, В. С. 2002. Надстрочные знаки в ранних восточнославянских рукописях. В: А. М. Молдован, В. С. Гольшенко (ред.). *Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001*. Москва, 47–70.
- Гольшенко, В. С., Дубровина, В. Ф. 1967. Введение. В: В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина (изд.). *Синайский патерик*. Москва, 5–36.

- Горскій, А. В., прот. 1860. О славянскомъ переводѣ Пятокнижія Моисеева, исправленномъ въ XV вѣкъ по еврейскому тексту. В: *Прибавленія къ Твореніямъ св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ* 19/1. Москва, 134–168 (первая пагинация).
- Горскій, А. В., Невоструевъ, К. И. 1859. *Описание славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки*. Отдѣлъ второй: *Писанія святыхъ отцев*, 2: *Писанія догматическіе и духовно-нравственныя*. Москва (репринт: Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes, ed. R. Aitzetmüller, J. Martl, L. Sadnik, t. II. Wiesbaden, 1964).
- Горяевъ, Н. В. 1892. *Опытъ сравнительнаго этимологическаго словаря русскаго литературнаго языка*. Тифлисъ.
- Грамматика, 1991. *Грамматика на старобългарския език*. София.
- Грамматика, 1985. *Грамматика литовскаго языка*. Вильнюсъ.
- Грамматика, 1995. *Древнерусская грамматика XII–XIII вв.* Москва.
- Гранде, Б. М. 1998. *Введение в сравнительное изучение семитскихъ языков*. 2-е изд. (репринтное). Москва.
- Гринкова, Н. П. 1924. Евгениевская Псалтырь какъ памятникъ русской письменности XI в. *Известія отдѣлення русскаго языка и словесности Россійской академіи наукъ* 29, 289–306.
- Громова, А. П. 1981. *Сравнительная фонетика славянскихъ языков*, часть IV: *Консонантизм*. Свердловск.
- Гълъбов, И. 1968. Ранни школи на стария български книжовен език. *Български език* 18, 141–148.
- Гълъбов, И. 1980. *Старобългарски език с увод в славянското езикознание*, ч. 1. София, 1980.
- Демянов, В. Г. 2001. *Иноязычная лексика в истории русскаго языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации*. Москва.
- Дзидзилис, Х. 1990. *Фонетични проблеми при этимологизуване на гръцките заемки в българския език*. София.
- Дмитріевскій, А. А. 1907. *Древнѣйшіе патриаршіе типиконы Святотроубскій, Іерусалимскій и Великой Константинопольской Церкви: Критико-бібліографическое исслѣдованіе*. Кіевъ.
- Дмитріевскій, А. А. 1910. *Описание литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Православнаго Востока*, т. I: Тутіка. Кіевъ (Nachdruck: Hildesheim, 1965).
- Добрев, И. 2002. Каноните за св. Иван Рилски от Георги Скилица. *Palaeobulgarica = Старобългаристика* 27/3, 3–12.
- Добродомов, И. Г. 1986. Вариативность лексемы в диахронии и синхронии: Форма и семантика грецизма паникадило. В: *Языковыя и речевыя единицы в лексике и фразеологии русскаго языка*. Курск, 158–162.
- Добродомов, И. Г. 1988. Люстра и ее «конкурент». *Русская речь* 3, 133–137.
- Добродомов, И. Г., Романова, Г. Я. 1979. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянскихъ языкахъ. В: Менгес, К. Г. *Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»*. Ленинград, 211–238.
- Дограмаджиева, Е. 2008. Евергетидски памети в славенски евангелски месечослови. *Palaeobulgarica = Старобългаристика* 32/1, 13–18.

- Дукельский, Н. И. 1962. *Принципы сегментации речевого потока*. Москва, Ленинград.
- Дурново, Н. Н. 1933. Славянское правописание XI–XII вв. *Slavia* 12/5, 45–82.
- Дурново, Н. Н. 1969. *Введение в историю русского литературного языка*. Москва.
- Дурново, Н. Н. 2000/1923–1924. К истории звуков русского языка. II. Старославянские смягченные согласные в Архангельском евангелии. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 354–367 (впервые: *Slavia* 1923–1924, 3/4, 599–612).
- Дурново, Н. Н. 2000/1924–1927. Русские рукописи XI–XII века как памятники старославянского языка. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 391–494 (впервые: *Южнославянский филолог* 1924, IV, 72–94; 1925–1926, V, 93–117; 1926–1927, VI, 11–64).
- Дурново, Н. Н. 2000/1926₁. О возникновении обозначений гласных в славянских алфавитах. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 685–689 (впервые: *Zur Entstehung der Vokalbezeichnungen in den slavischen Alphabeten. Zeitschrift für slavische Philologie* 1926, 3/3–4, 368–372).
- Дурново, Н. Н. 2000/1926₂. Рефлекс *sk в славянских языках. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 383–390 (впервые: *Le traitement de *sk dans les langues slaves. Revue des études slaves* 1926, 6/3–4, 216–223).
- Дурново, Н. Н. 2000/1927. Рец. на: [Д-р. Ст. М. Кульбакин. Палеографска и језична испитавања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци, 1925]. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 708–718 (впервые: *Slavia* 1927, 5/3, 563–571).
- Дурново, Н. Н. 2000/1929. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и старославянских алфавитов. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 566–612 (впервые: *Byzantinoslavica* 1929, 1, 48–85).
- Дурново, Н. Н. 2000/1930. Мюнхенский абecedарий. В: Дурново, Н. Н. *Избранные работы по истории русского языка*. Москва, 2000, 613–623 (впервые: *Das münchener abecedarium. Byzantinoslavica* 1930, 2/1, 32–41).
- Дьяконов, И. М. 1967. *Языки древней Передней Азии*. Москва.
- Дюрен, Ж. 1977. Мягкость, твердость, йотированность. *Вопросы языкознания* 2, 74–86.
- Ефимова, В. С. 2011. *Наименования лиц в старославянском языке*. Москва.
- Желтов, М. (диак.). 2005. Чины положений по древнейшему славянскому списку: Рукопись РНБ, Соф. 1056, XIV в. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*, сер. 1: *Богословие, философия* 14, 147–157.
- Живов, В. М. 1998. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности. В: О. Н. Трубочев (отв. ред.). *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации*. Москва, 212–247.
- Живов, В. М. 2006. *Восточно-славянское правописание XI–XIII века*. Москва.
- Жолобов, О. Ф. 2006. *Числительные* (Историческая грамматика древнерусского языка, 4). Москва.
- Жолобов, О. Ф., Крысько, В. Б. 2001. *Двойственное число* (Историческая грамматика древнерусского языка, 2). Москва.

- Жуковская, Л. П. 1978. *Реймское евангелие: история его изучения и текст*. Москва.
- Жуковская, Л. П. 1983. Апракос Мстислава Великого — рукопись конца XI (рубежа XI—XII века). В: Л. П. Жуковская (изд.). *Апракос Мстислава Великого*. Москва, 3–28.
- Журавлев, В. К. 1961. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке. *Вопросы языкознания* 4, 33–45.
- Журавлев, В. К. 1963. *Развитие группового сингармонизма в праславянском языке*. Минск.
- Журавлев, В. К. 1965. Генезис протезов в славянских языках. *Вопросы языкознания* 4, 32–43.
- Журавлев, В. К. 1967. Опыт фонологической интерпретации праславянских группофонем: К проблеме языков силлабемного типа. In: J. Hamm, G. Neweklowsky (Hrsg.). *Phonologie der Gegenwart. Vorträge und Diskussionen anlässlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien, 30.VIII.–3.IX.1966*. Graz, Wien, Köln, 142–157.
- Журавлев, В. К. 1969. *Развитие группового сингармонизма в праславянском языке*. Минск.
- Журавлев, В. К. 1977. Правило Гавлика и механизм падения редуцированных. *Вопросы языкознания* 6, 30–43.
- Зализняк, А. А. 1999. О древнейших кириллических алфавитах. В: А. А. Вигасин et al. (ред.). *Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова*. Москва, 543–576.
- Зализняк, А. А. 2000. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. В: В. Л. Янин, А. А. Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990–1996 годов*. Москва, 134–429.
- Зализняк, А. А. 2002. Древнерусская графика со смешением ъ — о и ь — е. В: А. А. Зализняк. *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку*. Москва, 577–612.
- Зализняк, А. А. 2003. Древнейшая кириллическая азбука. *Вопросы языкознания* 2, 3–31.
- Зализняк, А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. Москва.
- Зализняк, А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*. Москва.
- Зализняк, А. А., Янин, В. Л. 2001. Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси. *Вопросы языкознания* 5, 3–25.
- Замятина, Н. А. 2002. *Текстологический анализ русских юнковых надписей*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Запольская, Н. Н. 2003. *«Общий» славянский литературный язык: типология языковой рефлексии*. Москва.
- Зиндер, Л. Р. 1979. *Общая фонетика*. Москва.
- Зубова, Л. В. 1975. Орфографический сдвиг как результат фонемного изменения (на материале Июльской минеи XII в.). В: Н. Д. Русинов (ред.). *Исследования и материалы по русской и древнеславянской языковой истории. Межеузовский сборник*, вып. 1. Горький, 13–25.
- Зубова, Л. В. 1976. К вопросу о времени отвердения шипящих в русском языке. В: В. В. Колесов (ред.). *История русского языка. Древнерусский период*, вып. 1. Ленинград, 30–37.
- Иванов, В. В. 1968. *Историческая фонология русского языка: Развитие фонологической системы древнерусского языка в X—XII вв.* Москва.

- Иванов, В. В. 1983. *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Иванова-Мирчева, Д., Харлампиев, И. 1999. *История на българския език*. Велико Търново.
- Илчев, П., Велчева, Б. 1995. Ижица. *КМЕ* 2, 49–50.
- Ильинский, Г. А. 1917. Мнимая ассимиляция редуцированных гласных в праславянском языке. *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ* 22/1, 188–204.
- Йовчева, М. 2008. Още въднѣж за протографа на Путятиния миней (РНБ, Соф. 202). В: *Преславска книжовна школа* 10, 326–340.
- Йовчева, М. 2009. Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами *-ова-* / *-ева-*). В: In: D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (Hrsg.). *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3). München, Berlin, 209–228.
- Йовчева, М. 2014. *Старобългарският служебен миней*. София.
- Калнынь, Л. Э. 1956. Развитие категории твердости — мягкости согласных в русском языке. *Учёные записки Института славяноведения АН СССР* 13, 121–225.
- Калнынь, Л. Э. 1961. *Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках*. Москва.
- Калнынь, Л. Э. 1993. К вопросу о рефлексии редуцированных во флексии им. ед. м. р. местоименных прилагательных (по данным ОЛА). В: В. В. Иванов (отв. ред.). *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990*. Москва, 22–34.
- Калнынь, Л. Э. 1994. Отражение праславянской лабиовеляризации согласных в нижнелужицком вокализме. *Славяноведение* 5, 75–79.
- Калнынь, Л. Э. 1998. Протетические согласные перед лабиализованными гласными. В: *Восточнославянские изоглоссы 1998*. Вып. 2. Москва, 9–28.
- Калнынь, Л. Э. 2000. Протеза как компонент рефлексии инициального *o (по материалам ОЛА). В: В. В. Иванов (отв. ред.). *Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования. 1994–1996: Сборник статей*. Москва, 51–59.
- Калнынь, Л. Э. 2002. Некоторые соображения об особенностях корреляции палатализованности в славянских диалектах. В: Л. Л. Касаткин (отв. ред.). *Материалы и исследования по русской диалектологии, 1/7: К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова*. Москва, 92–103.
- Калнынь, Л. Э. 2011. О гармонии гласных в восточнославянских диалектах. В: Т. И. Вендина (отв. ред.). *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2009–2011: Сборник научных трудов*. Москва, 27–33.
- Калугин, В. В. 2003. *«Житие святителя Николая Мирликийского» в рукописи князя Андрея Курбского*. Москва.
- Кандаурова, Т. Н. 1968. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI–XIV вв. В: *Памятники древней письменности*. Москва, 7–18.
- Карачорова, И. 1984. Лексиката на Чудовския псалтир и преславската редакция на старобългарските богослужбени книги. *Български език* 34/1, 53–61.
- Карачорова, И. 1989. Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира. *Кирило-Методиевски студии* 6, 130–245.

- Карачорова, И. 2003. Псалтир. *КМЕ* 3, 409–417.
- Карачорова, И. 2012. Из лексиката на славянския Псалтир с тълкованията на Теодорит Кирски. В: Г. К. Венедиктов, Е. Мирчева, В. С. Ефимова, И. Карачорова (ред.). *Язык Библии: лингвотекстологические исследования*, Москва, С.-Петербург, 47–62.
- Каринский, Н. М. 1925. *Образцы письма древнейшего периода русской книги*. Ленинград.
- Карский, Е. Ф. 1962/1899. Надпись Самуила 993 г. В: Е. Ф. Карский. *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва, 565–568.
- Карский, Е. Ф. 1962/1904. Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в. В: Е. Ф. Карский. *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва, 569–603.
- Карский, Е. Ф. 1979. *Славянская кирилловская палеография*. Москва.
- Карягина, Л. Н. 1960. Редуцированные гласные в языке июльской служебной минеи конца XI — начала XII вв. В: Р. И. Аванесов (ред.). *Материалы и исследования по истории русского языка*. Москва, 5–58.
- Касаткин, Л. Л. 1999. *Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка*. Москва.
- Князев, С. В. 2004. Звуковые изменения в русском и праславянском языках в свете современных фонетических представлений. *Вестник Московского университета*, сер. 9: Филология, 2, 9–33.
- Князевская, О. А. 1999. Предисловие. Введение. Палеографическое описание. В: О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. *Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века I: Рукопись. Текст. Комментарии. Исследование*. Москва, 7–40.
- Ковтун, Л. С. 1975. *Лексикография в Московской Руси XVI — нач. XVII в.* Ленинград.
- Ковтун, Л. С. 1989. *Азбуковники XVI–XVII вв.: старшая разновидность*. Ленинград.
- Колесов, В. В. 1964. Падение редуцированных в статистической интерпретации. *Вопросы языкознания* 2, 30–44.
- Колесов, В. В. 1973. Праславянская фонема /ǫ/ в ранних преобразованиях славянских вокалических систем. В: С. Б. Бернштейн и др. (ред.). *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, 1973 г. Доклады советской делегации*. Москва, 170–196.
- Колесов, В. В. 1980. *Историческая фонетика русского языка*. Москва.
- Колесов, В. В. 1982. *Введение в историческую фонологию*. Ленинград.
- Конески, Б. 1981. *Историја на македонскиот јазик* (Избрани дела во седум книги, 7), 2 изд. Скопје.
- Коцева, Е., Карачорова, И., Атанасов, А. 1984. Некоторые особенности славянских псалтирей на материале XI–XIV вв. *Полата књигописна* 14–15, 27–75.
- Кравецкий, А. Г., Плетнёва, А. А. 2001. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). Москва.
- Кривко, Р. Н. 1996. Бычковско-Синайская Псалтирь как источник по истории славянской Псалтири. В: В. Низов (ред.). *Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (к 450-летию преподобного Трифона, вятского чудотворца)*, т. 2. Киров, 30–35.

- Кривко, Р. Н. 1998₁. *Бычковско-Синайская псалтирь как источник по истории русского языка*, дисс. ... канд. филологич. наук. Москва.
- Кривко, Р. Н. 1998₂. Древнерусская орфография XI–XII вв. в свете суперсегментных тембровых оппозиций. *Вопросы языкознания* 2, 60–78.
- Кривко, Р. Н. 2004₁. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. I. *Русский язык в научном освещении* 1/7, 80–124; II, 2/8, 170–200.
- Кривко, Р. Н. 2004₂. Функции буквы *у* в древних славянских рукописях (преимущественно на материале Бычковско-Синайской псалтири). *Russian Linguistics* 28, 317–359.
- Кривко, Р. Н. 2004₃. Славянская гимнография IX–XIII вв. в изданиях и исследованиях 1985–2004 гг. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 50, 203–233.
- Кривко, Р. Н. 2005₁. Уточнение датировки древнейшего списка славянской служебной минеи за август. В: *Сборник в честь 70-летия профессора И. Г. Добродомова: Лингвистическая герменевтика* 1, Москва, 90–110.
- Кривко, Р. Н. 2005₂. Новые данные по древней церковнославянской лексикографии. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 51, 131–164.
- Кривко, Р. Н. 2006. Фрагмент НБКМ 114 в истории переводов славянских служебных миней. *Scripta & e-Scripta. International Journal for Interdisciplinary Studies* 3–4, 59–94.
- Кривко, Р. Н. 2007₁. Язык и текст древнейших славянских служебных Миней за август. In: H. Rothe, D. Christians (Hrsg.). *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.-10. Juni 2005* (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 117; Patristica Slavica, 15). Paderborn, München, Wien, Zürich, 236–270.
- Кривко, Р. Н. 2007₂. Толкование библейских аллюзий в древнеславянской переводной гимнографии: (1Цар 2. 18–19 в неопубликованной стихире прор. Самуилу). *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*, сер. 3: Филология 1/7, 138–153.
- Кривко, Р. Н. 2008. Евгениевская псалтирь. *ПЭ* 17, 50.
- Кривко, Р. Н. 2012. Древнеболгарский пласт в ростовской служебной Минее XIII в. (РНБ, Ф. п. 137). *Slověne = Словъне. International Journal for Slavic Studies* 1/1, 145–221.
- Кривко, Р. Н. 2013. Славянские служебные минеи как источник по византийской гимнографии. *Христианский Восток* VI/12, 363–375.
- Кривко, Р. Н. 2014. Лингвистические заметки к «Учительному евангелию» и «Сказанию церковному». В: И. Велев (ред.). *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собор «Кирилometодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски», организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост, Охрид, 3–4 октомври 2013*. Скопје, 129–140.
- Кривко, Р. Н. 2015. [Рец. на: Йовчева 2014]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook*, Neue Folge 3 (в печати).
- Кристианс, Д. 2008. От подражания форме к дословному переводу: принципы параллельной адаптации мелодии и текста византийских песнопений в славянской традиции. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*, сер. 3: Филология 1/11, 26–55.
- Крысько, В. Б. 1994₁. Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализация). *Вопросы языкознания* 5, 28–45.

- Крысько, В. Б. 1994₂. Заметки о древненовгородском диалекте (II. Varia). *Вопросы языкознания* 6, 16–30.
- Крысько, В. Б. 1994₃. *Развитие категории одушевленности в истории русского языка*. Москва.
- Крысько, В. Б. 1999. Рец. на: [Путятина Миня за май / Подготовка и параллели М. Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А. Б. Страхова. *Palaeoslavica*, vol. 6, 1998, 114–208]. *Russian Linguistics* 23, 223–232.
- Крысько, В. Б. 2003. Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные. В: А. М. Молдован (отв. ред.). *Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации*. Москва, 339–355.
- Крысько, В. Б. 2005. *Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели*. Москва, 2005.
- Крысько, В. Б. 2006₁. Комментарии. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 565–647.
- Крысько, В. Б. 2006₂. *Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность*. 2-е изд., испр. и доп. Москва.
- Крысько, В. Б. 2007. *Очерки по истории русского языка*. Москва.
- Крысько, В. Б. 2008. О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнерусских стихир на Борисов день. В: Ф. Б. Успенский (сост.). *Miscellanea Slavica. Сборник статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*. Москва, 92–108.
- Крысько, В. Б. 2011. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога. В: В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский (изд.). *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль, т. 2: Указатели, исследования*. Москва, 798–837.
- Крысько, В. Б. 2013. *Пънати и тънати*. В: Ј. Грковић-Мејдор, А. Лома (ур.). *Miklosichiana bicentennialia: Зборнику част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича / J. Grković-Major, A. Loma (ed.). Miklosichiana bicentennialia: Festschrift for the 200th Anniversary of Franz Miklosich's Birth* (Српска академија наука и уметности. Посебна издања, 674; Отдельење језика и књижевности, 58; Старословенски одбор). Београд, 265–273.
- Крысько, В. Б. 2014. *Старославянский канон Кириллу Философу: источники и реконструкция*. Москва.
- Крысько, В. Б. et al. 2011. *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль, т. 2: Указатели. Исследования*, изд. подг. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва.
- Кудрявцев, Ю. С. 1985. Консонантные протезы и звуковое значение диакритических знаков над гласными в древних славянских рукописях. *Ученые записки Тартуского государственного университета* 719: *Функциональные аспекты грамматики русского языка*. Тарту, 144–153.

- Кузнецов, А. М., Иорданиди, С. И., Крысько, В. Б. 2006. *Прилагательные* (Историческая грамматика древнерусского языка, 3). Москва.
- Кузнецова, И. К. 1967. К истории русского письма и языка древнейшей поры. *Вестник студенческого научного общества 4: Общественные и гуманитарные науки*. Казань, 82–92.
- Кульбакинъ, С. М. 1900. *Хиландарскіе листки — отрывокъ кирилловской письменности XI вѣка* (Памятники старославянского языка, 1/1). С.-Петербургъ, 1900.
- Кульбакин, С.М. 1925. *Палеографска и језична испитавања о Мирослављевом јеванђељу*. Сремски Карловци.
- Лавровъ, П. А. 1914. *Палеографическое обозрѣніе кирилловскаго письма* (Энциклопедія славянской филологии, 4/1). Петроградъ.
- Ладыженский, И. М. 2011. Графико-орфографические особенности древнейшего списка Синаксаря. В: *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль*, т. 2: указатели, исследования, изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 760–797.
- Ладыженский, И. М. 2014. Редуцированные гласные в Ильиной книге. *Die Welt der Slaven* 59, 219–241.
- Лисицынъ, М., прот. 1911. *Первоначальный славяно-русскій Типиконъ. Историко-археологическое исслѣдованіе*. С.-Петербургъ.
- Лифшиц, А. Л. 2011. О дате написания Архангельского евангелия из собрания Румянцевского музея. В: *Современные проблемы археографии. Сборник статей по материалам конференции, проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г.* С.-Петербург, 180–186.
- Ляпуновъ, Б. М. 1907. Несколько словъ о рукописи евангельскихъ чтеній, хранящейся в библиотекѣ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. *Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей* 27, Одесса, 76–95.
- Максимович, К. А. 1990. Функциональная нейтрализация префиксов *пръ-* и *при-* в ранней славянской письменности. В: *Всесоюзная научная конференция «Закономерности языковой эволюции»*, Рига, апрель 1990 г. Рига, 158–160.
- Максимович, К. А. 2003. Служебная майская минея как памятник древнеболгарского языка: к новейшему изданию Путятиной минеи. *Славяноведение* 6, 62–70.
- Максимович, К. А. 2004. Законъ соудьни людьмъ. *Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника*. Москва.
- Малкова, О. В. 1980. Имело ли место вторичное смягчение согласных перед [е], [и] в диалектах южной зоны древнерусского языка? *Вопросы языкознания* 6, 76–89.
- Малыгина, М. А. 2011. Лексикографическое описание древнеславянского Минейного стихираря XII в. *Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета*, сер. 3: *Филология* 4/26, 44–55.
- Малыгина, М. А. 2012. Лексикографическое описание древнеславянского Минейного стихираря XII в. (продолжение). *Вестник Православного Свято-Тихоновского государственного университета*, сер. 3: *Филология* 1/27, 58–71.
- Мансветовъ, И. 1885. *Церковный Уставъ (Типикъ), его образование и судьба въ греческой и русской церкви*. Москва.
- Марков, В. М. 1964. *К истории редуцированных гласных в русском языке*. Казань.

- Махарадзе, Н. А. 1979. *Вопросы произношения греческого языка византийского периода*. Автореферат дисс. ... канд. филологич. наук. Тбилиси.
- Медынцева, А. А. 2000. *Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века*. Москва.
- Мейе, А. 1951. *Общеславянский язык*. Москва.
- Миклас, Х. 1993. От Преславския събор до Преславската школа. Въпроси на графематиката. *Palaeobulgarica = Старобългаристика* 17/3, 3–12.
- Миклас, Х. 2003. Гимнографические памятники и развитие древнеславянских письменных систем, В: P. Žigo, L. Matejko (ed.). *BraSlav 2. Zborník z medzinárodnej slavistickej konferencie, konanej na Filozofickej fakulte Univerzity Komenského v Bratislave dňa 13. a 14. novembra 2003*. Bratislava, 54–63.
- Милетич, Л. 1936. Една особено забележителна форма въ македонскитѣ говори около Солунѣ. *Македонски прегледъ = Revue Macédonienne* X/1–2. София, 1–7.
- Мирчев, К. 1963. *Историческа граматика на българския език*. София.
- Мирчев, К., Кодов, Х. 1965. *Енински апостол*. София.
- Михеев, С. М. 2010. Заметки о надписях-граффити новгородского софийского собора. Часть II. *Древняя Русь: вопросы медиевистики* 3/41, 74–84.
- Михельсон, М. И. 1904. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, т. 1–2. С.-Петербург (цит. по: <http://slovari.yandex.ru/~книги>).
- Мишина, Е. А. 2009. Графико-орфографические особенности рукописи. В: М. С. Мишинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко (изд.). *Изборник 1076 г. 2-е изд., перераб. и испр.*, т. 1. Москва, 120–137.
- Младеновић, А. 2003. Прилог објашњењу неких особина језика Маријинског четворојеванђеља, *Археографски прилози* 25, 11–32.
- Мова, 1969. *Сучасна українська літературна мова. Вступ. Фонетика*. Київ.
- Молдован, А. М. 2013₁. О составе сборника 13 Слов Григория Назианзина. В: А. М. Молдован, Е. А. Мишина (отв. ред.). *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2012–2013 гг.* Москва, 5–15.
- Молдован, А. М. 2013₂. К текстологии 16 Слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского. В: А. М. Молдован (отв. ред.). *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации*. Москва, 207–228.
- Момина, М. А. 1998. Самоподобные песнопения (αὐτόμελα) в церковнославянских богослужебных рукописях. В: В. М. Загребин (ред.). *Русь и южные славяне. Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987)*. С.-Петербург, 165–184.
- Мошин, В., Пурковић, М. А. 1999. *Хиландарски игумани средњега века*, приред. и доп. М. Живојиновић. Београд.
- Мурьянов, М. Ф. 1973. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде»: (Славянские параллели). В: *Славянские страны и русская литература*. Ленинград, 238–245.
- Мурьянов, М. Ф. 2007/1983. Старославянские метаморфозы западного агиологического сюжета. В: М. Ф. Мурьянов. *История книжной культуры России. Очерки*,

- ч. 1. С.-Петербург, 2007, 198–213 (впервые: *Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История*. Ленинград, 1983, 74–87).
- Мурьянов, М. Ф. 1989. Из истории древнерусского ономастикона. В: *Религии мира. История и современность*. 1989. Москва, 191–213.
- Мурьянов, М. Ф. 1998–2000. «Путьятина Миня на май (1 — 9 мая)», подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова. *Palaeoslavica* 6, 1998, 114–208; «Путьятина Миня на май (10 — 17 мая)», подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова. *Palaeoslavica* 7, 1999, 136–217; «Путьятина Миня на май (18 — 31 мая)», подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова. *Palaeoslavica* 7, 2000, 123–221.
- Мурьянов, М. Ф. 1999. Об одном восточном мотиве у Пушкина. В: М. Ф. Мурьянов. *Пушкин и Германия*. Москва, 259–273.
- Мурьянов, М. Ф. 2003. *Гимнография Киевской Руси*. Москва.
- Мурьянов, М. Ф. 2008. Канон патриарху Мефодию как сочинение патриарха Фотия и его старославянский перевод. В: М. Ф. Мурьянов. *История книжной культуры России. Очерки*, ч. 2. С.-Петербург, 2008 (опубликовано впервые по авторской машинописи, хранящейся в домашнем архиве и датированной 6-м октября 1981 г.), 469–499.
- Мучай, С., Джуери, С., Ристани, И., Пентковский, А. М. 2014. Средневековые церкви в районе Шушицы (Южная Албания) и славянская епископия свт. Климента Охридского. *Slověne = Словѣне. International Journal for Slavic Studies* 3/1, 5–42.
- Невоструев, К. И. 1997. Исследование о Евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века. В: *Мстиславова евангелия XII века. Исследования*. Москва, 5–649.
- Николаев, С. Л. 1988. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи. В: А. Ванагас et al. (ред.). *Балто-славянские исследования 1986*. Москва, 115–153.
- Николаев, С. Л. 1996. Histoire d'O. В: А. А. Гиппиус, Т. М. Николаева (отв. ред.). *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*. Москва, 203–242.
- Никольскій, К., прот. 1907. *Пособіє къ изученію Устава богослуженія Православной Церкви*. С.-Петербургъ.
- Обнорский, С. П. 1924. Исследование о языке Миня за ноябрь 1907 года. *Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук* 29, 167–226.
- Оловянишниковъ, Н. 1906. *Исторія колоколовъ и колоколотейное дѣло на заводѣ товарищества П. И. Оловянишникова С-вья*. Ярославль.
- Оловянишниковъ, Н. 1912. *Исторія колоколовъ и колоколотейное искусство*. Москва.
- Ольшевская, Л. А. 1999. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика. В: Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников (изд.). *Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик*. Москва, 253–315.
- Ольшевская, Л. А., Травников, С. Н. (изд.), 1999. *Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик*. Москва.
- Панов, М. В. 2002. *История русского литературного произношения*, 2-е изд. (стереотипное). Москва

- Патруць, И. 1968. Относительно древности славянского влияния на румынский язык. *Romanoslavica* 16, 23–29.
- Пауфошима, Р. Ф. 1961. Согласные неполного смягчения перед гласными переднего образования в говорах Харовского района Вологодской области. В: *Материалы и исследования по русской диалектологии*, вып. 2. Москва, 74–77.
- Пенкова, П. 1969. Диакритичният «знак за мекост» в Зографското евангелие. В: Б. Ст. Ангелов и др. (ред.). *Константин-Кирил Философ. Юбилеен сборник по случай 1100-годишнината от смъртта на му*. София, 403–407.
- Пентковская, Т. В. 2004. Переводы византийско-славянской контактной зоны XIII–XIV вв.: литургическая терминология. В: Л. Тасева, М. Йовчева, К. Фос, Т. Пентковская (ред.). *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26–28 юни 2003* / L. Taseva, M. Jovčeva, Ch. Voss, T. Pentkovskaja (Hrgs.). *Übersetzungen des 14. Jahrhunderts im Balkanraum. Beiträge zur internationalen Konferenz Sofia, 26.-28. Juni 2003*. София, 235–248.
- Пентковская, Т. В. 2009. *К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета*. Москва.
- Пентковский, А. М. 2001. *Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси*. Москва.
- Пентковский, А. М. 2003₁. Ктииторские типиконы и богослужебные синаксари Евергетидской группы. *Богословские труды* 38, 321–355.
- Пентковский, А. М. 2003₂. Иерусалимский устав в Константинополе в Палеологовский период. *Журнал Московской патриархии* 5, 77–87.
- Пентковский, А. М. 2004₁. Евергетидский монастырь и императорские монастыри в Константинополе в конце XI – начале XII веков. *Византийский временник* 63/87, 76–88.
- Пентковский, А. М. 2004₂. Иерусалимский Устав и его славянские переводы в XIV столетии. В: Л. Тасева, М. Йовчева, К. Фос, Т. Пентковская (ред.). *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26–28 юни 2003* / L. Taseva, M. Jovčeva, Ch. Voss, T. Pentkovskaja (Hrgs.). *Übersetzungen des 14. Jahrhunderts im Balkanraum. Beiträge zur internationalen Konferenz Sofia, 26.–28. Juni 2003*. София, 153–172.
- Пентковский, А. М. 2011. Греческий оригинал славянского Синаксаря и его локализация. В: *Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль*, т. 2: указатели, исследования, изд. подгот. В. Б. Крысько, Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, И. М. Ладыженский, А. М. Пентковский. Москва, 651–664.
- Пентковский, А. М. 2012. К истории славянского богослужения византийского обряда в начальный период (кон. IX — нач. X в.): два древних славянских канона архангелу Михаилу. *Богословские труды* 43–44, 401–402.
- Пентковский, А. М. 2014. «Охрид на Руси»: древнерусские богослужебные книги как источник для реконструкции литургической традиции Охридско-Преспанского региона в X–XI столетиях. В: И. Велев (ред.). *Кирилometодиевска традиција и македонско-руските духовни и културни врски: зборник на трудови од меѓународниот научен собир (организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост), Охрид, 3–4 октомври 2013*. Скопје, 163–172.

- Пенькова, Я. А. 2014. К вопросу о семантике так называемого будущего сложного в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»). *Русский язык в научном освещении* 1/27, 150–184.
- Петрович, Е. 1958. Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка — следствие славяно-румынской языковой интерференции. *Romano-slavica* 2, 5–37.
- Петрович, Е. 1959. О некоторых сходствах между румынской и славянской фонематическими системами. *Slavia* 28/1, 12–19.
- Пиккио, Р. 2003/1984. Введение в сравнительно изучение «вопроса о языке» у славян. В: Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa. Литература и язык*, отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Москва, 201–243 (впервые: Guidelines for a Comparative Study of the Language Question among the Slavs. In: R. Picchio, H. Goldblatt [eds.]. *Aspects of the Slavic Language Question*. Vol. I: *Church Slavonic, South Slavic, West Slavic* [Yale Russian & East European Publications, 4a]. New Haven CT, 1984, 1–42).
- Пиккио, Р. 2003/1995. Церковнославянский язык. В: Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa. Литература и язык*, отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Москва, 363–402 (впервые: Церковнославянский язык. *Вестник Московского университета*, сер. 9: *Филология* 1995, 6, 135–170).
- Пиккио, Р. 2003/1967. Церковнославянский, «древнеславянские языки» и изводы. В: Р. Пиккио. *Slavia orthodoxa. Литература и язык*, отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Москва, 403–419 (впервые: *Slave ecclésiastique, slavons et rédactions*. In: *To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his 70th Birthday* [Janua Linguarum. Series maior, 33], vol. 2. The Hague, Paris, 1967, 1527–1544).
- Пичхадзе, А. А. 2008. Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика). В: А. М. Молдован, Л. И. Сазонова (отв. ред.). *Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*. Москва, 152–172.
- Пичхадзе, А. А. 2009. О языковых особенностях славянских служебных миней. In: D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (Hrsg.). *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3). München, Berlin, 297–308.
- Пичхадзе, А. А. 2011. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*. Москва.
- Пичхадзе, А. А. 2011–2012. Слав. *етерьъ*: к вопросу о группировке древнеславянских памятников. *Scrinium* 7–8: *Ars Christiana. Im memoriam Michail F. Murianov (21.XI 1928 — 6.VI 1995)*, part 2. Piscataway NJ, 219–236.
- Пичхадзе, А. А. 2014. Термин *вздвиъ* в славянской письменности. В: И. Велев (ред.). *Кирилometодиевска традиција и македонско-руските духовни и културни врски: зборник на трудови од меѓународниот научен собир (организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост)*, Охрид, 3–4 октомври 2013. Скопје, 163–172.
- Подольская, Н. В. 1988. *Словарь русской ономастической терминологии*, 2-е изд. Москва.
- Поливанов, Е. Д. 1968/1931. Фонетика интеллигентского языка. В: Е. Д. Поливанов. *Статьи по общему языкознанию*. Москва, 1968, 225–235.

- Попов, Г. 2003. Акростих в гимнографическом творчестве учеников Кирилла и Мефодия. В: М. Yovcheva, K. Stanchev (ed.). *La poesia liturgica slava antica. XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n°14. Relazioni*. Roma, Sofia, 30–55.
- Потебня, А. А. 1958. *Из записок по русской грамматике*, т. I/II. Москва.
- Пшеничнова, Н. Н. 1995. Гласные на месте редуцированных *ї, *у. В: Т. В. Попова (отв. ред.). *Восточнославянские изоглоссы*. 1995. Москва, 20–32.
- Райнхарт, Й. 2006. Древнерусское *коуригъ* 'шафер, дружка': заимствование из протобулгарского языка. В: А. Ф. Журавлёв (отв. ред.). *Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот*. Москва, 307–317.
- Родић, Н., Јовановић, Г. 1986. *Мирослављево јеванђеље*, критичко издање, ур. Д. Богдановић. Београд, 1986.
- Романова, Г. Я., Державина, Е. И., Чернышёва, М. И. 2001. Указатель источников рукописной древнерусской картотеки (Картотеки ДРС) и Словаря русского языка XI–XVII вв. В: Г. А. Богатова (ред.). *Справочный выпуск: история картотеки, авторский состав, указатель источников, словник (обратный)*. Москва, 263–390.
- Селищев, А. М. 2001. *Старославянский язык*. 2-е (стереотип.) изд. Москва.
- Сидоров, В. Н. 1966. *Из истории звуков русского языка*. Москва.
- Симић, П. 1976. Требник српске редакције XIII века. *Српска Академија наука и уметности. Одељење језика и уметности. Зборник историје књижевности 10: Стара српска књижевност*. Београд, 53–87 (+ IV).
- Скабаллановичъ, М. 1910. *Толковый Типиконъ*. Киевъ.
- Славова, Т. 1989. Преславска редакција на кирило-методиевима старобългарски евангелски превод. В: *Кирило-Методиевски студии 6*, София, 15–129.
- Славятинская, М. Н. 1996. *Учебник древнегреческого языка*, ч. 1. Москва.
- Соболевский, А. И. 2004/1884. Очерки из истории русского языка. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 1, предисл. и коммент. В. Б. Крысько. Москва, 2004, I–III, 1–247 (первая пагинация).
- Соболевский, А. И. 2004/1907. Лекции по истории русского языка. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 1, предисл. и коммент. В. Б. Крысько. Москва, 2004, 1–299 (вторая пагинация).
- Соболевский, А. И. 2006/1882. Как произносилась в древней Руси буква у (ижица) после согласных. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 73–74 (впервые: *Русский филологический вѣстникъ* 1882, 7, 242–243).
- Соболевский, А. И. 2006/1885. Источники для знакомства с древнекиевским говором. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 443–449 (впервые: *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* 1885, 2, 349–357).
- Соболевский, А. И. 2006/1886. Два древних памятника галицко-волынского наречия. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 100–106 (впервые: *Русский филологический вѣстникъ* 1886, 12, 94–105).

- Соболевский, А. И. 2006/1887. Кирилловская часть Реймского евангелия. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 100–106 (впервые: *Русский филологический вѣстникъ* 1887, 17, 143–150).
- Соболевский, А. И. 2006/1894. Из истории русского языка. В: В. А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 184–193 (впервые: *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* 337, 396–409).
- Соболевский, А. И. 2006/1905. Древнекиевский говор. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 226–235 (впервые: *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ* 1905, 10/1, 308–323).
- Соболевский, А. И. 2006/1910. Мелкие заметки по истории русского языка. В: А. И. Соболевский. *Труды по истории русского языка*, т. 2, сост., подгот. текста, предисл., коммент. и указ. В. Б. Крысько. Москва, 2006, 266–290.
- Соболевскій, А. И. 1883. Рец. на: [А. Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянскои грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ]. *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* 227, 137–159.
- Соболевскій, А. И. 1889. Остатки библіотеки XIII вѣка. *Библіографъ* 6–7, 144–145.
- Соболевскій, А. И. 1893. Одно изъ рѣдкихъ явленій славянскои фонетики. *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* 11, 48–51.
- Соболевскій, А. И. 1901. Изъ исторіи русскаго языка. *Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія* 337, 396–409.
- Соболевскій, А. И. 1907. *Исторія русскаго литературнаго языка*. Москва.
- Соколова, М. А. 1930. К истории русского языка в XI веке. *Известия по русскому языку и словесности* 3, 75–135.
- Соколова, Т. П. 2000. «Молчалива и грустна милая Светлана». В: «Слова, слова, слова...». *Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 65-летию доктора филологических наук, профессора И. Г. Добродомова*. Москва, Смоленск, 163–179.
- Сперанскій, М. Н. 1899. Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. I. Гаданія по Псалтири. *Памятники древней письменности и искусства. Изд. Общества любителей древней письменности* 129, С.-Петербургъ, 1–168, 1–99.
- Срезневскій, И. И. 1875. Псалтирь безъ толкованій русскаго письма XI вѣка съ гадательными приписками. *Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ* 12, 38–62.
- Страхов, А. Б. 1993. Восточнославянское чур: от детской игры к взрослой магии. *Palaeoslavica* 1, 41–86.
- Страхов, А. Б. 1994. Филологические наблюдения над берестяными грамотами. *Palaeoslavica* 2, 205–233.
- Страхов, А. Б. 2000. Текстолого-палеографический комментарий к Путятиной Миное. *Palaeoslavica* 8, 212–221.
- Страхов, А. Б. 2001. Об орнаментальных принципах организации строки в древнерусских текстах как основе графико-орфографического варьирования. *Palaeoslavica* 9, 5–71.

- Страхов, А. Б. 2006. О древнерусской строке, московской «ижице» и греческой «гамме». *Palaeoslavica* 14, 320–326.
- Суботин-Голубовић, Т. 1998. Прилог познавању богослужења у српској цркви крајем XIII века. *Хиландарски сборник = Recueil de Chilandar* 10. Београд, 153–177.
- Суботин-Голубовић, Т. 2012. Минеј за јул и август из времена краља Милутина — рукопис Дечани 32. В: Т. Суботин-Голубовић (ур.). *Дечани у светлу археографских истраживања*. Београд, 191–202.
- Суботин-Голубовић, Т. 2014. Служба великомученику Пантелеиму по сербским рукописима XIII и XIV веков. В: *Афон и славјански мир 1. Материјали међународној научној конференцији, посвећеној 1000-летију присуства руских на Светој Гори*. Београд, 16–18 маја 2013. Света Гора Афон, 179–183.
- Судник, Т. М. 1967. Палеографички и фонетички анализ Выголексинског сборника XII–XIII вв. *Учене записки Института славјановедения* 27, 173–205.
- Темчин, С. Ю. 2007. О греческом происхождении древнейшей службы Кириллу Философу. In: Н. Rothe, D. Christians (Hrsg.). *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005* (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 110; Patristica Slavica, 15). Paderborn, München, Wien, Zürich, 328–338.
- Темчин, С. Ю. 2009. О греческом происхождении славянского канона св. Димитрию Солунскому. *Старобългарска литература* 41–42. София, 46–52.
- Темчин, С. Ю. 2012₁. Служба Борису и Глебу киевского митрополита Иоанна: реконструкция греческого акростиха в каноне и датировка. В: *Восточная Европа в древности и средневековье, 24: Миграции, расселение, война как факторы политоге­неза*. Москва, 246–252.
- Темчин, С. Ю. 2012₂. Иоанн Дамаскин как вероятный автор древнеболгарской службы константинопольскому патриарху Герману I. *Rocznik teologiczny* 54/1–2, 153–165.
- Тихова, М. 1995. За някои езикови особености в Учителното евангелие на Константин Преславски. В: Т. Тотев (отг. ред.). *1100 години Велики Преслав / Т. Totev (Hrsg.). 1100 Jahre Veliki Preslav, т. 2. Шумен / Schoumen*, 313–333.
- Тодоров, А. 1990. Псалмы новой части Бычковской псалтири (Sin. 6/N). *Palaeobulgarica = Старобългаристика* 14/1, 49–71.
- Тодоров, А. 1993. Гадателните приписки на Бичковски псалтир. В: *Хиљада и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски*. София, 179–197.
- Толстая, С. М. 1977. К типологической характеристике категории палатальности в славянских языках. *Советское славяноведение* 1, 83–88.
- Толстой, Н. И. 1998. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. В: Н. И. Толстой. *Избранные труды, т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация*. Москва, 66–89.
- Толстой, Н. И. 1999. О непоследовательности первой палатализации задне­небных согласных в славянских языках. В: Н. И. Толстой. *Избранные труды, т. 3: Очерки по славянскому языкознанию*. Москва, 197–227.
- Томовић, Г. 1974. *Морфологија ћириличких надписа на Балкану* (Историјски институт. Посебна издања, 16). Београд.

- Тот, И. Х. 1975. Бычковская псалтирь XI в. *Acta Universitatis Szegediensis de Attila Josef nominatae. Dissertationes slavicae. Материалы и исследования по славяноведению* 8, 71–96 (+ 8 лл.).
- Тот, И. Х. 1985. *Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII вв.* София.
- Тот, И. Х. 2007. К истории Бычковско-Синайской псалтири нач. XII в. *Studia Hungarobulgarica* 1. Szeged, Šumen, 235–246.
- Тотоманова, А.-М. 1992. *Из българската историческа фонетика: явления, свързани с изграждането на категорията мякост-твърдост на съгласните в българския език.* София.
- Трубачев, О. Н. 2005. Смоленские мотивы. В: О. Н. Трубачев. *В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси.* 3-е изд., доп. Москва, 93–130 (впервые: Из смоленских мотивов: «Гнёздово», «Горуния». *Slavia*, 1992, 61/4, 495–502).
- Трубецкой, Н. С. 1995/1927. К проблеме русского самосознания. Общеславянский элемент в русской культуре. В: Н. С. Трубецкой. *История. Культура. Язык*, сост., подг. и коммент. В. М. Живова. Москва, 162–210.
- Трубецкой, Н. С. 1960. *Основы фонологии.* Москва.
- Тупиковъ, Н. М. 1903. *Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ.* С.-Петербургъ, 1903 (Nachdruck: Tupikov, N. M. 1989. *Wörterbuch der altrussischen Personennamen, mit einem Nachwort von E. Eichler.* Köln, Wien).
- Турилов, А. А. 2005. Галицкое евангелие. *Православная энциклопедия* 10, 340–341 (<http://www.pravenc.ru/text/161545.html>).
- Турилов, А. А. 2012. Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян (к проблеме «первого восточнославянского влияния»). *Славяноведение* 2, 8–26.
- Турилов, А. А. 2016. Незамеченная дата в южнославянской кириллической и глаголической палеографиях (к вопросу о времени написания Охридского апостола). *Славяноведение* 2 (в печати).
- Унбегаун, Б. О. 1995. *Русские фамилии.* 2-е (русское) испр. изд. Москва.
- Успенский, Б. А. 1997/1973. Древнерусские кондакари как фонетический источник. В: Б. А. Успенский. *Избранные труды*, т. 3: *Общее и славянское языкознание.* Москва, 209–245.
- Успенский, Б. А. 1997/1988. Русское книжное произношение XI–XII вв. и его связь с южнославянской традицией. В: Б. А. Успенский. *Избранные труды*, т. 3: *Общее и славянское языкознание.* Москва, 143–208.
- Успенский, Б. А. 1995. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.).* Москва.
- Успенский, Б. А. 2002. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.).* изд. 3-е, испр. и доп. Москва.
- Успенский, Б. А. 2012. Имя Бога в славянской Библии (к вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси). *Вопросы языкознания* 6, 79–114.
- Успенский, Б. А. 2013. Буква Э в древнерусских певческих текстах и в списках библейской книги Исход. *Вопросы языкознания* 6, 93–122.

- Успенский, Б. А. 2014. Из истории славянской Библии: славянско-еврейские языковые контакты в Древней Руси (на материале *Nomina sacra*). *Вопросы языкознания* 5, 24–55.
- Успенский, Н. Д. 2004. *Чин всеошного бденя (ἡ ἀγρυπνία) на Православном Востоке и в Русской Церкви*. Москва.
- Успенский, Ф. Б. 2014. *Работы о языке и поэтике Осипа Манделштама: «Соподчиненность порыва и текста»*. Москва.
- Уханова, Е. В. 2009. О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в. В: Э. Н. Добрынина (сост. и отв. ред.). *Хризограф*, вып. 3: *Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции. Москва, 5–7 сентября 2005 г.* Москва, 204–237.
- Уханова, Е. В. 2012. Палеографические и кодикологические особенности древнейшего списка Учительного Евангелия Константина Преславского (ГИМ, Син. 262) и история его создания. В: *Старобългарско Учительно Евангелие на Константин Преславски (с деталното описание от Е. Уханова на най-стария препис ГИМ Син. 262)* (*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, 58). Freiburg i. Br., LVI–LXXVI.
- Фасмеръ, М. 1907. Греко-славянскіе этюды. II. Греческія заимствованія въ старославянскомъ языкѣ. *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ* 12/2, 197–289.
- Фасмеръ М. 1909. Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ (отдельный оттиск). С.-Петербургъ.
- Федосюк, Ю. А. 1980. *Русские фамилии: популярный этимологический словарь*, 2-е изд. Москва.
- Филин, Ф. П. 1972. *Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк*. Ленинград.
- Фортунагов, Ф. Ф. 1919. *Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка*. Петроград.
- Хабургаев, Г. А. 1994. *Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности*. Москва.
- Хабургаев, Г. А. 1997. *Историческая грамматика русского языка*. 2-е испр. изд. Москва.
- Христова, В. 1991. Бичковски псалтир. Текст. Индекс на словоформите. *Годишник на Софийския университет «Климент Охридски»*. Факултет по слав. филол. *Езикознание* 79/2, 49–71.
- Христова, И. 1995. Лексика на цикъла «общи служби» от Климент Охридски. *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски», факултет по слав. филол., Езикознание* 88/1, 49–78.
- Христова-Шомова, И. 2007. *Книги Йов с тълкувания в славянски превод*. София.
- Цейтлин, Р. М. 1977. *Лексика старославянского языка*. Москва.
- Цейтлин, Р. М. 1986. *Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.* София.
- Чекман, В. Н. 1973. *Генезис и эволюция палатального ряда в праславянском языке*. Минск.
- Чекман, В. Н. 1979. *Исследования по исторической фонетике праславянского языка*. Минск.

- Чернышёва, М. И. 1985. Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славянских переводах с греческого языка. *Вопросы языкознания* 2, 122–129.
- Чернышёва, М. И. 1994. Греческие слова, способы их адаптации и функционирование в славянском переводе «Хроники» Иоанна Малалы. В: В. М. Истрин. *Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе*. Москва, 402–462.
- Чернышёва, М. И. 2008. Семантика словообразовательных моделей с начальными благо- и бого- (новые данные). В: А. М. Молдован (отв. ред.). *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации*. Москва, 540–553.
- Чернышёва, М. И. 2014. Византийское литературное наследие в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». В: М. Ракоција (уред.). *Ниш и Византија. Симпозиум, Ниш 3.-6. јун 2013. Сборник радова, XII / Niš & Byzantium, XII*. Ниш, 637–650.
- Чэ́кман, В. М. 1970. *Гісторыя процінастаўленняў па цвёрдасці — мяккасці ў беларускай мове*. Минск.
- Шахматовъ, А. А. 1915. *Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка* (Энциклопедія славянской филологіи, 11). Петроградъ (репринт: Москва, 1997).
- Шевелёва, М. Н. 2010. Вторичные имперфективы с суффиксами -ыва-/-ива- в летописях XII–XVI вв. *Русский язык в научном освещении* 2/20, 200–242.
- Шевелёва, М. Н. 2012. Еще раз о бесприставочных итеративах на -ыва-/-ива- типа «хаживать» в истории русского языка. *Русский язык в научном освещении* 1/23, 140–178.
- Шевелёва, М. Н. 2014. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в Повести временных лет. *Русский язык в научном освещении* 2/28, 153–179.
- Шевелёва, М. Н. 2015. О некоторых глагольных формах в «Поучении» Владимира Мономаха и в языке Киева на рубеже XI–XII вв. *Slovēne = Slověne. International Journal for Slavic Studies* 4/1, 564–577.
- Шило, Г. Ф. 1948. Палатограми українських звуків і система фонем української мови. *Наукові записки Львівського державного університету 1: Питання слов'янського мовознавства*. Львів, 226–231.
- Щёголева, Л. И. 2001. *Путьатина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая*. Москва.
- Щепкин, В. Н. 1999. *Русская палеография*, 3-е (дополненное) изд., Москва.
- Щепкинъ, В. Н. 1899. *Рассужденіе о языкѣ Саввиной книги*. С.-Петербургъ.
- Щепкинъ, В. Н. 1906. *Болонская псалтирь*. С.-Петербургъ.
- Ягичъ, В. 1883. *Quattor Evangeliorum codex Marianus glagoliticus*. Берлинъ, С.-Петербургъ.
- Ягичъ, В. 1889. *Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка*. С.-Петербургъ.
- Δετοράκη, Θ. 1979. *Κοσμάς ο Μελωδός: βίος και έργον* (Ανάλεκτα Βλατάδων, 28). Θεσσαλονίκη.
- von Arnim, B. 1930. *Studien zum altbulgarischen Psalterium Sinaiticum* (Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin, 3). Leipzig.
- Bartoněk, A. 1966. *Development of the Long-vowel System in Ancient Greek Dialects*. Praha.

- Brenner, A. 1983. Aromatic and Perfumes in the Song of Songs. *Journal for the Study of the Old Testament* 8/25, 75–81.
- Brock, O. 1911. *Slavische Phonetik* (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, I. Reihe: Grammatiken. 2. Slavische Phonetik). Heidelberg.
- Browning, R. 1969. *Medieval and Modern Greek*. London.
- Christians, D. 2004. Theotokia in Kanones altbulgarischer Provenienz. *Palaeobulgarica* = *Старобългаристика* 28/1, 79–93.
- Christians, D. 2009. Athleten, Ackerbauern und Hirten: Typisierung der Heiligenverehrung im Gottesdienstmenäum. In: D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (Hrsg.). *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, 3). München, Berlin, 151–176.
- Christians, D. 2012. Byzantinische Seefahrtmetaphern in slavischer Übersetzung. In: I. Podtergera (Hrsg.). *Schnittpunkt Slavistik. Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für Helmut Keipert zum 70. Geburtstag, Teil 2: Einflussforschung*. Bonn, 289–311.
- Czekman, W., Smułkowa, E. 1988. *Fonetyka i fonologia języka białoruskiego z elementami fonetyki i fonologii ogólnej*. Warszawa.
- Delehaye, H. 1902. *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae...*, opera et studio H. Delehaye. Bruxelles.
- Diels, P. 1932. *Altkirchenslavische Grammatik mit einer Auswahl von Texten und einem Wörterbuch* (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher, I. Reihe: Grammatiken; 6: Altkirchenslavische Grammatik), Heidelberg.
- Dindelegan, G. 2013. *The Grammar of Romanian*, ed. by G. Dindelegan. Oxford.
- Dybo, A. 2010. Bulgars and Slavs: Phonetic Features in Early Loanwords. In: E. Mańczak-Wohlfeld, B. Podolak (eds.). *Studies on the Turkic World. Festschrift in Honour of Stanisław Stachowski*. Kraków, 21–40.
- Fishmann, J. A. 2008. Rethinking the *Ausbau*—*Abstand* dichotomy into a continuous and multivariate system. *International Journal of the Sociology of Language* 191, 17–26.
- Franchi de' Cavalleri, P. 1928. S. Euplo. In: P. Franchi de' Cavalleri. *Note agiografiche*, fasc. 7° (Studi e testi, 49). Roma, 1–54.
- Funk, F. X. 1881. *Opera patrum apostolicorum*, vol. II. Tubingae.
- Gadžijeva, S., Kovačević, A., Mihaljević, M., Požar, S., Reinhart, J., Šimić, M., Vince, J. 2015. *Hrvatski crkvenoslavenski jezik*. Zagreb.
- Gallucci, E. 2004. La lingua di Costantino di Preslav. *Učitel'noe Evangelie: lingua e tecnica di traduzione*. *eSamizdat* 2/2, 97–120.
- Gerov, B. 1941. Die Wiedergabe des griechischen «v (ot)» im Altbulgarischen. *Glotta* 29/1–2, 78–85.
- Granberg, A. 2009. Classification of the Hunno-Bulgarian Loan-Words in Slavonic. In: P. Ambrosiani (ed.). *Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists (Ohrid, 10–16 September 2008)* (Umeå Studies in Language and Literature, 6). Umeå, 19–31.
- Gribble, C. E. 1989. Omission of the Jer Vowels in Early East Slavic Manuscripts. *Russian Linguistics* 13/1, 1–9.

- Grosdidier de Matons, J. 1977. *Romanos le Mélode et les origines de la poésie religieuse à Byzance*. Paris.
- Hannick, Ch. 1981. *Maximos Holobolos in der kirchenslavischen homiletischen Literatur* (Wiener Byzantinische Studien, 14). Wien.
- Hannick, Ch. 2006. *Das altslavische Hirmologion. Edition und Kommentar* (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 50). Freiburg i. Br.
- Hatzidakis, G. N. 1892. *Einleitung in die neugriechische Grammatik*. Leipzig.
- Hauptová, Z. 2000. Die altkirchenslavischen Akrostichen und die Glagolica. In: H. Miklas (Hrsg.). *Glagolitica. Zum Ursprung der Slavischen Schriftkultur* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41). Wien, 47–53.
- Horálek, K. 1959. K vývoji měkkostní korelace souhláskové v praslovanštině a v češtině. *Slavica Pragensia. Acta Universitatis Pragensis, Philologica Supplementum I*, 53–57.
- Hübner, P. 1966. *Zur Lautgestalt griechischer Heiligennamen im Russischen seit dem 11. Jahrhundert*. Bonn.
- Hüttl-Worth, G. 1971. The Neglected Lexicon of the Novgorod služebnye minei. In: W. Harkens (ed.). *Symbolae in honorem Georgii Y. Shevelov* (Universitatis Liberae Ucrainensis, Facultas Philosophica, Studia, 7). München, 483–491.
- Issatschenko, A. 1980. *Geschichte der russischen Sprache, 1: Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts*. Heidelberg.
- Jagic, V. 1886. *Menaee septembris, octobris, novembris, ad fidem vetustissimorum codicum* (Памятники древнерусского языка, 1). Petropoli.
- Jagic, V. 1913. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin.
- Jagic, V. 1916. Zur Quellenkunde des Miklosichschen altkirchenslavischen Wörterbuches. *Archiv für slavische Philologie* 36, 581–583.
- Jakobson, R. 1929. *Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves* (Travaux du Cercle linguistique de Prague, 2). Prague.
- Jonge, M., de. 1966. The Word «Anointed» in the Time of Jesus. *Novum Testamentum* 8, 132–142.
- Jurewicz, O. 1992. *Grammatyka historyczna języka greckiego: Fonetyka, fleksija*. Warszawa.
- Kapović, M., Vuletić, N. 2010. Refleks grčkoga *Y* u hrvatskim „Dalmatskim grecizmima“. *Filologija* 55, 37–59.
- Keipert, H. 1999. Die Kirchenslavisch-These des Cercle linguistique de Prague. In: E. Hansack, W. Koschmal, N. Nübler, R. Večerka (Hrsg.). *Festschrift für Klaus Trost zum 65. Geburtstag* (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборники, 5). München, 123–134.
- Keipert, H. 2004. Wie alt ist der „Altbulgarisch-Begriff“? In: V. Lehmann, L. Udolph (Hrsg.). *Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia: Festschrift für Karl Gutschmidt zum 65. Geburtstag* (Slavolinguistica, 3). München, 493–500.
- Keipert, H. 2014. Kirchenslavisch-Begriffe. In: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta (Hrsg.). *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*, Bd. / Vol. 2. Berlin, New York, 1212–1252.

- Keller, F. 1973. Das Kontaktion aus der ersten Služba für Boris und Gleb. *Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen Slavistenkongreß in Warschau, August 1973* (Slavica Helvetica, 7). Luzern, Frankfurt am Main, 65–73.
- Kiparsky, V. 1963. *Russische historische Grammatik, 1: Die Entwicklung des Lautsystems*. Heidelberg.
- Kloss, H. 1967. Abstand languages and Ausbau languages. *Anthropological Linguistics* 9/7, 29–41.
- Kloss, H. 1987. Abstandsprache und Ausbausprache. *Sociolinguistics / Soziolinguistik* 1, Berlin, 302–308.
- Klostermann, E., Nautin, P. (Hrsg.). 1983. *Origenes Werke*, Bd. III: *Jeremiahomilien, Klage- liederkommentar, Erklärung der Samuel- und Königsbücher*, 2. bearb. Aufl. (Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte. Origenes, III). Berlin.
- Koder, J. 2005. *Romanos Melodos. Die Hymnen*, Hbd. I, übersetzt und erläutert von J. Koder (Bibliothek der griechischen Literatur, 42). Stuttgart.
- Koneski, B. 1983. *A Historical Phonology of the Macedonian Language*, with a survey of the Macedonian dialects and a map by B. Vidoeski (Historical Phonology of the Slavic Languages, 12). Heidelberg.
- Komarek, M. 1954. K fonetické povaze staročeského ě. *Studie a práce lingvistické* 1, 90–98.
- Koschmieder, E. 1952–1958. *Die ältesten Novgoroder Hirmologien Fragmente*, Lfg. 1–3 (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse, Hft. 35,37, 45). München.
- Koschmieder, E. 1958. *Die Palatalitätskorrelation im Slavischen: Vortrag auf dem 4. Internationalen Slavistenkongress in Moskau, 1.–10. September 1958*. Heidelberg.
- Koschmieder, E. 1966. Die sogenannten leicht palatalisierten Konsonanten des Urslavischen. In: D. Gerhardt, V. Weintraub, H.-J. zum Winkel (Hrsg.). *Orbis Scriptus. Dmitrij Tschizëvskij zum 70. Geburtstag*. München, 433–438.
- Krajčovič, R. 1975. *A Historical Phonology of the Slovak Language*. Heidelberg.
- Krivko, R. 2006. Rekonstruktion der griechischen Akrostichis im Kanon auf das hl. Mandylion: zur Bedeutung altkirchenslavischer Übersetzungen für die byzantinische Überlieferung. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 52, 63–84.
- Kulbakin, S. 1929. *La vieux Slave*. Paris.
- Kulik, A. 2010. *3 Baruch: Greek-Slavonic Apocalypse of Baruch*. Berlin, New York.
- Kutsch, E. 1963. *Salbung als Rechtsakt im alten Testament und alten Orient* (Beiträge zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 87). Berlin, 1963.
- Latyšev, B. 1912. *Menologii anonymi saeculi X quae supersunt*, fasc. alter: *menses Iulium, Iulium, Augustum continens*, sumptibus Caesariae Academiae scientiarum e codice Hierosolymitano S. Sepulcri 17 ed. B. Latyšev, Academiae socius. Petropoli.
- Lauritzen, F. 2009. Michael the Grammarian's Irony about *hypsilon*. A Step towards Reconstructing Byzantine Pronunciation. *Byzantinoslavica* 67, 161–168.
- Le Feuvre, C. 1996. Le seconde palatalisation de vélares en slave oriental: le cas particulier des vélares en groupe. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 91/1, 249–264.
- Leskien, A. 1969. *Handbuch der altpbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik — Texte — Glossar*, 9. Aufl. Heidelberg.

- Lilja, S. 1972. *The Treatment of Odours in the Poetry of Antiquity*. Helsinki.
- Lunt, H. G. 1949. *The Orthography of Eleventh Century Russian Manuscripts*. Ann Arbor MI.
- Lunt, H. G. 1976. The Byčkov Psalter. *Slovo* 25/26, 255–266.
- Lunt, H. G. 2001. *Old Church Slavonic Grammar*, 7th rev. ed. Berlin, New York.
- Macharadze, N. A. 1980. Zur Lautung der griechischen Sprache der byzantinischen Zeit. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 29, 145–158.
- MacRobert, C. 1989. Two for the Price of One: the Psalter MS Peč 68. *Oxford Slavonic Papers. New Series* 22, 1–33.
- MacRobert, C. 1990. The Greek Textological Basis of the Early Redactions of the Church Slavonic Psalter. *Palaeobulgarica = Старобългаристика* 14/2, 7–15.
- MacRobert, C. 1991. What is a Faithful Translation? Changing Norms in the Church Slavonic Version of the Psalter. *The Slavonic and East European Review* 69/3, 401–417.
- MacRobert, C. 1998. The Textual Tradition of the Church Slavonic Psalter up to the Fifteenth Century. In: J. Krašovec (ed.). *Interpretation of the Bible*. Ljubljana, Sheffield, 921–942.
- MacRobert, C. 2005. On the Problems of Identifying a Preslav Redaction of the Psalter. In: M. Dimitrova, P. Petkov, I. Hristova (eds.). *Studia in honorem professoris Angelinae Minčeva* (Acta palaeoslavica, 2). Sofia, 39–46.
- MacRobert, C. 2013. The Novgorod Antiphonal Psalters: Their Orthographical Peculiarities and Textological Significance. *Slověne = Словѣне. International Journal for Slavic Studies* 2/2, 5–30.
- Maksimovič, K. 2010. *Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln ohne Kommentare in altbulgarischer Übersetzung: Slavisch-griechisch, griechisch-slavisches und rückläufiges (slavisches) Wortregister*, Bd. I, hrsg. von L. Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte, 27: Das byzantinische Syntagma in 14 Titeln). Frankfurt am Main.
- Mareš, F. 1969. *Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen* (Slavistische Beiträge, 40). München.
- Mareš, F. 1971. Hlaholice na Moravě a v Čechách. *Slovo* 21, 133–200 (+ II).
- Marguliés, A. 1927. *Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis* (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher. III. Reihe: Texte und Untersuchungen. 4: Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis). Heidelberg.
- Marti, R. 1984. Old Church Slavonic Nasal Vowels: Ÿ or VN? *New Zealand Slavonic Journal* [1984], 119–152.
- Marti, R. 1999. Abecedaria — a Key to the Original Slavic Alphabet: the Contribution of the Abecedarium Sinaiticum Glagoliticum. In: *Thessaloniki, Magna Moravia: Proceedings of the International Conference Thessaloniki 16–19 October 1997*. Thessaloniki, 175–200.
- Marti, R. 2000. Die Bezeichnung der Vokale in der Glagolica. In: H. Miklas (Hrsg.). *Glagolica. Zum Ursprung der Slavischen Schriftkultur* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41). Wien, 54–76.
- Marti, R. 2004. Die Bezeichnung der Konsonanten in der Glagolica. In: M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, F. Velčić (ured.). *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije*

- i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb — Krk 2.-6. listopada 2002)*. Zagreb, Krk, 401–418.
- Marti, R. 2005. Aktuelle Probleme des altkirchenslavischen Schrift- und Lautsystems. *Incontri linguistici 28: Slavo ecclesiastico antico: problemi i prospettive*, 11–37.
- Marti, R., Veder, W. 2000. Die Freiburger Diskussionsrunde zur Entstehung der Glagolica. In: H. Miklas (Hrsg.). *Glagolitica. Zum Ursprung der Slavischen Schriftkultur* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41). Wien, 227–243.
- Miklas, H. 1988₁. Zur Struktur des kyrillisch-altkirchenslavischen (altbulgarischen) Schriftsystems: ein Systematisierungsversuch. *Palaeobulgarica = Старобългарска тика* 12/3, 52–65.
- Miklas, H. 1988₂. Kyrillomethodianisches und nachkyrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavischen Einfluß auf die südslavische Literatur. In: K. Trost, E. Völkl, E. Wedel (Hrsg.). *Symposium Methodianum. Beiträge der Internationalen Tagung in Regensburg (17. bis 24. April 1985) zum Gedenken an den 1100. Todestag des Hl. Method* (Selecta Slavica, 13). Neuried, 437–471.
- Miklas, H. 1998. Griechisches Schriftdenken und slavische Schriftlichkeit. Glagolica und Kyrillica zwischen Verschriftung und Verschriftlichung. In: Ch. Ehler, U. Schaefer (Hrsg.). *Verschriftung und Verschriftlichung: Aspekte des Medienwandels in verschiedenen Kulturen und Epochen*. Tübingen, 132–155.
- Miklas, H. 2002. Zum griechischen Anteil am glagolitischen Schriftsystem des Slavenlehrers Konstantin-Kyrill. *Palaeoslavica* 10/1: *For Professor Ihor Ševčenko on his 80th Birthday*, 281–311.
- Miklas, H. 2004. Zur Relevanz des neuen sinaitischen Materials für die Entwicklungsgeschichte der Glagolica. In: M.-A. Dürrig, M. Mihaljević, F. Velčić (ured.). *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb — Krk 2.-6. listopada 2002)*. Zagreb, Krk, 389–400.
- Miklas, H., Hürner, D., Gau, M. 2011. Nachträge zum glagolitisch-altkirchenslavischen *Menaeum Sinaiticum* (Cod. Sin. slav. 4/N). В: Е. Л. Алексеева (отв. ред.). *Библеистика. Славистика. Русистика: К 70-летию заведующего кафедрой библеистики профессора Анатолия Алексеевича Алексеева*. С.-Петербург, 187–210.
- Miller, D. G. 1994. *Ancient Scripts and Phonological Knowledge* (Amsterdam Studies in the History of Linguistic Science. Series IV: Current Issues in Linguistic Theory, 116). Amsterdam.
- Mimouni, S. C. 1995. *Dormition et assumption de Marie: Histoire des traditions anciennes* (Théologie historique, 98). Paris.
- Mitsakis, K. 1965. The Vocabulary of Romanos the Melodist. *Glotta* 43, 171–197.
- Mitsakis, K. 1967. *The Language of Romanos the Melodist* (Byzantinisches Archiv, 11). München.
- Mladenov, S. 1929. *Geschichte der bulgarischen Sprache*. Berlin, Leipzig.
- Molnár, N. 1985. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices* (Slavische Forschungen, 47). Köln, Wien.

- Muraoka, T. 1991. Hebrew *Naḥax* Legomena and Septuagint Lexicography. In: C. E. Cox (ed.). *VII Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies, Leuven, 1989*. Atlanta GA, 205–222.
- Musurillo, H. 1972. *The Acts of the Christian Martyrs*, introd. and transl. by H. Musurillo. Oxford.
- Nahtigal, R. 1942. *Euchologium Sinaiticum*. 2. del. Ljubljana.
- Nedeljković, O. 1971. Neke inovacije u fonološkom sistemu prvobitne glagoljice. *Slovo* 21, 79–93.
- Nuorluoto, J. 1994. *Die Bezeichnung der konsonantischen Palatalität im Altkirchenslavischen. Eine graphematisch-phonologische Untersuchung zur Rekonstruktion und handschriftlichen Überlieferung* (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 24). München.
- Nuorluoto, J. 1995–1996. Besaß die Urglagolica Digraphen? *Croatica* 42–44, 303–322.
- Oblak, V. 1896. *Macedonische Studien*. Wien.
- Onasch, K. 1981. *Kunst und Liturgie der Ostkirche in Stichworten unter Berücksichtigung der Alten Kirche*. Wien, Köln, Graz.
- Otrębski, J. 1958. *Gramatyka języka litewskiego*, t. 1: *Wiadomości wstępne. Nauka o głoskach*. Warszawa.
- Palmer, L. R. 1986. *Die griechische Sprache: Grundzüge der Sprachgeschichte und der historisch-vergleichenden Grammatik*. Innsbruck.
- Phonologie, 1967. J. Hamm, G. Neweklowsky (Hrsg.). *Phonologie der Gegenwart. Vorträge und Diskussionen anlässlich der Internationalen Phonologie-Tagung in Wien, 30.VIII.–3.IX.1966*. Graz, Wien, Köln.
- Plank, P., Lutzka, C. 2006. *Das byzantinische Eigengut der neuzeitlichen slavischen Menäen und seine griechischen Originale*, 2. Teilband: *Incipitarium und Edition der Monate März bis August*, erarb. von P. Plank, C. Lutzka, hrsg. von Ch. Hannick (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 112; *Patristica Slavica*, 12). Paderborn.
- Popović, I. 1969. *Geschichte der serbokroatischen Sprache*. Wiesbaden.
- Popovskij, J. 1989. *Die Pandekten des Antiochus Monachus: slavische Übersetzung und Überlieferung*. Amsterdam.
- Rahlfs, A. 1979. Prolegomena. In: *LXX (Ps)*, 10–80.
- Reinhart, J. 2002. Morphologische Innovationen des Altkirchenslavischen. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 48, 133–148.
- Reinhart, J. 2011. Die Chronologie der Entstehung der sekundären Jerlaute im Serbokroatischen (Bosnischen, Kroatischen und Serbischen). *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 57, 165–178.
- Reinhart, J. 2012. [Рец. на: Христова-Шомова 2007]. *Slovo* 62, 285–291.
- Ribarova, Z. 2003. *Indexy k Staroslověnskému slovníku. Ukazatele k Staroslavjanskomu slovarju. Indexes to the Old Church Slavonic Dictionary*, zpracovala Z. Ribarova, redigovala E. Bláhová. Praha.
- Rosetti, A. 1973. *Brève histoire de la langue roumaine des origines à nos jours*. The Hague, Paris.
- Roty, R. 1980. *Dictionnaire russe — français des termes en usage dans l'église russe* (Lexiques de l'Institut d'études slaves, 4). Paris.

- Schaeken, J. 1987. *Die Kiever Blätter* (Studies in Slavic and General Linguistics, 9). Amsterdam.
- Schaeken, J. 1994. Altkirchenslavische Silbentrennung und reduzierte Vokale am Zeilenschluss. In: *Dutch Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists, Bratislava: Linguistics*. Amsterdam, 369–387.
- Schaeken, J. 1995. Line-final Word Division in Russian Birchbark Documents. *Russian Linguistics* 19/1, 91–108.
- Schaeken, J., Birnbaum, H. 1999. *Die altkirchenslavische Schriftkultur. Geschichte — Laute und Schriftzeichen — Sprachdenkmäler (mit Textproben, Glossar und Flexionsmustern)* (Slavistische Beiträge, 382). München.
- Schmalstieg, W. 1995. *An Introduction to Old Russian* (Journal of Indo-European Studies, Monograph Series, 15). Washington DC.
- Schmalstieg, W. 2000. *An Introduction to Old Church Slavic*, 2nd ed., rev. and exp. Columbus OH.
- Schumann, K. 1958. *Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen* (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminars] an der Freien Universität Berlin, 16). Berlin, Wiesbaden.
- Shevelov, G. 1965. *A Prehistory of Slavic: the Historical Phonology of Common Slavic*. New York.
- Shevelov, G. 1979. *Historical Phonology of the Ukrainian Language* (Historical Phonology of the Slavic Languages, 4: Ukrainian). Heidelberg.
- Shoemaker, S. J. 2002. *Ancient Traditions of the Virgin Mary's Dormition and Assumption*. Oxford.
- Steinke, K., Ylli, Xh. 2010. *Die slavischen Minderheiten in Albanien*. 3. Teil: *Gora* (Slavistische Beiträge, 474). München, Berlin.
- Stichel, R. 1986. Bemerkungen zur Predigt des Manuel/Maximos Holobolos. *Zeitschrift für Slavische Philologie* 45, 379–433.
- Škaljić, A. 1973. *Turcismi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom*. Sarajevo.
- Stichel, R. 1991. Die Bedeutung der mittelalterlichen slavischen Übersetzungen für die byzantinische Lexikographie: Die musizierenden Hirten von Bethlehem. In: *Lexicographica Byzantina. Beiträge zum Symposium zur byzantinischen Lexikographie* (Wien, 1.–4. 3. 1989) (Byzantina Vindobonensia, 20). Wien, 249–282.
- [Taylor, W. R., McNeill, E. 1991. Exegesis and Exposition]. In: *The Interpreter's Bible in 12 vol.*, vol. 4: *The Book of Psalms. The Book of Proverbs*. Nashville TN.
- Thèses 1964/1929. Thèses présentées au Premier Congrès des philologues slaves. In: J. Vachek (comp.). *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington (Indiana), 1964, 33–58 (впервые: *Travaux du Cercle Linguistique de Prague I*, 1929, 5–29).
- Tkadlčik, V. 1956. Trojí hlaholské i v Kijevských listech. *Slavia* 25, 200–216.
- Tov, E. 1988. The Septuagint. In: M. J. Mulder (ed.). *Mikra. Text, Translation, Reading and Interpretation of the Hebrew Bible in Ancient Judaism and Early Christianity* (Compendia Rerum Iudaicarum ad Novum Testamentum, Section 2). Assen, Maastricht, Philadelphia PA, 161–188.
- Trubetzkoy, N. S. 1954. *Altkirchenslavische Grammatik*. Wien.
- Vaillant, A. 1968. *L'Évangile de Nicodème. Texte slave et latin*. Genève, Paris.

- Vachek, J. 1964/1939. Zum Problem der geschriebenen Sprache. In: J. Vachek (comp.). *A Prague School Reader in Linguistics*. Bloomington IN, 1964, 441–452 (впервые: Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1939, 8, 94–104).
- Vasmer, M. 1941. *Die Slaven in Griechenland* (Aus den Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Jahrg. 1941, phil.-hist. Klasse, 12). Berlin.
- Vasmer, M. 1944. *Die griechischen Lehnwörter im Serbo-Kroatischen* (Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Jahrg. 1944, phil.-hist. Klasse, 3). Berlin (Nachdruck: Leipzig, 1984).
- Večerka, R. 1993. *Altkirchenslavische (Altbularische) Syntax*, Bd. II: *Die innere Satzstruktur* (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, 34 [27/2]). Freiburg i. Br.
- Veder, W. 2000. Das glagolitische Alphabet der Azbučna Molitva. In: H. Miklas (Hrsg.). *Glagolitica. Zum Ursprung der Slavischen Schriftkultur* (Österreichische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. Schriften der Balkan-Kommission, philologische Abteilung, 41). Wien, 77–87.
- Veder, W. 2004. The Glagolitic Alphabet as a Text. In: M.-A. Dürrigl, M. Mihaljević, F. Velčić (ured.). *Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa povodom 100. obljetnice Staroslavenske akademije i 50. obljetnice Staroslavenskog instituta (Zagreb — Krk 2.–6. listopada 2002)*. Zagreb, Krk, 375–388.
- Vondrák, W. 1912. *Altkirchenslavische Grammatik*, 2. Aufl. Berlin.
- Vondrák, W. 1924. *Vergleichende Slavische Grammatik*, Bd. I: *Lautlehre und Stammbildungslehre*, 2. stark vermehrte und verbesserte Aufl. Göttingen.
- Vondrák, W. 1928. *Vergleichende Slavische Grammatik*, Bd. II: *Formenlehre und Syntax*, 2. Aufl. neubearb. von O. Grüenthal. Göttingen.
- Voss, Ch. 2004. Südslavische Übersetzungskunst im Licht der griechischen Diglossieproblematik. In: Л. Тасева, М. Йовчева, К. Фос, Т. Пентковская (ред.). *Преводите през XIV столетие на Балканите. Доклади от международната конференция София, 26–28 юни 2003 / L. Taseva, M. Jovčeva, Ch. Voss, T. Pentkovskaja (Hrsg.). Übersetzungen des 14. Jahrhunderts im Balkanraum. Beiträge zur internationalen Konferenz Sofia, 26.–28. Juni 2003*. София, 47–58.
- Vrana, J. 1964. Glagoljski grafemi Ѣ — Ѣ, ѢѢ — ѢѢ и njihova ćirilaska transkripcija. *Slavia* 33, 171–181.
- Weiherr, E. 1972. Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen. *Anzeiger für Slavische Philologie* 6, 138–159.
- Wellesz, E. 1961. *A History of Byzantine Music and Hymnography*, 2nd ed., revised and enlarged. Oxford, 1961 (reprint, special edition for Sandpiper Books Ltd.: 1998).
- Wijk, N. van. 1934. Das altrussische Imperfekt und die russische Konsonantenerweichung. *Indogermanische Forschungen* 52, 32–64.
- Wijk, N. van. 1937. La g n se de la mouillure des consonnes dans les langues slaves. *Slavia* 15/1, 24–42.
- Wijk, N. van. 1941. Zum urslavischen sogenannten Synharmonismus der Silben. *Linguistica Slovaca* 3, 41–48.
- Worth, D. S. 1985. Mirror reversals in Novgorod Paleography. In: *Language and Literary Theory. In Honor of Ladislav Matejka*. Ann Arbor MI, 295–306.

- Worth, D. S. 1996. OMEGA, especially in Novgorod. В: А. А. Гиппиус, Т. М. Николаева (отв. ред.). *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*. Москва, 70–82.
- Zheljazkova, V., Gancheva, N. 2008. Святая земля и рукописное наследие славян (обзор литературы). In: W. Moscovich, S. Nikolova, M. Taube (eds.). *The Holy Land and the Manuscript Legacy of Slavs (Jews and Slavs, 20)*. Sofia, Jerusalem, 9–48.
- Ziffer, G. 2003. On the Historicity of Church Slavonic. In: *Slovenski knjižni jezik — Aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje*. Ljubljana, 629–635.
- Ziffer, G. 2005. Lo slavo ecclesiastico antico: questioni vecchie e nuove. *Incontri linguistici* 28: *Slavo ecclesiastico antico: problemi i prospettive*, 119–126.
- Ziffer, G. 2006. Per lo studio del lessico del Vangelo di Nicodemo paleoslavo. In: D. Bunčić, N. Trunte (Hrsg.). *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag* (Die Welt der Slaven, Sammelbände. Sborniki, 58). München, 263–275.
- Ziffer, G. 2008. Per (e contro) il canone paleoslavo. In: H. Goldblatt, G. Dell'Agata, K. Stantchev, G. Ziffer (eds.). *Slavia Orthodoxa and Slavia Romana: Essays Presented to Riccardo Picchio by his Students on the Occasion of his Eightieth Birthday, September 7, 2003*. New Haven CT, 337–346.
- Živov, V. M. 2014. Das Kirchenslavische bei den Ostslaven. In: K. Gutschmidt, S. Kempgen, T. Berger, P. Kosta (Hrsg.). *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*, Bd. / Vol. 2. Berlin, New York, 1276–1294.

Указатель источников, имеющих специальные названия

Абecedарий

Глаголические 35, 40–42, 44, 386, 406

Абecedарий Дивиша *см.* Стокгольмский абecedарий

Мюнхенский абecedарий 40–42, 44, 386, 406

Парижский абecedарий 40, 406

Синайский абecedарий 40, 406

Стокгольмский абecedарий 40, 406

Кириллические 35, 42–43, 387

Азбуковник 244, 247–248, 268, 389

Азбучная молитва 35, 38–39, 69, 163, 211–212

«Александрия» 299

Архангельская, или Померанцевская, ставротейка *см.* Надписи

Архангельское евангелие 19–23, 29, 81, 83, 89, 92, 112, 142, 160, 169, 170, 183, 246, 267, 271, 302, 356, 368

Архивский хронограф 45, 383

Ассеманиево евангелие 35–36, 38, 44, 59, 69, 89, 124, 134, 145, 159, 161, 163–164, 166, 168, 197, 204, 209, 213, 284, 368

Берестяные грамоты 15, 30, 41, 43, 54–55, 57, 61–62, 64, 73, 83, 135–136, 140, 171–172, 178, 181–182, 188, 197, 219, 238, 258, 363, 387, 398

Отдельные берестяные грамоты (*ср. также* Надписи)

Новгородские

199 43	605 258	752 238
201 43	613 62	778 172
205 43	648 62	789 136
235 62	675 135	904 30, 64
247 197	683 73	907 30
421 135	710 62	910 30
558 73	717 135	915 30
590 30	724 30, 62	
591 171–172	725 181	

*Смоленские**Смол. 12* 135*Грамоты из Старой Русы**Ст.Р. 10* 62*Ст.Р. 24* 43

Благовещенский (Нижегородский) кондакарь 186–188, 249, 368, 369

«Богословие» Иоанна Дамаскина (в переводе Иоанна, экзарха Болгарского) 173, 300, 301, 302, 304

Болонская псалтирь 15, 31, 197, 402

Боянский палимпсест 161, 163, 209, 310

Бычковско-Синайская псалтирь 9–107, 109–111, 114, 123, 131–132, 135–136, 138, 155, 158, 162–163, 165–166, 169, 171–172, 183, 210, 225, 361, 371

Великие Минеи Четьи митрополита Макария 271, 276

Воскресенский ирмологий 308, 310

Врачанское евангелие 105

Вуканово евангелие 137

Выголексинский сборник 34, 48

Галицкое евангелие (1144 г.) 49, 50, 52, 114, 123, 383, 400

Григоровичев паримийник 132–133, 139, 368

Григорий Назианзин *см.* Рукопись 13-ти слов Григория Назианзина

Добрилово евангелие 46, 48, 54

Домострой 182

Драганова минея 270, 283–284, 372

Евангелие попа Йована 105

Евгеньевская псалтирь 9–10, 107, 10, 134, 178–179, 183, 194, 196, 198, 371, 385, 390

Енинский апостол 15, 37–38, 78, 130, 134, 135, 159, 163–164, 310, 369, 393

Ефремовская кормчая 29, 201, 203, 369, 406

Житие Андрея Юродивого 238, 241

Житие Кирилла Философа 271, 302, 323

Житие Кондрата 23, 73

Житие Мефодия 207

Житие свт. Николая Мирликийского (в переводе Андрея Курбского) 169, 388

Житие Феклы 23, 73, 112

Житие Феодора Сикеота 151

Загребская Триодь 275

Захарьинский паримийник 68

Златоструй Бычкова 145, 173

- Зографские листки 78, 208, 211
Зографский палимпсест 134, 310
Зографское евангелие 10, 43, 55, 59, 69, 70, 123–124, 127, 138, 142, 163–164, 178, 191, 196, 207, 369
Изборник Святослава (Симеонов сборник) 1073 г. 15, 29, 46, 48, 49, 54, 55, 57, 68, 82, 110, 114, 130, 134, 135, 159, 161, 166–168, 170, 183, 198, 208, 300, 301, 303, 304, 362, 369
Изборник 1076 г. 46, 48, 49, 111, 155, 159, 169, 369
Ильина книга 21, 40, 200, 204, 211, 311, 334–335, 338, 347, 369, 391
Ипатьевская летопись 183, 258, 271
Киево-Печерский патерик 255, 371, 394
Киевские листки 43, 101, 123–124, 127–128, 129, 190, 211, 408
Клоцов сборник 4, 36, 59, 69, 126, 129, 134, 138, 144, 161, 192, 204–205, 209, 211, 213, 298, 362, 369
«Книга, глаголемая гречески *Алфавит*» 41, 130, 135, 190, 200, 204, 211, 247, 311, 334–335, 366
Кодекс Ганкенштейна 307
Кюстендильское четвероевангелие XIII в. 158
Лаврентьевская летопись 182, 241, 258, 275, 301, 369
Лаврский кондакарь 186–188, 369, 373
Лествица (XII в.) 142
Листки Ундольского 78, 134, 211, 389
Листок Викторова 112
Македонский кириллический листок 134, 210–211
Мариинское евангелие 4, 33, 36, 43, 59, 61, 69, 124–127, 129, 138, 143, 144, 146, 151, 163–164, 166, 177, 191–192, 196, 197, 204, 207, 213, 362, 369, 402
Миняя Дубровского 23, 94, 112, 131–132, 139, 311, 370
Мирославо евангелие 137, 143, 191, 211, 213, 363, 370, 386, 397
Московское евангелие 1339 г. 182
Мстиславова грамота 49, 50, 54, 82, 114, 362
Мстиславо евангелие 16, 29, 49, 73, 155, 370, 386, 394
Надписи
Архангельская (Померанцевская) ставротека 170
Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 48–49
Надпись Ивана Асена Второго 145
Надпись на стене новгородского Софийского собора (граффито С-154) 181–182
Надпись на цилиндре № 50 182

- Надпись царя Самуила 134
Суздальский змеевик 53
Назиратель 200–201, 370
Никодимов Типик 251, 370
Никодимово евангелие (Евангелие Никодима) 325, 410
Никольское евангелие 206, 213
Новгородская первая летопись 181, 258
Одесское евангелие 46
«Око Церковное» 248, 252, 255, 259–261, 373
Остромирово евангелие 29, 81, 92, 110, 111–112, 114, 130, 134, 135, 183, 198, 208, 209, 213, 267, 354, 370, 394
Охридский апостол 15, 143, 163, 151, 271
Пандекты Антиоха 15, 23, 29, 54, 55, 110, 113, 135, 136, 183, 301, 370
Пандекты Никона Черногорца 240, 305
Панегирик на март — август (XIII в.) 158
Повесть о Варлааме и Иоасафе 205
Погодинская псалтирь 15
Погодинское евангелие (XIII в.) 142
Померанцевская ставроотека *см.* Надписи (Архангельская [Померанцевская] ставроотека)
Пouchение Владимира Мономаха 241, 402
Похвала Борису и Глебу 275–276
Проскинитарий Арсения Каллуды 254
Проскинитарий Арсения Суханова 255, 257, 371
Путятинская минея 29, 33, 36, 38, 112, 158–160, 162, 172–174, 176–177, 179, 204, 207–213, 264, 276, 308, 311, 313, 363, 370, 383, 388, 391, 392, 394, 398, 402
Реймское евангелие 23, 29, 135, 140, 183, 371, 386, 397
Ретков сборник *см.* Супрасльская рукопись
Рогожская летопись (Рогожский летописец) 64, 302, 371
Рукопись 13-ти слов Григория Назианзина (Григория Богослова) 15, 29, 81, 83, 110, 112, 177, 300, 326, 303, 304, 331, 368, 393
Рукопись 16-ти слов Григория Назианзина (Григория Богослова) 326, 393
Рыльские листки 134, 209
Рязанская кормчая 305, 326
Саввина книга 16, 23, 41, 59, 69, 129, 130, 135, 190, 204, 209–211, 371
Симеонов сборник *см.* Изборник Святослава (Симеонов сборник) 1073 г.
Синайская минея 310, 407

- Синайская псалтирь 4, 9–12, 33, 59, 68–69, 76, 101, 124, 125–126, 129, 134, 138, 144, 151, 153, 158, 165, 166, 172, 177–178, 191–192, 194, 196, 201, 204, 209, 213, 232, 361–362, 339, 371, 402
- Синайский евхологий 22, 59, 70, 124, 126, 127, 129, 134, 161, 164, 169, 177, 191–192, 195, 197, 209, 211, 232, 288, 298, 303, 304, 323, 371, 407
- Синайский патерик 110–111, 168, 170, 183, 371
- Синайский требник *см.* Синайский евхологий
- Сказание о Мамаевом побоище 161
- «Сказание церковное» 6, 50, 52–54, 179–180, 196, 198–200, 202, 203–205, 213, 371
- Скопльская миная (НБКМ 522) 21, 250, 270–271, 283–284, 347, 373
- Слепченский апостол 134
- Слово Ипполита об Антихристе 173
- Слово на Благовещение Богородицы 207
- Слуцкая псалтирь 9, 23
- Софийский пролог 46, 391
- Студийско-Алексиевский устав (ГИМ, Син. 330) 21, 81, 184, 242, 248–249, 259, 371, 395
- Суздальский змеевик 53
- Супрасльская рукопись (Ретков сборник) 16, 22, 59, 69, 78, 129, 134–135, 139, 143–144, 153–154, 163–164, 166, 190, 195–196, 204–211, 213, 298–299, 303
- Тиликон патриарха Алексия Студита *см.* Студийско-Алексиевский устав
- Типографский устав 29, 142, 160, 184–186, 188
- Типографское евангелие (РГАДА, ф. 381, № 1) 142
- Типографское евангелие (РГАДА, ф. 381, № 7) 46, 48
- Толстовская псалтирь 15
- Травник Любчанина 267, 373
- Триодь Моисея Киянина 50, 136, 145–146, 164, 170, 172, 204, 353
- Троицкий сборник 114, 123
- Туровские листки 23, 94, 134
- Туровское евангелие *см.* Туровские листки
- Универсалы Богдана Хмельницкого 200, 372
- Успенский сборник 29, 54, 207, 267, 302, 331, 372
- Устюжская кормчая 302
- Учительное евангелие Константина Болгарского 6, 26, 50, 52, 106, 179–180, 183, 195–199, 202–207, 211–213, 361, 363, 368–369, 390, 399, 403
- Хиландарские листки 94, 208, 210, 392
- Хлудовский паремийник 105
- Фрейзингенские отрывки 207, 302

Хроника Георгия Амартола 165–166, 205, 266, 300–301, 331, 372

Хроника Иоанна Малалы 148, 169

Хронограф 1512 г. 333

Цветная Триодь (XI–XII вв.) 145, 172

Чудовская псалтирь 9–10, 29, 81–82, 107, 110, 298, 301, 371

Чудовский Новый Завет (Чудовская редакция Нового Завета) 196

Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского 300

Юрьевское евангелие 46, 111

«Ягичевы минеи» 21, 60, 139, 178, 307, 310, 404 (см. также Мин.ноябрь, Мин. окт., Мин.сент.)

Biblia sacra Vulgata (BSV) 288, 343, 373

Kazania świętokrzyskie 198

King James Bible 296, 374

Septuaginta (LXX) 288, 292, 294–295, 343, 374

Lutherbibel 296, 374

TM 46, 294–295, 343, 374

Указатель сокращённых наименований источников, не имеющих специальных названий

АИ 64, 368
А.феод.землевл. и хоз. 161, 368
АЮБ 66, 368
Библ. (Рум.) 24, 158, 293–294, 296, 372
ДЗ2 250, 311, 315, 317, 322–323, 372
ДАИ 64, 255, 356, 368
Днев.зап.ПТД 64, 255, 368
Дон.д. 64, 368
Иер.Дам. 254, 368
Кн.прор. 39, 165, 372
Кн.прор.¹ 39, 165, 373
Кн.расх.Хлын. 64, 369
Мин.дек. 63, 136, 160, 370
Мин.ноябрь 55, 112, 178, 184, 271, 307, 370
Мин.окт. 29, 82, 283, 307, 370
Мин.сент. 21, 29, 36, 55, 60, 62, 155, 183, 276, 307, 338, 370
Мин.январь 276, 373
НБКМ 113 250, 340, 373
ОДНБ 1/4 311, 373
ОДНБ 1/5 311, 373
Пам.Кулик.цикла 161, 370
Пос.Елч. 64, 370
Псалт.толк.Феодорит 39, 300–302, 373
Пт37 180, 189, 202, 373
Пт72 270–271, 283–284, 373
Рим.имп.д. 64, 371
Рум445 см. «Око Церковное»
Са 70, 180, 196, 200, 201, 276, 309, 311–346, 373
Сев27 248, 251, 261, 373

Та 6, 37, 56, 62, 311–346, 172–173, 373
Унд75 282–288, 373
Хл166 283–284, 373
Δ17 333, 373
Cl 59, 328, 329, 340, 373
Cr12 345, 373
KalHym 280–281, 288, 374
MD 202, 242, 276, 310, 315–316, 317, 334, 338, 372
Sn630 312, 328–329, 374
Sn631 58, 328, 374
Sn631 58, 328, 374
Sn632 56, 59, 374
Sn562 332, 374

Указатель шифров рукописей, не имеющих специальных названий и сокращений

БАН (Библиотека Российской академии наук)

Арх.д., № 72 169

Арх.д., № 446 246, 267

16.13.54 172

34.7.6 68

ГИМ

Син. 219 169

Син. 247 250

Син. 319 164, 170

Чуд. 12 51

Хлуд. 164 145

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН

Собр. В. Н. Перетца, № 217 267

Музей Сербской Православной церкви (Белград)

Собр. Радослава Груйича, 3 — 1 — 65 137

РГАДА

ф. 181 (МГАМИД), № 279 см. Архивский хронограф

ф. 381 (Тип.), № 1 94

ф. 381 (Тип.), № 96 63, 136–137, 160

ф. 381 (Тип.), № 97 160

ф. 381 (Тип.), № 98 39

ф. 381 (Тип.), № 99 57, 157, 172

ф. 381 (Тип.), № 103 21, 57, 60, 172

ф. 381 (Тип.), № 110 57, 172

ф. 381 (Тип.), № 121 57, 92, 157, 172

ф. 381 (Тип.), № 122 146

ф. 381 (Тип.), № 125 см. Та

ф. 381 (Тип.), № 131 21

ф. 381 (Тип.), № 137 146, 164, 170

ф. 381 (Тип.), № 138 145, 172

РГБ

ф. 113 (Волок.), № 198 (596) 151

ф. 173/1 (МДА), № 35 247, 248

ф. 181 (Муз.), № 1257 247

РНБ

Греч. 227/II 68

Q. п. I. 12 68

Q I. 74 145

Указатель слов и форм

Церковнославянский и древнерусский

(в этой части указателя отсутствуют слова, описанные и прокомментированные в алфавитном порядке в одиннадцатом очерке; см. § 11.2)

- аки 45–46, 225, 228
асѹрь 87, 165
блаженьна 239
богородичинъ 239
божьничьныи (божьничныи братъ) 241
вѣдължаи 222, 239
вѣлкохищьныи 222, 228, 239
вѣрста 270–278
вѣздвигъ 242, 396
вѣсомогаи 237, 243
вѣтрило 313
гривьна 282–288, 366
диаконъ 325
диакъ 325
дѣмоунъ 168, 169
елѣа 267
еродовъ 76
етерь 205, 207
жеравъ 305
жератъкъ 305
жерети 305
животѣдавьць 239
жѣртѣва 298–306
жѣрѣти см. жерети
канонъ 242
кентурѣонъ 144
книгохранѣльнѣкъ 240
*кѣрки ‘церковъ’ 229
любы (любы частъна) 240
миринъ 170
мѣногомѣлостивъ, мѣногомѣлостивыи
244, 248–249, 251, 252
муринъ, мюринъ 170
несѣдально 248
олѣи 23, 266
отвѣтъвати 240
отгѣло 242
пастоухъ 242
плодъствиѣ 240
плѣтоподобозрачьнъ 328
плѣтоподобьнъ 328
полиелео 244, 248, 250, 252, 261, 269
полиелеосъ 244, 254–257, 269
полиели 249–250, 268
полѣлы 250
поросъплетеныи 240
послѣдѣкъ (на послѣдѣкъ) 323
потѣра 240
правило 312–313, 351, 366
приносъ 242
расчитаниѣ 241
рипидъ 240
скѣрбъ 45–47
стюденъць 63–66, 106
сѣвьрѣсть (сѣвьрѣсть) 276
сѣвьрѣстьница (сѣвьрѣстьница) 270–272
сѣвьрѣстьникъ (сѣвьрѣстьникъ) 271–272
соукомориѣ 143
сѣѣгло 205–206
сѣпрѣжа 270, 271
тлѣньникъ 240
то и (тои) ‘затем’ 241
треба 298–300, 302–306
требьникъ 242, 294, 303, 304
триѣжпостасънъ 161, 176, 364
трѣб- см. треб-

- τρῆτῃ 205–206
 τρυγυῶν 290–291, 296
 τῆ (частица и союз) 205, 207, 221, 240
 ντρο *см.* ουτρο
 οὐβῆτῃ 242
 οуникиа 240
 ουτρο (ντρο) 23, 143, 166 (*ср.* ютро)

- христосъ 263
 ютро 143 (*ср.* ουτρο)
 ци 230, 232, 236–238, 240–242
 цѣста 205–206
 чьстителъскыи 240
 ѡдрина 313

Греческий

- ἀγραυλέω 279
 ἀγριαίνω 335
 ἀγρυπνία 327, 400
 ἀδάμας 327
 ἀείζωος 329
 Αερμων 32, 169
 Αερμών 169
 ἄθλος 339
 ἀθλοτέτης 339
 Αίγυπτία 165
 ἀκάθιστος (ἀκάθιστος ὕμνος) 248
 *ἀκάθιστο 248
 ἀκτημοσύνη 312
 ἀλατόμητος 327
 ἀλογία 338
 ἄλογος 338
 ἄμεμπτος 327
 ἀνάπλασις 315
 ἀνεγκύω 322
 ἀνευφημεῖν 330
 ἀνοσιουργότροπος 312
 Ἄνθουσα 154
 ἀνοσιουργότροπος 312
 ἀντίθασσος 329
 ἀντιλαμβάνω 321
 ἀντιλήπτορ 338
 ἀντίπαλος 315, 329
 ἀξιέπαινος 320
 ἀποτομία 326
 ἀπότομος 326
 Ασσουρ 87, 165–166
 Ασσυρία 165–166
 ἀσσυρίος 165
 ἄφλεκτος 327
- βαδ, βαρ 341–342, 344
 Βουκόλος 154, 171
 γηπονέω 315
 διανύω 319
 διάκονος 162, 360
 διάστασις 334–334
 διατρανόω 329
 διπλοῖς 344
 δίστομος 327
 δροσισμός 328
 дуās 276
 δυσώνυμος 339
 δωδεκάριθμος 317
 ἐλαία 267
 ἔλαιον 245, 253, 261–264, 266–267, 269
 ἐλεινός 245, 266
 ἔλεος 245, 249, 252–253, 264, 268
 ἔκγονος 344
 ἐκκαθαίρω 323
 ἐποικοδομέω 332
 ἐπτά 336–337
 ἐπτάκλωνος 337
 ἐπτάκυκλος 336
 ἐργάζομαι 333
 Ερμων, Ἐρμών 169
 εὐθηνέω 314
 εὐκαρπός 315
 εὐκέλαδος 326
 εὐκλεῶς 319
 εὐλαβέομαι 321
 εὐώδης 262
 ἐφοῦδ 342, 344
 ἔφουδον 342

- εφωδ, εφοθ 342
 θαλασσοπόρος 325
 θεόκαρπος 315
 θεόπαις 313-314, 348
 θεοπειθής 315
 θεοτύπωτος 314
 θερμός 338
 θερμῶς 333
 θλάσις 333
 θῦμα 336
 ἱερατεία 342
 ἱερομάρτυρ 335
 ἱερομάρτυς 330, 335
 ἱερός 336
 ἰσουργός 333
 ἰστίον 312-313
 καλοποιέω 319
 κατεδαφίζω 327
 κατευνάζω 328
 κεντορίων, κεντυρίων, κεντουρίων 144
 λευίτης 323-324, 344
 λιμβίς 279-280, 282, 284, 287-288, 366
 λιμβός 281
 μακρόθεν 324
 μέλλω 322
 μερικός (μερική φιλία) 240
 μονάζω 316
 μυριόλεκτος 326
 μύρον 263
 νέκρωσις 325
 νόησις 332
 νυσταγμός 320
 οἰκειόω 328
 οἰκοδομέω 332
 οἰκοδομή 332
 οἰκοδόμημα 332
 οἰκοδομία 331-332
 ὁμόσκηνος 333
 ὁμοφρόνως 323
 ὀρθοδόξως 329
 ὀρθός 328, 331
 οὐρανόφρων 326
 πανάμωμος 157, 329-330
 πανασελγός 318
 παντουργικός 319
 παντουργός 317
 παρασκευάζω 332, 348
 περιτίθημι 329
 ποδήρης 342
 πολύαθλος 326
 πολυέλαιος 245-246, 254
 πολυέλεος 245-255, 268-269, 365
 πολυέλεον, τὸ 247-248, 254
 *πολυέλεο 248
 ποτήριον 240
 πόρρωθεν 333
 προεόρτια 331
 προξενέω 329
 προσάγω 328
 πρόθυμος 331
 προὔπαντάω 331
 πρωτοτόκος 330
 πυρκαϊά 328
 ῥιπίς 240
 ῥωμαλέως 317, 331
 σαρκόδομαι 329
 σαρκομοιόμορφος 328
 Σεραφίμ 181
 σκευωρέομαι 318
 σταθερῶς 339
 στολή 342
 συναυξάνομαι 340
 συνωθέω 334
 ὑακίνθινος 291-292, 295
 ὑπερθαύμαστος 330
 ὑπερύμνητος 329-330
 ὑπερφυῶς 330
 ὑποκλίνομαι 328
 ὕστερος (εἰς ὕστερον) 322
 φαιδρῶς 317
 φιλάγαθος 314
 φιλεργός 325
 φιλία (μερική φιλία) 240
 φιλόσαρκος 325
 φονοτρόπος 313, 317
 φρονέω 328
 φωστήρ 336-337
 φωταυγία 335
 φωτολαμπής 335
 χωρέω 317
 χρυσοστόλιτος 287
 ψευδός 325

Латинский

Assurium 165	maurus 170
assyр 165	misericordia (multus misericordia) 246
assyrius 165	oleum 23, 262, 266
levita 325	oliva 262
limbus 280–282, 288	olivum 262

Древневерхненемецкий

diacan 325	môr 170–171	olei 266
------------	-------------	----------

Древнееврейский

אֲפֹד ēpôd 341–343	מֵיֵל mə'îl 344
אֲשׁוּר 'aššur 165	מַשְׁיָהּ māšīah 263
בַּד bad 341–342	מִשָּׁה mšh 263
חֲרָמוֹן ḥrmôn 169	שָׁמוֹן (שֵׁמוֹן) 262–263
חֶסֶד (רַב חֶסֶד rab ḥesed) 246	תַּהַשׁ taḥaš 294–296

**Монгольские, тюркские, праалтайский,
финно-угорские (марийский)**

taγan 289	*tugul 290, 296
toγuš 290	*tugul' 296
tuγiš 290	тагаш (марийск.) 'молодой баран; коз- лёнок' 296
*tuγuš 291, 296	тугаш 290
*toklu 290	

Именной указатель

- Абрамович Д. И. 371
Аванесов Р. И. 110, 114, 118, 382
Алексеев А. А. 293, 382
Алексеев П. А. 245, 376
Алексеева Е. Л. 407
Амфилохий, архим. 308, 310
Ангелов Б. Ст. 395
Аникин А. Е. 376
П. В. Анненков 265
Антоний, архиеп. Новгородский (Добрыня Ядрейкович) 258
Арсений Каллуда 254
Арсений Суханов 255, 371
Атанасов А. 9, 389
Афанасьева Т. И. 52, 371, 382
Афиней 263
Афиногенов Д. Е. 147–148, 151–153, 279, 382
А. А. Ахматова 351–353, 366
Балшайтите Д. А. 115, 382
Баранкова Г. С. 45, 130, 168, 198, 382, 383
Баранов В. А. 177, 276, 310–311, 383
Бахилина Н. Б. 297, 383
В. Г. Белинский 265
Белокуров С. А. 368, 370
Бенешевич В. Н. 369
Бернштейн С. Б. 109, 190, 383
Бицевска К. 105, 383
А. А. Блок 354
Блохина Э. Д. 114, 383
П. Д. Боборыкин 265
Бобрик М. А. 1, 7, 383
Богатова Г. А. 397
Богдан Хмельницкий 200
А. И. Богданов 260
Богдановић Д. 380, 397
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. 245, 375
Борисенко В. В. 162, 383
Бояджиев А. 11,
Бутич I. 372
И. А. Бродский 160, 358
Будилович А. С. 1, 368, 398
Булаховский Л. А. 113
Бычков А. Ф. 9, 11–12, 145, 158, 165, 172–173, 361
Варбот Ж. Ж. 305, 383
Василевич А. П. 297, 383
свт. Василий Великий 205, 310, 344
Васильев В. М. 375
Васильев Л. Л. 109–111, 383
Васильев Лб. 380
Велев И. 390, 395, 396
Велчева Б. 16, 145, 166, 388
Верещагин Е. М. 39, 142, 143, 145, 199, 311, 338, 347, 370, 372, 383, 384
Видоески Б. 405
Вийтсо Т.-Р. 121, 383
Викторов А. Е. 380
св. Вит 305
Владимир Мономах 241
Владимилова Л. А. 370
С. А. Волков 356
Востоков А. Х. 291–293, 307–310, 370, 376, 380
Всеслав Полоцкий 258
св. Вячеслав Чешский 310
Гальченко М. Г. 136, 147, 214, 218, 384
Ганчева Н. 11–12, 410
Гаспаров М. Л. 144, 355, 358, 384
Георгий Скилица 385
А. И. Герцен 266
Гиппиус А. А. 7, 53, 237, 243, 384, 410
Гирденис А.-С. А. 116, 121

- Гольшенко В. С. 15, 26–27, 33–34, 36, 51, 73, 80, 94, 97, 110–111, 114, 133, 143, 145–147, 154–157, 168, 171–173, 371, 369, 371, 384
- Н. И. Гнедич* 262
- Горский А. В. 206, 293–294, 296, 385
- М. Горький* 260, 261
- Горяев Н. В. 245, 266, 385
- Гранде Б. М. 341, 385
- свт. Григорий Назианзин* 303, 344, 368
- Гринкова Н. П. 10, 385
- Грковић-Мејдор Ј. 391
- Гроздановић-Пајић М. 380
- Громова А. П. 109, 385
- Гълъбов И. 127–128, 385
- Даль В. И. 244–245, 257, 267, 273–275, 375
- Даничић Ђ. 201, 309, 375
- Даниэль М. А. 8
- Дворецкий И. Х. 375
- Демьянов В. Г. 261, 385
- Державина Е. И. 309, 397
- Джуери С. *см.* Ххуери С.
- Дзидзилис Х. 68, 385
- свт. Димитрий Ростовский* 325, 360
- Димитрова М. 406
- С. А. Диомидов* 256
- Дмитриевский А. А. 248, 250, 385
- Добрев И. 279, 385
- Добродомов И. Г. 7, 254, 292, 385
- Добрынина Э. Н. 400
- С. Д. Довлатов* 266
- Дограмаджиева Е. 250, 371, 385
- Дубровина В. Ф. 168, 371, 384
- Дубровский Н. 23, 94, 112, 131–132, 245, 311, 376
- Дукельский Н. И. 121, 386
- Дурново Н. Н. 1, 15, 19, 21, 28, 31, 41, 44, 46–48, 55–56, 69–70, 78, 81–83, 111–112, 133, 142–143, 160, 183, 190, 194, 386
- Дьяконов И. М. 341, 386
- Дьяченко Г., прот. 244–245, 252, 377
- Дыбо А. В. 291–292, 403
- Дюрен Ж. 128, 386
- мч. Евпл Катанский (Сицилийский)* 324–325, 334, 360, 403
- Ельчанинов А., свящ.* 354
- Евфимий Тырновский* 251
- Евфимий Чудовский* 254
- Евфросиния Полоцкая* 48–49
- Енин Г. Н. 380
- Ефимова В. С. 7, 347, 386
- Желтов М., свящ. 214, 240, 386
- Желязкова В. 11–12, 391, 395, 411
- Живов В. М. 11, 19, 21, 28, 73, 81, 92, 110–111, 114, 116, 133, 177, 194–195, 217, 349, 386, 411
- Жолобов О. Ф. 232–233, 386
- Жуковская Л. П. 16, 135, 370, 387
- В. А. Жуковский* 262
- Журавлёв А. Ф. 7, 387
- Журавлёв В. К. 53, 116, 118–119, 387
- Загребин В. М. 380, 393
- Заимов Й. 371
- Зализняк А. А. 9, 11, 15, 27–28, 30, 40–44, 53–55, 57, 62, 64, 73, 83, 135–136, 172, 178, 181–183, 188–189, 196–197, 211–212, 219, 221, 238–239, 258, 387
- Замятина Н. А. 39, 387
- Л. С. Запарина* 265
- Запольская Н. Н. 1, 387, 396
- Зиндер Л. Р. 116, 131, 387
- Зубова Л. В. 101, 113, 387
- Иванов В. В. 114, 387, 388
- Иванова-Мирчева Д. 191, 376, 388
- Ивановский Н. И. 371
- сщмч. Игнатий Богоносец* 344
- Икономова А. 380
- Илчев П. 16, 145, 166, 388
- Ильинский Г. А. 65, 388
- Иоаким, патриарх Московский* 259
- св. Иоанн Дамаскин* 173, 328
- свт. Иоанн Златоуст* 279, 281–282, 287, 302, 310, 366
- прп. Иоанн Рьльский* 385
- Иоанн, экзарх Болгарский* 300, 301, 302, 303, 304
- Иоанн Цимисхий* 256

- Иорданиди С. И. 47, 179, 181–183, 189, 231, 233, 312, 391
Исихий Иерусалимский 10, 342, 371
Истрин В. М. 372
 Йовчева М. 199, 207–209, 212–213, 345, 347, 388, 390, 395, 396, 410
 Јовановић Г. 137, 397
 Јовановић-Стипчевић Б. 380
 Калнынъ Л. Э. 67, 94, 96, 108–114, 116–117, 119–120, 188, 388
 Калугин В. В. 170, 388, 396
 Кандаурова Т. Н. 27, 388
 Капальдо М. 371
 Караджова Д. 380
 Карачорова И. 9–11, 388–389
 Каринский Н. М. 249, 389
 Карский Е. Ф. 15–16, 57, 69, 94, 133–134, 211, 215, 369, 389
А. В. Карташёв 358–360
 Карягина Л. Н. 57, 389
 Касаткин Л. Л. 109, 115, 120, 389
 Кацис Л. Ф. 358
Кирилл Туровский 267
Климент Александрийский 246, 264
сщмч. Климент, папа Римский 170
свт. Климент Охридский 71, 199, 204, 242, 350, 365, 383, 394, 401
Клосс М. Б. 369
 Князев С. В. 120, 389
 Князевская О. А. 15, 51, 69, 210, 371, 380, 389
 Князевская Т. Б. 384
 Коваль Н. С. 380
 Ковтун Л. С. 244, 246–248, 389
 Кодов Х. 37, 78, 134, 369, 380, 393
 Кожухаров С. 380
 Колесов В. В. 28–29, 31, 34, 44, 46, 65, 94, 109, 112, 127, 135, 137, 154, 156, 159, 161, 172, 174, 179, 182, 371, 389
А. М. Коллонтай 266
 Конески Б. 70, 105, 192–193, 389, 405
 Константин Багрянородный 254
Константин Болгарский 6, 26, 38–39, 50, 69, 71, 106, 163, 179–180, 183, 189, 194–196, 199, 200, 202–204, 206, 207, 211, 350, 361, 363, 365, 368, 401
Константин Великий, имп. 247, 264
св. Константин (Кирилл) Философ 123, 205, 271, 288, 302, 323, 334
 Коробенко Л. А. 371
св. Косма Маюмский 351, 402
 Котков С. И. 370, 372
 Коцева Е. 9, 389
 Кошелева О. Е. 380
 Кравецкий А. Г. 354, 372, 389
 Кралин М. М. 352
 Крашенинникова О. А. 372
 Крип'якевич І. 372
Ф. Д. Крюков 266
 Крысько В. Б. 7, 47, 61, 64, 70, 135, 161, 179, 181–183, 189, 199–200, 211, 221–222, 231–233, 242, 276, 279, 288, 310–312, 314, 320, 324, 329, 334–335, 338–341, 344–345, 347, 352, 369, 386, 390–391, 395, 397–398
 Кудрявцев Ю. С. 96, 391
 Кузнецов А. М. 47, 179, 181–183, 189, 312, 392
 Кузнецова И. К. 11, 23, 392
 Кузнецова С. Н. 297, 383
 Кульбакин С. М. 94, 101, 191, 386, 392, 405
 Кучкин В. А. 370
сщмч. Лаврентий 360
 Лавров П. А. 133, 392
 Ладыженский И. М. 18, 47, 54, 391, 392, 395
 Латышев В. В. 324, 405
 Леонид, арх. 369
Н. С. Лесков 260, 265
 Лефельдт В. 7
 Лёнигрен Т. П. 371
 Лисицын М., прот. 249, 392
 Литвина А. Ф. 8
 Лифшиц А. Л. 8, 21–22, 112, 392
 Лома А. 391
 Лопарёв Х. М. 371

- Лурье В. М. 8
Ляпон Н. В. 384
Ляпунов Б. М. 46, 178, 392
Макарцев М. М. 8, 193
Максимович К. А. 7, 82, 201, 208, 212, 247, 392, 406
Малев М. Г. 375
Малкова О. В. 113, 132, 392
Малыгина М. А. 266, 309, 312–313, 317–318, 392
Н. Я. Мандельштам 358, 360
О. Э. Мандельштам 355–360, 366
Мансветов И. Д. 252, 392
Марков В. М. 28, 177, 392
Махарадзе Н. А. 148, 393, 406
Медынцева А. А. 170, 392
П. И. Мельников-Печерский 256–257, 268
св. Мефодий Солунский 123, 205, 207, 302
Мец А. Г. 355, 358
Милетич Л. 193, 393
Минчева А. 369
Мищенко С. С. 297, 383
Мирчев К. 105, 369, 393
Н. К. Михайловский 265
Михеев С. М. 181–182, 393
Михельсон М. И. 265, 393
Мишина Е. А. 155, 369, 393, 369, 393
Младенов С. 4, 59, 125, 191, 393, 407
Младеновић А. 4, 125, 192, 393
Молдован А. М. 303, 382, 384, 391, 393, 396, 401
Момина М. А. 68, 393
Мошин В. 158, 251, 393
Мошкова Л. В. 380
Мурьянов М. Ф. 147, 159, 164, 170, 258, 263, 305, 309–311, 354, 391, 393–394, 370
Мушинская М. С. 369
В. В. Набоков 160, 349
Наум Охридский 71, 350, 399
Невоструев К. И. 16, 206, 385, 394
архиеп. Никодим (Хиландарский) 251, 370
Николаев С. Л. 53, 62, 114, 394
Николаева Т. М. 410
Николова С. 410
Никольский К., прот. 253, 394
Обнорский С. П. 184, 394
Оловянишников Н. 257–259, 261, 394
Ольшевская Л. А. 255, 394
Ориген 344, 404
Осокина Е. А. 376
Павлова Р. 369
Н. Падерин 256
Панкратова Н. П. 370
Панов М. В. 144, 394
Б. Л. Пастернак 144
Патруць И. 119, 395
Пауфошима Р. Ф. 115, 394
Пенкова П. 124, 127–128, 395
Пентковская Т. В. 196, 250–251, 395, 410
Пентковский А. М. 7, 199, 242, 249–251, 259, 278–279, 391, 394, 395
Пенькова Я. А. 238, 396
Петков П. 406
Пименова Н. Б. 8
Пичхадзе А. А. 7, 45, 130, 163, 177, 195, 199–200, 202, 204–207, 241–242, 293, 299, 382, 383, 396
Плетнёва А. А. 354, 389
Погорелов В. А. 371
Подольская Н. В. 257, 396
Подтергера И. А. 7
Поливанов Е. Д. 143, 396
св. Поликарп 305
Н. Г. Помяловский 265
Попов А. Н. 380
Попов Г. 40, 397
Попова Т. В. 397
Потебня А. А. 273–275, 396
Преображенский А. Г. 245, 259, 262, 376
Прокопенко Л. В. 391, 395
Пурковић М. А. 251, 393
А. С. Пушкин 267, 354
Пшеничнова Н. Н. 188, 397
Райков Б. 380

- Рахилина Е. В. 7, 8
 Родић Н. 137, 397
Роман, иером. 251
Роман Сладкопевец 282–283, 347, 354, 374, 404
 Романова Г. Я. 7, 292, 309, 385, 397
 Рыбаков Б. А. 370
 Рябова Е. В. 178
свт. Савва Сербский 250
 Сазонова Л. И. 396
М. Е. Салтыков-Щедрин 266
прор. Самуил 134, 212, 340–344
 Селищев А. М. 36, 68, 133, 143, 161, 190–191, 196, 197, 397
 Сидоров В. Н. 92, 397
сщмч. Сикст 360
Симеон Метафраст 325
Симеон, архиеп. Фессалоникийский 264, 325
 Симић П. 137, 397
 Скабалланович М. Н. 248–249, 253, 397
 Славова Т. 299, 303, 397
 Славятинская М. Н. 149, 397
 Соболевский А. И. 28, 46, 48–53, 64–66, 135, 141–142, 150, 156, 160–161, 361, 391, 397–398
 Соколов П. И. 245, 375
 Соколова М. А. 23, 398
 Соколова Т. П. 66, 398
 Сперанский М. Н. 12, 398
 Срезневский И. И. 11, 55, 206, 240, 291, 297, 309, 375, 398
 Станчев К. 396, 410
Стефан, првмч. 324, 360
 Страхов А. Б. 27, 36, 105, 146, 149, 153–155, 158–159, 161, 170, 391, 398–399
 Струве Н. А. 359
 Суботин-Голубовић Т. 250, 399
 Судник Т. М. 48, 399
 Супрун А. Е. 384
 Тасева Л. 395, 410
 Темчин С. Ю. 279, 399
 Тихова М. 196–197, 368, 399
 Тодоров А. 11–13, 72–73, 83, 102, 399
 Толстая С. М. 117, 121, 256, 399
 Толстой Н. И. 46, 399
 Томашевская З. Б. 352
 Томовић Г. 57, 399
 Тот И. см. Tóth I.
 Тотоманова А.-М. 128, 400
 Травников С. Н. 255
 Трубачёв О. Н. 128, 376, 400
 Трубецкой Н. С. 1, 42, 44, 117, 349, 400, 409
 Тупиков Н. М. 161, 296, 400
 Турилов А. А. 15, 49, 51, 152, 284, 372, 380, 400
Ф. И. Тютчев 354
 Унбегаун Б. О. 66, 153, 161, 163, 296, 400
 Успенский Б. А. 1, 6, 18, 21, 28, 56, 70, 72, 111, 116, 132–133, 152–154, 183, 218, 229, 294, 371, 391, 400–401
 Успенский Н. Д. 258–259, 401
 Успенский Ф. Б. 241, 391, 401
 Уханова Е. В. 50–52, 57, 60, 179, 368, 400–401
 Учаев З. В. 375
 Ушаков Д. Н. 376
 Федосюк Ю. А. 153, 401
св. Феодор Студит 164, 326
Феодорит Кирский 10–11, 39, 300–302, 344, 371
прп. Феодосий Печерский 255
прп. Феофан Начертанный 305
 Филин Ф. П. 50, 96, 178, 182, 189, 401
 Фортунатов Ф. Ф. 133, 401
 Хабургаев Г. А. 69–70, 109, 133, 401
 Харлампиев И. 191, 388
 Хориков И. П. 375
 Христова Б. 380
 Христова В. 11, 401
 Христова-Шомова И. 203, 310, 350, 401, 406, 408
 Цейтлин Р. М. 298–299, 303, 376, 401
 Цернић Л. 380
 Цонев Б. 380
 Чекман В. Н. 115, 117–120, 401–403
 Черепнин Л. В. 368

- Черных П. Я. 375
 Чернышёва М. И. 7–8, 148–150, 169, 247, 307, 309, 313, 347, 397, 402
А. П. Чехов 265
 Чигоја Ж. 370
 Чэкман В. М. см. Чекман В. Н.
 Шаламова А. Н. 66, 136, 265
 Шахматов А. А. 28, 46, 48, 54–56, 61, 65, 96, 108, 110, 113, 182, 402
 Шварц Е. М. 380
 Шевелёва М. Н. 49, 241, 318, 402
 Шевельов Ю. см. Shevelov G.
 Шило Г. Ф. 115, 402
А. Шмеман, протопресв. 256
 Штавьланин-Ђорђевић Љ. 380
 Щепкин В. Н. 15, 31, 67–68, 127, 130, 133, 148, 197, 198, 402
 Щёголева Л. И. 313, 402
Эсхил 262
М. В. Юдина 356
 Ягич В. см. Jagić V.
 Якобсон Р. О. 110, 118, 404
 Янин В. Л. 9, 11, 387
 Δημητράκος Δ. 377
 Δετοράκη Θ. 351, 402
 Εύστρατιάδης Σ. 353, 380
 Καλαμάκη Δ. 374
 Κριαράς Ε. 377
 Aitzetmüller R. 378, 385
 Aland, K. et B. 374, 377
 Altbauer M. 371
 von Arnim B. 10, 33, 125, 191, 402
 Balz H. 377
 Bartoněk A. 169, 402
 Bauer W. 377
 Berger T. 404, 410
 Bezljaj F. 377
 Birkfellner G. 381
 Birnbaum H. 1–4, 10, 94, 119, 192, 310, 383, 408
 Blahová E. 376
 Brenner A. 263, 403
 Briggs C. 377
 Brock O. 116, 402
 Bromiley G. W. 379
 Brown C. 378
 Brown F. 377
 Browning R. 149, 153, 402
 Brückner A. 379
 Bunčić D. 410
 Burgmann L. 406
Gaius Valerius Catullus 144, 262
 Chantraine P. 377
 Christians D. 313, 334, 339, 350, 352, 379, 390, 396, 399, 402–403
 Clark C. 381
 Cox C. E. 407
 Crane G. 377
 Czekman W. см. Чекман В. Н.
 Dell'Agata G. 410
 Delehaye H. 324, 403
 Devresse R. 380
 Diels P. 3–4, 33, 59, 61, 69–70, 117, 126, 129, 144, 146, 150–151, 154, 163, 166, 170, 190–192, 210–211, 232, 403
 Dindelegan G. 119, 403
 Dostál A. 368, 369
 Driver S. R. 377
 Du Cange D. 377
 Du Fresne C. 377
 Dürriegl M.-A. 407
 Ehler Ch. 407
 Eynikel E. 377
 Elliger K. 374
 Fishmann J. A. 5, 403
 Franchi de' Cavalleri P. 324, 403
 Friedrich G. 379
 Funk F. X. 344, 403
 Gadžijeva S. 135, 197, 384, 403
 Gallucci E. 198, 403
 Gardthausen V. 380
 Gau M. 310, 407
 Georges K. 378
 Gerhardt D. 405
 Gerov B. 145, 147, 151, 403
 Gesenius W. 377
 Goldblatt H. 410
 Granberg A. 292, 403
 Grannes A. 377

- Gribble C. E. 28, 403
Grosdidier de Matons J. 347, 404
Grünenthal O. 410
Gryson R. 373
Gutschmidt K. 404, 410
Halkin F. 377
Hamm J. 408
Hannick Ch. 249, 279, 310, 328, 351, 403, 408
Hansack E. 404
Hatzidakis G. N. 148–150, 403
Hauge K. R. 377
Hauptová Z. 38, 403
Hausie K. 377
Horálek K. 117, 119, 403
Hübner P. 150–153, 162, 403
Hürner D. 310, 407
Hüttl-Worth G. 310, 404
Issatschenko A. 182, 404
Jagić V. 3, 21, 33–34, 36, 43, 47, 55–56, 60, 144, 146, 163, 166, 178–179, 298, 303, 307, 308, 310, 369, 370, 402, 404
Jakobson R. см. Якобсон P. O.
Jireček J. 308
Jonge M., de. 263, 404
Jurewicz O. 169, 404
Kapović M. 148, 404
Keipert H. 1–3, 5, 347–350, 354, 365, 366, 403, 404, 410
Keller F. 279, 405
Kempgen S. 404, 410
Kiparsky V. 109, 405
Kittel G. 379
Klostermann E. 344, 404
Kloss H. 5, 405
Koder J. 347, 405
Komarek M. 118, 405
Kopitar J. 5, 371
Koschmal W. 404
Koschmieder E. 109, 116, 119, 310–311, 405
Kosta P. 404, 410
Kovačević A. 197, 403
Krajčovič R. 119, 405
Krašovec J. 405
Kulik A. 264, 405
Kurz J. 368
Kutsch E. 263, 405
Lampe G. W. H. 378
Laymon C. M. 378
Lauritzen F. 149–150, 405
Le Feuvre C. 47, 405
Lehmann V. 404
Leskien A. 2, 22, 61, 123, 129, 141, 190–191, 405
Lilja S. 262–263, 406
Lunt H. G. 1–2, 11, 13–14, 21, 28, 60, 89, 101, 103, 105, 111, 128–129, 141, 190, 196, 371, 406
Lust J. 377
Lutzka C. 314, 328–329, 408
Maas P. 374
MacRobert C. 9, 11, 12, 406
Majtán M. 378
Mańczak-Wohlfeld E. 403
Mareš F. 38, 40, 42, 44, 117, 119, 406
Margulíes A. 129, 134, 209, 406
Marti R. 3, 8, 27, 38–44, 69, 72, 122, 124, 127, 134, 195, 209, 406–407
Martl J. 385
Matejić P. 372
McNeill E. 263, 409
Meillet A. 119, 190, 392
Menges K. 385
Migne J.-P. 374
Mihaljević M. 197, 403, 407
Mihanovich A. 308
Miklas H. 27, 40, 42, 71, 72, 96, 133, 171–172, 284, 310, 380, 393, 406–407
Miklosich F. 270, 275, 291, 307–309, 378
Miller D. G. 155, 407
Mimouni S. C. 320, 407
Mitsakis K. 347, 407
Mladenov S. 59, 132, 191, 407
Molnár N. 347, 407
Moskovich W. 410
Muçaj S. 199, 394

- Mulder J. 409
Muraoka T. 342, 408
Muzurillo H. 324, 408
Nahtigal R. 288, 303, 371, 408
Nautin P. 344, 404
Nedeljković O. 41, 408
Neweklowsky G. 408
Nuorluoto J. 34, 41, 102, 123–127, 134, 154, 408
Nübler N. 404
Oblak V. 211, 408
Onasch K. 253, 408
Otrębski J. 115–116, 408
Palmer L. 248, 408
Pape W. 377
Petrovici E. 119, 395, 396
Picchio R. 1, 350, 396, 410
Pitra J.-B. 279–280, 287, 279, 374
Plank P. 314, 328–329, 408
Podolak B. 403
Popović I. 70, 193, 408
Popovskij J. 113, 136, 370, 408
Požar S. 197, 403
Rahlfs A. 165, 374, 408
Reicke B. 377
Reinhart J. 7, 30, 58, 197, 203, 206, 213, 292, 397, 403, 408
Renkopf F. 379
Ribarova Z. 310, 408
Ristani I. 394
Rocchi A. 381
Rosetti A. 119, 408
Rost L. 377
Rothe H. 368, 369, 370, 372, 378, 399
Roty R. 253, 408
Rudolf W. 374
Sadnik L. 378, 385
Schaefer U. 407
Schaeken J. 1–4, 10, 27, 94, 123, 190, 192, 310, 409
Schirò G. 373
Schmalstieg W. 109, 116, 119, 121, 408
Schneider G. 377
Schumann K. 347, 409
Schuster-Šewc H. 377
Shevelov G. 46–47, 49, 54, 119, 124–125, 132, 409
Shoemaker S. J. 320, 409
Silvestre J. B. 371
Skok P. 377
Smułkowa E. 115, 402
Snoj M. 379
Sontheimer W. 378
Sophocles E. A. 377
Steinke K. 193, 409
Stern D. 369, 372, 378, 396
Stichel R. 279
Sülleymanoğlu H. 377
Šafárik P. J. 308
Šimić M. 197, 403
Škaljić A. 162, 409
Tarnanidis I. 371, 381
Taube M. 410
Taylor W. R. 263, 409
Tkadlčík V. 41, 409
Tomelleri V. S. 396
Tov E. 342, 409
H. Tóth I. 11, 12, 23, 46, 73, 78, 94, 112, 113, 133, 134, 135, 400
Trapp E. 369
Trost K. 406
Trunte N. 410
Trypanis C. 374
Udolph L. 404
Völkl E. 406
Wedel E. 406
Ylli Xh. 409
Vaillant A. 3–4, 33, 36, 59, 101–102, 141, 148, 161, 190–191, 196–197, 204, 205, 213, 325, 383, 409
Vachek J. 194, 410
Vasmer M. 65, 70, 147, 150, 154, 161, 162, 245, 289, 291, 376, 378, 401, 410
Večerka R. 196–197, 376, 404, 410
Veder W. 38–42, 44, 163, 410
Velčić F. 407
Vondrák W. 2, 61, 117, 124–125, 129, 190, 196–197, 211, 410
Vince J. 197, 403

-
- Voss Ch. 150, 395, 410
Vrana J. 41, 410
Vuletić N. 148
Weiher E. 5, 298, 410
Weintraub V. 405
Wellesz E. 328, 410
Wijk N. van. 3, 36, 78, 101, 114, 116,
118-119, 177, 133, 383, 410
Worth D. S. 15, 24, 41, 310, 410-411
Wöhler A. 370, 372
Xhyeri S. 394
Ylli Xh. 193, 409
Zheljazkova V. см. Желязкова В.
Ziegler K. 378
Ziffer G. 2, 325, 411
zum Winkel H.-J. 405

Роман Николаевич Кривко

Очерки языка древних церковнославянских рукописей

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым
Художественное оформление переплёта И. Н. Ермолаева

Издательство «Индрик»
INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside
Russia and CIS countries. This book as well other INDRIK publications
may be ordered by E-Mail: indric@mail.ru

Подписано в печать 01.12.2015. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 600 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «Белый ветер».
115093 Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru>

